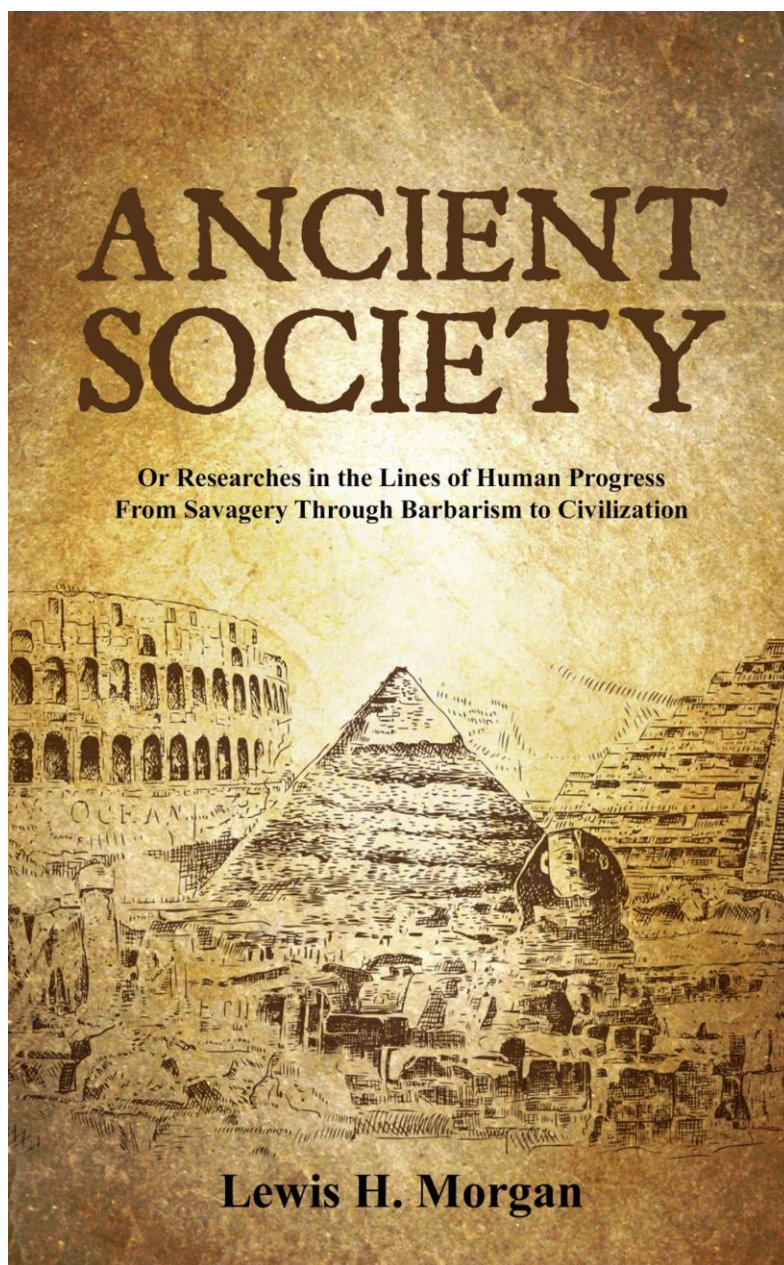

Древнее общество или исследования в направлении
прогресса человечества от дикости через варварство
к цивилизации

Льюис Х. Морган

ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО Или Исследования путей человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации

ЛЬЮИС Х. МОРГАН

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧАСТЬ I Рост интеллекта за счет изобретений и открытий

ГЛАВА I Этнические периоды

ГЛАВА II Искусство выживания

ГЛАВА III Соотношение человеческого прогресса

ЧАСТЬ II. РОСТ ИДЕИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

ГЛАВА I Организация общества по половому признаку

ГЛАВА II Род ирокезов

ГЛАВА III Ирокезская фратрия

ГЛАВА IV Племя ирокезов

ГЛАВА V Конфедерация ирокезов

ГЛАВА VI Роды в других племенах семьи Гановани

ГЛАВА VII Конфедерация ацтеков

ГЛАВА VIII Греческий род

ГЛАВА IX Греческая фратрия, племя и нация

ГЛАВА X Институт Греческого политического общества

ГЛАВА XI Римский род

ГЛАВА XII Римская курия, племя и *Populus*

ГЛАВА XIII Институт римского политического общества

ГЛАВА XIV Изменение происхождения по женской линии к мужской

ГЛАВА XV Роды в других племенах Человеческой Семьи

ЧАСТЬ III. РАЗВИТИЕ ИДЕИ СЕМЬИ

ГЛАВА I Древний Род

ГЛАВА II Кровная семья

ГЛАВА III Семья Пуналуан

ГЛАВА IV Синдиазматические и патриархальные семьи

ГЛАВА V Моногамная семья

ГЛАВА VI Последовательность институтов, связанных с семьей

ПРИМЕЧАНИЕ. “Первобытный брак” мистера Дж. Ф. Макленнана.

ЧАСТЬ IV РАЗВИТИЕ ИДЕИ СОБСТВЕННОСТИ

ГЛАВА I Три правила наследования

ГЛАВА II Три правила наследования—Продолжение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая древность существования человечества на земле была окончательно установлена. Кажется странным, что доказательства были обнаружены совсем недавно, в течение последних тридцати лет, и что нынешнее поколение должно быть первым, кто осознал столь важный факт.

Теперь известно, что человечество существовало в Европе в ледниковый период и даже после его начала, со всей вероятностью, что оно возникло в более раннюю геологическую эпоху. Они пережили многие расы животных, с которыми были современниками, и прошли через процесс развития в нескольких ветвях человеческого семейства, столь же замечательный по своим течениям, как и по своему прогрессу.

Поскольку вероятная продолжительность их карьеры связана с геологическими периодами, ограниченный промежуток времени исключается. Сто или двести тысяч лет были бы нетравматичной оценкой периода от исчезновения ледников в северном полушарии до настоящего времени. Какие бы сомнения ни сопровождали любую оценку периода, действительная продолжительность которого неизвестна, существование человечества неизмеримо отстает в прошлое и теряется в обширной и глубокой древности.

Это знание существенно меняет взгляды, которые преобладали относительно отношений дикарей к варварам и варваров к цивилизованным людям. Теперь, опираясь на убедительные доказательства, можно утверждать, что дикость предшествовала варварству у всех племен человечества, как варварство, как известно, предшествовало цивилизации. История человеческой расы едина по истокам, едина по опыту, едина по прогрессу.

Это естественное и уместное желание узнать, если возможно, как все эти века прошлого времени были потрачены человечеством; как дикари, продвигаясь медленными, почти незаметными шагами, достигли более высокого состояния варваров; как варвары, благодаря подобному прогрессивному развитию, в конце концов достигли цивилизации; и почему другие племена и нации отстали в гонке прогресса — одни в цивилизации, другие в варварстве, а третьи в дикости. Не стоит слишком сильно ожидать, что в конечном итоге будут даны ответы на эти несколько вопросов.

Изобретения и открытия стоят в последовательных отношениях вдоль линий человеческого прогресса и регистрируют его последовательные стадии; в то время как социальные и

гражданские институты, в силу их связи с постоянными человеческими потребностями, были развиты из нескольких первичных зародышей мысли. Они демонстрируют схожий прогресс. Эти институты, изобретения и открытия воплотили и сохранили основные факты, которые сейчас остаются иллюстрацией этого опыта. При сопоставлении они, как правило, демонстрируют единство происхождения человечества, сходство человеческих потребностей на одной и той же стадии развития и единообразие операций человеческого разума в сходных условиях общества.

На протяжении последней части периода дикости и всего периода варварства человечество в целом было организовано в роды, фратрии и племена. Эти организации преобладали во всем древнем мире, на всех континентах, и были инструментами, с помощью которых организовывалось и удерживалось вместе древнее общество. Их структура и отношения как членов органического ряда, а также права, привилегии и обязанности членов рода, фратрии и племени иллюстрируют рост идеи правления в человеческом сознании. Основные институты человечества возникли в дикости, были развиты в варварстве и достигают зрелости в цивилизации.

Подобным же образом семья прошла через последовательные формы и создала великие системы кровного родства, которые сохранились до настоящего времени. Эти системы, которые фиксируют отношения, существовавшие в семье в тот период, когда каждая система соответственно формировалась, содержат поучительный отчет об опыте человечества в то время, когда семья продвигалась от кровнородственной, через промежуточные формы, к моногамной.

Идея собственности претерпела аналогичный рост и развитие. Начавшись с нулевого уровня дикости, страсть к обладанию собственностью как средство накопления средств к существованию в настоящее время стала доминирующей в человеческом разуме цивилизованных рас.

Четыре класса фактов, указанных выше и которые параллельными линиями простираются вдоль путей человеческого прогресса от дикости к цивилизации, составляют основные темы обсуждения в этом томе.

Есть одна сфера труда, в которой у нас, американцев, есть особый интерес, а также особая обязанность. Как ни богат Американский континент материальными благами, он также является самым богатым из всех континентов этнологическими, филологическими и археологическими материалами, иллюстрирующими великий период варварства. Поскольку человечество было единым по происхождению, их жизненный путь был по существу единым, протекая по разным, но единообразным каналам на всех континентах, и очень схожим образом у всех племен и наций человечества вплоть до одинакового уровня развития. Отсюда следует, что история и опыт племен американских индейцев представляют собой, более или менее близко, историю и опыт наших собственных отдаленных предков, когда они находились в соответствующих условиях. Являясь частью истории человечества, их институты, искусство, изобретения и практический опыт обладают высокой и особой ценностью, выходящей далеко за рамки самой индийской расы.

Когда их обнаружили, племена американских индейцев представляли три различных этнических периода, причем более полно, чем они были представлены где-либо еще на земле в то время. Материалы по этнологии, филологии и археологии предлагались в несравненном изобилии; но поскольку эти науки едва существовали до нынешнего столетия и в настоящее время лишь слабо изучаются у нас, рабочие были не в состоянии выполнять эту работу. Более того, в то время как ископаемые останки, погребенные в земле, сохраняются

для будущего студента, остатки индийских искусств, языков и институтов - нет. Они гибнут ежедневно, и гибнут уже более трех столетий. Этническая жизнь индейских племен приходит в упадок под влиянием американской цивилизации, их искусство и языки исчезают, а их институты распадаются. Еще через несколько лет факты, которые сейчас можно собрать с легкостью, станет невозможно раскрыть. Эти обстоятельства настоятельно призывают американцев выйти на это великое поле и собрать его обильный урожай.

Рочестер, штат Нью-Йорк, март 1877 года.

ЧАСТЬ I

Рост интеллекта за счет изобретений и открытий

ГЛАВА I

Этнические периоды

Последние исследования, касающиеся раннего состояния человеческой расы, приводят к выводу, что человечество начало свой путь в самом низу лестницы и проделало свой путь от дикости к цивилизации путем медленного накопления экспериментальных знаний.

Поскольку нельзя отрицать, что часть человеческой семьи существовала в состоянии дикости, другая часть - в состоянии варварства, а третья часть - в состоянии цивилизации, в равной степени представляется, что эти три различных состояния связаны друг с другом в естественной и необходимой последовательности прогресса. Более того, то, что эта последовательность исторически верна для всей человеческой семьи, вплоть до статуса, достигнутого соответственно каждой ветвью, становится вероятным из-за условий, при которых происходит весь прогресс, и известного продвижения нескольких ветвей семьи через два или более из этих условий.

На следующих страницах будет предпринята попытка представить дополнительные доказательства грубости раннего состояния человечества, постепенной эволюции его умственных и моральных сил на основе опыта и их длительной борьбы с препятствиями на пути к цивилизации. Отчасти это будет почерпнуто из великой последовательности изобретений и открытий, которая тянется вдоль всего пути человеческого прогресса; но главным образом из внутренних институтов, которые выражают рост определенных идей и страстей.

По мере того как мы вновь поднимаемся по нескольким линиям прогресса к первобытным эпохам человечества и устраним одно за другим, в том порядке, в котором они появились, изобретения и открытия, с одной стороны, и институты - с другой, мы становимся способными осознать, что первые стоят друг против друга в прогрессивных, а вторые - в развивающихся отношениях. В то время как первый класс имел связь, более или менее прямую, вторые развились из нескольких первичных зародышей мысли. Современные институты пускают свои корни в период варварства, в который их зародыши были

перенесены из предыдущего периода дикости. Они происходили по прямой линии на протяжении веков, с потоками крови, а также логическим развитием.

Таким образом, наше внимание привлекают два независимых направления исследований. Одно ведет через изобретения и открытия, а другое - через первичные институты. Обладая знаниями, полученными на основе этого, мы можем надеяться указать на основные этапы человеческого развития. Доказательства, которые будут приведены, будут взяты главным образом из отечественных институтов; ссылки на достижения более строго интеллектуального характера являются общими, а также второстепенными.

Факты указывают на постепенное формирование и последующее развитие определенных идей, страстей и устремлений. Те из них, которые занимают наиболее заметное положение, могут быть обобщены как ростки конкретных идей, с которыми они по отдельности связаны. Помимо изобретений и открытий, к ним относятся следующие:

I.	Subsistence,	V.	Religion,
II.	Government,	VI.	House Life and Architecture,
III.	Language,	VII.	Property.
IV.	The Family,		

Первый. Средства к существованию увеличивались и совершенствовались благодаря ряду последовательных искусств, внедрявшихся через длительные промежутки времени и более или менее непосредственно связанных с изобретениями и открытиями.

Второй. Зародыш правительства следует искать в организации в роды, находящиеся на стадии дикости, и проследить за развитием форм этого института вплоть до установления политического общества.

Третье. Человеческая речь, по-видимому, развилась из самых грубых и простых форм выражения. Язык жестов, как указывает Лукреций, должен был предшествовать членораздельному языку, как мысль предшествовала речи. Односложное предшествовало слоговому, как последнее предшествовало конкретным словам. Человеческий интеллект, не подозревающий о замысле, развил членораздельный язык, используя вокальные звуки. Этот важный предмет, представляющий собой отдельную область знаний, не входит в рамки настоящего исследования.

Четвертый. Что касается семьи, то этапы ее развития воплощены в системах кровного родства и близорукости, а также в обычаях, связанных с браком, посредством которых в совокупности семью можно определенно проследить через несколько последовательных форм.

Пятое. Развитие религиозных идей сопряжено с такими внутренними трудностями, что оно может никогда не получить совершенно удовлетворительного изложения. Религия в такой степени имеет дело с воображением и эмоциональной природой и, следовательно, с такими неопределенными элементами знания, что все примитивные религии гротескны и в какой-то степени непонятны. Эта тема также не входит в план данной работы, за исключением случаев, когда она может вызвать случайные предложения.

Шестое. Архитектура дома, которая связывает себя с формой семьи и планом домашней жизни, представляет собой достаточно полную иллюстрацию прогресса от дикости к цивилизации. Его рост можно проследить от хижины дикаря, через общинные дома варваров, до дома единой семьи цивилизованных наций, со всеми последовательными звеньями, посредством которых одна крайность связана с другой. Эта тема будет замечена случайно.

Наконец. Идея собственности медленно формировалась в человеческом сознании, оставаясь зарождающейся и слабой на протяжении огромных периодов времени. Возникнув в условиях дикости, она потребовала всего опыта этого периода и последующего периода варварства, чтобы развить зародыш и подготовить человеческий мозг к принятию ее контролирующего влияния. Его преобладание как страсти над всеми другими страстями знаменует начало цивилизации. Оно не только привело человечество к преодолению препятствий, задерживавших цивилизацию, но и к созданию политического общества на основе территории и собственности. Критическое понимание эволюции идеи собственности воплотило бы, в некоторых отношениях, самую замечательную часть ментальной истории человечества.

Моей целью будет представить некоторые свидетельства человеческого прогресса по этим нескольким направлениям и в течение последовательных этнических периодов, о чем свидетельствуют изобретения и находки, а также рост идей правительства, семьи и собственности.

Здесь можно предположить, что все формы правления сводимы к двум общим планам, используя слово "план" в его научном значении. По своим основаниям они принципиально различны. Первый, в порядке возрастания, основан на личностях и чисто личных отношениях и может быть выделен как общество (*societas*). Род является единицей этой организации; в качестве последовательных стадий интеграции в архаический период выделяются род, фратрия, племя и конфедерация племен, которые составляли народ или нацию (*populus*). В более поздний период объединение племен на одной территории в нацию сменилось конфедерацией племен, занимавших независимые территории. Таковой на протяжении долгих веков, после появления рода, была по существу универсальная организация древнего общества; и она оставалась у греков и римлян после того, как возникла цивилизация. Второе основано на территории и собственности и может быть выделено как государство (*civitas*). Населенный пункт или округ, ограниченный метрами и границами, с находящейся в нем собственностью, является основой или единицей последнего, а результатом является политическое общество. Политическое общество организовано по территориальным признакам и имеет дело как с собственностью, так и с людьми посредством территориальных отношений. Последовательными этапами интеграции являются городок или округ, который является организационной единицей; округ или провинция, которая представляет собой совокупность поселков или приходов; и национальная область или территория, которая представляет собой совокупность округов или провинций; население каждого из которых организовано в политическую структуру. Грекам и римлянам, после того как они обрели цивилизацию, пришлось в меру своих способностей изобрести демию, или поселение, и городскую опеку; и таким образом ввести в действие второй великий план правления, который сохраняется среди цивилизованных наций по сей день. В древнем обществе этот территориальный план был неизвестен. Когда он появился, он установил границу между древним и современным обществом, поскольку различие будет признано на этих страницах.

Далее можно заметить, что домашние институты варваров и даже первобытных предков человечества все еще представлены в некоторых частях человеческой семьи с такой полнотой, что, за исключением строго примитивного периода, несколько стадий этого прогресса относительно хорошо сохранились. Они проявляются в организации общества по признаку пола, затем по признаку рода и, наконец, по признаку территории; в сменяющих друг друга формах брака и семьи с созданными таким образом системами кровного родства; в домашней жизни и архитектуре; и в прогрессе обычаев владения и наследования собственности.

Теория деградации человека, объясняющая существование дикарей и варваров, больше не выдерживает критики. Это произошло как следствие космогонии Моисея и было принято из предполагаемой необходимости, которой больше не существует. Как теория, она не только неспособна объяснить существование дикарей, но и не опирается на факты человеческого опыта.

Отдаленные предки арийских народов предположительно прошли через опыт, аналогичный опыту существующих варварских племен. Хотя опыт этих народов содержит всю информацию, необходимую для иллюстрации периодов цивилизации, как древней, так и современной, а также частично более позднего периода варварства, их предшествующий опыт должен быть выведен, в основном, из прослеживаемой связи между элементами их существующих институтов и изобретений и подобными элементами, все еще сохранившимися у диких племен.

В заключение можно отметить, что опыт человечества протекал почти по одинаковым каналам; что человеческие потребности в сходных условиях были по существу одинаковыми; и что операции ментального принципа были одинаковыми в силу специфической идентичности мозга всех человеческих рас. Это, однако, лишь часть объяснения единообразия результатов. Зачатки основных институтов и искусств жизни были развиты, когда человек был еще дикарем. В очень значительной степени опыт последующих периодов варварства и цивилизации был использован при дальнейшем развитии этих первоначальных концепций. Везде, где на разных континентах можно проследить связь между существующим институтом и общим зародышем, подразумевается происхождение самих людей от общего исходного происхождения.

Обсуждению этих нескольких классов фактов будет способствовать установление определенного числа этнических периодов, каждый из которых отражает особое состояние общества и отличается особым образом жизни, присущим ему одному. Термины “Каменный век”, “Бронзовый” и “Железный”, введенные датскими археологами, были чрезвычайно полезны для определенных целей и останутся таковыми для классификации предметов древнего искусства; но прогресс знаний привел к необходимости других подразделений. Каменные орудия труда не были полностью отброшены в сторону с появлением орудий труда из железа или бронзы. Изобретение процесса выплавки железной руды положило начало этнической эпохе, однако мы едва ли могли бы датировать другую, начиная с производства бронзы. Более того, поскольку период каменных орудий перекрывает период бронзовых и железных орудий, и поскольку период бронзовых орудий также перекрывает период железных орудий, они не поддаются описанию, которое оставило бы каждое независимым и обособленным.

Вполне вероятно, что последовательно возникавшие через длительные промежутки времени искусства добывания средств к существованию, в конечном счете, благодаря тому огромному влиянию, которое они, должно быть, оказывали на состояние человечества,

послужат наиболее удовлетворительным основанием для такого разделения. Но исследование в этом направлении продвинулось недостаточно далеко, чтобы получить необходимую информацию. При наших нынешних знаниях главный результат может быть достигнут путем отбора таких других изобретений или открытий, которые позволят провести достаточные тесты прогресса, чтобы охарактеризовать начало последовательных этнических периодов. Несмотря на то, что эти периоды приняты как временные, они будут сочтены удобными и полезными. Будет установлено, что каждый из тех, которые будут предложены, охватывает отдельную культуру и представляет определенный образ жизни.

Период дикости, о ранней части которого известно очень мало, можно условно разделить на три подпериода. Они могут быть названы соответственно Старшим, Средним и Поздним периодами дикости; и состояние общества в каждом из них, соответственно, может быть обозначено как Низший, Средний и Высший статус дикости.

Подобным образом период варварства естественным образом делится на три подпериода, которые будут называться соответственно Старшим, Средним и Поздним периодом варварства; и состояние общества в каждом из них, соответственно, будет обозначаться как Низший, Средний и Высший статус варварства.

Трудно, если не невозможно, найти такие критерии прогресса, отмечающие начало этих нескольких периодов, которые были бы признаны абсолютными в их применении и без исключений на всех континентах. Для данной цели также не обязательно, чтобы исключений не существовало. Будет достаточно, если основные племена человечества можно будет классифицировать в соответствии со степенью их относительного прогресса по условиям, которые можно признать отличными.

I. Низший статус дикости.

Этот период начался с младенчества человеческой расы и, можно сказать, закончился приобретением средств к существованию из рыбы и знанием использования огня. Человечество тогда жило в своей первоначальной ограниченной среде обитания и питалось фруктами и орехами. К этому периоду относится зарождение членораздельной речи. К историческому периоду не сохранилось ни одного примера племен человечества в таком состоянии.

II. Средний уровень дикости.

Это началось с добывания пропитания рыбой и знания использования огня, а закончилось изобретением лука и стрел. Человечество, находясь в таком состоянии, распространилось из своей первоначальной среды обитания на большую часть поверхности Земли. Среди племен, которые все еще существуют, он останется на Среднем уровне дикости, например, у австралийцев и большей части полинезийцев, когда их обнаружат. Будет достаточно привести один или несколько примеров каждого статуса.

III. Высший уровень дикости.

Это началось с изобретения лука и стрел и закончилось изобретением гончарного искусства. Это оставляет на Высшем уровне Дикости племена атапасков на территории Гудзонова залива, племена долины Колумбии и некоторые прибрежные племена Северной и Южной Америки; но по отношению ко времени их открытия. На этом заканчивается период Дикости.

IV. Более низкий статус варварства.

Учитывая все обстоятельства, изобретение или практика гончарного искусства, вероятно, является наиболее эффективным и убедительным тестом, который может быть выбран для определения границы, обязательно произвольной, между дикостью и варварством. Различие этих двух состояний давно признано, но до сих пор не было выдвинуто никакого критерия перехода от первого ко второму. Таким образом, все такие племена, которые никогда не овладевали искусством гончарного дела, будут классифицироваться как дикари, а те, кто владеет этим искусством, но никогда не овладевал фонетическим алфавитом и не умел пользоваться письменностью, будут классифицироваться как варвары.

Первый подпериод варварства начался с изготовления керамики, будь то путем оригинального изобретения или заимствования. При определении его окончания и начала Среднего статуса возникает трудность, связанная с неравными возможностями двух полушарий, которые начали оказывать влияние на человеческие дела после того, как период дикости прошел. Однако она может быть достигнута путем принятия эквивалентных мер. В Восточном полушарии одомашнивание животных и в Западном - выращивание кукурузы и растений путем орошения, а также использование саманного кирпича и камня в строительстве домов были выбраны в качестве достаточных свидетельств прогресса для перехода от Низшего к Среднему состоянию варварства. Это оставляет, например, в более низком статусе индейские племена Соединенных Штатов к востоку от реки Миссури и такие племена Европы и Азии, которые практиковали гончарное искусство, но не имели домашних животных.

V. Средний уровень варварства.

Все началось с одомашнивания животных в Восточном полушарии, а в Западном - с выращивания растений с помощью орошения и использования саманного кирпича и камня в архитектуре, как показано на рисунке. Его прекращение может быть зафиксировано изобретением процесса выплавки железной руды. Это относит к Среднему статусу, например, деревенских индейцев Нью-Мексико, Мексики, Центральной Америки и Перу, а также такие племена в Восточном полушарии, которые владели домашними животными, но не имели представления о железе. Древние бритты, хотя и были знакомы с использованием железа, справедливо относились к этой связи. Соседство с более развитыми континентальными племенами продвинуло искусство жизни среди них далеко за пределы уровня развития их домашних институтов.

VI. Высший статус варварства.

Это началось с производства железа, а закончилось изобретением фонетического алфавита и использованием письменности в литературных произведениях. Здесь начинается цивилизация. Таким образом, в Высшем статусе остаются, например, греческие племена гомеровской эпохи, итальянские племена незадолго до основания Рима и германские племена времен Цезаря.

VII. Состояние цивилизации.

Она началась, как уже говорилось, с использования фонетического алфавита и создания литературных записей и делится на древнюю и современную. В качестве эквивалента могут быть допущены иероглифические письмена на камне.

RECAPITULATION.			
Periods.		Conditions.	
I.	Older Period of Savagery,	I.	Lower Status of Savagery,
II.	Middle Period of Savagery,	II.	Middle Status of Savagery,
III.	Later Period of Savagery,	III.	Upper Status of Savagery,
IV.	Older Period of Barbarism,	IV.	Lower Status of Barbarism,
V.	Middle Period of Barbarism,	V.	Middle Status of Barbarism,
VI.	Later Period of Barbarism,	VI.	Upper Status of Barbarism,
VII. Status of Civilization			
I.	Lower Status of Savagery,	From the Infancy of the Human Race to the commencement of the next Period.	
II.	Middle Status of Savagery,	From the acquisition of a fish subsistence and a knowledge of the use of fire, to etc.	
III.	Upper Status of Savagery,	From the Invention of the Bow and Arrow, to etc.	
IV.	Lower Status of Barbarism,	From the Invention of the Art of Pottery, to etc.	
V.	Middle Status of Barbarism,	From the Domestication of animals on the Eastern hemisphere, and in the Western from the cultivation of maize and plants by Irrigation, with the use of adobe-brick and stone, to etc.	
VI.	Upper Status of Barbarism,	From the Invention of the process of Smelting Iron Ore, with the use of iron tools, to etc.	
VII.	Status of Civilization,	From the Invention of a Phonetic Alphabet, with the use of writing, to the present time.	

Каждый из этих периодов имеет особую культуру и демонстрирует образ жизни, более или менее особый и свойственный только ему самому. Такая специализация этнических периодов позволяет рассматривать конкретное общество в соответствии с состоянием его относительного развития и делать его предметом независимого изучения и обсуждения. Это не влияет на главный результат, заключающийся в том, что разные племена и нации на одном континенте и даже одной языковой семьи находятся в разных условиях в одно и то же время, поскольку для нашей цели состояние каждого из них является материальным фактом, а время несущественно.

Поскольку использование керамики менее важно, чем использование домашних животных, железа или фонетического алфавита, использовавшегося для обозначения начала последующих этнических периодов, следует указать причины его принятия. Изготовление керамики предполагает деревенскую жизнь и значительный прогресс в простых искусствах.¹ Кремневые и каменные орудия древнее керамики, остатки первых были найдены в древних хранилищах во многих случаях без сопровождения последних. Последовательность изобретений, более востребованных и приспособленных к более низким условиям, должна была произойти до того, как почувствовалась нехватка керамики. Начало деревенской жизни с определенной степенью контроля над средствами к существованию, деревянные сосуды и утварь, пальцевое плетение из волокон коры, плетение корзин и лук со стрелами появляются раньше гончарного искусства. Деревенские индейцы, находившиеся на

среднем уровне варварства, такие как зуньяны, ацтеки и чолуланцы, производили керамику в больших количествах и во многих формах значительного совершенства; частично деревенские индейцы Соединенных Штатов, находившиеся на более низком уровне варварства, такие как ирокезы, чокты и чероки, производили ее в меньших количествах и в ограниченном количестве форм; но индейцы, не занимавшиеся садоводством, которые находились в состоянии дикости, такие как атапасканцы, племена Калифорнии и другие. из долины Колумбии, были невежественны в его использовании.² В "Доисторические времена" Лаббока, в "Ранней истории человечества" Тайлора и в "Человеческих расах" Пешеля сведения, касающиеся этого искусства, и масштабы его распространения были собраны с поразительной широтой исследований. Оно было неизвестно в Полинезии (за исключением островов тонганцев и фиджийцев), в Австралии, Калифорнии и на территории Гудзонова залива. М-р Тайлор отмечает, что "искусство ткачества было неизвестно на большинстве островов, удаленных от Азии", и что "на большинстве островов Южного моря не знали гончарного дела".³ Преподобный Лоример Фисон, английский миссионер, проживающий в Австралии, сообщил автору в ответ на запросы, что "у австралийцев не было ни тканых тканей, ни керамики, и они ничего не знали о луке" и стрела. Этот последний факт был справедлив и в отношении полинезийцев в целом. Внедрение керамического искусства положило начало новой эпохе в развитии человечества в направлении улучшения условий жизни и повышения бытовых удобств. В то время как кремневые и каменные орудия, появившиеся раньше и потребовавшие длительного периода времени для развития всех видов их применения, дали каноэ, деревянные сосуды и утварь и, в конечном счете, древесину и доски в архитектуре домов,⁴ керамика дала прочный сосуд для варки пищи, которая до этого изготавливалась грубо в корзинах, обмазанных глиной, и в земляных углублениях, выстланных кожей, при этом варка производилась с помощью нагретых камней.⁵

Был поставлен вопрос о том, была ли керамика аборигенов закалена огнем или отверждена простым процессом сушки. Профессор Э. Т. Кокс из Индианаполиса показал, сравнив анализы древней керамики и гидравлических цементов, "что по химическому составу она (керамика) очень хорошо согласуется с составом гидравлических камней". Далее он отмечает, что "вся керамика, относящаяся к эпохе строительства курганов, которую я видел, состоит из наносной глины и песка или смеси первой с измельченными пресноводными раковинами. Паста, приготовленная из такой смеси, обладает в высокой степени свойствами гидравлического пуццуолана и портландцемента, так что сформованные из нее сосуды затвердевали без обжига, как это принято в современной керамике. Осколки раковин использовались в качестве гравия или фрагментов камня, которые в настоящее время используются в сочетании с гидравлической известью для изготовления искусственного камня".⁶ Состав индийской керамики по аналогии с составом гидравлического цемента указывает на трудности на пути изобретения этого искусства, а также имеет тенденцию объяснять запоздалость его внедрения в ходе человеческого опыта. Несмотря на остроумное предположение профессора. Кокс, вполне вероятно, что керамика была закалена искусственным нагревом. В некоторых случаях этот факт подтверждается напрямую. Так, Адэр, говоря о племенах Персидского залива, отмечает, что "они делают глиняные горшки самых разных размеров, вмещающие от двух до десяти галлонов, большие кувшины для переноски воды, чаши, блюда, подносы, тазики и огромное количество других сосудов таких устаревших форм, которые было бы утомительно описывать и невозможно назвать. Их метод глазировки заключается в том, что они обжигают их на большом огне из дымящейся сосновой смолы, что делает их гладкими, черными и твердыми".⁷

Другим преимуществом установления определенных этнических периодов является направление специального исследования на те племена и нации, которые наилучшим образом отражают каждый статус, с целью придания каждому из них как стандартного, так и иллюстративного характера. Некоторые племена и семьи были оставлены в географической изоляции для решения проблем прогресса с помощью первоначальных умственных усилий; и, следовательно, сохранили свои искусства и институты чистыми и однородными; в то время как искусства и институты других племен и наций были искажены внешним влиянием. Таким образом, в то время как Африка была и остается этническим хаосом дикости и варварства, Австралия и Полинезия пребывали в первозданности, чистой и незатейливой, с присущими этому состоянию искусствами и институтами. Аналогичным образом, индейская семья Америки, в отличие от любой другой существующей семьи, являла собой пример состояния человечества в три последовательных этнических периода. Находясь в безмятежном владении огромным континентом, имея общее происхождение и однородные институты, они проиллюстрировали, когда их обнаружили, каждое из этих состояний, и особенно состояния Низшего и Среднего уровня варварства, более детально и полно, чем любая другая часть человечества. Индейцы крайнего севера и некоторые прибрежные племена Северной и Южной Америки находились в Высшем статусе дикости; частично деревенские индейцы к востоку от Миссисипи находились в Более Низком статусе варварства, а деревенские индейцы Северной и Южной Америки находились в Среднем статусе. Такая возможность получить полную и мельчайшую информацию о ходе человеческого опыта и прогрессе в развитии своих искусств и институтов в этих последовательных условиях не предоставлялась в течение всего исторического периода. Следует добавить, что он был незначительно улучшен. Наши самые большие недостатки относятся к последнему названному периоду.

Различия в культуре одного и того же периода в Восточном и Западном полушариях, несомненно, существовали вследствие неодинаковой обеспеченности континентов; но состояние общества соответствующего статуса должно было быть в основном существенно сходным.

Предки греческих, римских и германских племен прошли через указанные нами стадии, в разгар последней из которых на них упал свет истории. Их выделение из неразличимой массы варваров произошло, вероятно, не ранее начала Среднего периода варварства. Опыт этих племен был утрачен, за исключением того, что представлено институтами, изобретениями и открытиями, которые они принесли с собой и которыми обладали, когда впервые попали под историческое наблюдение. Греческие и латинские племена гомеровского и ромулианского периодов представляют собой наивысший пример Высшего статуса варварства. Их институты также были чистыми и однородными, а их опыт напрямую связан с конечным достижением цивилизации.

Итак, начиная с австралийцев и полинезийцев, затем с племен американских индейцев и заканчивая римлянами и греками, которые представляют собой высшие примеры соответственно шести великих стадий человеческого прогресса, можно справедливо предположить, что сумма их совместного опыта отражает путь человеческой семьи от среднего состояния дикости до конца древней цивилизации. Следовательно, арийские нации найдут тип состояния своих отдаленных предков, когда они находились в состоянии дикости, у австралийцев и полинезийцев; когда они находились на более Низком уровне варварства, у частично деревенских индейцев Америки; и когда они находились в Среднем статусе, у деревенских индейцев, с чем их собственный опыт пребывания в Высшем Статусе напрямую связан. Искусства, институты и образ жизни на всех континентах настолько по существу идентичны, что архаичную форму основных домашних институтов греков и римлян

даже сейчас следует искать в соответствующих институтах американских аборигенов, как будет показано в ходе изучения этой книги. Этот факт является частью накапливающихся свидетельств, стремящихся показать, что основные институты человечества развились из нескольких первичных зародышей мысли; и что ход и манера их развития были предопределены, а также ограничены в узких пределах дивергенции естественной логикой человеческого разума и необходимыми ограничениями его возможностей. Было обнаружено, что прогресс по существу одинаков у племен и наций, населяющих разные и даже разъединенные континенты, при одинаковом статусе, с отклонениями от единообразия в отдельных случаях, вызванными особыми причинами. Этот аргумент, если его расширить, имеет тенденцию устанавливать единство происхождения человечества.

Изучая положение племен и наций в эти несколько этнических периодов, мы, по существу, имеем дело с древней историей и положением наших собственных отдаленных предков.

ГЛАВА II

Искусство выживания

Важный факт, что человечество начало с нижней ступени лестницы и продвинулось вверх, экспрессивно раскрывается в их последовательных искусствах выживания. От их мастерства в этом направлении зависел весь вопрос о превосходстве человека на земле. Человечество - единственные существа, о которых можно сказать, что они получили абсолютный контроль над производством пищи, которым с самого начала они не обладали по сравнению с другими животными. Без расширения базы жизнеобеспечения человечество не смогло бы распространиться на другие территории, не обладающие такими же видами пищи, и, в конечном счете, по всей поверхности земли; и, наконец, без получения абсолютного контроля как над ее разнообразием, так и над количеством, оно не смогло бы размножиться в густонаселенные нации. Соответственно, вероятно, что великие эпохи человеческого прогресса были более или менее непосредственно связаны с расширением источников существования.

Мы можем выделить пять из этих источников пищи человека, созданных с помощью того, что можно назвать множеством последовательных искусств, одно накладывается на другое и осуществляется через длительные промежутки времени. Первые два возникли в период дикости, а последние три - в период варварства. Они следующие, указанные в порядке их появления:

I. Естественное питание плодами и корнями в ограниченной среде обитания.

Это предположение возвращает нас к строго примитивному периоду развития человечества, когда немногочисленные, простые в средствах к существованию и занимавшие ограниченные территории, они только начинали свою новую карьеру. Нет ни искусства, ни института, которые можно было бы отнести к этому периоду; и только одно изобретение, изобретение языка, которое может быть связано со столь отдаленной эпохой. Указанный вид средств к существованию предполагает тропический или субтропический климат. В таком климате, по общему согласию, была создана среда обитания первобытного человека. В плодовых и орехоплодных лесах под тропическим солнцем мы привыкли и не без оснований считать, что наши прародители начали свое существование.

Расы животных предшествовали человеческой расе в порядке времени. Мы вправе предположить, что они были в расцвете своей силы и численности, когда впервые появилась человеческая раса. Поэты—классики изображали племена людей, живущих в рощах, в пещерах и в лесах, за обладание которыми они спорили с дикими зверями⁸, в то время как они поддерживали себя самопроизвольными плодами земли. Если человечество начинало свой путь без опыта, без оружия и в окружении свирепых животных, не исключено, что они, по крайней мере частично, питались древесной печенью в качестве средства защиты и безопасности.

Поддержание жизни посредством постоянного добывания пищи является огромным бременем, налагаемым на существование всех видов животных. По мере того как мы спускаемся по шкале структурной организации, средства к существованию становятся все более и более простыми на каждой стадии, пока тайна окончательно не исчезнет. Но по восходящей шкале это становится все труднее, пока не будет достигнута высшая структурная форма, форма человека, когда она достигает максимума. С этого момента интеллект становится более заметным фактором. Животная пища, по всей вероятности, вошла в потребление человека с очень раннего периода; но был ли активный поиск этой пищи, когда человечество было по существу плодоядным на практике, хотя и всеядным по структурной организации, должно оставаться предметом догадок. Этот способ пропитания относится к строго первобытному периоду.

II. Рыбное пропитание.

Рыбу следует признать первым видом искусственной пищи, потому что она не была полностью доступна без приготовления. Не исключено, что для этой цели впервые использовали огонь. Рыба была универсальна в распространении, неограниченна в поставках и являлась единственным доступным видом пищи во все времена. Злаки в первобытный период все еще были неизвестны, если они вообще существовали, а охота на дичь была слишком рискованной, чтобы когда-либо стать исключительным средством существования человека. Благодаря этому виду пищи человечество стало независимым от климата и местности; и, следуя по берегам морей, озер и течением рек, могло, находясь в диком состоянии, расселиться по большей части земной поверхности. О факте этих миграций в изобилии свидетельствуют остатки кремневых и каменных орудий, свидетельствующих о состоянии дикости, обнаруженных на всех континентах. Полагаясь на фрукты и спонтанное пропитание, переселение из первоначальной среды обитания было бы невозможно.

Между завозом рыбы, за которым последовали названные широкие миграции, и выращиванием мучных продуктов прошел огромный промежуток времени. Он охватывает большую часть периода дикости. Но в течение этого периода произошло значительное увеличение разнообразия и количества пищи. Такие, например, как хлебные корни, приготовленные в наземных печах, и в постоянном добавлении дичи за счет улучшения оружия, и особенно за счет лука и стрел.⁹ Это замечательное изобретение, появившееся после боевой дубинки-копья и давшее первое смертоносное оружие для охоты, появилось поздно, в эпоху дикости. Он был использован, чтобы отметить начало его Повышения Статуса. Оно, должно быть, оказало мощное восходящее влияние на древнее общество, находясь в таком же отношении к периоду дикости, как железный меч к периоду варварства, а огнестрельное оружие к периоду цивилизации.

Из-за ненадежности всех этих источников пищи, за пределами крупных рыбных районов, каннибализм стал ужасным прибежищем человечества. Древняя универсальность этой практики постепенно демонстрируется.

III. Мучное пропитание путем выращивания.

Теперь мы покидаем Дикость и переходим на более низкий уровень варварства. Выращивание злаков и растений было неизвестно в Западном полушарии, за исключением племен, вышедших из состояния дикости; и, по-видимому, оно было неизвестно в Восточном полушарии до тех пор, пока племена Азии и Европы не прошли через Низший уровень и не приблизились к завершению Среднего уровня варварства. Это дает нам тот удивительный факт, что американские аборигены, находившиеся на более низком уровне варварства, овладели садоводством на целый этнический период раньше, чем жители Восточного полушария. Это было следствием неравных возможностей двух полушарий; восточное обладало всеми животными, приспособленными к одомашниванию, за исключением одного, и большей частью злаков; в то время как на Западе был только один злак, пригодный для выращивания, но самый лучший. Это имело тенденцию продлевать более древний период варварства в первом случае и сокращать его во втором; и с преимуществом условий в этот период в пользу американских аборигенов. Но когда наиболее развитые племена Восточного полушария в начале среднего периода варварства приручили животных, которые давали им мясо и молоко, их состояние, без знания злаков, было намного выше, чем у американских аборигенов соответствующего периода с кукурузой и растениями, но без домашних животных. Выделение семитских и арийских семей из массы варваров, по-видимому, началось с приручения животных.

О том, что открытие и выращивание злаков арийской семьей произошло после одомашнивания животных, свидетельствует тот факт, что в нескольких диалектах арийского языка есть общие термины для обозначения этих животных, и нет общих терминов для злаков или культурных растений. Моммзен, показав, что домашние животные имеют одинаковые названия на санскрите, греческом и латыни (которые Макс Мюллер впоследствии распространил на остальные арийские диалекты¹⁰), доказав таким образом, что они были известны и предположительно одомашнены до отделения этих народов друг от друга, продолжает следующим образом: “С другой стороны, у нас пока нет определенных доказательств существования сельского хозяйства в этот период. Язык скорее благоприятствует негативному взгляду. Из латино-греческих названий зерна ни одно не встречается в санскрите, за единственным исключением *zea*, которое филологически представляет санскритское *uavas*, но по-индийски обозначает ячмень; по-гречески пишется как полба. Действительно, следует признать, что это разнообразие в названиях культурных растений, которое так сильно контрастирует с существенным согласием в названиях домашних животных, не исключает абсолютно предположения об общем первоначальном земледелии. Выращивание риса у индийцев, пшеницы и полбы у греков, ржи и овса у германцев и кельтов - все это можно проследить до общей системы первоначальной обработки почвы”.¹¹ Этот последний вывод напрашивается сам собой. Садоводство предшествовало полевой культуре, как сад (*hortos*) предшествовал полю (*ager*); и хотя последнее подразумевает границы, первое непосредственно означает “замкнутое пространство”. Обработка почвы, однако, должна была быть старше, чем огороженный сад; естественным порядком была, во-первых, обработка участков открытой наносной земли, во-вторых, огороженных пространств или садов и, в-третьих, поля с помощью плуга, влекомого силой животного. Предшествовало ли выращивание таких растений, как горох, фасоль, репа, пастернак, свекла, тыква и дыня, одного или нескольких из них, выращиванию злаковых, у

нас в настоящее время нет возможности узнать. В некоторых из них есть общие термины на греческом и латыни; но наш выдающийся филолог, профессор У. Д. Уитни, заверил меня, что ни в одном из них нет общего термина ни на греческом, ни на латыни, ни на санскрите.

Садоводство, по-видимому, возникло скорее из потребностей домашних животных, чем из потребностей человечества. В Западном полушарии оно началось с кукурузы. Эта новая эра, хотя и не была синхронной для двух полушарий, оказала огромное влияние на судьбу человечества. Есть основания полагать, что требуются века, чтобы освоить искусство выращивания и сделать мучнистую пищу основной пищей. Поскольку в Америке это привело к локализации и к деревенской жизни, оно имело тенденцию, особенно среди деревенских индейцев, заменять рыбу и дичь. Более того, благодаря злакам и культурным растениям человечество получило свое первое представление о возможности изобилия пищи.

Приобретение мучнистой пищи в Америке и домашних животных в Азии и Европе были средством избавления обеспеченных таким образом передовых племен от бедствия каннибализма, который, как уже говорилось в другом месте, и есть основания полагать, что он практиковался повсеместно на протяжении всего периода дикости по отношению к захваченным врагам, а во время голода - к друзьям и сородичам. Каннибализм на войне, практикуемый воюющими сторонами в полевых условиях, сохранился среди американских аборигенов не только на Низшем, но и на Среднем уровне варварства, как, например, у ирокезов и ацтеков; но общая практика исчезла. Это убедительно иллюстрирует огромную важность постоянного увеличения количества продуктов питания для улучшения условий жизни человечества.

IV. Пропитание мясом и молоком.

Отсутствие в Западном полушарии животных, приспособленных к одомашниванию, за исключением ламы,¹² и специфические различия в злаковых культурах двух полушарий оказали важное влияние на относительное развитие их обитателей. Хотя это неравенство дарований было несущественным для человечества в период дикости и не проявлялось в своих последствиях на более низком уровне варварства, оно имело существенное значение для той части населения, которая достигла Среднего статуса. Одомашнивание животных обеспечивало постоянное пропитание мясом и молоком, что, как правило, отличало племена, владевшие ими, от массы других варваров. В Западном полушарии мясо было ограничено ненадежными запасами дичи. Это ограничение в отношении основных видов пищи было неблагоприятным для деревенских индейцев и, несомненно, в достаточной степени объясняет меньший размер мозга у них по сравнению с мозгом индейцев, находящихся на более низком уровне варварства. В Восточном полушарии приручение животных позволило бережливым и трудолюбивым людям обеспечить себя постоянным запасом животной пищи, включая молоко; целебное и бодрящее влияние которой на расу, и особенно на детей, было, несомненно, замечательным. По крайней мере, можно предположить, что арийские и семитские семьи обязаны своими выдающимися способностями тому огромному размаху, с которым, насколько нам известно, они отождествляли себя с поддержанием численности домашних животных. Фактически, они включили их, мясо, молоко и мышцы, в свой жизненный план.¹³ Ни одна другая семья человечества не делала этого в равной степени, а арийцы делали это в большей степени, чем семиты.

Одомашнивание животных постепенно ввело новый образ жизни, пастушеский, на равнинах Евфрата и Индии, а также в степях Азии; на границах той или другой из них одомашнивание животных, вероятно, было осуществлено впервые. К этим областям их в равной степени

относят их древнейшие традиции и их история. Таким образом, их тянуло в регионы, которые были так далеки от того, чтобы быть колыбелью человеческой расы, это были области, которые они не заняли бы как дикари или как варвары на более низком уровне варварства, для которых лесные массивы были естественным домом. Привыкнув к пастушеской жизни, ни одна из этих семей, должно быть, не могла вернуться в лесные районы Западной Азии и Европы со своими стадами, не научившись сначала выращивать некоторые злаки, которыми можно прокормить последние, вдали от травянистых равнин. Поэтому, как уже говорилось, представляется чрезвычайно вероятным, что выращивание злаков возникло из-за потребностей домашних животных и в связи с этими миграциями на запад; и что употребление мучнистой пищи этими племенами было следствием приобретенных таким образом знаний.

В Западном полушарии аборигены смогли продвинуться в целом до более низкого уровня варварства, а часть из них - до Среднего, без домашних животных, за исключением ламы в Перу, и питаясь одним злаком - кукурузой с добавками бобовых, тыквы и табака, а в некоторых районах - какао, хлопка и перца. Но кукуруза, из-за ее произрастания на холмах, что благоприятствовало прямому возделыванию, из-за ее пригодности как в зеленом, так и в спелом виде, а также из-за высокой урожайности и питательных свойств, была более богатым вкладом в развитие раннего человечества, чем все другие злаки, вместе взятые. Это служит объяснением замечательного прогресса, которого достигли американские аборигены без домашних животных; перуанцы добыли бронзу, которая по порядку времени стоит рядом с процессом выплавки железной руды.

V. Неограниченное существование за счет полевого земледелия.

Домашние животные, дополняющие человеческие мышцы животной силой, внесли свой вклад в создание нового фактора высочайшей ценности. Со временем производство железа привело к появлению плуга с железным наконечником, а также более совершенных лопаты и топора. Из них, а также из предшествующего садоводства, возникло полевое земледелие; а с ним, впервые, неограниченные средства к существованию. Плуг, влекаемый силой животного, можно рассматривать как открытие нового искусства. Теперь, впервые, пришла мысль о том, чтобы сократить площадь лесов и возделывать обширные поля.¹⁴ Более того, теперь стало возможным создание плотной популяции на ограниченных территориях. До появления полевого сельского хозяйства маловероятно, чтобы полмиллиона человек были развиты и содержались вместе под властью одного правительства в какой-либо части земли. Если исключения и имели место, то они, должно быть, были результатом скотоводческой жизни на равнинах или садоводства, улучшенного за счет орошения, в особых и исключительных условиях.

На протяжении этих страниц возникнет необходимость поговорить о семье в том виде, в каком она существовала в разные этнические периоды; ее форма в один период иногда полностью отличается от ее формы в другой. В части III эти несколько форм семьи будут рассмотрены особо. Но поскольку они будут часто упоминаться в следующей части, их следует, по крайней мере, определить заранее для сведения читателя. Они заключаются в следующем:

I. Кровная семья.

Она была основана на смешанных браках братьев и сестер в одной группе. В древнейшей из существующих систем кровного родства, малайской, все еще сохранились свидетельства,

указывающие на то, что эта первая форма семьи в древности была столь же универсальной, как и созданная ею система кровного родства.

II. Семья Пуналуан.

Его название происходит от гавайского происхождения Пуналуа. Она была основана на смешанных браках нескольких братьев с женами друг друга в группе; и нескольких сестер с мужьями друг друга в группе. Но термин "брат" в том виде, в каком он используется здесь, включал первых, вторых, третьих и даже более отдаленных кузенов мужского пола, все из которых считались братьями друг другу, как мы считаем собственных братьев; а термин "сестра" включал первых, вторых, третьих и еще более отдаленных кузин женского пола, все из которых были сестрами друг другу, как и собственные сестры. Эта форма семьи возникла после кровнородственной. Она создала туранскую и ганованскую системы кровного родства. И эта, и предыдущая форма относятся к периоду дикости.

III. Семья синдиазмов.

Этот термин происходит от syndyazo - соединять, syndyasmos - соединять двоих вместе. Он был основан на соединении мужчины с женщиной в форме брака, но без исключительного сожителства. Это был зародыш моногамной семьи. Развод или раздельное проживание оставалось на усмотрение как мужа, так и жены. Эта форма семьи не смогла создать систему кровного родства.

IV. Патриархальная семья.

Она была основана на браке одного мужчины с несколькими женами. Этот термин здесь используется в ограниченном смысле для определения особой семьи еврейских скотоводческих племен, вожди и главные мужчины которых практиковали полигамию. Она оказывала лишь незначительное влияние на человеческие дела из-за отсутствия универсальности.

V. Моногамная семья.

Он был основан на браке одного мужчины с одной женщиной с исключительным правом совместного проживания; последнее составляло существенный элемент этого института. Это в высшей степени семья цивилизованного общества, и поэтому она была по существу современной. Эта форма семьи также создала независимую систему кровного родства.

В других местах будут представлены доказательства, свидетельствующие как о существовании, так и об общей распространенности этих нескольких форм семьи на разных этапах человеческого прогресса.

ГЛАВА III

Соотношение человеческого прогресса

Полезно составить представление об относительном объеме и соотношении человеческого прогресса в несколько названных этнических периодах, объединив достижения каждого из них и сравнив их друг с другом как отдельные классы фактов. Это также позволит нам составить некоторое представление об относительной продолжительности этих периодов.

Чтобы сделать его убедительным, такой обзор должен быть общим и носить характер перепросмотра. Она также должна быть ограничена основными произведениями каждого периода.

Прежде чем человек смог бы достичь цивилизованного состояния, необходимо было, чтобы он овладел всеми элементами цивилизации. Это подразумевает поразительную перемену состояния, сначала от первобытного дикаря к варвару низшего типа, а затем от последнего к греку гомеровского периода или к еврею времен Авраама. Прогрессивное развитие, зафиксированное историей в период цивилизации, было не менее верно для человека в каждый из предыдущих периодов.

Возвращаясь по нескольким линиям человеческого прогресса к примитивным эпохам существования человека и устраняя одно за другим его основные институты, изобретения и открытия в том порядке, в котором они появились, прогресс, достигнутый в каждый период, будет реализован.

Основными достижениями современной цивилизации являются электрический телеграф; угольный газ; прядильная машина; и ткацкий станок с электроприводом; паровой двигатель с его многочисленными зависимыми механизмами, включая локомотив, железную дорогу и пароход; телескоп; открытие весомости атмосферы и солнечной системы; искусство книгопечатания; шлюз на канале; компас моряка; и порох. Будет обнаружено, что масса других изобретений, таких, например, как пропеллер Ericsson, зависят от того или иного из тех, что названы предшественниками: но есть исключения, такие как фотография и многочисленные машины, на которые необязательно обращать внимание. Вместе с ними также должны быть удалены современные науки; свобода вероисповедания и обычные школы; представительная демократия; конституционная монархия с парламентами; феодальное королевство; современные привилегированные классы; международное, статутное и общее право.

Современная цивилизация восстановила и впитала в себя все ценное, что было в древних цивилизациях, и хотя ее вклад в совокупность человеческих знаний был огромным, блестящим и быстрым, он далеко не настолько непропорционально велик, чтобы затмить древние цивилизации и низвести их до сравнительной незначительности.

Минуя средневековый период, давший готическую архитектуру, феодальную аристократию с наследственными титулами и иерархию во главе с папой римским, мы вступаем в римскую и греческую цивилизации. Они будут признаны несовершенными в великих изобретениях и открытиях, но выдающимися в искусстве, философии и органических институтах. Основными достижениями этих цивилизаций были имперское и королевское правление; гражданское право; христианство; смешанное аристократическое и демократическое правление с сенатом и консулами; демократическое правление с советом и народным собранием; организация армий в кавалерию и пехоту с военной дисциплиной; создание военно-морских сил с практикой ведения морских войн; образование больших городов с муниципальным правом; торговля на морях; чеканка денег; и государство, основанное на территории и собственности; и среди изобретений - обожженный кирпич, кран,¹⁵ водяное колесо для приведения в движение транспортных средств. мельницы, мост, акведук и канализация; свинцовая труба, используемая в качестве трубопровода с краном; арка, весы; искусство и науки классического периода с их результатами, включая архитектурные решения; арабские цифры и алфавитное написание.

Эти цивилизации в значительной степени опирались на изобретения, открытия и институты предыдущего периода варварства, а также опирались на них. Достижения цивилизованного

человека, хотя и очень велики и примечательны, тем не менее, очень далеки от того, чтобы затмить деяния человека как варвара. Как таковой, он создал все элементы цивилизации и владел ими, за исключением алфавитной письменности. Его достижения как варвара следует рассматривать в их связи с совокупностью человеческого прогресса; и мы можем быть вынуждены признать, что по относительной важности они превосходят все его последующие работы.

Использование письменности или ее эквивалента в виде иероглифов на камне дает справедливый тест на зарождение цивилизации.¹⁶ Без литературных источников нельзя с полной уверенностью сказать, что ни история, ни цивилизация не существуют. Создание гомеровских поэм, независимо от того, передавались ли они устно или были записаны в то время, с достаточной точностью фиксирует зарождение цивилизации среди греков. Эти стихи, всегда свежие и всегда чудесные, обладают этнологической ценностью, которая безмерно усиливает другие их достоинства. Это особенно верно в отношении "Илиады", которая содержит древнейший, а также наиболее обстоятельный из ныне существующих рассказов о прогрессе человечества до момента ее составления. Страбон восхваляет Гомера как отца географической науки;¹⁷ но великий поэт дал, возможно, непреднамеренно, то, что было бесконечно важнее для последующих поколений, а именно, удивительно полное описание искусств, обычаев, изобретений и открытий, а также образа жизни древних греков. Она представляет нашу первую всеобъемлющую картину арийского общества, все еще находящегося в состоянии варварства, показывая достигнутый тогда прогресс и из каких особенностей он состоял. Благодаря этим стихотворениям мы можем с уверенностью утверждать, что определенные вещи были известны грекам еще до того, как они вошли в цивилизацию. Они также проливают проливающий свет далеко назад, в период варварства.

Используя поэмы Гомера в качестве руководства и продолжая ретроспективу более позднего периода варварства, давайте вычеркнем из знаний и опыта человечества изобретение поэзии; древнюю мифологию в ее сложной форме с олимпийскими богами; храмовую архитектуру; знание злаков, за исключением кукурузы и культурных растений, с полевым земледелием; города, окруженные каменными стенами, с зубчатыми стенами, башнями и воротами; использование мрамора в архитектуре; кораблестроение из досок и, вероятно, с использованием гвоздей; повозки и колесницы; металлические пластинчатые доспехи. копье с медным наконечником и чеканный щит; железный меч; вероятно, производство вина; механические устройства, за исключением винта; гончарный круг и ручная мельница для помола зерна; полотна из льна и шерсти на ткацком станке; железный топор и лопата; железный топорик и тесло; молот и наковальня; мехи и кузница; и горная печь для выплавки железной руды, а также знания о железе. Наряду с вышеназванными приобретениями должны быть устранены моногамная семья; военные демократии героической эпохи; более поздняя фаза организации на роды, фратрии и племена; вероятно, агора, или народное собрание; знание об индивидуальной собственности на дома и земли; и развитая форма муниципальной жизни в укрепленных городах. Когда это будет сделано, высший класс варваров откажется от основной части своих чудесных произведений вместе с приобретенным благодаря этому умственным и моральным ростом.

Начиная с этого момента назад, в Средний период варварства, указания становятся менее отчетливыми, и относительный порядок, в котором появлялись институты, изобретения и открытия, менее ясен; но мы не лишены некоторых знаний, чтобы направлять наши шаги даже в эти отдаленные эпохи арийской семьи. По причинам, указанным ранее, за желаемой информацией теперь можно обращаться к другим семьям, помимо арийской.

Переходя затем к Среднему периоду, давайте аналогичным образом вычеркнем из человеческого опыта процесс изготовления бронзы; стада домашних животных; общественные дома со стенами из самана и обработанного камня, выложенного известковым раствором и песком; циклопические стены; жилища у озера, построенные на сваях; знание самородных металлов,¹⁸ с использованием древесного угля и тигля для их плавки; медный топор и долото; челнок и ткацкий станок для эмбрионов; ирригационное земледелие, дамбы, водохранилища и оросительные каналы; мощеные дороги; ивовые плантации. подвесные мосты; личные боги со священнослужителями, отличающимися костюмом и организованными в иерархию; человеческие жертвоприношения; военные демократии ацтекского типа; ткани из хлопка и других растительных волокон в Западном полушарии и из шерсти и льна в Восточном; декоративная керамика; деревянный меч с заостренными кремнями лезвиями; полированные кремневые и каменные орудия труда; знание хлопка и льна; и домашние животные.

Совокупность достижений в этот период была меньше, чем в последующий; но по отношению к сумме человеческого прогресса она была очень велика. Это включает в себя одомашнивание животных в Восточном полушарии, которое со временем привело к постоянному существованию из мяса и молока и, в конечном счете, к полевому земледелию; а также положило начало тем экспериментам с самородными металлами, которые привели к получению бронзы,¹⁹ а также подготовило почву для более совершенного процесса выплавки железной руды. В Западном полушарии это было ознаменовано открытием и обработкой самородных металлов, что привело к самостоятельному производству бронзы; внедрением ирригации при выращивании кукурузы и других растений, а также использованием саманного кирпича и камня при строительстве больших многоквартирных домов, похожих на крепости.

Возвращаясь к ретроспективе и переходя к более Древнему периоду варварства, давайте затем исключим из человеческих приобретений конфедерацию, основанную на родах, фратриях и племенах под управлением совета вождей, которая обеспечила более высокоорганизованное состояние общества, чем было известно до этого. Также открытие и выращивание кукурузы и фасоли, кабачков и табака в Западном полушарии, а также знание мучнистой пищи; плетение из основы и гав; килт, мокасины и гетры из дубленой оленьей кожи; духовое ружье для стрельбы по птицам; деревенский частокол для защиты; племенные игры; поклонение стихиям со смутным признанием Великого Духа; каннибализм во время войны; и, наконец, гончарное искусство.

По мере того как мы поднимаемся по порядку времени и развития, но опускаемся по шкале человеческого прогресса, изобретения становятся все более простыми и прямыми в своем отношении к первичным потребностям; а институты все ближе и ближе приближаются к элементарной форме рода, состоящего из кровных родственников, под руководством вождя, избираемого ими самими, и к племени, состоящего из родственных родов, под управлением совета вождей. Положение азиатских и европейских племен в этот период (поскольку арийских и семитских семей, вероятно, тогда еще не существовало) существенно утрачено. Он представлен остатками древнего искусства между изобретением керамики и одомашниванием животных; и включает в себя людей, которые формировали кучи ракушек на побережье Балтийского моря, которые, по-видимому, одомашнили собаку, но не других животных.

При любой справедливой оценке масштабов достижений человечества в три подпериода варварства их следует рассматривать как огромные не только по количеству и внутренней

ценности, но и по умственному и моральному развитию, которым они неизбежно сопровождались.

Далее, поднимаясь по продолжительному периоду дикости, давайте вычеркнем из человеческих знаний организацию на роды, фратрии и племена; синдиазмическую семью; поклонение стихиям в его низшей форме; слоговой язык; лук и стрелы; каменные и костяные орудия труда; корзины из тростника и лубков; одежду из кожи; семью пуналуан; организацию по половому признаку; деревню, состоящую из сгруппированных домов; лодки, включая кору и выкопанное каноэ; копье, заостренное кремнем, и боевую дубину; кремневые орудия труда индейцев. более грубые виды; кровнородственная семья; однословный язык; фетишизм; каннибализм; умение пользоваться огнем; и, наконец, язык жестов.²⁰ Когда эта работа по элиминации будет проделана в том порядке, в котором были сделаны эти несколько приобретений, мы вплотную приблизимся к младенческому периоду существования человека, когда человечество училось пользоваться огнем, что делало возможным пропитание рыбой и смену среды обитания, и когда они пытались сформировать членораздельный язык. В столь абсолютно примитивном состоянии человек рассматривается не только как ребенок на шкале человечества, но и как обладатель мозга, в который не проникла ни одна мысль или концепция, выраженная этими институтами, изобретениями и открытиями; одним словом, он стоит в самом низу шкалы, но потенциально является всем, чем он с тех пор стал.

С появлением изобретений и открытий, а также с ростом институтов человеческий разум неизбежно рос и расширялся; и мы вынуждены признать постепенное увеличение самого мозга, особенно его церебральной части. Медлительность этого умственного роста была неизбежна в период дикости из-за чрезвычайной трудности создания простейшего изобретения из ничего или почти без ничего для содействия умственным усилиям; и открытия любой субстанции или силы в природе, доступной в таких грубых условиях жизни. Не менее трудно было организовать простейшую форму общества из таких диких и неподатливых материалов. Первые изобретения и первые общественные организации, несомненно, были наиболее труднодостижимыми и, следовательно, были отделены друг от друга наиболее длительными промежутками времени. Яркую иллюстрацию можно найти в последовательных формах семьи. В этом законе прогресса, действующем в геометрической прогрессии, содержится достаточное объяснение длительной продолжительности периода дикости.

То, что раннее состояние человечества было в основном таким, как указано выше, не является исключительно недавним или даже современным мнением. Некоторые из древних поэтов и философов признавали тот факт, что человечество начинало с состояния крайней грубости, из которого они поднимались медленными и последовательными шагами. Они также понимали, что ход их развития был отмечен последовательной серией изобретений и открытий, но не обращали внимания на более убедительные аргументы социальных институтов.

Теперь возникает важный вопрос о соотношении этого прогресса, который имеет прямое отношение к относительной продолжительности нескольких этнических периодов. Человеческий прогресс, от начала до конца, происходил в соотношении, не строго, а по существу геометрическом. Это очевидно на первый взгляд; и теоретически это не могло произойти каким-либо другим образом. Каждый полученный элемент абсолютного знания становился фактором дальнейших приобретений, пока не была достигнута нынешняя сложность знания. Следовательно, хотя прогресс был самым медленным во времени в первый период и самым быстрым в последний, относительный объем, возможно, был

наибольшим в первый, если рассматривать достижения обоих периодов в их соотношении с общей суммой. Можно предположить, как не исключающее окончательного признания, что прогресс человечества в период дикости, в его отношении к сумме человеческого прогресса, был более значительным по степени, чем это было впоследствии в течение трех подпериодов варварства; и что прогресс, достигнутый за весь период варварства, был, аналогичным образом, более значительным по степени, чем это было впоследствии за весь период цивилизации.

Какова могла быть относительная продолжительность этих этнических периодов, также является изрядным предметом спекуляций. Точная мера недостижима, но можно попытаться приблизиться. Согласно теории геометрической прогрессии, период дикости обязательно был более длительным, чем период варварства, поскольку последний был более длительным, чем период цивилизации. Если мы примем сто тысяч лет за меру существования человека на земле, чтобы определить относительную продолжительность каждого периода, — а для этой цели он мог быть длиннее или короче, — то сразу станет ясно, что периоду дикости должно быть отведено по меньшей мере шестьдесят тысяч лет. Три пятых жизни наиболее развитой части человеческой расы, согласно этому распределению, были проведены в дикости. Из оставшихся двадцати тысяч лет, или одной пятой, следует отнести к Более Древнему Периоду варварства. Для Среднего и Более Позднего периодов остается пятнадцать тысяч лет, оставляя пять тысяч, более или менее, на период цивилизации.

Относительная продолжительность периода дикости, скорее всего, занижена, чем завышена. Не обсуждая принципы, на которых основано это распределение, можно отметить, что в дополнение к аргументу, основанному на геометрической прогрессии, в соответствии с которой происходило развитие человека по необходимости, постепенная шкала прогресса повсеместно наблюдалась в остатках древнего искусства, и это в равной степени справедливо и для институтов. В этнологии чрезвычайно важен вывод о том, что опыт человечества в условиях дикости был более длительным, чем весь его последующий опыт, и что период цивилизации охватывает лишь фрагмент жизни расы.

Две семьи человечества, арийская и семитская, благодаря смешению различных племен, превосходству в средствах к существованию или преимуществу положения, а возможно, и из всех вместе взятых, первыми вышли из состояния варварства. По сути, они были основателями цивилизации.²¹ Но их существование как отдельных семей, несомненно, было, в сравнительном смысле, поздним событием. Их прародители затерялись в неразличимой массе более ранних варваров. Первое установленное появление арийской семьи было связано с домашними животными, в то время они были одним народом по языку и национальности. Маловероятно, что арийские или семитские семьи развились в индивидуальность раньше, чем начало Среднего периода варварства, и что их выделение из массы варваров произошло благодаря приобретению ими домашних животных.

Наиболее развитая часть человеческой расы была остановлена, если можно так выразиться, на определенных стадиях прогресса, пока какое-нибудь великое изобретение или находка, такие как приручение животных или выплавка железной руды, не дали нового и мощного импульса вперед. Сдерживаемые таким образом, более грубые племена, постоянно продвигаясь вперед, приближались в разной степени к одному и тому же статусу; ибо везде, где существовали континентальные связи, все племена должны были в какой-то мере участвовать в прогрессе друг друга. Все великие изобретения и открытия распространяются сами по себе; но низшие племена должны были оценить их ценность, прежде чем смогли присвоить их. В континентальных районах лидировали бы определенные племена; но

лидерство могло бы меняться несколько раз в течение этнического периода. Разрушение этнических связей и жизни отдельных племен, за которым последовал их упадок, должно было на время остановить, во многих случаях и во все периоды, восходящий поток человеческого прогресса. Однако, начиная со Среднего периода варварства, арийская и семитская семьи, по-видимому, справедливо представляют центральные нити этого прогресса, который в период цивилизации постепенно перешел только к арийской семье.

Истинность этого общего положения может быть проиллюстрирована состоянием американских аборигенов в эпоху их открытия. Они начали свою карьеру на американском континенте в условиях дикости; и, хотя обладали низшими умственными способностями, основная их масса вышла из состояния дикости и достигла Низшего статуса варварства; в то время как часть из них, деревенские индейцы Северной и Южной Америки, поднялись до среднего статуса. Они одомашнили ламу, единственное четвероногое на континенте, которое обещало быть полезным в одомашненном состоянии, и изготовили бронзу путем сплавления меди с оловом. Им нужно было только одно изобретение, и притом величайшее, - искусство выплавки железной руды, чтобы продвинуться на более Высокий уровень. Учитывая отсутствие всякой связи с наиболее развитой частью человеческого семейства в Восточном полушарии, их прогресс в саморазвитии без посторонней помощи из дикого состояния следует считать замечательным. В то время как азиаты и европейцы терпеливо ждали появления железных орудий труда, американские индейцы приближались к обладанию бронзой, которая стоит рядом с железом в хронологическом порядке. В течение этого периода приостановленного прогресса в Восточном полушарии американские аборигены продвинулись не до того статуса, в котором они находились, но достаточно близко, чтобы достичь его, когда первые проходили последний период варварства и первые четыре тысячи лет цивилизации. Это дает нам представление о том, на какое время они отстали от арийской семьи в гонке прогресса, а именно о продолжительности Более Позднего периода варварства, к которому должны быть добавлены годы цивилизации. Арийская и ганованская семьи вместе представляют собой пример всего опыта человека в течение пяти этнических периодов, за исключением первой части Более Позднего периода дикости.

Дикость была периодом становления человеческой расы. Начав с нуля в знаниях и опыте, без огня, без членораздельной речи и без искусств, наши дикие прародители вели великую битву, сначала за существование, а затем за прогресс, пока не добились безопасности от свирепых животных и постоянного пропитания. В результате этих усилий постепенно возникла развитая речь и заселение всей поверхности земли. Но общество из-за своей грубости все еще было неспособно организовать численно. Когда наиболее развитая часть человечества вышла из состояния дикости и перешла на более Низкий уровень варварства, все население земли, должно быть, было невелико по численности. Самые ранние изобретения было труднее всего осуществить из-за слабости силы абстрактного рассуждения. Каждая существенная часть полученных знаний сформировала бы основу для дальнейшего продвижения; но это, должно быть, было почти незаметно в течение многих веков, препятствия на пути прогресса почти уравнивали энергии, выстроенные против них. Достижения дикости не особенно примечательны по своему характеру, но они представляют собой поразительное количество упорного труда с использованием скудных средств, продолжавшегося в течение длительных периодов времени, прежде чем достичь достаточной степени завершенности. Лук и стрелы служат иллюстрацией.

Неполноценность дикого человека в умственном и моральном плане, неразвитого, неопытного и сдерживаемого своими низменными животными аппетитами и страстями, хотя

и признается неохотно, тем не менее, в значительной степени демонстрируется остатками древнего искусства в виде кремневых и костяных орудий, его пещерной жизнью в определенных районах и его остеологическими останками. Это еще более иллюстрируется нынешним состоянием племен дикарей, находящихся на низкой ступени развития, оставшихся в изолированных частях земли как памятники прошлого. И все же к этому великому периоду дикости относится формирование членораздельного языка и его продвижение до слоговой стадии, установление двух форм семьи, а возможно, и третьей, и организация в роды, которая дала первую форму общества, достойную этого названия. Все эти выводы вытекают из высказанного в самом начале утверждения, что человечество начало свой путь с нижней ступени лестницы; что “современная наука утверждает, что доказывает самым тщательным и исчерпывающим изучением человека и его деяний”.²²

Аналогичным образом, великий период варварства ознаменовался четырьмя событиями первостепенной важности, а именно: одомашниванием животных, открытием зерновых культур, использованием камня в архитектуре и изобретением процесса выплавки железной руды. Начавшись, вероятно, с использования собаки в качестве компаньона на охоте, за которой в более поздний период последовал отлов детенышей других животных и их выращивание, что не маловероятно, из-за простейшего каприза фантазии, потребовалось время и опыт, чтобы осознать полезность каждого из них, найти способы увеличить их количество и научиться терпению, необходимому, чтобы щадить их перед лицом голода. Если бы была известна особая история одомашнивания каждого животного, она продемонстрировала бы ряд удивительных фактов. Эксперимент, несмотря на свои сомнительные шансы, во многом определил последующую судьбу человечества. Во-вторых, получение мучнистой пищи путем культивирования должно рассматриваться как одно из величайших событий в человеческом опыте. После одомашнивания животных она была менее важна в Восточном полушарии, чем в Западном, где она стала инструментом продвижения значительной части американских аборигенов к Низшему, а другой части - к Среднему уровню варварства. Если бы человечество никогда не продвинулось дальше этого последнего состояния, у него были бы средства для сравнительно легкой и приятной жизни. В-третьих, с использованием саманного кирпича и камня в домостроении был введен улучшенный образ жизни, в высшей степени рассчитанный на стимулирование умственных способностей и формирование привычки к трудолюбию — плодотворному источнику улучшений. Но в своем отношении к высокому пути человечества четвертое изобретение должно считаться величайшим событием в человеческом опыте, подготовительным к цивилизации. Когда варвар, продвигаясь шаг за шагом, открыл самородные металлы и научился плавить их в тигле и отливать в формы; когда он сплавил самородную медь с оловом и получил бронзу; и, наконец, когда еще большим усилием мысли он изобрел печь и получил железо из руды, девять десятых битвы за цивилизацию было выиграно.²³ Вооруженное железными инструментами, способными держать как за лезвие, так и за острие, человечество было уверено в достижении цивилизации. Производство железа было событием из событий в человеческом опыте, не имеющим аналогов, по сравнению с которым все другие изобретения и открытия были незначительными или, по крайней мере, второстепенными. Из него вышли металлический молот и наковальня, топор и долото, плуг с железным наконечником, железный меч; короче говоря, основа цивилизации, которая, можно сказать, покоится на этом металле. Нехватка железных инструментов остановила прогресс человечества в варварстве. Там они и оставались бы до настоящего времени, если бы им не удалось преодолеть пропасть. Представляется вероятным, что концепция и процесс выплавки железной руды пришли к человеку лишь однажды. Было бы исключительным удовлетворением, если бы стало известно, какому племени и семье мы обязаны этим знанием, а вместе с ним и цивилизацией. Семитская семья тогда опережала арийскую и

возглавляла человеческую расу. Они дали человечеству фонетический алфавит, и не кажется маловероятным, что они также знали о железе.

В эпоху гомеровских поэм греческие племена достигли огромного материального прогресса. Были известны все распространенные металлы, включая процесс плавки руд и, возможно, превращения железа в сталь; были открыты основные зерновые культуры, а также искусство возделывания и использование плуга в полевом земледелии; собака, лошадь, осел, корова, свиноматка, овца и коза были одомашнены и выращивались стадами, как было показано. Архитектура создала дом, построенный из прочных материалов, с отдельными квартирами,²⁴ и состоящий более чем из одного этажа;²⁵ были произведены и введены в обиход кораблестроение, оружие, текстильные ткани, производство вина из винограда, выращивание яблок, груш, оливок и инжира,²⁶ а также удобная одежда, полезные орудия труда и утварь. Но ранняя история человечества была утеряна в забвении ушедших веков. Традиция восходила к предшествующему варварству, сквозь которое она не могла проникнуть. Язык достиг такого развития, что поэзия высшей структурной формы вот-вот должна была воплотить вдохновение гения. Завершающий период варварства привел эту часть человеческой семьи к порогу цивилизации, воодушевленную великими достижениями прошлого, закаленную и разумную в школе опыта, с недисциплинированным воображением во всем великолепии его творческих сил. Варварство заканчивается рождением великих варваров. В то время как состояние общества в этот период было понято более поздними греческими и римскими писателями, предшествующее государство с его отличительной культурой и опытом было так же глубоко скрыто от их понимания, как и от нашего собственного; за исключением того, что они занимали более близкую позицию во времени, они более отчетливо видели отношения настоящего с прошлым. Для них было очевидно, что в ряду изобретений и открытий существовала определенная последовательность, а также определенный порядок развития институтов, благодаря которым человечество продвинулось от состояния дикости к состоянию гомеровской эпохи; но огромный промежуток времени между этими двумя состояниями, по-видимому, не был предметом даже спекулятивного рассмотрения.

ЧАСТЬ II. РОСТ ИДЕИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

ГЛАВА I

Организация общества по половому признаку

При рассмотрении вопроса о росте идеи правления организация на роды на основе родства естественно напрашивается как архаичная структура древнего общества; но существует еще более древняя и архаичная организация на классы по признаку пола, которая в первую очередь требует внимания. Она будет рассмотрена не из-за ее новизны в человеческом опыте, а по той высшей причине, что в ней, по-видимому, содержится зародышевый принцип рода. Если этот вывод подтверждается фактами, он придаст этой организации на мужские и женские классы, которая в настоящее время полностью жизнеспособна среди

австралийских аборигенов, древнее преобладание, столь же широко распространенное в племенах человечества, как и первоначальная организация на роды.

Вскоре станет ясно, что на низших уровнях дикости сообщество мужей и жен в установленных пределах было центральным принципом социальной системы. Установленные в группе супружеские права и привилегии (*jura conjugalia*)²⁷ переросли в грандиозную схему, которая стала органическим принципом, на котором строилось общество. В силу природы данного случая эти права и привилегии укоренились настолько прочно, что освобождение от них медленно совершалось посредством движений, которые приводили к бессознательным преобразованиям. Соответственно, будет обнаружено, что семья продвинулась от низшей формы к высшей по мере того, как диапазон этой супружеской системы постепенно сокращался. Семья, начинавшаяся с кровнородственной, основанной на смешанных браках братьев и сестер в группе, перешла во вторую форму, пуналуанскую, в рамках социальной системы, сходной с классами Австралии, которая разрушила первый вид брака, заменив группы братьев, у которых были общие жены, и группы сестер, у которых были общие мужья, — брак в обоих случаях заключался в группе. Организацию на классы в зависимости от пола и последующую более высокую организацию на роды в зависимости от рода следует рассматривать как результаты великих социальных движений, бессознательно выработанных естественным отбором. По этим причинам австралийская система, которая сейчас будет представлена, заслуживает внимательного рассмотрения, хотя она и переносит нас на низший уровень человеческой жизни. Это представляет собой поразительный этап древней социальной истории нашей расы.

Разделение на классы по признаку пола и зачаточная организация в роды по признаку родства в настоящее время преобладают среди той части австралийских аборигенов, которые говорят на языке камиларой. Они населяют район Дарлинг-Ривер к северу от Сиднея. Обе организации также встречаются у других австралийских племен и настолько широко распространены, что делают вероятным их древнее повсеместное распространение среди них. Из внутренних соображений очевидно, что мужские и женские классы старше родов: во-первых, потому, что родовая организация выше, чем разделение на классы; и, во-вторых, потому, что первые среди камилароев находятся в процессе свержения последних. Класс в его мужской и женской ветвях является ячейкой их социальной системы, место в которой по праву принадлежит роду в период его полного развития. Таким образом, представлено замечательное сочетание фактов, а именно: сексуальная и родовая организации, существующие одновременно, причем первая занимает центральное положение, а вторая находится в зачаточном состоянии, но продвигается к завершенности за счет посягательств на первую.

Эта организация по признаку пола до сих пор не была обнаружена ни у каких племен дикарей за пределами Австралии, но медленное развитие этих островитян в их уединенной среде обитания и более архаичный характер организации по признаку пола, чем в родах, наводят на предположение, что первая, возможно, была универсальной в тех ветвях человеческой семьи, которые впоследствии приобрели родовую организацию. Хотя классовая система, если ее проследить полностью, сопряжена с некоторыми ошеломляющими сложностями, она вознаградит внимание, необходимое для ее освоения. Как любопытная социальная организация среди дикарей, она представляет мало интереса; но как самая примитивная форма общества, открытая до сих пор, и особенно с учетом условной вероятности того, что отдаленные предки нашей арийской семьи были когда-то организованы подобным образом, она становится важной и может оказаться поучительной.

Австралийцы стоят ниже полинезийцев и намного ниже американских аборигенов. Они стоят ниже африканских негров и почти в самом низу шкалы. Следовательно, их социальные институты должны приближаться к примитивному типу так же, как и у любого существующего народа.²⁸

Поскольку род становится предметом следующей главы, в ней он будет представлен без обсуждения и только для необходимого объяснения классов.

Камиларои делятся на шесть родов, стоящих в зависимости от права вступления в брак, в двух подразделениях следующим образом:

I.	II.
1. Iguana, (Duli).	4. Emu, (Dinoun).
2. Kangaroo, (Murriira).*	5. Bandicoot, (Bilba).
3. Opossum, (Mute).	6. Blacksnake, (Nurai).

* Падимелон: разновидность кенгуру.

Первоначально первым трем родам не разрешалось вступать в браки друг с другом, потому что они были подразделениями первоначального рода; но им было разрешено вступать в брак с любым из других родов, и наоборот. Это древнее правило в настоящее время изменено среди камилароев в некоторых определенных деталях, но не применяется в полной мере, разрешая брак в любом роде, кроме индивидуального. Ни мужчины, ни женщины не могут вступать в брак с представителями своего рода, поскольку запрет абсолютен. Происхождение осуществляется по женской линии, которая относит детей к роду их матери. Это относится к числу существенных характеристик рода везде, где этот институт встречается в своей архаичной форме. Таким образом, по своим внешним признакам он совершенен и завершен среди камилароев.

Но существует еще более древнее деление людей на восемь классов, четыре из которых состоят исключительно из мужчин, а четыре - исключительно из женщин. Это сопровождается регулированием в отношении брака и происхождения, которое препятствует развитию рода и демонстрирует, что последняя организация находится в процессе развития до своей истинной логической формы. Только один из четырех классов мужчин может жениться на одном только из четырех классов женщин. В дальнейшем выяснится, что все мужчины одного класса теоретически являются мужьями всех женщин того класса, за которых им разрешено выходить замуж. Более того, если самец принадлежит к одному из первых трех родов, то самка должна принадлежать к одному из трех противоположных. Брак, таким образом, ограничен частью мужчин одного рода с частью женщин другого рода, что противоречит истинной теории родового института, поскольку всем членам каждого рода должно быть разрешено вступать в брак с лицами противоположного пола во всех родах, кроме своего собственного.

Классы следующие:

Male.

1. Ippai.
2. Kumbo.
3. Murri.
4. Kubbi.

Female.

1. Ippata.
2. Buta.
3. Mata.
4. Kapota.

Все иппай, независимо от рода, являются братьями друг другу. Теоретически, они произошли от предполагаемой общей предки женского пола. Все кумбо одинаковы; так же как и все Мурри и Кубби, соответственно, и по той же причине. Подобным образом, все иппаты, какого бы рода они ни были, являются сестрами друг другу, и по одной и той же причине; все бута одинаковы, как и все маты и капоты соответственно. Во-вторых, все иппай и иппата являются братьями и сестрами друг для друга, будь то дети одной матери или побочные родственники, и в каком бы роде они ни находились. Кумбо и Бута - братья и сестры; так же, как Мурри и Матас, а также Кубби и Капота соответственно. Если встречаются Иппай и Иппата, которые никогда раньше не видели друг друга, они обращаются друг к другу как брат и сестра. Таким образом, камиларои организованы в четыре большие первичные группы братьев и сестер, каждая группа состоит из мужской и женской ветвей, но перемешаны по сферам своей деятельности. Основанная на сексе, а не на родстве, она старше родов и, можно повторить, более архаична, чем любая из известных до сих пор форм общества.

Классы воплощают в себе зародыш рода, но не достигают его реализации. В действительности иппай и иппаты образуют единый класс в двух ветвях, и поскольку они не могут вступать в смешанные браки, они составили бы основу рода, но по той причине, что они подпадают под два имени, каждое из которых является единым целым для определенных целей, и по другой причине, что их дети берут имена, отличные от их собственных. Разделение на классы основано на поле, а не на родстве, и имеет первостепенное отношение к брачным правилам, столь же замечательным, сколь и оригинальным.

Поскольку братьям и сестрам не разрешается вступать в смешанные браки, классы стоят друг перед другом в ином порядке в отношении права на брак или, скорее, на совместное проживание, которое лучше выражает отношение. Таков был первоначальный закон, таким образом:

Иппай может выйти замуж за Капоту, и ни за кого другого.

Кумбо может жениться на Мате, и ни на ком другом.

Мурри может жениться на Буте, и ни на ком другом.

Кубби может жениться на Иппате, и ни на ком другом.

Эта исключительная схема была изменена в одном конкретном случае, как будет показано ниже, а именно в предоставлении каждому классу мужчин права смешанных браков с одним дополнительным классом женщин. Этот факт свидетельствует о посягательстве рода на класс, ведущем к низвержению последнего.

Таким образом, видно, что каждый самец при выборе жены ограничен одной четвертой частью всех самок камиларои. Это, однако, не самая примечательная часть системы. Теоретически каждая Капота является женой каждого Иппай; каждая Мата является женой

каждого Кумбо; каждая Бута является женой каждого Мурри; и каждая Иппата каждого Кубби. По этому существенному пункту информация конкретна. Упомянутый ранее мистер Файсон, заметив, что мистер Лэнс “много общался с местными жителями, прожив среди них много лет на пограничных скотоводческих станциях на реке Дарлинг и в стране транс-Дарлинг”, приводит следующие цитаты из своего письма: “Если кубби встречает незнакомца Иппата, они обращаются друг к другу как Голир = Супруг.... Кубби, таким образом, встретивший Иппату, даже если бы она была из другого племени, относился бы к ней как к своей жене, и его право на это было бы признано ее племенем”. Следовательно, каждая Иппата из ближайшего круга его знакомых также была бы его женой.

Здесь мы находим в прямой и определенной форме пуналуальный брак в группе необычной протяженности; но разбитой на меньшие группы, каждая из которых является миниатюрным отражением целого, объединенного для проживания и пропитания. Согласно выявленной таким образом супружеской системе, четверть всех мужчин вступают в брак с четвертью всех женщин племен камиларои. Эта картина дикой жизни не должна возмущать разум, потому что для них это была форма брачных отношений, а значит, лишённая неприличия. Это всего лишь расширенная форма многоженства и полиандрии, которые в более узких пределах повсеместно преобладали среди диких племен. Доказательства этого факта все еще существуют в безошибочной форме в их системах кровного родства, которые пережили обычаи, из которых они возникли. Следует заметить, что эта схема смешанных браков находится всего в шаге от промискуитета, потому что она равносильна схеме с добавлением метода. Тем не менее, поскольку это стало предметом органического регулирования, это далеко от общей распущенности. Более того, это раскрывает существующее состояние брака и семьи, о котором невозможно было бы составить адекватное представление отдельно от фактов. Это дает первое прямое свидетельство состояния общества, которое ранее выводилось как чрезвычайно вероятное из систем кровного родства.²⁹

Пока дети оставались в роде своей матери, они переходили в другой класс того же рода, отличный от того, который принадлежал обоим родителям. Это станет очевидным из следующей таблицы:

<i>Male.</i>	<i>Female.</i>	<i>Male.</i>	<i>Female.</i>
Ippai marries Kapota.		Their children are Murri and Mata.	
Kumbo marries Mata.		Their children are Kubbi and Kapota.	
Murri marries Buta.		Their children are Ippai and Ippata.	
Kubbi marries Ippata.		Their children are Kumbo and Buta.	

Если проследить за этими спусками, то окажется, что по женской линии Капота является матерью Маты, а Мата, в свою очередь, является матерью Капоты; таким образом, Иппата является матерью Буты, а последняя, в свою очередь, является матерью Иппаты. То же самое и с мужскими классами; но поскольку происхождение происходит по женской линии, племена камиларои происходят от двух предполагаемых предков женского пола, которые заложили основу для двух первоначальных родов. Прослеживая эти спуски еще дальше, можно обнаружить, что кровь каждого класса проходит через все классы.

Хотя каждый индивид носит одно из названий класса, приведенных выше, следует понимать, что каждый из них дополнительно имеет единственное личное имя, которое распространено как среди диких, так и среди варварских племен. Чем пристальнее изучается эта

организация секса, тем более замечательной она кажется как работа дикарей. Однажды установившись и после этого передаваясь через несколько поколений, она будет обладать в обществе такой силой, что ее будет трудно вытеснить. Для достижения этого результата потребовалась бы аналогичная и более высокая система и столетия времени; особенно если бы таким образом был сокращен диапазон супружеской системы.

Родовая организация естественным образом оказывала влияние на классы как более высокая организация, просто сохраняя их неизменными. То, что она была последующей по времени, показано отношениями двух систем, зачаточным состоянием родов, ухудшенным состоянием классов из-за посягательств рода и тем фактом, что класс все еще является организационной единицей. Эти выводы станут очевидными в дальнейшем.

Из предыдущих утверждений состав родов будет понятен, если рассматривать его в их соотношении с классами. Последние состоят из пар братьев и сестер, происходящих друг от друга; а сами роды, через классы, состоят из пар следующим образом:

Gentes.	Male.	Female.		Male.	Female.
1. Iguana.	All are Murri	& Mata,	or	Kubbi	& Kapota.
2. Emu.	All are Kumbo	& Buta,	or	Ippai	& Ippata.
3. Kangaroo.	All are Murri	& Mata,	or	Kubbi	& Kapota.
4. Bandicoot.	All are Kumbo	& Buta,	or	Ippai	& Ippata.
5. Opossum.	All are Murri	& Mata,	or	Kubbi	& Kapota.
6. Blacksnake.	All are Kumbo	& Buta,	or	Ippai	& Ippata.

Связь детей с определенным родом подтверждается законом о браке. Таким образом, Игуана-Мата должна выйти замуж за Кумбо; ее дети - Кубби и Капота, и обязательно Игуана в роде, потому что происхождение происходит по женской линии. Игуана-Капота должна выйти замуж за Иппай; ее дети - Мурри и Мата, а также Игуана в роде, по той же причине. Подобным же образом Эму-Бута должна выйти замуж за Мурри; ее дети Иппай и Иппата принадлежат к роду Эму. Итак, Эму-Иппата должна выйти замуж за Кубби; ее дети - Кумбо и Бута, тоже из рода Эму. Таким образом, род поддерживается за счет сохранения в его составе детей всех его представительниц женского пола. То же самое верно во всех отношениях для каждого из оставшихся родов. Следует отметить, что теоретически каждый род состоит из потомков двух предполагаемых предков женского пола и включает четыре из восьми классов. Представляется вероятным, что первоначально существовало всего два мужских и два женских класса, которые были противопоставлены друг другу в отношении права вступления в брак; и что впоследствии эти четыре класса разделились на восемь. Классы как предшествующая организация, очевидно, были организованы внутри родов, а не образованы подразделением последних.

Более того, поскольку установлено, что роды игуан, кенгуру и опоссумов являются аналогами друг друга по содержащимся в них классам, из этого следует, что они являются подразделениями исходного рода. Точно то же самое верно для эму, Бандикутов и Блэкснейков, в обеих частностях; таким образом, шесть родов сведены к двум первоначальным родам, каждый из которых имеет право вступать в брак с другим, но не с самим собой. Это подтверждается тем фактом, что члены первых трех родов изначально не могли вступать в смешанные браки; так же как и члены последних трех. Причина, которая препятствовала смешанным бракам в роде, когда все трое были одним целым, вытекала из разделения, потому что они были одного происхождения, хотя и под разными нееврейскими

именами. В точности то же самое можно обнаружить у сенека-ирокезов, как будет показано ниже.

Поскольку брак ограничен определенными классами, когда существовало всего два рода, половина всех женщин одного из них теоретически была женами половины всех мужчин другого. После их разделения на шесть классов преимущество вступления в брак вне рода, которое было главным преимуществом института, было ограничено, если не нейтрализовано, присутствием этих классов вместе с упомянутыми ограничениями. Это привело к продолжительным бракам, выходящим за рамки отношений между братом и сестрой. Если бы род мог искоренить классы, это зло было бы в значительной степени устранено.³⁰ Разделение на классы, по-видимому, было направлено к единственной цели - положить конец смешанным бракам братьев и сестер, что дает вероятное объяснение происхождения системы. Но поскольку он не выходил за рамки этой особой мерзости, он сохранил супружескую систему, почти столь же предосудительную, а также придал ей постоянную форму.

Остается заметить нововведение в первоначальном строении классов и в пользу рода, которое обнаруживает еще не завершенное движение в направлении истинного идеала рода. Это проявляется в двух деталях: во-первых, в разрешении каждой триаде родов вступать в брак друг с другом в ограниченной степени; во-вторых, вступать в брак с представителями классов, ранее не разрешенных. Таким образом, Игуана-Мурри теперь может жениться на Мате из рода Кенгуру, своей побочной сестре, тогда как первоначально он был ограничен Бутой из трех противоположных родов. Так что Игуана-Кубби теперь может жениться на Капоте, своей побочной сестре. Эму-Кумбо теперь может жениться на Буте, а Эму-Иппай может жениться на Иппате из рода Черных Змей, вопреки первоначальным ограничениям. Каждому классу самцов в каждой триаде родов, по-видимому, теперь разрешается иметь по одному дополнительному классу самок в двух оставшихся родах той же триады, из которых они ранее были исключены. Однако меморандумы, присланные мистером Файсоном, не отражают изменений в полной мере, указанных здесь.³¹

Это нововведение явно было бы ретроградным движением, если бы не то, что оно имело тенденцию к расколу классов. Линия прогресса среди камилароев, насколько это вообще возможно, прослеживалась от классов к родам, за которой следовала тенденция превращать род вместо класса в единицу социального организма. В этом движении преобладающая система совместного проживания была сопротивляющимся элементом. Социальный прогресс был невозможен без уменьшения его масштабов, что в равной степени было невозможно до тех пор, пока классы с предоставляемыми ими привилегиями сохраняли полную жизнеспособность. *Jura conjugialia*, которые принадлежали к этим классам, были мертвым грузом для камилароев, без освобождения от которого они оставались бы еще тысячи лет в том же состоянии, по существу, в котором они были найдены.

На организацию, в чем-то похожую, указывает пуналуа гавайцев, о котором будет рассказано ниже. Везде, где обнаруживается средний или низший слой дикости, обнаруживаются браки целых групп в соответствии с обычаями, определяющими эти группы, либо в абсолютной форме, либо в таких следах, которые не оставляют сомнений в том, что такие браки были нормальными на протяжении всего этого периода истории человечества. Не имеет значения, была ли группа теоретически большой или маленькой, потребности их состояния установили бы практическое ограничение на размер группы, живущей вместе в соответствии с этим обычаем. Если, таким образом, будет установлено, что общность мужей и жен была законом дикого государства и, следовательно, существенным условием существования

общества в условиях дикости, то будет сделан вывод, что наши собственные дикие предки разделяли этот общий опыт человеческой расы.

В таких обычаях можно найти объяснение низкого положения дикарей. Если бы дикие люди не были оставлены позади, в изолированных частях земли, чтобы свидетельствовать о раннем состоянии человечества в целом, было бы невозможно составить какое-либо определенное представление о том, каким оно должно было быть. Сразу напрашивается важный вывод, а именно, что институты человечества возникли в виде прогрессивной взаимосвязанной серии, каждый из которых представляет собой результат бессознательных реформаторских движений, направленных на избавление общества от существующего зла. На этих институтах лежит вековой отпечаток, для правильного понимания которого их необходимо изучать в этом свете. Нельзя предполагать, что австралийские дикари сейчас находятся в самом низу лестницы, поскольку их искусство и институты, какими бы скромными они ни были, свидетельствуют об обратном; также нет никаких оснований предполагать, что они деградировали из-за более высокого состояния, потому что факты человеческого опыта не дают прочной основы для такой гипотезы. Случаи физического и умственного упадка в племенах и нациях могут быть допущены по известным причинам, но они никогда не прерывали общий прогресс человечества. Все факты человеческого знания и опыта указывают на то, что человеческая раса в целом неуклонно продвигалась от низшего состояния к высшему. Искусства, с помощью которых дикари поддерживают свою жизнь, удивительно устойчивы. Они никогда не теряются до тех пор, пока их не заменят другие, более высокие по степени. Благодаря практике этих искусств и опыту, приобретенному с помощью социальных организаций, человечество продвинулось вперед в соответствии с необходимым законом развития, хотя их прогресс, возможно, был практически незаметен на протяжении веков. Так было и с расами, и с отдельными людьми, хотя племена и нации погибли из-за нарушения их этнической жизни.

Австралийские классы представляют собой первый и, насколько известно автору, единственный случай, когда мы можем заглянуть вниз, на зарождающиеся стадии организации родов, и даже через них на внутреннюю организацию, столь архаичную, как организация пола. Это, по-видимому, позволяет взглянуть на общество, когда оно было на грани первобытности. Среди других племен род, по-видимому, развивался пропорционально свертыванию супружеской системы. Человечество поднимается по шкале, и семья продвигается вперед через свои последовательные формы, по мере того как эти права отступают перед усилиями общества улучшить свою внутреннюю организацию.

Австралийцы, возможно, не добились бы свержения классов за тысячи лет, если бы они оставались неоткрытыми; в то время как более привилегированные континентальные племена задолго до этого усовершенствовали род, затем продвинули его через последовательные фазы и, наконец, отложили его в сторону после вступления в цивилизацию. Факты, иллюстрирующие возникновение последовательных социальных организаций, таких как половые и родственные, имеют высочайшую этнологическую ценность. Знание того, на что они указывают, в высшей степени желательно, если мы хотим в достаточной степени восстановить раннюю историю человечества.

Среди полинезийских племен род был неизвестен; но следы системы, аналогичной австралийским классам, обнаруживаются в гавайском обычае пуналуа. Оригинальных идей, абсолютно независимых от предыдущих знаний и опыта, неизбежно немного. Если бы можно было свести сумму человеческих идей к недооцененным оригиналам, небольшой числовой результат был бы поразительным. Развитие - это метод человеческого прогресса.

В свете этих фактов некоторые наросты современной цивилизации, такие как мормонизм, рассматриваются как пережитки старого дикарства, еще не искорененного из человеческого мозга. У нас есть тот же мозг, увековеченный воспроизводством, который работал в черепах варваров и дикарюнок в минувшие века; и он дошел до нас отягощенным и насыщенным мыслями, стремлениями и страстями, которыми он был занят в промежуточные периоды. Это тот же самый мозг, который стал старше и крупнее благодаря опыту веков. Эти проявления варварства во многом свидетельствуют о его древних наклонностях. Они объяснимы как разновидность ментального атавизма.

Из нескольких зародышей мысли, зародившихся в ранние века, развились все основные институты человечества. Начав свой рост в период дикости, пробродив через период варварства, они продолжали свое развитие на протяжении всего периода цивилизации. Эволюция этих зародышей мысли направлялась естественной логикой, которая стала неотъемлемым атрибутом самого мозга. Этот принцип настолько безошибочно выполнял свои функции во всех условиях опыта и во все периоды времени, что его результаты единообразны, последовательны и прослеживаемы в своем развитии. Одни только эти результаты со временем приведут к убедительным доказательствам единства происхождения человечества. Ментальная история человеческой расы, которая раскрывается в институтах, изобретениях и открытиях, предположительно является историей отдельного вида, сохраняющейся через индивидов и развиваемой на основе опыта. Среди первоначальных зародышей мысли, оказавших наиболее мощное влияние на человеческий разум и на человеческую судьбу, есть те, которые относятся к правительству, семье, языку, религии и собственности. У них было определенное начало еще в далекой дикости и логический прогресс, но у них не может быть окончательного завершения, потому что они все еще прогрессируют и всегда должны продолжать прогрессировать.

ГЛАВА II

Род ирокезов

Опыт человечества, как отмечалось в другом месте, разработал всего два плана правления, используя слово "план" в его научном значении. Оба были определенными и систематическими организациями общества. Первой и наиболее древней была социальная организация, основанная на родах, фратриях и племенах. Второй и новейшей по времени была политическая организация, основанная на территории и собственности. При первом было создано родовое общество, в котором правительство обращалось с людьми через их отношения к роду и племени. Эти отношения были чисто личными. При втором было учреждено политическое общество, в котором правительство имело дело с людьми через их отношение к территории, например, к поселку, графству и штату. Эти отношения были чисто территориальными. Два плана были принципиально разными. Один принадлежит древнему обществу, а другой - современному.

Родовая организация открывает нам один из старейших и наиболее широко распространенных институтов человечества. Это обеспечило почти универсальный план управления древним обществом, азиатским, европейским, африканским и австралийским. Это был инструмент, с помощью которого общество было организовано и удерживалось вместе. Начавшись в период дикости и продолжаясь в течение трех подпериодов варварства, она сохранялась до установления политического общества, которое произошло

только после зарождения цивилизации. Греческий род, фратрия и племя, римский род, курия и племя находят свои аналоги в роде, фратрии и племени американских аборигенов. Подобным образом, ирландский септ, шотландский клан, албанская фракра и санскритские ганы, не расширяя сравнение дальше, являются тем же самым, что и род американских индейцев, который обычно называли кланом. Насколько нам известно, эта организация пронизывает весь древний мир на всех континентах, и она была доведена до исторического периода теми племенами, которые достигли цивилизации. И это еще не все. Нееврейское общество, где бы оно ни находилось, одинаково по структурной организации и принципам действия; но меняется от низших форм к высшим по мере прогрессирующего развития людей. Эти изменения дают представление об истории развития тех же оригинальных концепций.

Род, *genos* и *ganas* в латинском, греческом и санскрите одинаково имеют первичное значение рода. Они содержат тот же элемент, что и *gigno*, *gignomai* и *ganamai*, в тех же языках, означающий "порождать"; таким образом, в каждом из них подразумевается непосредственное общее происхождение членов рода. Таким образом, род - это совокупность кровных родственников, происходящих от одного и того же общего предка, отличающихся родовым именем и связанных между собой кровным родством. Она включает в себя только часть таких потомков. Там, где происхождение происходит по женской линии, как это было повсеместно в архаический период, род состоит из предполагаемой предковой особи женского пола и ее детей, вместе с детьми ее потомков женского пола, по женской линии, на постоянной основе; а там, где происхождение происходит по мужской линии — в которую оно было изменено после массового появления собственности, - из предполагаемого предка мужского пола и его детей, вместе с детьми его потомков мужского пола, по мужской линии, на постоянной основе. Семейное имя среди нас - это пережиток родового имени, происходящее по мужской линии и передаваемое таким же образом. Современная семья, выраженная ее названием, представляет собой неорганизованный род; родственные узы разорваны, а ее члены рассеяны так широко, как только можно найти фамилию.

Среди названных народов род обозначал социальную организацию замечательного характера, которая господствовала с древности столь отдаленной, что ее происхождение терялось во мраке далеких веков. Это также была единица организации социальной и правительственной системы, фундаментальная основа древнего общества. Эта организация не ограничивалась племенами, говорящими на латыни, греческом и санскрите, у которых она стала таким заметным институтом. Он был обнаружен в других ветвях арийской семьи народов, в семитских, уральских и туранских семьях, среди племен Африки и Австралии и у американских аборигенов.

Изложение элементарного строения рода с его функциями, правами и привилегиями требует нашего первого внимания; после этого мы проследим его как можно шире среди племен и наций человечества, чтобы путем сравнений доказать его фундаментальное единство. Тогда будет видно, что его следует рассматривать как один из первичных институтов человечества.

Род прошел последовательные стадии развития в своем переходе от своей архаической формы к своей окончательной форме вместе с прогрессом человечества. Эти изменения были ограничены, в основном, двумя: во-первых, изменением происхождения по женской линии, что было архаичным правилом, как среди греческих и римских родов; и, во-вторых, изменением порядка наследования имущества умершего члена рода от его неевреев, которые унаследовали его в архаический период, сначала его агнатическим родственникам и, наконец, его детям. Эти изменения, какими бы незначительными они ни казались,

указывают на очень серьезные изменения состояния, а также на большую степень прогрессивного развития.

Родовая организация, возникшая в период дикости и пережившая три подпериода варварства, в конце концов уступила место у более развитых племен, когда они достигли цивилизации, требованиям которой она не могла соответствовать. У греков и римлян политическое общество возникло после родового общества, но только после того, как началась цивилизация. Тауншип (и его эквивалент, городской округ) с его фиксированной собственностью и проживающими в нем жителями, организованный как политический орган, стал единицей и основой новой и радикально отличающейся системы управления. После того, как было учреждено политическое общество, эта древняя и освященная веками организация, из которой развились фратрия и племя, постепенно прекратила свое существование. В ходе этой книги моей целью будет проследить прогресс этой организации от ее расцвета в условиях дикости до ее окончательного падения в условиях цивилизации; ибо именно при родовых институтах некоторые племена человечества, находясь в состоянии дикости, победили варварство, а цивилизация была завоевана потомками некоторых из тех же племен, находясь в состоянии варварства. Языческие институты привели часть человечества от дикости к цивилизации.

Эту организацию можно успешно изучать как в ее живых, так и в исторических формах у большого числа племен и рас. В таком исследовании предпочтительнее начать с рода в его архаической форме, а затем проследить за ним через его последовательные модификации у развитых народов, чтобы обнаружить как изменения, так и причины, их вызвавшие. Поэтому я начну с рода в том виде, в каком он существует сейчас у американских аборигенов, где он встречается в своей архаичной форме и среди которых его теоретическое устройство и практическое действие могут быть исследованы более успешно, чем в исторических родах греков и римлян. Фактически, для полного понимания родов последних народов настоятельно необходимо знание функций, а также прав, привилегий и обязанностей членов рода американских индейцев.

В американской этнографии племя и клан использовались вместо рода как эквивалентный термин, поскольку не осознавали его универсальности. В предыдущих работах и вслед за моими предшественниками я использовал их именно так.³² Сравнение индийского клана с родом греков и римлян сразу выявляет их идентичность по структуре и функциям. Это также распространяется на фратрию и племя. Если можно показать идентичность этих нескольких организаций, в чем не может быть никаких сомнений, то вполне уместно вернуться к латинской и греческой терминологии, которые являются полными и точными, а также историческими. Я произвел здесь необходимые замены и предлагаю показать параллелизм этих нескольких организаций.

План правления американских аборигенов начинался с рода и заканчивался конфедерацией, причем последняя была высшей точкой, которой достигли их правительственные учреждения. Это дало органический ряд: во-первых, род, совокупность единокровных, имеющих общее родовое имя; во-вторых, фратрия, совокупность родственных родов, объединенных в высшую ассоциацию для достижения определенных общих целей; в-третьих, племя, совокупность родов, обычно организованных во фратрии, все члены которых говорили на одном диалекте; и, в-четвертых, конфедерация племен, члены которых соответственно говорили на диалектах одного основного языка. В результате возникло нееврейское общество (*societas*), в отличие от политического общества или государства (*civitas*). Разница между ними велика и фундаментальна. Когда Америка была открыта, в ней не было ни политического общества, ни гражданина, ни государства, ни

какой-либо цивилизации. Между высшими племенами американских индейцев и началом цивилизации, как правильно понимается этот термин, прошел целый этнический период.

Подобным же образом план правления греческих племен, предшествовавших цивилизации, включал в себя тот же органический ряд, за исключением последнего члена: во-первых, род, совокупность единокровных, носящих общее родовое имя; во-вторых, фратрию, совокупность родов, объединенных социальными и религиозными целями; в-третьих, племя, совокупность родов одного происхождения, организованных во фратрии; и, в-четвертых, нацию, совокупность племен, объединившихся в родовое общество на одной общей территории, как это делали четыре племени. племена афинян в Аттике и три дорийских племени в Спарте. Объединение было более высоким процессом, чем объединение в конфедерацию. В последнем случае племена занимали независимые территории.

Римский план и последовательность действий были теми же: во-первых, род, совокупность кровных родственников, носящих общее родовое имя; во-вторых, курия, собрание родов, объединенных в высшую ассоциацию для выполнения религиозных и правительственных функций; в-третьих, племя, собрание родов, организованных в курии; и, в-четвертых, нация, собрание племен, объединившихся в родовое общество. Ранние римляне со всей пристойностью называли себя *Populus Romanus*.

Везде, где преобладали нееврейские институты и до установления политического общества, мы находим народы в нееврейских обществах и ничего за их пределами. Государства не существовало. Их правительства были по существу демократическими, потому что принципы, на которых были организованы род, фратрия и племя, были демократическими. Это последнее утверждение, хотя и противоречит общепринятым мнениям, исторически важно. Истинность этого можно проверить, последовательно рассмотрев род, фратрию и племя американских аборигенов, а также те же организации у греков и римлян. Как род, единица организации, был по существу демократическим, так и фратрия неизбежно состояла из родов, племя - из фратрий, а родовое общество образовалось в результате объединения племен.

Род, хотя и является очень древней социальной организацией, основанной на родстве, не включает в себя всех потомков общего предка. Это было по той причине, что, когда возник род, браки между отдельными парами были неизвестны, и происхождение по мужской линии не могло быть прослежено с уверенностью. Сородичи были связаны друг с другом главным образом узами материнства. В древнем роде родословная ограничивалась женской линией. Оно охватывало всех таких людей, которые вели свое происхождение от предполагаемого общего предка женского пола, через женщин, доказательством этого факта является обладание общим нееврейским именем. Это включало бы эту предку и ее детей, детей ее дочерей и детей ее потомков женского пола, через женщин, на постоянной основе; в то время как дети ее сыновей и дети ее потомков мужского пола, через мужчин, принадлежали бы другим родам; а именно, детям их соответствующих матерей. Таков был род в его архаической форме, когда отцовство детей не было установлено наверняка и когда их материнство представляло собой единственный определенный критерий происхождения.

Это состояние нисхождения, которое можно проследить до Среднего статуса дикости, как у австралийцев, сохранялось у американских аборигенов на протяжении всего периода Высшего статуса дикости и вплоть до более Низкого статуса варварства, за редкими исключениями. На Среднем этапе варварства индейские племена начали менять происхождение по женской линии на мужское, поскольку синдиазматическая семья того периода начала приобретать моногамные черты. На Высшем уровне варварства

происхождение было заменено на мужскую линию у греческих племен, за исключением ликийцев, и у итальянских племен, за исключением этрусков. Влияние собственности и ее наследования на возникновение моногамной семьи, гарантировавшей отцовство детей, и на изменение происхождения по женской линии на мужское, будет рассмотрено в другом месте. Между двумя крайностями, представленными двумя правилами происхождения, проходят целых три этнических периода, охватывающих многие тысячи лет.

При происхождении по мужской линии род охватывал всех лиц, которые вели свое происхождение от предполагаемого общего предка мужского пола, только по мужской линии, доказательством этого факта является, как и в другом случае, обладание общим родовым именем. Это включало бы этого предка и его детей, детей его сыновей и детей его потомков мужского пола по мужской линии на постоянной основе; в то время как дети его дочерей и дети его потомков женского пола по женской линии принадлежали бы к другим родам, а именно к родам их соответствующих отцов. Те, кто сохранился в роде в одном случае, были исключены в другом, и наоборот. Таков был род в его окончательной форме после того, как отцовство детей стало устанавливаться благодаря возникновению моногамии. Переход рода из одной формы в другую совершался совершенно просто, без его уничтожения. Все, что требовалось, - это достаточный мотив, как будет показано в другом месте. Тот же самый род, с изменением происхождения по мужской линии, оставался единицей социальной системы. Он не мог бы достичь второй формы, не существуя ранее в первой.

Поскольку смешанные браки внутри рода были запрещены, это избавляло его членов от пагубных последствий кровнородственных браков и, таким образом, имело тенденцию увеличивать силу рода. Род возник на основе трех основных концепций, а именно: родственных уз, чистого происхождения по женской линии и отсутствия смешанных браков в роде. Когда была развита идея рода, она, естественно, приняла бы форму парных родов, потому что дети мужчин были исключены и потому что было одинаково необходимо организовать оба класса потомков. При одновременном возникновении двух родов был бы достигнут полный результат; поскольку мужчины и женщины одного рода женились бы на женщинах и мужчинах другого; и дети, следующие по родам своих соответствующих матерей, были бы разделены между ними. Опираясь на родственные узы как связующий принцип, род обеспечивал каждому отдельному члену ту личную защиту, которую не могла дать никакая другая существующая власть.

После рассмотрения прав, привилегий и обязанностей его членов необходимо будет проследить за родом в его органических отношениях к фратрии, племени и конфедерации, чтобы выяснить, для каких целей он применялся, какие привилегии он предоставлял и какие принципы он поощрял. Роды ирокезов будут взяты в качестве стандартного примера этого института в семье гановани. Они перенесли свою схему правления с рода на конфедерацию, сделав ее завершенной в каждой из ее частей и прекрасной иллюстрацией возможностей родовой организации в ее архаичной форме. Когда их обнаружили, ирокезы находились на более низком уровне варварства и были хорошо развиты в жизненных искусствах, связанных с этим состоянием. Они изготавливали сети, бечевки и канаты из волокон коры; плели ремни и перевязи с основой и гав из тех же материалов; они изготавливали глиняные сосуды и трубки из глины, смешанной с кремнистыми материалами и закаленной на огне, некоторые из которых были украшены грубыми медальонами; они выращивали кукурузу, бобы, кабачки и табак на грядках в саду и пекли пресный хлеб из толченой кукурузы, которую варили в глиняных сосудах;³³ они выделяли шкуры, из которых изготавливали килты, леггинсы и мокасины; они использовали их для изготовления одежды, изготовленной из глины. Они

использовали лук, стрелы и боевую дубинку в качестве своего основного оружия; пользовались кремневыми и костяными орудиями, носили одежду из кожи и были опытными охотниками и рыбаками. Они строили длинные многоквартирные дома, достаточно большие, чтобы вместить пять, десять и двадцать семей, и каждая семья практиковала коммунизм в образе жизни; но они не были знакомы с использованием камня или саманного кирпича в архитектуре домов, а также с использованием местных металлов. По умственным способностям и общему развитию они были представительной ветвью индейской семьи к северу от Нью-Мексико. Генерал Ф. А. Уокер вкратце описал их военную карьеру в двух абзацах: “Карьера ирокезов была просто потрясающей. Они были бичом Божиим для аборигенов континента.”³⁴

С течением времени племена ирокезов стали немного отличаться друг от друга численностью и названиями своих соответствующих родов. Самое большое число - восемь, следующим образом:

<i>Senecas.</i> —	1. Wolf.	2. Bear.	3. Turtle.	4. Beaver.	5. Deer.
	6. Snipe.	7. Heron.	8. Hawk.		
<i>Cayugas.</i> —	1. Wolf.	2. Bear.	3. Turtle.	4. Beaver.	5. Deer.
	6. Snipe.	7. Eel.	8. Hawk.		
<i>Onondagas.</i> —	1. Wolf.	2. Bear.	3. Turtle.	4. Beaver.	5. Deer.
	6. Snipe.	7. Eel.	8. Ball.		
<i>Oneidass.</i> —	1. Wolf.	2. Bear.	3. Turtle.		
<i>Mohawks.</i> —	1. Wolf.	2. Bear.	3. Turtle.		
<i>Tuscaroras.</i> —	1. Gray Wolf.	2. Bear.	3. Great Turtle.	4. Beaver.	
	5. Yellow Wolf.	6. Snipe.	7. Eel.	8. Little Turtle.	

Эти изменения показывают, что определенные роды в некоторых племенах вымерли в результате превратностей времени; и что другие были сформированы в результате сегментации чрезмерно полных родов.

Со знанием прав, привилегий и обязанностей членов рода будут более полно поняты его возможности как единицы социальной и правительственной системы, а также то, каким образом он вошел в высшие организации фратрии, племени и конфедерации.

Род индивидуализируется следующими правами, привилегиями и обязанностями, которыми наделяются и налагаются на его членов и которые составляют *jus gentilicium*.

- I. *The right of electing its sachem and chiefs.*
- II. *The right of deposing its sachem and chiefs.*
- III. *The obligation not to marry in the gens.*
- IV. *Mutual rights of inheritance of the property of deceased members.*
- V. *Reciprocal obligations of help, defense, and redress of injuries.*
- VI. *The right of bestowing names upon its members.*
- VII. *The right of adopting strangers into the gens.*
- VIII. *Common religious rites, query.*
- IX. *A common burial place.*
- X. *A council of the gens.*

Эти функции и атрибуты придавали организации жизнеспособность, а также индивидуальность и защищали личные права ее членов.

I. Право избрания своего сахема и вождей.

Почти у всех племен американских индейцев было две категории вождей, которых можно разделить на сахемов и обычных вождей. Из этих двух основных категорий все остальные были разновидностями. Они избирались в каждом роде из числа его членов. Сын не мог быть выбран преемником своего отца, если он происходил по женской линии, потому что он принадлежал к другому роду, а ни у одного рода не было вождя или сахема из какого-либо другого рода, кроме своего собственного. Должность сахема была наследственной в роде в том смысле, что ее заполняли так часто, как появлялась вакансия; в то время как должность вождя не была наследственной, потому что она давалась в награду за личные заслуги и умирала вместе с человеком. Более того, обязанности сахема ограничивались мирными делами. Он не мог отправиться на войну в качестве сахема. С другой стороны, вожди, которых повышали до должности за личную храбрость, мудрость в делах или красноречие на совете, обычно были высшим классом по способностям, хотя и не обладали властью над родом. Отношение сахема было главным образом к роду, официальным главой которого он был; в то время как отношение вождя было главным образом к племени, членами совета которого он, так же как и сахем, были.

Должность сахема имела естественное основание в роде, как организованном теле кровных родственников, которое, как таковое, нуждалось в представительном главе. Однако как должность она старше родовой организации, поскольку встречается среди племен, не организованных таким образом, но у которых она имела аналогичную основу в пуналуальской группе и даже в предшествующей орде. В роде был четко определен состав сахема, основа отношений была постоянной, а его обязанности - отцовскими. Хотя должность в роде была наследственной, она была выборной среди его членов мужского пола. Если рассмотреть индийскую систему кровного родства, то окажется, что все члены рода мужского пола были либо братьями друг другу, собственными или побочными, дядями или племянниками, собственными или побочными, либо побочными дедушками и внуками.³⁵

Это объясняет преемственность должности сахема, которая переходила от брата к брату или от дяди к племяннику, и очень редко от деда к внуку. Выбор, осуществлявшийся путем свободного голосования как мужчин, так и женщин взрослого возраста, обычно падал на брата умершего сахема или на одного из сыновей сестры; наиболее вероятно, что предпочтение отдавалось собственному брату или сыну собственной сестры. Что касается нескольких братьев, собственных и сопутствующих, с одной стороны, и сыновей нескольких сестер, собственных и сопутствующих, с другой, то здесь не было приоритета в праве по той причине, что все члены рода мужского пола имели равные права. Сделать выбор между ними было функцией избирательного принципа.

После смерти сахема, например, у сенека-ирокезов, созывался совет из его язычников³⁶, чтобы назвать его преемника. Согласно их обычаям, должно быть проведено голосование по двум кандидатам, оба из которых являются представителями рода. Каждому лицу совершеннолетнего возраста предлагалось выразить свое предпочтение, и номинировался тот, кто получил наибольшее количество положительных заявлений. По-прежнему требовалось согласие семи оставшихся родов, прежде чем выдвижение было завершено. Если эти роды, собиравшиеся для этой цели фратриями, отказывались утвердить номинацию, она тем самым откладывалась, и род переходил к другому выбору. Когда человек, выдвинутый его родом, был принят остальными родами, выборы были завершены; но все еще было необходимо, чтобы новый сахем был назначен, по их выражению, или наделен своей должностью советом конфедерации, прежде чем он сможет приступить к своим обязанностям. Это был их метод присвоения империума. Таким образом, соблюдались права и интересы нескольких родов, ибо сахем рода по должности был членом совета племени и высшего совета конфедерации. Тот же метод избрания и утверждения существовал в отношении должности вождя и по тем же причинам. Но генеральный совет никогда не созывался для назначения вождей ниже ранга сахема. Они ждали момента, когда будут инвестированы сахемы.

Принцип демократии, зародившийся в родах, проявился в сохранении за неевреями права избирать своего сахема и вождей, в мерах предосторожности, установленных вокруг должности для предотвращения узурпации, и в сдерживании выборов, проводимых остальными родами.

Число вождей в каждом роде обычно соответствовало числу его членов. Среди сенека-ирокезов примерно на каждые пятьдесят человек приходится один вождь. Сейчас их насчитывается в Нью-Йорке около трех тысяч, и у них восемь сахемов и около шестидесяти вождей. Есть основания предполагать, что пропорциональное число сейчас больше, чем в прежние времена. Что касается количества родов в племени, то чем многочисленнее люди, тем больше, как правило, число родов. Это число варьировалось в разных племенах: от трех у делаваров и манси до более двадцати у оджибва и криков; шесть, восемь и десять были обычными числами.

II. Право смещения своего сахема и вождей.

Это право, которое было не менее важным, чем право избирать, было сохранено за членами рода. Хотя номинально должность была пожизненной, практически он занимал ее при хорошем поведении, вследствие права на смещение. Возведение сахема на престол символизировалось как “надевание рогов”, а его низложение - как “снятие рогов”. Среди широко разделенных племен человечества рога стали эмблемой должности и власти, что, вероятно, объясняется, как намекает Тайлор, внушительным видом самцов среди жвачных животных, носящих рога. Недостойное поведение, за которым последовала потеря доверия,

послужило достаточным основанием для дачи показаний. Когда сахем или вождь был свергнут в надлежащей форме советом своего рода, после этого он перестал признаваться таковым и с этого момента становился частным лицом. Совет племени также имел право смещать как сахемов, так и вождей, не дожидаясь действий рода и даже вопреки его желанию. Благодаря существованию и периодическому применению этой власти утверждалось и сохранялось превосходство неевреев над их сахемом и вождями. Это также свидетельствует о демократическом устройстве рода.

III. Обязательство не вступать в брак в роду.

Хотя это и отрицательное утверждение, оно было фундаментальным. Очевидно, что основной целью организации была изоляция части потомков предполагаемого основателя и предотвращение их смешанных браков по соображениям родства. Когда возник род, братья были заключены браки с женами друг друга в группе, а сестры - с мужьями друг друга в группе, чему род не препятствовал. Но суд стремился исключить братьев и сестер из брачных отношений, что было осуществлено, как можно с полным основанием утверждать, данным запретом. Если бы род попытался искоренить всю супружескую систему того периода своим прямым действием, нет ни малейшей вероятности, что она проложила бы себе путь к всеобщему утверждению. Род, возникший, вероятно, благодаря изобретательности небольшой группы дикарей, должен был вскоре доказать свою полезность в производстве превосходных людей. Его почти повсеместное распространение в древнем мире является высшим доказательством преимуществ, которые оно давало, и его приспособляемости к человеческим потребностям в дикости и варварстве. Ирокезы все еще непреклонно придерживаются правила, запрещающего людям вступать в брак с представителями своего рода.

IV. Взаимные права наследования имущества умерших членов.

В состоянии дикости и на более низком уровне варварства количество собственности было небольшим. Оно заключалось в первом условии хранения личных вещей, к которому во втором случае добавились права собственности на совместно арендуемые дома и сады. Самые ценные личные вещи были похоронены вместе с телом умершего владельца. Тем не менее, вопрос о наследовании, несомненно, возникал, приобретал все большее значение по мере увеличения разнообразия и количества собственности и привел к некоторому устоявшемуся правилу наследования. Соответственно, мы находим принцип, установленный глубоко в варварстве и даже вслед за ним в дикости, согласно которому собственность должна оставаться в роде и распределяться между неевреями умершего владельца. В греческих и латинских родах, находившихся на высшей ступени варварства, существовало обычное право, и оно оставалось писаным законом далеко в цивилизации, согласно которому имущество умершего человека должно оставаться в роду. Но после времен Солона среди афинян это ограничивалось случаями нарушения завещания.

Вопрос о том, кто должен принять собственность, породил три великих и последовательных правила наследования. Первое, что она должна быть распределена между неевреями умершего владельца. Таково было правило на Более Низком уровне варварства и, насколько известно, на Уровне дикости. Во-вторых, собственность должна быть распределена между агнатическими родственниками умершего владельца, за исключением оставшихся язычников. Зародыш этого правила появляется в Низшем Статусе варварства и, вероятно, полностью утвердился в Среднем статусе. В-третьих, собственность должна наследоваться детьми умершего владельца, за исключением оставшихся агнатов. Это стало правилом в Высшем статусе варварства.

Теоретически ирокезы подчинялись первому правилу; но практически имущество умершего человека присваивалось его ближайшими родственниками внутри рода. В случае мужчины его собственные братья и сестры и дяди по материнской линии разделили его имущество между собой. Это практическое ограничение наследования ближайшими родственниками-неевреями раскрывает зародыш агнатического наследования. В случае женщины ее имущество наследовалось ее детьми и ее сестрами, за исключением ее братьев. В любом случае имущество оставалось в роду. Дети умерших мужчин ничего не брали от своего отца, потому что принадлежали к другому роду. По той же причине муж ничего не брал у жены, а жена - у своего мужа. Эти взаимные права наследования укрепляли автономию рода.

V. Взаимные обязательства по оказанию помощи, защите и возмещению ущерба.

В цивилизованном обществе государство берет на себя защиту людей и собственности. Привыкнув обращаться к этому источнику для поддержания личных прав, произошло соответствующее ослабление родственных уз. Но в родовом обществе безопасность индивида зависела от его рода. Впоследствии он занял место, отведенное государству, и обладал необходимой численностью, чтобы обеспечить эффективность своей опеки. Внутри его членов родственные узы были мощным элементом взаимной поддержки. Причинять зло человеку означало причинять зло его роду; а поддерживать человека означало стоять за ним со всем его родом-язычником.

В своих испытаниях и трудностях члены рода помогали друг другу. Можно привести два или три примера из жизни индейских племен в целом. Говоря о майя Юкатана, Эррера замечает, что “когда требовалась какая-либо компенсация за ущерб, если тот, кого приговаривали заплатить, был близок к бедности, родственники вносили свой вклад”.³⁷ Под термином “родственники”, как он используется здесь, мы вправе понимать род. И об индейцах Флориды: “Когда умирает брат или сын, люди дома скорее умрут с голоду, чем будут искать что-нибудь съестное в течение трех месяцев, но родственники присылают все это”.³⁸ Лица, переехавшие из одной деревни в другую, не могли передать свое право собственности на обрабатываемые земли или на часть совместного жилого дома незнакомцу; но они должны были оставить их своим родственникам-язычникам. Эррера ссылается на этот обычай среди индейских племен Никарагуа: “Тот, кто переезжает из одного города в другой, не может продать то, что у него есть, но должен оставить это своему ближайшему родственнику”.³⁹ Так много их собственности находилось в совместной собственности, что их образ жизни не допускал ее отчуждения человеку другого рода. Практически право на такую собственность было посессорным, и после отказа от него оно возвращалось к роду. Гарсиласо де ла Вега замечает о племенах перуанских Анд, что “когда простолюдины, или обычный род, вступали в брак, сообщества людей были обязаны строить и обеспечивать их домами”.⁴⁰ Под общинами, как они используются здесь, мы вправе понимать род. Эррера, говоря об одних и тех же племенах, отмечает, что “такое разнообразие языков происходит от того, что народы разделены на расы, племена или кланы”.⁴¹ Здесь язычники должны были помогать молодоженам в строительстве их домов.

Древний обычай кровной мести, который так широко распространился среди человеческих племен, зародился в роде. Оно покоилось в этом теле, чтобы отомстить за убийство одного из своих членов. Трибуналы для суда над преступниками и законы, предписывающие им наказание, появились в родовом обществе поздно; но они появились раньше института политического общества. С другой стороны, преступление убийства так же старо, как человеческое общество, и наказание за него мстью родственников так же старо, как и само

преступление. Среди ирокезов и других индейских племен в целом обязанность отомстить за убийство родственника была общепризнанной.⁴²

Однако долг рода убийцы и убитого заключался в том, чтобы попытаться уладить преступление, прежде чем переходить к крайним мерам. Совет представителей каждого рода проводился отдельно, и от имени убийцы выдвигались предложения о прощении содеянного, обычно в виде выражений сожаления и подарков значительной ценности. Если имелись оправдывающие или смягчающие вину обстоятельства, это обычно приводило к составлению состава преступления; но если нееврейская родня убитого была непримирима, его род назначал одного или нескольких мстителей из числа его членов, обязанностью которых было преследовать преступника до тех пор, пока его не обнаружат, а затем убить его, где бы его ни нашли. Если они совершали деяние, это не было основанием для жалобы со стороны кого-либо из представителей рода жертвы. Поскольку жизнь отвечала за жизнь, требования правосудия были удовлетворены.

То же чувство братства проявлялось и другими способами, когда мы помогали товарищу по несчастью и защищали его от травм.

VI. Право присваивать имена своим членам.

Среди диких и варварских племен нет названия для обозначения семьи. Личные имена представителей одной семьи не указывают на какую-либо семейную связь между ними. Фамилия этой семьи не старше цивилизации.⁴³ Однако личные имена индейцев обычно указывают на принадлежность индивида к лицам других родов того же племени. Как правило, у каждого рода были имена для лиц, которые являлись его особой собственностью и, как таковые, не могли использоваться другими родами того же племени. Родовое имя само по себе давало родовые права. Эти имена либо своим значением указывали на род, к которому они принадлежали, либо были известны как таковые благодаря общей репутации.⁴⁴

После рождения ребенка его мать выбирала имя из числа неиспользуемых, принадлежащих к роду, с согласия ее ближайших родственников, которое затем присваивалось младенцу. Но ребенок не был полностью крещен до тех пор, пока его рождение и имя, а также имя и род его матери и имя его отца не были объявлены на следующем совете племени. После смерти человека его имя не могло быть повторно использовано при жизни старшего из оставшихся в живых сыновей без согласия последнего.⁴⁵

В ходу были два класса имен, одно из которых было приспособлено к детству, а другое - к взрослой жизни, и в соответствующий период они обменивались ими таким же формальным образом; одно, по их выражению, было убрано, а другое даровано вместо него. О-ви-го, каноэ, плывущее по течению, и Ах-ву'-не-онт, висящий цветок; имена девочек у ирокезов сенека; а Га-не-о-ди'-йо, красивое озеро, и До-не-хо-га-ве, привратник, имена взрослых мужчин. В возрасте шестнадцати или восемнадцати лет первое имя отнималось, обычно вождем рода, и на его место назначалось лицо второго сорта. На следующем совете племени публично объявлялось о смене имен, после чего человек, если он был мужчиной, брал на себя обязанности мужчины. В некоторых индейских племенах от юноши требовалось выйти на тропу войны и заслужить свое второе имя каким-нибудь актом личной храбрости. После тяжелой болезни человек нередко из суеверных соображений просил и добивался повторной смены имени. Иногда это повторялось в глубокой старости. Когда человек избирался сахемом или вождем, его имя убиралось, а новое присваивалось во время его вступления в должность. Человек не имел никакого контроля над вопросом об изменении. Это прерогатива родственников и вождей; но взрослый человек может изменить свое имя при

условии, что он сможет убедить вождя объявить об этом на совете. Человек, владеющий определенным именем, как старший сын своего умершего отца, мог одолжить его другу из другого рода; но после смерти человека, носившего его таким образом, имя возвращалось к роду, которому оно принадлежало.

У шауни и делаваров мать теперь имеет право отнести своего ребенка к любому роду, который ей заблагорассудится; и данное имя переносит ребенка в тот род, к которому принадлежит это имя. Но это большой отход от архаичных обычаев и исключительный на практике. Это имеет тенденцию искажать и смешивать языческую родословную. Имена, используемые сейчас ирокезами и другими индейскими племенами, в основном являются древними именами, передаваемыми в родах с незапамятных времен.

Меры предосторожности, принимаемые в отношении использования имен, принадлежащих к роду, в достаточной степени доказывают важность, придаваемую им, и права, которые они предоставляют неевреям.

Хотя этот вопрос о личных именах разветвляется во многих направлениях, моей цели не соответствует делать больше, чем иллюстрировать такие общие обычаи, которые раскрывают отношения членов рода. В фамильном общении и при формальном приветствии американские индейцы обращаются друг к другу с помощью термина, который человек, с которым разговаривают, поддерживает по отношению к говорящему. Когда они родственники, они приветствуют их по-родственному; когда не родственники, заменяется "мой друг". Было бы расценено как грубость обращаться к индейцу по его личному имени или спрашивать его имя непосредственно у него самого.

У наших саксонских предков вплоть до нормандского завоевания были единственные личные имена, ни одно из которых не обозначало семью. Это указывает на позднее появление моногамной семьи среди них; и это наводит на предположение о существовании в более ранний период саксонского рода.

VII. Право принятия в род незнакомцев.

Другим отличительным правом рода было право принимать новых членов путем усыновления. Пленных, взятых на войне, либо предавали смерти, либо принимали в какой-либо род. Женщины и дети, взятые в плен, обычно испытывали милосердие в этой форме. Усыновление не только предоставляло права неевреям, но и давало гражданство племени. Лицо, усыновляющее пленника, относило его к брату или сестре; если мать усыновляла, то к сыну или дочери; и всегда впоследствии относилось к этому лицу во всех отношениях, как если бы оно родилось в этих отношениях. Рабство, которое в Высшем статусе варварства становилось уделом пленника, было неизвестно среди племен с более Низким статусом в период аборигенства. Перчатка также имела некоторое отношение к усыновлению, поскольку человек, преуспевший благодаря храбрости или фаворитизму в безопасном прохождении через кордоны, имел право на эту награду. Пленным, когда их усыновляли, часто отводили в семье места умерших, павших в бою, чтобы пополнить разрозненные ряды родственников. Сокращающийся род может пополнить свою численность путем усыновления, хотя такие случаи редки. В свое время род ястребов сенека сократился до небольшого числа особей, и его вымирание стало неизбежным. Чтобы спасти род, несколько человек из рода Волков по взаимному согласию были переведены в тело путем усыновления в тело Ястреба. Право на усыновление, по-видимому, оставлено на усмотрение каждого рода.

У ирокезов церемония усыновления проводилась на общественном совете племени, что превратило ее практически в религиозный обряд.⁴⁶

VIII. Религиозные обряды в роде. Вопрос.

Среди греческих и латинских племен эти обряды занимали видное положение. Высшая политеистическая форма религии, появившаяся тогда, по-видимому, произошла от родов, в которых постоянно соблюдались религиозные обряды. Некоторые из них, исходя из святости, которой они, как предполагалось, обладали, были национализированы. В некоторых городах должность верховного жреца определенных божеств передавалась по наследству в определенном роде.⁴⁷ Род стал естественным центром религиозного роста и местом зарождения религиозных церемоний.

Но индейские племена, хотя и имели политеистическую систему, мало чем отличающуюся от той, из которой, должно быть, произошли греческие и римские, не достигли того религиозного развития, которое оказало столь сильное влияние на роды последних племен. Вряд ли можно сказать, что у какого-либо индийского рода были особые религиозные обряды; и все же их религиозное поклонение имело более или менее прямую связь с родами. Именно здесь естественным образом зарождались религиозные идеи и устанавливались формы богослужения. Но они распространялись из рода в племя, а не оставались чем-то особенным для рода. Соответственно, мы находим у ирокезов шесть ежегодных религиозных праздников (кленовый, Посадочный, Ягодный, кукурузный, жатвенный и новогодний)⁴⁸, которые были общими для всех родов, объединенных в племя, и которые отмечались в установленные сезоны года.

В каждом роде было несколько “Хранителей Веры”, как мужчин, так и женщин, которым вместе было поручено празднование этих праздников.⁴⁹ Число, выдвинутое каждым на эту должность, рассматривалось как свидетельство верности рода религии. Они назначали дни для проведения праздников, делали необходимые приготовления к празднованию и проводили церемонии совместно с сахемами и вождями племени, которые по должности были “Хранителями Веры”. Не имея официального главы и ни одного из признаков священства, их функции были равны. Женщинам-“Хранительницам веры” была особенно поручена подготовка праздника, который устраивался на всех соборах в конце каждого дня для всех присутствующих. Это был общий ужин. Религиозные обряды, относящиеся к этим праздникам, которые были описаны в предыдущей работе,⁵⁰ не нуждаются в дальнейшем рассмотрении, кроме как отметить, что их богослужение было посвящено благодарению с обращениями к Великому Духу и к Меньшим Духам с просьбой продолжать дарить им благословения жизни.

По мере продвижения человечества от Низшего уровня к Среднему, и особенно от последнего к Высшему уровню варварства, род все больше становился центром религиозного влияния и источником религиозного развития. До нас дошла лишь наиболее грубая часть религиозной системы ацтеков; но в дополнение к национальным богам, по-видимому, существовали и другие боги, принадлежавшие более мелким слоям народа, чем фратрии. Существование ритуала и жречества ацтеков заставляет нас ожидать у них более тесной связи религиозных обрядов с родами, чем у ирокезов; их религиозные верования и обряды находятся под тем же облаком неизвестности, что и их социальная организация.

IX. Общее место захоронения.

Древним, но не исключительным способом захоронения было использование строительных лесов до тех пор, пока плоть не иссякнет, после чего кости собирали и хранили в бочках из

коры в доме, построенном для их приема. Те, кто принадлежал к одному роду, обычно помещались в одном доме. Преподобный доктор Сайрус Байингтон обнаружил эти обычаи у чокта в 1827 году; и Адэр упоминает, что обычаи у чероки по существу такие же. “Я видел троих из них, - замечает он, - в одном из их городков, довольно близко друг от друга; * * В каждом доме были кости одного племени отдельно, с иероглифическими фигурами каждой семьи [рода] на каждом из ковчегов причудливой формы. Они считали нерелигиозным смешивать кости родственника с костями незнакомца, поскольку кость от кости и плоть от плоти всегда должны быть соединены вместе.”⁵¹ Ирокезы в древние времена использовали строительные леса и хранили кости умерших родственников в бочках из коры, часто храня их в доме, который они занимали. Их также хоронили в земле. В последнем случае представителей одного и того же рода не всегда хоронили вместе на местном кладбище, если только у них не было общего деревенского кладбища. Покойный преподобный Ашур Райт, долгое время работавший миссионером среди сенека и являвший собой благородный образец американского миссионера, написал автору следующее: “Я не нахожу никаких следов влияния клановости в местах захоронения мертвых. Я полагаю, что они хоронили беспорядочно. Однако говорят, что раньше члены разных кланов чаще жили вместе, чем в настоящее время. Как одна семья, они в большей степени находились под влиянием семейных чувств и имели меньше индивидуальных интересов. Следовательно, иногда может случиться так, что значительная часть умерших в каком-то конкретном месте захоронения может принадлежать к одному и тому же клану.” Мистер Райт, несомненно, прав, что на определенном кладбище будут похоронены члены всех родов, обосновавшихся в деревне; но они могут содержать представителей одного и того же рода локально вместе. Показательный пример можно найти в резервации Тускарора близ Льюистона, где у племени есть одно общее кладбище и где особи одного и того же рода похоронены в ряд поодиночке. Один ряд состоит из могил умерших представителей рода Бобров, два ряда - представителей рода Медведей, один ряд - Серого Волка, один - Большой Черепахи и так далее в количестве восьми рядов. Муж и жена отделены друг от друга и похоронены в разных рядах; отцы и их дети одинаковые; но матери и их дети, а также братья и сестры похоронены в одном ряду. Это показывает силу языческих чувств и быстроту, с которой при благоприятных условиях возвращаются к древним обычаям; ибо тускарора теперь обращены в христианство, не отказываясь от этой практики. Индеец из племени Онондага сообщил автору, что такой же способ захоронения у представителей рода в настоящее время преобладает на кладбищах Онондага и Онейда. Хотя этот обычай, возможно, нельзя назвать общепринятым среди индейских племен, несомненно, в древние времена существовала тенденция и предпочтение такому способу захоронения.

У ирокезов, и то, что верно для них, в целом верно и для других индейских племен, находящихся на том же уровне развития, все члены рода являются плакальщиками на похоронах умершего джентилуса. Обращения на похоронах, подготовка могилы и погребение тела были выполнены представителями других родов.

Деревенские индейцы Мексики и Центральной Америки практиковали неопрятную кремацию, а также сооружение строительных лесов и захоронение в земле. Первое относилось только к вождям и выдающимся людям.

Х. Совет рода.

Совет был важной чертой древнего общества, азиатского, европейского и американского, от института рода в дикости до цивилизации. Это был инструмент управления, а также высшая власть над родом, племенем и конфедерацией. Обычные дела улаживались вождями; но те, которые представляли общий интерес, были переданы на рассмотрение совета. Поскольку

совет возник из родовой организации, эти два института на протяжении веков развивались вместе. Совет вождей представляет собой древний метод развития мудрости человечества и применения ее к человеческим делам. Его история, языческая, племенная и конфедеративная, будет выражать рост идеи правления во всем ее развитии, пока не возникнет политическое общество, в которое был передан совет, преобразованный в сенат.

Самой простой и низшей формой совета был совет рода. Это было демократическое собрание, потому что каждый взрослый член мужского и женского пола имел право голоса по всем поставленным перед ним вопросам. Оно избирало и низлагало своих сахемов и вождей, оно избирало Хранителей Веры, оно оправдывало убийство язычника или мстило за него, и оно принимало людей в род. Это был зародыш высшего совета племени и еще более высокого совета конфедерации, каждый из которых состоял исключительно из вождей как представителей родов.

Таковы были права, привилегии и обязанности членов рода ирокезов; и таковы были права, привилегии и обязанности членов родов индейских племен в целом, насколько было проведено исследование. Когда будут рассмотрены роды греческих и латинских племен, обнаружится, что существуют те же права, привилегии и обязанности, за исключением I, II и VI; и в отношении них их древнее существование вероятно, хотя доказательства, возможно, недостижимы.

Все члены рода ирокезов были лично свободны и обязаны были защищать свободу друг друга; они были равны в привилегиях и личных правах, сахем и вожди не претендовали ни на какое превосходство; и они были братством, связанным родственными узами. Свобода, равенство и братство, хотя они так и не были сформулированы, были кардинальными принципами рода. Эти факты существенны, потому что род был ячейкой социальной и правительственной системы, фундаментом, на котором было организовано индийское общество. Структура, состоящая из таких единиц, по необходимости несла бы на себе отпечаток их характера, ибо как единица, так и составное целое. Это служит объяснением того, что чувство независимости и личного достоинства повсеместно является атрибутом индийского характера.

Таким существенным и важным элементом социальной системы был род в том виде, в каком он существовал в древности у американских аборигенов и в каком он все еще существует в полной мере у многих индейских племен. Это было основой фратрии, племени и конфедерации племен. Его функции можно было бы представить более подробно в нескольких деталях, но приведено достаточно, чтобы показать его постоянный и долговечный характер.

В эпоху европейских открытий племена американских индейцев, как правило, были организованы в роды с происхождением по женской линии. В некоторых племенах, как, например, у дакотов, роды распались; в других, как, например, у оджибва, омахас и майя на Юкатане, происхождение сменилось с женской на мужскую линию. По всей аборигенной Америке род получил свое название от какого-либо животного или неодушевленного предмета, но никогда от человека. В этом раннем состоянии общества индивидуальность людей была утрачена в роде. По крайней мере, можно предположить, что роды греческих и латинских племен были названы так в какой-то предшествующий период; но когда они впервые попали в поле зрения истории, они были названы в честь людей. В некоторых племенах, таких как индейцы деревни мокуи в Нью-Мексико, члены рода заявляли о своем происхождении от животного, имя которого они носили, — их отдаленные предки были преобразованы Великим Духом из животного в человеческую форму. У рода Журавлей

оджибва есть похожая легенда. В некоторых племенах члены рода не едят животное, имя которого они носят, и это соображение, несомненно, оказывает на них влияние.

Что касается числа лиц в роде, то оно менялось в зависимости от численности родов и от процветания или упадка племени. Три тысячи сенек, разделенных поровну между восемью родами, дали бы в среднем триста семьдесят пять человек в роде. Пятнадцать тысяч оджибва, разделенных поровну между двадцатью тремя родами, дают шестьсот пятьдесят человек в роде. У чероки в среднем на род приходилось более тысячи человек. При нынешнем состоянии основных индейских племен число лиц в каждом роде колебалось бы от ста до тысячи.

Один из старейших и наиболее широко распространенных институтов человечества, роды были тесно связаны с человеческим прогрессом, на который они оказывали мощное влияние. Они были обнаружены у племен, находившихся в состоянии дикости, на Низших, Средних и Высших стадиях варварства на разных континентах, и в полной жизненности у греческих и латинских племен после зарождения цивилизации. Каждая семья человечества, за исключением полинезийской, по-видимому, попала под родовую организацию и была обязана ей сохранением и средствами прогресса. Она находит свою единственную параллель по продолжительности в системах кровного родства, которые, возникнув в еще более ранний период, сохранились до настоящего времени, хотя брачные обычаи, из которых они возникли, давно исчезли.

С момента ее создания и по тому, как она сохранялась на протяжении столь огромных промежутков времени, следует считать, что своеобразная адаптация родовой организации к человечеству, находящемуся в диком и варварском состоянии, была наглядно продемонстрирована.

ГЛАВА III

Ирокезская фратрия

Фратрия - это братство, как следует из термина, и естественный рост организации в роды. Это органический союз или ассоциация двух или более родов одного племени для достижения определенных общих целей. Эти роды обычно были такими, которые образовались в результате сегментации исходного рода.

Среди греческих племен, где фратрическая организация была почти такой же постоянной, как род, она стала очень заметным институтом. Каждое из четырех афинских племен было организовано в три фратрии, каждая из которых состояла из тридцати родов, что составляло в общей сложности двенадцать фратрий и триста шестьдесят родов. Такое точное численное единообразие в составе каждой фратрии и племени не могло быть результатом разделения родов в результате естественных процессов. Должно быть, это было произведено, как предполагает г-н Гроте, путем законодательных закупок в интересах симметричной организации. Все роды племени, как правило, были общего происхождения и носили общее племенное название, следовательно, не требовалось бы серьезных ограничений, чтобы объединить указанное число в каждой фратрии и сформировать указанное количество фратрий в каждом племени. Но фратрийская организация имела естественное основание в непосредственном родстве определенных родов как подразделений первоначального рода, что, несомненно, было основой, на которой первоначально сформировалась греческая

фратрия. Инкорпорация чужеродных родов и перемещения по согласию или принуждению могли бы объяснить численное изменение родов и фратрий в афинских племенах.

Римская курия была аналогом греческой фратрии. Дионисий постоянно упоминает ее как фратрию.⁵² В каждой курии было десять родов, а в каждом из трех римских племен - по десять курий, что составляло тридцать курий и триста родов римлян. Функции римской курии гораздо лучше известны, чем функции греческой фратрии, и были более высокими по степени, потому что курия непосредственно выполняла функции правительства. Собрание родов (*comitia curiata*) голосовало куриями, каждая из которых имела один коллективный голос. Это собрание было верховной властью римского народа вплоть до времен Сервия Туллия.

Среди функций греческой фратрии было соблюдение особых религиозных обрядов, оправдание или месть за убийство фратора и очищение убийцы после того, как он избежал наказания за свое преступление, готовясь к его возвращению в общество.⁵³ В более поздний период среди афинян — поскольку фратрия в Афинах пережила институт политического общества при Клизфене — она заботилась о регистрации граждан, став таким образом хранителем происхождения и доказательств гражданства. Жена после вступления в брак была зачислена во фратрию своего мужа, а дети от брака были зачислены в род и фратрию своего отца. В обязанности этой организации также входило судебное преследование убийцы фратора в судах. Это одни из известных целей и функций этой организации в более ранний и более поздний периоды. Если бы все детали были полностью выяснены, фратрия, вероятно, проявила бы себя в связи с общими столами, публичными играми, похоронами выдающихся людей, самой ранней организацией армии и заседаниями советов, а также в соблюдении религиозных обрядов и охране социальных привилегий.

Фратрия существовала у большого числа племен американских аборигенов, где, как видно, она возникла естественным путем и занимает второе место в органическом ряду, как у греческих и латинских племен. Оно не обладало первоначальными правительственными функциями, какими обладали род, племя и конфедерация; но оно было наделено определенными полезными полномочиями в социальной системе из-за необходимости какой-либо организации, большей, чем род, и меньшей, чем племя, и особенно когда племя было большим. Являясь тем же институтом по своим существенным чертам и характеру, он представляет организацию в ее архаичной форме и с ее архаичными функциями. Знание индийской фратрии необходимо для разумного понимания греческого и римского языков.

Восемь родов племени сенека-ирокезов были реинтегрированы в две фратрии следующим образом:

<i>First Phratry.</i>				
<i>Gentes</i> —	1. Bear.	2. Wolf.	3. Beaver.	4. Turtle.
<i>Second Phratry.</i>				
<i>Gentes</i> —	5. Deer.	6. Snipe.	7. Heron.	8. Hawk.

Каждая фратрия (*De-ă-non-dă-yoh*) является братством, поскольку этот термин также имеет значение. Роды одной и той же фратрии являются братскими родами друг для друга и двоюродными родами для родов другой фратрии. Они равны по рангу, характеру и привилегиям. У сенеков распространена практика называть роды своей собственной фратрии братскими родами, а роды другой фратрии - двоюродными родами, когда они

упоминают их в связи с фратриями. Первоначально брак между членами одной и той же фратрии был запрещен, но члены любой из них могли вступать в брак с представителями любого рода другой. Этот запрет имеет тенденцию показывать, что роды каждой фратрии были подразделениями первоначального рода, и, следовательно, запрет на вступление в брак с представителем собственного рода распространился и на его подразделения. Это ограничение, однако, было давно снято, за исключением рода индивида. Традиция племени сенека утверждает, что Медведь и Олень были первоначальными родами, остальные из которых были подразделениями. Таким образом, видно, что фратрия имела естественную основу в родстве родов, из которых она состояла. После их разделения из-за увеличения численности возникла естественная тенденция к их объединению в более высокую организацию для достижения общих для всех них целей. Одни и те же роды не являются постоянными во фратрии бесконечно, как станет ясно, когда будет рассмотрен состав фратрий у остальных племен ирокезов. Переход отдельных родов из одной фратрии в другую, должно быть, произошел, когда равновесие в их соответствующей численности было нарушено. Важно знать простой способ возникновения этой организации и легкость, с которой ею управляют, как частью социальной системы древнего общества. С увеличением численности рода, за которым последовало местное разделение его членов, произошла сегментация, и отделившаяся часть приняла новое родовое имя. Но традиция их прежнего единства сохранилась бы и стала основой их реорганизации во фратрию.

Подобным образом у каюга-ирокезов есть восемь родов в двух фратриях; но эти роды не разделены между ними поровну. Они следующие:

First Phratry.

Gentes. — 1. Bear. 2. Wolf. 3. Turtle. 4. Snipe. 5. Eel.

Second Phratry.

Gentes. — 6. Deer. 7. Beaver. 8. Hawk.

Семь из этих родов те же, что и у сенеков; но род цапли исчез, и его место занял Угорь, но переведенный в противоположную фратрию. Роды Бобра и Черепахи также обменялись фратриями. Каюги называют роды одной и той же фратрии родственными по отношению друг к другу, а роды противоположной фратрии - родственными по отношению к ним.

У онондага-ирокезов такое же количество родов, но два из них отличаются по названию от родов сенека. Они организованы в две фратрии следующим образом:

First Phratry.

Gentes. — 1. Wolf. 2. Turtle. 3. Snipe. 4. Beaver. 5. Ball.

Second Phratry.

Gentes. — 6. Deer. 7. Eel. 8. Bear.

И здесь состав фратрий отличается от состава сенеков. Три рода из первой фратрии одинаковы в каждом; но род Медведя был перенесен в противоположную фратрию и теперь встречается вместе с Оленями. Разделение родов также неравнозначно, как и среди кайюга. Роды одной и той же фратрии называются родами-братьями друг друга, а роды другой - их двоюродными братьями. В то время как у онондага нет Ястреба, у сенека нет рода Угрей; но

представители этих двух родов при встрече братаются, утверждая, что между ними существует связь.

У могавков и онейд есть только три рода: Медведь, Волк и Черепаха, и нет фратрий. Когда была образована конфедерация, семь из восьми родов сенека существовали в составе нескольких племен, о чем свидетельствует установление в них сахемства; но у могавков и онейдов тогда были названы только три. Это показывает, что они тогда потеряли всю фратрию и один оставшийся от нее род, если предположить, что первоначальные племена когда-то состояли из одних и тех же родов. Когда племя, организованное в роды и фратрии, подразделяется, это может происходить по линии фратрической организации. Хотя члены племени повсюду смешиваются путем брака, каждый род во фратрии состоит из женщин с их детьми и потомками через женщин, которые составляют тело фратрии. Они были бы склонны, по крайней мере, оставаться локально вместе и, таким образом, могли бы отделиться в теле. Члены рода мужского пола, женатые на женщинах из других родов и остающиеся со своими женами, не повлияют на род, поскольку дети мужчин не принадлежат к его соединению. Если когда-либо удастся восстановить мельчайшие подробности истории индейских племен, их следует искать в родах и фратриях, которые можно проследить от племени к племени. В таком исследовании заслуживает внимания вопрос о том, распадались ли когда-либо племена по фратриям. Это по меньшей мере невероятно.

Тускарора-ирокезы отделились от основного поголовья в какой-то неизвестный период прошлого и на момент своего открытия населяли район реки Нойз в Северной Каролине. Примерно в 1712 году нашей эры они были вытеснены из этой области, после чего переселились в страну ирокезов и были приняты в конфедерацию в качестве шестого члена. У них есть восемь родов, организованных в две фратрии следующим образом:

First Phratry.

Gentes. — 1. Bear. 2. Beaver. 3. Great Turtle. 4. Eel.

Second Phratry.

Gentes. — 5. Gray Wolf. 6. Yellow Wolf. 7. Little Turtle. 8. Snipe.

У них шесть общих родов с кайюгами и онондагами, пять общих с сенеками и три общих с могавками и онейдами. Род оленей, которым они когда-то владели, вымер в наше время. Следует также заметить, что род Волков теперь разделен на два, Серый и Желтый, а род Черепах - на два, Больших и Малых. Три рода в первой фратрии совпадают с тремя родами в первой фратрии сенеков и кайюг, за исключением того, что род Волков двойной. Поскольку между отделением тускарора от их сородичей и их возвращением прошло несколько сотен лет, это дает некоторое свидетельство постоянства существования рода. Роды одной и той же фратрии называются родами-братьями друг для друга, а роды другой фратрии - родственными родами, как и среди других племен.

Исходя из различий в составе фратрий у нескольких племен, представляется вероятным, что фратрии видоизменяются в своих родах через определенные промежутки времени в соответствии с изменениями условий. Некоторые роды процветают и увеличиваются в численности, в то время как другие из-за бедствий приходят в упадок, а третьи вымирают; так что переход родов из одной фратрии в другую был признан необходимым для сохранения некоторой степени равенства в количестве фратрий в каждом. Фратрийская организация существовала у ирокезов с незапамятных времен. Вероятно, она старше конфедерации,

которая была основана более четырех столетий назад. Степень различия в их составе в отношении входящих в них родов отражает превратности, через которые прошло каждое племя за этот промежуток времени. С любой точки зрения он невелик и, как правило, иллюстрирует постоянство как фратрии, так и рода.

Племена ирокезов насчитывали в общей сложности тридцать восемь родов, а в четырех из них - в общей сложности восемь фратрий.

По своим целям и использованию ирокезская фратрия стоит ниже греческой, как можно было бы предположить, хотя наши знания о функциях последней ограничены; и ниже того, что известно об использовании фратрии среди римских племен. Сравнивая последнее с первым, мы проходим назад, через два этнических периода, и попадаем в совершенно иное состояние общества. Разница заключается в степени прогресса, а не в натуре; ибо у каждой расы мы имеем один и тот же институт, происходящий от одного и того же или сходного зародыша и сохраняемый каждой на протяжении огромных периодов времени как часть социальной системы. Родовое общество по необходимости сохранялось у греческих и римских племен до тех пор, пока не возникло политическое общество; и оно сохранялось у племен ирокезов, потому что они все еще были на два этнических периода ниже уровня цивилизации. Следовательно, важен каждый факт, касающийся функций и использования индийской фратрии, поскольку он имеет тенденцию иллюстрировать архаичный характер института, который стал таким влиятельным в более развитых условиях общества.

Фратрия у ирокезов предназначалась частично для социальных, а частично для религиозных целей. Ее функции и использование лучше всего можно показать на практических иллюстрациях. Мы начнем с самого низшего, с игр, которые были обычным явлением на советах племен и конфедератов. В игре в мяч, например, у сенеков они играют фратриями, друг против друга; и они ставят друг против друга на результат игры. Каждая фратрия выдвигает своих лучших игроков, обычно от шести до десяти на каждой стороне, и члены каждой фратрии собираются вместе, но на противоположных сторонах поля, на котором проводится игра. Перед началом мероприятия члены противоположных фратрий подвергают риску предметы личного имущества. Они передаются хранителям на хранение до окончания мероприятия. В игру играют с духом и энтузиазмом, и это захватывающее зрелище. Члены каждой фратрии со своих противоположных позиций с нетерпением наблюдают за игрой и подбадривают своих игроков при каждом удачном ходе игры.⁵⁴

Фратрийская организация проявляла себя во многих отношениях. На совете племени сахемы и вожди каждой фратрии обычно садились по разные стороны воображаемого костра для совещаний, и ораторы обращались к двум противоположным группам как к представителям фратрий. Подобные формальности обладают особым очарованием для Красного Человека при ведении бизнеса.

Опять же, когда совершалось убийство, обычно представители рода убитого собирались на совет и, после выяснения фактов, принимали меры к отмщению за содеянное. Род преступника также держал совет и пытался согласовать или оправдать преступление с родом убитого человека. Но часто случалось, что род преступника призывал другие роды своей фратрии, когда убийца и убитая принадлежали к противоположным фратриям, объединиться с ними, чтобы добиться оправдания преступления. В таком случае фратрия проводила совет, а затем обращалась к другой фратрии, к которой направляла делегацию с поясом из белого вампуна с просьбой о совете фратрии и о корректировке преступления. Они предложили компенсацию семье и роду убитого в виде выражений сожаления и ценных подарков. Переговоры между двумя советами продолжались до тех пор, пока не было

достигнуто положительное или отрицательное заключение. Влияние фратрии, состоящей из нескольких родов, было бы больше, чем влияние одного рода; и, призывая к действию противоположную фратрию, вероятность оправдания возрастала бы, особенно при наличии смягчающих обстоятельств. Таким образом, мы можем видеть, насколько естественно греческая фратрия до появления цивилизации взяла на себя основное, хотя и не исключительное ведение дел об убийстве, а также очищение убийцы, если он избежал наказания; и с каким правом после установления политического общества фратрия взяла на себя обязанность судебного преследования убийцы в судах.

На похоронах лиц, пользующихся признанным авторитетом в племени, фратрийская организация проявляла себя самым заметным образом. Фратрии умершего в полном составе были провожающими, а члены противоположной фратрии проводили церемонии. В случае сахема противоположная фратрия обычно отправляла сразу после похорон официальный пояс ватпум умершего правителя к костру центрального совета в Онондаге в качестве уведомления о его кончине. Этот знак сохранялся до вступления в должность его преемника, когда он был пожалован ему в качестве знака отличия его должности. На похоронах Красавчика Лейка (Га-не-о-ди-йо), одного из восьми сахемов Сенека (которые произошли несколько лет назад), присутствовало собрание сахемов и вождей в количестве двадцати семи человек и большое количество членов обеих фратрий. Обычное обращение к мертвому телу и к другой адресатке перед выносом тела было сделано членами противоположной фратрии. После того, как обращение было закончено, тело отнесли к могиле лица, выбранные из последней названной фратрии, за которыми сначала следовали сахемы и вожди, затем семья и род покойного, затем его оставшиеся фратры и последними члены противоположной фратрии. После того, как тело было опущено в могилу, сахемы и вожди выстроились вокруг него в круг, чтобы засыпать его землей. Каждый по очереди, начиная с старшего по возрасту, бросал по три полных лопаты - типичное число в их религиозной системе; из которых первая имела отношение к Великому Духу, вторая - к Солнцу, а третья - к Матери-Земле. Когда могила была засыпана, старший сахем, образно выражаясь, водрузил "рога" усопшего сахема, символизирующие его должность, на крышку могилы над его головой, чтобы они оставались там до тех пор, пока не будет установлен его преемник. В этой последующей церемонии, как говорили, "рога" были извлечены из могилы умершего правителя и возложены на голову его преемника.⁵⁵ Социальные и религиозные функции фратрии и ее естественность в органической системе древнего общества становятся очевидными благодаря одному этому употреблению.

Фратрия также была непосредственно вовлечена в выборы сахемов и вождей нескольких родов, по которым они проголосовали как против, так и за утверждение. После того как род умершего сахема избирал его преемника или вождя второго ранга, было необходимо, как указано в другом месте, чтобы их выбор был принят и подтвержден каждой фратрией. Ожидалось, что роды одной и той же фратрии подтвердят этот выбор почти как само собой разумеющееся; но противоположная фратрия также должна была согласиться, и из этого источника иногда возникало противодействие. Был созван совет каждой фратрии, который вынес решение по вопросу о принятии или отклонении. Если сделанная кандидатура принималась обоими, она считалась завершенной; но если кто-либо из них отказывался, она, таким образом, отменялась, и род производил новые выборы. Когда выбор, сделанный родом, был принят фратриями, все еще было необходимо, как указывалось выше, чтобы новый сахем, или новый вождь, был назначен советом конфедерации, который один имел право назначать на должность.

В настоящее время сенеки потеряли свои Медицинские ложи, которые прекратили свое существование в наше время; но раньше они существовали и составляли заметную часть их религиозной системы. Владеть Ложей Целителей означало соблюдать их высшие религиозные обряды и практиковать их высшие религиозные мистерии. У них было две такие организации, по одной в каждой фратрии, что еще больше показывает естественную связь фратрии с религиозными обрядами. Сейчас очень мало известно об этих ложах или их церемониях. Каждое из них представляло собой братство, в которое новые члены принимались путем формального посвящения.

Фратрия не имела правительственных функций в строгом смысле этого слова, поскольку они ограничивались родом, племенем и конфедерацией; но она вмешивалась в их социальные дела с большими административными полномочиями и все больше и больше занималась их религиозными делами по мере улучшения положения народа. В отличие от греческой фратрии и римской курии, у нее не было официального главы. Не было ни главы фратрии как таковой, ни принадлежащих к ней религиозных функционеров в отличие от рода и племени. Фратрический институт у ирокезов находился в своей зачаточной архаичной форме, но он возник в результате естественного и неизбежного развития и оставался постоянным, потому что удовлетворял необходимые потребности. Каждое учреждение человечества, достигшее постоянства, будет связано с постоянной нуждой. С существованием рода, племени и конфедерации присутствие фратрии было в значительной степени обеспечено. Однако требовалось время и дальнейший опыт, чтобы выявить все способы его использования.

Среди деревенских индейцев Мексики и Центральной Америки, должно быть, существовала фратрия, основывавшаяся на общих принципах; и была более развитой и влиятельной организацией, чем среди ирокезов. К сожалению, лишь поверхностные упоминания о таком учреждении - это все, что можно найти в изобилующих повествованиями испанских писателей в течение первого столетия после испанского завоевания. Четыре "линии" тласкаланцев, населявших четыре квартала пуэбло Тласкала, были, по всей вероятности, множеством фратрий. Их было достаточно много для четырех племен; но поскольку они населяли одно и то же пуэбло и говорили на одном диалекте, фратрическая организация, по-видимому, была необходимостью. Каждая линия, или, так сказать, фратрия, имела особую военную организацию, особый костюм и знамя, а также своего главного военачальника (Тевктли), который был ее общим военным командующим. Они вышли на битву фратриями. Организация военной силы фратриями и племенами не была неизвестна гомеровским грекам. Так, Нестор советует Агамемнону "разделить войска по фратриям и племенам, чтобы фратрия могла поддерживать фратрию и племя колена".⁵⁶ При родовых институтах наиболее развитого типа принцип родства стал в значительной степени основой организации армии. Подобным же образом ацтеки населяли мексиканские пуэбло четырьмя отдельными районами, жители каждого из которых были более близки друг к другу, чем жители других районов. Они были отдельными родословными, как и тласкаланцы, и, весьма вероятно, представляли собой четыре фратрии, отдельно организованные как таковые. Они отличались друг от друга костюмами и стандартами и отправлялись на войну отдельными подразделениями. Их географические районы назывались четырьмя четвертями Мексики. К этому вопросу мы вернемся еще раз.

Что касается распространенности этой организации среди индейских племен, находящихся на более низком уровне варварства, то этот вопрос был исследован лишь незначительно. Вероятно, что он был распространен среди основных племен, исходя из естественного способа, которым он возник как необходимый член органического ряда, и из использования, отличного от государственного, к которому он был приспособлен.

В некоторых племенах фратрии заметно выделяются на фоне их организации. Таким образом, роды чокта объединены в две фратрии, которые должны быть упомянуты в первую очередь, чтобы показать отношение родов друг к другу. Первая фратрия называется “Разделенные люди” и также включает четыре рода. Вторая называется “Возлюбленные люди” и также включает четыре рода. Это разделение народа на два подразделения по родам создало две фратрии. Некоторое знание функций этих фратрий, конечно, желательно; но без этого факт их существования устанавливается самими подразделениями. Эволюция конфедерации из пары родов, поскольку ни в одном племени никогда не встречается менее двух, может быть теоретически выведена из известных фактов индейского опыта. Таким образом, род увеличивается в числе своих членов и разделяется на две; они снова подразделяются и со временем воссоединяются в две или более фратрий. Эти фратрии образуют племя, и его члены говорят на одном диалекте. Со временем это племя в процессе сегментации распадается на несколько, которые, в свою очередь, объединяются в конфедерацию. Такая конфедерация представляет собой рост через племя и фратрию из пары родов.

Чикасы организованы в две фратрии, из которых одна содержит четыре, а остальные восемь родов, следующим образом:

I. Panther Phratry.

Gentes. — 1. Wild Cat. 2. Bird. 3. Fish. 4. Deer.

II. Spanish Phratry.

Gentes. — 5. Raccoon. 6. Spanish. 7. Royal. 8. Hushko'ni.
 9. Squirrel. 10. Alligator. 11. Wolf. 12. Blackbird.

Подробности относительно фратрий чокта и чикаса я не могу представить. Около четырнадцати лет назад эти организации были подарены мне преподобным доктором Сайрусом Байингтоном и преподобным Чарльзом К. Коуплендом, но без обсуждения их использования и функций.

Очень полную иллюстрацию того, каким образом фратрии формируются путем естественного роста, через разделение родов, представляет организация племени мохеган. У него было три первоначальных рода: Волк, Черепаха и Индейка.

Каждый из них разделился, и подразделения стали независимыми родами; но они сохранили названия первоначальных родов в качестве своих соответствующих фратрических названий. Другими словами, подразделения каждого рода реорганизовались во фратрию. Это убедительно доказывает естественный процесс, посредством которого с течением времени род распадается на несколько, и они остаются объединенными во фратрическую организацию, которая выражается принятием фратрического названия. Они заключаются в следующем:

I. Wolf Phratry.

Gentes. — 1. Wolf. 2. Bear. 3. Dog. 4. Opossum.

II. Turtle Phratry.

Gentes. — 5. Little Turtle. 6. Mud Turtle. 7. Great Turtle. 8. Yellow Eel.

III. Turkey Phratry.

Gentes. — 9. Turkey. 10. Crane. 11 Chicken.

Таким образом, видно, что первоначальный род Волка разделился на четыре рода, Черепаха - на четыре, а индюк - на три. Каждый новый род принимал новое имя, при этом первоначальное сохраняло свое собственное, которое по старшинству становилось именем фратрии. Среди племен американских индейцев редко можно найти такие явные свидетельства сегментации родов по их внешней организации с последующим формированием во фратрии соответствующих подразделений. Это показывает также, что фратрия основана на родстве родов. Как правило, название первоначального рода, из которого образовались другие, неизвестно; но в каждом из этих случаев оно остается как название фратрии. Поскольку последний, как и греческий, был скорее социальной и религиозной, чем правительственной организацией, внешне он менее заметен, чем род или племя, которые были необходимы для управления обществом. Название лишь одной из двенадцати афинских фратрий дошло до нас из истории. У ирокезов не было другого названия, кроме как братство.

У делаваров и манси одни и те же три рода: Волчий, Черепаший и Индюшачий. Среди делаваров есть двенадцать зародышевых родов в каждом племени, но они, по-видимому, являются родословными внутри родов и не носили родовых имен. Однако это было движение в этом направлении.

Фратрия также появляется у тлинкитов Северо-Западного побережья на поверхности их организации в роды. У них есть две следующие фратрии:

I. Wolf Phratry.

Gentes. — 1. Bear. 2. Eagle. 3. Dolphin. 4. Shark. 5. Elca.

II. Raven Phratry.

Gentes. — 6. Frog. 7. Goose. 8. Sea-lion. 9. Owl. 10. Salmon.

Смешанные браки во фратрии запрещены, что само по себе показывает, что роды каждой фратрии произошли от первоначального рода.⁵⁷ Члены любого рода во фратрии Волков могли вступать в брак с любым родом противоположной фратрии и наоборот.

Из приведенных выше фактов установлено существование фратрии в нескольких языковых группах американских аборигенов. Его присутствие в названных племенах наводит на мысль о его общей распространенности в семье гановани. Среди деревенских индейцев, где численность рода и племени была больше, она обязательно была бы более важной и, следовательно, более развитой. Как институт он все еще находился в своей архаичной форме, но обладал существенными элементами греческого и римского. Теперь можно утверждать, что полный органический ряд древнего общества существует в полной жизненности на американском континенте, а именно: род, фратрия, племя и конфедерация племен. С дальнейшими доказательствами, которые еще предстоит привести, будет установлена универсальность нееврейской организации на всех континентах.

Если будущие исследования будут направлены специально на функции фратрической организации среди племен американских аборигенов, полученные знания объяснят многие особенности жизни и нравов индейцев, которые не до конца поняты, и прольют дополнительный свет на их обычаи, а также на их план жизни и правления.

ГЛАВА IV

Племя ирокезов

Трудно описать индейское племя по утвердительным элементам его состава. Тем не менее, оно четко обозначено и представляет собой окончательную организацию огромного сообщества американских аборигенов. Большое количество независимых племен, на которые они распались в результате естественного процесса сегментации, является поразительной характеристикой их состояния. Каждое племя было индивидуализировано именем, отдельным диалектом, верховным правлением и владением территорией, которую оно занимало и защищало как свою собственную. Племена были столь же многочисленны, как и диалекты, поскольку разделение не стало полным до тех пор, пока не начались диалектные вариации. Таким образом, индейские племена возникли естественным образом в результате разделения одних и тех же людей в районе их занятий, за которым последовали расхождения в речи, сегментация и независимость.

Мы видели, что фратрия была не столько правительственной, сколько социальной организацией, в то время как род, племя и конфедерация были необходимыми и логичными этапами прогресса в развитии идеи правления. Конфедерация не могла бы существовать в родовом обществе без племен в качестве основы; не могли бы существовать племена и без родов, хотя они могли бы существовать без фратрий. В этой главе я попытаюсь указать на то, каким образом образовались эти многочисленные племена и, предположительно, из одного первоначального народа; на причины, которые привели к их постоянной сегментации; и на основные атрибуты, которые отличали индейское племя как организацию.

Исключительное владение диалектом и территорией привело к применению термина "нация" ко многим индейским племенам, несмотря на малочисленность населения в каждом из них. Племя и нация, однако, не являются строгими эквивалентами. Нация не возникает при родовых институтах до тех пор, пока племена, объединенные под одним правительством, не объединятся в один народ, как четыре афинских племени объединились в Аттике, три дорийских племени в Спарте и три латинских и сабинское племя в Риме. Федерация требует наличия независимых племен в отдельных территориальных областях; но слияние объединяет их посредством более высокого процесса в одной и той же области, хотя

тенденция к локальному разделению на роды и племена сохранится. Конфедерация является ближайшим аналогом нации, но не является строго эквивалентной. Там, где существует нееврейская организация, в органическом ряду приведены все термины, необходимые для правильного описания.

Индейское племя состоит из нескольких родов, развившихся из двух или более, все члены которых смешались в результате брака и все они говорят на одном диалекте. Постороннему человеку видно племя, а не род. Среди американских аборигенов чрезвычайно редки случаи, когда племя охватывало народы, говорящие на разных диалектах. Когда такие случаи обнаруживаются, это является результатом союза более слабого с более сильным племенем, говорящим на близкородственном диалекте, как союз миссурийцев с отоами после свержения первого. Тот факт, что большая часть аборигенов была обнаружена в независимых племенах, иллюстрирует медленный и трудный рост идеи правления при родовых институтах. Лишь небольшая часть достигла известной среди них высшей стадии - конфедерации племен, говорящих на диалектах одного и того же основного языка. Слияния племен в нацию не произошло ни в одном случае ни в одной части Америки.

Постоянная тенденция к распаду, которая оказалась таким препятствием для прогресса среди диких племен, существовала в элементах родовой организации. Это усугублялось дальнейшей тенденцией к расхождению в речи, которая была неотделима от их социального положения и обширных территорий их занятий. Вербальный язык, хотя и удивительно устойчив в своих вокабулярах и еще более устойчив в своих грамматических формах, не способен к постоянству. За разделением людей по территории со временем последовали различия в речи; а это, в свою очередь, привело к разделению интересов и окончательной независимости. Это была работа не за короткий период, а за столетия, которые в конце концов растянулись на тысячи лет. Огромное количество диалектов и основных языков в Северной и Южной Америке, которые предположительно произошли, за исключением эскимосского, от одного языка оригинала, требуют для своего формирования времени, измеряемого тремя этническими периодами.

В результате естественного роста постоянно формировались новые племена, а также новые роды; и огромный американский континент заметно ускорил этот процесс. Метод был прост. Во-первых, произошел бы постепенный отток людей из какого-нибудь перенаселенного географического центра, обладающего превосходящими преимуществами в средствах к существованию. Таким образом, если бы это продолжалось из года в год, на некотором расстоянии от первоначального места обитания племени образовалась бы значительная популяция. Со временем эмигранты стали бы разными по интересам, чужими по чувствам и, наконец, расходящимися в речи. Последовали бы разделение и независимость, хотя их территории были смежными. Так было создано новое племя. Это краткое изложение того, как формировались племена американских аборигенов, но это утверждение следует воспринимать как общее. Повторяющийся из века в век как на вновь приобретенных, так и на старых территориях, он должен рассматриваться как естественный и неизбежный результат родовой организации в сочетании с потребностями их положения. Когда возросшая численность населения истощала средства к существованию, излишки перебирались на новое место, где они легко обосновывались, потому что правление было совершенным в каждом роде и в любом количестве родов, объединенных в группу. Среди деревенских индейцев то же самое повторялось, но немного по-другому. Когда деревня становилась перенаселенной, колония поднималась вверх или вниз по тому же ручью и основывала новую деревню. Через определенные промежутки времени появлялось несколько таких деревень, каждая из которых была независима от другой и представляла собой

самоуправляющийся орган, но объединенный в лигу или конфедерацию для взаимной защиты. В конце концов возникло бы диалектическое разнообразие и, таким образом, завершилось бы их превращение в племена.

Способ, которым племена эволюционировали друг от друга, можно непосредственно показать на примерах. Факт разделения частично вытекает из традиции, частично из владения каждым из ряда одних и тех же родов, а частично выводится из соотношения их диалектов. Племена, образованные подразделениями первоначального племени, будут обладать несколькими общими родами и говорить на диалектах одного и того же языка. После нескольких столетий разделения у них все еще будет несколько одних и тех же родов. Таким образом, гуруны, ныне виандоты, имеют шесть родов с тем же названием, что и шесть родов сенека-ирокезов, после по меньшей мере четырехсотлетнего разделения. У потаваттами есть восемь родов с одинаковым названием и восемь среди оджибва, в то время как у первых их шесть, а у последних четырнадцать, которые отличаются друг от друга; это показывает, что новые роды были сформированы в каждом племени путем сегментации с момента их разделения. Еще более древнее ответвление от оджибва или от общего родительского племени обоих, миами, имеет всего три общих рода с первым, а именно: Волк, Гагара и Орел. Мельчайшая социальная история племен семьи Ганованиан заключена в жизни и развитии родов. Если исследование когда-либо решительно повернется в этом направлении, сами роды станут надежными проводниками как в отношении порядка отделения друг от друга племен одного происхождения, так и, возможно, крупных групп аборигенов.

Следующие иллюстрации взяты из племен, находящихся на более низком уровне варварства. Когда их обнаружили, восемь миссурийских племен занимали берега реки Миссури на протяжении более тысячи миль; вместе с берегами ее притоков, Канзаса и Платта; а также небольших рек Айовы. Они также оккупировали западный берег Миссисипи вплоть до Арканзаса. Их диалекты показывают, что до последнего разделения люди состояли из трех племен, а именно, во-первых, пунка и омахас, во-вторых, айова, отос и миссури, и в-третьих, кау, осейджи и куаппас. Эти трое, несомненно, были подразделениями одного первоначального племени, потому что их несколько диалектов все еще намного ближе друг к другу, чем к любому другому диалекту дакотского основного языка, к которому они принадлежат. Следовательно, существует лингвистическая необходимость в их происхождении от первоначального племени. Постепенное распространение из центральной точки этой реки вдоль ее берегов, как выше, так и ниже, привело бы к разделению интересов с увеличением расстояния между их населенными пунктами, за которым последовало бы расхождение в речах и, наконец, к независимости. Народ, таким образом распространившийся вдоль реки в прериях, мог разделиться сначала на три племена, а затем на восемь, и организация каждого подразделения оставалась завершенной. Разделение не было ни шоком, ни оцененным по достоинству бедствием; это было разделение на части путем естественного распространения на большую территорию с последующей полной сегментацией. Самым верхним племем на Миссури были панки в устье реки Ниобрара, а самым нижним - куаппы в устье Арканзаса на Миссисипи, с интервалом почти в полторы тысячи миль между ними. Промежуточный регион, ограниченный узкой полосой лесов на берегу Миссури, удерживался остальными шестью племенами. Это были исключительно речные племена.

Другую иллюстрацию можно найти у племен озера Верхнего. Оджибва, отава⁵⁸ и потаваттами являются подразделениями первоначального племени; оджибва представляют основу, потому что они остались на первоначальном месте на большом рыбном промысле на выходе

из озера. Более того, оставшиеся двое называют их “Старшими братьями”, в то время как отава были названы “Следующим старшим братом”, а Потаваттами - “Младшим братом”. Последнее племя отделилось первым, а отава - последними, о чем свидетельствует относительный уровень диалектических вариаций, причем у первого наибольший. На момент их открытия, в 1641 году нашей эры, оджибва жили у порогов на выходе из озера Верхнее, откуда они распространились вдоль южного берега озера до Онтонэгона, вдоль его северо-восточного берега и вниз по реке Сент-Мэри в направлении озера Гурон. Их положение обладало замечательными преимуществами в плане пропитания рыбой и дичью, которые, поскольку они не выращивали кукурузу и другие растения, были их главной опорой.⁵⁹ Ему не было равных в Северной Америке, за единственным исключением долины реки Колумбия. Обладая такими преимуществами, они были уверены, что увеличат численность индейского населения и будут посылать сменяющие друг друга группы эмигрантов, которые станут независимыми племенами. Потаваттами оккупировали регион на границе Верхнего Мичигана и Висконсина, из которого Дакоты в 1641 году пытались их изгнать. В то же время отава, чье более раннее место жительства, как предполагается, находилось на реке Отава в Канаде, продвинулись на запад и затем обосновались в заливе Джорджиан, на островах Манитулайн и в Макино, откуда они распространились на юг по Нижнему Мичигану. Первоначально один народ и обладавший одними и теми же родами, они преуспели в присвоении обширной территории. Разделение по месту жительства и расстояние между их поселениями задолго до их открытия привели к формированию диалектов и независимости племен. Три племени, территории которых были смежными, образовали союз для взаимной защиты, известный среди американцев как “Конфедерация отава”. Это была лига, наступательная и оборонительная, а не, вероятно, тесная конфедерация, подобная конфедерации ирокезов.

До этих отделений другое дочернее племя, миами, отделилось от племени оджибва, или общего родительского племени, и мигрировало в центральный Иллинойс и западную Индиану. Следующими по пути этой миграции были иллинойсы, еще одно и более позднее ответвление от той же ветви, которое впоследствии разделилось на пеории, каскаские, уивс и пианкешоу. Их диалекты, как и диалекты миами, обнаруживают ближайшее родство с оджибва, а затем с кри.⁶⁰ Отток всех этих племен из центрального района великих рыбных промыслов озера Верхнее является важным фактом, поскольку он иллюстрирует способ, которым племена формируются в связи с естественными центрами жизнеобеспечения. Алгонкины Новой Англии, Делавер, Мэриленда, Вирджинии и Каролины были, по всей вероятности, выведены из одного и того же источника. Потребовалось бы несколько столетий для формирования названных диалектов и для создания того количества вариаций, которое они демонстрируют сейчас.

Приведенные выше примеры представляют собой естественный процесс, посредством которого племена развиваются друг от друга или от родительского племени, занявшего выгодное положение. Каждая эмигрировавшая банда имела характер военной колонии, если это можно так выразительно охарактеризовать, стремящейся приобрести и удержать новую территорию; сохраняя поначалу и как можно дольше связь с материнским племенем. Этими последовательными перемещениями они стремились расширить свои совместные владения, а затем противостоять вторжению чужеземных народов в свои пределы. Примечательным фактом является то, что индейские племена, говорящие на диалектах одного и того же основного языка, обычно сохраняли территориальную преемственность, как бы ни расширялась их общая территория. То же самое, в основном, было верно для всех лингвистически объединенных племен человечества. Это происходит потому, что люди, распространившиеся из какого-либо географического центра и ведущие тяжелую борьбу за

пропитание и за обладание своими новыми территориями, сохранили свою связь с родной землей как средством помощи во времена опасности и как местом убежища в случае бедствия.

Требовались особые преимущества в средствах к существованию, чтобы превратить какую-либо территорию в начальный пункт миграции за счет постепенного увеличения избыточного населения. Таких естественных центров в Северной Америке было немного. Их всего трое. Во-первых, это долина Колумбии, самый необычный регион на земле по разнообразию и количеству средств к существованию, которые она предоставляла до появления кукурузы и других растений;⁶¹ во-вторых, полуостров между озерами Верхнее, Гурон и Мичиган, резиденция оджибва и рассадник многих индейских племен; и в-третьих, озерный край в Миннесоте, рассадник нынешних племен дакота. Это единственные регионы в Северной Америке, которые можно назвать естественными центрами существования и естественными источниками избыточной численности. Есть основания полагать, что Миннесота была частью области алгонкин до того, как ее оккупировали дакоты. Когда появилось выращивание кукурузы и других растений, это привело к локализации людей и их поддержке на меньших территориях, а также к увеличению их численности; но это не привело к передаче контроля над континентом наиболее развитым племенам деревенских индейцев, которые почти полностью существовали за счет земледелия. Садоводство распространилось среди основных племен, находившихся на более низком уровне варварства, и значительно улучшило их положение. Вместе с некультурными племенами они владели обширными территориями Северной Америки, когда она была открыта, и из их рядов континент пополнялся жителями.⁶²

Размножение племен и диалектов было плодотворным источником непрекращающихся войн аборигенов друг с другом. Как правило, наиболее упорные военные действия велись между племенами, говорящими на разных основных языках; как, например, между племенами ирокезов и алгонкинов, а также между племенами дакота и теми же племенами. Напротив, племена алгонкин и дакота по отдельности, в целом, жили в мире между собой. Если бы это было иначе, их не застали бы за занятием непрерывных территорий. Худшим исключением были ирокезы, которые вели войну на истребление против родственных племен, эри, Нейтральной нации, гуронов и саскуэханноков. Племена, говорящие на диалектах одного и того же основного языка, способны общаться устно и таким образом компенсировать свои различия. Они также научились, в силу своего общего происхождения, полагаться друг на друга как естественные союзники.

Численность в пределах данной территории была ограничена количеством средств к существованию, которые она обеспечивала. Когда рыба и дичь были основным источником пищи, для содержания небольшого племени требовалась огромная территория. После того, как мучнистая пища была заменена рыбой и дичью, площадь, занимаемая племенем, по-прежнему оставалась большой пропорционально численности народа. В Нью-Йорке, с его сорока семью тысячами квадратных миль, никогда не проживало более двадцати пяти тысяч индейцев, включая ирокезов, алгонкинов на восточном берегу Гудзона и на Лонг-Айленде, а также эри и нейтральную нацию в западной части штата. Личное правительство, основанное на родах, было неспособно развить достаточную центральную власть, чтобы следить за растущим числом людей и контролировать его, если они не оставались на разумном расстоянии друг от друга.

Среди деревенских индейцев Нью-Мексико, Мексики и Центральной Америки увеличение численности на небольшой территории не остановило процесс распада. Каждое пуэбло обычно представляло собой независимую самоуправляющуюся общину. Там, где несколько

пуэбло располагались рядом друг с другом на одном берегу ручья, люди обычно были общего происхождения и находились либо под управлением племени, либо конфедерации. Только в Нью-Мексико существует около семи основных языков, на каждом из которых говорят на нескольких диалектах. Во время экспедиции Коронадо, 1540-1542 гг., обнаруженные деревни были многочисленными, но маленькими. Было по семь человек из Сиболы, Тукаяна, Кивиры и Хемеса и по двенадцать из Тигекса,⁶³ и других групп, что указывает на языковую связь их членов. Была ли каждая группа объединена в конфедерацию или нет, нам не сообщается. Говорят, что семь пуэбло Моки (тукайские деревни экспедиции Коронадо) в настоящее время находятся в конфедерации и, вероятно, были таковыми на момент их открытия.

Процесс деления, проиллюстрированный предыдущими примерами, действовал среди американских аборигенов на протяжении тысячелетий, пока только в Северной Америке, насколько известно, не было развито свыше сорока основных языков; на каждом из них говорят на нескольких диалектах равное число независимых племен. Их опыт, вероятно, был всего лишь повторением опыта племен Азии, Европы и Африки, когда они находились в соответствующих условиях.

Из предыдущих наблюдений очевидно, что племя американских индейцев - очень простая и скромная организация. Требовалось всего несколько сотен, самое большее - несколько тысяч человек, чтобы сформировать племя и занять достойное положение в семье ганованиан.

Остается представить функции и атрибуты индейского племени, которые могут обсуждаться в соответствии со следующими положениями:

- I. *The possession of a territory and a name.*
- II. *The exclusive possession of a dialect.*
- III. *The right to invest sachems and chiefs elected by the gentes.*
- IV. *The right to depose these sachems and chiefs.*
- V. *The possession of a religious faith and worship.*
- VI. *A supreme government consisting of a council of chiefs.*
- VII. *A head-chief of the tribe in some instances.*

Будет достаточно сделать краткую ссылку на каждый из этих атрибутов племени.

I. Обладание территорией и именем.

Их территория состояла из территории их фактических поселений и такой большой части прилегающего региона, по которой племя занималось охотой и рыбной ловлей и было в состоянии защититься от посягательств других племен. За пределами этой области была широкая полоса нейтральных территорий, отделявшая их от ближайших соседей, если они говорили на другом языке и ни на кого не претендовали; но менее широкая и менее четко обозначенная, когда они говорили на диалектах одного и того же языка. Страна, таким образом, не совсем определенная, большая или маленькая, была владением племени, признавалась таковой другими племенами и защищалась ими самими.

В свое время племя получило индивидуальное название, которое, исходя из их обычного характера, должно было быть во многих случаях случайным, а не преднамеренным. Так, сенеки называли себя “Великими горцами” (Nun-da’-wä-o-no), тускарорас - “Людьми, носящими рубашки” (Dus-ga’-o-weh-o-no’), сиссетоны - “Деревней на болоте” (Sis-se’-to-wän), огалаллас - “Перевозчиками лагеря” (O-ga-lal’-lä), омахас - “Людьми, живущими выше по течению” (O-mä’-hä), айова, “Пыльные носы” (Pa-ho’-cha), миннитари, “Люди издалека” (E-nät’-zä), чероки, “Великие люди” (Tsä-lo’-kee), шауни, “южане” (Sä-wan-wäkee’), мохеганы, “Люди с побережья” (Mo-he-kun-e-uk), индейцы с Невольничьего озера, “Люди низин” (А-чао-тин-не)⁶⁴. Среди деревенских индейцев Мексики сочимилькос называли себя “Нацией семян цветов”, чалканы - “Людьми ртов”, тепанеканы - “Людьми моста”, тецкуканы или кулхуа - “Нечестный народ”, а тлашкаланцы - “Люди хлеба”. Когда европейская колонизация началась в северной части Америки, названия индейских племен были получены, как правило, не от непосредственного имени племени, а от других племен, которые дали им имена, отличные от их собственных. Как следствие, ряд племен теперь известны в истории под названиями, не признанными ими самими.

II. Исключительное владение диалектом.

Племя и диалект в значительной степени совпадают, но есть исключения, вытекающие из особых обстоятельств. Таким образом, двенадцать племен дакота теперь, по сути, являются племенами, потому что у них разные интересы и организация; но они были вынуждены преждевременно разделиться из-за продвижения американцев на их первоначальную территорию, что вынудило их переселиться на равнины. Ранее они поддерживали настолько тесную связь, что начал формироваться лишь один новый диалект - ти-тон на Миссури; первоначальным языком был исунти на Миссисипи. Несколько лет назад чероки насчитывали двадцать шесть тысяч человек, что было самым большим числом индейцев, когда-либо найденных в пределах Соединенных Штатов, говорящих на одном диалекте. Но в горных районах Джорджии произошло небольшое расхождение в речи, хотя и недостаточное, чтобы быть выделенным как диалект. Есть несколько других подобных случаев, но они не нарушают общего правила периода аборигенства, которое привело к сосуществованию племени и диалекта. Оджибва, которые все еще в основном не занимаются садоводством, сейчас насчитывают около пятнадцати тысяч человек и говорят на том же диалекте; а племена дакота в совокупности насчитывают около двадцати пяти тысяч человек, которые, как уже говорилось, говорят на двух очень близкородственных диалектах. Эти несколько племен исключительно многочисленны. Племена в Соединенных Штатах и Британской Америке в среднем насчитывают менее двух тысяч человек в племени.

III. Право наделения полномочиями сахемов и вождей, избираемых родами.

У ирокезов избранное лицо не могло стать вождем до тех пор, пока его не утвердит совет вождей. Поскольку вожди родов составляли совет племени, обладая властью над общими интересами, было очевидной целесообразностью возложить на совет племени функцию наделения лиц должностями. Но после образования конфедерации полномочия по “возвышению” сахемов и вождей были переданы от совета племени совету конфедерации. Что касается племен в целом, доступной информации недостаточно, чтобы объяснить их обычаи в отношении способа инвестирования. Это одна из многочисленных тем, требующих дальнейшего изучения, прежде чем можно будет полностью объяснить социальную систему индейских племен. Должность сахема и вождя была повсеместно выборной среди племен к северу от Мексики; что касается других частей континента, то этому есть достаточно свидетельств, чтобы не оставлять сомнений в универсальности этого правила.

У делаваров в каждом роде был один сахем (Са-ке'ма), должность которого передавалась по наследству в роде, помимо двух общих вождей и двух военных вождей - всего пятнадцать в трех родах, — которые составляли совет племени. Среди оджибва в каждом поселении обычно преобладали представители какого-либо одного рода. У каждого рода был сахем, должность которого передавалась по наследству в роде, и несколько общих вождей. Там, где в одной местности проживало большое количество лиц одного и того же рода, они были бы организованы аналогичным образом. Не было установленного предела количеству вождей. Совокупность обычаев, которые никогда не были собраны, несомненно, существовала у нескольких индейских племен в отношении избрания и наделения полномочиями сахемов и вождей. Знание о них было бы ценным. Объяснение ирокезского метода "возвышения" сахемов и вождей будет дано в следующей главе.

IV. Право смещать этих сахемов и вождей.

Это право принадлежало в первую очередь роду, к которому принадлежал сахем и вождь. Но совет племени обладал такой же властью и мог действовать независимо от рода и даже вопреки его желаниям. В статусе дикости, а также в Низшем, а также в Среднем статусе варварства должность присваивалась пожизненно или за хорошее поведение. Человечество не научилось ограничивать выборную должность сроком в несколько лет. Таким образом, право на смещение стало более важным для поддержания принципа самоуправления. Это право было постоянным утверждением суверенитета рода, а также племени; суверенитета, слабо понимаемого, но тем не менее реального.

V. Обладание религиозной верой и богослужение.

Американские индейцы, по обычаю варваров, были религиозным народом. Племена обычно проводили религиозные праздники в определенные сезоны года, которые сопровождались различными формами поклонения, танцами и играми. Во многих племенах центром этих обрядов была Ложа знахарей. Было принято объявлять о проведении Ложы знахарей за недели и месяцы вперед, чтобы пробудить общий интерес к ее церемониям. Религиозная система аборигенов - еще один предмет, который был исследован лишь частично. Он богат материалами для будущего студента. Опыт этих племен в развитии своих религиозных верований и способа богослужения является частью опыта человечества; и эти факты займут важное место в науке сравнительного религиоведения.

Их система была более или менее расплывчатой и неопределенной и насыщенной грубыми суевериями. Поклонение стихии можно проследить среди основных племен, с тенденцией к политеизму у высокоразвитых племен. Ирокезы, например, признавали Великого и Злого Духа, множество низших духовных существ, бессмертие души и будущее состояние. Их представление о Великом Духе придавало ему человеческий облик; что было в равной степени верно и для Злого Духа Хе' - нет, Духа Грома, Га' -о, Духа Ветров, и для Трех Сестер, Духа Кукурузы, Духа Фасоли и Духа Тыквы. Последние именовались коллективно "Наша жизнь", а также "Наши сторонники". Рядом с ними были духи нескольких видов деревьев и растений, а также бегущих ручьев. О существовании и атрибутах этих многочисленных духовных существ можно было лишь слабо догадываться. Среди племен, находившихся на более низком уровне варварства, идолопоклонство было неизвестно.⁶⁵ У ацтеков были личные боги с изображавшими их идолами и храмовым богослужением. Если бы были точно известны особенности их религиозной системы, то, вероятно, стало бы очевидным ее происхождение из общих верований индейских племен.

Танцы были формой поклонения у американских аборигенов и составляли часть церемоний на всех религиозных праздниках. Ни в одной части земли, среди варваров, танец не получил более изученного развития. У каждого племени есть от десяти до тридцати установленных танцев; каждый из которых имеет свое название, песни, музыкальные инструменты, шаги, план и костюм для каждого человека. Некоторые из них, такие как боевой танец, были общими для всех племен. Особые танцы - это особое достояние, принадлежащее либо роду, либо обществу, организованному для его поддержания, в которое время от времени посвящались новые члены. Танцы дакотов, индейцев кри, оджибва, ирокезов и индейцев пуэбло в Нью-Мексико одинаковы по общему характеру, по шагу, плану и музыке; и то же самое верно для танцев ацтеков, насколько они точно известны. Это единая система для всех индейских племен, и она имеет прямое отношение к их системе веры и богослужения.

VI. Высшее правительство через совет вождей.

Совет имел естественную основу в родах, из вождей которых он состоял. Он удовлетворял необходимую потребность и, несомненно, сохранялся до тех пор, пока существовало родовое общество. Как род был представлен его вождями, так и племя было представлено советом, состоящим из вождей родов. Это была постоянная черта социальной системы, обеспечивающая высшую власть над племенем. Созванный при известных всем обстоятельствах, проходивший в гуще народа и открытый для своих ораторов, он, несомненно, действовал под влиянием народа. Несмотря на олигархическую форму правления, оно представляло собой представительную демократию; представитель избирался пожизненно, но подлежал смещению. Братство представителей каждого рода и принцип выборности должностных лиц были зародышем и основой демократического принципа. Будучи несовершенно развитой, как и другие великие принципы на этой ранней стадии развития, демократия может похвастаться очень древней родословной среди племен человечества.

На совет возложена обязанность охранять общие интересы племени. От ума и мужества людей, а также от мудрости и дальновидности совета зависели процветание и существование племени. Из-за их непрекращающейся войны с другими племенами возникали вопросы и неотложные нужды, которые требовали проявления всех этих качеств, чтобы справиться с ними. Следовательно, было неизбежно, что популярный элемент должен был доминировать в своем влиянии. Как общее правило, совет был открыт для любого частного лица, которое желало обратиться к нему по общественному вопросу. Даже женщинам было разрешено выражать свои пожелания и мнения через оратора по их собственному выбору. Но решение было принято советом. Единодушие было основным законом его действия у ирокезов; но было ли это распространено, я не могу сказать.

Военные операции обычно проводились в соответствии с принципом добровольности. Теоретически каждое племя находилось в состоянии войны со всеми другими племенами, с которыми у него не было мирного договора. Любой человек был волен организовать военный отряд и отправиться в экспедицию, куда ему заблагорассудится. Он объявил о своем проекте, исполнив военный танец и пригласив добровольцев. Этот метод стал практической проверкой популярности предприятия. Если ему удавалось составить компанию, которая состояла бы из таких людей, которые присоединялись к нему в танце, они немедленно уходили, пока энтузиазм был на пике. Когда племени угрожало нападение, формировались боевые отряды, чтобы встретить его почти таким же образом. Там, где собранные таким образом силы были объединены в одно целое, каждое находилось под командованием своего собственного военачальника, и их совместные действия определялись советом этих военачальников. Если бы среди них был военачальник с устоявшейся репутацией, он,

естественно, стал бы их лидером. Эти утверждения относятся к племенам, находящимся на более низком уровне варварства. Ацтеки и тлашкаланцы выступали фратриями, каждое подразделение под командованием своего капитана отличалось костюмами и знаменами.

Индийские племена и даже конфедерации были слабыми организациями для ведения военных операций. У ирокезов и у ацтеков были наиболее замечательные агрессивные цели. Среди племен, находившихся на более низком уровне варварства, включая ирокезов, самая разрушительная работа выполнялась незначительными военными отрядами, которые постоянно формировались и совершали экспедиции в отдаленные регионы. Их запас провизии состоял из сушеной кукурузы, превращенной в муку, которую каждый воин носил в мешочке, прикрепленном к поясу, а также из рыбы и дичи, доставляемых по пути следования. Уход этих военных отрядов и публичный прием, оказанный им по возвращении, были одними из выдающихся событий в жизни индейцев. Санкции совета на эти экспедиции не испрашивалось, да в этом и не было необходимости.

Совет племени имел право объявлять войну и заключать мир, отправлять и принимать посольства, а также заключать союзы. Оно пользовалось всеми полномочиями, необходимыми для столь простого и ограниченного в своих делах правительства. Сношения между независимыми племенами осуществлялись делегациями мудрецов и вождей. Когда какое-либо племя ожидало такую делегацию, созывался совет для ее приема и ведения ее дел.

VII. В некоторых случаях глава племени.

В некоторых индейских племенах один из сахемов признавался их главой и превосходил по рангу своих товарищей. В какой-то степени существовала необходимость в официальном главе племени, который представлял бы его, когда совет не заседал; но обязанности и полномочия этой должности были незначительными. Хотя совет обладал высшей властью, он редко проводил заседания, и могли возникать вопросы, требующие временных действий кого-либо, уполномоченного представлять племя, при условии ратификации его действий советом. Насколько известно автору, это было единственным основанием для назначения на должность главного редактора. Она существовала в ряде племен, но в форме власти настолько слабой, что не укладывалась в концепцию исполнительного магистрата. На языке некоторых ранних авторов они обозначались как короли, что является просто карикатурой. Индейские племена недостаточно продвинулись в знании государственного управления, чтобы развить идею главного исполнительного магистрата. Племя ирокезов не признавало главного вождя, а конфедерация не имела исполнительного должностного лица. Выборное пребывание на должности начальника и ответственность лица перед смещением определили характер должности.

Совет индейских вождей сам по себе не имеет большого значения, но как зародыш современного парламента, конгресса и законодательной власти он играет важную роль в истории человечества.

Рост идеи правительства начался с организации в роды в условиях дикости. Он раскрывает три великих этапа прогрессивного развития между его началом и учреждением политического общества после достижения цивилизации. Первым этапом было управление племенем советом вождей, избираемых родами. Его можно назвать правительством одной власти, а именно совета. Оно преобладало в основном среди племен, находившихся на более низком уровне варварства. Второй этап представлял собой правительство, координируемое советом вождей и общевоинским командующим; один представлял

гражданские, а другой - военные функции. Эта вторая форма начала проявляться в Низшем Статусе варварства, после образования конфедераций, и стала определяющей в Среднем Статусе. Должность генерала, или главного военного командующего, была зародышем должности главного должностного лица исполнительной власти, короля, императора, и президента. Его можно назвать правительством двух властей, а именно совета вождей и генералитета. Третьим этапом было управление народом или нацией советом вождей, народным собранием и общевоинским командующим. Оно появилось среди племен, достигших Высшей ступени варварства; таких, например, как гомеровские греки и италийские племена периода Ромула. Значительное увеличение числа людей, объединенных в нацию, их поселение в городах, обнесенных стенами, и накопление богатства на землях, а также в стадах крупного рогатого скота привели к созданию народного собрания как инструмента управления. Совет вождей, который все еще оставался, считал необходимым, без сомнения, по принуждению народа, представить наиболее важные государственные меры народному собранию для принятия или отклонения; отсюда народное собрание. Это собрание не принимало мер. Его функцией было принимать или отклонять, и его действия были окончательными. С момента своего первого появления оно стало постоянной властью в правительстве. Совет больше не принимал важных государственных мер, а превратился в совет по предварительному рассмотрению, наделенный полномочиями инициировать и выносить публичные акты, которым только ассамблея могла придать юридическую силу. Его можно назвать правительством, состоящим из трех органов власти, а именно: предварительного совета, народного собрания и генерального совета. Так продолжалось до появления института политического общества, когда, например, у афинян совет вождей стал сенатом, а народное собрание - экклесией, или народным собранием. Те же самые организации сохранились до наших дней в обеих палатах парламента, в конгрессе и законодательных органах. Аналогичным образом, должность главного военного коменданта, как указывалось ранее, была зародышем должности современного главного исполнительного магистрата.

Возвращаясь к племени, оно было ограниченным по численности, слабым по силе и бедным ресурсами; но все же это было полностью организованное общество. Это иллюстрирует состояние человечества на низшей ступени варварства. На средней ступени происходило ощутимое увеличение численности племени и улучшение условий жизни; но при сохранении родового общества без существенных изменений. Политическое общество все еще было невозможно из-за недостатка прогресса. Роды, организованные в племена, оставались такими же, как и прежде; но конфедерации, должно быть, были более частыми. В некоторых областях, как, например, в долине Мехико, большее количество людей развивалось при общем правительстве с улучшениями в жизненных искусствах; но нет никаких свидетельств свержения среди них родового общества и замены его политическим. Невозможно основать политическое общество или государство на родах. Государство должно опираться на территорию, а не на людей, на населенный пункт как единицу политической системы, а не на род, который является единицей социальной системы. Подготовка к такому фундаментальному изменению систем требовала времени и огромного опыта, превосходящего опыт американских индейских племен. Для этого также требовались люди умственного развития греков и римлян и с опытом, унаследованным от длинной цепи предков, чтобы разработать и постепенно внедрить тот новый план правления, при котором цивилизованные нации живут в настоящее время.

Следуя восходящему органическому ряду, мы должны затем рассмотреть союз племен, в котором роды, фратрии и трибы будут рассматриваться в новых отношениях. Таким образом,

будет дополнительно проиллюстрировано замечательное приспособление родовой организации к условиям и нуждам человечества, находящегося в варварском состоянии.

ГЛАВА V

Конфедерация ирокезов

Тенденция к объединению для взаимной защиты вполне естественно существовала бы среди родственных и сопредельных племен. Когда преимущества профсоюза были оценены на реальном опыте, организация, поначалу представлявшая собой лигу, постепенно превратилась в федеральное единство. Состояние постоянной войны, в котором они жили, должно было привести к проявлению этой естественной тенденции среди тех племен, которые были достаточно развиты в интеллекте и жизненных искусствах, чтобы осознавать ее преимущества. Это был бы просто рост от низшей организации к более высокой путем расширения принципа, который объединил роды в племя.

Как и следовало ожидать, на момент открытия в разных частях Северной Америки существовало несколько конфедераций, некоторые из которых были весьма примечательны по плану и структуре. Среди них можно упомянуть Конфедерацию ирокезов из пяти независимых племен, Конфедерацию криков из шести, Конфедерацию отава из трех, Дакотскую лигу “Семи огней Совета”, Конфедерацию мокиев в Нью-Мексико из семи пуэбло и Конфедерацию ацтеков из трех племен в Долине Мехико. Вполне вероятно, что деревенские индейцы в других частях Мексики, в Центральной и Южной Америке, как правило, были организованы в конфедерации, состоящие из двух или более родственных племен. Прогресс неизбежно выбрал это направление из-за природы их институтов и закона, регулирующего их развитие. Тем не менее формирование конфедерации из таких материалов и с такими нестабильными географическими отношениями было трудным делом. Этого легче всего было достичь деревенским индейцам из-за близости друг к другу их пуэбло и из-за малости их территорий; но иногда это удавалось племенам, стоявшим на более низком уровне варварства, и особенно ирокезам. Где бы ни была образована конфедерация, она сама по себе свидетельствовала бы о высоком интеллекте народа.

Двумя высшими примерами индейских конфедераций в Северной Америке были конфедерации ирокезов и ацтеков. Благодаря своему признанному военному превосходству и своему географическому положению эти конфедерации в обоих случаях добились замечательных результатов. Наши знания о структуре и принципах первого являются определенными и полными, в то время как о последнем они далеки от удовлетворительного. Исторически конфедерация ацтеков рассматривалась таким образом, что остается сомнительным, была ли это просто лига трех родственных племен, наступательных и оборонительных, или систематическая конфедерация, подобная конфедерации ирокезов. То, что верно для последнего, вероятно, в общем смысле верно и для первого, так что знание одного будет иметь тенденцию прояснять другое.

Условия, при которых возникают конфедерации, и принципы, на которых они формируются, удивительно просты. Они вырастают естественным образом, со временем, из ранее существовавших элементов. Там, где одно племя разделялось на несколько и эти подразделения занимали независимые, но смежные территории, конфедерация реинтегрировала их в более высокую организацию на основе общих родов, которыми они обладали, и связанных диалектов, на которых они говорили. Чувство родства, воплощенное в

роде, общая родословная родов и их диалекты, все еще понятные друг другу, дали материальные элементы для конфедерации. Таким образом, основой и центром конфедерации были роды, а периферией - основной язык. Не было обнаружено ни одного языка, который выходил бы за пределы диалектов общего языка. Если бы этот естественный барьер был преодолен, это привело бы к появлению в организации разнородных элементов. Имели место случаи, когда остатки племени, не родственного по языку, такого как натчез,⁶⁶ были приняты в существующую конфедерацию; но это исключение не отменяет общего положения. Индейская держава не могла возникнуть на американском континенте через конфедерацию племен, организованных в роды, и продвинуться к всеобщему господству, если их численность не увеличивалась за счет их собственного происхождения. Множество стандартных языков является постоянным объяснением неудачи. Не было никакого возможного способа установить равные отношения с конфедерацией, кроме как через членство в роде и племени и общую речь.

Здесь можно отметить в скобках, что при Низшем, Среднем или Высшем статусе варварства было невозможно, чтобы царство возникло естественным путем в какой-либо части земли при родовых институтах. Я осмеливаюсь высказать это предложение на этой ранней стадии обсуждения, чтобы более внимательно привлечь внимание к структуре и принципам древнего общества, организованного в роды, фратрии и племена. Монархия несовместима с джентилизмом. Она относится к более позднему периоду цивилизации. Деспотизм появлялся в некоторых случаях среди греческих племен, находившихся на высшей ступени варварства; но они были основаны на узурпации, считались народом незаконными и фактически были чужды идеям родового общества. Греческие тирании были деспотизмами, основанными на узурпации, и были зародышем, из которого возникли более поздние царства; в то время как так называемые царства героической эпохи были военными демократиями, и ничем более.

Ирокезы послужили прекрасной иллюстрацией того, как конфедерация формируется за счет естественного роста, подкрепленного умелым законодательством. Первоначально эмигранты из-за Миссисипи и, вероятно, представители племени Дакота, они сначала добрались до долины Святого Лаврентия и поселились недалеко от Монреаля. Вынужденные покинуть этот регион из-за враждебности окружающих племен, они направились в центральный район Нью-Йорка. Проплыв на каноэ вдоль восточного берега озера Онтарио, поскольку их было немного, они основали свое первое поселение в устье реки Освего, где, согласно их традициям, оставались в течение длительного периода времени. В то время они принадлежали по крайней мере к трем различным племенам: могавкам, онондагам и сенекам. Одно племя впоследствии обосновалось в верховьях озера Канандайгуа и стало сенеками. Другое племя заняло долину Онондага и стало онондагами. Третья группа двинулась на восток и сначала поселилась в Онейде, недалеко от города Утика, откуда основная часть переселилась в долину Могавков и стала могавками. Те, кто остался, стали онейдами. Часть онондагов или сенекос поселилась вдоль восточного берега озера Каюга и стала каюгами. Нью-Йорк, до его оккупации ирокезами, по-видимому, был частью ареала племен алгонкинов. Согласно традициям ирокезов, они вытеснили его прежних обитателей по мере того, как те постепенно расширяли свои поселения на восток до Гудзона и на запад до Джenezы. Их традиции далее гласят, что после их поселения в Нью-Йорке прошел длительный период времени, прежде чем была сформирована конфедерация, в течение которого они выступали за общее дело против своих врагов и, таким образом, испытали преимущества федерального принципа как для агрессии, так и для защиты. Они жили в деревнях, которые обычно были окружены частоколами, и питались рыбой, дичью и продуктами ограниченного садоводства. Численность их ни разу не превышала 20 000 душ,

если они когда-либо достигли этого числа. Ненадежные условия существования и непрекращающиеся войны привели к сокращению численности всех аборигенных племен, включая также деревенских индейцев. Ирокезы жили в огромных лесах, которые тогда покрывали Нью-Йорк, и у них не было сил бороться с ними. Впервые их обнаружили в 1608 году нашей эры. Примерно в 1675 году они достигли своей кульминации, когда их владычество распространилось на необычайно большую территорию, охватив большую часть Нью-Йорка, Пенсильвании и Огайо,⁶⁷ и части Канады к северу от озера Онтарио. На момент их открытия они были самыми высокими представителями Красной расы к северу от Нью-Мексико по интеллекту и развитию, хотя, возможно, уступали некоторым племенам Персидского залива в жизненных искусствах. По степени и качеству своих умственных способностей они должны быть отнесены к числу самых выдающихся индейцев Америки. Хотя их численность сократилась, в Нью-Йорке по-прежнему насчитывается четыре тысячи ирокезов, около тысячи в Канаде и около того же числа на Западе; таким образом, иллюстрируется эффективность, а также постоянство искусства варварской жизни в поддержании существования. Сейчас говорят, что они медленно увеличиваются.

Когда была образована конфедерация, примерно в 1400-1450 годах н.э.,⁶⁸ существовали условия, названные ранее. Ирокезы были пятью независимыми племенами, занимавшими смежные друг с другом территории и говорившими на диалектах одного и того же языка, которые были понятны друг другу. Помимо этих фактов, определенные роды были распространены в нескольких племенах, как было показано. В своих отношениях друг к другу, как отдельные части одного и того же рода, эти общие роды обеспечивали естественную и прочную основу для союза. При наличии этих элементов формирование конфедерации стало вопросом интеллекта и мастерства. Другие племена в большом количестве поддерживали точно такие же отношения в разных частях континента, не объединяясь. Тот факт, что племена ирокезов выполнили эту работу, свидетельствует об их выдающихся способностях. Более того, поскольку конфедерация была высшей стадией организации американских аборигенов, ее существование можно было ожидать только у самых разумных племен.

Ирокезы утверждают, что конфедерация была образована советом мудрецов и вождей пяти племен, которые собрались с этой целью на северном берегу озера Онондага, недалеко от Сиракуз; и что еще до завершения его заседания организация была доведена до совершенства и немедленно приведена в действие. На своих периодических советах по выдвижению сахемов они все еще объясняют его происхождение результатом одной длительной законодательной работы. Вероятно, это было следствием предыдущего союза для взаимной обороны, преимущества которого они осознали и который стремились сделать постоянным.

Происхождение плана приписывается мифической или, по крайней мере, традиционной личности, Ха-йо-гоун-ха, Гайавате из знаменитой поэмы Лонгфелло, который присутствовал на этом совете и был центральной фигурой в его руководстве. В своих контактах с советом он использовал мудреца из племени онондага Да-га-но-ве'-да в качестве переводчика и оратора для разъяснения структуры и принципов предлагаемой конфедерации. Та же традиция далее утверждает, что, когда работа была завершена, Ха-йо-гоун'-ха чудесным образом исчез в белом каноэ, которое поднялось вместе с ним в воздух и унесло его с глаз долой. Другие вундеркинды, согласно этой традиции, присутствовали при создании конфедерации, которая до сих пор почитается среди них как шедевр индийской мудрости. Так оно и было на самом деле; и это останется в истории как памятник их гениальности в развитии родовых институтов. Это также запомнится как иллюстрация того, чего племена

человечества смогли достичь в искусстве управления, находясь на более низком уровне варварства и в невыгодных условиях, вытекающих из этого условия.

Кто из этих двух людей был основателем конфедерации, определить трудно. Молчаливый Ха-йо-го'-ха, вполне вероятно, был реальным человеком ирокезского происхождения;⁶⁹ но традиция настолько окутала его характер сверхъестественным, что он теряет свое место среди них как один из них. Если бы Гайавата был реальным человеком, Да-га-но-ве'-да должен был бы занимать подчиненное место; но если по этому случаю была вызвана мифическая личность, то последнему принадлежит заслуга в планировании конфедерации.

Ирокезы утверждают, что конфедерация в том виде, в каком она была сформирована этим советом, с ее полномочиями, функциями и способом управления, дошла до них через многие поколения до настоящего времени практически без изменений в своей внутренней организации. Когда впоследствии были допущены тускарора, их сахемам из вежливости разрешили заседать на равных в генеральном совете, но первоначальное число сахемов не было увеличено, и, строго говоря, представители тускарора не входили в правящий орган.

Общие черты Конфедерации ирокезов можно резюмировать в следующих положениях:

I. Конфедерация представляла собой объединение Пяти племен, состоящих из общих родов, под единым управлением на основе равенства; каждое племя оставалось независимым во всех отношениях, касающихся местного самоуправления.

II. Он создал Генеральный совет сахемов, которые были ограничены по числу, равны по рангу и авторитету и наделены высшими полномочиями по всем вопросам, относящимся к Конфедерации.

III. Пятьдесят сахемств были созданы и названы бессрочно в определенных родах нескольких племен; с правом в этих родах заполнять вакансии, как только они возникали, путем выборов из числа их соответствующих членов и с дальнейшим правом смещать с должности по уважительной причине; но право наделить этих сахемов должностями было сохранено за Генеральным советом.

IV. Сахемы Конфедерации были также сахемами в своих соответствующих Племенах, и вожди этих Племен образовывали Совет каждого из них, который был верховным по всем вопросам, относящимся исключительно к Племени.

V. Единогласие в Совете Конфедерации было необходимым условием для каждого публичного акта.

VI. На Общем совете сахемы голосовали по племенам, что дало каждому племени преимущество перед другими.

VII. Совет каждого Племени имел право созывать Генеральный совет; но последний не имел права созываться сам.

VIII. Генеральный совет был открыт для народных ораторов для обсуждения общественных вопросов; но решение принимал только Совет.

IX. В Конфедерации не было главного исполнительного магистрата или официального главы.

X. Испытывая потребность в Общевойсковом командире, они создали управление в двойной форме, чтобы одно могло нейтрализовать другое. Созданные два главных военачальника были уравнены в правах.

Эти несколько положений будут рассмотрены и проиллюстрированы, но без соблюдения точной формы или порядка, в котором они изложены.

При учреждении конфедерации были созданы и названы пятьдесят постоянных сахемств, которые стали бессрочными в родах, к которым они были приписаны. За исключением двух, которые были заполнены всего один раз, ими владело столько разных лиц подряд, сколько поколений сменилось с того времени по настоящее. Название каждого сахема также является личным именем каждого сахема, пока он занимает этот пост, причем каждый из них последовательно принимает имя своего предшественника. Эти сахемы, когда заседали, образовывали совет конфедерации, которому были переданы законодательная, исполнительная и судебная власть, хотя такого разграничения функций еще не было. Чтобы обеспечить порядок в наследовании, несколько родов, в которых эти должности были переданы по наследству, были уполномочены избирать преемников из числа своих соответствующих членов, когда появлялись вакансии, как объясняется в другом месте. В качестве дополнительной меры защиты своего собственного тела каждый сахем, после своего избрания и утверждения, был наделен своей должностью советом конфедерации. Когда его таким образом утвердили, его имя было “отнято” и ему было даровано звание сахемства. Под этим именем он впоследствии был известен среди них. Все они были равны по рангу, власти и привилегиям.

Эти должности были распределены неравномерно между пятью племенами, но без преобладания власти ни одному из них; и неравномерно среди родов последних трех племен. У могавков было девять сахемов, у онейдасов - девять, у онондагасов - четырнадцать, у кайюгасов - десять и у сенекасов - восемь. Сначала это было число, и оно осталось им до настоящего времени. Ниже приведена таблица этих верховных правителей с их названиями на диалекте Сенека и их распределением по классам, чтобы облегчить достижение единодушия в совете. В примечаниях вы найдете значение этих имен и родов, к которым они принадлежали.

Таблица должностей сахемов ирокезов, основанная при учреждении Конфедерации; с именами, которые последовательно носили их сахемы с момента ее образования до настоящего времени:

Mohawks.

I.	1. Da-gā-e'-o-gā.	2. Hä-yo-went'-hä.	3. Da-gā-no-we'-dä.
II.	4. So-ä-e-wä'ah.	5. Da-yo'-ho-go.	6. O-ä-ä'-go-wä.
III.	7. Da-an-no-gä'-e-neh.	8. Sä-da'-gä-e-wä-deh.	9. Has-da-weh'-se-ont-hä.

Примечание: Эти имена означают следующее: 1. “Нейтральный”, или “Щит”. 2. “Человек, который расчесывает волосы”. 3. “Неистощимый”. 4. “Немногословный”. 5. “У развилок”. 6. “У Великой реки”. 7. “Волочащий свои рога”. 8. “Уравновешенный”. 9. “Развешивающий погремушки”. Сахемы первого класса принадлежали к роду Черепах, второго класса - к роду Волков, а третьего класса - к роду Медведей.

Oneidas.

I.	1. Ho-däs-hä-teh.	2. Ga-no-gweh'-yo-do.	3. Da-yo-hä-gwen-da.
II.	4. So-no-sase'	5. To-no-ä-gă'-o.	6. Hä-de-ä-dun-nent'-hä.
III.	7. Da-wä-dä'-o-dä-yo.	8. Gä-ne-ä-dus'-ha-yeh.	9. Ho-wus'-hä-da-o.

Примечания: 1. "Человек, несущий ношу". 2. "Человек, покрытый кошачьим хвостом". 3. "Пробирающийся сквозь лес". 4. "Длинная веревка". 5. "Человек с головной болью". 6. "Глотающий себя". 7. "Место эха". 8. "Боевая дубинка на земле". 9. "Человек, распаривающий себя". Сахемы первого класса принадлежат к роду Волков, второго - к роду Черепах, а третьего - к роду Медведей.

Onondagas.

I.	1. To-do-dä'-ho.	2. To-nes'-sa-ah.	3. Da-ät-ga-dose.
II.	4. Gä-neä-dä'-je-wake	5. Ah-wä'-ga-yat.	6. Da-ä-yat'-gwä-e.
III.	7. Ho-no-we-nă'-to.		
IV.	8. Gä-wă—nă'-san-do	9. Hä-e'-ho.	10. Ho-yo-ne-ä'-ne.
	11. Sa-dä'-kwä-seh.		
V.	12. Să-go-ga-hä'.	13. Ho-sa-hä'-ho.	14. Skä-no'-wun-de.

Примечания: 1. "Запутанный", род медведей. 3. "На страже", род медведей. Этот сахем и тот, что был до него, были наследственными советниками То-до-дэ-хо, который занимал самый прославленный пост сахема, 4. "Горькое тело", род Бекасов. 5. Род черепах. 7. Этот сахем был наследственным хранителем вампумов; род Волков. 8. Род оленей. 9. Род оленей. 10. Род черепах. 11. Род медведей. 12. "Мельком", род оленей. 13. "Большой рот", род черепах. 14. "За ручьем", род черепах.

Cayugas.

I.	1. Da-gä'-ä-yo.	2. Da-je-no'dä-weh-o.	3. Gä-dä'-gwä-sa.
	4. So-yo-wasé.	5. Hä-de-äs-yo-no.	
II.	6. Da-yo-o-yo'-go.	7. Jote-ho-weh'-ko.	8. De-ä-wate'-ho.
III.	9. To-dä-e-ho'.	10. Des-gä-heh.	

Примечания: 1. “Человек напуган”. Род оленя. 2. Род цапли. 3. Род медведя. 4. Род медведей. 5. Род черепах. 6. Не установлено. 7. “Очень холодный”, род черепах. 8. Род цапель. 9. Род бекасов. 10. Род бекасов.

Senecas.

I.	1. Ga-ne-o-di'-yo.	2. Sä-dä-gä'-o-yase.
II.	3. Gä-no-gi'-e.	4. Sä-geh'-jo-wä.
III.	5. Sä-de-a-no'-wus.	6. Nis-hä-ne-a'-nent.
IV.	7. Gä-no-go-e-dä'-we.	8. Do-ne-ho-gä'-weh.

Примечание: 1. “Красивое озеро”, род черепах. 2. “Ровные небеса”. Род бекасов. 3. Род черепах. 4. “Великий Лоб”, род ястребов. 5. “Помощник”, род медведей. 6. “Наступающий день”, род бекасов. 7. “Сгоревшая шерсть”, род бекасов. 8. Род волков “Открытая дверь”.

Два из этих высших звена были заполнены всего один раз с момента их создания. Ха-йо-ун'-ха и Да-га-но-ве'-да согласились занять должности среди сахемов могавков и оставить свои имена в списке при условии, что после их кончины эти двое останутся вакантными. Они были установлены на этих условиях, и это условие соблюдается по сей день. На всех советах по посвящению в сахемы их имена по-прежнему называются вместе с другими в знак уважения к их памяти. Таким образом, генеральный совет состоял всего из сорока восьми членов.

У каждого сахема был помощник сахема, который избирался родом его руководителя из числа его членов и который устанавливался с соблюдением тех же форм и церемоний. Его называли “помощником”. В его обязанности входило поддерживать своего начальника во всех церемониях, действовать как его посланник и вообще подчиняться его указаниям. Это дало айдиту должность старосты и сделало вероятным его избрание преемником своего принципала после кончины последнего. На их образном языке эти вспомогательные средства сахемов назывались “Скобами в Длинном доме”, что символизировало конфедерацию.

Имена, данные первоначальным сахемам, навечно стали именами их соответствующих преемников. Например, после кончины Га-не-о-ди-йо, одного из восьми сахемов Сенека, его преемник будет избран черепашьим родом, в котором это звание было наследственным, и

когда генеральный совет утвердит его, он получит это имя вместо своего собственного в рамках церемонии. Несколько раз я присутствовал на их советах по воспитанию сахемов в резервациях Онондага и Сенека и был свидетелем упомянутых здесь церемоний. Хотя сейчас сохранилась лишь тень старой конфедерации, она полностью организована со своими сахемами и помощниками, за исключением племени ирокезов, которое переселилось в Канаду около 1775 года. Всякий раз, когда появляются вакансии, их места заполняются, и созывается генеральный совет для назначения новых сахемов и их помощников. Нынешние ирокезы также прекрасно знакомы со структурой и принципами древней конфедерации.

Для всех целей племенного правления пять племен были независимы друг от друга. Их территории были разделены установленными пограничными линиями, и их племенные интересы были различны. Восемь сахемов сенека совместно с другими вождями сенека сформировали совет племени, который управлял его делами, оставляя каждому из других племен одинаковый контроль над их отдельными интересами. Как организация, племя не было ни ослаблено, ни ущемлено соглашением с конфедерацией. Каждое жило активной жизнью в своей соответствующей сфере, представляя некоторую аналогию с нашими собственными штатами в рамках всеобъемлющей республики. Стоит помнить, что ирокезы еще в 1755 году подарили нашим предкам союз колоний, подобный их собственному. Они видели в общих интересах и общей речи нескольких колоний элементы для создания конфедерации, которая была настолько далека, насколько их видение было в состоянии проникнуть.

Племена занимали в конфедерации совершенно равные позиции в правах, привилегиях и обязанностях. Такие особые иммунитеты, которые были предоставлены тому или иному лицу, не указывают на намерение заключить неравноправный договор или уступить неравноправные привилегии. Существовали органические положения, по-видимому, наделявшие определенные племена высшей властью; как, например, онондагам было разрешено иметь четырнадцать сахемов, а сенекам - только восемь; и более многочисленный состав сахемов, естественно, оказывал бы большее влияние в совете, чем меньший. Но в данном случае это не давало никакой дополнительной власти, потому что сахемы каждого племени имели равный голос при принятии решения и отрицательный - в отношении остальных. На совете племена соглашались, а единодушие во мнениях было необходимо для каждого общественного акта. Онондага были сделаны "Хранителями вампума" и "Хранителями Клейма Совета", могавки - "Сборщиками дани" с покоренных племен, а сенека - "Хранителями дверей" Длинного Дома. Эти и некоторые другие подобные положения были приняты для общего блага.

Принцип сплоченности конфедерации проистекал не только из преимуществ союза для взаимной защиты, но имел более глубокую основу в родственных узах. Конфедерация якобы опиралась на племена, но в первую очередь на общие роды. Все члены одного и того же рода, будь то могавки, онейды, онондаги, кайюги или сенеки, были братьями и сестрами друг для друга в силу своего происхождения от одного общего предка; и они признавали друг друга таковыми с полнейшей сердечностью. Когда они встречались, первым вопросом было название рода друг друга, а затем непосредственная родословная их соответствующих сахемов; после чего они обычно могли выяснить, в соответствии с их своеобразной системой кровного родства,⁷⁰ отношения, в которых они находились друг к другу. Три рода, а именно Волк, Медведь и Черепаха, были общими для пяти племен; эти и три другие были общими для трех племен. По сути, род Волка, благодаря разделению первоначального племени на пять, теперь состоял из пяти подразделений, по одному из которых было в каждом племени. То же

самое было с родами Медведя и Черепахи. Роды оленей, бекасов и ястребов были обычными для сенекас, кайюгас и онондагас. Между разделенными частями каждого рода, хотя его члены говорили на разных диалектах одного и того же языка, существовала братская связь, которая связывала народы неразрывными узами. Когда могавк из рода Волков признавал онейду, онондагу, кайюгу или сенеку из того же рода братом, и когда члены других разделенных родов делали то же самое, отношения были не идеальными, а фактом, основанным на кровном родстве и на вере в гарантированную родословную, более древнюю, чем их диалекты, и ровесницу их единства как единого народа. В глазах ирокеза каждый член его рода, в каком бы племени он ни находился, был таким же несомненным родственником, как и собственный брат. Это взаимное родство между лицами одного и того же рода в различных племенах все еще сохраняется и признается ими во всей своей первоначальной силе. Это объясняет упорство, с которым осколки старой конфедерации все еще держатся вместе. Если бы какое-либо из пяти племен отделилось от конфедерации, это разорвало бы родственные узы, хотя это ощущалось бы лишь незначительно. Но если бы они столкнулись, это повернуло бы род Волка против их нееврейских сородичей, Медведя против Медведя, одним словом, брата против брата. История ирокезов демонстрирует реальность, а также постоянство родственных уз и верность, с которой они соблюдались. В течение длительного периода, через который просуществовала конфедерация, они никогда не впадали в анархию и не разрушали организацию.

“Длинный дом” (Ho-de'-no-sote) был сделан символом конфедерации; и они называли себя “Людьми Длинного дома” (Ho-de'-no-sau-nee). Это было название, и единственное название, которым они отличались. Конфедерация создала нееврейское общество, более сложное, чем общество одного племени, но все же это было отчетливо нееврейское общество. Однако это был этап прогресса в направлении создания нации, поскольку гражданство достигается при родовых институтах. Объединение - последняя стадия этого процесса. Четыре афинских племени объединились в Аттике в нацию в результате смешения племен, проживающих на одной территории, и постепенного исчезновения географических границ между ними. Племенные названия и организации сохраняли полную жизнеспособность, как и прежде, но без основы в виде независимой территории. Когда политическое общество было учреждено на основе демы или поселка, и все жители демы стали политической организацией, независимо от их рода или племени, объединение стало полным.

Слияние латинского и сабинянского родов в римский народ и нацию было результатом тех же процессов. У всех одинаково род, фратрия и племя были первыми тремя ступенями организации. Конфедерация следовала за ними как четвертая. Но, по-видимому, ни у греческих, ни у латинских племен позднего периода варварства это не стало чем-то большим, чем свободная лига для наступательных и оборонительных целей. О природе и деталях организации греческой и латинской конфедераций наши знания ограничены и несовершенны, поскольку факты похоронены во мраке традиционного периода. Процесс объединения возникает позже, чем конфедерация в родовом обществе; но это была необходимая, а также жизненно важная стадия прогресса, посредством которой, наконец, были достигнуты нация, государство и политическое общество. Среди племен ирокезов это никак не проявилось.

Долина Онондага, как резиденция центрального племени и место, где, как предполагалось, постоянно горело Клеймо Совета, была обычным, хотя и не исключительным местом проведения советов конфедерации. В древние времена его созывали осенью каждого года, но общественные нужды часто делали его заседания более частыми. Каждое племя имело право созывать совет и назначать время и место встречи в доме совета любого племени,

когда обстоятельства делали желательным изменение обычного места в Онондаге. Но совет не имел права созываться сам.

Первоначально главной целью совета было назначение сахемов для заполнения вакансий в рядах правящего органа, возникших в результате смерти или низложения; но он занимался всеми другими делами, которые касались общего благосостояния. С течением времени, по мере того как они увеличивались в численности и их сношения с чужеземными племенами становились все более обширными, совет разделился на три различных вида, которые можно разделить на Гражданские, Траурные и религиозные. Первые объявляли войну и заключали мир, отправляли и принимали посольства, заключали договоры с чужеземными племенами, регулировали дела покоренных племен и принимали все необходимые меры для содействия общему благосостоянию. Второй возвысил сахемов и наделил их должностями. Он получил название Траурного совета, потому что первой из его церемоний была оплакивание умершего правителя, вакантное место которого должно было быть занято. Третий был проведен в честь общего религиозного праздника. Это стало поводом для объединения конфедеративных племен под эгидой генерального совета для соблюдения общих религиозных обрядов. Но поскольку Траурный совет сопровождался многими из тех же церемоний, со временем пришлось отвечать и за то, и за другое. Теперь это единственный совет, который они держат, поскольку гражданские полномочия конфедерации прекратились вместе с верховенством над ними государства.

Призывая читателя к терпению, необходимо остановиться на некоторых деталях относительно порядка ведения дел в Гражданском и Траурном советах. Никаким другим способом архаичное состояние общества при родовых институтах не может быть так легко проиллюстрировано.

Если иностранное племя делало попытку вступить в конфедерацию, это могло быть сделано через любое из пяти племен. Это была прерогатива совета рассматриваемого племени - определить, было ли дело достаточно важным, чтобы требовать созыва совета конфедерации. После получения утвердительного заключения к ближайшим племенам на позиции, на востоке и на западе, был отправлен вестник с поясом вампума, который содержал сообщение о том, что гражданский совет (Хо-де-ос'-се) соберется в таком-то месте и в такое-то время и по такой-то причине, каждая из которых была оговорена. Обязанностью племени, получившего сообщение, было переслать его племени, следующему на позиции, до тех пор, пока уведомление не будет завершено.⁷¹ Ни один совет никогда не собирался, если его не созывали в соответствии с предписанными формами.

Когда сахемы собрались на совет в назначенное время и в назначенном месте и обычная церемония приема была совершена, они разделились на два отряда и сели по разные стороны от очага совета. На одной стороне были сахемы могавков, онондага и сенека. Племена, которые они представляли, на совете были братскими племенами друг для друга и отцовскими племенами для двух других. Подобным же образом их сахемы были братьями друг другу и отцами тем, кто находился напротив. Они составляли фратрию племен и сахемов по принципу, который объединял роды во фратрию. По другую сторону костра сидели онейда и каяуга, а позже - сахемы Тускарора. Племена, которые они представляли, были братскими племенами друг другу и сыновними племенами трем противоположным. Их сахемы также были братьями друг другу и сыновьями тех, кто находился в противоположном подразделении. Они образовали вторую племенную фратрию. Поскольку онейды были подразделением могавков, а кайюги - подразделением онондагов или сенеков, в действительности они были младшими племенами; отсюда их соотношение старших и младших и применение фратрического принципа. Когда племена называются на совете,

первыми упоминаются могавки по старшинству. Их племенным эпитетом был “Щит” (Da-ga-e-o’-dä). Онондага были следующими под эпитетом “Носящие имя” (Ho-de-san-no’-ge-tä), потому что им было поручено выбрать и назвать пятьдесят первоначальных сахемов.⁷² Следующими в порядке старшинства были сенеки под эпитетом “Привратники” (Ho-nan-ne-ho’onte). Их сделали вечными стражами западной двери Длинного Дома. Онейды под эпитетом “Великое дерево” (Ne-ar’-de-on-dar’-go-war) и кайюги под эпитетом “Великая трубка” (Sonus’-ho-gwar-to-war) были названы четвертыми и пятыми. Тускарора, которые поздно пришли в конфедерацию, были названы последними и не имели отличительного эпитета. Формы, подобные этим, были более важны в древнем обществе, чем мы склонны предполагать.

Было принято, чтобы чужеземное племя было представлено на совете делегацией мудрецов и вождей, которые вносили свое предложение и представляли его лично. После официального открытия совета и представления делегации один из сахемов выступил с короткой речью, в ходе которой он поблагодарил Великого Духа за сохранение их жизней и разрешение встретиться вместе; после чего он проинформировал делегацию, что совет готов выслушать их по делу, ради которого он собрался. Затем один из делегатов изложил свое предложение по форме и подкрепил его теми аргументами, которые был в состоянии привести. Члены совета уделили пристальное внимание тому, чтобы они могли ясно понять рассматриваемый вопрос. После завершения выступления делегация покинула совет, чтобы на расстоянии дожидаться результатов своих обсуждений. Затем обязанностью сахемов стало согласовать ответ, который был достигнут в ходе обычных дебатов и консультаций. Когда решение было принято, назначался спикер для передачи ответа совета, для получения которого делегации отзывались. Спикера обычно выбирали из племени, по просьбе которого был созван совет. У него было принято рассматривать весь предмет в официальной речи, в ходе которой объявлялось о принятии, полностью или частично, или отклонении предложения с указанием его причин. Там, где заключалось соглашение, в качестве подтверждения его условий производился обмен поясами вампума. На этом разбирательство совета завершилось.

“Этот пояс хранит мои слова” было обычным замечанием вождя ирокезов на совете. Затем он вручил пояс в качестве доказательства того, что он сказал. В ходе переговоров противоположной стороне будет передано несколько таких поясов. В ответе последней пояс будет возвращен за каждое принятое предложение. Ирокезы испытывали необходимость в точной записи какого-либо предложения, включающего их веру и честь в его исполнение, и они изобрели этот метод, чтобы сделать его неоспоримым.

Единодушие среди сахемов требовалось по всем общественным вопросам и было существенно для законности каждого публичного акта. Это был основной закон конфедерации.⁷³ Они приняли метод выяснения мнений членов совета, который избавлял от необходимости подавать голоса. Более того, они были совершенно не знакомы с принципом большинства и меньшинства в деятельности советов. Они голосовали на совете по племенам, и сахемы каждого племени должны были прийти к единому мнению, чтобы принять решение. Признавая единодушие необходимым принципом, основатели конфедерации разделили сахемов каждого племени на классы в качестве средства для его достижения. Это можно увидеть, обратившись к таблице (выше, [справочная страница](#)). Ни одному сахему не разрешалось выражать мнение в совете в форме голосования до тех пор, пока он сначала не согласится с сахемом или сахемами своего класса относительно мнения, которое должно быть выражено, и не будет назначен спикером от имени класса. Таким образом, восемь сахемов Сенека, принадлежащих к четырем классам, могли иметь только

четыре мнения, а десять сахемов Каюга, принадлежащих к тому же числу классов, могли иметь только четыре. Таким образом, сахемы каждого класса были впервые приведены к единодушию между собой. Затем была проведена перекрестная консультация между четырьмя сахемами, назначенными выступать от имени четырех классов; и когда они пришли к согласию, они назначили одного из своих членов выразить их итоговое мнение, которое было ответом их племени. Когда сахемы нескольких племен с помощью этого остроумного метода пришли к единому мнению по отдельности, оставалось сравнить их мнения, и, если они соглашались, принималось решение совета. Если им не удавалось прийти к соглашению, мера отменялась, и совет подходил к концу. Пять человек, назначенных выражать решение пяти племен, возможно, объяснят назначение и функции шести так называемых выборщиков в конфедерации ацтеков, о которых будет сказано в другом месте.

Таким способом получения согласия были признаны и сохранены равенство и независимость нескольких племен. Если какой-либо сахем был упрям или неразумен, на него оказывалось влияние через преобладающее чувство, которому он не мог хорошо сопротивляться; так что редко случалось, чтобы неудобство или ущерб были результатом их приверженности правилу. Всякий раз, когда все попытки добиться единодушия терпели неудачу, все дело откладывалось в сторону, поскольку дальнейшие действия становились невозможными.

Вступление в должность новых сахемов было событием, представляющим большой интерес для народа, и не в меньшей степени для сахемов, которые сохранили, таким образом, некоторый контроль над введением новых членов в свой состав. В первую очередь для проведения церемонии возведения сахемов был учрежден генеральный совет. В то время он был назван, или впоследствии стал называться, Советом траура (Хен-нун-ду-нух'-сех), потому что он преследовал двойную цель - оплакивать смерть ушедшего сахема и назначить его преемника. После смерти сахема племя, в котором произошла потеря, имело право созвать общий совет и назначить время и место его проведения. Был отправлен герольд с поясом вампума, обычно официальным поясом умершего сахема, врученным ему при установке, который передавал это лаконичное сообщение; — "имя" (с упоминанием имени покойного правителя) "призывает к совету". Он также объявил день и место созыва. В некоторых случаях официальный пояс сахема отправлялся центральному совету-огню в Онондаге сразу после его похорон в качестве уведомления о его кончине, а время проведения совета определялось впоследствии.

Траурный совет с празднествами, последовавшими за посвящением сахемов в сан, обладал замечательной привлекательностью для ирокезов. Они стекались на него из самых отдаленных мест с рвением и энтузиазмом. Он открывался и проводился с множеством форм и церемоний и обычно длился пять дней. Первый был посвящен предписанной церемонии оплакивания усопшего сахема, которая, как религиозный акт, начиналась с восходом солнца. В это время сахемы племени, с которыми был проведен совет, вышли в сопровождении своих соплеменников, чтобы официально принять сахемов и людей из других племен, которые прибыли раньше и стояли лагерем на некотором расстоянии в ожидании назначенного дня. После обмена приветствиями была сформирована процессия, и объединенные племена распевали плач в стихах с ответами на него, пока они маршировали от места приема к месту совета. Плач с хоровыми откликами был данью уважения памяти усопшего сахема, в котором участвовали не только его род, но и его племя, и сама конфедерация. Это было, безусловно, более деликатное свидетельство уважения и привязанности, чем можно было ожидать от варварского народа. Эта церемония открытия

собора завершила работу первого дня. На второй день начиналась церемония вступления в должность, которая обычно длилась до четвертого. Сахемы нескольких племен рассаживались по двум группам, как на гражданском совете. Когда сахем, подлежащий возвышению, принадлежал к любому из трех старших племен, церемония проводилась сахемами младших племен, и новый сахем становился отцом. Аналогичным образом, если он принадлежал к любому из трех младших племен, церемония проводилась сахемами старших племен, и новый сахем устанавливался как сын. Эти особые обстоятельства упоминаются, чтобы показать особый характер их общественной и правительственной жизни. Для ирокезов эти формы и обороты речи были полны значения.

Среди прочего, древние пояса вампум, в которых, по их выражению, “излагались” структура и принципы конфедерации, были изготовлены и прочитаны или интерпретированы для обучения новоиспеченного сахема. Мудрец, не обязательно один из сахемов, брал эти пояса один за другим и, ходя взад и вперед между двумя подразделениями сахемов, зачитывал с них факты, которые они записывали. Согласно индийской концепции, эти пояса могут рассказать с помощью переводчика о точном правиле, положении или транзакции, о которых говорилось в них в то время и о которых они были исключительной записью. Нить вампума, состоящая из нитей фиолетовых и белых ракушечных бусин, или пояс, сплетенный из фигур, образованных бусинками разных цветов, действовали по принципу ассоциации определенного факта с определенной нитью или фигурой; таким образом, придавая фактам последовательное расположение, а также точность запоминания. Эти нити и пояса вампума были единственными видимыми записями ирокезов; но для них требовались опытные переводчики, которые могли бы извлечь из их нитей и рисунков записи, запертые в их памяти. Один из сахемов Онондага (Хо-но-ве-на-то) был назначен “Хранителем Вампума”, и вместе с ним были воспитаны два помощника, которые должны были разбираться в его толковании, а также в самом сахеме. Толкование этих нескольких поясов и веревочек выявило в обращении мудреца связный рассказ о событиях, произошедших при образовании конфедерации. Традиция была повторена полностью и подкреплена в ее основных частях ссылками на записи, содержащиеся в этих поясах. Таким образом, совет по воспитанию сахемов превратился в обучающий совет, который постоянно сохранял в памяти ирокезов структуру и принципы конфедерации, а также историю ее образования. Эти заседания занимали совет каждый день до полудня; вторая половина дня была посвящена играм и увеселениям. Каждый день в сумерках для всего присутствующего подавался общий обед. Он состоял из супа и отварного мяса, приготовленных рядом с домом совета, и подавался прямо из котла в деревянных мисках, подносах и половниках. Перед началом застолья была произнесена молитва. Это было продолжительное восклицание одного человека на высокой пронзительной ноте, постепенно переходящее в тишину, за которым последовал ответный хор людей. Вечера были посвящены танцам. После этих церемоний, продолжавшихся несколько дней, и последовавших за ними празднеств их сахемы были введены в должность.

Наделяя своих сахемов должностями через генеральный совет, основатели конфедерации имели в виду тройственную цель: непрерывную преемственность в роде, преимущества свободных выборов среди его членов и окончательный контроль за выбором посредством церемонии посвящения. Чтобы сделать последнее эффективным, оно должно нести в себе право отклонять кандидата. Было ли право инвестировать чисто функциональным или сопровождалось правом исключать, я не могу сказать. Ни один случай отказа не упоминается. Схема, принятая ирокезами для поддержания правящего органа сахемов, может претендовать в нескольких отношениях на оригинальность, а также на адаптацию к их условиям. По форме олигархия, если понимать этот термин в лучшем смысле, была все же

представительной демократией архаичного типа. Мощный народный элемент пронизывал весь организм и влиял на его действия. Это проявляется в праве родов избирать и смещать своих сахемов и вождей, в праве народа быть услышанным в совете через ораторов по их собственному выбору и в добровольной системе военной службы. В этот и следующий за ним этнический период демократические принципы были жизненно важным элементом нееврейского общества.

Ирокезское название сахема (Ho-yar-pa-go' - война), означающее "советник народа", было исключительно подходящим для правителя в условиях разновидности свободной демократии. Это не только хорошо определяет должность, но и наводит на мысль об аналогичном назначении членов греческого совета вождей. Греческие вожди именовались "народными советниками".⁷⁴ Исходя из характера и срока пребывания в должности у ирокезов, сахемы были не хозяевами, правящими на основе независимого права, а представителями родов, избранными путем свободных выборов. Заслуживает внимания тот факт, что должность, зародившаяся в эпоху дикости и продолжавшаяся на протяжении трех подпериодов варварства, в такой степени проявила свой архаичный характер у греков после того, как родовая организация довела эту часть человеческой семьи до границ цивилизации. Это также показывает, насколько глубоко укоренился в человеческом сознании принцип демократии при джентилизме.

Обозначение вождя второго ранга Ха-са-но-ва на "возвышенным именем" указывает на понимание варварами обычных мотивов личных амбиций. Это также раскрывает одинаковость природы человека, независимо от того, высоко он поднимается или низко опускается по ступеням лестницы прогресса. Знаменитые ораторы, мудрецы и военные вожди ирокезов почти без исключения были вождями второго сорта. Одну из причин этого можно найти в органическом положении, которое ограничивало обязанности сахема мирными делами. Другой вариант, возможно, заключался в том, чтобы исключить из состава правящего органа своих самых способных людей, чтобы их амбициозные цели не помешали его деятельности. Поскольку должность вождя давалась в награду за заслуги, она неизбежно выпадала на долю их самых способных людей. Красная Куртка, Брандт, Гарангула, Плантатор кукурузы, Брат фермера, Фрост, Джонсон и другие хорошо известные ирокезы были вождями, в отличие от сахемов. Ни один из длинных рядов сахемов не стал заметным в американских анналах, за исключением Логана,^{75-летнего} Красавчика Лейка,^{76-летнего} и, совсем недавно, Эли С. Паркера.⁷⁷ Остальные не оставили после себя никаких воспоминаний, простирающихся дальше ирокезов.

На момент образования конфедерации То-до-да'хо был самым выдающимся и влиятельным из вождей племени онондага. Его присоединение к плану создания конфедерации, в которой он испытал бы ослабление власти, было расценено как весьма похвальное. Он был воспитан как один из сахемов Онондага, и его имя заняло первое место в списке. Вместе с ним выросли два помощника сахема, которые были его помощниками и поддерживали его на публичных мероприятиях. Исполненный такого достоинства, этот сахем с тех пор считался ирокезами самым прославленным из сорока восьми, благодаря услугам, оказанным первым До-до-да'хо. Этим обстоятельством рано воспользовались любознательные колонисты, чтобы продвинуть человека, занимавшего этот пост, до положения короля ирокезов; но ошибочное представление было опровергнуто, и институты ирокезов были освобождены от бремени невозможной особенности. В генеральном совете он заседал среди равных. В конфедерации не было главы исполнительной власти.

В конфедерации племен впервые появляется должность генерала (Hos-ga-a-geh'-da-go-wa), "Солдата Великой войны". Теперь возникали случаи, когда несколько племен в качестве

союзников были вовлечены в войну; и ощущалась необходимость в общем командующем, который руководил бы движениями объединенных отрядов. Введение этого поста в качестве постоянного элемента в правительстве стало великим событием в истории человеческого прогресса. Это было началом разграничения военной и гражданской власти, которое, будучи завершено, существенно изменило внешнее проявление правительства. Но даже на более поздних стадиях прогресса, когда возобладал военный дух, сущностный характер правительства не изменился. Джентилизм остановил узурпацию. С появлением генеральной прокуратуры правительство постепенно превратилось из правительства одной власти в правительство двух властей. Со временем функции правительства стали координироваться между ними. Эта новая должность была зародышем должности главного исполнительного магистрата, ибо из генерала вышли король, император и президент, как предполагалось в других местах. Управление возникло из военных потребностей общества и имело логическое развитие. По этой причине его первое появление и последующий рост занимают важное место в этом обсуждении. В ходе этой книги я попытаюсь проследить прогрессивное развитие этой должности, начиная с Воина Великой войны у ирокезов, через тевкли у ацтеков, до басилевса у греков и рекса у римских племен; у всех из них на протяжении трех последовательных этнических периодов должность была одной и той же, а именно должность генерала в военной демократии. У ирокезов, ацтеков и римлян эта должность была выборной, или утверждаемой избирательным округом. Предположительно, то же самое было и у греков традиционного периода. Утверждается, что должность басилевса у греческих племен гомеровского периода передавалась по наследству от отца к сыну. Это по меньшей мере сомнительно. Это настолько широкое и тотальное отклонение от первоначального срока пребывания в должности, что для установления факта требуются положительные доказательства. Выборы или утверждение избирательным округом по-прежнему были бы необходимы при нееврейских институтах. Если бы во многих случаях было известно, что должность переходила от отца к сыну, это могло бы натолкнуть на вывод о наследственной преемственности, ныне принятый как исторически верный, в то время как преемственности в такой форме не существовало. К сожалению, глубокое знание организации и обычаев общества в традиционный период совершенно отсутствует. Великие принципы человеческой деятельности обеспечивают самое надежное руководство, когда их применение было необходимо. Гораздо более вероятно, что наследственное наследование, когда оно впервые возникло, было установлено силой, а не по свободному согласию народа; и что оно не существовало среди греческих племен в гомеровский период.

Когда была образована конфедерация ирокезов или вскоре после этого события, были созданы и названы два постоянных военных вождя, и оба были приписаны к племени сенека. Одно из них (Та-ван'-не-арс, означающее ломающий иглы) стало наследственным у Волка, а другое (Со-но'-со-ва, означающее большую устричную раковину) - у рода Черепах. Причиной, по которой их обоих отдали сенекам, была большая опасность нападения на западной оконечности их территорий. Они избирались тем же способом, что и сахемы, избирались генеральным советом и были равны по рангу и власти. В другом сообщении говорится, что они были созданы позже. Сразу после образования конфедерации они обнаружили, что структура Длинного Дома была неполной из-за отсутствия офицеров для выполнения военных приказов конфедерации. Для исправления этого упущения был создан совет, на котором были назначены два названных бессрочных военачальника. Как главнокомандующие, они отвечали за военные дела конфедерации и командование ее объединенными силами, когда объединялись в генеральную экспедицию. Губернатор Блэкснейк, недавно скончавшийся, занимал этот пост первым поименованным лицом, тем самым показывая, что преемственность соблюдалась регулярно. Создание двух главных военачальников вместо одного и с равными полномочиями свидетельствует о тонкой и

расчетливой политике, направленной на предотвращение господства одного человека даже в их военных делах. Они поступили без опыта точно так же, как поступили римляне, назначив двух консулов вместо одного после того, как отменили должность рекса. Два консула уравнивали бы военную мощь между ними и не позволили бы ни одному из них стать верховным. Среди ирокезов эта должность так и не стала влиятельной.

В индийской этнографии первостепенное значение имеют род, фратрия, племя и конфедерация. Они демонстрируют организацию общества. Рядом с ними находятся срок полномочий и функции должности сахема и вождя, функции совета вождей, а также срок полномочий и функции должности главного военного главнокомандующего. Когда это будет установлено, будут известны структура и принципы их государственной системы. Знание их обычаев, их искусства и изобретений, а также их плана жизни дополнит картину. В работе американских исследователей слишком мало внимания уделялось первым. Они по-прежнему представляют собой богатую область, в которой можно собрать много информации. Наши знания, которые сейчас носят общий характер, следует сделать подробными и сравнительными. Индейские племена, находящиеся на Низшей и Средней ступени варварства, представляют собой две великие стадии прогресса от дикости к цивилизации. Наши далекие предки проходили через те же условия один за другим и обладали, едва ли можно сомневаться, теми же или очень похожими институтами, со многими из тех же обычаев. Как бы мало нас ни интересовали лично американские индейцы, их опыт трогает нас больше как пример опыта наших собственных предков. Наши первичные институты уходят корнями в предшествующее родовое общество, в котором род, фратрия и племя были органическим рядом и в котором совет вождей был инструментом управления. Явления их древнего общества, должно быть, имели много общего с обществом ирокезов и других индейских племен. Такой взгляд на вопрос придает дополнительный интерес сравнительному анализу институтов человечества.

Конфедерация ирокезов является прекрасным примером нееврейского общества с такой формой организации. Это, по-видимому, реализует все возможности родовых институтов на более низком уровне варварства; оставляя возможность для дальнейшего развития, но без последующего плана правления до тех пор, пока не будут созданы институты политического общества, основанные на территории и собственности, с установлением которых родовая организация была бы свергнута. Промежуточные стадии были переходными, оставаясь военными демократиями до конца, за исключением тех случаев, когда на их месте временно устанавливались тирании, основанные на узурпации. Конфедерация ирокезов была по существу демократической, потому что она состояла из родов, каждый из которых был организован на общих принципах демократии, не высшего, а примитивного типа, и потому что племена сохраняли за собой право местного самоуправления. Они завоевывали другие племена и держали их в повиновении, как, например, делавары; но последние оставались под властью своих собственных вождей и ничего не добавили к силе конфедерации. При таком состоянии общества было невозможно объединить под единым руководством племена, говорившие на разных языках, или обложить покоренные племена данью с какой-либо выгодой, кроме самой дани.

Это изложение конфедерации ирокезов далеко не исчерпывает фактов, но оно продвинулось достаточно далеко, чтобы ответить на поставленную задачу. Ирокезы были энергичным и умным народом, объем мозга которого приближался к среднему арийскому уровню. Красноречивые в ораторском искусстве, мстительные на войне и неукротимые в упорстве, они заняли достойное место в истории. Если их военные достижения унылы по сравнению с жестокостями дикой войны, они проиллюстрировали некоторые из высших

человеческих добродетелей в своих отношениях друг с другом. Организованную ими конфедерацию следует рассматривать как замечательное проявление мудрости и прозорливости. Одной из его общепризнанных целей был мир; устранить причину раздора путем объединения их племен под единым правительством, а затем расширить его за счет включения других племен с тем же названием и происхождением. Они призывали эри и Нейтральную нацию стать членами конфедерации, а за их отказ изгнали их со своих границ. Такое понимание высших задач правительства делает честь их уму. Их численность была невелика, но они насчитывали в своих рядах большое количество способных людей. Это доказывает высокое качество сырья.

Благодаря своему положению и военной мощи они оказали заметное влияние на ход событий между англичанами и французами в их соперничестве за господство в Северной Америке. Поскольку эти двое были почти равны по силе и ресурсам в течение первого столетия колонизации, французы могут приписать ирокезам, в немалой степени, свержение их планов создания империи в Новом Свете.

Зная о роде в его архаичной форме и о его возможностях как единицы социальной системы, мы сможем лучше понять роды греков и римлян, которые нам еще предстоит рассмотреть. Та же схема правления, состоящая из родов, фратрий и племен в нееврейском обществе, будет обнаружена у них, когда они стояли на пороге цивилизации, с наложенным опытом двух целых этнических периодов. Происхождение у них было по мужской линии, собственность наследовалась детьми владельца, а не агнатическим родственником, и семья теперь принимала моногамную форму. Рост собственности, которая теперь становилась доминирующим элементом, и увеличение числа людей, собравшихся в городах-крепостях, постепенно демонстрировали необходимость второго великого плана правления — политического. Старая родовая система становилась неспособной удовлетворять требованиям общества по мере того, как оно приближалось к цивилизации. В умах греков и римлян возникали проблески государства, основанного на территории и собственности, перед которыми должны были исчезнуть роды и племена. Чтобы перейти ко второму плану правления, необходимо было заменить роды поселками и городскими приходами, а родовитость - территориальной системой. Упадок родов и восстание организованных поселков практически обозначают разделительную линию между варварским и цивилизованным мирами — между древним и современным обществом.

ГЛАВА VI

Роды в других племенах семьи Гановани

Когда Америка была впервые открыта в нескольких ее регионах, аборигены находились в двух совершенно разных условиях. Первыми были деревенские индейцы, средства к существованию которых зависели почти исключительно от садоводства; таковы были племена с таким статусом в Нью-Мексико, Мексике и Центральной Америке, а также на плато Анд. Во-вторых, это были индейцы, не занимавшиеся садоводством, которые питались рыбой, хлебными кореньями и дичью; таковы были индейцы долины Колумбии, территории Гудзонова залива, некоторых частей Канады и некоторых других регионов Америки. Между этими племенами, соединяя крайности неуловимыми градациями, находились индейцы, занимавшиеся частично сельским хозяйством, а частично садоводством; таковыми были ирокезы, индейцы Новой Англии и Вирджинии, крики, чокта, чероки, миннитари, дакоты и

шауни. Оружие, искусства, обычаи, изобретения, танцы, архитектура домов, форма правления и жизненный уклад всех людей в равной степени несут на себе отпечаток общего разума и раскрывают, благодаря своему широкому диапазону, последовательные стадии развития одних и тех же оригинальных концепций. Наша первая ошибка заключалась в переоценке сравнительного прогресса деревенских индейцев; а вторая - в недооценке прогресса индейцев, не занимающихся садоводством, и частично деревенских индейцев; отсюда вытекала третья ошибка, заключающаяся в отделении одних от других и рассмотрении их как разных рас. Существовала заметная разница в условиях, в которых они находились по отдельности; ибо ряд племен, не занимающихся садоводством, находились в Высшем статусе дикости; промежуточные племена находились в более низком статусе варварства, а деревенские индейцы - в Среднем статусе. Доказательств их единства происхождения в настоящее время накопилось столько, что не оставляет разумных сомнений по этому вопросу, хотя этот вывод не является общепринятым. Эскимосы принадлежат к другой семье.

В предыдущей работе я представил систему кровного родства примерно семидесяти племен американских индейцев; и на основании факта их совместного владения одной и той же системой, с доказательствами ее происхождения из общего источника, осмелился присвоить им особый ранг семьи человечества под названием ганованийцев, "Семьи лука и стрел".⁷⁸

Рассмотрев признаки рода в его архаичной форме, остается указать степень его распространенности среди племен семьи ганован. В этой главе будет прослежена их организация, ограниченная перечислениями названий родов в каждом племени с их правилами происхождения и наследования имущества и должностей. При необходимости будут добавлены дополнительные пояснения. Главный момент, который необходимо установить, - это существование или несуществование нееврейской организации среди них. Везде, где этот институт был обнаружен у этих нескольких племен, он во всех существенных отношениях тот же, что и у рода ирокезов, и поэтому не нуждается в дальнейшем изложении в этой связи. Если не указано обратное, можно понимать, что существование организации было установлено автором из индейского племени или некоторыми из его членов. Классификация племен соответствует классификации, принятой в "Системах кровного родства".

I. Ходеносаунские племена.

1. Ирокезы.

Были рассмотрены роды ирокезов.⁷⁹

2. Вайандоты.

Это племя, остатки древних гуронов, состоит из следующих восьми родов: 1. Волк. 2. Медведь. 3. Бобр. 4. Черепаха. 5. Олень. 6. Змея. 7. Дикобраз. 8. Ястреб.⁸⁰

Происхождение по женской линии, брак в роде запрещен. Должность сахема, или гражданского главы, передается по наследству в роде, но является выборной среди его членов. У них семь сахемов и семь военных вождей, род Ястребов ныне вымер. Должность сахема переходит от брата к брату или от дяди к племяннику; но должность военного вождя даровалась в награду за заслуги и не передавалась по наследству. Собственность передавалась по наследству в роде; следовательно, дети ничего не брали от своего отца; но они наследовали имущество своей матери. Если это правило изложено ниже, то будет

понятно, что сюда включаются как неженатые, так и состоящие в браке лица. Каждый род обладал властью как низлагать, так и избирать своих вождей. Вайандоты были отделены от ирокезов по меньшей мере четыреста лет назад; но у них все еще есть пять общих родов, хотя их названия либо изменились до неузнаваемости, либо были заменены теми или иными новыми именами.

Эри, Нейтральная нация, ноттауэи, тутело,⁸¹ и саскуэханноки,⁸² ныне вымершие или поглощенные другими племенами, принадлежат к тому же роду. Предположительно, они были организованы в роды, но свидетельства этого факта утеряны.

II. Дакотские племена.

Большое количество племен входит в эту огромную группу американских аборигенов. На момент своего открытия они распались на несколько групп, а их язык - на несколько диалектов; но в основном они населяли непрерывные территории. Они занимали верховья Миссисипи и оба берега Миссури на протяжении более тысячи миль. По всей вероятности, ирокезы и родственные им племена были ответвлением от этого ствола.

1. Дакоты или сиу.

Дакоты, состоящие в настоящее время примерно из двенадцати независимых племен, позволили нееврейской организации прийти в упадок. Кажется практически несомненным, что они когда-то обладали им, потому что их ближайшие сородичи, племена Миссури, теперь организованы таким образом. У них есть общества, названные в честь животных, аналогичных родам, но последние сейчас отсутствуют. Карвер, который был среди них в 1767 году, отмечает, что “каждая отдельная группа индейцев разделена на группы или племена; эта группа или племя образуют небольшую общину внутри нации, к которой они принадлежат. Как у нации есть какой-то особый символ, которым она отличается от других, так и у каждого племени есть значок, по которому оно названо; например, значок орла, пантеры, тигра, буйвола и т.д. Одна группа наудовисси (сиу) представлена Змеей, другая - Черепахой, третья - Белкой, четвертая - Волком и пятая - Буйволом. В каждой стране они выделяют себя одинаково, и самый подлый человек среди них будет помнить о своем происхождении по прямой линии и выделяться благодаря своей семье”.⁸³ Он посетил восточные Дакоты на Миссисипи. Исходя из этого конкретного заявления, я не вижу причин сомневаться в том, что языческая организация тогда была у них в полном расцвете сил. Когда я посетил восточную Дакоту в 1861 году и западную в 1862 году, я не смог найти среди них удовлетворительных следов родов. Изменение в образе жизни дакотов произошло между этими датами, когда они были вытеснены на равнины и разбились на кочевые племена, что, возможно, объясняет упадок джентилизма среди них.

Карвер также обратил внимание на две категории вождей у западных индейцев, которые были объяснены тем, что они существуют у ирокезов. “У каждого отряда, - замечает он, - есть вождь, которого называют Великим Вождем или Главным воином, и который избирается с учетом его военного опыта и признанной доблести для руководства их военными операциями и регулирования всех вопросов, относящихся к этому ведомству. Но этот вождь не считается главой государства; помимо великого воина, которого избирают за его воинские качества, есть другой, который пользуется преимуществом в качестве своего наследственного права и имеет более непосредственное управление их гражданскими делами. Этого вождя с большим основанием можно было бы назвать сахемом, чье согласие необходимо для всех сделок и договоров, к которым он прикрепляет знак племени или нации”.⁸⁴

2. Племена Миссури.

1. Пунки. Это племя состоит из следующих восьми родов:

1. Медведь Гризли. 2. Много людей. 3. Лось. 4. Скунс. 5. Буйвол. 6. Змея. 7. Лекарство. 8. Лед.⁸⁵

В этом племени, вопреки общему правилу, происхождение происходит по мужской линии, дети принадлежат к роду своего отца. Смешанные браки внутри рода запрещены. Должность сахема передается по наследству в роде, выбор определяется путем выборов; но сыновья умершего сахема имеют на это право. Вполне вероятно, что переход от архаичной формы был недавним, исходя из того факта, что среди ото и миссурийцев, двух из восьми племен Миссури, а также среди манданов, происхождение все еще происходит по женской линии. Собственность передается по наследству в роду.

2. Омахас. Это племя состоит из следующих двенадцати родов:

1. Олень. 2. Черный. 3. Птица. 4. Черепаха. 5. Буйвол. 6. Медведь. 7. Лекарство. 8. Кау. 9. Голова. 10. Красный. 11. Гром. 12. Много сезонов.⁸⁶

Происхождение, наследование и закон о браке такие же, как у панков.

3. Айова. Аналогичным образом, у айова есть восемь родов, а именно:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Корова-буйвол. 4. Лось. 5. Орел. 6. Голубь. 7. Змея. 8. Сова.⁸⁷

Род бобров Па-кух-тха когда-то существовал среди айова и Отоу, но сейчас он вымер. Происхождение, наследование и запрет на смешанные браки у мужчин такие же, как и у панков.

4. Отос и Миссурийцы. Эти племена объединились в одно и имеют восемь следующих родов:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Корова-буйвол. 4. Лось. 5. Орел. 6. Голубь. 7. Змея. 8. Сова.⁸⁸

Происхождение у отоев и миссурийцев происходит по женской линии, дети принадлежат к роду своей матери. Должность сахема и собственность передаются по наследству в роде, в котором смешанные браки запрещены.

5. Кау. У кау (Kaw-za) есть следующие четырнадцать родов:

1. Олень. 2. Медведь. 3. Буйвол. 4. Орел (белый). 5. Орел (черный). 6. Утка. 7. Лось. 8. Енот. 9. Степной волк. 10. Черепаха. 11. Земля. 12. Хвост оленя. 13. Палатка. 14. Гром.⁸⁹

Кау - одни из самых диких американских аборигенов, но умный и интересный народ. Правила происхождения, наследования и брака у них такие же, как и у панков. Следует заметить, что существуют два рода Орлов и два рода Оленей, которые представляют собой хорошую иллюстрацию сегментации рода; род орлов, вероятно, разделился на два и отличился названиями белого и черного. Черепаха будет найдена ниже в качестве дополнительной иллюстрации того же факта. Когда я посетил племена Миссури в 1859 и 1860 годах, я не смог добраться до осейджей и куаппас. Восемь названных таким образом племен говорят на тесно связанных диалектах дакотского основного языка, и предположение о том, что осейджи и куаппы организованы в роды, является по существу убедительным. В 1869 году Кау, тогда значительно сокращенный, насчитывал семьсот человек, что дало бы в среднем всего пятьдесят человек на род. Родиной этих нескольких племен были берега Миссури и ее

притоков от устья реки Биг-Сиу до Миссисипи и вниз по западному берегу последней реки до Арканзаса.

3. Виннебагоус.

Когда это племя было обнаружено, оно проживало недалеко от одноименного озера в Висконсине. Являясь ответвлением от дакотской ветви, они, по-видимому, следовали по следам ирокезов на восток, к долине Святого Лаврентия, когда их дальнейшее продвижение в этом направлении было остановлено племенами алгонкинов между озерами Гурон и Верхнее. Их ближайшая принадлежность - к племенам Миссури. У них восемь родов следующим образом:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Буйвол. 4. Орел. 5. Лось. 6. Олень. 7. Змея. 8. Гром.⁹⁰

Происхождение, наследование и закон о браке у них такие же, как и у пункта. Удивительно, что так много племен этого происхождения сменили происхождение по женской линии на мужское, потому что, когда идея собственности была впервые известна, она была существенно неразвитой или лишь немного вышла за пределы стадии зарождения и вряд ли могла, как у греков и римлян, быть действующей причиной. Вероятно, это произошло в недавний период под влиянием Америки и миссионеров. В 1787 году Карвер обнаружил следы происхождения по женской линии среди виннебагов. "Некоторые нации, " замечает он, " когда достоинство передается по наследству, ограничивают наследование по женской линии. После смерти вождя ему наследовал сын его сестры, а не его собственный сын; и если у него не было сестры, то это звание принимала ближайшая родственница женского пола. Это объясняет, почему женщина стоит во главе нации виннебаго, что до того, как я познакомился с их законами, казалось мне странным".⁹¹ В 1869 году виннебаго насчитывали тысячу четыреста человек, что давало в среднем сто пятьдесят человек в роде.

4. Племена Верхней Миссури.

1. Манданы. По уму и жизненному искусству манданы опережали все родственные племена, чем, вероятно, были обязаны миннитари. Они делятся на семь родов следующим образом:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Степной цыпленок. 4. Хороший нож. 5. Орел. 6. Плоскоголовый. 7. Хай-Виллидж.⁹²

Происхождение по женской линии, должность и имущество передаются по наследству в роду. Смешанные браки в роду не допускаются. Происхождение по женской линии среди манданов было бы странным, если бы так много племен одного и того же происхождения имели его по мужской линии, если бы оно не находилось в архаичной форме, от которой другие племена лишь недавно отошли. Это дает веские основания предполагать, что изначально он был по женской линии у всех дакотских племен. Эта информация о манданах была получена в деревне олд-Мандан в верховьях Миссури в 1862 году от Джозефа Кипа, матерью которого была манданка. Он подтвердил факт своего происхождения, назвав род своей матери, который также был его собственным.

2. Миннитарисы. Это племя и упсароки (Up-sar'-o-kas), или вороны, являются подразделениями первоначального народа. Они сомнительны в принадлежности к этой ветви ганованской семьи: хотя из-за количества слов в их диалектах и в диалектах племен Миссури и Дакота, которые являются общими, они были отнесены к ним лингвистически. У них был предшествующий опыт, о котором известно немного. Миннитари принесли в эту область садоводство, деревянные дома и особую религиозную систему, которой они

научили манданов. Существует вероятность, что они являются потомками строителей курганов. У них есть семь следующих родов:

1. Нож. 2. Вода. 3. Домик. 4. Цыпленок из прерий. 5. Люди с холмов. 6. Неизвестное животное. 7. Капот.⁹³

Происхождение осуществляется по женской линии, смешанные браки в роде запрещены, а должность сахема, так же как и собственность, передается по наследству в роде. Миннитари и манданы теперь живут вместе в одной деревне. По внешнему виду они являются одними из лучших представителей красного человека, ныне живущих в любой части Северной Америки.

3. Упсароки или Вороны. У этого племени есть следующие роды:

1. Луговая собачка. 2. Плохие леггинсы. 3. Скунс. 4. Коварные ложи. 5. Потерянные ложи. 6. Плохие почести. 7. Мясники. 8. Передвижные домики. 9. Гора Медвежья Лапа. 10. Домики черноногих. 11. Ловцы рыбы. 12. Антилопа. 13. Ворон.⁹⁴

Происхождение, наследование и запрет смешанных браков в роде такие же, как и у миннитариив. Некоторые названия Crow gentes необычны и больше напоминают о группах, чем о gentes. Какое-то время я был склонен дискредитировать их. Но существование организации в роды было четко установлено их правилами происхождения и брачными обычаями, а также их законами о наследовании собственности. Моим переводчиком, когда я был среди Ворон, был Роберт Мелдрам, в то время один из факторов Американской меховой компании, который прожил с Воронами сорок лет и был одним из их руководителей. Он настолько полностью овладел языком, что думал на нем. Он упомянул следующие особые обычаи, касающиеся наследования. Если лицо, которому был подарен какой-либо предмет собственности, умирало, имея его при себе, а даритель был мертв, он возвращался к роду последнего. Имущество, нажитое женой, переходило после ее смерти к ее детям, в то время как имущество ее мужа после его смерти принадлежало его родственникам-язычникам. Если человек сделал подарок другу и умер, последний должен совершить какой-либо признанный акт траура, например, отрезать сустав пальца на похоронах или передать имущество роду своего умершего друга.⁹⁵

У ворон есть обычай относительно брака, который я обнаружил по крайней мере у сорока других индейских племен, которые можно упомянуть здесь, поскольку они будут использованы в последующей главе. Если мужчина женится на старшей дочери в семье, он имеет право на всех ее сестер в качестве дополнительных жен, когда они достигнут зрелости. Он может отказаться от этого права, но если он будет настаивать, его превосходящие права будут признаны ее родом. Полигамия разрешена обычаем среди американских аборигенов в целом; но она никогда не была распространена в какой-либо значительной степени из-за неспособности людей содержать более одной семьи. Прямое доказательство существования упомянутого обычая было предоставлено женой Мелдрума, тогда еще двадцатипятилетней. Она была захвачена ребенком во время набега на Черноногих и стала пленницей Мелдрума. Он убедил свою тещу принять ребенка в свой род и семью, что сделало пленницу младшей сестрой его тогдашней жены и дало ему право взять ее в качестве другой жены, когда она достигнет зрелости. Он воспользовался этим обычаем племени, чтобы выдвинуть свои претензии на первое место. Этот обычай имеет большую древность в человеческой семье. Это пережиток старого обычая пуналуа.

III. Племена Персидского залива.

1. Мускоки или Ручьи.

Конфедерация Криков состояла из шести племен, а именно: криков, хитчетов, ючи, алабам, кузи и натчей, все из которых говорили на диалектах одного языка, за исключением натчей, которые были приняты в конфедерацию после их свержения французами.

Ручьи состоят из двадцати двух родов следующим образом:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Скунс. 4. Аллигатор. 5. Олень. 6. Птица. 7. Тигр. 8. Ветер. 9. Жаба. 10. Крот. 11. Лиса. 12. Енот. 13. Рыба. 14. Кукуруза. 15. Картофель. 16. Орех гикори. 17. Соль. 18. Дикая кошка. 19. (Сигнал потерян). 20. (Сигнал потерян).⁹⁶ 21. (Сигнал потерян). 22. (Сигнал потерян).⁹⁷

Говорят, что остальные племена этой конфедерации были организованы в роды, как автору сообщил преподобный С. М. Лафридж, который в течение многих лет был миссионером среди криков и который привел названия родов, приведенные выше. Далее он заявил, что происхождение среди криков происходит по женской линии; что должность сахема и имущество умерших передаются по наследству в роде и что смешанные браки в роде запрещены. В настоящее время крики частично цивилизованы, с изменившимся образом жизни. Они заменили старую социальную систему политической, так что через несколько лет все следы их старых родовых институтов исчезнут. В 1869 году их насчитывалось около пятнадцати тысяч, что дает в среднем пятьсот пятьдесят человек для всего рода.

2. Шоколад.

Среди чокта фратрийская организация проявляется заметным образом, потому что каждая фратрия названа и явно выделяется как фратрия. Она, несомненно, существовала у большинства названных ранее племен, но этот вопрос специально не исследовался. Племя Криков состоит из восьми родов, объединенных в две фратрии, состоящие из четырех родов в каждой, как у ирокезов.

I. *Divided People. (First Phratry).*

1. Reed. 2. Law Okla. 3. Lulak. 4. Linoklusha.

II. *Beloved People. (Second Phratry).*

1. Beloved People 2. Small People. 3. Large People. 4. Cray Fish.

Примечания: Первое. Ku-shap'. Ok'-lă

1. Куш-ик'-са. 2. Закон-ок'-лэ. 3. Лу-лак Ик-сэ. 4. Лин-ок-лу-ша.

Второй. Wă-tăk-i-Hŭ-lă'-tă.

1. Chu-fan-ik'-sä. 2. Ис-ку-ла-ни. 3. Чи'-то. 4. Шак-чук'-ла.

Роды одной и той же фратрии не могли вступать в смешанные браки; но члены любого из первых родов могли вступать в брак с представителями любого из родов второго, и наоборот.

Это показывает, что чокты, подобно ирокезам, начинались с двух родов, каждый из которых впоследствии разделился на четыре, и что первоначальный запрет на смешанные браки в роде последовал за разделением. Происхождение у чокта было по женской линии. Собственность и должность сахема передавались по наследству в роде. В 1869 году их насчитывалось около двенадцати тысяч, что дало бы в среднем полторы тысячи человек в роде. Вышеупомянутая информация была сообщена автору покойным доктором Сайрусом Байингтоном, который поступил на миссионерскую службу в этом племени в 1820 году, когда они все еще проживали на своей древней территории к востоку от Миссисипи, который переехал с ними на территорию индейцев и умер на миссионерской службе примерно в 1868 году, после сорока пяти лет миссионерских трудов. Человек исключительного совершенства и чистоты характера, он оставил после себя имя и память, которыми человечество может гордиться.

Один Чокта однажды выразил доктору Байингтону пожелание, чтобы он стал гражданином Соединенных Штатов, по той причине, что его дети тогда унаследовали бы его собственность вместо его нееврейских родственников по старому закону рода. Обычай Чокты распределяли его имущество после его смерти между его братьями и сестрами и детьми его сестер. Однако он мог при жизни передать свою собственность своим детям, и в этом случае они могли предъявить ее членам его рода. Многие индейские племена в настоящее время обладают значительной собственностью на домашних животных, а также на дома и земли, принадлежащие частным лицам, среди которых стала обычной практикой передачи имущества своим детям при их жизни, чтобы избежать наследования по нееврейской линии. По мере увеличения количества собственности лишение наследства детей начало вызывать противодействие наследованию среди неевреев; и в некоторых племенах, в том числе в племени чокта, старый обычай был отменен несколько лет назад, и право наследования принадлежало исключительно детям умершего владельца. Однако это произошло в результате замены родовой системы политической системой, а вместо старого правительства вождей были введены выборный совет и магистратура. Согласно предыдущим обычаям, жена ничего не унаследовала от своего мужа, а он - от нее; но имущество жены было разделено между ее детьми, а за неимением их - между ее сестрами.

3. Чикасы.

Подобным образом чикасы были организованы в две фратрии, из которых первая включает четыре, а вторая восемь родов, следующим образом:

I. *Panther Phratry.*

1. Wild Cat.	2. Bird.	3. Fish.	4. Deer.

II. *Spanish Phratry.*

1. Raccoon.	2. Spanish.	3. Royal.	4. Hush-ko-ni.
5. Squirrel.	6. Alligator.	7. Wolf.	8. Blackbird.

Примечания: I. Koi

1. Ко-ин-чуш. 2. Hä-täk-fu-shi. 3. Нун-ни. 4. Ис-си.

II. Иш-пан-и.

1. Шэ-у из. 2. Иш-пэн-из. 3. Мин-ко. 4. Хуш-ко ни. 5. Тун-ни. 6. Хо-чон-чаб-ба. 7. На-шо-лэ. 8. Чух-хла.

Происхождение было по женской линии, смешанные браки в роде были запрещены, а собственность, а также должность сахема передавались по наследству в роде. Приведенные выше сведения были получены от преподобного Чарльза К. Коупленда, американского миссионера, проживавшего с этим племенем. В 1869 году их насчитывалось около пяти тысяч, что дает в среднем около четырехсот человек в роде. Новый род, по-видимому, образовался после того, как начались их сношения с испанцами, или это название, по каким-то причинам, могло быть заменено первоначальным названием. Одна из фратрий также называется испанской.

4. Индейцы племени чероки.

Это племя в древности состояло из десяти родов, из которых два, Желудевые, Ах-не-дсу'ла, и Птичьи, Ах-не-дсе-сквя, в настоящее время вымерли. Они заключаются в следующем:

1. Волк. 2. Красная краска. 3. Длинная прерия. 4. Глухой. (Птица.) 5. Остролист. 6. Олень. 7. Синий. 8. Длинные волосы.⁹⁸

Происхождение осуществляется по женской линии, и смешанные браки в роде запрещены. В 1869 году чероки насчитывали четырнадцать тысяч человек, что дало бы в среднем по тысяче семьсот пятьдесят человек в каждом роде. Насколько известно, это самое большое число, когда-либо обнаруженное в одном роде среди американских аборигенов. Чероки и оджибва в настоящее время превосходят все остальные индейские племена на территории Соединенных Штатов по количеству людей, говорящих на том же диалекте. Возможно, он заметил далее, что маловероятно, чтобы когда-либо в какой-либо части Северной Америки существовало сто тысяч индейцев, говоривших на одном и том же диалекте. Ацтеки, тецуканы и тлашкаланцы были единственными племенами, о таком большом количестве которых можно было с каким-либо основанием заявить; и в отношении них трудно понять, как существование такого большого числа представителей обоих племен могло быть установлено в эпоху испанского завоевания на основании достоверных свидетельств. Необычная численность криков и чероки объясняется наличием домашних животных и хорошо развитым полевым сельским хозяйством. Теперь они частично цивилизованны, заменив древние роды выборным конституционным правительством, под влиянием которого последние быстро приходят в упадок.

5. Семинолы.

Это племя происходит от ручья. Говорят, что они организованы в роды, но подробности неизвестны.

IV. Племена пауни.

Не установлено, организованы ли пауни в роды. Преподобный Сэмюэл Эллис, который ранее был миссионером среди них, выразил автору свое убеждение, что так оно и было, хотя он специально не исследовал этот вопрос. Он назвал следующие роды, из которых, по его мнению, они состояли:

1. Медведь. 2. Бобр. 3. Орел. 4. Буйвол. 5. Олень. 6. Сова.

Однажды я встретил группу пауни на реке Миссури, но не смог нанять переводчика.

Арикарисы, чья деревня находится рядом с деревней Миннитари, являются ближайшими родственниками пауни, и с ними произошла та же трудность. Эти племена, вместе с узко и двумя или тремя другими небольшими племенами, проживающими на Канадской реке, всегда жили к западу от Миссури и говорят на независимом языке племени. Если пауни организованы в роды, то предположительно и другие племена такие же.

Против племен алгонкинов.

В эпоху своего открытия это многочисленное племя американских аборигенов занимало территорию от Скалистых гор до Гудзонова залива, к югу от реки Сискатчевун, а оттуда на восток до Атлантики, включая оба берега озера Верхнее, за исключением его верховьев, и оба берега реки Святого Лаврентия ниже озера Шамплейн. Их ареал простирался на юг вдоль Атлантического побережья до Северной Каролины и вниз по восточному берегу Миссисипи в Висконсине и Иллинойсе до Кентукки. В восточной части этого огромного региона ирокезы и связанные с ними племена были навязчивым народом, их единственным конкурентом за господство в пределах его границ.

Гитчигамские⁹⁹ племен.

1. Оджибвы. Оджибва говорят на том же диалекте и организованы в роды, названия двадцати трех из которых были получены без уверенности в том, что они включают все их число. На диалекте оджибва слово "тотем", столь же часто произносимое как "додаим", означает символ или девиз рода; таким образом, фигура волка была тотемом рода Волков. Исходя из этого, мистер Скулкрафт использовал слова "тотемическая система" для обозначения родовой организации, что было бы вполне приемлемо, если бы у нас не было как в латыни, так и в английском языке терминологии для обозначения каждого качества и характера системы, которая уже является исторической. Однако его можно использовать с пользой. У оджибва есть следующие роды:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Бобр. 4. Черепаха (Грязевая). 5. Черепаха (кусающаяся). 6. Черепаха (Маленькая). 7. Северный олень. 8. Бекас. 9. Журавль. 10. Ястреб-голубятник. 11. Белоголовый орлан. 12. Гагара. 13. Утка. 14. Утка. 15. Змея. 16. Ондатра. 17. Marten. 18. Цапля. 19. Бычья голова. 20. Карп. 21. Рыба-кошка. 22. Осетр. 23. Щука.¹⁰⁰

Происхождение происходит по мужской линии, дети принадлежат к роду своего отца. Есть несколько причин для вывода о том, что изначально это было по женской линии и что изменение произошло сравнительно недавно. Во-первых, делавары, которые признаны всеми племенами алгонкинов как одни из старейших в своем роду и которых все одинаково называют "Дедушками", все еще происходят по женской линии. У нескольких других племен алгонкинов то же самое. Во-вторых, все еще остаются свидетельства того, что в течение двух или трех поколений назад в том, что касается должности вождя, происхождение было по женской линии.¹⁰¹ В-третьих, американское и миссионерское влияние, как правило, выступало против этого. Схема происхождения, лишавшая сыновей наследства, казалась ранним миссионерам, воспитанным в соответствии с совершенно иными концепциями, несправедливой или разумной; и не исключено, что в ряде племен, включая оджибву, изменения были внесены в соответствии с их учением. И, наконец, поскольку несколько племен алгонкинов в настоящее время имеют происхождение по женской линии, это приводит к выводу, что в древности это было универсальным в семье гановани, а также являлось архаичной формой этого института.

Смешанные браки в роде запрещены, и как собственность, так и должности передаются по наследству в роде. Однако в настоящее время дети получают большую часть этого, исключая своих сородичей-язычников. Имущество и пожитки матери переходят к ее детям, а при их отсутствии - к ее сестрам, собственным и находящимся в залоге. Аналогичным образом сын может сменить своего отца на посту сахема; но там, где сыновей несколько, выбор определяется выборным принципом. Язычники не только избирают, но и сохраняют за собой право свергать. В настоящее время оджибва насчитывают около шестнадцати тысяч человек, что дает в среднем около семисот человек в каждом роде.

2. Потаваттамиес. Это племя состоит из пятнадцати родов, а именно:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Бобр. 4. Лось. 5. Гагара. 6. Орел. 7. Осетр. 8. Карп. 9. Белоголовый орлан. 10. Гром. 11. Кролик. 12. Ворона. 13. Лиса. 14. Индейка. 15. Черный ястреб.¹⁰²

Происхождение, наследование и закон о браке те же, что и у оджибва.

3. Отава.¹⁰³ Оджибва, отава и потаваттами были подразделениями первоначального племени. Когда о них впервые стало известно, они были объединены в конфедерацию. Отава, несомненно, были организованы в роды, но их названия не сохранились.

4. Среес. Это племя, когда его обнаружили, занимало северо-западный берег озера Верхнее и распространилось оттуда до Гудзонова залива и на запад до Красной реки на Севере. Позднее они заняли регион Сискатчевун и к югу от него. Подобно дакотам, они утратили нееврейскую организацию, которая предположительно когда-то существовала среди них. Лингвистически их ближайшая принадлежность связана с оджибва, на которых они очень похожи по манерам и обычаям, а также по внешнему виду.

Племена Миссисипи.

Западные алгонкины, объединенные под этим названием, занимали восточные берега Миссисипи в Висконсине и Иллинойсе и простирались на юг до Кентукки и на восток до Индианы.

1. Майами. Непосредственные сородичи майамцев, а именно уизы, пианкешоу, пеории и каскаскии, известные на заре под общим названием иллинойс, сейчас немногочисленны и отказались от своих древних обычаев в пользу оседлой сельскохозяйственной жизни. Были ли они ранее организованы в роды или нет, не установлено, но вполне вероятно, что были. У майамцев есть следующие десять родов:

1. Волк. 2. Гагара. 3. Орел. 4. Канюк. 5. Пантера. 6. Индейка. 7. Енот. 8. Снег. 9. Солнце. 10. Вода.¹⁰⁴

При их изменившемся состоянии и уменьшающейся численности языческая организация быстро исчезает. Когда начался его упадок, происхождение было по мужской линии, смешанные браки в роде были запрещены, а должность сахема вместе с имуществом передавались по наследству в роде.

2. Шауни. Это замечательное и высокоразвитое племя, одно из высших представителей племени алгонкинов, все еще сохраняет свои роды, хотя они заменили старую родовую систему гражданской организацией с первым и вторым главой-вождем и советом, каждый из которых ежегодно избирается всенародным голосованием. У них есть тринадцать родов, которые они до сих пор поддерживают в социальных и генеалогических целях, а именно:

1. Волк. 2. Гагара. 3. Медведь. 4. Канюк. 5. Пантера. 6. Сова. 7. Индейка. 8. Олень. 9. Енот. 10. Черепаха. 11. Змея. 12. Лошадь. 13. Кролик.¹⁰⁵

Происхождение, наследование и правила, касающиеся вступления в брак вне рода, те же, что и у жителей Майами. В 1869 году шауни насчитывали всего семьсот человек, что дало бы в среднем около пятидесяти человек в роде. Когда-то они насчитывали три или четыре тысячи человек, что было выше среднего показателя среди племен американских индейцев.

У шауни был обычай, общий также для миами, сауковцев и фоксов, давать детям имена в род отца, или матери, или любого другого рода, с определенными ограничениями, что заслуживает минутного внимания. Было показано, что у ирокезов каждый род имел свои особые имена для лиц, которые ни один другой род не имел права использовать.¹⁰⁶ Это использование, вероятно, было общим. У шауни эти имена несли с собой права рода, к которому они принадлежали, так что имя определяло род человека. Поскольку сахем во всех случаях должен принадлежать к роду, над которым он облечен властью, не исключено, что изменение происхождения по женской линии на мужское началось именно с этой практики; во-первых, для того, чтобы сын мог наследовать своему отцу, а во-вторых, чтобы дети могли наследовать имущество своего отца. Если бы сын при крещении получил имя, принадлежащее роду его отца, это поместило бы его в род его отца и в линию наследования, но с соблюдением принципа выборности. Отец, однако, не имел никакого контроля над этим вопросом. Род оставлял это право определенным лицам, в большинстве своем матронам, с которыми следовало консультироваться при наречении детей, имея право определять, какое имя им дать. По какому-то соглашению между родами шауни эти люди обладали этой властью, и имя, присвоенное в установленном порядке, относилось человека к тому роду, к которому принадлежало это имя.

Среди шауни сохранились следы архаичного правила происхождения, о котором можно привести следующую иллюстрацию, поскольку она была упомянута автором. Ла-хо-вех, сахем рода Волков, находясь при смерти, выразил желание, чтобы сын одной из его сестер стал его преемником вместо его собственного сына. Но его племянник (Кос-ква'-те) происходил из рода Рыбы, а его сын - из рода Кролика, так что ни тот, ни другой не могли стать его преемниками, не перейдя сначала путем смены имени в род Волка, в котором должность передавалась по наследству. Его желание было уважено. После его смерти имя его племянника было изменено на Теп-а-тя-го-те', одно из Волчьих имен, и он был избран на этот пост. Такая распушенность указывает на упадок родовой организации; но это указывает на то, что в какой-то отдаленный период происхождения шауни не происходило по женской линии.

3. Сауки и лисы. Эти племена объединены в одно и имеют следующие роды:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Олень. 4. Лось. 5. Ястреб. 6. Орел. 7. Рыба. 8. Буйвол. 9. Гром. 10. Кость. 11. Лиса. 12. Море. 13. Осетр. 14. Большое дерево.¹⁰⁷

Происхождение, наследование и правило, требующее заключения брака вне рода, такие же, как и у миами. В 1869 году их насчитывалось всего семьсот, что дало бы в среднем пятьдесят человек в роде. Количество сохранившихся до сих пор родов свидетельствует о том, что за предыдущие два столетия их было в несколько раз больше.

4. Меномини и кикапу. Эти независимые друг от друга племена организованы в роды, но их названия не были получены. Что касается меномини, то из следующего заявления, сделанного автору в 1859 году Антуаном Гуки, членом этого племени, можно сделать вывод, что до недавнего времени происхождение происходило по женской линии. Отвечая на

вопрос о порядке наследования, он ответил: “Если я умру, мои братья и дяди по материнской линии лишат мою жену и детей моего имущества. Теперь мы ожидаем, что наши дети унаследуют наше имущество, но уверенности в этом нет. Старый закон передает мою собственность моим ближайшим родственникам, которые являются не моими детьми, а моими братьями и сестрами и дядями по материнской линии”. Это показывает, что собственность передавалась по наследству в роде, но ограничивалась агнатическим родством по женской линии.

Племена Скалистых гор.

1. Кровавые черноногие. Это племя состоит из пяти следующих родов:

1. Кровь. 2. Рыбоеды. 3. Скунс. 4. Вымершее животное. 5. Лось.¹⁰⁸

Происхождение происходит по мужской линии, но смешанные браки в роду не допускаются.

2. Пеган черноногий. Это племя состоит из восьми следующих родов:

1. Кровь. 2. Скунс. 3. Жир паутины. 4. Внутренний жир. 5. Фокусники. 6. Никогда не смейся. 7. Умирай с голоду. 8. Наполовину мертвое мясо.¹⁰⁹

Происхождение осуществляется по мужской линии, и смешанные браки в роде запрещены. Некоторые из приведенных выше названий больше подходят для групп, чем для родов; но, поскольку информация была получена непосредственно от Черноногих, через компетентных переводчиков (мистера и миссис Александра Калбертсон, последняя черноногая женщина) Я считаю это достоверным. Возможно, что прозвища для родов в некоторых случаях могли заменить первоначальные имена.

Атлантические племена.

1. Делавары. Как уже говорилось в другом месте, делавары за время своего отдельного существования являются одним из старейших племен алгонкинов. Их родиной, когда ее обнаружили, был регион вокруг залива Делавер и к северу от него. Они состоят из следующих трех родов:

1. Волк. Сел. Круглая лапа.

2. Черепаха. Пок-ку-ун-го. Ползет.

3. Индейка. Пуль-ла-готовить. Не разжевывая.

Эти подразделения имеют природу фратрий, потому что каждое состоит из двенадцати подродов, каждый из которых обладает некоторыми атрибутами рода.¹¹⁰ Имена личные, и в основном, если не во всех случаях, они принадлежат женщинам. Поскольку эта особенность была необычной, я проработал ее настолько детально, насколько это было возможно, в резервации Делаверов в Канзасе в 1860 году с помощью Уильяма Адамса, образованного делавера. Оказалось невозможным установить происхождение этих подразделений, но они, по-видимому, были несколькими одноименными предками, от которых члены родов соответственно вели свое происхождение. Это показывает также естественный рост фратрий из родов.

Происхождение у делаваров происходит по женской линии, что делает вероятным его древнюю универсальность в этой форме у племен алгонкинов. Должность сахема была наследственной в роде, но выборной среди его членов, которые имели право как избирать, так и смещать. Собственность также была наследственной в роде. Первоначально члены

трех первоначальных родов не могли вступать в браки между представителями своего собственного рода; но в последние годы запрет был распространен только на суброды. Те, у кого одно имя в роде Волков, теперь частично ставшем фратрией, например, не могут вступать в смешанные браки, но те, у кого разные имена, вступают в брак. Практика наречения детей в род их отца также преобладает среди делаваров и привела к той же путанице в происхождении, что и у шауни и миами. Американская цивилизация и общение неизбежно нанесли удар по индийским институтам, в результате чего этническая жизнь народа постепенно разрушается.

Примеры преемственности в должности являются наиболее удовлетворительными иллюстрациями закона о происхождении аборигенов. Женщина из штата Делавэр, заявив автору, что она со своими детьми принадлежала к роду Волков, а ее муж - к роду Черепах, заметила, что когда капитан Кетчум (Tä-whe'-lä-na), покойный главный вождь или сахем рода Черепах, умер, ему наследовал его племянник Джон Коннер (Tä-tä-ne'-shä), сын одной из сестер покойного сахема, который также принадлежал к роду Черепах. Покойный оставил сына, но он принадлежал к другому роду и, следовательно, не мог стать наследником. У делаваров, как и у ирокезов, должность переходила от брата к брату или от дяди к племяннику, потому что происхождение было по женской линии.

2. Манси. Манси являются ответвлением от делаваров и имеют те же роды, что и Волк, черепаха и индейка. Происхождение осуществляется по женской линии, смешанные браки в роде не допускаются, а должность сахема, так же как и собственность, передаются по наследству в роде.

3. Могеганцы. Все индейцы Новой Англии, жившие к югу от реки Кеннебек, частью которых были мохиганцы, были тесно связаны по языку и могли понимать диалекты друг друга. Поскольку мохеганцы организованы в роды, есть предположение, что пекоты, наррагансетты и другие второстепенные группы были не только организованы подобным образом, но и имели те же роды. У мохиганцев те же три вида, что и у делаваров, Волка, Черепахи и Индейки, каждый из которых состоит из нескольких родов. Это доказывает их непосредственную связь по происхождению с делаваками и манси, а также раскрывает, как указывалось в другом месте, процесс разделения, посредством которого первоначальный род распадается на несколько, которые остаются объединенными во фратрию. В этом случае также можно увидеть, как фратрия естественным образом возникает при родовых институтах. Среди американских аборигенов редко можно найти сохранившиеся свидетельства сегментации первоначальных родов с такой четкостью, как в данном случае.

Фратрии могеганцев выделяются более заметно, чем фратрии любого другого племени американских аборигенов, потому что они охватывают роды каждого из них, и фратрии должны быть указаны, чтобы объяснить классификацию родов; но мы знаем о них меньше, чем об ирокезах. Они заключаются в следующем:

I. Wolf Phratry. Took-se-tuk'.

1. Wolf.	3. Dog.
2. Bear.	4. Opossum.

II. Turtle Phratry. Tone-bä'-o.

1. Little Turtle.	3. Great Turtle.
2. Mud Turtle.	4. Yellow Eel.

III. Turkey Phratry.

1. Turkey.	3. Chicken.
2. Crane.	

Примечания: И. Тук-се тук.

1. Ne-h'-jä-o. 2. Mă'-kwă. 3. Н-де-я'-о. 4. Wă-pa-kwe'.

II. Тон-бэ-о.

1. Гак-по-немой'. 2. – 3. Тон-бэ'-о. 4. Мы-видели-ма'уна.

III. Турция.

1. Nă-ah-mă'-o. 2. Gä-h'-ko. 3. –.

Происхождение осуществляется по женской линии, смешанные браки в роде запрещены, а должность сахема передается по наследству в роде, переходя либо от брата к брату, либо от дяди к племяннику. Среди пекотов и Наррагансеттов происхождение было по женской линии, как я узнал от женщины из Наррагансеттов, с которой я познакомился в Канзасе.

4. Абенакис. Название этого племени, Ва-бе-на'ки, означает “Народ восходящего солнца”.¹¹¹ Они более близки к микмакам, чем к индейцам Новой Англии к югу от Кеннебека. У них есть четырнадцать родов, а именно:

1. Волк. 2. Дикая кошка (черная.) 3. Медведь. 4. Змея. 5. Пятнистое животное. 6. Бобр. 7. Карибу. 8. Осетр. 9. Ондатра. 10. Ястреб-голубятник. 11. Белка. 12. Пятнистая лягушка. 13. Журавль. 14. Дикобраз.¹¹²

Происхождение теперь осуществляется по мужской линии, смешанные браки в роде издревле были запрещены, но сейчас этот запрет утратил большую часть своей силы. Должность сахема передавалась по наследству в роде. Следует отметить, что некоторые из вышеупомянутых родов такие же, как и у оджибва.

VI. Атапаско-племена апачей.

Точно не установлено, организованы ли атапасканы территории Гудзонова залива и апачи Нью-Мексико, которые являются подразделениями первоначального вида. Находясь на

бывшей территории, в 1861 году, я предпринял попытку определить вопрос среди атапасков-зайцев и красных Ножей, но безуспешно из-за отсутствия компетентных переводчиков; и все же представляется вероятным, что если бы система существовала, ее следы были бы обнаружены даже при несовершенных средствах исследования. Покойный Роберт Кенникот предпринял аналогичную попытку для автора среди жителей А-ча'о-тен-не, или Невольничьего озера атапасков, с не большим успехом. Он нашел особые правила, касающиеся брака и происхождения по должности сахема, которые, казалось, указывали на наличие родов, но он не смог получить удовлетворительной информации. Кутчин (Louchouxu) из региона реки Юкон - атапасканцы. В письме автору покойного Джорджа Гиббса он замечает: “В письме, которое я получил от джентльмена из Форт-Симпсона, река Маккензи, упоминается, что среди лушу или кутчин есть три сословия общества — несомненно, ошибка в названии тотема, хотя тотемы, вероятно, различаются по рангу, как он продолжает говорить, — что мужчина не женится на представительнице своего класса, а берет жену из какого-то другого; и что вождь из высшего сословия может жениться на женщине из низшего сословия без потери касты. Дети принадлежат к той же ступени, что и мать; и члены одной ступени в разных племенах не воюют друг с другом”.

Среди колушей Северо-Западного побережья, которые лингвистически, хотя и не очень близки к атапаскам, существует разделение на роды. Г-н Галлатин замечает, что они “похожи на наших собственных индейцев, разделенных на племена или кланы; различия, от которого, по словам г-на Хейла, нет и следа среди индейцев штата Орегон. Названия племен [gentes] - это названия животных, а именно: Медведь, Орел, Ворона, Морская свинья и Волк.... Право наследования осуществляется по женской линии, от дяди к племяннику, за исключением главного вождя, который, как правило, является самым могущественным в семье”.¹¹³

VII. Индейские племена Северо-Западного побережья.

В некоторых из этих племен, кроме колушей, преобладает родовая организация. “Прежде чем покинуть пролив Пьюджетсаунд, - отмечает мистер Гиббс в письме автору, - мне посчастливилось встретиться с представителями трех основных семейств того, что мы называем северными индейцами, обитателями Северо-Западного побережья, простирающегося от Верхней оконечности острова Ванкувер до российских владений, и границ эскимосов. Из них я убедился, что тотемическая система существует, по крайней мере, у этих троих. Семьи, о которых я говорю, начинаются на северо-западе, тлинкитты, обычно называемые стикинами, в честь одного из их племен; тлайды; и чимсианцы, которых Галлатин называет веасами. У них есть четыре общих тотема: Кит, Волк, Орел и Ворона. Ни один из них не может сочетаться браком с одним и тем же тотемом, хотя и принадлежит к другой нации или семье. Что примечательно, так это то, что эти нации составляют совершенно разные семьи. Я имею в виду, что их языки существенно различны и не имеют ощутимой аналогии”. М-р Далл в своей работе об Аляске, написанной еще позже, отмечает, что “тлинкеты делятся на четыре тотема: Ворон (Йел), Волк (канукх), Кит и Орел (четл)... Вступать в брак могут только противоположные тотемы, и ребенок обычно принимает тотем матери”.¹¹⁴

Мистер Хьюберт Х. Бэнкрофт представляет их организацию еще более полно, показывая две фратрии и роды, принадлежащие к каждой. Он замечает о тлинкитах, что “нация разделена на два больших подразделения, или клана, один из которых называется Волк, а другой Ворон. Воронье туловище снова делится на подкланы, называемые Лягушачьими, Гусиными, Морскими львами, Совами и Лососями. Семейство Волков включает Медведя, Орла, Дельфина, Акулу и Альку.... Племена одного клана не могут воевать друг с другом, но в то же

время члены одного клана не могут вступать в брак друг с другом. Таким образом, молодой воин-Волк должен искать свою пару среди Воронов”.¹¹⁵

Эскимосы не принадлежат к ганованской семье. Их заселение американского континента по сравнению с заселением последней семьи было недавним или современным. У них также нет родов.

VIII. Племена салиш, сахаптин и кутеней.

Племена долины Колумбии, из которых вышеназванные представляют основные группы, лишены родовой организации. Наши выдающиеся филологи Горацио Хейл и покойный Джордж Гиббс, оба уделявшие этому предмету особое внимание, не смогли обнаружить у себя никаких следов этой системы. Есть веские основания полагать, что эта замечательная местность была рассадником семьи Ганованиан, из которой, как из начальной точки их миграции, они распространились по обеим частям континента. Поэтому представляется вероятным, что их предки обладали организацией в роды, и что она пришла в упадок и в конце концов исчезла.

IX. Племена шошони.

Техасские команчи вместе с племенами юта, боннаками, шошони и некоторыми другими племенами принадлежат к этому роду. Мэтью Уокер, полукровка-вайандот, сообщил автору в 1859 году, что он жил среди команчей и что у них были следующие роды:

1. Волк. 2. Медведь. 3. Лось. 4. Олень. 5. Суслик. 6. Антилопа.

Если команчи организованы в роды, то предполагается, что другие племена этого племени такие же.

На этом наш обзор социальной системы индейских племен Северной Америки, к северу от Нью-Мексико, завершен. Большая часть названных племен в эпоху европейских открытий находилась на более низком уровне варварства, а остальные - на более высоком уровне дикости. Исходя из широкого и почти повсеместного распространения организации в родах, можно с полным основанием предположить ее древнюю универсальность среди них с происхождением по женской линии. Их система была чисто социальной, в ней род был единицей, а фратрия, племя и конфедерация - остальными членами органического ряда. Эти четыре последовательных этапа интеграции и реинтеграции выражают весь их опыт в росте идеи правительства. Поскольку основные арийские и семитские племена имели один и тот же органический ряд, когда они вышли из состояния варварства, система была по существу универсальной в древнем обществе и, следовательно, имела общее происхождение.

Пуналусская группа, которая далее будет описана более полно в связи с развитием идеи семьи, очевидно, дала начало родам, так что арийская, семитская, уральская, туранская и ганованская семьи человечества с отчетливостью, по-видимому, безошибочной, указывают на общий пуналусский корень с привитой к нему организацией в роды, от которых произошли все без исключения и, наконец, дифференцировались в семьи. Я полагаю, что этот вывод в конечном итоге подтвердит его собственное признание, когда будущее расследование разработает и проверит факты в мельчайших масштабах. Такой великий органический ряд, способный удерживать человечество в обществе на протяжении последней части периода дикости, на протяжении всего периода варварства и в начале периода цивилизации, возник не случайно, а имел естественное развитие из ранее существовавших элементов. Рационально и строго истолкованный, представляется

вероятным, что его можно сделать доказательством единства происхождения всех семей человечества, которые обладали организацией в роды.

Х. Деревня индейцев.

1. Индейцы племени Мокки Пуэбло.

Племена моки по-прежнему безмятежно владеют своими древними общинными домами, всего семью, недалеко от Литл-Колорадо в Аризоне, некогда входившей в состав Нью-Мексико. Они живут в соответствии со своими древними институтами и, несомненно, в настоящее время вполне представляют тип деревенской индейской жизни, который преобладал от Зуни до Куско в эпоху Великих географических открытий. Зуни, Акома, Таос и несколько других пуэбло Новой Мексики - это те же сооружения, которые были найдены там Коронадо в 1540-1542 годах. Несмотря на их кажущуюся доступность, в действительности мы знаем очень мало об их образе жизни или их домашних институтах. Систематических исследований никогда не проводилось. Та небольшая информация, которая попала в печать, носит общий и случайный характер.

Моки организованы в роды, которых у них девять, следующим образом:

1. Олень. 2. Песок. 3. Дождь. 4. Медведь. 5. Заяц. 6. Степной волк. 7. Гремучая змея. 8. Табачное растение. 9. Камышовая трава.

Доктор Тен Брук, ассистент хирурга из США, предоставил мистеру Скулкрафту легенду моки об их происхождении, которую он раздобыл в одной из их деревень. Они сказали, что “много лет назад их Великая Мать¹¹⁶ вывела из своего дома на Западе девять человеческих рас в следующем виде. Во-первых, гонка на оленях; во-вторых, гонка на песке; в-третьих, гонка на воде [Дожде]; в-четвертых, гонка на медведях; в-пятых, гонка на зайцах; в-шестых, гонка на степных волках; в-седьмых, гонка на гремучих змеях; в-восьмых, гонка на табаке; и в-девятых, гонка на Тростниковой траве. Посадив их на том месте, где сейчас стоят их деревни, она превратила их в людей, которые построили нынешние пуэбло; и расовые различия сохраняются до сих пор. Один сказал мне, что он из Песчаной расы, другой - из Оленьей и так далее. Они твердо верят в метемпсихоз и говорят, что когда они умрут, то снова примут свою первоначальную форму и станут медведями, оленями и т. Д.... Правление передается по наследству, но не обязательно переходит к сыну действующего лица; ибо, если они предпочитают какого-либо другого кровного родственника, его выбирают”.¹¹⁷ Перейдя, в данном случае, из низшего состояния варварства в Среднее и обнаружив организацию в роды в полном развитии, демонстрируется ее приспособление к изменившимся условиям. Его существование среди деревенских индейцев в целом представляется вероятным; но с этого момента в остальной части Северной и во всей Южной Америке у нас не остается определенной информации, кроме как относительно Лагун. Это показывает, насколько неполно была проделана работа в американской этнологии, что элемент их социальной системы был обнаружен лишь частично, а его значение не понято. Тем не менее, есть следы этого у ранних испанских авторов и прямые сведения о нем у нескольких более поздних авторов, которые, будучи сведены воедино, оставляют лишь мало сомнений в древнем повсеместном распространении родовой организации в индейской семье.

Во многих родах, например у мокиев, существуют современные традиции превращения их первых прародителей из животного или неодушевленного предмета, ставшего символом рода, в мужчин и женщин. Так, у журавлиного рода оджибва есть легенда о том, что пара журавлей пролетела над обширной территорией от Мексиканского залива до Великих озер и от прерий Миссисипи до Атлантики в поисках места, где пропитание было наиболее

обильным, и, наконец, выбрала Пороги на выходе из озера Верхнее, с тех пор известного своими рыбными промыслами. Приземлившись на берегу реки и сложив крылья, Великий Дух немедленно превратил их в мужчину и женщину, которые стали прародителями рода Журавлей оджибва. В различных племенах есть несколько родов, которые воздерживаются от употребления в пищу животного, имя которого они носят; но это далеко не всеобщее явление.

2. Lagunas.

Индейцы Лагуна Пуэбло организованы в роды по женской линии, как явствует из выступления преподобного Сэмюэля Гормана перед Историческим обществом Нью-Мексико в 1860 году. “Каждый город подразделяется на племена или семьи, и каждая из этих групп названа в честь какого-либо животного, птицы, травы, дерева, планеты или одного из четырех элементов. В пуэбло Лагуна, насчитывающем более тысячи жителей, насчитывается семнадцать таких племен; некоторые называются медвежьими, некоторые оленьими, некоторые гремучими змеями, некоторые кукурузными, некоторые волчьими, некоторые водяными и т.д., и т.п. Дети принадлежат к тому же племени, что и их мать. И, согласно древнему обычаю, двум лицам одного племени запрещается вступать в брак; но в последнее время этот обычай начинает соблюдаться менее строго, чем в древности”.

“Их земля находится в общем владении, как собственность общины, но после того, как человек много обрабатывает, у него появляются личные права на нее, которые он может продать любому члену той же общины; или же, когда он умирает, она принадлежит его вдове или дочерям; или, если он был холостым мужчиной, она остается в семье его отца”.¹¹⁸ Сомнительно, что жена или дочь наследуют от отца.

3. Ацтеки, тецкуканцы и тлакопанцы.

Вопрос об организации этих и остальных племен науатлаков Мексики в роды будет рассмотрен в следующей главе.

4. Майя с Юкатана.

Эррера часто ссылается на “сородичей”, причем в таком ключе по отношению к племенам Мексики, Центральной и Южной Америки, что подразумевает существование группы людей, организованной на основе кровного родства, гораздо более многочисленной, чем можно было бы найти без учета родов. Таким образом: “Тот, кто убил свободного человека, должен был принести удовлетворение детям и родственникам”.¹¹⁹ Это говорилось об аборигенах Никарагуа, и если бы это было об ирокезах, среди которых употреблялось то же самое, термин “сородич” был бы эквивалентен слову “род”. И снова, говоря в целом об индейцах майя с Юкатана, он замечает, что “когда требовалось какое-либо возмещение ущерба, если тот, кого приговаривали заплатить, был близок к бедности, родственники вносили свой вклад”.¹²⁰ В этом можно распознать еще один языческий обычай. Опять же, говоря об ацтеках: “если бы они были виновны, никакая милость или родственные связи не спасли бы их от смерти”.¹²¹ Можно привести еще одну цитату с тем же эффектом, применимую к индейцам Флориды, которые были организованы в роды. Он отмечает, “что они безмерно любили своих детей и лелеяли их, родители и родственники целый год оплакивали тех, кто умер”.¹²² Первые наблюдатели заметили, как особенность индийского общества, что большое количество людей были связаны друг с другом родственными узами, и поэтому группа стала упоминаться как “сородичи”. Но они не продвинулись в исследовании достаточно далеко, чтобы обнаружить то, что, вероятно, было правдой, а именно, что сородичи образовывали род и, как таковой, единицу их социальной системы.

Эррера далее замечает о майя, что “они имели обыкновение очень внимательно следить за своими родословными и поэтому считали себя родственниками и были полезны друг другу..... Они не женились ни на матерях, ни на свояченицах, ни на тех, кто носил то же имя, что и их отец, что считалось незаконным”.¹²³ Родословная индейца в их системе кровного родства не могла иметь значения отдельно от рода; но, если оставить это в стороне, при индийских институтах не было никакого возможного способа, с помощью которого отец и его дети могли носить одно и то же имя, кроме как через род, который присваивал общее нееврейское имя всем своим членам. Также требовалось бы происхождение по мужской линии, чтобы привести отца и детей в один род. Более того, это утверждение показывает, что смешанные браки в роде у майя были запрещены. Предполагая правильность слов Эрреры, это является убедительным доказательством существования родов у майя, происходящих по мужской линии. Тайлор в своем ценном труде “Ранняя история человечества”, который является хранилищем обширной и хорошо усвоенной этнологической информации, приводит тот же факт из другого источника со следующими замечаниями: “Таким образом, обычай североамериканских индейцев аналогичен обычаю австралийцев, делающих принадлежность к клану по женской линии препятствием для вступления в брак, но если мы отправимся дальше на юг, в Центральную Америку, появляется обратный обычай, как в Китае. Диего де Ланда говорит о жителях Юкатана, что никто не брал жену с таким именем по отцовской линии, потому что у них это было очень подло; но они могли жениться на двоюродных сестрах-немках по материнской линии”.¹²⁴

XI. Племена южноамериканских индейцев.

Следы рода были обнаружены во всех частях Южной Америки, а также фактическое присутствие ганованской системы кровного родства, но этот вопрос не был полностью исследован. Говоря о многочисленных племенах Анд, объединенных инками в своего рода конфедерацию, Эррера отмечает, что “это разнообразие языков произошло от того, что нации были разделены на расы, племена или кланы”.¹²⁵ Здесь, в кланах, признается существование родов. М-р Тайлор, обсуждая правила, касающиеся брака и происхождения, отмечает, что “дальше на юг, ниже Перешейка, как клановость, так и запрет вновь проявляются с женской стороны. Бернау говорит, что среди арраваков Британской Гвианы ‘Каста передается по материнской линии, и детям разрешается вступать в брак с семьей своего отца, но не с семьей своей матери’. Наконец, отец Мартин Добрицхоффер говорит, что гуарани избегают, как в высшей степени преступных, браков с самыми дальними родственниками; и, говоря об абипонах, он делает следующее заявление:... ”Абипоны, воспитанные природой и примером своих предков, питают отвращение к самой мысли о браке с кем-либо, связанным с ними самыми отдаленными узами родства”.¹²⁶ Эти ссылки на социальную систему аборигенов расплывчаты; но в свете уже представленных фактов существование родов с происхождением по женской линии и с запрещенными смешанными браками в роде делает их понятными. Бретт замечает об индейских племенах в Гвиане, что они “разделены на семьи, каждая из которых имеет отдельное название, например, сивид, каруафуди, онисиди и т.д. В отличие от наших семей, все они происходят по женской линии, и ни одному человеку ни того, ни другого пола не разрешается вступать в брак с другим человеком с той же фамилией. Таким образом, женщина из семьи Сивид носит то же имя, что и ее мать, но ни ее отец, ни ее муж не могут принадлежать к этой семье. Ее детей и детей ее дочерей также будут звать Сивид, но и ее сыновьям, и дочерям запрещено вступать в союз с любым человеком, носящим такое же имя; хотя они могут вступить в брак с семьей своего отца, если захотят. Эти обычаи строго соблюдаются, и любое их нарушение будет рассматриваться как порочное”.¹²⁷ В семье этого автора сразу можно распознать род в его архаичной форме. Все вышеперечисленные южноамериканские племена, за исключением

андских, когда их обнаружили, находились либо на более низком уровне варварства, либо на уровне дикости. Многие перуанские племена, находившиеся под властью правительства, созданного индейцами деревни инков, находились на более низком уровне варварства, если судить по несовершенному описанию их домашних институтов, найденному в Гарсилласо-де-ла-Вега.

Обращаясь к деревенским индейцам Северной и Южной Америки, местная культура которых продвинула их далеко вперед и приблизила к концу Среднего периода варварства, наше внимание, естественно, обращается к переходной истории родов. Архаическое устройство рода было показано; его позднейшие фазы еще предстоит представить в родах греков и римлян; но промежуточные изменения, как в происхождении, так и в наследовании, которые произошли в Средний период, существенны для полной истории родовой организации. Наша информация довольно обширна относительно более раннего и более позднего состояния этого великого учреждения, но неполноценна относительно переходного этапа. Там, где роды встречаются в каком-либо племени человечества в их новейшей форме, их отдаленные предки должны были обладать ими в архаической форме; но историческая критика требует утвердительных доказательств, а не дедукций. Эти доказательства когда-то существовали среди деревенских индейцев. Теперь мы полностью уверены, что их система правления была социальной, а не политической. Высшие члены этого ряда, а именно племя и конфедерация, встречаются нам во многих местах; с положительными свидетельствами рода, единицы системы, в ряде племен деревенских индейцев. Но мы не в состоянии установить роды среди деревенских индейцев в целом с той же точной информацией, которую предоставляют племена, находящиеся на более низком уровне варварства. Прекрасная возможность была предоставлена испанским завоевателям и колонистам и упущена из-за очевидной неспособности понять состояние общества, от которого цивилизованный человек так далеко отошел в своем поступательном прогрессе. Без знания об элементах их социальной системы, которые наложили свой отпечаток на весь организм общества, испанские историки совершенно не в состоянии изобразить их правительственные институты.

Одного взгляда на остатки древней архитектуры в Центральной Америке и Перу достаточно, чтобы доказать, что Средний период варварства был периодом большого прогресса в развитии человечества, роста знаний и расширения интеллекта. За ним последовал еще более замечательный период в Восточном полушарии, после того как изобретение процесса выплавки железа дало тот последний великий импульс человеческому прогрессу, который должен был привести часть человечества к цивилизации. Наше понимание величия человеческого пути в Поздний период варварства, когда изобретения и открытия множились с такой быстротой, усилилось бы благодаря точному знанию состояния общества в Средний период, столь замечательным примером которого являются деревенские индейцы. Ценой огромных усилий, сопровождаемых терпеливым трудом, все же может оказаться возможным восстановить, по крайней мере, значительную часть сокровищ знания, которым было позволено исчезнуть. Исходя из нашей нынешней информации, можно сделать вывод, что племена американских индейцев были повсеместно организованы в роды в эпоху открытия Европы, причем нескольких найденных исключений было недостаточно, чтобы нарушить общее правило.

ГЛАВА VII

Конфедерация ацтеков

Испанские авантюристы, захватившие мексиканские пуэбло, приняли ошибочную теорию о том, что правительство ацтеков было монархией, аналогичной в существенных отношениях существующим монархиям в Европе. Этого мнения в целом придерживались ранние испанские авторы, не исследуя детально структуру и принципы социальной системы ацтеков. Терминология, не согласующаяся с их институтами, вошла в это неправильное представление, которое исказило историческое повествование почти так же полностью, как если бы оно, в основном, было тщательно продуманной выдумкой. С захватом единственной цитадели, которой обладали ацтеки, их государственная структура была разрушена, на ее место пришло испанское правление, а предмету их внутренней организации и государственности было позволено в значительной степени кануть в лету.¹²⁸

Ацтеки и союзные им племена не знали железа и, следовательно, не имели железных орудий труда; у них не было денег, и они торговали товарами по бартеру; но они обрабатывали самородные металлы, возделывали их с помощью ирригации, изготавливали грубые ткани из хлопка, строили многоквартирные дома из саманного кирпича и камня и изготавливали фаянсовую посуду превосходного качества. Таким образом, они достигли Среднего уровня варварства. Они по-прежнему владели общими землями, жили большими семьями, состоящими из нескольких родственных семей, и, как есть веские основания полагать, практиковали коммунизм в домашнем хозяйстве. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что каждый день у них было только одно приготовленное блюдо - ужин; за которым они разделялись, причем мужчины ели первыми и в одиночестве, а женщины и дети - потом. Не имея ни столов, ни стульев для сервировки ужина, они не научились ежедневно принимать пищу на манер цивилизованных народов. Эти особенности их социального положения в достаточной степени показывают их относительный уровень развития.

По сравнению с деревенскими индейцами других частей Мексики, Центральной Америки и Перу, они представляли собой лучший пример состояния древнего общества, существовавшего тогда на земле. Они представляли собой одну из великих стадий продвижения к цивилизации, на которой институты, унаследованные от предыдущего этнического периода, проявляются в более высоком развитии и которые должны были быть переданы в ходе человеческого опыта этническому состоянию еще более высокого уровня и претерпеть еще большее развитие, прежде чем цивилизация стала возможной. Но деревенским индейцам не было суждено достичь Высшего статуса варварства, столь хорошо представленного гомеровскими греками.

Индийские пуэбло в долине Мехико открыли европейцам утраченное состояние древнего общества, которое было настолько замечательным и своеобразным, что вызывало в то время ненасытное любопытство. О мексиканских аборигенах и испанском завоевании написано больше томов, в пропорции десять к одному, чем о любом другом народе такого же уровня развития или о любом событии такой же важности. И все же нет народа, об учреждениях и образе жизни которого известно так мало точных сведений. Представленное замечательное зрелище настолько воспламенило воображение, что романтика охватила все поле деятельности и удерживает его по сей день. Неспособность установить структуру общества ацтеков, которая привела к этому, стала серьезной потерей для истории человечества. Это не должно вызывать упреков у кого бы то ни было, скорее, вызывает глубокое сожаление. Даже то, что было написано с таким кропотливым усердием, может оказаться полезным в

какой-нибудь будущей попытке реконструировать историю конфедерации ацтеков. Остаются определенные факты положительного характера, из которых могут быть выведены другие факты; так что не исключено, что хорошо направленное первоначальное расследование все же может восстановить, по крайней мере, в определенной степени, существенные черты социальной системы ацтеков.

"Королевство Мексика" в том виде, в каком оно фигурирует в ранних исторических источниках, и "мексиканская империя" в том виде, в каком она появляется в более поздних, - это плод воображения. В то время существовали кажущиеся основания для описания правительства как монархии в отсутствие правильного знания их институтов; но это неправильное представление больше нельзя защищать. То, что обнаружили испанцы, было просто союзом трех индейских племен, аналоги которых существовали во всех частях континента, и у них не было возможности в своих описаниях продвинуться ни на шаг дальше этого единственного факта. Правительство находилось в ведении совета вождей при содействии генерального командира военных оркестров. Это было правительство двух властей: гражданская была представлена советом, а военная - главным военным вождем. Поскольку институты конфедеративных племен были по существу демократическими, правительство можно назвать военной демократией, если требуется более специальное обозначение, чем конфедерация.

Три племени, ацтеки или мексиканцы, тецуканы и тлакопанцы, были объединены в конфедерацию ацтеков, которая дает два высших члена органического социального ряда. Обладали ли они первым и вторым, а именно родом и фратрией, не фигурирует в определенной форме ни у одного из испанских авторов; но они смутно описали определенные институты, которые можно понять, только приведя утраченных членов этого ряда. В то время как фратрия не является существенной, с родом дело обстоит иначе, потому что это единица, на которой покоится социальная система. Не вдаваясь в обширный и непроницаемый лабиринт дел ацтеков в их нынешнем историческом виде, я рискну привлечь внимание лишь к нескольким деталям социальной системы ацтеков, которые, возможно, проиллюстрируют ее реальный характер. Прежде чем сделать это, следует обратить внимание на отношения членов конфедерации с окружающими племенами.

Ацтеки были одним из семи родственных племен, которые мигрировали с севера и поселились в долине Мехико и вблизи нее; и которые были среди исторических племен этой страны в эпоху испанского завоевания. В своих традициях они собирательно называли себя науатлаками. Акоста, посетивший Мексику в 1585 году и чья работа была опубликована в Севилье в 1589 году, передал нынешнюю местную традицию об их переселениях, одном за другим, из Ацтлана, с указанием их имен и мест поселения. Он излагает порядок их прибытия следующим образом: 1. Сочимилькас, "Народ Семян цветов", поселившийся на озере Сочимилько, на южном склоне долины Мехико; 2. Чалкас, "Народ ртов", пришедший намного позже первых и поселившийся рядом с ними, на озере Чалко; 3. Тепанеканы, "Люди моста", поселившиеся в Аскопосалько, к западу от озера Тецкоко, на западном склоне долины; 4. Кулхуас, "Кривой народ", поселившийся на восточной стороне озера Чалко. Озеро Тецкоко, и впоследствии были известны как тецуканцы; 5. Тлатлуиканцы, "Люди Сьерры", которые, обнаружив, что долина вокруг озера занята, перешли Сьерра на юг и поселились на другом берегу; 6. Тлашкальцы, "Люди хлеба", которые, прожив некоторое время с тепанеканцами, в конце концов поселились за долиной на востоке, в Тлашкале; 7. Ацтеки, которые пришли последними и заняли место нынешнего города Мехико.¹²⁹ Акоста далее отмечает, что они пришли "из далеких стран, лежащих к северу, где теперь они основали королевство, которое называют Нью-Мексико".¹³⁰ Ту же традицию излагают

Эррера,¹³¹ а также Клавиджеро.¹³² Следует заметить, что тлакопанцы не упоминаются. Они были, по всей вероятности, подразделением тепанеканцев, которые остались на первоначальной территории этого племени, в то время как остальные, по-видимому, переселились на территорию непосредственно к югу от тлашкальцев, где они были найдены под названием тепеаки. У последнего была та же легенда о семи пещерах, и он говорил на диалекте языка науатлак.¹³³

Эта традиция воплощает в себе один важный факт, который невозможно было бы выдумать; а именно, что семь племен имели непосредственное общее происхождение, что подтверждается их диалектами; и второй важный факт, что они пришли с севера. Это показывает, что изначально они были одним народом, который в результате естественного процесса сегментации распался на семь и более племен. Более того, именно этот же факт сделал конфедерацию ацтеков возможной, а также вероятной, поскольку общий язык был существенной основой таких организаций.

Ацтеки обнаружили, что лучшие места в долине заняты, и после нескольких переездов они, наконец, остановились на небольшом участке сухой земли посреди болота, окаймленного полями педрегала и естественными прудами. Здесь они основали знаменитое мексиканское пуэбло (Теночтитлан) в 1325 году н.э., согласно Клавиджеро, за сто девяносто шесть лет до испанского завоевания.¹³⁴ Они были немногочисленны и находились в плохом состоянии. Но, к счастью для них, выход озер Сочимилько и Чало и ручейки с западных холмов текли мимо их участка в озеро Тецкоко. Имея достаточно проницательности, чтобы оценить преимущества этого места, они преуспели в том, что с помощью дамб окружили свое пуэбло искусственным прудом большой протяженности, вода в который поступала из названных источников; а уровень озера Тецкоко был тогда выше, чем в настоящее время, что обеспечило им, когда вся работа была завершена, самое безопасное положение из всех племен в долине. Машиностроение, с помощью которого они достигли этого результата, было одним из величайших достижений ацтеков, без которого они, вероятно, не поднялись бы выше уровня окружающих племен. Последовали независимость и процветание, а со временем и контрольное влияние над племенами долины. Таков был способ и так недавно было основано пуэбло в соответствии с традициями ацтеков, которые могут быть приняты как заслуживающие доверия.

В эпоху испанского завоевания пять из семи племен, а именно ацтеки, тецуканы, тлакопаны, сочимилька и чалканы, проживали в долине, которая представляла собой территорию довольно ограниченных размеров, примерно равную территории штата Род-Айленд. Это была горная или нагорная котловина, не имеющая выхода, овальной формы, вытянутая с севера на юг, протяженностью сто двадцать миль в окружности и занимающая около шестнадцати сотен квадратных миль, не считая поверхности, покрытой водой. Долина, как описано, окружена серией холмов, один хребет возвышается над другим с впадинами между ними, окружая долину горным барьером. Названные племена проживали примерно в тридцати более или менее пуэбло, из которых мексиканское было самым крупным. Нет никаких свидетельств того, что какая-либо значительная часть этих племен колонизировала за пределами долины и прилегающих склонов холмов; но, напротив, имеется множество свидетельств того, что остальная часть современной Мексики была тогда занята многочисленными племенами, говорившими на языках, отличных от науатлакского, и большинство из которых были независимыми. Тласкаланцы, чолуланцы, предполагаемое подразделение первых, тепеаки, уэхоцинко, мезтитланы, предполагаемое подразделение тецуканцев, и тлатлуиканцы были оставшимися племенами науатлаков, жившими за пределами долины Мехико, все из которых были независимыми, за исключением

последнего и тепеаков. Большое количество других племен, более или менее образующих около семнадцати территориальных групп и говорящих на таком же количестве основных языков, владело остальной частью Мексики. В состоянии распада и независимости они представляют собой почти точное повторение племен Соединенных Штатов и Британской Америки на момент их открытия столетием или более позже.

До 1426 года н.э., когда была образована конфедерация ацтеков, в делах племен долины происходило очень мало событий, имеющих историческое значение. Они были разобщены и воинственны и не имели влияния за пределами своей непосредственной местности. Примерно в это время превосходящее положение ацтеков начало проявляться в численном перевесе и силе. При их военном вожде Ицкоатле прежнее господство тецуканцев и тлакопанцев было свергнуто, и в результате их предыдущих войн друг против друга была создана лига или конфедерация. Это был союз между тремя племенами, наступательным и оборонительным, с условиями раздела между ними в определенных пропорциях добычи и последующей дани покоренных племен.¹³⁵ Эта дань, которая состояла из тканей и продуктов садоводства покоренных деревень, по-видимому, обеспечивалась системой и строгостью взыскания.

План организации этой конфедерации был утрачен. Из-за отсутствия подробностей сейчас трудно определить, была ли это просто лига, которую можно было продолжать или распустить по своему усмотрению; или консолидированная организация, подобная ирокезской, в которой части были приспособлены друг к другу в постоянных и определенных отношениях. Каждое племя было независимым во всем, что касалось местного самоуправления; но внешне все трое были одним народом во всем, что касалось агрессии или обороны. В то время как у каждого племени был свой собственный совет вождей и свой собственный главный военачальник, военный вождь ацтеков был главнокомандующим бандами конфедерации. Это можно сделать из того факта, что тецуканцы и тлакопанцы имели право голоса либо при избрании, либо при утверждении военного вождя ацтеков. Получение ацтеками главного командования, как правило, показывает, что их влияние преобладало при установлении условий, на которых племена объединились.

Несауалькойотль был свергнут или, по крайней мере, лишен своего поста главного военного вождя тецуканцев, на который он был в это время (1426 г.) восстановлен благодаря ацтекским закупкам. Это событие может быть принято за дату образования конфедерации или лиги, в зависимости от того, каким оно было.

Прежде чем обсуждать ограниченное количество фактов, которые, как правило, иллюстрируют характер этой организации, следует кратко упомянуть о том, чего достигла конфедерация в приобретении территориального господства за короткий период своего существования.

С 1426 по 1520 год н.э., в течение девяноста четырех лет, конфедерация была вовлечена в частые войны с соседними племенами, и особенно со слабыми деревенскими индейцами на юге от долины Мехико до Тихого океана, а оттуда на восток, в сторону Гватемалы. Они начали с тех, кто находился ближе всех по положению, кого они одолели благодаря численному превосходству и сосредоточенным действиям, и обложили данью. Деревни в этом районе были многочисленными, но небольшими, состоящими во многих случаях из одного большого строения из саманного кирпича или камня, а в некоторых случаях из нескольких таких строений, сгруппированных вместе. Эти многоквартирные дома представляли собой серьезное препятствие на пути завоевания ацтеков, но они не оказались непреодолимыми. Время от времени эти набеги продолжались с общепризнанной целью сбора добычи,

взимания дани и захвата пленных для жертвоприношения;¹³⁶ до тех пор, пока основные племена в названной области, за некоторыми исключениями, не были покорены и стали данниками, включая разбросанные деревни тотонаков недалеко от нынешнего Вера-Крус.

Не было предпринято никаких попыток включить эти племена в конфедерацию ацтеков, которую языковой барьер делал невозможной при их институтах. Они были оставлены под властью своих собственных вождей и пользовались своими собственными обычаями. В некоторых случаях среди них проживал сборщик дани. Бесплодные результаты этих завоеваний раскрывают действительный характер их институтов. Господство сильного над слабым ни с какой иной целью, кроме как взимать невольную дань, даже не способствовало формированию нации. При организации в роды у индивида не было возможности стать членом правительства, кроме как через род, и не было возможности принять род, кроме как путем его включения в состав родов ацтеков, тецукан или тлакопан. Приписываемый Ромулу план переселения родов покоренных латинских племен в Рим, возможно, был применен конфедерацией ацтеков в отношении захваченных племен; но они были недостаточно развиты, чтобы сформировать такую концепцию, даже несмотря на то, что языковой барьер можно было устранить. Точно так же колонисты по той же причине, если бы их послали к ним, не смогли бы настолько ассимилировать завоеванные племена, чтобы подготовить их к включению в социальную систему ацтеков. Как бы то ни было, конфедерация не набрала силы ни за счет созданного ею терроризма, ни за счет того, что держала эти племена под бременем, вдохновленные враждой и всегда готовые к восстанию. Однако, по-видимому, в некоторых случаях они использовали военные отряды покоренных племен и делились с ними добычей. Все, что могли сделать ацтеки после образования конфедерации, это распространить ее на остальные племена науатлаков. Этого они не смогли достичь. Хочимилька и чалканы не входили в состав конфедерации, но они пользовались номинальной независимостью, хотя и были данниками.

Это практически все, что сейчас можно обнаружить о материальной основе так называемого королевства или империи ацтеков. Конфедерации противостояли враждебные и независимые племена с западной, северо-западной, северо-восточной, восточной и юго-восточной сторон: как свидетели, мехоаканы на западе, отоми на северо-западе (разрозненные группы отоми вблизи долины были обложены данью), чичимеки или дикие племена к северу от отоми, мезтитланцы на северо-востоке, тлашкаланцы на востоке, чолуланы и уексоцинко на юго-востоке, а за ними племена Табаско, племена Чьяпас и сапотеки. В этих нескольких направлениях владения конфедерации ацтеков не простирались более чем на сотню миль за пределы долины Мехико, часть прилегающей территории которой, несомненно, была нейтральной территорией, отделяющей конфедерацию от вечных врагов. Из таких ограниченных материалов было сфабриковано королевство Мексика в испанских хрониках, которое впоследствии превратилось в империю ацтеков в современной истории.

Представляется необходимым сказать несколько слов о населении долины и мексиканских пуэбло. Не существует средств для определения численности пяти племен науатлаков, населявших долину. Любая оценка должна быть предположительной. Таким образом, в качестве предположения, основанного на том, что известно об их садоводстве, их средствах к существованию, их учреждениях, их ограниченной территории, и не забывая о дани, которую они получали, двести пятьдесят тысяч человек в совокупности, вероятно, были бы чрезмерной оценкой. Это дало бы около ста шестидесяти человек на квадратную милю, что почти вдвое превышает нынешнее среднее население штата Нью-Йорк и примерно равно среднему населению Род-Айленда. Трудно понять, какая достаточная причина может быть

установлена для столь большого числа жителей во всех деревнях долины, которых, как говорят, было от тридцати до сорока. Те, кто утверждает о большем количестве, должны будут показать, как варварский народ, без стад и без полевого земледелия, мог бы содержать на равных территориях большее число жителей, чем цивилизованный народ, вооруженный этими преимуществами. Это не может быть показано по той простой причине, что это не могло быть правдой. Из этого населения тридцать тысяч, возможно, можно отнести к мексиканским пуэбло.¹³⁷

Нет необходимости обсуждать положение и отношения племен долины помимо сделанных предложений. Монархию ацтеков следует вычеркнуть из истории американских аборигенов не только как иллюзию, но и как искажающее представление об индейцах, которые не развивали и не изобретали монархических институтов. Правительство, которое они сформировали, было конфедерацией племен, и ничем более; и, вероятно, не равнялось по плану и симметрии правительству ирокезов. Имея дело с этой организацией, военного вождя, Сахема и Вождя будет достаточно, чтобы различать их официальных лиц.

Мексиканское пуэбло было самым большим в Америке. Романтически расположенный посреди искусственного озера, с большими многоквартирными домами, оштукатуренными гипсом, который придавал им ослепительно белый цвет, и подъездными дорожками, он представлял испанцам на расстоянии поразительное и чарующее зрелище. Это было откровение о древнем обществе, лежащем на два этнических периода позади европейского общества, и, исходя из его упорядоченного образа жизни, в высшей степени рассчитанное на то, чтобы пробудить любопытство и вдохновить энтузиазм. Определенная экстравагантность мнений была неизбежна.

Было названо несколько подробностей, стремящихся показать степень развития ацтеков, к которым теперь можно добавить некоторые другие. Были найдены декоративные сады, склады оружия и военных костюмов, улучшенная одежда, изготовленные ткани из хлопка превосходной выделки, улучшенные орудия труда и утварь, а также увеличенное разнообразие продуктов питания; рисунки, используемые главным образом для обозначения дани натурой, которую должна была платить каждая покоренная деревня; календарь для измерения времени и открытые рынки для обмена товарами. Были созданы административные учреждения для удовлетворения потребностей растущей муниципальной жизни; было учреждено жречество с храмовым богослужением и ритуалом, включающим человеческие жертвоприношения. Возросло значение должности главного военного вождя. Эти и другие обстоятельства их состояния, которые нет необходимости вдаваться в подробности, предполагают соответствующее развитие их институтов. Таковы некоторые различия между Низшим и Средним уровнем варварства, проиллюстрированные относительными условиями жизни ирокезов и ацтеков, у которых, несомненно, были одни и те же первоначальные институты.

После того как сделаны эти предварительные предложения, остается рассмотреть три наиболее важных и наиболее сложных вопроса, касающихся социальной системы ацтеков. Они касаются, во-первых, существования родов и фратрий; во-вторых, существования и функций Совета вождей; и, в-третьих, существования и функций должности Главного военного командующего, которую занимал Монтесума.

I. Существование родов и фратрий.

Может показаться странным, что ранние испанские авторы не открыли род ацтеков, если они действительно существовали; но почти то же самое происходило с ирокезами, за которыми

наш собственный народ наблюдал более двухсот лет. На существование у них кланов, названных в честь животных, указывали с самого начала, но не подозревали, что это была единица социальной системы, на которой зиждились и племя, и конфедерация.¹³⁸ Неспособность испанских исследователей заметить существование родовой организации у племен Испанской Америки не является доказательством ее несуществования; но если бы она действительно существовала, это просто доказывало бы, что их работа в этом отношении была поверхностной.

У испанских авторов имеется большое количество косвенных и фрагментарных свидетельств, указывающих как на род, так и на фратрию, некоторые из которых сейчас будут рассмотрены. Была сделана ссылка на частое использование Эррерой термина “родственники”, показывающего, что были замечены группы людей, которые были связаны друг с другом кровным родством. Судя по размеру группы, для этого, по-видимому, требуется род. Термин “родословная” иногда используется для обозначения еще большей группы и подразумевает фратрию.

Мексиканский пуэбло был географически разделен на четыре квартала, каждый из которых был занят определенной родословной, группой людей, более близких по кровному родству между собой, чем с жителями других кварталов. Предположительно, каждая линия была фратрией. Каждый квартал снова был разделен, и каждое местное подразделение было занято сообществом людей, связанных какими-либо общими узами.¹³⁹ Предположительно, это сообщество людей было родом. Обращаясь к родственному племени тлашкаланцев, мы видим, что те же факты почти повторяются. Их пуэбло было разделено на четыре квартала, каждый из которых занимал род. У каждого был свой тевкли, или главный военачальник, свой отличительный военный костюм, а также свой штандарт и герб.¹⁴⁰ Как единый народ они находились под управлением совета вождей, который испанцы называли сенатом Тлашкалы.¹⁴¹ Аналогичным образом Чолула была разделена на шесть кварталов, названных Эррерой палатами, что приводит к тому же выводу.¹⁴² Поскольку ацтеки в своих социальных подразделениях распределили между собой части пуэбло, которые они должны были занимать по отдельности, эти географические районы должны были возникнуть в результате их способа расселения. Если краткий отчет об этих кварталах при основании Мексики, данный Эррерой, который следует за Акостой, будет прочитан в свете этого объяснения, суть вопроса станет совсем близкой. Упомянув о строительстве “часовни из извести и камня для идола”, Эррера продолжает следующим образом: “Когда это было сделано, идол приказал священнику приказать вождям разделить со своими родственниками и последователями на четыре прихода, оставив дом, построенный для него, располагаться посередине, и каждая сторона могла строить так, как им больше нравится. Это четыре квартала Мексики, которые сейчас называются Сент-Джон, Сент-Мэри Круглая, Сент-Пол и Сент-Себастьян. После соответствующего разделения их идол снова приказал им распределить между собой богов, которых он должен назвать, и каждому приходу назначить особые места, где богам следует поклоняться; и, таким образом, в каждом квартале есть несколько меньших приходов в соответствии с количеством их богов, которым этот идол призывал их поклоняться.... Так была основана Мексика, Теночтитлан.... Когда вышеупомянутый раздел был произведен, те, кто считал себя обиженными, вместе со своими родственниками и последователями ушли искать какое-нибудь другое место”,¹⁴³ а именно Тлателуэко, который находился по соседству. Разумной интерпретацией этого языка является то, что они разделились по родству, сначала на четыре общих подразделения, а затем на более мелкие подразделения, что является обычной формулой для формулирования результатов. Но на самом деле процесс был прямо противоположным, а именно, каждая группа сородичей располагалась в определенной области отдельно, причем несколько групп располагались

таким образом, чтобы те, кто наиболее близок по географической связи друг с другом. Если предположить, что низшим подразделением был род и что каждый квартал был занят фратрией, состоящей из родственных родов, первичное распределение ацтеков в их пуэбло совершенно понятно. Без этого предположения она не способна дать удовлетворительного объяснения. Когда люди, организованные в роды, фратрии и племена, селятся в городе, они распределяются по родам и племенам, как необходимое следствие их социальной организации. Таким образом, греческие и римские племена селились в своих городах. Например, три римских племени были организованы в роды и курии, причем курия была аналогом фратрии; и они поселились в Риме родами, куриями и племенами. Рамны занимали Палатинский холм. Титы находились в основном на Квиринале, а Луцеры - в основном на Эсквилине. Если бы ацтеки были родами и фратриями, имея только одно племя, их необходимо было бы найти в стольких кварталах, сколько у них было фратрий, причем каждый род одной и той же фратрии был бы в основном локальным, отдельным. Поскольку муж и жена принадлежали к разным родам, а дети принадлежали к роду отца или матери, поскольку происхождение было по мужской или женской линии, преобладающее число в каждой местности должно было принадлежать к одному и тому же роду.

Их военная организация была основана на этих социальных разделениях. Поскольку Нестор советовал Агамемнону распределить войска по фратриям и племенам, ацтеки, по-видимому, распределили себя по родам и фратриям. В "Мексиканских хрониках" местного автора Тезозомока (за ссылку на следующий отрывок, которым я обязан моему другу мистеру Э. Ф. Банделье из Хайленда, штат Иллинойс, который сейчас занят его переводом) упоминается предполагаемое вторжение в Мичоакан. Аксайкатль "поговорил с мексиканскими военачальниками Тлакатекатлем и Тлакочкалькатлем, а также со всеми остальными и спросил, готовы ли все мексиканцы, согласно обычаям каждого округа, каждый со своими военачальниками; и если да, то им следует выступить в поход и всем воссоединиться в Матлатцинко Толука".¹⁴⁴ Это указывает на то, что военная организация состояла из родов и фратрий.

Вывод о существовании родов ацтеков напрашивается также из их землевладения. Клавиджеро отмечает, что "земли, которые назывались Альтепетлалли [altepetl = pueblo], то есть земли городских и деревенских сообществ, были разделены на столько частей, сколько было районов в городе, и каждый район обладал своей собственной частью, полностью отличной от любой другой и независимой от нее. Эти земли не могли быть отчуждены никакими средствами".¹⁴⁵ В каждом из этих сообществ мы вынуждены признать род, локализация которого была необходимым следствием их социальной системы. Клавиджеро выделяет районы для общины, тогда как именно последняя создала округ и владела землями совместно. Элемент родства, объединявший каждое сообщество, опущенный Клавиджеро, дополнен Эррерой. "Были и другие лорды, называемые главными родителями [сахемами], вся земельная собственность которых принадлежала одной линии [gens], жившей в одном районе, и их было много, когда земли распределялись во времена заселения Новой Испании; и каждая линия получила свою собственную и владела ими до сих пор; и эти земли принадлежали не кому-то в частности, а всем общим, и тот, кто владел ими, не мог продать их, хотя пользовался ими всю жизнь и оставил их своим сыновьям и наследникам; и если дом вымирал, они оставались ближайшему родителю кому они были даны, и никому другому, кто управлял тем же районом или родословной".¹⁴⁶ В этом замечательном заявлении наш автор был озадачен тем, как согласовать факты с преобладающей теорией ацтекских институтов. Он представляет нам ацтекского лорда, который владел землей как феодальный собственник, и относящийся к ней титул, оба из которых он передал своему сыну и наследнику. Но, подчиняясь истине, он констатирует существенный факт, что земли

принадлежали группе единокровных родственников, среди которых он считается главным родителем, то есть, можно предположить, что он был сахемом рода, причем последний владел этими землями совместно. Предположение о том, что он владел землями в доверительном управлении, ничего не значит. Они обнаружили, что индейские вожди связаны с родами, каждый род владеет общим участком земель, и, по словам Эрреры, когда вождь умирал, его место занимал его сын. До сих пор это, возможно, было аналогом испанского поместья и титула; и неправильное представление возникло из-за недостатка знаний о характере должности вождя и сроке ее пребывания. В некоторых случаях они обнаруживали, что сын не наследовал своему отцу, но должность переходила к какому-то другому лицу; отсюда дальнейшее утверждение: “если дом (алгуна каса, еще одна феодальная черта) вымирал, они [земли] оставались ближайшему крупному родителю”; т. е. другой человек избирался сахемом, насколько можно сделать какой-либо вывод из формулировки. То немногое, что было сообщено нам испанскими авторами об индейских вождях и землевладении племен, искажено использованием языка, приспособленного к феодальным институтам, которых у них не существовало. В этой линии мы можем с уверенностью признать род ацтеков; а в этом господине - сахема ацтеков, должность которого была наследственной в роде в том смысле, о котором говорилось в другом месте, и выборной среди его членов. Если бы происхождение было по мужской линии, выбор пал бы на одного из сыновей умершего сахема, собственного или побочного, на внука через одного из его сыновей или на брата, собственного или побочного. Но если по женской линии, то это переходило к брату или племяннику, собственному или побочному, как объясняется в другом месте. У сахема не было никаких прав на земли, и, следовательно, их нельзя было кому-либо передавать. Считалось, что он был собственником, потому что он занимал должность, которая постоянно поддерживалась, и потому что существовала совокупность земель, постоянно принадлежащих роду, над которым он был сахемом. Неправильное представление об этой должности и сроках ее пребывания стало плодотворным источником бесчисленных ошибок в истории наших аборигенов. Родословная Эрреры и общины Клавиджеро, очевидно, были организациями, причем одной и той же организацией. Они нашли в этом сообществе сородичей, сами того не подозревая, единицу своей социальной системы, род, как мы должны предположить.

Испанские писатели описывают индейских вождей как лордов, наделенных правами на земли и на людей, которыми они никогда не владели. Называть индийского вождя лордом в европейском смысле этого слова ошибочно, потому что это подразумевает состояние общества, которого раньше не существовало. Лорд имеет ранг и титул по наследственному праву, закрепленному за ним специальным законодательством в нарушение прав народа в целом. С момента свержения феодализма к этому званию не прилагаются никакие обязанности, на которые король или королевство могли бы претендовать по праву. Напротив, индейский вождь занимает должность не по наследственному праву, а путем выборов от избирательного округа, который сохранил за собой право сместить его по уважительной причине. Должность влекла за собой обязанность выполнять определенные обязанности на благо избирательного округа. Он не имел власти ни над личностями, ни над имуществом, ни над землями представителей рода. Таким образом, видно, что не существует аналогии между лордом и его титулом, а также индейским вождем и его должностью. Один принадлежит политическому обществу и представляет собой агрессию немногих против многих; в то время как другой принадлежит родовому обществу и основан на общих интересах членов рода. Неравным привилегиям нет места в роде, фратрии или племени.

Появятся дальнейшие следы существования родов ацтеков. По крайней мере, на первый взгляд, доказано существование родов среди них. Этому эффекту также предшествовала вероятность, обусловленная присутствием двух высших членов органического ряда, племени и конфедерации, а также общей распространенностью этой организации среди других племен. Очень небольшое тщательное исследование, проведенное ранними испанскими авторами, поставило бы этот вопрос вне всяких сомнений и, как следствие, придало бы истории ацтеков совершенно иной оттенок.

Обычаи, регулирующие наследование собственности у ацтеков, дошли до нас в запутанном и противоречивом виде. Они не являются существенными в данном обсуждении, за исключением того, что они раскрывают существование тел кровного родства и наследование детьми от своих отцов. Если бы последнее было фактом, это свидетельствовало бы о происхождении по мужской линии, а также о необычайном прогрессе в знании собственности. Маловероятно, чтобы дети пользовались исключительным правом наследования или чтобы какой-либо ацтек владел участком земли, который он мог бы назвать своим собственным, с правом продавать и передавать кому заблагорассудится.

II. Существование и функции Совета вождей.

Существование такого совета у ацтеков можно было бы предсказать, исходя из необходимого устройства индийского общества. Теоретически, она должна была состоять из того класса вождей, известных как сахемы, которые представляли родственные организации через постоянно поддерживаемую должность. Здесь снова, как и везде, видна необходимость в родах, главные вожди которых представляли бы народ в его конечных социальных подразделениях, как у северных племен. Роды ацтеков совершенно необходимы для объяснения существования вождей ацтеков. В существовании совета ацтеков нет никаких сомнений; но о количестве его членов и о его функциях мы остаемся почти в полном неведении. Брассер де Бурбур обычно отмечает, что “почти все города или племена разделены на четыре клана или квартала, вожди которых составляют великий совет”.¹⁴⁷ Неясно, намеревался ли он ограничить численность одним вождем от каждого квартала; но в другом месте он ограничивает совет ацтеков четырьмя вождями. Диего Дуран, написавший свой труд в 1579-1581 годах и, таким образом, предшествовавший как Акосте, так и Тезозомоку, замечает следующее: “Сначала мы должны знать, что в Мексике после избрания короля они избрали четырех лордов из числа братьев или близких родственников этого короля, которым они дали титулы принцев и из которых они должны были выбрать короля. [Кабинетам он дает названия Тлакачкалькатль, Тлакатекаль, Эзуауакатль и Филланкальке]..... Эти четыре лорда и титула после того, как их избрали принцами, они сделали их королевским советом, подобно президентам и судьям верховного совета, без мнения которых ничего нельзя было сделать”.¹⁴⁸ Акоста, назвав те же должности и лиц, их занимавших, “выборщиками”, отмечает, что “все эти четыре звания принадлежали великому совету, без совета которого король не мог предпринять ничего важного”.¹⁴⁹ А Эррера, разделив эти должности на четыре ступени, продолжает: “Эти четыре рода дворян принадлежали верховному совету, без совета которого король не мог предпринять ничего важного”. король не должен был предпринимать ничего срочного, и никакой король не мог быть избран, кроме представителя одного из этих четырех сословий”.¹⁵⁰ Использование термина “король” для описания главного военачальника и “принцы” для описания индейских вождей не может создать государство или политическое общество там, где их не существовало; но как неправильные названия они раздувают и уродуют историю наших аборигенов и по этой причине должны быть отброшены. Когда уэхоцинкос отправили

делегатов в Мексику с предложением союза против тласкаланцев, Монтесума обратился к ним, согласно Тезозомоку, следующим образом: “Братья и сыновья, добро пожаловать, отдохните немного, ибо, хотя я и король, я один не могу удовлетворить вас, но только вместе со всеми главами священного мексиканского сената”.¹⁵¹ Приведенные выше рассказы признают существование верховного совета, обладающего властью над действиями главного военачальника, что является существенным моментом. Это показывает, что ацтеки защищали себя от безответственного деспота, подчиняя его действия совету вождей и делая его избираемым и подлежащим смещению. Если ограниченные и неполные заявления этих авторов имели целью ограничить состав совета четырьмя членами, на что, по-видимому, намекает Дюран, то такое ограничение маловероятно. Как таковой, совет представлял бы не племя ацтеков, а небольшую группу родственников, из которых должен был быть выбран военачальник. Это не теория совета вождей. Каждый вождь представляет определенный избирательный округ, а вожди вместе представляют племя. Иногда производится отбор из их числа для формирования генерального совета; но это делается на основании органического положения, которое устанавливает их численность и предусматривает их постоянное поддержание. Говорят, что совет Тецукана состоял из четырнадцати членов,¹⁵² в то время как совет в Тлашкале был многочисленным органом. Такой совет среди ацтеков требуется структурой и принципами индийского общества, и поэтому ожидается, что он будет существовать. В этом совете можно признать утраченный элемент в истории ацтеков. Знание его функций необходимо для понимания ацтекского общества.

В современных исторических источниках этот совет рассматривается как консультативный совет Монтесумы, как совет министров, созданный им самим; так, Клавиджеро: “В истории завоевания мы обнаружим, что Монтесума часто обсуждает со своим советом претензии испанцев. Мы не знаем номера каждого собора, и историки не дают нам света, необходимого для иллюстрации такой темы”.¹⁵³ Это был один из первых вопросов, требующий исследования, и тот факт, что ранним авторам не удалось установить его состав и функции, является убедительным доказательством поверхностного характера их работы. Однако мы знаем, что совет вождей - это институт, возникший вместе с родами, представляющий избирательные округа и с незапамятных времен имевший призвание, а также первоначальные руководящие полномочия. Мы находим совет тецукана и тлакопана, совет тлашкалана, чолулана и Мичоакана, каждый из которых состоит из вождей. Свидетельства подтверждают существование совета вождей ацтеков; но поскольку он ограничен четырьмя членами, все из одной линии, он представлен в неправдоподобной форме. Каждое племя в Мексике и Центральной Америке, вне всякого разумного сомнения, имело свой совет вождей. Это был руководящий орган племени, постоянное явление во всех частях аборигенной Америки. Совет вождей - древнейший государственный институт человечества. Он может показать непрерывную преемственность на нескольких континентах от высшего состояния дикости через три подпериода варварства к зарождению цивилизации, когда, превратившись с возникновением народного собрания в совещательный совет, он породил современную законодательную власть в двух органах.

Похоже, что в конфедерации ацтеков не существовало общего совета, состоящего из главных вождей трех племен, в отличие от отдельных советов каждого из них. Требуется полное разъяснение этого предмета, прежде чем можно будет узнать, была ли организация ацтеков просто лигой, наступательной и оборонительной, и как таковая находилась под первичным контролем племени ацтеков, или конфедерацией, в которой части были объединены в симметричное целое. Эта проблема должна быть решена в будущем.

III. Срок пребывания в должности и функции главного военного главнокомандующего.

Согласно наиболее доступной информации, должность, которую занимал Монтесума, называлась просто Теуктли, что означает военный вождь. Как члена совета вождей, его иногда называли Тлатоани, что означает говорящий. Эта должность общевойскового командующего была самой высокой из известных ацтекам. Это была та же должность и тот же срок полномочий, что и у главного военного вождя конфедерации ирокезов. Это делало человека по должности членом совета вождей, как можно заключить из того факта, что в некоторых племенах главный военный вождь имел преимущество в совете как при обсуждении, так и при высказывании своего мнения.¹⁵⁴ Ни один из испанских авторов не применяет этот титул к Монтесуме или его преемникам. Он был заменен неподходящим титулом короля. Икстлильшочитль, имевший смешанное тецкуканское и испанское происхождение, описывает главных военных вождей Мексики, Тецкоко и Тлакопана, простым титулом "военный вождь", с другим для обозначения племени. Рассказав о разделении полномочий между тремя вождями при образовании конфедерации и о собрании вождей трех племен по этому случаю, он продолжает: "Король Тецкоко был удостоен титула Акульхуа Теуктли, а также титула Чичимекатль Теуктли, который носили его предки и который был знаком империи; Ицкоацин, его дядя, получил титул Кульхуа Теуктли, потому что он правил толтеками-кулхуа; Ицкоацин, его дядя, получил титул Кульхуа Теуктли, потому что он правил толтеками-кулхуа". Тототлиуацин - это имя Текпануатля Теуктли, которое было титулом Аскапуцалько. С тех пор их преемники получили тот же титул".¹⁵⁵ Упомянутый здесь Ицкоацин (Ицкоатль) был военным вождем ацтеков, когда была сформирована конфедерация. Поскольку это был титул военного вождя, который в то время носили многие другие люди, комплимент состоял в том, чтобы связать с ним племенное обозначение. В индийской речи должность, которую занимал Монтесума, была эквивалентна главнокомандующему, а в английском - генералу.

Клавиджеро признает эту должность у нескольких племен науатлаков, но никогда не применяет ее к военачальнику ацтеков. "Высшим дворянским званием в Тласкале, Уэхоцинко и Чолуле был Теуктли. Чтобы получить это звание, необходимо было быть благородного происхождения, проявить исключительную храбрость в нескольких сражениях, достичь определенного возраста и обладать огромным богатством, позволяющим покрыть огромные расходы, которые были необходимы для поддержания обладателя такого достоинства".¹⁵⁶ После того, как Монтесума был возведен в ранг абсолютного властелина, выполняющего как гражданские, так и военные функции, природа и полномочия занимаемой им должности остались на заднем плане — фактически не исследованными. Как их главнокомандующий, он обладал средствами завоевания народной благосклонности и народного уважения. Это была опасная, но необходимая должность для племени и конфедерации. На протяжении всего человеческого опыта, от низшего уровня варварства до настоящего времени, это всегда была опасная должность. Конституции и законы обеспечивают нынешнюю безопасность цивилизованных наций, насколько она у них есть. Свод обычаев сложился, по всей вероятности, среди высокоразвитых индейских племен и среди племен долины Мехико, регулируя полномочия и предписывая обязанности этой должности. Существуют общие причины, оправдывающие предположение, что совет вождей ацтеков был высшим не только в гражданских делах, но и в военных, включая личность военного вождя и его руководство. Государственное устройство ацтеков в условиях увеличения численности и материального прогресса, несомненно, усложнилось, и по этой причине знание о нем было бы более поучительным. Если бы можно было установить точные

данные об их правительственной организации, они были бы достаточно примечательны без прикрас.

Испанские авторы в целом сходятся во мнении, что должность, занимаемая Монтесумой, была выборной, и выбор был ограничен конкретной семьей. Было установлено, что должность переходила от брата к брату или от дяди к племяннику. Однако они не смогли объяснить, почему в некоторых случаях она не переходила от отца к сыну. Поскольку способ наследования был необычен для испанцев, было меньше вероятности ошибки в отношении главного факта. Более того, две преемственности произошли при непосредственном уведомлении завоевателей. Монтесуме наследовал Куитлауа. В этом случае должность переходила от брата к брату, хотя мы не можем знать, были ли они собственными или побочными братьями, не зная их системы кровного родства. После смерти последнего Куаутемозин был избран его преемником. Здесь должность переходила от дяди к племяннику, но мы не знаем, был ли он собственным или побочным племянником. (См. Часть Третью, главу iii.) В предыдущих случаях должность переходила от брата к брату, а также от дяди к племяннику.¹⁵⁷ Выборная должность подразумевает наличие избирательного округа; но кто был избирателями в данном случае? Чтобы ответить на этот вопрос, четыре вождя, упомянутые Дюраном (выше), представлены как выборщики, к которым добавляются один выборщик из Тецкоко и один из Тлакопана, итого получается шестеро, которые затем наделяются властью выбирать из конкретной семьи главного военачальника. Это не теория выборной должности в Индии, и ее можно отбросить как невероятную. Саагун указывает на гораздо больший электорат. “Когда король или сеньор умирал, “ замечает он, - все сенаторы по имени Текутлатокес, и старики племени по имени Аччакаухти, а также капитаны и старые воины по имени Яутекиоакес, и другие выдающиеся военачальники в военных делах, а также священники по имени Тленамакакес, или Папасакис — все они собирались в королевских домах. Затем они обсудили и определили, кто должен быть лордом, и выбрали одного из самых благородных представителей рода прошлых лордов, который должен был быть доблестным человеком, опытным в военном деле, отважным.... Когда они пришли к согласию относительно одного из них, они сразу же назвали его лордом, но это избрание было произведено не путем голосования, а все вместе, совещаясь, в конце концов пришли к согласию в отношении этого человека. Господь однажды избрал, они также избрали четырех других, которые были подобны сенаторам и должны были всегда быть с господом и быть в курсе всех дел королевства ”.¹⁵⁸ Эта схема избрания большим собранием, хотя она и показывает народный элемент в правительстве, который, несомненно, существовал, не соответствует методу индийских институтов. Прежде чем срок пребывания на этой должности и способ избрания могут быть прояснены, необходимо выяснить, были ли они организованы в роды, было ли происхождение по женской линии или по мужской, и знать что-нибудь об их системе кровного родства. Если бы у них была система, встречающаяся во многих других племенах ганованской семьи, что вполне вероятно, человек называл бы сына своего брата своим сыном, а сына своей сестры - племянником; он называл бы брата своего отца своим отцом, а брата своей матери - своим дядей; детей брата своего отца - своими братьями и сестрами, а детей брата своей матери - своими двоюродными братьями и так далее. Если бы мужчина был организован в роды с происхождением по женской линии, у него были бы братья, дяди и племянники, побочные дедушки и внуки внутри его собственного рода; но ни собственный отец, ни собственный сын, ни прямой внук. Его собственные сыновья и сыновья его брата принадлежали бы к другим родам. Пока еще нельзя утверждать, что ацтеки были организованы в роды; но наследование должности главного военного вождя само по себе является убедительным доказательством этого факта, потому что оно полностью объясняет эту преемственность. Тогда при происхождении по женской линии должность была бы наследственной в определенном роде, но выборной

среди его членов. В этом случае должность переходила бы путем выборов внутри рода от брата к брату или от дяди к племяннику, точно так же, как это было у ацтеков, и никогда - от отца к сыну. Среди ирокезов в то же время должности сахема и главного военного вождя переходили от брата к брату или от дяди к племяннику, поскольку выбор мог случайно пасть, и никогда к сыну. Именно род, происходящий по женской линии, дал такой способ наследования, который не мог быть обеспечен никаким другим мыслимым способом. На основании одних только этих фактов трудно удержаться от выводов, что ацтеки были организованы в роды и что в отношении этой должности, по крайней мере, происхождение все еще происходило по женской линии.

Следовательно, в качестве вероятного объяснения можно предположить, что должность, занимаемая Монтесумой, передавалась по наследству в роде (орел был гербом или тотемом на доме, занимаемом Монтесумой), членами которого производился выбор из их числа; что их кандидатура затем была представлена отдельно четырем линиям или подразделениям ацтеков (предположительно, фратриям) для принятия или отклонения; а также тецкуканам и тлакопанам, которые были непосредственно заинтересованы в выборе главнокомандующего. Когда они по отдельности рассмотрели и подтвердили кандидатуру, каждое отделение назначило человека, который выразил бы их согласие; отсюда шестеро неправильно называли выборщиков. Не исключено, что четыре верховных вождя ацтеков, упоминаемые рядом авторов в качестве выборщиков, на самом деле были военными вождями четырех дивизий ацтеков, подобно четырем военным вождям четырех родов тлашкаланцев. Функция этих лиц состояла не в том, чтобы избирать, а в том, чтобы путем совещания друг с другом удостовериться, был ли согласован выбор, сделанный родом, и, если да, объявить результат. Вышесказанное представлено как предположительное объяснение, основанное на сохранившихся фрагментах свидетельств, способа наследования должности главного военного вождя у ацтеков. Считается, что это согласуется с индийскими обычаями и теорией о должности выборного индейского вождя.

Право на смещение с должности вытекает как необходимое следствие права избирать, когда этот срок был пожизненным. Таким образом, оно превращается в должность при хорошем поведении. В этих двух принципах избрания и низложения, повсеместно установленных в социальной системе американских аборигенов, содержится достаточно доказательств того, что суверенная власть практически оставалась в руках народа. Эта власть смещать, хотя и редко применявшаяся, была жизненно важной в родовой организации. Монтесума не был исключением из правила; Для достижения такого результата потребовалось время, учитывая особые обстоятельства дела, поскольку для этого была необходима веская причина. Когда Монтесума путем запугивания позволил увести себя с места жительства в покои Кортеса, где он был помещен под стражу, ацтеки были на некоторое время парализованы из-за отсутствия военного командира. Испанцы завладели и этим человеком, и его должностью.¹⁵⁹ Они подождали несколько недель, надеясь, что испанцы уйдут; но когда они обнаружили, что последние намерены остаться, они подчинились необходимости, как есть достаточно оснований полагать, сместив Монтесуму за нерешительность и избрав на его место его брата. Сразу же после этого они с большой яростью атаковали испанские кварталы, и в конце концов им удалось изгнать их из их пазубло. Этот вывод относительно низложения Монтесумы полностью подтверждается изложением фактов Эррерой. После начала штурма Кортес, наблюдая, как ацтеки повинуются новому командиру, сразу заподозрил правду и “послал Марину спросить Монтесуму, считает ли он, что они передали управление в его руки”¹⁶⁰, то есть в руки нового командира. Говорят, Монтесума ответил, “что они не осмелились бы выбирать короля в Мексике, пока он жив”.¹⁶¹ Затем он поднялся на крышу дома и обратился к своим соотечественникам, сказав, среди прочего, “что ему сообщили,

что они выбрали другого короля, потому что он был ограничен и любил испанцев”; на что он получил следующий нелюбезный ответ от ацтекского воина: “Замолчи, ты, женоподобный негодяй, рожденный ткать и прясть; эти собаки держат тебя в плену, ты трус.”¹⁶² Затем они выпустили в него стрелы и побили камнями, от последствий чего и от глубокого унижения он вскоре умер. Военным вождем ацтеков в этом нападении был Куитлауа, брат Монтесумы и его преемник.¹⁶³

Что касается функций этого ведомства, то от испанских авторов можно почерпнуть очень мало удовлетворительной информации. Нет никаких оснований предполагать, что Монтесума обладал какой-либо властью над гражданскими делами ацтеков. Более того, все предположения говорят против этого. В военных делах, находясь в полевых условиях, он обладал полномочиями генерала; но решение о военных действиях, вероятно, принималось советом. Следует отметить интересный факт, что функции священника были присоединены к должности главного военачальника и, как утверждается, к функциям судьи.¹⁶⁴ Ранее появление этих функций в ходе естественного роста военной должности будет упомянуто снова в связи с должностью басилевса. Хотя правительство обладало двумя полномочиями, вполне вероятно, что совет был высшим, в случае конфликта полномочий, в гражданских и военных делах. Следует помнить, что совет вождей был старейшим по времени и обладал прочной основой власти для удовлетворения потребностей общества и представительного характера должности вождя.

Пребывание на посту главного военного вождя и наличие совета, обладающего полномочиями по смещению с должности, как правило, показывают, что институты ацтеков были по существу демократическими. Выборный принцип в отношении военного вождя, который, как мы должны предположить, существовал в отношении сахема и вождя, а также наличие совета вождей определяют существенный факт. Чистая демократия афинского типа была неизвестна ни в Низших, ни в Средних, ни даже в Высших Слотах варварства; но очень важно знать, являются ли институты народа по сути демократическими или по сути монархическими, когда мы пытаемся их понять. Институты первого типа отделены от институтов второго почти так же сильно, как демократия от монархии. Не выяснив структуру их социальной системы, если она была организована в роды, как это, вероятно, было, и не получив представления о существовавшей системе, испанские писатели смело изобрели для ацтеков абсолютную монархию с высокими феодальными характеристиками и преуспели в том, чтобы поместить ее в историю. Это неправильное представление сохранялось из-за американской лени ровно столько, сколько оно того заслуживает. Организация ацтеков явно представлялась испанцам лигой или конфедерацией племен. Ничто, кроме грубейшего искажения очевидных фактов, не могло позволить испанским писателям превратить монархию ацтеков в демократическую организацию.

Теоретически, у ацтеков, тецкуканцев и тлакопанцев по отдельности должен был быть глава-сахем, который представлял племя в гражданских делах, когда совет вождей не заседал, и проявлял инициативу в подготовке его работы. У ацтеков есть следы такого офицера в Зиуакатле, которого иногда называют вторым вождем, поскольку военного вождя называют первым. Но доступная информация, касающаяся этого ведомства, слишком ограничена, чтобы оправдывать обсуждение данного вопроса.

У ирокезов было показано, что воины могли выступать перед советом вождей и выражать свои взгляды по общественным вопросам; и что женщины могли делать то же самое через ораторов по их собственному выбору. Такое участие населения в управлении со временем привело к созданию народного собрания, наделенного полномочиями принимать или отклонять государственные меры, представленные им советом. Насколько известно автору,

среди деревенских индейцев нет свидетельств того, что существовало народное собрание для рассмотрения общественных вопросов, наделенное полномочиями принимать по ним решения. Четыре линии, вероятно, встречались для особых объектов, но это сильно отличалось от общего собрания для общественных объектов. Исходя из демократического характера своих институтов и их развитого состояния, ацтеки приближались к тому времени, когда можно было ожидать появления народного собрания.

Рост идеи правления среди американских аборигенов, как отмечалось в другом месте, начался с рода и закончился конфедерацией. Их организации были социальными, а не политическими. До тех пор, пока идея собственности не продвинулась очень далеко за пределы того уровня, которого они достигли, замена родового общества политическим была невозможна. Нет ни единого факта, свидетельствующего о том, что какая-либо часть аборигенов, по крайней мере в Северной Америке, достигла какого-либо представления о втором великом плане правления, основанном на территории и собственности. Дух правительства и положение людей согласуются с институтами, при которых они живут. Когда преобладает военный дух, как это было у ацтеков, военная демократия естественным образом возникает при родовых институтах. Такое правительство не вытесняет свободный дух родов и не ослабляет принципов демократии, но гармонично согласуется с ними.

ГЛАВА VIII

Греческий род

Можно сказать, что цивилизация началась у азиатских греков с сочинения гомеровских поэм около 850 года до н.э., а у европейских греков примерно столетием позже - с сочинения поэм Гесиода. До этих эпох был период в несколько тысячелетий, в течение которого эллинские племена проходили более Поздний период варварства и готовились к вступлению на путь цивилизации. Их самые древние традиции обнаруживают, что они уже утвердились на Греческом полуострове, на восточной границе Средиземноморья, а также на промежуточных и прилегающих островах. Более древняя ветвь того же племени, главными представителями которой были пеласги, предшествовала им в заселении большей части этих областей и со временем была либо эллинизирована ими, либо вынуждена эмигрировать. Предшествующее состояние эллинских племен и их предшественников должно быть выведено из искусств и изобретений, которые они принесли с собой из предыдущего периода, из состояния развития их языка, из их традиций и из их социальных институтов, которые в отдельных случаях сохранились в период цивилизации. Наше обсуждение будет ограничено, в основном, последним классом фактов.

Как пеласги, так и эллины были организованы в роды, фратрии¹⁶⁵ и племена; и последние объединились путем слияния в нации. В некоторых случаях органический ряд был неполным. Будь то в племенах или нациях, их правление опиралось на род как единицу организации и привело к возникновению родового общества или народа в отличие от политического общества или государства. Инструментом правления был совет вождей при содействии агоры, или народного собрания, и басилевса, или военного командира. Люди были свободны, а их институты - демократическими. Под влиянием прогрессивных идей и потребностей род перешел из своей архаичности в свою окончательную форму. Изменения были вызваны непреодолимыми требованиями улучшающегося общества; но, несмотря на сделанные уступки, неспособность родов удовлетворить эти потребности становилась все

более очевидной. Изменения были ограничены, в основном, тремя деталями: во-первых, происхождение было изменено на мужскую линию; во-вторых, смешанные браки в роде были разрешены в случае сирот женского пола и наследниц; и в-третьих, дети получили исключительное право наследования имущества своего отца. В другом месте будет предпринята попытка кратко проследить эти изменения и причины, которые их вызвали.

Эллины в целом представляли собой разрозненные племена, обладающие теми же характеристиками в своей форме правления, что и варварские племена в целом, когда они были организованы в роды и находились на той же стадии развития. Их положение было именно таким, какое, как можно было предсказать, существовало бы при родовых институтах, и поэтому не представляет собой ничего примечательного.

Когда греческое общество впервые попало под историческое наблюдение, примерно во время первой Олимпиады (776 год до н.э.) и вплоть до законодательства Клизфена (509 год до н.э.), оно было занято решением огромной проблемы. Это было не что иное, как фундаментальное изменение в плане правления, предполагающее значительную модификацию институтов. Люди стремились перейти из родового общества, в котором они жили с незапамятных времен, в политическое общество, основанное на территории и собственности, которые стали необходимыми для развития цивилизации. В конце концов, они стремились основать государство, первое в истории арийской семьи, и поместить его на территориальном фундаменте, таком, какой государство занимало с того времени по настоящее время. Древнее общество покоилось на организации личностей и управлялось через отношения личностей к роду и племени; но греческие племена переросли этот старый план правления и начали ощущать необходимость политической системы. Для достижения этого результата было необходимо всего лишь изобрести деме или городок, очерченный границами, окрестить его именем и организовать живущих в нем людей как политический орган. Городок с закрепленной за ним собственностью и с людьми, которые населяли его в настоящее время, должен был стать организационной единицей в новом плане управления. После этого с джентилисом, превратившимся в гражданина, государство будет иметь дело через его территориальные отношения, а не через его личные отношения к роду. Он был бы зарегистрирован в округе по месту жительства, что свидетельствовало бы о его гражданстве; голосовал бы и облагался налогами в своем округе; и оттуда был бы призван на военную службу. Хотя идея, по-видимому, была простой, для достижения результата потребовались столетия времени и полная революция в ранее существовавших концепциях управления. Род, который так долго был ячейкой социальной системы, оказался, как и предполагалось ранее, неадекватным требованиям развивающегося общества. Но отложить в сторону эту организацию вместе с фратрией и племенем и заменить ее рядом фиксированных областей, каждая со своим сообществом граждан, было, по сути дела, делом чрезвычайной сложности. Отношения индивида к своему роду, которые были личными, должны были быть перенесены в город и стать территориальными; демарш города занял, в некотором смысле, место главы рода. Городок с его фиксированной собственностью был бы постоянным, и население в нем было бы в достаточной степени постоянным; в то время как род представлял собой изменчивую совокупность лиц, более или менее рассеянных и теперь становящихся неспособными к постоянному проживанию в местных пределах. До того, как появился опыт, населенный пункт как единица политической системы был достаточно непонятен, чтобы утомить греков и римлян до предела их способностей, прежде чем концепция была сформирована и приведена в практическое действие. Собственность была новым элементом, который постепенно перестраивал греческие институты, чтобы подготовить почву для политического общества, главной движущей силой и фундаментом которого она должна была стать. Осуществить такое фундаментальное изменение было нелегкой задачей,

какой бы простой и очевидной оно сейчас ни казалось, потому что весь предыдущий опыт греческих племен был связан с родами, власть которых должна была быть передана новым политическим органам.

Прошло несколько столетий после первых попыток основать новую политическую систему, прежде чем проблема была решена. После того как опыт показал, что роды неспособны сформировать основу государства, в различных греческих общинах было опробовано несколько различных схем законодательства, которые в большей или меньшей степени копировали эксперименты друг друга, и все они приводили к одному и тому же результату. Среди афинян, из опыта которых будут извлечены главные иллюстрации, можно упомянуть законодательство Тесея, опирающееся на авторитет традиции; законодательство Дракона (624 год до н.э.); законодательство Солона (594 год до н.э.); и законодательство Клисфена (509 год до н.э.), последние три из которых относились к историческому периоду. Развитие муниципальной жизни и институтов, скопление богатства в городах, окруженных стенами, и вызванные этим значительные изменения в образе жизни подготовили путь к свержению родового общества и установлению на его месте политического общества.

Прежде чем попытаться проследить переход от родового общества к политическому, с которым отождествляется завершающая история родов, сначала рассмотрим греческий род и его атрибуты.

Афинские институты типичны для греческих институтов в целом, во всем, что касается устройства рода и племени, вплоть до заката древнего общества среди них. В начале исторического периода ионийцы Аттики, как хорошо известно, были разделены на четыре племени (гелеонты, гоплиты, эгикоры и аргады), говорившие на одном диалекте и занимавшие общую территорию. Они объединились в нацию в отличие от союза племен; но такой союз, вероятно, существовал и в более ранние времена.¹⁶⁶ Каждое аттическое племя состояло из трех фратрий, а каждая фратрия - из тридцати родов, что в совокупности составляло двенадцать фратрий и триста шестьдесят родов в четырех племенах. Такова общая форма утверждения, факт которого постоянен относительно числа триб и числа фратрий в каждой, но подвержен колебаниям в количестве родов в каждой фратрии. Подобным же образом дорийцы обычно встречались в трех племенах (хиллеях, памфилиях и диманах), хотя и образовывали ряд национальностей; как в Спарте, Аргосе, Сикионе, Коринфе, Эпидавре и Трезене; и за пределами Пелопоннеса в Мегаре и в других местах. В некоторых случаях было обнаружено одно или несколько дорийских племен, объединившихся с ними, как, например, в Коринфе, Сикионе и Аргосе.

Во всех случаях греческое племя предполагает роды, родственные связи и диалект, составляющие основу, на которой они объединялись в племя; но племя не предполагало фратрии, которая, как промежуточная организация, хотя и была очень распространена среди всех этих племен, была подвержена перерывам. В Спарте существовали подразделения племен, называемые *obes*, в каждом племени по десять человек, которые были аналогичны фратриям; но относительно функций этих организаций преобладает некоторая неопределенность.¹⁶⁷

Афинские роды теперь будут рассматриваться такими, какими они предстали в своей окончательной форме и в полной жизненности; но с элементами зарождающейся цивилизации, противопоставленными им, перед которыми они уступали шаг за шагом и которые должны были свергнуть их вместе с созданной ими социальной системой. В некоторых отношениях это самая интересная часть истории этой замечательной

организации, которая вывела человеческое общество из состояния дикости и провела его через варварство к ранним стадиям цивилизации.

Социальная система афинян представляет собой следующий ряд: во-первых, род (genos), основанный на родстве; во-вторых, фратрия (phratra и phratría), братство родов, происходящее путем сегментации, вероятно, от первоначального рода; в-третьих, племя (phylon, позже phyle), состоящее из нескольких фратрий, члены которых говорили на одном диалекте; и, в-четвертых, народ или нация, состоящая из нескольких племен, объединенных слиянием в одно родовое общество и занимающих одну и ту же территорию. Эти целостные и восходящие организации исчерпали свою социальную систему при родах, за исключением конфедерации племен, занимавших независимые территории, которая, хотя и имела место в некоторых случаях в ранний период и естественным образом возникла из родовых институтов, не привела ни к каким важным результатам. Вполне вероятно, что четыре афинских племени объединились до того, как объединились, последнее произошло после того, как они собрались на одной территории под давлением других племен. Если это верно для них, то это было бы в равной степени верно для дорийцев и других племен. Когда такие племена объединились в нацию, в языке не было термина для выражения результата, кроме национального названия. Римляне, при очень похожих институтах, называли себя *Populus Romanus*, что в точности отражало этот факт. Тогда они были просто народом, и ничем больше; это было все, что могло возникнуть в результате объединения родов, курий и племен. Четыре афинских племени образовали общество или народ, который стал полностью автономным в легендарный период под названием афиняне. В ранних греческих общинах род, фратрия и племя были постоянными явлениями их социальных систем, иногда фратрия отсутствовала.

Мистер Гроте собрал основные факты, касающиеся греческих родов, с таким критическим мастерством, что они не могут быть представлены более авторитетно, чем на его родном языке, который будет процитирован там, где он рассматривает предмет в целом. Прокомментировав племенное деление греков, он продолжает следующим образом: “Но фратрии и роды представляют собой распределение, совершенно отличное от этого. Они кажутся объединением мелких примитивных сообществ в более крупные; они независимы от племен и не предполагают его существования; они возникают отдельно и спонтанно, без предварительного единообразия и без привязки к общей политической цели; законодатель считает их существовавшими ранее и приспособливает или модифицирует их в соответствии с какой-либо национальной схемой. Мы должны отличать общий факт классификации и последовательное подчинение в шкале семейств роду, родов фратрии и фратрий племен от точной числовой симметрии, которой наделяется это подчинение, когда мы его читаем: тридцать семейств роду, тридцать родов фратрии, по три фратрии на каждое племя. Если бы такое замечательное численное равенство могло когда-либо быть обеспечено законодательным ограничением, действующим на ранее существовавшие природные элементы, пропорции не могли бы поддерживаться постоянно. Но мы можем обоснованно сомневаться, существовало ли оно когда-либо вообще..... Предположение, что каждая фратрия включала равное число родов, а каждый род - равное число семейств, едва ли допустимо без более веских доказательств, чем те, которыми мы располагаем. Но помимо этой сомнительной точности числовой шкалы, сами фратрии и Роды были реальными, древними и долговечными объединениями афинского народа, которые очень важно понимать. Основой целого был дом, очаг или семья, часть которых, в большей или меньшей степени, составляла Род или Genos. Следовательно, этот род был кланом, септой, или расширенным и частично фиктивным братством, связанным между собой,-1. Общие религиозные церемонии и исключительная привилегия жречества в честь одного и того же

бога, который, как предполагается, был первобытным предком и характеризовался особой фамилией. 2. Общим местом захоронения.¹⁶⁸ 3. По взаимному праву наследования имущества. 4. Взаимными обязательствами по оказанию помощи, защите и возмещению ущерба. 5. Взаимным правом и обязанностью вступать в смешанные браки в определенных определенных случаях, особенно если была дочь-сирота или наследница. 6. Путем владения, по крайней мере в некоторых случаях, общей собственностью, собственным архонтом и казначеем. Таковы были права и обязанности, характеризующие родовой союз. Фратрический союз, объединявший несколько родов, был менее тесным, но все же включал некоторые взаимные права и обязанности аналогичного характера; особенно участие в особых священных обрядах и взаимные привилегии судебного преследования в случае убийства фратратора. Каждая фратрия считалась принадлежащей к одному из четырех племен, и все фратрии одного и того же племени периодически совершали священные обряды под председательством магистрата, называемого филобазилевсом, или царем племени, избранным из эвпатридов”.¹⁶⁹

Сходство между греческим и ирокезским родами будет сразу же признано. Также будут замечены различия в характеристиках, вытекающие из более продвинутого состояния греческого общества и более полного развития их религиозной системы. Нет необходимости проверять существование нескольких признаков рода, названных г-ном Гроте, поскольку доказательство этого ясно приводится в классических источниках. Были и другие характеристики, которые, несомненно, относились к греческому роду, хотя может быть трудно установить существование всех из них; такие как: 7. Ограничение происхождения по мужской линии; 8. Запрещение смешанных браков в роде, за исключением случаев с наследницами; 9. Право усыновления незнакомцев в род; и 10. Право избирать и смещать своих вождей.

Права, привилегии и обязанности представителей греческого рода могут быть кратко изложены с указанными дополнениями следующим образом:

- I. *Common religious rites.*
- II. *A common burial place.*
- III. *Mutual rights of succession to property of deceased members.*
- IV. *Reciprocal obligations of help, defense and redress of injuries.*
- V. *The right to intermarry in the gens in the cases of orphan daughters and heiresses.*
- VI. *The possession of common property, an archon, and a treasurer.*
- VII. *The limitation of descent to the male line.*
- VIII. *The obligation not to marry in the gens except in specified cases.*
- IX. *The right to adopt strangers into the gens.*
- X. *The right to elect and depose its chiefs.*

Следует сделать краткую ссылку на добавленные характеристики.

7. *Ограничение происхождения по мужской линии.* Нет никаких сомнений в том, что таково было правило, потому что это подтверждается их генеалогиями. Я не смог найти ни у одного греческого автора определения рода или *gentilis*, которое дало бы достаточный критерий права данного лица на родственную связь. Цицерон, Варрон и Фест определили римский род и *gentilis*, которые были строго аналогичны греческому, с достаточной полнотой, чтобы показать, что происхождение происходило по мужской линии. Исходя из природы рода, происхождение шло либо по женской, либо по мужской линии и включало лишь небольшую часть потомков основателя. Это точно как семья у нас. Те, кто произошли от мужчин, носят фамилию семьи, и они составляют род в полном смысле этого слова, но в состоянии рассеяния и без каких-либо уз союза, за исключением ближайших по степени родства. Женщины теряют с вступлением в брак фамилию и вместе со своими детьми переходят в другую семью. Гроте отмечает, что Аристотель был “сыном врача Никомаха, принадлежавшего к роду Асклепиадов”.¹⁷⁰ Принадлежал ли Аристотель к роду своего отца, зависит от дальнейшего вопроса, происходили ли они оба от Эскулапа исключительно по мужской линии. Это показано Лаэртием, который утверждает, что “Аристотель был сыном Никомаха а Никомах происходил от Никомаха, сына Махаона, сына Эскулапа”.¹⁷¹ Хотя высшие члены этого ряда могут быть сказочными, способ прослеживания происхождения показал бы род человека. Утверждение Германна, основанное на авторитете Исея, также относится к делу. “Каждый младенец был зарегистрирован во фратрии и клане своего отца”.¹⁷² Регистрация в роде отца подразумевает, что его дети принадлежали к его роду.

8. *Обязательство не вступать в брак внутри рода, за исключением определенных случаев.* Это обязательство может быть выведено из последствий брака. Жена, вступив в брак, утратила религиозные обряды своего рода и приобрела обряды рода своего мужа. Это правило сформулировано как настолько общее, что подразумевает, что брак обычно заключался вне рода. “Девственница, покидающая дом своего отца, - замечает Вахсмут, - больше не является участницей отцовского жертвенного очага, но вступает в религиозное общение со своим мужем, и это придавало святость брачным узам”.¹⁷³ Факт ее регистрации Германн излагает следующим образом: “Каждая новобрачная женщина, сама гражданка, была по этой причине зачислена во фратрию своего мужа”.¹⁷⁴ Особые религиозные обряды (*sacra gentilitia*) были распространены в греческом и латинском языках. род. Утратила ли жена свои агнатические права своим браком, как у римлян, я не могу сказать. Маловероятно, что брак разорвал всякую связь с ее родом, и жена, несомненно, все еще считала себя принадлежащей к роду своего отца.

Запрет на смешанные браки в роде был основополагающим в архаический период; и он, несомненно, сохранился после того, как происхождение было изменено на мужскую линию, за исключением наследниц и сирот женского пола, для которых были приняты особые меры. Хотя тенденция к свободному браку, помимо определенных степеней кровного родства, последовала бы за полным установлением моногамной семьи, правило, требующее от лиц вступать в брак вне своего собственного рода, было бы склонно сохраняться до тех пор, пока род был основой социальной системы. Особое положение в отношении наследниц, как правило, подтверждает это предположение. Беккер замечает по этому вопросу, что “родство, с незначительными ограничениями, не было препятствием для брака, который мог иметь место на всех ступенях анхистеи или сунгенеи, хотя, естественно, не в самом роде”.¹⁷⁵

9. *Право принимать в род незнакомых людей.* Это право стало применяться позже, по крайней мере в семьях; но это было сделано с соблюдением государственных формальностей и, несомненно, ограничивалось особыми случаями.¹⁷⁶ Чистота

происхождения стала предметом особой заботы в аттических родах, что, без сомнения, создавало серьезные препятствия для использования этого права, за исключением веских причин.

10. *Право избирать и смещать своих вождей.* Это право, несомненно, существовало у греческих родов в ранний период. Предположительно, им обладали, находясь на высшей ступени варварства. У каждого рода был свой архонт, который был обычным именем вождя. Была ли эта должность выборной, например, в гомеровский период, или передавалась по наследственному праву старшему сыну, остается вопросом. Последнее не было древней теорией должности; и столь крупная и радикальная перемена, затрагивающая независимость и личные права всех членов рода, требует положительных доказательств, которые опровергли бы презумпцию против нее. Наследственное право на должность, несущее с собой власть над членами рода и обязательства от них, сильно отличается от должности, даруемой путем свободных выборов, с сохраненным правом смещения за недостойное поведение. Свободный дух афинских родов вплоть до времен Солона и Клисфена исключает предположение относительно них, что они отказались от права, столь важного для независимости членов рода. Мне не удалось найти какого-либо удовлетворительного объяснения пребывания на этом посту. Наследование по наследству, если бы оно существовало, указывало бы на замечательное развитие аристократического элемента в древнем обществе в нарушение демократического устройства родов. Более того, это было бы признаком, по крайней мере, начала их упадка. Все члены рода были свободны и равны, богатые и бедные пользовались равными правами и привилегиями и признавали то же самое друг в друге. Мы находим свободу, равенство и братство, столь же ясно прописанные в конституции афинских родов, как и в конституции ирокезов. Наследственное право на главную должность рода полностью несовместимо со старой доктриной равных прав и привилегий.

Вопрос также заключается в том, передавались ли высшие должности анакса, койрана и басилевса по наследственному праву от отца к сыну или были выборными или утверждались более широким кругом избирателей. Это будет рассмотрено в другом месте. Первое указывало бы на подрыв, а второе - на сохранение родовых институтов. Без решающих доказательств обратного любая презумпция противоречит праву наследования. Некоторый дополнительный свет на этот вопрос будет пролит при рассмотрении римских родов. Тщательное повторное расследование срока пребывания на этом посту, не исключено, существенно изменит полученные отчеты.

Можно считать практически уверенным, что греческие роды обладали десятью названными основными атрибутами. Все, за исключением трех, а именно происхождения по мужской линии, вступления в брак с наследницами и возможной передачи высшей военной должности по наследственному праву, встречаются с небольшими вариациями в родах ирокезов. Таким образом, становится очевидным, что в родах как греческие, так и ирокезские племена обладали одним и тем же первоначальным институтом, причем у одного род был более поздним, а у другого - архаичным.

Возвращаясь теперь к цитате из м-ра Грота, можно заметить, что если бы он был знаком с архаичной формой рода и с несколькими формами семьи, предшествующими моногамной, он, вероятно, существенно изменил бы некоторую часть своего утверждения. Следует сделать исключение из его положения о том, что основой социальной системы греков "был дом, очаг или семья". По мнению выдающегося историка, формой семьи была, очевидно, римская, находящаяся под железным правлением отца семейства, к которому приближалась греческая семья гомеровского периода в полном господстве отца над домашним

хозяйством. Это было бы столь же несостоятельно, если бы предполагались другие, более ранние формы семьи. Род по своему происхождению древнее моногамной семьи, древнее синдиазмической и, по существу, современен пуналуанской. Он ни в каком смысле не был основан ни на той, ни на другой. Она не признает существование семьи любой формы как составной части самой себя. Напротив, каждая семья как в архаический, так и в более поздний период была частично внутри рода, а частично вне его, потому что муж и жена должны были принадлежать к разным родам. Объяснение одновременно простое и полное, а именно, что семья возникает независимо от рода с полной свободой перехода от низшей формы к высшей, в то время как род постоянен, как и единица социальной системы. Род целиком вошел во фратрию, фратрия целиком вошла в племя, а племя целиком вошло в нацию; но семья не могла полностью войти в род, потому что муж и жена должны были принадлежать к разным родам.

Поднятый здесь вопрос важен, поскольку не только мистер Гроте, но и Нибур, Тирлуолл, Мэн, Моммзен и многие другие способные и проницательные исследователи заняли ту же позицию по отношению к моногамной семье патриархального типа как целому, вокруг которого интегрировалось общество в греческой и римской системах. Ничто вообще не было основано на семье ни в одной из ее форм, потому что она была неспособна войти в род как целое. Род был однородным и в значительной степени постоянным по продолжительности и как таковой являлся естественной основой социальной системы. Семья моногамного типа могла бы стать индивидуализированной и могущественной в роде и в обществе в целом; но род, тем не менее, не признавал и не мог признавать семью как самостоятельное целое или зависеть от нее. Те же замечания в равной степени справедливы в отношении современной семьи и политического общества. Хотя семья индивидуализирована правами собственности и привилегиями и признана юридическим лицом законодательным актом, она не является ячейкой политической системы. Государство признает округа, из которых оно состоит, графство - города, но город не обращает внимания на семью; так нация признала свои племена, племя - свои фратрии, а фратрия - свои роды; но род не обратил внимания на семью. При рассмотрении структуры общества следует учитывать только органические отношения. Поселок находится в таком же отношении к политическому обществу, в каком род находился к нееврейскому обществу. Каждый из них является элементом системы.

Есть ряд ценных наблюдений мистера Гроте о греческих родах, которые я хочу включить в качестве их изложения; хотя эти наблюдения, по-видимому, подразумевают, что они не старше существовавшей на тот момент мифологии или иерархии богов, от представителей которой, как утверждали некоторые роды, произошли их одноименные предки. В свете представленных фактов представляется, что роды существовали задолго до того, как была разработана эта мифология — до того, как Юпитер или Нептун, Марс или Венера были зарожжены в человеческом сознании.

М-р Гроте продолжает: “Так возник первобытный религиозный и социальный союз населения Аттики в его постепенно возрастающем масштабе — в отличие от политического союза, появившегося, вероятно, позже, представленного сначала тритиями и наукарариями, а в более поздние времена десятью племенами Клейсфена, разделенными на тритии и демы. Религиозные и семейные узы объединения являются более ранними из двух; но политические узы, хотя и начинаются позже, как будет обнаружено, приобретают постоянно возрастающее влияние на протяжении большей части этой истории. В первом случае личные отношения являются существенной и преобладающей характеристикой, а местные отношения подчинены; во втором собственность и место жительства становятся главными соображениями, и личный элемент имеет значение только в сочетании с этими

сопутствующими факторами. Все эти фратрийские и родовые объединения, как крупные, так и мелкие, были основаны на одних и тех же принципах и тенденциях греческого сознания — слиянии идеи поклонения с идеей происхождения или причастия в определенных особых религиозных обрядах с причастием крови, реальным или предполагаемым. Бог или герой, которому собравшиеся приносили свои жертвы, воспринимался как первобытный предок, которому они были обязаны своим происхождением; часто через длинный список промежуточных имен, как в случае с милезианским Гекатеем, на которого так часто ссылались ранее. В каждой семье были свои священные обряды и поминки по предкам, проводимые хозяином дома, на которые не допускался никто, кроме членов семьи.... Более крупные объединения, называемые родами, фратриями, племенами, были сформированы на основе того же принципа — семьи, рассматриваемой как религиозное братство, поклоняющееся какому-то общему богу или герою с соответствующей фамилией и признающее его своим общим предком; и фестиваль Феении и Апатурии (первый аттический, второй общий для всей ионийской расы) ежегодно собирал членов этих фратрий и родов для поклонения, празднества и поддержания особых симпатий; таким образом, укрепляя более крупные связи, не стирая меньших.... Но историк должен принять как непреложный факт самое раннее положение вещей, известное ему от его свидетелей, и в рассматриваемом нами случае родовые и фратрийские союзы - это вопросы, в истоки которых мы не можем претендовать на проникновение”.¹⁷⁷

“Роды как в Афинах, так и в других частях Греции носили отчество, печать их предполагаемого общего отцовства.”¹⁷⁸... Но в Афинах, по крайней мере после переворота Клейсфена, языческое имя не употреблялось: человека описывали его собственным именем, за которым следовало сначала имя его отца, а затем имя дема, к которому он принадлежал, — как сына Эсхина Атрометуса, Котокида... Род представлял собой тесную инкорпорацию как в отношении собственности, так и в отношении лиц. До времен Солона ни один человек не имел права распоряжаться завещанием. Если он умирал бездетным, его родственники наследовали его имущество, и так продолжалось даже после Солона, если он умирал без завещания. Девушка-сирота могла быть выдана замуж по праву любым членом рода, предпочтение отдавалось ближайшим агнатам; если она была бедна, и он сам не решал жениться на ней, закон Солона обязывал его предоставить ей приданое, пропорциональное его зарегистрированному размеру имущества, и выдать ее замуж за другого... Если человек был убит, то сначала его близким родственникам, затем его генералам и враторам разрешалось и требовалось преследовать преступление по закону; в то время как его собратья-демоты или жители того же дема не обладали подобным правом судебного преследования. Все, что мы слышим о древнейших афинских законах, основано на родовом и фратрийском делении, которые повсюду рассматриваются как продолжение семьи. Следует отметить, что это деление совершенно не зависит от какого—либо имущественного ценза - как богатые, так и бедные люди относятся к одному и тому же роду. Более того, различные роды были очень неравны в достоинстве, что объяснялось главным образом религиозными церемониями, которыми каждый из них обладал наследственным и исключительным управлением и которые, поскольку в некоторых случаях считались особо священными по отношению ко всему городу, были поэтому национализированы. Таким образом, Эвмолпиды и Керик, поставлявшие иерофанта и надзирателя мистерий Элевсинского храма, и Бутады, поставлявшие жрицу Афины Полиас, а также жреца Посейдона Эрехтея в Акрополе, по—видимому, почитались выше всех других родов”.¹⁷⁹

М-р Грот говорит о роде как о продолжении семьи и как о предпосылке ее существования; рассматривая семью как первичную, а род - как вторичную. Эта точка зрения по изложенным причинам несостоятельна. Две организации действуют на разных принципах и независимы

друг от друга. Род охватывает только часть потомков предполагаемого общего предка и исключает остальных; он также охватывает только часть семьи и исключает остальных. Чтобы быть составной частью рода, семья должна целиком войти в его состав, что было невозможно в архаический период и конструктивно только в более поздний. В организации родового общества род является первичным, образуя одновременно основу и единицу системы. Семья также первична и старше рода; пуналуальные и кровнородственные семьи предшествовали ей в порядке времени; но в древнем обществе она была членом органического ряда не больше, чем в современном.

Род существовал в арийской семье, когда племена, говорящие на латыни, греческом и санскрите, были одним народом, о чем свидетельствует наличие в их диалектах одного и того же термина (*gens*, *genos* и *ganas*) для обозначения организации. Они унаследовали это от своих варварских предков и, более отдаленно, от своих диких прародителей. Если арийская семья дифференцировалась уже в средний период варварства, что представляется вероятным, то род должен был быть передан им в своей архаичной форме. После этого события и в течение длительного периода времени, прошедшего между отделением этих племен друг от друга и началом цивилизации, должны были произойти те изменения в строении рода, которые были замечены гипотетически. Невозможно представить себе, чтобы род появился впервые в какой-либо иной форме, кроме своей архаической; следовательно, греческий род должен был первоначально существовать в этой форме. Если, таким образом, можно найти причины, достаточные для объяснения столь значительной смены происхождения, как переход от женской линии к мужской, аргумент будет исчерпывающим, хотя в конце концов он заменил старую группу родственников в роде новой. Рост идеи собственности и возникновение моногамии создали мотивы, достаточно могущественные для того, чтобы требовать и добиваться этого изменения, чтобы ввести детей в род их отца и принять участие в наследовании его состояния. Моногамия гарантировала отцовство детей, которое было неизвестно, когда был учрежден род, и исключение детей из наследования было уже невозможно. Перед лицом новых обстоятельств род был бы вынужден перестроиться или распасться. Когда род ирокезов, каким он был на Низшем этапе варварства, ставится рядом с родом греческих племен, каким он был на Высшем этапе, невозможно не заметить, что они представляют собой одну и ту же организацию, одну в ее архаичной, а другую в ее окончательной форме. Различия между ними как раз те, которые были бы навязаны роду требованиями человеческого прогресса.

Наряду с этими мутациями в строении рода обнаруживаются параллельные мутации в правиле наследования. Собственность, всегда наследуемая в роде, была, во-первых, наследственной среди неевреев; во-вторых, наследственной среди агнатов, исключая остальных неевреев; и теперь, в-третьих, наследуемой среди агнатов по очереди, в порядке их близости к умершему, что давало исключительное наследование детям как ближайшим агнатам. Постоянство, с которым вплоть до времен Солона соблюдался принцип, согласно которому собственность должна оставаться в роду умершего владельца, иллюстрирует жизнеспособность организации на протяжении всех этих периодов. Именно это правило вынуждало наследницу выходить замуж за представителя своего собственного рода, чтобы предотвратить передачу собственности в результате ее брака другому роду. Когда Солон разрешил владельцу собственности распоряжаться ею по завещанию, в случае если у него не было детей, он совершил первое посягательство на права собственности рода.

Насколько близки были родственники членов рода и были ли они вообще родственниками, было поставлено под вопрос. М-р Грот заметил, что "Поллукс ясно сообщает нам, что члены одного и того же рода в Афинах обычно не состояли в кровном родстве, - и даже без каких-

либо прямых свидетельств мы могли бы заключить, что это факт. В какой степени род в неизвестную эпоху своего образования был основан на реальном родстве, у нас нет возможности определить ни в отношении афинских, ни в отношении римских родов, которые в основных чертах были аналогичны. Джентилизм - это узы сами по себе; отличные от семейных уз, но предполагающие их существование и расширяющие их с помощью искусственной аналогии, частично основанной на религиозной вере, а частично на позитивном договоре, чтобы понимать чужаков по крови. Все члены одного рода или даже одной фратрии считали себя происшедшими не от одного деда или прадедушки, а от одного и того же божественного или героического предка... И эта фундаментальная вера, к которой греческий разум пришел с такой легкостью, была принята и преобразована позитивным договором в нееврейский и фратрийский принцип союза.... Несомненно, Нибур в своем ценном обсуждении древнеримских родов прав, предполагая, что они не были настоящими семьями, произошедшими от какого-либо общего исторического предка. И все же не менее верно (хотя он, по-видимому, полагает иначе), что идея рода включала веру в общего праотца, божественного или героического, — генеалогию, которую мы можем правильно назвать сказочной, но которая была освящена и признана среди членов самого рода и служила важной связью союза между ними... Естественные семьи, конечно, менялись от поколения к поколению, некоторые расширялись, в то время как другие уменьшались или вымирали; но род не претерпевал никаких изменений, кроме как через порождение, вымирание или подразделение этих составных семей. Соответственно, отношения семей с родом постоянно колебались, и генеалогия родовых предков, как бы она ни была приспособлена к раннему состоянию рода, с течением времени частично устарела и стала непригодной. Мы слышим об этой генеалогии, но редко, потому что она доводится до сведения общественности только в определенных случаях, выдающихся и почтенных. Но у более скромных родов были свои общие обряды, общий сверхчеловеческий предок и генеалогия, так же как и у более знаменитых: схема и идеальная основа были одинаковы у всех”.¹⁸⁰

Несколько утверждений Поллукса, Нибура и Гроте верны в определенном смысле, но не абсолютно. Происхождение рода восходит к признанному предку, и, следовательно, древний род не мог иметь известного прародителя; также факт кровного родства не мог быть доказан их системой кровного родства; тем не менее язычники не только верили в свое общее происхождение, но и имели основания верить в это. Система кровного родства, которая относилась к роду в его архаической форме и которой, вероятно, когда-то обладали греки, сохранила знание об отношениях всех членов рода друг к другу. Это пришло в упадок с возникновением моногамной семьи, как я попытаюсь показать в другом месте. Нееврейское имя создавало родословную, рядом с которой значение имело семейное. Функцией этого имени было сохранять факт общего происхождения тех, кто его носил; но происхождение рода было настолько древним, что его члены не могли доказать действительного родства, существующего между ними, за исключением ограниченного числа случаев через недавних общих предков. Само название было доказательством общего происхождения, и неоспоримым, за исключением того, что оно могло прерваться из-за усыновления чужаков по крови в предыдущей истории рода. Практическое отрицание Поллуксом и Нибуром всякого родства между его членами, которое превратило бы род в чисто фиктивное объединение, не имеет под собой никаких оснований. Значительная часть из этого числа могла доказать свое родство через происхождение от общих предков внутри рода, а что касается остальных, то родовое имя, которое они носили, было достаточным доказательством общего происхождения для практических целей. Греческий род обычно не представлял собой большой группы людей. Тридцать семей в роде, не считая жен глав семейств, давали бы, по общему правилу подсчета, в среднем сто двадцать человек в роде.

Как единица органической социальной системы, род, естественно, стал бы центром социальной жизни и активности. Она была организована как социальное объединение со своим архонтом или главой и казначеем; имела в некоторой степени общие земли, общее место захоронения и общие религиозные обряды. Помимо этого, существовали права, привилегии и обязанности, которыми род наделял и налагал их на всех своих членов. Именно в роде зародилась религиозная деятельность греков, которая распространилась на фратрии и достигла кульминации в периодических празднествах, общих для всех племен. Эта тема была превосходно рассмотрена месье Де Куланжем в его недавней работе “Древний город”.

Чтобы понять состояние греческого общества, предшествовавшее образованию государства, необходимо знать устройство и принципы греческого рода; ибо характер единицы определяет характер ее соединений в восходящем ряду и только он может предоставить средства для их объяснения.

ГЛАВА IX

Греческая фратрия, племя и нация

Фратрия, как мы видели, была второй стадией организации в греческой социальной системе. Она состояла из нескольких родов, объединенных общими для всех них предметами, особенно религиозными. Это имело естественную основу в родственных связях, поскольку роды во фратрии, вероятно, были подразделениями первоначального рода, знание об этом факте было сохранено традицией. “Все современные члены фратрии Гекатея, - замечает м-р Грот, - имели общего бога в качестве своего предка на шестнадцатой ступени”,¹⁸¹ чего нельзя было бы утверждать, если бы не предполагалось, что несколько родов, входящих во фратрию Гекатея, произошли путем сегментации от первоначального рода. Эта генеалогия, хотя и частично сказочная, была бы прослежена в соответствии с обычаями язычников. Дикеарх предположил, что практика определенных родов по снабжению друг друга женами привела к фратрийской организации для исполнения общих религиозных обрядов. Это правдоподобное объяснение, потому что такие браки смешали бы кровь родов. Напротив, роды, образовавшиеся с течением времени в результате разделения рода и последующих подразделений, дали бы всем общую родословную и сформировали бы естественную основу для их реинтеграции во фратрию. Как таковая фратрия была бы естественным развитием, и как таковая она может быть объяснена только как родовой институт. Объединенные таким образом роды были родами-братьями, а сама ассоциация была братством, как следует из этого термина.

Стефан Византийский сохранил фрагмент Дикеарха, в котором предлагается объяснение происхождения рода, фратрии и племени. В отношении того и другого оно недостаточно полное, чтобы дать определение; но оно ценно как признание трех стадий организации в древнегреческом обществе. Он использует род вместо рода, как это делал в ряде случаев Пиндар, а иногда и Гомер. Отрывок можно перевести так: “Патриархат - это одна из трех форм социального союза среди греков, согласно Дикеарху, которые мы называем соответственно патриархом, фратрией и племенем. Род возникает, когда отношения, изначально одиночные, переходят во вторую стадию [отношения родителей с детьми и детей

с родителями], и получает свое название от старейшего и главного члена рода, такого как Айкидас, Пелопидас”.

“Но это стало называться фатрией и phratría, когда некоторые люди отдавали своих дочерей замуж в другую страну. Ибо женщина, выданная замуж, больше не участвовала в священных обрядах своего отца, но была зачислена в родство своего мужа; так что вместо союза, ранее существовавшего на основе привязанности между сестрами и братьями, был установлен другой союз, основанный на общности религиозных обрядов, который они называли фратрией; и так что опять же, в то время как родство возникло способом, о котором мы упоминали ранее, из кровного родства между родителями и детьми, а также детьми и родителями, фратрия возникла из родства между братьями”.

“Но племя и соплеменники были названы так из-за объединения в сообщества и так называемые нации, ибо каждое из объединяющихся тел называлось племенем”.¹⁸²

Следует заметить, что брак вне рода признается здесь обычаем и что жена была зачислена в род, а не во фратрию своего мужа. Дикеарх, который был учеником Аристотеля, жил в то время, когда род существовал главным образом как совокупность индивидов, его полномочия были переданы новым политическим органам. Он выводил происхождение рода из первобытных времен; но его утверждение, что фратрия возникла из брачных обычаев родов, хотя и несомненно верно в отношении практики, является всего лишь мнением относительно происхождения организации. Смешанные браки с общими религиозными обрядами скрепили бы фратрийский союз; но более удовлетворительную основу фратрии можно найти в общей родословной родов, из которых она состояла. Следует помнить, что история родов уходит корнями через три подпериода варварства в предыдущий период дикости, предшествующий существованию даже арийских и семитских семей. Было показано, что фратрия возникла у американских аборигенов на более Низком уровне варварства, в то время как греки были знакомы со своей прежней историей лишь в том объеме, который относился к Высшему уровню варварства.

Г-н Грот не пытается определить функции фратрии, за исключением общих моментов. Они, несомненно, носили главным образом религиозный характер; но они, вероятно, проявлялись, как у ирокезов, при погребении мертвых, на публичных играх, на религиозных празднествах, на советах и на народных агорах, где вожди и народ объединялись скорее по фратриям, чем по родам. Это также естественно проявилось бы в расстановке вооруженных сил, памятный пример которой приводится Гомером в обращении Нестора к Агамемнону.¹⁸³ “Раздели войска по племенам и фратриям, Агамемнон, чтобы фратрия могла поддерживать фратрию, а племена - племена. Если ты будешь действовать таким образом, и греки повинуются, ты тогда убедишься, кто из командиров и кто из солдат труслив, а кто из них может быть храбрым, потому что они будут сражаться изо всех сил”. Численность представителей одного и того же рода в вооруженных силах была бы слишком мала, чтобы служить основой для организации армии; но более крупных скоплений фратрий и племен было бы достаточно. Из совета Нестора можно сделать два вывода: во-первых, что организация армий по фратриям и племенам тогда перестала быть обычным явлением; и, во-вторых, что в древние времена это был обычный план организации армии, знание о котором тогда еще не исчезло. Мы видели, что тлашкаланцы и ацтеки, находившиеся на Средней ступени варварства, организовывали и посылали своих военных с помощью фратрий, что в их условиях, вероятно, было единственным методом, с помощью которого могла быть организована военная сила. Древние германские племена организовывали свои армии для сражений по сходному принципу.¹⁸⁴ Интересно отметить, насколько тесно племена человечества были связаны с теорией своей социальной системы.

Обязанность кровной мести, которая позже превратилась в обязанность судебного преследования убийцы перед законными трибуналами, лежала главным образом на роде убитого; но она также была разделена фратрией и стала фратрийским обязательством.¹⁸⁵ В “Эвменидах” Эсхила Эринниды, рассказав об убийстве его матери Орестом, задают вопрос: “Какая очищающая вода из его фраторов будет ждать его?”¹⁸⁶ что, по-видимому, подразумевает, что, если преступник избежал наказания, окончательное очищение производила его фратрия, а не его род. Более того, распространение обязательства с рода на фратрию подразумевает общее происхождение всех родов, входящих во фратрию.

Поскольку фратрия занимала промежуточное положение между родом и племенем и не была наделена правительственными функциями, она была менее фундаментальной и менее важной, чем любая из других; но это была обычная, естественная и, возможно, необходимая стадия реинтеграции между ними двумя. Если бы можно было восстановить глубокие знания о социальной жизни греков в тот ранний период, то эти явления, вероятно, были бы сосредоточены во фратрической организации гораздо более явно, чем позволяют предположить наши скудные записи. Вероятно, она обладала большей властью и влиянием, чем ей обычно приписывают как организации. У афинян оно пережило свержение родов как основы системы и сохранило при новой политической системе некоторый контроль над регистрацией граждан, регистрацией браков и судебным преследованием убийцы фратора.

Принято говорить о четырех афинских племенах, разделенных каждое на три фратрии, и о каждой фратрии, разделенной на тридцать родов; но это просто для удобства описания. Народ, находящийся под властью родовых институтов, не делит себя на симметричные подразделения. Естественный процесс их формирования был прямо противоположен этому методу; роды распались на фратрии и, в конечном счете, на племена, которые объединились в общество или народ. Каждый из них был результатом естественного роста. То, что число родов в каждой афинской фратрии составляло тридцать, является замечательным фактом, не поддающимся объяснению естественными причинами. Достаточно мощный мотив, такой как желание симметричной организации фратрий и племен, мог привести к разделению родов по соглашению до тех пор, пока их число не будет увеличено до тридцати в каждой из этих фратрий; а когда численность в племени была избыточной, путем объединения родственных родов до тех пор, пока их число не сократится до тридцати. Более вероятным способом было бы принятие чужеродных родов во фратрии, нуждающиеся в увеличении численности. Имея определенное количество триб, фратрий и родов в результате естественного роста, можно было бы, таким образом, обеспечить сведение двух последних к единообразию в четырех племенах. Если применить эту числовую шкалу из тридцати родов к фратрии и трех фратрий к племени, то пропорция легко могла сохраняться веками, за исключением, возможно, количества родов в каждой фратрии.

Религиозная жизнь греческих племен имела свой центр и источник в родах и фратриях. Следует предположить, что в этих организациях и через них была доведена до совершенства та чудесная политеистическая система с ее иерархией богов, ее символами и формами поклонения, которые так сильно впечатлили умы классического мира. В немалой степени эта мифология вдохновила на великие достижения легендарных и исторических периодов и породила тот энтузиазм, который породил храмы и декоративную архитектуру, которыми современный мир так восхищается. Некоторые религиозные обряды, зародившиеся в этих социальных группах, были национализированы из-за высшей святости, которой они, как предполагалось, обладали; таким образом, показывая, до какой степени роды и фратрии были рассадниками религии. События этого экстраординарного периода, самого богатого событиями во многих отношениях в истории арийской семьи, в основном утеряны для

истории. Легендарные генеалогии и повествования, мифы и фрагменты поэзии, завершающиеся поэмами Гомера и Гесиода, составляют его литературные остатки. Но их институты, искусства, изобретения, мифологическая система, одним словом, суть цивилизации, которую они создали и принесли с собой, были наследием, которое они внесли в новое общество, которое им было суждено основать. История того периода все же может быть реконструирована на основе этих различных источников знаний, воспроизводящих основные черты родового общества в том виде, в каком они появились незадолго до возникновения института политического общества.

Как у рода был свой архонт, исполнявший обязанности жреца при выполнении религиозных обрядов рода, так и у каждой фратрии был свой фратриарх, председательствовавший на ее собраниях и руководивший церемониализацией ее религиозных обрядов. “Фратрия, ” замечает г-н Де Куланж, “ имела свои собрания и свои трибуналы и могла издавать декреты. В ней, так же как и в семье, были бог, священство, юридический трибунал и правительство”.¹⁸⁷ Религиозные обряды фратрий были расширением тех родов, из которых она состояла. Именно в этих направлениях следует обратить внимание, чтобы понять религиозную жизнь греков.

Следующим по восходящей шкале организации было племя, состоявшее из ряда фратрий, каждая из которых состояла из родов. Люди в каждой фратрии были одного общего происхождения и говорили на одном диалекте. У афинян, как уже говорилось, каждое племя состояло из трех фратрий, которые придавали каждой из них сходную организацию. Это племя соответствует латинскому племени, а также племенам американских аборигенов, причем для проведения полной аналогии с последним необходим отдельный диалект для каждого племени. Концентрация таких греческих племен, которые объединились в народ, на небольшой территории имела тенденцию подавлять диалектические вариации, которые последующая письменность и литература стремились еще больше ограничить. Однако каждое племя, исходя из прежних привычек, было более или менее локализовано на определенной территории в соответствии с требованиями социальной системы, основанной на личных отношениях. Представляется вероятным, что у каждого племени был свой совет вождей, верховный во всех вопросах, касающихся исключительно племени. Но поскольку функциям и полномочиям общего совета вождей, который управлял общими делами объединенных племен, было позволено кануть в безвестность, нельзя было ожидать, что функции и полномочия низшего и подчиненного совета будут сохранены. Если бы такой совет существовал, что, несомненно, было фактом из-за его необходимости при их социальной системе, он состоял бы из глав родов.

Когда несколько фратрий племени объединялись для совершения своих религиозных обрядов, это объяснялось их более высоким органическим строением как племени. Таким образом, они находились под председательством, как мы находим, некоего фило-базилевса, который был главным вождем племени. Действовал ли он в качестве их командира на военной службе, я не могу сказать. Он обладал жреческими функциями, всегда присущими должности базилевса, и осуществлял уголовную юрисдикцию в случаях убийства; судить ли убийцу или преследовать его по суду, я не могу сказать. Жреческие и судебные функции, связанные с должностью базилевса, как правило, объясняют достоинство, которое он приобрел в легендарные и героические периоды. Но отсутствие гражданских функций в строгом смысле этого слова, о наличии которых у нас нет удовлетворительных доказательств, является достаточным для того, чтобы сделать термин “царь”, столь постоянно употребляемый в истории как эквивалент базилевса, неправильным. Среди афинян у нас есть племя базилевсов, где этот термин используется самими греками столь же

законно, как и применительно к главнокомандующему четырьмя объединенными племенами. Когда каждый описывается как король, это означает единоличность четырех племен, каждое из которых подчиняется королю отдельно, и четырех племен вместе под властью другого короля. Здесь больше фиктивной королевской власти, чем того требует случай. Более того, когда мы знаем, что институты афинян в то время были по существу демократическими, это становится карикатурой на греческое общество. Это показывает уместность возвращения к простому и оригинальному языку, использования термина *basileus* там, где его использовали греки, и отказа от слова *king* как ложного эквивалента. Монархия несовместима с родовитостью по той причине, что родовые институты по своей сути демократичны. Каждый род, фратрия и племя были полностью организованным самоуправляющимся органом; и там, где несколько племен объединялись в нацию, результирующее правительство формировалось в гармонии с принципами, движущими его составными частями.

Четвертой и конечной стадией организации была нация, объединенная в нееврейское общество. Там, где несколько племен, как у афинян и спартанцев, объединялись в один народ, это расширяло общество, но совокупность была просто более сложным дубликатом племени. Племена занимали в нации то же место, которое фратрии занимали в племени, а роды - во фратрии. Не существовало названия для организма,¹⁸⁸ который был просто обществом (*societas*), но на его месте возникло название для народа или нации. В описании Гомером сил, собранных против Трои, этим народам даны конкретные названия там, где они существовали, как афиняне, этолийцы, локрийцы; но в других случаях они описываются по названию города или страны, из которой они пришли. Таким образом, достигнут окончательный факт, что греки до времен Ликурга и Солона имели всего лишь четыре стадии социальной организации (род, фратрия, племя и нация), которые были почти универсальными в древнем обществе и которые, как было показано, существовали частично в состоянии дикости и полностью в Низшем, среднем и Высшем статусе варварства и все еще существовали после начала цивилизации. Этот органический ряд выражает степень распространения идеи правления среди человечества вплоть до института политического общества. Такова была социальная система Греции. Это дало общество, состоящее из ряда совокупностей лиц, с которыми правительство имело дело через их личные отношения к роду, фратрии или племени. Это было также родовое общество в отличие от политического общества, от которого оно фундаментально отличалось и которое легко отличить.

Афинская нация героической эпохи представляет в своем правительстве три различных и в некотором смысле согласованных ведомств или власти, а именно: во-первых, совет вождей, во-вторых, агору, или собрание народа; и в-третьих, басилевса, или главного военачальника. Хотя муниципальные и подчиненные им военные управления были созданы в большом количестве, исходя из возрастающей необходимости их существования, основные полномочия правительства осуществлялись тремя названными органами. Я не в состоянии адекватно обсудить функции и полномочия совета, агоры или басилевса, но ограничусь несколькими предложениями по вопросам, достаточно серьезным, чтобы заслуживать повторного изучения со стороны убежденных эллинистов.

1. Совет вождей.

Должность басилевса в греческих племенах привлекла гораздо больше внимания, чем совет или агора. Как следствие, она была неоправданно преувеличена, в то время как совет и агора были либо принижены, либо проигнорированы. Однако мы знаем, что совет вождей был постоянным явлением в каждом греческом народе с самого раннего периода, на который распространяются наши знания, вплоть до института политического общества. Его

постоянство как характеристики их социальной системы является убедительным доказательством того, что его функции были существенными и что его полномочия, по крайней мере предположительно, были окончательными и верховными. Это предположение вытекает из того, что известно об архаичном характере и функциях совета вождей при родовых институтах, а также из его призвания. Как он был сформирован в героическую эпоху и при каких сроках полномочий занималась должность вождя, мы четко не знаем; но можно сделать разумный вывод, что совет состоял из вождей родов. Поскольку число членов совета обычно было меньше числа родов, должно быть, каким-то образом производился отбор из числа вождей. Каким образом был произведен отбор, нам не сообщается. Назначение совета как законодательного органа, представляющего основные роды, и его естественный рост при родовой организации сделали его верховным в первую очередь и делают вероятным, что он оставался таковым до конца своего существования. Возрастающее значение должности басилевса и новые должности, созданные в их военных и муниципальных делах с увеличением их численности и богатства, несколько изменили бы отношение совета к общественным делам и, возможно, уменьшили бы его значение; но он не мог быть свергнут без радикального изменения институтов. Таким образом, представляется вероятным, что каждое ведомство правительства, от высшего до низшего, оставалось подотчетным совету за свои официальные действия. Совет был основополагающим в их социальной системе;¹⁸⁹ а греки того периода были свободными самоуправляющимися народами с институтами, по существу демократическими. Единственную иллюстрацию существования совета можно привести у Эсхила, просто чтобы показать, что в греческой концепции он всегда присутствовал и был готов действовать. В "Семерых против Фив" Этеокл представлен командующим городом, а его брат Полиник - одним из семи вождей, захвативших это место. Атака была отбита, но братья пали в личной схватке у одних из ворот. После этого события глашатай говорит: "Мне необходимо объявить указ и благоволение советников народа этого города Кадма. Решено",¹⁹⁰ и т.д. Совет, который в любой момент может издать декрет, которому народ должен подчиняться, обладает высшими полномочиями правительства. Эсхил, хотя и имеет дело в данном случае с событиями легендарного периода, признает совет вождей необходимой частью системы правления каждого греческого народа. Буле древнегреческого общества было прототипом и образцом сената в последующей политической системе государства.

II. Агора.

Хотя народное собрание было создано в легендарный период с признанным правом принимать или отклонять общественные меры, представленные советом, оно не такое древнее, как совет. Последнее возникло при учреждении родов; но сомнительно, существовала ли agora с названными функциями за пределами Высшего статуса варварства. Было показано, что у ирокезов, занимавших более низкое положение, люди представляли свои пожелания совету вождей через ораторов, которых они сами выбирали, и что народное влияние ощущалось в делах конфедерации; но народное собрание, наделенное правом принимать или отклонять государственные меры, свидетельствовало бы о некотором прогрессе в интеллекте и знаниях, превосходящем ирокезов. Когда agora впервые появляется в том виде, в каком она представлена у Гомера и в греческих трагедиях, у нее были те же характеристики, которые она впоследствии сохранила в *ecclesia* афинян и в *comitia curiata* римлян. Прерогативой совета вождей было разрабатывать общественные меры, а затем представлять их народному собранию для принятия или отклонения, и их решение было окончательным. Функции агоры ограничивались этим единственным актом. Она не могла ни принимать мер, ни вмешиваться в управление делами; но, тем не менее, это была значительная власть, в высшей степени приспособленная для защиты их свобод.

Несомненно, в героическую эпоху и в далекий легендарный период агора была постоянным явлением среди греческих племен, а в связи с собором является убедительным доказательством демократического устройства родового общества на протяжении этих периодов. Общественное мнение, как у нас есть основания предполагать, было создано среди людей по всем важным вопросам посредством использования их интеллекта, с которым совет вождей считал желательным и необходимым консультироваться как для общественного блага, так и для поддержания их собственного авторитета. Выслушав обсуждаемый представленный вопрос, народное собрание, которое было свободно для всех, кто желал высказаться,¹⁹¹ в древние времена принимало свое решение обычно поднятием рук.¹⁹² Благодаря участию в общественных делах, которые затрагивали интересы всех, люди постоянно обучались искусству самоуправления, и часть из них, как афиняне, готовились к полной демократии, впоследствии установленной конституциями Клисфена. Собрание народа для обсуждения общественных вопросов, нередко высмеиваемое как толпа писателями, неспособными понять или оценить принцип демократии, было зародышем афинской экклесии и нижней палаты современных законодательных органов.

III. Басилевс.

Этот офицер стал заметным персонажем в греческом обществе героической эпохи и был столь же заметен в легендарный период. Историки поместили его в центр системы. Название должности использовалось лучшими греческими писателями для характеристики правительства, которое называлось басилея. Современные авторы, почти без исключения, переводят *basileus* термином "царь", а *basileia* - термином "королевство" без оговорок, и в качестве точных эквивалентов я хочу привлечь внимание к этой должности *basileus*, как она существовала у греческих племен, и подвергнуть сомнению правильность этой интерпретации. Нет никакого сходства между басилеями древних афинян и современным королевством или монархией; конечно, этого недостаточно, чтобы оправдать использование одного и того же термина для описания обоих. Наше представление о королевском правительстве, по сути, относится к типу, при котором король, окруженный привилегированным и титулованным классом, владеющим землями, правит по своей собственной воле и удовольствию посредством эдиктов и указов; претендуя на наследственное право правления, потому что он не может ссылаться на согласие управляемых. Такие правительства были созданы самими собой на основе принципа наследственного права, к которому духовенство стремилось присвоить божественное право. Примером могут служить короли Англии Тюдоры и Франции короли Бурбоны. Конституционная монархия - это современное развитие, существенно отличающееся от басилеи греков. Басилея не была ни абсолютной, ни конституционной монархией; она также не была тиранией или деспотизмом. Тогда возникает вопрос, что же это было.

М—р Гроте утверждает, что "первобытное греческое правление по сути своей было монархическим, основанным на личных чувствах и божественном праве";¹⁹³ и в подтверждение этой точки зрения он замечает далее, что "достопамятное изречение из "Илиады" подтверждается всем, что мы слышим на практике: "правление многих — это нехорошо; пусть у нас будет только один правитель - один царь - тот, кому Зевс вручил скипетр с санкциями опекуна". ""¹⁹⁴ Это мнение не свойственно м-ру Гроту, чье имя является священным. всем приятно признавать свое превосходство как историка; но это неуклонно и в целом подтверждалось историческими авторами на греческие темы, пока не стало приниматься как историческая истина. Наши взгляды на греческие и римские вопросы сформировались у писателей, привыкших к монархическому правлению и привилегированным классам, которые, возможно, были рады обратиться к самым ранним

известным правительствам греческих племен за одобрением этой формы правления, одновременно естественной, существенной и примитивной.

Истинное утверждение, как оно кажется американцу, прямо противоположно утверждению г-на Грота; а именно, что первобытное греческое правительство было по существу демократическим, основывалось на родах, фратриях и племенах, организованных как органы самоуправления, и на принципах свободы, равенства и братства. Это подтверждается всем, что мы знаем о нееврейской организации, которая, как было показано, покоится на принципах, по существу демократических. Таким образом, возникает вопрос, действительно ли должность басилевса переходила от отца к сыну по наследственному праву; что, если это так, свидетельствовало бы о подрыве этих принципов. Мы видели, что на более низком уровне варварства должность вождя передавалась по наследству в роде, под чем подразумевается, что вакансия заполнялась членами рода так часто, как это происходило. Там, где происхождение шло по женской линии, как у ирокезов, преемником умершего вождя обычно избирался родной брат, а там, где происхождение шло по мужской линии, как у оджибва и омахаса, старший сын. При отсутствии возражений против личности такое становилось правилом; но сохранялся выборный принцип, который был сутью самоуправления. На основании удовлетворительных доказательств нельзя утверждать, что старший сын басилевса занял этот пост после кончины своего отца по абсолютному наследственному праву. Это существенный факт, и для его установления требуются убедительные доказательства. Тот факт, что старший или один из сыновей обычно наследовал престол, что признается, не устанавливает рассматриваемого факта; потому что по обычаю он был в вероятной линии наследования путем свободных выборов от избирательного округа. Презумпция, на первый взгляд греческих институтов, направлена против наследования должности басилевса по наследственному праву; и в пользу либо свободных выборов, либо подтверждения должности народом через признанные им организации, как в случае с римским королем.¹⁹⁵ Если должность басилевса будет передана последним названным способом, правительство останется в руках народа. Потому что без избрания или подтверждения он не мог вступить в должность; и потому что, кроме того, право избирать или подтверждать подразумевает зарезервированное право на смещение.

Иллюстрация мистера Грота, взятая из "Илиады", не имеет никакого значения для поставленного вопроса. Улисс, из обращения которого взята цитата, говорил о командовании армией перед осажденным городом. Он вполне мог бы сказать: "Все греки ни в коем случае не могут править здесь. Правило многих - это не очень хорошая вещь. Пусть у нас будет один койранос, один басилевс, которому Зевс дал скипетр и божественные санкции, чтобы он мог командовать нами". Койранос и басилевс используются как эквиваленты, потому что оба одинаково обозначали полководца. У Улисса не было повода обсуждать или одобрять какой-либо план правления, но у него было достаточно причин выступать за подчинение единственному командующему армией перед осажденным городом.

Базилейю можно определить как военную демократию, где народ свободен, а дух правления, что очень важно, демократичен. Басилевс был их генералом, занимавшим самый высокий, влиятельный и важный пост, известный в их социальной системе. За неимением лучшего термина для описания правительства, греческие писатели взяли на вооружение термин "басилея", потому что он нес в себе идею полководчества, которая затем стала заметной чертой правления. Поскольку совет и агора существуют при басилевсе, если требуется более специальное определение этой формы правления, военная демократия выражает это, по крайней мере, с разумной корректностью; в то время как использование

термина "королевство" в том значении, которое он обязательно передает, было бы неправильным.

В героическую эпоху греческие племена жили в городах, обнесенных стенами, и становились многочисленными и богатыми благодаря полевому земледелию, обрабатывающей промышленности и разведению крупного рогатого скота. Требовались новые офисы, а также определенная степень разделения их функций; и новая муниципальная система быстро развивалась вместе с их растущим интеллектом и потребностями. Это был также период непрерывающейся военной борьбы за обладание наиболее желанными территориями. Наряду с увеличением собственности аристократический элемент в обществе, несомненно, возрастал и был главной причиной тех беспорядков, которые царили в афинском обществе со времен Тесея до времен Солона и Клизфена. В течение этого периода и до окончательного упразднения должности незадолго до первой Олимпиады (776 г. до н.э.) *басилевс*, исходя из характера его должности и состояния того времени, стал более заметным и могущественным, чем любой отдельный человек в их предыдущем опыте. Функции священника и судьи были связаны с его должностью или неотъемлемы от нее; и он, по-видимому, по должности был членом совета вождей. Это была важная и необходимая должность с полномочиями генерала над армией на поле боя и над гарнизоном в городе, что давало ему возможность приобрести влияние и в гражданских делах. Но не похоже, чтобы он выполнял гражданские функции. Проф. Мейсон отмечает, что "наша информация о греческих царях в более позднюю историческую эпоху недостаточна для того, чтобы мы могли составить подробную схему их функций".¹⁹⁶ Военные и жреческие функции *басилевса* изучены достаточно хорошо, судебные - несовершенно, а о гражданских функциях нельзя сказать, что они действительно существовали. Полномочия такой должности при родовых институтах постепенно определялись бы использованием опыта, но при постоянной тенденции *басилевса* присваивать себе новые, опасные для общества полномочия. Поскольку совет вождей оставался составной частью правительства, можно сказать, что он представлял демократические принципы их социальной системы, а также роды, в то время как *басилевс* вскоре стал представлять аристократический принцип. Вполне вероятно, что между советом и *басилевсом* велась постоянная борьба за то, чтобы удержать последнего в пределах полномочий, которые народ был готов уступить этой должности. Более того, отмена должности афинянами делает вероятным, что они сочли ее неуправляемой и несовместимой с родовыми институтами из-за тенденции к узурпации дополнительных полномочий.

Среди спартанских племен *эфорат* был учрежден в очень ранний период, чтобы ограничить полномочия *басилевса* вследствие аналогичного опыта. Хотя функции совета в гомеровский и легендарный периоды точно неизвестны, его постоянное присутствие является достаточным доказательством того, что его полномочия были реальными, существенными и постоянными. Одновременное существование *агоры* и отсутствие доказательств смены институтов приводят нас к выводу, что совет, согласно установленным обычаям, был верховным над родами, фратриями, племенами и нациями, и что *басилевс* подчинялся этому совету в своих официальных действиях. Свобода родов, представителями которых были члены совета, предполагает независимость совета, а также его верховенство.

Фукидид, между прочим, ссылается на правительства традиционного периода следующим образом: "Теперь, когда греки становились все более могущественными и приобретали собственности еще больше, чем раньше, в городах было установлено много тираний, поскольку их доходы увеличивались; тогда как раньше существовали наследственные *басилеи* с определенными полномочиями".¹⁹⁷ Должность была наследственной в смысле бессрочной, потому что она заполнялась так часто, как появлялась вакансия, но, вероятно,

передавалась по наследству в роде, выбор осуществлялся путем свободного избрания его геннетами или, возможно, путем выдвижения кандидатуры советом., и подтверждение со стороны родов, как в случае с римским королем.

Аристотель дал наиболее удовлетворительное определение базили и базилиевса героического периода из всех греческих писателей. Итак, он отмечает четыре вида базилией: первая - это базилейность героических времен, которая представляла собой правление свободного народа с ограниченными правами в некоторых частностях; ибо базилей был их генералом, их судьей и их верховным жрецом. Вторая - у варваров, которая представляет собой наследственное деспотическое правление, регулируемое законами; третья - это то, что они называют эзимнетической, то есть выборной тиранией. Четвертая - лакедемонянская, которая представляет собой не что иное, как наследственное полководчество.¹⁹⁸ Что бы ни говорили о последних трех формах, первая не соответствует идее царства абсолютного типа или какой-либо узнаваемой форме монархии. Аристотель с поразительной ясностью перечисляет основные функции базилиевса, ни одна из которых не подразумевает гражданских полномочий, и все они согласуются с пожизненной должностью, занимаемой на выборной основе. Они также согласуются со всей его подчиненностью совету вождей. “Ограниченные права” и “определенные полномочия” в определениях этих авторов, как правило, показывают, что правительство сформировалось в этой форме в гармонии с родовыми институтами, а также при них. Существенным элементом в определении Аристотеля является свобода народа, которая в древнем обществе подразумевала, что народ держал правительственные полномочия под своим контролем, что должность базилиевса была передана добровольно и что ее можно было отозвать при наличии достаточной причины. Такое правление, подобное описанному Аристотелем, можно понимать как военную демократию, которая как форма правления при свободных институтах естественным образом выросла из родовой организации, когда доминировал военный дух, когда появились богатство и численность, с привычной жизнью в укрепленных городах и до того, как опыт подготовил путь для чистой демократии.

При родовых институтах, когда народ состоял из родов, фратрий и племен, каждое из которых было организовано как независимые органы самоуправления, народ обязательно был бы свободен. Правление короля по наследственному праву и без прямой подотчетности в таком обществе было просто невозможно. Невозможность проистекает из того факта, что родовые институты несовместимы с королем или с королевским правительством. Потребовалось бы, чего, я думаю, невозможно представить, положительное доказательство абсолютного наследственного права на должность базилиевса с наличием гражданских функций, чтобы преодолеть презумпцию, вытекающую из структуры и принципов древнегреческого общества. Англичанин при его конституционной монархии так же свободен, как американец при республике, и его права и вольности так же хорошо защищены; но он обязан этой свободой и защитой своду писаных законов, созданных законодательным путем и приводимых в исполнение судами. В древнегреческом обществе обычаи заменяли писанные законы, и свобода и защита человека зависели от институтов его социальной системы. Его защита была в первую очередь в таких институтах, как предполагает выборное пребывание в должности.

Римские регенты подобным же образом были военачальниками, к их должности прилагались жреческие функции; и это так называемое царское правление относится к той же категории военной демократии. Рекс, как уже говорилось, был назначен сенатом и утвержден куриальной комиссией; и последний из этого числа был смещен. После его низложения

должность была упразднена, как несовместимая с тем, что осталось от демократических принципов после создания римского политического общества.

Ближайшими аналогами царств у греческих племен были тирании, которые возникали то тут, то там в ранний период в разных частях Греции. Это были правительства, навязанные силой, и власть, на которую претендовали, была не большей, чем у феодальных королей средневековья. Для завершения аналогии была необходима передача должности от отца к сыну через несколько поколений, чтобы дополнить наследственное право. Но такие правительства были настолько несовместимы с греческими идеями и настолько чужды их демократическим институтам, что ни одно из них не получило постоянной опоры в Греции. М-р Грот замечает, что “если бы какой-нибудь энергичный человек мог дерзостью или хитростью разрушить конституцию и сделать себя постоянным правителем по своей собственной воле и удовольствию — даже если бы он мог править хорошо — он никогда не смог бы внушить людям какое-либо чувство долга по отношению к нему. Его скипетр был незаконным с самого начала, и даже лишение его жизни отнюдь не воспрещалось тем моральным чувством, которое осуждало пролитие крови в других случаях, а считалось достойным уважения”.¹⁹⁹ Враждебность греков вызывал не столько незаконный скипетр, сколько антагонизм демократических идей с монархическими, первые из которых были унаследованы от родов.

Когда афиняне установили новую политическую систему, основанную на территории и собственности, правительство было чистой демократией. Это была не новая теория и не особое изобретение афинского ума, а старая и знакомая система, столь же древняя, как и сами роды. Демократические идеи существовали в знаниях и практике их предков с незапамятных времен, а теперь нашли выражение в более продуманном и во многих отношениях усовершенствованном правительстве. Ложный элемент, элемент аристократии, который проник в систему и вызвал большую часть раздоров в переходный период, связал себя с должностью басилевса и остался после того, как эта должность была упразднена; но новая система завершила свое свержение. Более успешно, чем остальные греческие племена, афиняне смогли довести свои идеи правления до логического завершения. Это одна из причин, почему они стали, по своей численности, самой выдающейся, самой интеллектуальной и наиболее совершенной расой людей, которую когда-либо производила вся человеческая семья. В чисто интеллектуальных достижениях они по-прежнему вызывают удивление человечества. Это было потому, что идеи, которые проросли в течение предыдущего этнического периода и которые вплелись в каждую клеточку их мозга, нашли счастливое воплощение в демократически устроенном государстве. Под его животворящими импульсами происходило их наивысшее умственное развитие.

План правления, предложенный Клисфеном, отвергал должность главного исполнительного магистрата, в то время как он сохранял совет вождей в выборном сенате и агору в народном собрании. Очевидно, что совет, агора и басилевс родов были зародышами сената, народного собрания и главного исполнительного органа (короля, императора и президента) современного политического общества. Последняя должность возникла из военных потребностей организованного общества, и ее развитие по мере поступательного прогресса человечества поучительно. Это можно проследить от обычного военачальника, во-первых, до Солдата Великой войны, как в Конфедерации ирокезов; во-вторых, до того же военачальника в конфедерации племен более развитых, с функциями жреца, связанными с должностью, как у тевктли Конфедерации ацтеков; в-третьих, до того же военачальника в нации, образованной объединением племен, с функциями жреца и судьи, связанными с должностью, как у басилевса греков; и, наконец, до главного магистрата в современном

политическом обществе. Выборный архонт афинян, сменивший басилевса, и президент современных республик, занимавший этот пост по выбору, были естественным результатом джентилизма. Мы в долгу перед опытом варваров за создание и развитие трех основных инструментов управления, которые в настоящее время столь широко включены в план управления цивилизованными государствами. Человеческий разум, в частности, одинаковый у всех индивидуумов во всех племенах и нациях человечества и ограниченный в диапазоне своих возможностей, работает и должен работать в одних и тех же единообразных каналах и в узких пределах вариативности. Его результаты в разрозненных областях пространства и в широко разделенных эпохах времени складываются в логически связанную цепочку общих переживаний. В общей совокупности все еще можно распознать несколько первичных зародышей мысли, работающих над удовлетворением первичных человеческих потребностей, которые в результате естественного процесса развития привели к таким огромным результатам.

ГЛАВА X

Институт Греческого политического общества

Несколько греческих общин прошли через по существу аналогичный опыт перехода из нееврейского общества в политическое; но способ перехода лучше всего можно проиллюстрировать на примере афинской истории, потому что факты, касающиеся афинян, сохранились более полно. Краткий обзор существенных событий будет отвечать поставленной цели, поскольку не предлагается следить за развитием идеи правления дальше инаугурации новой политической системы.

Очевидно, что неспособность родовых институтов удовлетворить ныне сложные потребности общества породила движение за лишение родов, фратрий и племен всех гражданских полномочий и перераспределение их в пользу новых избирательных округов. Это движение было постепенным, растянувшимся на длительный период времени, и было воплощено в серии последовательных экспериментов, с помощью которых искали средство от существующего зла. Приход новой системы был таким же постепенным, как и уход от старой, и какое-то время они существовали бок о бок. В характере и целях проведенных экспериментов мы можем обнаружить, в чем родовая организация не соответствовала требованиям общества, необходимость ниспровержения родов, фратрий и племен как источников власти, а также средства, с помощью которых это было достигнуто.

Оглядываясь назад на линию человеческого прогресса, можно заметить, что обнесенная частоколом деревня была обычным домом племени на более низком уровне варварства. В Среднем статусе появляются многоквартирные дома из саманного кирпича и камня, напоминающие крепости. Но в Высшем статусе города, окруженные кольцевыми набережными и, наконец, стенами из обработанного камня, появляются впервые в истории человечества. Это был большой шаг вперед, когда идея нашла выражение в действии по окружению территории, достаточной для проживания значительного населения, оборонительной стеной из обработанного камня, с башнями, парапетами и воротами, предназначенной для одинаковой защиты всех и защищаемой общей силой. Города такого уровня подразумевают существование стабильного и развитого полевого земледелия, владение домашними животными стадами, массовыми товарами и собственностью в виде домов и земель. Город принес с собой новые требования к искусству управления, создав

изменившееся состояние общества. Постепенно возникла необходимость в магистратах и судьях, военных и муниципальных чиновниках различных рангов, имеющих способ взимания и поддержки военных сборов, для которых потребовались бы государственные доходы. Муниципальная жизнь и нужды, должно быть, значительно увеличили обязанности совета вождей и, возможно, перенапрягли его способность управлять.

Было показано, что на Низшем уровне варварства правительство принадлежало одной власти, совету вождей; что на Среднем уровне оно принадлежало двум властям, совету вождей и военному командующему; и что на Высшем уровне оно принадлежало трем властям: совету вождей, народному собранию и военному командующему. Но после зарождения цивилизации дифференциация полномочий правительства пошла еще дальше. Военная власть, первоначально переданная басилевсу, теперь осуществлялась генералами и капитанами с большими ограничениями. В результате дальнейшей дифференциации судебная власть теперь появилась у афинян. Ее осуществляли архонты и дикасты. Судебные полномочия теперь передавались муниципальным магистратам. Шаг за шагом, с накоплением опыта и продвижением по службе, эти несколько полномочий были отобраны путем выделения из суммы полномочий первоначального совета вождей, поскольку можно было сказать, что они перешли от народа к этому совету как представительному органу.

Создание этих муниципальных учреждений было необходимым следствием растущего масштаба и сложности их дел. Под возросшим бременем нееврейские институты приходили в упадок. Существовали бесчисленные беспорядки, вызванные как конфликтом полномочий, так и злоупотреблением полномочиями, которые еще не были четко определены. Краткий и мастерский очерк Фукидида о положении греческих племен в переходный период,²⁰⁰ гг., и совпадающие свидетельства других авторов на тот же счет не оставляют сомнений в том, что старая система правления рушилась и что новая стала необходимой для дальнейшего прогресса. Более широкое распределение полномочий правительства, их более четкое определение и более строгая подотчетность должностных лиц были необходимы для благосостояния, а также безопасности общества; и, что более важно, замена обычаев писаными законами, принятыми компетентными властями. Именно благодаря экспериментальным знаниям, полученным в этот и предыдущий этнические периоды, в сознании греков постепенно формировалась идея политического общества или государства. Это был рост, растянувшийся на столетия, с момента первого появления необходимости изменения плана правления, до того, как был реализован весь результат.

Первая попытка афинян ниспровергнуть родовую организацию и установить новую систему приписывается Тесею и, следовательно, основывается на традиции; но до исторического периода сохранились определенные факты, которые подтверждают, по крайней мере, часть его предполагаемого законодательства. Будет достаточно рассматривать Тесея как представителя определенного периода или серии событий. Со времен Кекропса до Тесея, согласно Фукидиду, аттический народ всегда жил в городах, имея своих собственных пританеев и архонтов, и, когда не испытывал страха перед опасностью, не советовался со своим басилевсом, а управлял своими делами отдельно в соответствии со своими собственными советами. Но когда Тесей стал басилевсом, он убедил их разделить дома советов и магистратуры нескольких их городов и установить отношения с Афинами, с одним домом советов (булевтериос) и одним пританеем, к которым все считались принадлежащими.²⁰¹ Это утверждение воплощает или подразумевает ряд важных фактов; а именно, что население Аттики было организовано в независимые племена, каждое из которых имело свою собственную территорию, на которой проживал народ, со своим собственным домом советов и пританеем; и что, хотя они были самоуправляющимися

обществами, они, вероятно, были независимыми племенами. объединились для взаимной защиты и избрали своего басилевса или генерала командовать их общими силами. Это картина демократически организованных сообществ, нуждающихся в военном командире как необходимости своего состояния, но не наделенных гражданскими функциями, которые исключала их родовая система. При Тесее они объединились в единый народ с Афинами в качестве резиденции правительства, что дало им более высокую организацию, чем до того, как они смогли сформироваться. Объединение племен в нацию на одной территории происходит позже по времени, чем конфедерации, когда племена занимают независимые территории. Это более высокий органический процесс. В то время как роды всегда смешивались посредством брака, племена теперь смешались из-за стирания территориальных границ и использования общего зала совета и пританеума. Акт, приписываемый Тесею, объясняет продвижение их родового общества от низшей к высшей органической форме, которое, должно быть, произошло в какое-то время и, вероятно, было осуществлено указанным способом.

Но Тесею приписывается еще одно действие, демонстрирующее более радикальный план, а также понимание необходимости фундаментальных изменений в плане правления. Он разделил людей на три класса, независимо от родов, названных соответственно эвпатридами, или “высокородными”, геомори, или “Земледельцами”, и демиургами, или “ремесленниками”. Главные должности были возложены на первый класс как в гражданской администрации, так и в духовенстве. Эта классификация была не только признанием собственности и аристократического элемента в управлении обществом, но и прямым движением против господствующей власти родов. Это было очевидное намерение объединить глав родов с их семьями и богатых людей из нескольких родов в отдельный класс с правом занимать главные должности, которыми была облечена власть в обществе. Разделение остальных на два больших класса снова коснулось родов. Важные результаты могли бы последовать, если бы право голоса было отнято у родов, фратий и племен и передано классам при условии соблюдения права первых занимать главные должности. Похоже, что этого сделано не было, хотя это абсолютно необходимо для придания жизненных сил классам. Более того, это существенно не изменило прежний порядок вещей в отношении пребывания в должности. Те, кого теперь называют эвпатридами, вероятно, были представителями нескольких родов, которые ранее были призваны к власти. Этот план Тесея вымер, потому что в действительности не было передачи власти от родов, фратий и племен классам, и потому что такие классы были ниже родов как основы системы.

Столетия, прошедшие с неизвестных времен Тесея до законодательства Солона (594 г. до н.э.), сформировали один из важнейших периодов в афинском опыте; но последовательность событий известна недостаточно точно. Должность басилевса была упразднена перед первой Олимпиадой (776 год до н.э.), и на ее месте было учреждено архонтство. Последнее, по-видимому, передавалось по наследству в роде, и утверждается, что оно передавалось по наследству в определенной семье внутри рода, причем первые двенадцать архонтов назывались Медонтидами от Медона, первого архонта, утверждавшего, что он был сыном Кодруса, последнего базилевса. В случае с этими архонтами, которые занимали эту должность пожизненно, существует тот же вопрос, который в других местах поднимался в отношении басилевса; что для вступления в должность были необходимы выборы или утверждение избирательным округом. Эта презумпция противоречит передаче должности по наследственному праву. В 711 году до н.э. должность архонта была ограничена десятью годами и предоставлялась путем свободных выборов лицу, которое считалось наиболее достойным этой должности. Сейчас мы находимся в историческом периоде, хотя и близком к его порогу, когда мы встречаем четко и полностью установленный принцип

избрания на высшую должность от имени народа. Это именно то, чего можно было бы ожидать от устройства и принципов родов, хотя аристократический принцип, как мы должны предположить, набирал силу с увеличением собственности и был источником, через который наследственное право внедрялось везде, где его находили. Существование избирательного принципа по отношению к более поздним архонтам не лишено значения в его связи с вопросом о предшествующей практике афинян. В 683 году до н.э. должности стали ежегодно избираемыми, их число было увеличено до девяти, а в их обязанности были включены министерские и судебные.²⁰² Мы можем заметить в этих событиях свидетельство постепенного прогресса в знаниях относительно срока пребывания в должности. Афинские племена унаследовали от своих отдаленных предков должность архонта как главы рода. Как можно справедливо предположить, она была наследственной в роде и выборной среди его членов. После того как родословная была изменена на мужскую линию, сыновья умершего вождя находились в пределах линии наследования, и один из них мог быть выбран при отсутствии личных возражений. Но теперь они вернулись к этой первоначальной должности от имени своего высшего должностного лица, сделали ее выборной независимо от какого-либо рода и ограничили ее продолжительность сначала десятью годами, а затем одним. До этого срок пребывания в должности, к которому они привыкли, был пожизненным. На Низшем, а также на Среднем уровне варварства мы находим должность вождя, выборную и пожизненную; или при хорошем поведении, поскольку это ограничение вытекает из права рода смещать с должности. Разумно предположить, что должность вождя в греческом роде была занята путем свободных выборов и с тем же сроком пребывания. Тот факт, что афинские племена заменили самую важную должность сроком в несколько лет и допустили соревнование кандидатов, следует рассматривать как доказательство значительного прогресса в знаниях в этот ранний период. Таким образом, они разработали всю теорию выборной и представительной должности и положили ее в истинную основу.

Следует также отметить, что во времена Солона возник Суд Ареопага, состоящий из бывших архонтов, наделенный полномочиями судить преступников и осуществлять цензуру в отношении морали, а также ряд новых должностей в вооруженных силах, военно-морском флоте и административной службе. Но самым важным событием, произошедшим примерно в это время, было учреждение наукрариев, по двенадцать в каждом племени и всего сорок восемь: каждый из которых представлял собой местный круг домохозяев, с которых взимались поборы на военную и военно-морскую службу и с которых, вероятно, взимались налоги. Наукрария была зарождающимся деме или поселком, который, когда идея территориальной основы была полностью развита, должен был стать основой второго великого плана правления. Кем были учреждены наукратии, неизвестно. "Они, должно быть, существовали еще до времен Солона, - замечает Бек, - поскольку председатели наукрариев упоминаются до появления его законодательства; и когда Аристотель приписывает их учреждение Солону, мы можем отнести это сообщение только к их утверждению политической конституцией Солона".²⁰³ Двенадцать наукрариев образовывали триттис, более широкую территориальную границу, но они не обязательно были смежными. Точно так же это был зародыш округа, следующей территориальной совокупности после городка.

Несмотря на большие изменения, произошедшие в инструментах управления государством, люди все еще находились в нееврейском обществе и жили под властью нееврейских институтов. Род, фратрия и племя были в полном расцвете сил и являлись признанными источниками власти. До времен Солона ни один человек не мог стать членом этого общества иначе, как через связь с родом и племенем. Все остальные лица были вне поля зрения правительства. Совет вождей оставался старым и освященным временем инструментом правления; но полномочия правительства теперь координировались между ним самим,

агорой, или народным собранием, Судом ареопага и девятью архонтами. Прерогативой совета было разрабатывать и отрабатывать государственные меры для подчинения народу, что позволяло ему формировать политику правительства. Несомненно, в его ведении находилось общее управление финансами, и оно оставалось до конца, как и было с самого начала, центральным элементом правительства. Теперь народное собрание приобрело еще большее значение. Его функции по-прежнему ограничивались принятием или отклонением государственных мер, представляемых на его решение советом; но он начал оказывать мощное влияние на общественные дела. Возвышение этого собрания как органа государственной власти является самым верным свидетельством прогресса афинского народа в области знаний и интеллекта. К сожалению, функции и полномочия совета вождей и народного собрания в этот ранний период сохранились несовершенно и лишь частично разъяснены.

В 624 году до н.э. Драко издал свод законов для афинян, которые в основном отличались своей неоправданной строгостью; но этот кодекс демонстрировал, что в греческом опыте приближалось время, когда обычаи должны были быть заменены писаными законами. Афиняне еще не научились искусству принимать законы по мере появления в них необходимости, что требовало более высокого знания функций законодательных органов, чем они достигли. Они были на той стадии, когда появляются законодатели, а законодательство носит схематический или грубый характер, санкционированный личным именем. Так постепенно разворачиваются великие этапы человеческого прогресса.

Когда Солон вступил в должность архонта (594 г. до н.э.), зло, распространенное в обществе, достигло невыносимой степени. Борьба за обладание собственностью, ставшей теперь главенствующим интересом, привела к необычным результатам. Часть афинян попала в рабство из-за долгов — лицо должника подлежало обращению в рабство в случае неуплаты; другие заложили свои земли и были не в состоянии снять обременения; и как следствие этих и других затруднений общество пожирало само себя. В дополнение к своду законов, некоторые из которых были новыми, но устраняли основные финансовые трудности, Солон возобновил проект Тесея по разделению общества на классы, но не по призваниям, как раньше, а по размеру их собственности. Поучительно проследить за ходом этих экспериментов по вытеснению родов и замене их новой системой, потому что мы обнаружим, что римские племена во времена Сервия Туллия пытались провести тот же эксперимент с той же целью. Солон разделил людей на четыре класса в соответствии с мерой их богатства и, идя дальше Тесея, наделил эти классы определенными полномочиями и возложил на них определенные обязательства. Он передал часть гражданских полномочий родов, фратрий и племен имущественным классам. По мере того, как субстанция власти черпалась из первых и вкладывалась во вторые, роды ослабевали и начинался их упадок. Но поскольку классы, состоящие из людей, были заменены родами, состоящими из людей, правительство по-прежнему основывалось на личности и на отношениях чисто личных. Схема не достигла существа вопроса. Более того, при преобразовании совета вождей в сенат четырехсот, члены были выбраны в равном количестве от четырех племен, а не от классов. Но следует отметить, что идея собственности как основы системы управления была теперь включена Солоном в новый план имущественных классов. Однако ему не удалось достичь идеи политического общества, которое должно опираться как на территорию, так и на собственность и иметь дело с людьми через их территориальные отношения. Только первый класс имел право на высокие должности, второй проходил военную службу верхом, третий - в пехоте, а четвертый - в качестве легковооруженных солдат. Этот последний класс составлял численное большинство. Они были лишены права занимать должности и не платили налогов; но в народном собрании, членами которого они были, они обладали

правом голоса при избрании всех магистратов и должностных лиц, имея право привлекать их к ответственности. Они также имели право принимать или отклонять все государственные меры, представленные сенатом на их решение. Согласно конституции Солона, их полномочия были реальными и долговременными, а их влияние на общественные дела - постоянным и значительным. Все свободные люди, хотя и не связанные с родом и племенем, теперь были в определенной степени вовлечены в управление, став гражданами и членами народного собрания с названными полномочиями. Это было одним из важнейших результатов законодательства Солона.

Далее следует отметить, что теперь народ был организован как армия, состоящая из трех дивизий: кавалерии, тяжеловооруженной пехоты и легковооруженной пехоты, каждая со своими офицерами разного ранга. Форма заявления ограничивает список последними тремя классами, что ставит первый класс в непатриотичное положение, когда он присваивает себе главные государственные должности и не принимает участия в военной службе. Это, несомненно, требует модификации. Тот же план организации, но включающий пять классов, вновь появится у римлян при Сервии Туллии, которым основная масса народа была организована в виде армии (*exercitus*), полностью укомплектованной офицерами в каждом подразделении. Идея военной демократии, отличная по организации, но теоретически та же, что и в предыдущий период, вновь предстает в новом обличье как в солонской, так и в сербской конституции.

В дополнение к элементу собственности, который лег в основу новой системы, территориальный элемент был частично включен в ранее упомянутые законы, в которых, вероятно, происходила регистрация граждан и их имущества для формирования основы для военных сборов и налогообложения. Эти положения, вместе с сенатом, народным собранием, ныне называемым экклесией, девятью архонтами и Судом Ареопага, дали афинянам гораздо более продуманное правительство, чем они знали прежде, и требовали более высокого уровня интеллекта для его управления. Это также было по существу демократическим в гармонии с их предшествующими идеями и институтами; фактически это было логическим следствием их и объяснимо только как таковое. Но она не соответствовала чистой системе в трех отношениях: во-первых, она не была основана на территории; во-вторых, все достоинства государства не были открыты для каждого гражданина; и, в-третьих, принцип местного самоуправления в первичных организациях был неизвестен, за исключением того, что он, возможно, несовершенен существовал в наукаинах. Роды, фратрии и племена все еще сохраняли полную жизнеспособность, но с уменьшенными полномочиями. Это было переходное состояние, требующее дальнейшего опыта для разработки теории политической системы, к которой это было большим шагом вперед. Таким образом, медленно, но неуклонно человеческие институты эволюционируют от низших форм к высшим посредством логических операций человеческого разума, работающих в единообразных, но predetermined каналах.

Была одна веская причина для свержения родов и замены нового плана правления. Вероятно, это было признано Тесеем и, несомненно, Солоном. Из-за беспокойного состояния греческих племен и неизбежных перемещений людей в традиционный период и во времена до Солона многие люди переходили из одной нации в другую и, таким образом, теряли связь со своим собственным родом, не приобретая связи с другим. Это повторялось бы время от времени, через личные авантюры, дух торговли и остроту ведения войны, пока в каждом племени, не связанном ни с каким родом, не развилось бы значительное число людей со своим потомством. Все такие лица, как уже отмечалось, были бы лишены влияния правительства, с которым не могло быть никакой связи, кроме как через род и племя. Этот

факт отмечен г-ном Гроте. “Фратрии и роды, — замечает он, - вероятно, никогда и ни при каких обстоятельствах не включали в себя все население страны - и население, не входившее в них, имело тенденцию становиться все больше и больше во времена, предшествовавшие Клейсфену, а также впоследствии”.²⁰⁴ Уже во времена Ликурга в Грецию происходила значительная иммиграция с островов Средиземного моря и из ионических городов ее восточного побережья, что увеличивало число лиц, не связанных ни с каким родом. Когда они приходили семьями, они приносили с собой частицу нового рода; но они оставались чужаками, пока новый род не был принят в племя. Вероятно, это имело место в ряде случаев, и это может помочь объяснить необычное количество родов в Греции. Роды и фратрии были закрытыми корпорациями, обе из которых были бы искажены поглощением этих пришельцев путем усыновления в местный род. Выдающиеся личности могли быть приняты в какой-нибудь род или добиться принятия своего собственного рода в какое-нибудь племя; но беднейшему классу было бы отказано в любой привилегии. Не может быть никаких сомнений в том, что еще во времена Тесея, и особенно во времена Солона, численность непривязанного класса, за исключением рабов, стала большой. Не имея ни рода, ни фратрии, они также были лишены прямых религиозных привилегий, которые были присущи и исключительны этим организациям. Нетрудно заметить в этом классе людей растущий элемент недовольства, опасный для безопасности общества.

Планы Тесея и Солона предусматривали несовершенное принятие их в гражданство через классы; но поскольку оставались роды и фратрии, из которых они были исключены, средство правовой защиты было все еще неполным. Г-н Грот далее замечает, что “нелегко отчетливо определить, каково было политическое положение древних Родов и фратрий в том виде, в каком их оставил Солон. Четыре племена состояли в целом из родов и фратрий, настолько, что никто не мог быть включен ни в одно из племен, если бы также не был членом какого-либо рода и фратрии. Теперь новый пробулевтический сенат, или сенат предварительного рассмотрения, состоял из 400 членов, по 100 от каждого племена: лица, не включенные ни в один род и фратрию, следовательно, не могли иметь в него доступа. Согласно древнему обычаю, условия отбора были аналогичными для девяти архонтов — разумеется, также и для сената Ареопага. Таким образом, оставалось только общественное собрание, в котором мог принимать участие афинянин, не принадлежащий к этим племенам: и все же он был гражданином, поскольку мог отдать свой голос за архонтов и сенаторов и мог принимать участие в ежегодном принятии решения об их ответственности, помимо права требовать возмещения ущерба от архонтов лично - в то время как иностранец мог сделать это только через вмешательство признанного гражданина, или Простата. Таким образом, представляется, что все лица, не включенные в четыре племена, независимо от их ранга или состояния, находились на том же уровне политических привилегий, что и четвертый и беднейший класс солонийской переписи. Уже отмечалось, что даже до времен Солона число афинян, не включенных в роды или фратрии, вероятно, было значительным: оно имело тенденцию становиться все больше и больше, поскольку эти организации были тесными и малочисленными, в то время как политика нового законодателя имела тенденцию приглашать в Афины трудолюбивых поселенцев из других частей Греции”.²⁰⁵ Римские плебеи возникли по точно таким же причинам. Они не были членами какого-либо рода и, следовательно, не входили в *Populus Romanus*. В изложенных фактах мы можем найти одну из причин неспособности родовой организации соответствовать требованиям общества. Во времена Солона общество переросло свою способность управлять, его дела продвинулись так далеко, что вышли за рамки того состояния, в котором возникли роды. Они создавали слишком узкую основу для государства, до размеров которого дорос народ.

Также возрастали трудности с удержанием членов рода, фратрии и племени вместе на местном уровне. Как части государственного органического ряда, этот факт локализации был крайне необходим. В более ранний период род владел общими землями, фратрии владели определенными общими землями для религиозных целей, и племя, вероятно, владело другими общими землями. Когда они обосновывались в стране или городе, они селились локально совместно родами, фратриями и племенами, как следствие их социальной организации. Каждый род был в основном сам по себе — не все его члены, поскольку в каждой семье было представлено по два рода, а совокупность, которая размножала род. Эти роды, принадлежащие к одной и той же фратрии, естественно, искали смежные или, по крайней мере, близкие территории, и то же самое происходило с несколькими фратриями племени. Но во времена Солона земли и дома стали принадлежать отдельным лицам с правом отчуждения в отношении земель, но не домов вне рода. Несомненно, становилось все более и более невозможным удерживать членов рода вместе на местном уровне из-за меняющихся отношений людей к земле и из-за создания новой собственности его членами в других местностях. Ячейка их социальной системы становилась нестабильной на месте, а также в характере. Не останавливаясь на дальнейшем развитии этого факта их положения, это, должно быть, доказало одну из причин провала старого плана правления. Городок с его фиксированной собственностью и его жителями на данный момент придавал тот элемент постоянства, которого теперь не хватало роду. Общество добилось огромного прогресса по сравнению с его прежним состоянием крайней простоты. Это сильно отличалось от того, для управления чем была создана языческая организация. Ничто, кроме неустроенного положения и непрекращающихся войн афинских племен, начиная с их поселения в Аттике и заканчивая временами Солона, не могло уберечь эту организацию от падения. После их поселения в городах-крепостях произошло то быстрое увеличение богатства и численности, которое подвергло роды последнему испытанию и продемонстрировало их неспособность управлять народом, который сейчас быстро приближается к цивилизации. Но даже тогда для их перемещения потребовался длительный период времени.

Серьезность трудностей, которые необходимо преодолеть при создании политического общества, ярко проиллюстрирована опытом афинян. Во времена Солона Афины уже производили способных людей; полезные искусства достигли весьма значительного развития; морская торговля стала национальным интересом; сельское хозяйство и мануфактуры были хорошо развиты; и появилось письменное произведение в стихах. На самом деле они были цивилизованным народом и оставались им на протяжении двух столетий; но их государственные институты все еще были языческими и того типа, который преобладал в более поздний период варварства. Новый строй Солона придал огромный импульс афинскому государству; тем не менее, прошло почти столетие, сопровождавшееся многочисленными беспорядками, прежде чем идея государства полностью сформировалась в сознании афинян. На основе науки была окончательно разработана концепция населенного пункта как единицы политической системы; но для того, чтобы ухватить идею во всей ее полноте и придать ей органичное воплощение, потребовался человек высочайшего гения, а также большого личного влияния. Этот человек, наконец, появился в лице Клисфена (509 г. до н.э.), которого следует рассматривать как первого из афинских законодателей — основателя второго великого плана человеческого правления, того, в соответствии с которым организованы современные цивилизованные нации.

Клисфен дошел до сути вопроса и поставил афинскую политическую систему на тот фундамент, на котором она оставалась до конца независимого существования государства. Он разделил Аттику на сто владений, или городков, каждый из которых был ограничен

метрами и границами и отличался названием. Каждый гражданин должен был зарегистрироваться сам и произвести регистрацию своей собственности в том деме, в котором он проживал. Эта регистрация была доказательством, а также основой его гражданских привилегий. Деме вытеснил наукариум. Его жители были организованной политической организацией с полномочиями местного самоуправления, подобно современному американскому тауншипу. Это жизненно важная и примечательная особенность системы. Это сразу показывает его демократический характер. Правительство было передано в руки народа в первой из серии территориальных организаций. Демоты избирали демарха, который ведал государственным реестром; он также имел право созывать демоты с целью избрания магистратов и судей, пересмотра реестра граждан и зачисления тех, кто достиг совершеннолетия в течение года. Они избирали казначея и обеспечивали исчисление и сбор налогов, а также предоставление квоты войск, требуемой деме для службы государству. Они также избрали тридцать дикастов, или судей, которые рассматривали все дела, возникающие в регионе, где сумма ущерба была ниже определенной суммы. Помимо этих полномочий местного самоуправления, которые являются сутью демократической системы, каждый дем имел свой собственный храм и религиозное богослужение, а также своего священника, также избираемого демотами. Опуская второстепенные подробности, мы находим поучительный и замечательный факт, что тауншип в том виде, в каком он был учрежден впервые, обладал всеми полномочиями местного самоуправления, и даже в более полном и крупном масштабе, чем американский тауншип. Заметна также свобода вероисповедания, которая была поставлена там, где ей по праву принадлежит место, под контроль народа. Все зарегистрированные граждане были свободны и равны в своих правах и привилегиях, за исключением равного права занимать более высокие должности. Такова была новая организационная единица в афинском политическом обществе, одновременно являвшая собой образец свободного государства и чудо мудрости и знаний. Афиняне начали с демократической организации на том этапе, с которого должен начать каждый народ, желающий создать свободное государство и передать контроль над правительством в руки своих граждан.

Второй член органического территориального ряда состоял из десяти владений, объединенных в более крупный географический район. Его называли местным племенем, чтобы сохранить часть терминологии старой родовой системы.²⁰⁶ Каждый округ был назван в честь аттического героя, и это был аналог современного округа. Демы в каждом округе обычно были смежными, что должно было быть верно в каждом конкретном случае, чтобы сделать аналогию полной; но в нескольких случаях один или более из десяти были отделены, вероятно, вследствие местного отделения частей первоначального кровного племени, которые желали, чтобы их демы были включены в округ их ближайших родственников. Жители каждого округа также были политическим органом, наделенным определенными полномочиями местного самоуправления. Они избрали филарха, командовавшего кавалерией; таксиарха, командовавшего пехотой, и генерала, командовавшего обоими; и поскольку от каждого округа требовалось предоставить пять трирем, они, вероятно, избрали столько же триерархов для командования ими. Клисфен увеличил численность сената до пятисот человек и назначил по пятьдесят в каждый округ. Они избирались его жителями. Несомненно, существовали и другие функции этого более крупного политического органа, но они были недостаточно полно объяснены.

Третьим и последним членом территориального ряда было афинское содружество, или государство, состоящее из десяти местных племен или округов. Это был организованный политический орган, охватывающий совокупность афинских граждан. Она была

представлена сенатом, еkkлeсией, судом ареопага, архонтами и судьями, а также органом выборных военных и военно-морских командиров.

Таким образом, афиняне основали второй великий план правления на территории и собственности. Они заменили восходящий ряд совокупностей лиц рядом территориальных единиц. Как план управления, он опирался на территорию, которая по необходимости была постоянной, и на собственность, которая была более или менее локализована; и он имел дело со своими гражданами, которые теперь были локализованы во владениях, несмотря на их территориальные отношения. Чтобы быть гражданином государства, необходимо было быть гражданином страны. Человек голосовал и облагался налогами в своей стране, и он был призван на военную службу из своей страны. Подобным же образом он был избран в сенат и назначен командующим подразделением армии или флота из более крупного округа своего местного племени. Его отношения к роду или фратрии перестали определять его обязанности гражданина. Контраст между двумя системами столь же заметен, сколь фундаментальным было их различие. Объединение людей в политические органы на территориальных территориях теперь стало полным.

Территориальный ряд входит в план управления современными цивилизованными нациями. У нас, например, есть тауншип, округ, штат и Соединенные Штаты; жители каждого из которых представляют собой организованный политический орган с полномочиями местного самоуправления. Каждая организация находится в полном расцвете сил и выполняет свои функции в определенной сфере, в которой она является высшей. Во Франции есть аналогичная серия в коммуне, округе, департаменте и империи, ныне республике. В Великобритании сериал называется "приход", "шир", "королевство" и "три королевства". В саксонский период сотня, по-видимому, была аналогом тауншипа;²⁰⁷ но уже лишенного полномочий местного самоуправления, за исключением сотенного суда. Жители этих нескольких районов были организованы как политические организации, но те, кто был ниже самого высокого уровня, обладали очень ограниченными полномочиями. Тенденция к централизации при монархических институтах атрофировала практически все низшие организации.

В результате законодательства Клизфена роды, фратрии и племена были лишены своего влияния, поскольку их полномочия были отняты у них и переданы деде, местному племени и государству, которые отныне стали источниками всей политической власти. Однако они не были распущены даже после этого свержения, а оставались на протяжении веков как родословная и родословная, а также как источники религиозной жизни. В некоторых речах Демосфена, где речь шла о личных или имущественных правах, происхождении или праве на погребение, и род, и фратрия предстают как живые организации его времени.²⁰⁸ Новая система не затронула их в том, что касалось их связи с религиозными обрядами, определенными уголовными процессами и определенными социальными практиками, что остановило их полное разложение. Однако классы, как учрежденные Тесеем, так и созданные впоследствии Солоном, исчезли со времен Клизфена.²⁰⁹

Солона обычно считают основателем афинской демократии, в то время как некоторые авторы приписывают часть этой работы Клизфену и Тесею. Мы приблизимся к истине в этом вопросе, рассматривая Тесея, Солона и Клизфена как связанных с тремя великими движениями афинского народа, не для того, чтобы основать демократию, поскольку афинская демократия была старше любого из них, а для того, чтобы изменить план правления с нееврейского на политическую организацию. Ни тот, ни другой не стремились изменить существующие принципы демократии, унаследованные от родов. В свое время они внесли свой вклад в великое движение за формирование государства, которое требовало

замены родового общества политическим. Изобретение городка и организация его жителей как политического органа было главной особенностью этой проблемы. Нам это может показаться простым делом, но оно истощило способности афинян до самых низов, прежде чем идея города нашла выражение в его фактическом создании. Это было вдохновение гения Клизфена; и оно является шедевром выдающегося ума. В новом политическом обществе они осознали ту полную демократию, которая уже существовала во всех существенных принципах, но которая требовала изменения в плане правления, чтобы придать ей более широкое поле и более полное выражение. Именно здесь, как кажется автору, мы были введены в заблуждение ошибочным предположением великого историка мистера Гроте, чьи общие взгляды на греческие институты столь здравы и проникательны, а именно, что ранние правительства греческих племен были по сути монархическими.²¹⁰ Исходя из этого предположения, требуется революция институтов, чтобы объяснить существование той афинской демократии, при которой были достигнуты великие интеллектуальные достижения афинян. Такой революции не произошло, и никаких радикальных изменений институтов никогда не производилось по той причине, что они были и всегда оставались по существу демократическими. Нередко происходили узурпации, за которыми следовали споры о восстановлении прежнего порядка; но они никогда не теряли своих свобод или тех идей свободы и права на самоуправление, которые были их наследием во все века.

Вспоминая на мгновение басилевса, эта должность, как правило, делала этого человека более заметным, чем кто-либо другой в их делах. Он был первым человеком, привлечшим мысленное внимание историка, который превратил его в короля, несмотря на то, что по божественному праву он был создан для правления в условиях грубой демократии. Как полководец в военной демократии, басилевс становится понятным, не нарушая фактически существовавших институтов. Введение этой должности не изменило принципов существования родов, фратрий и племен, которые по своей организации были по существу демократическими и которые по необходимости придавали такой характер их родовой системе. Нет достаточных доказательств того, что народная стихия постоянно активно сопротивлялась посягательствам на личные права. Басилевс принадлежит к традиционному периоду, когда полномочия правительства были более или менее неопределенными; но в центре системы существовал совет вождей, а также роды, фратрии и племена в полном расцвете сил. Этого достаточно, чтобы определить характер правительства.²¹¹

Правительство, восстановленное Клизфеном, сильно отличалось от того, которое существовало до времен Солона. Но переход был не только естественным, но и неизбежным, если люди следовали своим идеям до логических результатов. Это было изменение плана, но не принципов и даже не инструментов. Совет вождей остался в сенате, агора - в экклесии; три высших архонта, как и прежде, были соответственно министрами государства, религии и правосудия, в то время как шесть низших архонтов выполняли судебные функции в связи с судами, а большая группа дикастов теперь ежегодно избиралась для прохождения судебной службы. В рамках этой системы не существовало ни одного исполнительного директора, что является одной из ее поразительных особенностей. Ближе всего к этому подходил президент сената, который избирался по жребию на один день, без возможности переизбрания в течение года. В течение одного дня он председательствовал в народном собрании и держал в руках ключи от цитадели и сокровищницы. При новом правительстве народное собрание обладало сутью власти и направляло судьбу Афин. Новым элементом, который придал государству стабильность и порядок, был дем, или поселок, с его полной автономией и местным самоуправлением. Сотня дем, организованных подобным образом, определила бы общее движение содружества. Как единица, так и совокупность. Именно отсюда люди, как

отмечалось ранее, должны начинать, если они хотят научиться искусству самоуправления и поддерживать равные законы, равные права и привилегии. Они должны сохранить в своих руках все общественные полномочия, не необходимые государству для обеспечения эффективного общего управления, а также контроль над самой администрацией.

Афины быстро приобрели влияние и известность в рамках новой политической системы. То замечательное развитие гения и интеллекта, которое подняло афинян на высочайшее положение среди исторических наций человечества, произошло под влиянием демократических институтов.

С учреждением политического общества при Клизфене родовая организация была отброшена в сторону как часть лохмотьев варварства. Их предки неисчислимые столетия жили в джентилизме, с помощью которого они овладели всеми элементами цивилизации, включая письменный язык, а также начали цивилизованную карьеру. История родовой организации останется вечным памятником предшествующих веков, отождествляемым, как это было всегда, с самым замечательным и обширным опытом человечества. Его всегда следует считать одним из самых замечательных институтов человеческой семьи.

В этом кратком и неадекватном обзоре обсуждение было ограничено основным ходом событий в истории Афин. Все, что было верно для афинских племен, будет в значительной степени верно и для остальных греческих племен, хотя и не демонстрировалось в таком широком или грандиозном масштабе. Обсуждение стремится сделать еще более очевидным одно из основных выдвинутых положений — что идея правления у всех племен человечества развивалась на последовательных стадиях развития.

ГЛАВА XI

Римский род

Когда латиняне и их сородичи сабеллы, осканы и умбрийцы пришли на итальянский полуостров, вероятно, как единый народ, у них были домашние животные и, вероятно, они выращивали злаки и растения.²¹² По крайней мере, они были далеко продвинуты в Среднем статусе варварства; и когда они впервые попали в поле зрения истории, они были в Высшем статусе и у порога цивилизации.

Традиционная история латинских племен до времен Ромула гораздо более скудна и несовершенна, чем история греков, чья более ранняя относительная литературная культура и более сильные литературные склонности позволили им сохранить большую часть своих традиционных источников. Что касается их предшествующего опыта, то традиция не простиралась дальше их предыдущей жизни на Альбанских холмах и Аппенинских горах к востоку от Рима. Для племен, столь далеко продвинувшихся в искусстве жизни, потребовалась бы длительная оккупация Италии, чтобы стереть все знания о стране, из которой они пришли. Во времена Ромула ^{в 213 году} они уже разделились на тридцать независимых племен, все еще объединенных в свободную конфедерацию для взаимной защиты. Они также занимали сопредельные территориальные районы. Сабеллы, осканы и умбрийцы находились в одинаковом общем состоянии; их соответствующие племена находились в одинаковых отношениях; и их территориальные границы, как и можно было ожидать, были основаны на диалекте. Все они, включая их северных соседей этрусков, были организованы в роды с институтами, подобными институтам греческих племен. Таково было

их общее состояние, когда они впервые вышли из-за темного занавеса своей прежней неизвестности и на них упал свет истории.

Римская история лишь слегка затронула подробности обширного опыта, предшествовавшего основанию Рима (около 753 г. до н.э.). К тому времени италийские племена стали многочисленными и густонаселенными; они придерживались строго сельскохозяйственных привычек, владели стадами домашних животных и достигли больших успехов в жизненных искусствах. Они также достигли моногамной семьи. Все это видно по их состоянию, когда оно впервые стало нам известно; но подробности их продвижения от низшего состояния к высшему в основном выпали из поля зрения. Они были отсталыми в развитии идеи правления, поскольку союз племен все еще был полной ступенью их развития. Хотя тридцать племен были объединены в конфедерацию, она носила характер лиги взаимной защиты и не была достаточно тесной, чтобы стремиться к созданию национальности.

Этрусские племена были объединены; и то же самое, вероятно, было верно в отношении сабеллийских, осканских и умбрийских племен. В то время как латинские племена обладали многочисленными укрепленными городами и сельскими опорными пунктами, они были расселены по всей стране для ведения сельского хозяйства и содержания своих стад. Концентрация и слияние не происходили в какой-либо заметной степени до великого движения, приписываемого Ромулу, которое привело к основанию Рима. Эти слабо объединенные латинские племена стали основным материалом, из которого новый город должен был черпать свою силу. Рассказы об этих племенах со времен господства вождей Альбы вплоть до времен Сервия Туллия были в значительной степени составлены из басен и преданий; но определенные факты сохранились в институтах и социальных обычаях, переданных историческому периоду, которые замечательным образом иллюстрируют их прежнее состояние. Они даже более важны, чем краткое изложение реальных событий.

Среди институтов латинских племен, существовавших в начале исторического периода, были роды, курии и племена, на которых Ромул и его преемники установили римскую власть. Новое правительство не во всех отношениях было результатом естественного роста, но видоизменилось в верхних членах органического ряда в результате законодательных закупок. Однако роды, составившие основу организации, были естественным развитием и в основном происходили либо из общего, либо из родственного происхождения. То есть латинские роды происходили из одной линии, в то время как сабиняне и другие роды, за исключением этрусков, имели родственное происхождение. Во времена Тарквиния Приска, четвертого по счету после Ромула, организация была доведена до численного масштаба, а именно: десять родов в курии, десять курий в племени и три колена римлян; в общей сложности триста родов были объединены в одно родовое общество.

У Ромула хватило проницательности понять, что конфедерация племен, состоящая из родов и занимающая отдельные области, не обладала ни единством целей, ни достаточной силой для достижения большего, чем поддержание независимого существования. Тенденция к дезинтеграции сводила на нет преимущества федерального принципа. Концентрация и объединение были средством, предложенным Ромулом и мудрецами его времени. Это было замечательное движение для того периода, и еще более замечательное в своем развитии от эпохи Ромула до института политического общества при Сервии Туллии. Следуя примеру афинских племен и сосредоточившись в одном городе, они за пять поколений осуществили аналогичное и полное изменение плана правления, превратив нееврейскую организацию в политическую.

Будет достаточно напомнить читателю общие факты о том, что Ромул объединил на Палатинском холме и вокруг него сто латинских родов, организованных в племя рамны; что по счастливому стечению обстоятельств к новому сообществу добавилась большая группа сабинян, чьи роды, впоследствии увеличившиеся до ста, были организованы во второе племя титов; и что во времена Тарквиния Приска было сформировано третье племя, луцеры, состоявшее из ста родов, взятых из окрестных племен, включая этрусков. Таким образом, примерно за сто лет триста родов были собраны в Риме и полностью организованы под руководством совета вождей, ныне называемого Римским сенатом, народного собрания, ныне называемого куриатными комициями, и одного военачальника, рекса; и все это с одной целью - добиться военного господства в Италии.

Согласно конституции Ромула и последующему законодательству Сервия Туллия, правительство было, по сути, военной демократией, потому что в правительстве преобладал военный дух. Но можно мимоходом заметить, что новый и антагонистический элемент, римский сенат, теперь был включен в центр социальной системы, которая присваивала патрицианское звание своим членам и их потомству. Таким образом, одним махом был создан привилегированный класс, укоренившийся сначала в нееврейской, а затем и в политической системе, которая в конечном счете ниспровергла демократические принципы, унаследованные от родов. Именно римский сенат с созданным им классом патрициев изменил институты и судьбу римского народа и отвернул его от карьеры, аналогичной карьере афинян, к которой естественно и логично вели унаследованные ими принципы.

По своим основным чертам новая организация была шедевром военной мудрости. Вскоре это полностью вывело их за пределы остальных итальянских племен и, в конечном счете, привело к господству над всем полуостровом.

Организация латинских и других итальянских племен в роды была исследована Нибуром, Германом, Моммзеном, Лонгом и другими; но в нескольких их отчетах нет ясного и полного изложения структуры и принципов итальянского рода. Отчасти это связано с неясностью, которой окутаны отдельные части предмета, и с отсутствием мельчайших деталей у латинских авторов. Отчасти это также связано с неправильным представлением некоторых из первых названных авторов об отношениях семьи к роду. Они рассматривают род как состоящий из семей, тогда как он состоял из частей семей; так что единицей социальной системы был род, а не семья. Возможно, будет трудно продолжить исследование намного дальше того места, на котором они его оставили; но информация, почерпнутая из архаического строения рода, может послужить для прояснения некоторых его характеристик, которые сейчас неясны.

Относительно распространенности родовой организации среди итальянских племен Нибур замечает следующее: “Если кто-либо по-прежнему будет утверждать, что из характера афинских дженнетов нельзя сделать никакого вывода о сходстве характера римских язычников, он будет вынужден показать, как институт, пронизывающий весь древний мир, приобрел совершенно иной характер в Италии и Греции.... Таким образом, все граждане были разделены: гефиряне и саламиняне, а также афиняне, тускуланцы, а также римляне”.²¹⁴

Помимо существования римского рода, желательно знать природу организации; ее права, привилегии и обязанности, а также отношения родов друг к другу как членов социальной системы. После того, как они будут рассмотрены, их отношения к курии, племенам и образовавшемуся народу, частью которого они были, останутся для рассмотрения в следующей главе.

После сбора доступной информации по этим предметам из различных источников она будет признана неполной во многих отношениях, оставляя некоторые атрибуты и функции рода предметом умозаключений. Полномочия родов были изъяты и переданы новым политическим органам еще до того, как у римлян в достаточной степени началось историческое формирование. Следовательно, у римлян не было никакой практической необходимости сохранять особые черты системы, по существу оставленной в стороне. Гай, написавший свои "Институты" в начале второго века нашей эры, воспользовался случаем, чтобы заметить, что все понятие *jus gentilicium* пришло в упадок и что тогда было излишним рассматривать этот предмет.²¹⁵ Но при основании Рима и в течение нескольких столетий после этого родовая организация находилась в состоянии активной деятельности.

Римское определение рода и *gentilis*, а также линия, по которой велось происхождение, должны быть представлены до рассмотрения характеристик рода. В "Темах Цицерона" джентилис определяется следующим образом: Это язычники, носящие одно имя между собой. Этого недостаточно. Которые родились от свободных родителей. Даже этого недостаточно. Нет никого, чьи предки были рабами. Чего-то все еще не хватает. Которые никогда не страдали от сокращения капитала. Возможно, это подойдет, поскольку я не знаю, чтобы Сцевола, понтифик, что-либо добавил к этому определению.²¹⁶ Есть одно у Феста: "Джентилий описывается как происходящий из одного рода и носящий одно и то же имя".²¹⁷ Также у Варрона: как от Эмилия рождаются эмилии и язычники; так и от имени Эмилий происходят термины, относящиеся к джентилизму.²¹⁸

Цицерон не пытается дать определение роду, а скорее предлагает определенные тесты, с помощью которых можно было бы доказать право на родовую связь или обнаружить ее утрату. Ни одно из этих определений не показывает состава рода; то есть, имели ли право носить родовое имя все или только часть потомков предполагаемого генарха; и если только часть, то какая часть. При происхождении по мужской линии в род включались бы только те, кто мог бы проследить свое происхождение исключительно по мужской линии; а если по женской линии, то только по женской. Если не ограничиваться ни тем, ни другим, то включались бы все потомки. Эти определения, должно быть, предполагали, что происхождение по мужской линии было фактом, известным всем. Из других источников выясняется, что к роду принадлежали только те, кто мог проследить свое происхождение по мужской линии. Римские генеалогии служат этому доказательством. Цицерон опустил существенный факт, что это были язычники, которые могли проследить свое происхождение по мужской линии исключительно от признанного предка внутри рода. Частично она предоставлена Фестом и Варроном. Последний замечает, что мужчины рождаются эмилиями и язычниками; каждый должен родиться от мужчины, носящего языческое имя. Но определение Цицерона также показывает, что джентилис должен носить родовое имя.

В обращении римского трибуна Канулея (445 г. до н.э.) к его предложению отменить существующий закон, запрещающий смешанные браки между патрициями и плебеями, есть заявление, подразумевающее происхождение по мужской линии. Ибо что еще есть в этом вопросе, замечает он, если патриций женится на женщине-плебейке или мужчина-плебей - на женщине-патриции? Какое право в конечном итоге при этом изменяется? Дети, несомненно, следуют за отцом.²¹⁹

Практическая иллюстрация, основанная на переданных языческих именах, убедительно покажет, что происхождение происходило по мужской линии. Юлия, сестра Кая Юлия Цезаря, вышла замуж за Марка Аттия Бальба. Ее имя показывает, что она принадлежала к роду Юлиев.²²⁰ Ее дочь Аттия, согласно обычаю, взяла языческое имя своего отца и принадлежала к роду Аттианов. Аттия вышла замуж за Кая Октавия и стала матерью Кая

Октавия, первого римского императора. Сын, как обычно, взял языческое имя своего отца и принадлежал к роду Октавианов.²²¹ Став императором, он добавил имена Цезарь Август.

В римском роде происхождение шло по мужской линии от Августа обратно к Ромулу, и в течение неизвестного периода назад к последнему. Никто не был язычником, за исключением тех, кто мог проследить свое происхождение по мужской линии исключительно от какого-либо признанного предка внутри рода. Но было необязательно, потому что невозможно, чтобы все могли проследить свое происхождение от одного и того же общего предка, и тем более от одноименного предка.

Следует заметить, что в каждом из вышеприведенных случаев, к которым можно было бы добавить большое число, лица вступали в брак вне рода. Таково, несомненно, было общее правило обычного права.

Римский род был индивидуализирован следующими правами, привилегиями и обязанностями:

- I. *Mutual rights of succession to the property of deceased gentiles.*
- II. *The possession of a common burial place.*
- III. *Common religious rites; sacra gentilia.*
- IV. *The obligation not to marry in the gens.*
- V. *The possession of lands in common.*
- VI. *Reciprocal obligations of help, defense, and redress of injuries.*
- VII. *The right to bear the gentile name.*
- VIII. *The right to adopt strangers into the gens.*
- IX. *The right to elect and depose its chiefs; query.*

Эти несколько характеристик будут рассмотрены в указанном порядке.

I. Взаимные права наследования имущества умерших язычников.

Когда был обнародован закон Двенадцати таблиц (451 г. до н.э.), древнее правило, предполагавшее распределение наследства между язычниками, было заменено более совершенными правилами. Имущество человека без завещания теперь переходило, во-первых, к его наследникам, то есть к его детям; а при отсутствии детей - к его прямым потомкам по мужской линии.²²² Живые дети получали поровну, и дети умерших сыновей получали поровну долю своего отца. Следует отметить, что наследование оставалось в роде; дети потомков женского пола от лица, лишенного завещания, которые принадлежали к другим родам, были исключены. Во-вторых, если бы не было наследников, то по тому же закону наследство переходило бы к агнатам.²²³ Агнатическая родня включала всех тех людей, которые могли проследить свое происхождение по мужской линии от одного и того же общего предка, не имеющего завещания. В силу такого происхождения все они носили одно и то же языческое имя, как женщины, так и мужчины, и были ближе по степени к умершему,

чем остальные язычники. Предпочтение отдавалось ближайшим по степени агнатам; во-первых, братьям и незамужним сестрам; во-вторых, дядям по отцовской линии и незамужним тетям лиц, лишенных завещания, и так далее, пока агнатические родственники не были исчерпаны. В-третьих, если бы не было агнатов без завещания, тот же закон призывал язычников к наследству.²²⁴ На первый взгляд это кажется примечательным, потому что дети сестер наследодателя были исключены из наследования, а предпочтение, отдаваемое родственникам-язычникам, было настолько отдаленным, что их родство с наследодателем вообще не могло быть прослежено и существовало только благодаря древней родословной, сохранившейся под общим языческим именем. Причина, однако, очевидна: дети сестер без завещания принадлежали к другому роду, и родовое право преобладало над большей близостью кровного родства, потому что принцип, сохранявший собственность в роде, был основополагающим. Из закона Двенадцати таблиц ясно следует, что наследование начиналось в обратном порядке и что три класса наследников представляют собой три последовательных правила наследования, а именно: во-первых, неевреи; во-вторых, агнаты, среди которых были дети умершего после того, как родословная была изменена на мужскую линию; и в-третьих, дети, за исключением остальных агнатов.

Женщина из-за своего замужества понесла то, что технически называлось потерей франшизы или уменьшением капитала (*deminutio capitis*), в результате чего она утратила свои агнатические права. И здесь причина очевидна. Если бы после вступления в брак она могла наследовать в качестве агната, это привело бы к передаче имущества, унаследованного от ее собственного рода, к имуществу ее мужа. Незамужняя сестра могла унаследовать наследство, но замужняя сестра - нет.

Благодаря нашему знанию архаических принципов рода, мы можем заглянуть назад, в то время, когда происхождение в латинском роде происходило по женской линии, когда собственность была незначительной и распределялась между неевреями; не обязательно во времена жизни латинского рода, поскольку его существование восходит к периоду их оккупации Италии. На то, что римский род перешел из архаической формы в свою историческую, частично указывает возврат собственности в некоторых случаях к неевреям.²²⁵

“Право наследования имущества членов церкви, умерших без родственников и завещания, — замечает Нибур, — просуществовало дольше всего; действительно, так долго, что привлекло внимание юристов и даже - хотя, конечно, не более чем исторический вопрос - права Гая, рукопись которого, к сожалению, неразборчива в этой части”.²²⁶

II. Обычное место захоронения.

Чувство джентилизма, по-видимому, было сильнее в Высших слоях варварства, чем в более ранних условиях, благодаря более высокой организации общества и умственному и моральному развитию. У каждого рода обычно было место для захоронения, предназначенное исключительно для его членов. Несколько иллюстраций продемонстрируют римские обычаи в отношении погребения.

Аппий Клавдий, глава рода Клавдиев, переехал из Регили, города сабинян, в Рим во времена Ромула, где в свое время стал сенатором и, таким образом, патрицием. Он привел с собой род Клавдиев и такое количество клиентов, что его вступление в Рим расценивалось как важное событие. Светоний отмечает, что род получал от государства земли на Анио для своих клиентов и место захоронения для себя недалеко от Капитолия.²²⁷ Это утверждение, по-видимому, подразумевает, что общее место захоронения в то время считалось необходимым

для рода. Клавдии, отказавшись от своих сабинских связей и отождествив себя с римским народом, получили как земельный надел, так и место захоронения для своего рода, чтобы поставить их в равные условия с римскими родами. Сделка отражает обычай того времени.

Семейная усыпальница не полностью вытеснила усыпальницу рода во времена Юлия Цезаря, как это было показано на примере Квинтилия Вара, который, потеряв свою армию в Германии, покончил с собой, и его тело попало в руки врага. Наполовину обгоревшее тело Вара, говорит Патеркул, было изуродовано свирепым врагом; его голова была отрублена и доставлена Марободу, а сам он, отосланный цезарю, в конце концов удостоился погребения в языческой усыпальнице.²²⁸

В своем трактате о законах Цицерон ссылается на обычаи своего времени в отношении погребения следующим образом: "В настоящее время святость мест захоронения настолько велика, что утверждается неправильным совершать погребение независимо от священных обрядов рода". Так во времена наших предков А. Торкват принял решение, уважая род попилиев.²²⁹ Смысл этого утверждения заключается в том, что религиозным долгом было хоронить мертвых со священными обрядами и, по возможности, на земле, принадлежащей роду. Далее выясняется, что кремация и ингумация практиковались до обнародования Двенадцати Таблиц, которые запрещали хоронить или сжигать мертвые тела в пределах города.²³⁰ Колумбарий, который обычно вмещал несколько сотен урн, был в высшей степени приспособлен для использования представителями рода. Во времена Цицерона родовая организация пришла в упадок, но некоторые обычаи, свойственные ей, сохранились, в том числе в отношении общего места захоронения среди их числа. Семейная усыпальница начала занимать место усыпальницы рода, поскольку семьи в древних родах обрели полную автономию; тем не менее, остатки древних родовых обычаев в отношении погребения проявлялись различными способами и были все еще свежи в истории прошлого.

III. Обычные священные обряды; *sacra gentilia*.

Римские сакры воплощали нашу идею божественного поклонения и были либо публичными, либо частными. Религиозные обряды, совершаемые тем или иным родом, назывались *sacra privata*, или *sacra gentilia*. Родом они совершались регулярно в установленные сроки.²³¹ Случай, когда расходы на поддержание этих обрядов становились непосильным бременем вследствие сокращения численности рода. Они приобретались и терялись в силу обстоятельств, например, усыновления или брака.²³² "То, что у членов римского рода были общие священные обряды, - замечает Нибур, - хорошо известно; жертвоприношения назначались на определенные дни и места".²³³ Священные обряды, как публичные, так и частные, находились исключительно под папским контролем и не подлежали гражданскому контролю.²³⁴

Религиозные обряды римлян, по-видимому, были в первую очередь связаны с родом, а не с семьей. Коллегия понтификов, курионов и авгуров с тщательно разработанной системой богослужения под руководством этих священнослужителей в должное время оформилась и утвердилась; но система была терпимой и свободной. Священство было в основном выборным.²³⁵ Главой каждой семьи также был домашний священник. Роды²³⁶ греков и римлян были источниками, из которых вытекала колоссальная мифология классического мира.

На заре существования Рима многие роды имели каждый свой собственный сакелум для совершения своих религиозных обрядов. У каждого из нескольких родов были особые жертвоприношения, которые передавались из поколения в поколение и считались

обязательными; как, например, жертвоприношения наутро Минерве, фавиев Геркулесу и Горацийев во искупление сороубийства, совершенного Горацием.²³⁷ Для моей цели достаточно показать в общих чертах, что у каждого рода были свои религиозные обряды как один из атрибутов организации.

IV. Обязательство не вступать в брак в роду.

Родовые предписания были обычаями, имеющими силу закона. Обязательство не вступать в брак внутри рода было одним из них. По-видимому, позднее он не был превращен в законодательный акт; но свидетельства того, что таково было правило рода, появляются несколькими способами. Римские генеалогии показывают, что брак был вне рода, примеры чего были приведены. Это, как мы видели, было архаичным правилом по причинам кровного родства. Женщина, выйдя замуж, утрачивала свои агнатические права, и из этого правила не было исключений. Это было сделано для того, чтобы предотвратить передачу собственности в браке от одного рода к другому, от рода, в котором она родилась, к роду ее мужа. Последовавшее за этим лишение детей женщины всех прав наследования от дяди по материнской линии или дедушки по материнской линии было вызвано той же причиной. Поскольку женщина должна была выходить замуж за представителя своего рода, ее дети принадлежали бы к роду своего отца, и между членами разных родов не могло быть права наследования.

V. Совместное владение землями.

Совместное владение землями было настолько распространенным явлением среди варварских племен, что существование такого же землевладения у латинских племен не вызывает удивления. Часть их земель, по-видимому, находилась в собственности отдельных лиц с очень раннего периода. Невозможно определить время, когда это было не так; но поначалу, вероятно, именно право собственности на земли, находящиеся в фактической оккупации, о котором так часто упоминалось ранее, было признано еще в качестве Низшего статуса варварства.

Среди деревенских латинских племен земли были общими для каждого племени, другие земли принадлежали родам, а третьи - домашним хозяйствам.

Раздача земель частным лицам стала обычным делом в Риме во времена Ромула, а впоследствии и вовсе повсеместным явлением. Варрон и Дионисий оба утверждают, что Ромул выделил по две югеры (около двух с четвертью акров) каждому мужчине.²³⁸ Говорят, что впоследствии аналогичные наделы были сделаны Нумой и Сервием Туллеем. Они были началом абсолютной собственности на имущество по отдельности и предполагали оседлую жизнь, а также значительное продвижение в интеллекте. Оно не только оценивалось, но и предоставлялось правительством, что сильно отличалось от права собственности на земли, возникшего в результате индивидуального акта. Идея абсолютной индивидуальной собственности на землю развивалась на основе опыта, полное достижение которого относится к периоду цивилизации. Однако эти земли были отобраны у тех, которыми римский народ владел совместно. После зарождения цивилизации роды, курии и племена владели определенными общими землями, помимо тех, которыми владели отдельные люди.

Моммзен отмечает, что "римская территория в древнейшие времена была разделена на ряд клановых округов, которые впоследствии были использованы при формировании первых сельских округов (*tribus rusticae*)..... Эти названия, в отличие от названий округов, добавленных в более поздний период, происходят не от местностей, а образованы без исключения из названий кланов".²³⁹ Каждый род владел независимым округом и по

необходимости был локализован на нем. Это был шаг вперед, хотя такова была преобладающая практика не только в сельских округах, но и в Риме, когда роды локализовывались в отдельных районах. Далее Моммзен замечает: "Поскольку каждое домашнее хозяйство имело свой собственный участок земли, то и клановое домашнее хозяйство, или деревня, имело принадлежащие ему клановые земли, которые, как будет показано впоследствии, управлялись до сравнительно позднего периода по аналогии с надомными землями, то есть по системе совместного владения..... Однако эти кланы с самого начала рассматривались не как независимые общества, а как неотъемлемые части политического сообщества (*civitas populi*). Сначала это представляет собой совокупность ряда клановых деревень с одинаковым происхождением, языком и манерами, связанных взаимным соблюдением закона и взаимной правовой защитой, а также совместными действиями в агрессии и обороне".²⁴⁰ Слово "Клан" здесь используется Моммзеном или его переводчиком вместо слова "род", а в других местах "кантон" используется вместо слова "племя", что является более необычным, поскольку латинский язык дает особые термины для этих организаций, ставшие историческими. Моммзен представляет латинские племена, существовавшие до основания Рима, как владеющие землями семьями, родами и племенами; и он далее показывает восходящий ряд социальных организаций в этих племенах; сравнение которых с социальными организациями ирокезов раскрывает их тесный параллелизм, а именно род, племя и конфедерацию.²⁴¹ Фратрия не упоминается, хотя она, вероятно, существовала. Домашнее хозяйство, о котором идет речь, вряд ли могло быть одной семьей. Не исключено, что он состоял из родственных семей, которые занимали многоквартирный дом и практиковали коммунизм в домашнем хозяйстве.

VI. Взаимные обязательства по оказанию помощи, защите и возмещению ущерба.

В период варварства зависимость неевреев друг от друга в защите личных прав была постоянной; но после установления политического общества неевреи, ставшие гражданами, обратились бы к закону и государству за защитой, которой раньше пользовался их род. Эта особенность древней системы исчезла бы одной из первых при новой. Соответственно, лишь незначительные упоминания об этих взаимных обязательствах встречаются у ранних авторов. Однако из этого не следует, что язычники не выполняли эти обязанности по отношению друг к другу в предыдущий период; напротив, вывод, который они выполняли, является необходимым из принципов организации язычников. Остатки этих особых обычаев появляются при особых обстоятельствах в далеком историческом периоде. Когда Аппий Клавдий был брошен в тюрьму (около 432 г. до н.э.), Гай Клавдий, враждовавший тогда с ним, надел траур, как и весь род Клавдиев.²⁴² Бедствие или позор, обрушивающийся на один член тела, ощущался всеми и разделялся ими. Нибур отмечает, что во время второй Пунической войны "язычники объединились, чтобы выкупить своих братьев, находившихся в плену, и сенат запретил им это делать. Эта обязанность является существенной характеристикой рода".²⁴³ В случае с Камиллом, против которого трибун выдвинул обвинение в связи с добычей вейентийцев, он вызвал к себе домой перед днем, назначенным для суда над ним, своих соплеменников и клиентов, чтобы спросить их совета, и получил в ответ, что они взыщут любую сумму, которую он был приговорен выплатить; но оправдать его было невозможно.²⁴⁴ Активный принцип джентилизма ясно проиллюстрирован в этих случаях. Нибур далее отмечает, что обязанность помогать своим неимущим неевреям лежала на членах римского рода.²⁴⁵

VII. Право носить языческое имя.

Это с необходимостью вытекало из природы рода. Все такие лица, которые родились сыновьями или дочерьми члена рода мужского пола, сами были членами рода и по праву носили родовое имя. По прошествии времени оказалось невозможным для членов рода проследить свое происхождение до основателя и, следовательно, для различных семей внутри рода обнаружить свою связь через более позднего общего предка. Хотя эта неспособность доказывала древность линии, это не было доказательством того, что эти семьи не произошли от отдаленного общего предка. Тот факт, что люди рождались в роде и что каждый мог проследить свое происхождение через ряд признанных членов рода, был достаточным доказательством нееврейского происхождения и убедительным доказательством кровной связи всех неевреев. Но некоторые исследователи, в том числе Нибур,²⁴⁶ отрицали существование какого-либо кровного родства между семьями в роде, поскольку они не могли доказать связь через общего предка. Это рассматривает род как чисто фиктивную организацию и, следовательно, несостоятельно. Вывод Нибура против кровного родства из определения Цицерона несостоятелен. Если бы право человека носить родовое имя было поставлено под сомнение, доказательство этого права заключалось бы не в прослеживании его происхождения от генарха, а от ряда признанных предков внутри рода. Без письменных записей количество поколений, через которые можно было бы проследить родословную, было бы ограничено. Несколько семей в одном роде, возможно, и не смогли бы найти общего предка, но из этого не следует, что они не происходили от какого-то отдаленного предка внутри рода.²⁴⁷

После того, как происхождение было изменено на мужскую линию, древние названия родов, которые, не исключено, были взяты от животных,²⁴⁸ или неодушевленных предметов, уступили место личным именам. Какая-то особь, выдающаяся в истории рода, стала его одноименным предком, и эта личность, как предполагалось в другом месте, была, вероятно, вытеснена другой через длительные промежутки времени. Когда род разделяется вследствие разделения по территории, одна из ветвей может принять новое название, но такая перемена названия не нарушит родства, на котором основан род. Если учесть, что родословная римских родов при смене имен восходила к тому времени, когда латиняне, греки и говорящие на санскрите народы Индии были одним народом, не доходя до ее истоков, можно получить некоторое представление о ее древности. Потеря нееврейского имени в любое время каким-либо человеком была самым невероятным из всех событий; следовательно, обладание им было высшим доказательством того, что он разделял со своими неевреями ту же древнюю родословную. Существовал один-единственный способ искажения родового происхождения, а именно: путем принятия в род чужаков по крови. Эта практика преобладала, но масштабы ее были невелики. Если бы Нибур утверждал, что кровное родство неевреев с течением времени ослабело до незначительной величины между некоторыми из них, его позиция не вызывала бы возражений; но отрицание всякого родства, которое превращает род в фиктивную совокупность лиц без каких-либо союзных уз, противоречит принципу, на основе которого возник род и который сохранял его на протяжении целых трех этнических периодов.

В другом месте я обращал внимание на тот факт, что род пришел с системой кровного родства, которая сводила всех единокровных к небольшому числу категорий и сохраняла их потомков неопределенно долго в том же составе. Родство людей было легко прослежено, независимо от того, насколько отдаленным был их фактический общий предок. В ирокезском роде, насчитывающем пятьсот человек, все его члены состоят в родстве друг с другом, и каждый человек знает или может обнаружить свое родство друг с другом; так что факт

родства постоянно присутствовал в роде архаического периода. С возникновением моногамной семьи возникла новая, совершенно иная система кровного родства, при которой отношения между родственниками вскоре исчезли. Таков был строй латинских и греческих племен в начале исторического периода. То, что предшествовало этому, было, по крайней мере предположительно, туранским, под которым должны были быть известны отношения язычников друг к другу.

После того, как начался упадок родовой организации, новые роды перестали формироваться в результате старого процесса сегментации; и некоторые из существующих вымерли. Это, как правило, повышало ценность нееврейского происхождения как родословной. Во времена империи новые семьи постоянно обосновывались в Риме из-за рубежа и брали нееврейские имена, чтобы получить социальные преимущества. Поскольку эта практика считалась злоупотреблением, император Клавдий (40-54 гг. н.э.) запретил иностранцам брать римские имена, особенно древних родов.²⁴⁹ Римские семьи, принадлежащие к историческим родам, высоко ценили свое происхождение как при республике, так и при империи.

Все члены рода были свободны и равны в своих правах и привилегиях, самые бедные так же, как и самые богатые, выдающиеся так же, как и безвестные; и они в равной степени обладали тем достоинством, которое давало родовое имя и которое они унаследовали по праву рождения. Свобода, равенство и братство были кардинальными принципами римского рода не менее определенно, чем греческого и американского индейцев.

VIII. Право принятия в род чужаков по крови.

Во времена республики, а также империи практиковалось усыновление в семью, которое относилось человека к роду семьи; но оно сопровождалось формальностями, которые затрудняли его. Лицо, у которого не было детей и которое вышло из того возраста, чтобы ожидать их появления, могло усыновить сына с согласия понтификов и куриальной комиссии. С коллегией понтификов имели право консультироваться, чтобы тем самым не нарушить священные обряды семьи, из которой был взят усыновленный,²⁵⁰ а также с собранием, поскольку усыновленный получал языческое имя и мог наследовать имущество своего приемного отца. Из мер предосторожности, которые сохранялись во времена Цицерона, разумно сделать вывод, что при прежней системе, которая была чисто родовой, ограничения должны были быть более жесткими, а случаи - редкими. Маловероятно, чтобы усыновление в ранний период допускалось без согласия рода и курии, к которой принадлежал род; и если это так, то число усыновленных должно было быть ограничено. От древних обычаев, касающихся усыновления, сохранилось мало подробностей.

IX. Право избирать и смещать своих вождей; вопрос.

Неполнота наших знаний о римских родах совершенно ясно проявляется в отсутствии прямой информации относительно срока пребывания в должности вождя (*princeps*). До учреждения политического общества у каждого рода был свой вождь, и, вероятно, не один. Когда должность становилась вакантной, она обязательно заполнялась либо путем избрания одного из язычников, как у ирокезов, либо по наследственному праву. Но отсутствие каких-либо доказательств наследственного права и наличие выборного принципа в отношении почти всех должностей при республике, а до этого при регентстве, приводит к выводу, что наследственное право было чуждо институтам латинских племен. Высшая должность, должность рекса, была выборной, должность сенатора была выборной или по назначению, а также должность консулов и магистратов низшего звена. Оно варьировалось в зависимости

от коллегии понтификов, учрежденной Нума. Сначала сами понтифики заполняли вакансии путем выборов. Ливий говорит об избрании верховного понтифика комициями около 212 г. до н.э.²⁵¹ Законом Домиции право избирать членов нескольких коллегий понтификов и священников было передано народу, но впоследствии закон был изменен Суллой.²⁵² Активное присутствие выборного принципа среди латинских родов, когда они впервые попали в поле зрения истории, и с этого времени на протяжении всего периода республики дает веские основания для вывода о том, что должность главы была выборной по сроку пребывания в должности. Демократические черты их социальной системы, которые проявляются во многих моментах, были унаследованы от родов. Потребовались бы положительные доказательства того, что должность вождя передается по наследственному праву, чтобы преодолеть презумпцию против нее. Право избирать влечет за собой право отстранять от должности, при этом срок полномочий является пожизненным.

Эти вожди или избранные из них составляли совет нескольких латинских племен до основания Рима, который был главным инструментом правления. Следы трех властей, координировавшихся в правительстве, появляются у латинских племен так же, как и у греческих, а именно: совет вождей, народное собрание, которому, как мы должны предположить, представлялись на утверждение или отклонение более важные общественные меры, и военный командир. Моммзен отмечает, что “Все эти кантоны [племена] были в первобытные времена политически суверенными, и каждым из них управлял свой князь, а также сотрудничество совета старейшин и собрания воинов”.²⁵³ Порядок высказываний Моммзена следует изменить, а само утверждение уточнить. Этот совет, исходя из его функций и центрального положения в их социальной системе, частью которой он был, по необходимости обладал высшей властью в гражданских делах. Управлял совет, а не военачальник. “Во всех городах, принадлежащих цивилизованным нациям на побережьях Средиземного моря, - замечает Нибур, - сенат был не менее существенной и незаменимой частью государства, чем народное собрание; это был избранный орган пожилых граждан; такой совет, говорит Аристотель, существует всегда, будь он аристократическим или демократическим; даже в олигархиях, как бы мало ни было участников суверенитета, назначаются определенные советники для подготовки общественных мероприятий”.²⁵⁴ Сенат политического общества сменил совет вождей всех стран. иудейское общество. Ромул сформировал первый римский сенат из ста старейшин; и поскольку в то время существовало всего сто родов, по существу, напрашивается вывод, что они были главами этих родов. Эта должность была пожизненной и не передавалась по наследству; отсюда следует окончательный вывод, что должность вождя в то время была выборной. Если бы это было иначе, есть все основания полагать, что римский сенат был бы учрежден как орган, передающийся по наследству. Свидетельства о по существу демократическом устройстве древнего общества встречаются нам во многих местах, но этот факт не нашел отражения в современных исторических описаниях греческого и римского языческого общества.

Что касается числа лиц в римском роде, то, к счастью, мы не лишены некоторой информации. Около 474 года до н.э. род Фабиев предложил сенату вести вейентийскую войну как род, для чего, по их словам, требовались постоянные, а не большие силы.²⁵⁵ Их предложение было принято, и они вывели из Рима триста шесть солдат, все патриции, под аплодисменты своих соотечественников.²⁵⁶ После ряда успехов они, наконец, были отрезаны от города до одного человека из-за засады. Но они оставили после себя в Риме единственного мужчину, не достигшего половой зрелости, который единственный остался, чтобы увековечить род Фабиев.²⁵⁷ Кажется маловероятным, что у трехсот человек в семьях должен был остаться только один ребенок мужского пола, не достигший половой зрелости,

но таково утверждение. Это число лиц указывало бы на равное число женщин, которые вместе с детьми от мужчин дали бы в совокупности по меньшей мере семьсот представителей рода Фабиев.

Хотя права, обязанности и функции римского рода представлены недостаточно, приведено достаточно, чтобы показать, что эта организация была источником их социальной, государственной и религиозной деятельности. Как единица их социальной системы, она проецирует свой характер на более высокие организации, в которые она вошла в качестве составной части. Гораздо более полное знание римского рода, чем мы имеем сейчас, необходимо для полного понимания римских институтов в их происхождении и развитии.

ГЛАВА XII

Римская курия, племя и *Populus*

Рассмотрев римский род, остается рассмотреть курию, состоящую из нескольких родов, племя, состоящее из нескольких курий, и, наконец, римский народ, состоящий из нескольких племен. В продолжение темы исследование будет ограничено устройством общества в том виде, в каком оно существовало со времен Ромула до Сервия Туллия, с некоторым замечанием изменений, произошедших в ранний период республики, когда родовой строй уступал место и устанавливалась новая политическая система.

Можно обнаружить, что какое-то время существовали бок о бок две правительственные организации, как у афинян, одна уходила, а другая приходила. Первым было общество (*societas*), основанное на родах; а другим - государство (*civitas*), основанное на территории и собственности, которое постепенно вытесняло первое. Правительство на переходном этапе неизбежно сложное, и поэтому его трудно понять. Эти изменения были не насильственными, а постепенными, начавшись с Ромула и существенно завершившись, хотя и не доведя их до совершенства, Сервием Туллеем; таким образом, они охватывали предполагаемый период почти в двести лет, наполненный событиями, имевшими большое значение для зарождающегося государства. Чтобы проследить историю родов до свержения их влияния в государстве, необходимо будет, после рассмотрения курии, племени и нации, кратко объяснить новую политическую систему. Последнее станет темой следующей главы.

Родовое общество у римлян демонстрирует четыре стадии организации: во-первых, род, который был объединением единокровных и ячейкой социальной системы; во-вторых, курия, аналогичная греческой фратрии, которая состояла из десяти родов, объединенных в более высокое корпоративное тело; в-третьих, племя, состоящее из десяти курий, которые обладали некоторыми атрибутами нации при родовых институтах; и, в-четвертых, римский народ (*Populus Romanus*), состоявший во времена Туллы Гостилия из трех таких племен, объединенных слиянием в одно родовое общество, охватывающее триста родов.

Существуют факты, подтверждающие вывод о том, что все италийские племена были организованы сходным образом в начале исторического периода; но, возможно, с той разницей, что римская курия была более развитой организацией, чем греческая фратрия или соответствующая фратрия остальных италийских племен; и что римское племя, вследствие ограниченного расширения, стало более всеобъемлющей организацией, чем у остальных

итальянских племен. Некоторые доказательства в поддержку этих заявлений появятся в дальнейшем.

Еще до правления Ромула италики в своих различных ответвлениях превратились в многочисленный народ. Большое количество мелких племен, на которые они были разделены, обнаруживает то состояние неизбежного распада, которое сопровождает родовые институты. Но федеральный принцип утвердился среди других итальянских племен, а также среди латиноамериканцев, хотя это и не привело к созданию какой-либо конфедерации, которая достигла бы важных результатов. Пока существовало такое положение вещей, произошло то великое движение, приписываемое Ромулу, а именно: концентрация ста латинских родов на берегах Тибра, за которой последовало аналогичное объединение сабинян, латинян, этрусков и других родов, до дополнительного числа в двести человек, закончившееся их окончательным объединением в один народ. Таким образом, были заложены основы Рима, а за ними должны были последовать римская мощь и цивилизация. Именно эта консолидация родов и племен под единым управлением, начатая Ромулом и завершенная его преемниками, подготовила почву для новой политической системы — для перехода от правления, основанного на личностях и личных отношениях, к правительству, основанному на территории и собственности.

Для данного исследования несущественно, был ли кто-либо из семи так называемых царей Рима реальными или мифическими личностями, или законодательство, приписываемое кому-либо из них, является сказочным или правдивым: потому что факты, касающиеся древнего устройства латинского общества, остались инкорпорированными в римские институты и, таким образом, дошли до исторического периода. К счастью, так случилось, что события человеческого прогресса воплощаются независимо от конкретных людей в материальной летописи, которая кристаллизуется в институтах, обычаях и привычках и сохраняется в изобретениях и открытиях. Историки, в силу своего рода необходимости, придают отдельным личностям большое значение в развитии событий; таким образом, они ставят преходящих личностей на место непреходящих принципов. Деятельность общества в его совокупности, посредством которой происходит весь прогресс, слишком много приписывается отдельным людям и слишком мало общественному разуму. В целом будет признано, что суть человеческой истории связана с ростом идей, которые вырабатываются людьми и выражаются в их институтах, обычаях, изобретениях и открытиях.

Приведение численного состава десяти родов в курию, десяти курий в племя и трех колен римского народа, о котором говорилось выше, было результатом законодательных изменений в первых двух племенах не старше, чем во времена Ромула. Это стало возможным благодаря присоединениям, полученным от окружающих племен путем вымогательства или завоевания; плоды которых были главным образом включены в Тииты и луцересы по мере их последовательного формирования. Но такая точная численная корректировка не могла постоянно сохраняться на протяжении веков, особенно в отношении количества родов в каждой курии.

Мы видели, что греческая фратрия была скорее религиозной и социальной, чем государственной организацией. Занимая промежуточное положение между родом и племенем, оно было бы менее важным, чем то и другое, пока не были бы дополнены государственные функции. Она появляется у ирокезов в зачаточной форме, ее социальный характер в отличие от государственного был в те далекие времена одинаково хорошо заметен. Но римская курия, какой бы она ни была в предшествующий период, превратилась в организацию более целостную и правительственную, чем греческая фратрия; однако о первой известно больше, чем о последней. Вероятно, что роды, входящие в каждую курию,

были, в основном, родственными родами; и что их воссоединение в более высокой организации было дополнительно закреплено межродственными браками, при этом роды одной и той же курии снабжали друг друга женами.

Ранние авторы ничего не сообщают об учреждении курии; но из этого не следует, что это было новое творение Ромула. Впервые он упоминается как римский институт в связи с его законодательством, поскольку количество курий в двух племенах было установлено в его время. Такая организация, как фратрия, вероятно, существовала среди латинских племен с незапамятных времен.

Ливий, говоря о благосклонности, с которой относились к сабинянкам после установления мира между сабинянами и латинянами благодаря их вмешательству, отмечает, что по этой причине Ромул, разделив народ на тридцать курий, дал им их имена.²⁵⁸ Дионисий использует термин "фратрия" как эквивалент курии, но дает также и последнее,²⁵⁹ и далее замечает, что Ромул разделил курию на декады, по десять в каждой из которых, конечно, были родами.²⁶⁰ Подобным образом Плутарх ссылается на тот факт, что каждое племя содержало десять курий, которые, как он замечает, некоторые говорят, были названы в честь сабинянок.²⁶¹ Он более точен в использовании языка, чем Ливий или Дионисий, говоря, что каждое племя содержало десять курий, а не что каждое было разделено на десять, потому что курии были созданы из родов как первоначальные единства, а не из родов, выделенных из курии путем подразделения. Работа, выполненная Ромулом, заключалась в регулировании количества родов в каждой курии и количества курий в каждом племени, что ему удалось осуществить благодаря присоединениям, полученным от окружающих племен. Теоретически каждая курия должна была состоять из родов, полученных путем сегментации от одного или нескольких родов, а племя - путем естественного роста путем формирования более чем одной курии, каждая из которых состояла из родов, объединенных узами общего диалекта. Сто родов Рамн были латинскими родами. В их организации на десять курий, каждая из которых состояла из десяти родов, Ромул, несомненно, уважал родственные связи, поместив родственные рода в одну и ту же курию, насколько это было возможно, а затем достиг численной симметрии, произвольно взяв избыток родов из одной естественной курии, чтобы восполнить недостаток в другой. Сто родов племенных объединений были, в основном, сабинскими родами. Они также были распределены по десяти куриям и, скорее всего, по тому же принципу. Третье племя, луцеры, сформировалось позже в результате постепенных присоединений и завоеваний. Оно было неоднородным по своим элементам, включавшим, среди прочего, ряд этрусских родов. Они были приведены к одной и той же числовой шкале из десяти курий, каждая из которых состояла из десяти родов. При такой реорганизации, в то время как род, единица организации, оставался чистым и неизменным, курия была поднята выше своего логического уровня и вынуждена включать в себя, в некоторых случаях, чужеродный элемент, который не принадлежал к строгой естественной фратрии; и племя также было поднято выше своего естественного уровня и было вынуждено принимать чужеродные элементы, которые не принадлежали племени, по мере естественного роста племени. Этим законодательным ограничением племени с их куриями и родами были сделаны по отдельности равными, в то время как третье племя было в значительной степени искусственным созданием под давлением обстоятельств. Языковая принадлежность этрусков до сих пор остается предметом обсуждения. Существует предположение, что их диалект не был полностью непонятен латинским племенам, иначе они не были бы приняты в римскую социальную систему, которая в то время была чисто языческой. Обеспеченные таким образом численные пропорции облегчали действия правительства в обществе в целом.

Нибур, который первым получил истинное представление об институтах римлян того периода, который признал тот факт, что народ был суверенен, что так называемые короли осуществляли делегированную власть и что сенат был основан на принципе представительства, когда у каждого рода был сенатор, разошелся с фактами, представленными ему, заявив в связи с этой градуированной шкалой, что “такие численные пропорции являются неопровержимым доказательством того, что римские дома [gentes]²⁶² были не древнее конституции; но корпорации, созданные законодателем в гармонии с остальными”. о его плане”.²⁶³ То, что небольшой иностранный элемент был насильственно введен в курии второго и третьего колен, и особенно в третье, неоспоримо; но чтобы род был изменен в своем составе, реконструирован или создан, было просто невозможно. Законодатель не мог создать род; он также не мог создать курию, кроме как путем объединения существующих родов вокруг ядра родственных родов; но он мог увеличивать или уменьшать количество родов в курии и увеличивать или уменьшать количество курий в племени. Нибур также показал, что род был древней и универсальной организацией у греков и римлян, что делает его предыдущее заявление еще более непонятным. Более того, похоже, что фратрия была универсальной, по крайней мере, среди ионийских греков, что делает вероятным, что курия, возможно, под другим названием, была столь же древней среди латинских племен. Упомянутые числовые пропорции, без сомнения, были результатом законодательного закрепления во времена Ромула, и у нас есть множество свидетельств источников, из которых были получены новые роды, с помощью которых могли быть созданы эти пропорции.

Члены десяти родов, объединенных в курию, назывались между собой куриалами. Они избирали священника куриона, который был главным должностным лицом братства. У каждой курии были свои священные обряды, в соблюдении которых участвовало братство; свой сакеллум как место богослужения и свое место собраний, где они встречались для ведения бизнеса. Помимо куриона, который нес основную ответственность за их религиозные дела, куриалы также избрали помощника священника, фламена куриалиса, который непосредственно отвечал за эти обряды. Курия дала свое название собранию родов, куриальной комиции, которая была суверенной властью в Риме в большей степени, чем сенат при родовой системе. Такова, в общих чертах, была организация римской курии, или фратрии.²⁶⁴

Следующим по восходящей шкале было римское племя, состоявшее из десяти курий и ста родов. При естественном росте, не подверженном внешнему влиянию, племя представляло бы собой совокупность таких родов, которые были выведены путем сегментации из исходного рода или пары родов; все члены которых говорили бы на одном и том же диалекте. До тех пор, пока само племя не разделится в результате описанных выше процессов, в него будут входить все потомки членов этих родов. Но римское племя, единственное, о котором мы сейчас говорим, было искусственно увеличено для особых целей и особыми средствами, но основой и организмом племени был естественный рост.

До времен Ромула каждое племя избирало старшего офицера, обязанности которого были арбитражными, военными и религиозными.²⁶⁵ Он исполнял в городе обязанности арбитра для племени, а также совершал его таинства, а также командовал его вооруженными силами в полевых условиях.²⁶⁶ Вероятно, он был избран курией, собранной на общем собрании; но и здесь наша информация неполноценна. Несомненно, это была древняя должность в каждом латинском племени, своеобразная по характеру и занимаемая на выборной основе. Это был также зародыш еще более высокой должности рекса, или общевойсковой командующего, поскольку функции этих двух должностей были схожи. Вожди племен названы Дионисием

вождями племен.²⁶⁷ Когда три римских племени объединились в один народ под руководством одного сената, одного народного собрания и одного военачальника, должность племенного вождя отошла на второй план и стала менее важной; но продолжающееся сохранение этой должности путем выборного пребывания в должности подтверждает вывод о ее первоначальном популярном характере.

Собрание племен, должно быть, тоже существовало с глубокой древности. До основания Рима каждое италийское племя было практически независимым, хотя племена были более или менее объединены конфедеративными отношениями. Как орган самоуправления, каждое из этих древних племен имело свой совет вождей (которые, несомненно, были вождями родов), свое народное собрание и своих вождей, командовавших его военными отрядами. Эти три элемента в организации племен, а именно совет, вождь племен и племенное собрание, были теми типами, по образцу которых впоследствии были созданы римский сенат, римский рекс и куриальные комиссии. Вождь племен, по всей вероятности, назывался рексом еще до основания Рима; и то же замечание применимо к названию сенаторов (*senex*) и комиций (*con-ire*). Из того, что известно о состоянии и организации этих племен, напрашивается вывод, что их институты были по существу демократическими. После слияния трех римских племен национальный характер племен был утрачен в более высокой организации; но он все еще оставался как необходимое целое в органическом ряду.

Четвертой и последней стадией организации была римская нация или народ, образованный, как уже говорилось, слиянием трех племен. Внешне высшая организация проявлялась в виде сената (*senatus*), народного собрания (*comitia curiata*) и верховного военачальника (*rex*). В дальнейшем это проявилось в городской магистратуре, армейской организации и общем национальном духовенстве различных сословий.²⁶⁸

Мощная городская организация с самого начала была центральной идеей их правительственных и военных систем, по отношению к которым все области за пределами Рима оставались провинциальными. При военной демократии Ромула, при смешанной демократической и аристократической организации республики и при более позднем империализме это было правительство с большим городом в центре, постоянным ядром, к которому все дополнения в результате завоевания добавлялись как приращения, вместо того чтобы делаться вместе с городом общими составляющими правительства. В опыте человечества не было ничего в точности подобного этой римской организации, этой римской власти и карьере римской расы. Это навсегда останется чудом веков.

Организованные Ромулом, они называли себя римским народом (*Populus Romanus*), что было совершенно точно. Они сформировали нееврейское общество и ничего более. Но быстрый рост численности населения во времена Ромула и еще больший рост между этим периодом и периодом правления Сервия Туллия продемонстрировали необходимость фундаментального изменения плана правления. Ромул и мудрецы его времени максимально использовали языческие институты. Мы обязаны его законодательству за грандиозную попытку установить над родами огромную национальную и военную мощь; и, таким образом, за некоторое знание характера и структуры институтов, которые в противном случае могли бы кануть в безвестность, если бы не исчезли из памяти. Возвышение римской власти над родовыми институтами было замечательным событием в человеческом опыте. Неудивительно, что инциденты, сопровождавшие движение, дошли до нас, окрашенные романтикой, если не сказать, окутанные легендой. Рим возник благодаря счастливой концепции, приписываемой Ромулу и принятой его преемниками, о сосредоточении как можно большего числа родов в новом городе, под единым правительством и с их объединенными вооруженными силами под началом одного командующего. Ее цели были по

сути военными, добиться господства в Италии, и неудивительно, что организация приняла форму военной демократии.

Выбрав великолепное место на берегу Тибра, где, покинув горный хребет, он вступил в Кампанию, Ромул занял Палатинский холм, на месте древней крепости, вместе с племенем латинов, вождем которого он был. Традиция выводила его происхождение от вождей Альбы, что является вопросом второстепенной важности. Новое поселение росло с поразительной быстротой, если верить утверждению, что к концу его жизни вооруженные силы насчитывали 46 000 пеших и 1000 конных, что указывает на примерно 200 000 человек в городе и в окрестностях, находившихся под его защитой. Ливий отмечает, что это был древний прием (*vetus consilium*) основателей городов - привлекать к себе малоизвестную и скромную толпу, а затем предъявлять их потомству претензии на автоктонность.²⁶⁹ Говорят, что Ромул, проводивший эту древнюю политику, открыл убежище недалеко от Палатина и пригласил всех представителей окрестных племен, независимо от характера или состояния, разделить с его племенем преимущества и судьбу нового города. Огромная толпа людей, замечает далее Ливий, бежала в это место с окрестных территорий, как рабов, так и свободных, что стало первым присоединением иностранной силы к новому предприятию.²⁷⁰ Плутарх,²⁷¹ и Дионисий²⁷² оба упоминают убежище или рощу, открытие которых для названной цели и с названным успехом было вероятным событием. Это имеет тенденцию показывать, что население Италии к тому времени стало многочисленным из-за варваров и что среди них преобладало недовольство, несомненно, вследствие несовершенной защиты личных прав, существования домашнего рабства и опасения насилия. Таким положением вещей мудрый человек, естественно, воспользовался бы, если бы обладал достаточным военным гением, чтобы справиться с классом людей, собранных таким образом вместе. Следующим важным событием в этом романтическом повествовании, о котором следует напомнить читателю, было нападение сабинян с целью отомстить за пленение сабинянок, ныне почетных жен их похитителей. Это привело к мудрому соглашению, при котором латиняне и сабиняне объединились в одно общество, но каждая дивизия сохранила своего военачальника. Сабиняне заняли Квиринальский и Капитолийский холмы. Так была присоединена основная часть второго племени, титы, под предводительством Тиция Татия, их военного вождя. После смерти последнего все они перешли под военное командование Ромула.

Минуя Нуму Помпилия, преемника Ромула, который установил в более широком масштабе религиозные институты римлян, его преемник Тулл Гостилий захватил латинский город Альбу и вывез все его население в Рим. Они заняли Клианский холм со всеми привилегиями римских граждан. Ливий отмечает, что теперь число граждан удвоилось;²⁷³ но, вероятно, не только из этого источника. Анк Марций, преемник Тулла, захватил латинский город Политорий и, следуя установленной политике, целиком перевел людей в Рим.²⁷⁴ Им был передан Авентинский холм с аналогичными привилегиями. Вскоре после этого жители Теллини и Фиканы были покорены и переселены в Рим, где они также заняли Авентин.²⁷⁵ Следует отметить, что в каждом случае роды, привезенные в Рим, а также первоначальные латинские и сабинские роды оставались локально различными. В родовом обществе, как на Среднем, так и на Высшем уровне варварства, когда племена начали собираться в крепостях и в городах, обнесенных стенами, было общепринятым, чтобы роды селились локально совместно родами и фратриями.²⁷⁶ Таким образом, роды обосновались в Риме. Большая часть этих присоединений была объединена в третье племя, *Luceres*, что дало ему широкую основу латинских родов. Он не был полностью заполнен до времен Тарквиния Приска, четвертого военачальника после Ромула, причем некоторые из новых родов были этрусскими.

Этими и другими способами триста родов были собраны в Риме и организованы там в курии и племена, несколько различающиеся по племенному происхождению; ибо рамны, как уже отмечалось, были латинянами, титы были в основном сабинянами, а луцеры, вероятно, были в основном латинянами с большим притоком из других источников. Таким образом, римский народ и организация возникли путем более или менее ограниченного объединения родов в курии, курий - в племена, а племен - в одно родовое общество. Но модель для каждой целостной организации, за исключением последней, существовала среди них и их предков с незапамятных времен; с естественной основой для каждой курии в родственных родах, фактически объединенных в каждом, и аналогичной основой для каждого племени в общей родословной большей части родов, объединенных в каждом. Все, что было новым в организации, - это численное соотношение родов к курии, курий к племени и слияние последних в один народ. Это можно назвать ростом под законодательным принуждением, потому что сформированные таким образом племена не были полностью свободны от примеси чужеродных элементов; отсюда возникло новое название *tribus* = третья часть народа, которая теперь вошла, чтобы отличить этот организм. В латинском языке, должно быть, был термин, эквивалентный греческому *phylon* = племя, потому что у них была одна и та же организация; но если это так, то он исчез. Изобретение этого нового термина является некоторым доказательством того, что римские племена содержали разнородные элементы, в то время как греческие были чистыми и родственными по происхождению родам, которые они содержали.

Наши знания о предыдущем устройстве латинского общества в основном почерпнуты из законодательства, приписываемого Ромулу, поскольку оно позволяет увидеть предшествующую организацию латинских племен с такими улучшениями и модификациями, какие только могла предложить мудрость века. Это проявляется в сенате как совете вождей, в куриальных комиссиях как собрании народа куриями, в должности общевойскового командующего и в восходящем ряду организаций. Особенно это проявляется в присутствии родов с их признанными правами, привилегиями и обязанностями. Более того, правительство, учрежденное Ромулом и усовершенствованное его непосредственными преемниками, представляет родовое общество в высшей структурной форме, которой оно когда-либо достигало в любой части человеческой семьи. Время, о котором идет речь, было непосредственно перед учреждением Сервием Туллем политического общества.

Первым важным деянием Ромула как законодателя было учреждение римского сената. Он состоял из ста членов, по одному от каждого рода или по десять от каждой курии. Совет вождей как основной инструмент управления не был чем-то новым среди латинских племен. С незапамятных времен они привыкли к его существованию и к его авторитету. Но вполне вероятно, что до времен Ромула он превратился, подобно греческим соборам, в орган предварительного рассмотрения, обязанный готовить и представлять народному собранию наиболее важные общественные меры для принятия или отклонения. Фактически это было возобновлением народом полномочий, ранее принадлежавших совету вождей. Поскольку ни одно общественное мероприятие существенного значения не могло вступить в силу до тех пор, пока оно не получило санкции народного собрания, один этот факт показывает, что сувереном был народ, а не совет или военный командующий. Это показывает также, в какой степени демократические принципы проникли в их социальную систему. Учрежденный Ромулом сенат, хотя его функции, несомненно, были в значительной степени аналогичны функциям предыдущего совета вождей, был шагом вперед по сравнению с ним в нескольких отношениях. Она состояла либо из вождей, либо из мудрецов родов. Каждый род, как замечает Нибур, "посылал своего декуриона, который был его олдерменом", ²⁷⁷ представлять его в сенате. Таким образом, с самого начала это был представительный и выборный орган, и

он оставался выборным вплоть до империи. Сенаторы занимали свои должности пожизненно, что было единственным известным тогда среди них сроком полномочий и, следовательно, не единственным. Ливий приписывает выбор первых сенаторов Ромулу, что, вероятно, является ошибочным утверждением по той причине, что это не соответствовало бы теории их институтов. Ромул выбрал сотню сенаторов, замечает он, либо потому, что этого числа было достаточно, либо потому, что было всего сто человек, которых можно было сделать Отцами. Отцами, конечно, их называли из-за их должностного достоинства, а их потомков называли патрициями.²⁷⁸ Характер сената как представительного органа, титул "Отцы народа", даруемый его членам, пожизненное пребывание в должности, но, помимо всех этих соображений, звание патрициев, которым их дети и прямые потомки удостаивались на вечные времена, одним махом утвердили аристократию ранга в центре их социальной системы, где она прочно укрепилась. Римский сенат, благодаря своему высокому призванию, своему составу и патрицианскому званию, полученному его членами и переданному их потомкам, занимал влиятельное положение в последующем государстве. Именно этот аристократический элемент, теперь впервые привитый к джентилизму, придал республике ее беспородный характер и который, как можно было предсказать, достиг кульминации в империализме, а вместе с ним и в окончательном уничтожении расы. Возможно, это увеличило военную славу и расширило завоевания Рима, институты которого с самого начала были нацелены на военную судьбу; но это сократило карьеру этого великого и экстраординарного народа и продемонстрировало положение о том, что империализм неизбежно уничтожит любую цивилизованную расу. При республике, наполовину аристократической, наполовину демократической, римляне достигли своей славы, которая, можно только думать, была бы более высокой по степени и более продолжительной по своим плодам, если бы свобода и равенство были национализированы вместо неравных привилегий и жестокого рабства. Долгая борьба плебеев за искоренение аристократического элемента, представленного сенатом, и за восстановление древних принципов демократии должна быть отнесена к числу героических трудов человечества.

После объединения сабинян сенат был увеличен до двухсот человек за счет добавления сотни сенаторов²⁷⁹ из родов племени Титий; а когда луцеры увеличились до ста родов во времена Тарквиния Приска, к ним добавилась третья сотня сенаторов из родов этого племени.²⁸⁰ Цицерон оставил некоторые сомнения в этом утверждении Ливия, сказав, что Тарквиний Приск удвоил первоначальное число сенаторов.²⁸¹ Но Шмитц хорошо предполагает в качестве объяснения расхождения, что во время окончательного увеличения сенат, возможно, сократился до ста пятидесяти членов и был пополнен до двухсот из родов первых двух колен, когда к ним добавились сто из третьего. Сенаторы, выбранные из племен Рамнес и Титий, отныне назывались Отцами Больших Родов (*patres maiorum gentium*), а сенаторы из рода Луцерес - Отцами Меньших Родов (*patres minorum gentium*).²⁸² Из формы заявления следует вывод, что триста сенаторов представляли триста родов, причем каждый сенатор представлял род. Более того, поскольку у каждого рода, несомненно, был свой главный вождь (*princeps*), становится чрезвычайно вероятным, что это лицо было выбрано на эту должность либо своим родом, либо все десять были выбраны вместе курией из десяти родов, из которых он состоял. Такой метод представительства и выбора наиболее соответствует тому, что известно о римских и родовых институтах.²⁸³ После установления республики цензоры заполняли вакансии в сенате по своему собственному выбору, пока это не было передано консулам. Как правило, они избирались из числа бывших магистратов высших рангов.

Полномочия сената были реальными и существенными. Все общественные меры исходили от этого органа — те, в отношении которых они могли действовать независимо, а также те,

которые должны быть представлены народному собранию и приняты, прежде чем они смогут вступить в силу. Оно осуществляло общую опеку над общественным благосостоянием, управление их внешними связями, взимание налогов и вооруженных сил, а также общий контроль над доходами и расходами. Хотя управление религиозными делами принадлежало нескольким коллегиям священников, сенат также обладал абсолютной властью над религией. По своим функциям и призванию это был самый влиятельный орган, который когда-либо существовал при родовых институтах.

Народное собрание с признанным правом принимать важные общественные меры, которые должны обсуждаться им и приниматься или отвергаться, было неизвестно в Низшем и, вероятно, в Среднем статусе варварства; но оно существовало в Высшем статусе, на агоре греческих племен, и достигло своей высшей формы в экклесии афинян; и оно также существовало в собрании воинов у латинских племен, достигнув своей высшей формы в куриальных комициях римлян. Рост собственности привел к созданию народного собрания как третьей силы в нееврейском обществе для защиты личных прав и как щита от посягательств совета вождей и военного командующего. Начиная с периода дикости, после учреждения родов, вплоть до времен Солона и Ромула, народный элемент всегда был активен в древнем родовом обществе. На ранних этапах совет вождей обычно был открыт для народных ораторов, и общественные настроения влияли на ход событий. Но когда греческие и латинские племена впервые попали в поле зрения истории, народное собрание для обсуждения и принятия или отклонения государственных мер было явлением столь же постоянным, как и совет вождей. Она была более совершенной систематизированной у римлян при правлении Ромула, чем у афинян во времена Солона. В возникновении и прогрессе этого института можно проследить рост и развитие демократического принципа.

Это собрание у римлян называлось куриатными комициями, потому что члены родов взрослого возраста собирались в одно собрание через курии и голосовали одинаковым образом. Каждая курия имела один коллективный голос, большинство в каждой определялось отдельно и определяло, каким должен быть этот голос.²⁸⁴ Это было собрание родов, которые одни были членами правительства. Плебеи и клиенты, которые уже составляли многочисленный класс, были исключены, потому что не могло быть никакой связи с *Populus Romanus*, кроме как через род и племя. Это собрание, как указывалось ранее, не могло ни инициировать государственные меры, ни вносить поправки в те, которые были им представлены; но ни один из них определенного уровня не мог вступить в силу до тех пор, пока не будет принят комициями. Все законы принимались или отменялись этим собранием; все магистраты и высшие государственные чиновники, включая рекса, избирались им по представлению сената.²⁸⁵ Империя была возложена на этих лиц законом собрания (*lex curiata de imperio*), который представлял собой римский метод назначения на должность. До тех пор, пока империя не была присвоена таким образом, это лицо, хотя избрание было завершено, не могло вступить в свою должность. Куриальные комиссии в апелляционном порядке принимали окончательное решение по уголовным делам, связанным с жизнью римского гражданина. Именно народным движением была упразднена должность короля. Хотя народное собрание так и не получило права принимать меры, его полномочия были реальными и влиятельными. В то время народ был суверенен.

Собрание не имело права созываться само; но, как говорят, оно собралось по вызову рекса или, в его отсутствие, по вызову префекта (*praefectus urbi*). Во времена республики оно созывалось консулами или, в их отсутствие, претором; и во всех случаях лицо, созывавшее собрание, председательствовало на его заседаниях.

В другой связи рассматривался вопрос о должности рекса. Рекс был генералом, а также священником, но без гражданских функций, как пытались намекнуть некоторые авторы.²⁸⁶ Его полномочия как генерала, хотя и не были определены, обязательно были абсолютными по отношению к военным силам на поле боя и в городе. Если он и осуществлял какие-либо гражданские полномочия в конкретных случаях, то следует предположить, что они были делегированы специально для этого случая. Провозгласить его королем, как этот термин обязательно понимается, значит исказить и неверно описать народное правительство, к которому он принадлежал, и институты, на которых оно покоилось. Форма правления, при которой появились король и басилевс, отождествляется с родовыми институтами и исчезла после того, как родовое общество было свергнуто. Это была своеобразная организация, не имеющая аналогов в современном обществе и необъяснимая с точки зрения монархических институтов. Военная демократия во главе с сенатом, народным собранием и генералом, назначающим их и избирающим, является близкой, хотя, возможно, и не идеальной, характеристикой столь своеобразного правления, которое принадлежит исключительно древнему обществу и опиралось на институты, по существу демократические. Ромул, по всей вероятности, ободренный своими великими успехами, взял на себя полномочия, которые считались опасными для сената и народа, и его убийство римскими вождями является справедливым выводом из дошедших до нас заявлений о его таинственном исчезновении. Этот акт, каким бы чудовищным он ни был, демонстрирует тот дух независимости, унаследованный от родов, который не подчинился бы произволу индивидуальной власти. Когда ведомство было упразднено, а на его месте было создано консульство, неудивительно, что вместо одного консула были созданы два. В то время как полномочия офиса могли поднять одного человека на опасную высоту, этого не могло быть в случае с двумя. Та же тонкость рассуждений побудила ирокезов, не имевших первоначального опыта, назначить двух военных вождей конфедерации вместо одного, чтобы должность главнокомандующего, предоставленная одному человеку, не подняла его до слишком влиятельного положения.

В качестве верховного жреца рекс принимал покровительство в важных случаях, что было одним из высших актов римской религиозной системы, и, по их мнению, было столь же необходимо на поле боя накануне битвы, как и в городе. Он совершал и другие религиозные обряды. Неудивительно, что в те времена у римлян, как и у греков, встречались священнические функции, связанные с высшей военной должностью или неотъемлемые от нее. Когда произошла отмена этой должности, было сочтено необходимым возложить на кого-либо связанные с ней религиозные функции, которые, очевидно, были особыми; отсюда и создание новой должности *rex sacrificulus*, или *rex sacrorum*, должностное лицо которой выполняло соответствующие религиозные обязанности. У афинян та же идея вновь появляется у второго из девяти архонтов, которого звали архонт базилевс и который осуществлял общий надзор за религиозными делами. Почему религиозные функции были возложены на должность рекса и басилевса у римлян и греков и на должность Тевкли у ацтеков; и почему после упразднения этой должности в двух первых случаях обычные священнослужители не могли их выполнять, не объяснено.

Так существовало римское родовое общество со времен Ромула до времен Сервия Туллия на протяжении более чем двухсотлетнего периода, в течение которого были заложены основы римского могущества. Правительство, как уже отмечалось, состояло из трех ветвей власти: сената, народного собрания и военного командующего. Они осознали необходимость принятия ими самими определенных писаных законов в качестве замены обычаев. В царстве у них была зародышевая идея главного исполнительного магистрата, необходимость которой давила на них и которая должна была развиться в более законченную форму после института политического общества. Но они сочли это опасной должностью в те времена

ограниченного опыта в высших концепциях управления, потому что полномочия короля были, в основном, неопределенными, а также трудноопределимыми. Неудивительно, что, когда между народом и Тарквинием Превеликим возник серьезный спор, они сместили этого человека и упразднили должность. Как только что-то вроде безответственной власти короля встретилось с ними лицом к лицу, это было признано несовместимым со свободой, и последняя одержала победу. Однако они были готовы допустить в систему правления ограниченную исполнительную власть и создали должность в двойной форме в составе двух консулов. Это произошло после создания института политического общества.

До правления Сервия Туллия не предпринималось прямых шагов по созданию государства, основанного на территории и собственности; но предыдущие меры были подготовкой к этому событию. В дополнение к названным учреждениям они создали городскую магистратуру и полноценную военную систему, включая институт конного ордена. При чисто родовых институтах Рим стал во времена Сервия Туллия сильнейшей военной державой Италии.

Среди созданных новых магистратов должность городского старосты (*custos urbis*) была самой важной. Этот чиновник, который был главой сената (*princeps senatus*), был, в первую очередь, согласно Дионисию, назначен Ромулом.²⁸⁷ Сенат, который не имел права созываться сам, был созван им. Также утверждается, что рекс имел право созывать сенат. То, что она была бы способна собраться по его просьбе по вызову своего собственного должностного лица, вероятно; но то, что он мог бы распорядиться о ее созыве, маловероятно из-за ее независимости в функциях, из-за ее достоинства и из-за ее представительного характера. После правления Децемвиров название должности было изменено на префекта города (*praefectus urbi*), его полномочия были расширены, и он стал выборным новой центуриатной комиссией. При республике консулы, а в их отсутствие претор имели право созывать сенат, а также созывать комиции. Позднее должность претора (*praetor urbanus*) вобрала в себя функции этой древней должности и стала ее преемницей. Римский претор, занимавший должность мирового судьи, был прототипом современного судьи. Таким образом, каждое существенное учреждение в правительстве или управлении делами общества, как правило, может быть сведено к простому зародышу, который в грубой форме прорастает из человеческих потребностей и, когда способен выдержать испытание временем и опытом, развивается в постоянное учреждение.

Сведения о пребывании в должности вождя и функциях совета вождей до времен Ромула, если бы их можно было установить, пролили бы много света на состояние римского родового общества во времена Ромула. Более того, эти несколько периодов следует изучать отдельно, потому что факты об их социальном положении менялись по мере их интеллектуального развития. Итальянский период до Ромула, период семи правлений и последующие периоды республики и империи отмечены большими различиями в духе и характере правления. Но институты первого периода вошли во второй, и они снова были перенесены в третий и остались с изменениями в четвертом. Рост, развитие и упадок этих институтов олицетворяют жизненную историю римского народа. Именно прослеживая эти институты от зародыша до их последовательных стадий роста в широком масштабе племен и наций человечества, мы можем проследить великие движения человеческого разума в его эволюции от его младенчества в условиях дикости до его нынешнего высокого развития. Из потребностей человечества в организации общества возник род; из рода возник вождь и племя с его советом вождей; из племени путем разделения возникла группа племен, впоследствии вновь объединившаяся в конфедерацию и, наконец, консолидированная путем слияния в нацию; из опыта совета возникла необходимость народного собрания с разделением между ними

полномочий правительства; и, наконец, из военных потребностей объединенных племен возник общий военачальник, который со временем стал третьей властью в государстве. правительство, но подчиненное двум высшим державам. Это был зародыш должности последующего главного магистрата, короля и президента. Основные институты цивилизованных наций являются просто продолжением тех, которые зародились в дикости, расширились в варварстве и которые все еще существуют и развиваются в цивилизации.

Поскольку римское правительство существовало после смерти Ромула, оно было социальным, а не политическим; оно было личным, а не территориальным. Три племена, правда, располагались в отдельных районах в пределах города; но это был преобладающий способ расселения при родовых институтах. Их отношения друг к другу и к возникшему в результате обществу, как родов, курий и племен, были полностью личными, правительство имело дело с ними как с группами лиц, а с целым - как с римским народом. Локализованная таким образом в пределах окружающих город валов, идея создания поселка или городского округа напрашивалась сама собой, когда необходимость изменения плана управления была навязана им растущей сложностью дел. Вскоре от них потребовалась великая перемена, которая должна была быть осуществлена посредством экспериментального законодательства — точно такого же, к которому афиняне пришли незадолго до правления Сервия Туллия. Рим был основан, и его первые победы были одержаны при установлении чисто родовых; но плоды этих достижений самим своим размахом продемонстрировали неспособность родов сформировать основу государства. Но потребовалось два столетия интенсивной деятельности в растущем содружестве, чтобы подготовить почву для учреждения второго великого плана правления, основанного на территории и собственности. Лишение правящих полномочий родов, курий и племен и передача их новым избирательным округам было той жертвой, которой требовали. Такая перемена стала бы возможной только благодаря убеждению, что роды невозможно заставить уступить такой форме правления, какой требовало их развитое состояние. Практически это был вопрос продолжения варварства или перехода к цивилизации. Введение новой системы станет темой следующей главы.

ГЛАВА XIII

Институт римского политического общества

Сервий Туллий, шестой вождь римской военной демократии, вступил в должность через сто тридцать три года после смерти Ромула, насколько можно установить точную дату.²⁸⁸ Таким образом, его вступление на престол произошло примерно в 576 году до н.э. Этому замечательному человеку римляне были в основном обязаны установлением своей политической системы. Будет достаточно указать его основные характеристики вместе с некоторыми причинами, приведшими к его принятию.

Со времен Ромула до правления Сервия Туллия римляне состояли из двух различных классов: населения и плебеев. Оба были лично свободны и оба вступили в ряды армии; но только первые были организованы в роды, курии и племена и обладали правительственными полномочиями. Плебеи, с другой стороны, не принадлежали ни к какому роду, курии или племени и, следовательно, были лишены правительства.²⁸⁹ Они были отстранены от должности, от куриальных комиций и от священных обрядов родов. Во времена Сервия они стали почти, если не совсем, такими же многочисленными, как *populus*. Они находились в

аномальном положении, поскольку подлежали военной службе и обладали семьями и собственностью, что отождествляло их с интересами Рима, не будучи в каком-либо смысле связанными с правительством. При родовых институтах, как мы видели, не могло быть никакой связи с правительством, кроме как через признанный род, а у плебеев не было родов. Такое положение вещей, затрагивающее столь значительную часть людей, было опасно для содружества. Не допуская возможности исправления в рамках нееврейских институтов, оно, должно быть, послужило одной из главных причин для попытки свержения нееврейского общества и замены его политическим. Римская ткань, по всей вероятности, развалилась бы на куски, если бы не было изобретено средство защиты. Она была начата во времена Ромула, возобновлена Нумой Помпилием и завершена Сервием Туллем.

Происхождение как плебеев, так и патрициев и их последующие отношения друг к другу были плодотворными темами для дискуссий и разногласий. По каждому из этих вопросов можно высказать несколько предложений.

Человек был плебеем, потому что он не был членом рода, организованного вместе с другими родами в курию и племя. Легко понять, насколько большое число людей оторвалось бы от своих родов в те беспокойные времена, которые предшествовали основанию Рима и последовали за ним. Авантюристы, стекавшиеся в новый город из окрестных племен, пленники, захваченные в их войнах и впоследствии освобожденные, и одинокие люди, смешавшиеся с родами, переселившимися в Рим, быстро составили бы такой класс. Также вполне могло случиться, что при заполнении ста родов каждого племени были исключены фрагменты родов и роды, насчитывающие меньше установленного числа человек. Эти несвязанные личности, с фрагментами родов, таким образом, исключенными из признания и организации в курии, вскоре стали бы, вместе со своими детьми и потомками, великим и растущим классом. Таковы были римские плебеи, которые, как таковые, не были членами римского родового общества. Из эпитета, применяемого к сенаторам луцеров, третьего признанного римского племени, которых называли “Отцами меньших родов”, кажется справедливым вывод, что старые роды неохотно признавали свое полное равенство. По более веской причине они лишили плебеев всякого участия в управлении государством. Когда третье племя пополнилось предписанным числом родов, последний путь для поступления был закрыт, после чего численность плебейского сословия увеличивалась с еще большей скоростью. Нибур отмечает, что существование класса плебеев можно проследить до времен Анка, подразумевая, таким образом, что они впервые появились именно в то время.²⁹⁰ Он также отрицает, что клиенты были частью плебейского сообщества;²⁹¹ в обеих этих позициях он отличается от Дионисия,²⁹² и от Плутарха.²⁹³ Институт отношений покровителя и клиента авторы, названные последними, приписывают Ромулу, а Светоний признает, что он существовал во времена Ромула.²⁹⁴ Необходимость в таком институте существовала при наличии класса без родового статуса и без религиозных обрядов, которые могли бы воспользоваться этим отношением для защиты своей личности и собственности и для доступа, который оно давало им, к религиозным привилегиям. Члены рода не были бы лишены этой защиты или этих привилегий; также не соответствовало бы достоинству или обязательствам рода позволять одному из его членов принимать покровителя в другом роде. Свободный класс, или, другими словами, плебеи, были единственными людьми, которые естественным образом искали покровителей и становились их клиентами. Клиенты не входили в состав *populus* по указанным причинам. Кажется очевидным, несмотря на весомость авторитета Нибура в вопросах римского права, что клиенты были частью плебейского сообщества.

Следующий вопрос представляет собой вопрос чрезвычайной сложности, а именно: происхождение и масштабы класса патрициев — возникло ли оно с учреждением Римского сената и ограничивалось сенаторами, их детьми и потомками; или включало в себя все население, в отличие от плебеев. Самые выдающиеся современные авторитеты утверждают, что все население было патрициями. Нибур, который, безусловно, является первым в римских вопросах, придерживается этой точки зрения,²⁹⁵ с которой согласились Лонг, Шмитц и другие.²⁹⁶ Но приведенные причины не являются окончательными. Существование класса патрициев, а также класса плебеев, как уже говорилось, можно проследить до времен Ромула.²⁹⁷ Если бы *populus*, которые представляли собой совокупность людей, организованных в роды, все были патрициями в те ранние времена, различие было бы номинальным, поскольку класс плебеев тогда был неважен. Более того, простые утверждения Цицерона и Ливия не согласуются с этим выводом. Дионисий, это правда, говорит об учреждении класса патрициев как возникшем до образования сената и состоящем из ограниченного числа лиц, отличающихся своим происхождением, добродетелями и богатством; таким образом, исключая бедных и безвестных по происхождению, хотя они принадлежали к историческим родам.²⁹⁸ Признавая класс патрициев, не связанных с сенатом, в нескольких родах все еще оставался большой класс, который не был патрицием. Цицерон оставил прямое заявление о том, что сенаторы и их дети были патрициями, не ссылаясь при этом на существование какого-либо класса патрициев помимо них. Когда тот сенат Ромула, замечает он, который состоял из лучших людей, которых сам Ромул уважал так высоко, что желал, чтобы их называли отцами, а их детей патрициями, попытался,²⁹⁹ и т. Д. Значение, придаваемое слову "отцы" (*patres*) в том виде, в каком оно используется здесь, было предметом разногласий среди самих римлян; но слово *patricii*, поскольку класс образован от *patres*, таким образом, демонстрирует необходимую связь патрициев с сенаторской должностью. Поскольку каждый сенатор с самого начала представлял, по всей вероятности, род, а триста человек, таким образом, представляли все признанные роды, этот факт сам по себе не мог сделать патрициями всех членов родов, потому что достоинство было ограничено сенаторами, их детьми и их потомством. Ливий столь же откровенен. Он отмечает, что их, безусловно, называли отцами из-за их официального достоинства, а их потомство (*progenies*) - патрициями.³⁰⁰ При регентстве, а также при республике правительство присваивало отдельным лицам звание патрициев; но, кроме должности сенатора и специального учреждения правительством, это звание получить было невозможно. Не исключено, что ряд лиц, не допущенных в сенат при его учреждении, были поставлены публичным актом на один уровень с сенаторами в отношении нового патрицианского звания; но это включало бы лишь небольшое число членов трехсот родов, все из которых были включены в *Populus Romanus*.

Не исключено, что вожди родов назывались отцами до времен Ромула, чтобы указать на отцовский характер этой должности; и что эта должность, возможно, давала их потомству определенный признанный ранг. Но у нас нет прямых доказательств этого факта. Если предположить, что это было так, и, кроме того, что в состав сената при его учреждении входили не все главные вожди, и, более того, что, когда впоследствии заполнялись вакансии в сенате, отбор производился по заслугам, а не по признаку рода, основание класса патрициев могло ранее существовать независимо от сената. Эти предположения могут быть использованы для объяснения своеобразного языка Цицерона, а именно: что Ромул желал, чтобы сенаторов называли Отцами, возможно, потому, что это уже было почетным титулом глав родов. Таким образом, может быть найдена ограниченная основа для класса патрициев, независимая от сената; но она была бы недостаточно широкой, чтобы включить в себя все признанные роды. Именно в связи с сенаторами было выдвинуто предложение называть патрициями их детей и потомков. То же утверждение повторяет Патеркул.³⁰¹

Отсюда следует, что не могло быть ни патрицианского, ни плебейского рода, хотя отдельные семьи в одном роде могли быть патрициями, а в другом - плебеями. По этому поводу также существует некоторая путаница. Все взрослые представители мужского пола рода Фабиев в количестве трехсот шести человек были патрициями.³⁰² Это должно быть объяснено предположением, что все семьи этого рода могли вести свое происхождение от сенаторов или от какого-либо общественного акта, благодаря которому их предки были возведены в патрициат. Конечно, патрицианские семьи существовали во многих родах, а позднее патрицианские и плебейские семьи входили в один и тот же род. Таким образом, Клавдии и Марчелли, упомянутые ранее (выше [справочная страница](#)), были двумя семьями рода Клавдиев, но только Клавдии были патрициями. Следует иметь в виду, что до правления Сервия Туллия римляне были разделены на два класса, *ropulus* и плебеи; но что после его правления, и особенно после законодательства Лициния (367 г. до н.э.), по которому все государственные достоинства были открыты для каждого гражданина, римский народ, имеющий степень свободных людей, распался на два политических класса, которые можно различить как аристократию и простолюдинов. Первый класс состоял из сенаторов и тех, кто произошел от сенаторов, а также тех, кто занимал любую из трех курульных должностей (консула, претора и курульного эдила) и их потомков. Простые люди теперь были римскими гражданами. Родовая организация пришла в упадок, и старое разделение больше не могло сохраняться. Лица, которые в первый период как принадлежащие к *ropulus* не могли быть причислены к плебеям, в последующий период принадлежали бы к аристократии, не будучи патрициями. Клавдии могли проследить свое происхождение от Аппия Клавдия, ставшего сенатором во времена Ромула; но Марчелли не могли проследить свое происхождение ни от него, ни от какого-либо другого сенатора, хотя, как замечает Нибур, “равны Апиям по великолепию почестей, которых они достигли, и несравненно более полезны для государства”.³⁰³ Это достаточное объяснение положения Марчелли, если не прибегать к причудливой гипотезе Нибура о том, что Марчелли потеряли патрицианское звание из-за брака. унижения.³⁰⁴

Класс патрициев обязательно был многочисленным, потому что сенаторов, которых редко было меньше трехсот, выбирали так часто, как появлялись вакансии, таким образом, постоянно привлекая новые семьи; и потому, что это присваивало патрицианское звание их потомству. Другое время от времени становились патрициями по решению государства.³⁰⁵ Это различие, поначалу, вероятно, не имевшее большого значения, приобрело огромное значение с ростом их богатства, численности и власти; и оно изменило облик римского общества. В то время, вероятно, не оценили в полной мере эффект введения привилегированного класса в римском нееврейском обществе; и сомнительно, не оказал ли этот институт скорее вредного, чем благотворного влияния на последующую карьеру римского народа.

Когда роды перестали быть организациями для правительственных целей при новой политической системе, *ropulus* больше не отличался так сильно от плебеев; но тень старой организации и старого различия сохранялась далеко за пределами республики.³⁰⁶ Плебеи при новой системе были римскими гражданами, но теперь они были простолюдинами; вопрос о связи или несвязанности с родом не входил в это различие.

От Ромула до Сервия Туллия римская организация, как уже говорилось, была просто родовым обществом, не имеющим отношения к территории или собственности. Все, что мы находим, - это ряд совокупностей лиц в виде родов, курий и племен, посредством которых правительство обращалось с народом как с группами лиц, образующими эти несколько органических единств. Их положение было точно таким же, как у афинян до времен Солона.

Но они учредили сенат вместо старого совета вождей, куриатную комиссию вместо старого народного собрания и выбрали военного командующего с дополнительными функциями священника и судьи. При правительстве трех держав, скоординированном в соответствии с их главными потребностями, и при слиянии трех племен, состоящих из равного числа родов и курий, в один народ, они обладали более высокой и совершенной государственной организацией, чем та, которой прежде достигли латинские племена. Однако постепенно сложился многочисленный класс людей, лишенных государственной власти и религиозных привилегий, за исключением той части, которая перешла в разряд клиентов. Если они и не были опасным классом, то их лишение гражданства и всякого участия в правительстве было пагубным для содружества. Муниципалитет рос с размахом, неизвестным в их предыдущем опыте, и требовал специальной организации для ведения своих местных дел. Необходимость изменения плана правления, должно быть, все больше и больше привлекала внимание вдумчивых людей. Увеличение численности и богатства, а также трудность управления их делами, теперь сложными из-за многочисленности и разнообразия интересов, начали выявлять тот факт, надо полагать, что они не могли держаться вместе при родовых институтах. Заключение такого рода требуется для объяснения нескольких способов, которые были опробованы.

Нума, преемник Ромула, сделал первое значительное движение, поскольку оно свидетельствует о существовании впечатления, что великая держава не может опираться на роды как основу системы. Он попытался разделить роды, как это сделал Тесей, разделив людей на классы, числом около восьми, в соответствии с их искусствами и профессиями.³⁰⁷ Плутарх, который является главным авторитетом в этом утверждении, говорит об этом разделении людей в соответствии с их призваниями как о наиболее почитаемом из институтов Нумы; и отмечает далее, что оно было разработано для устранения различия между латынью и сабинянами, как именем, так и вещью, путем смешивания их вместе в новом распределении. Но поскольку он не наделил классы полномочиями, которыми пользовались роды, эта мера потерпела неудачу, как и аналогичная попытка Тесея, и по той же причине. Каждая гильдия, как нас уверяет Плутарх, имела свой отдельный зал, двор и религиозные обряды. Эти записи, хотя и традиционные, об одном и том же эксперименте в Аттике и Риме, сделанные с одной и той же целью, по сходным причинам и с помощью одних и тех же инструментов, делают разумным вывод о том, что эксперимент, как указано, действительно проводился в каждом конкретном случае.

Сервий Туллий учредил новую систему и заложил в нее фундамент, на котором она оставалась до конца республики, хотя впоследствии были внесены изменения в характер усовершенствований. Его период (около 576-533 гг. до н.э.) близко следует за периодом Солона (596 г. до н.э.) и предшествует периоду Клисфена (509 г. до н.э.). Законодательство, приписываемое ему и которое, очевидно, было составлено по образцу законодательства Солона, может быть принято как имевшее место еще в названное время, потому что система практически действовала, когда республика была основана в 509 г. до н.э., в пределах исторического периода. Более того, ему с таким же правом можно приписать создание новой политической системы, с каким другим людям приписывались великие меры, хотя в обоих случаях законодатель делает немногим больше, чем формулирует то, что опыт уже подсказал и привлек его внимание. Тремя основными изменениями, которые упразднили роды и положили начало политическому обществу, основанному на территории и собственности, были: во-первых, замена родов классами, сформированными в зависимости от меры индивидуального богатства; во-вторых, учреждение центуриата, как нового народного собрания, вместо куриата, собрания родов, с передачей существенных полномочий последних первым; и в-третьих, создание четырех городских округов, имеющих

характер поселков, ограниченных метрами и границами. и названы территориальными районами, в которых жители каждого прихода должны были вписать свои имена и зарегистрировать свою собственность.

Подражая Солону, с планом правления которого он, несомненно, был знаком, Сервий разделил народ на пять классов в соответствии со стоимостью их собственности, результатом чего стало сосредоточение в одном классе самых богатых людей из нескольких родов.³⁰⁸ Затем каждый класс был разделен на центурии, численность в каждой из которых устанавливалась произвольно, без учета фактического числа лиц, в нее входивших, и с правом одного голоса против каждой центурии в комициях. Таким образом, объем политической власти, которой должен был обладать каждый класс, определялся количеством столетий, отведенных каждому из них. Таким образом, первый класс состоял из восьмидесяти центурий с восемью голосами в центуриатных комиссиях; второй класс из двадцати центурий, к которому были присоединены два столетия ремесленников, с двадцатью двумя голосами; третий класс из двадцати центурий, с двадцатью голосами; четвертый класс из двадцати, к которому были присоединены два столетия трубачей, с двадцатью двумя голосами; и пятый класс из тридцати центурий, с тридцатью голосами. В дополнение к ним всадники состояли из восемнадцати центурий с восемнадцатью голосами. К этим классам Дионисий добавляет шестой класс, состоящий из одной центурии с одним голосом. Она состояла из тех, у кого не было имущества или его было меньше, чем сумма, необходимая для поступления в пятый класс. Они не платили налогов и не участвовали в войне.³⁰⁹ Согласно Дионисию, общее количество центурий в шести классах с добавлением всадников составило в общей сложности сто девяносто три.³¹⁰ Ливий, соглашаясь с первым относительно количества регулярных центурий в пяти классах, отличается от него исключением шестого класса, когда лица формируются в одну центурию с одним голосом и включаются в пятый класс или присоединяются к нему. Он также указывает на три центурии трубачей вместо двух, и общее число центурий на одну больше, чем у Дионисия.³¹¹ Цицерон замечает, что девяносто шесть центурий составляли меньшинство, что было бы одинаково верно в соответствии с любым утверждением.³¹² Центурии каждого класса были разделены на старших и младших, из которых старшие центурии состояли из лиц старше пятидесяти пяти лет, и на них была возложена солдатская обязанность защищать город; в то время как младшие центурии состояли из лиц моложе этого возраста и старше семнадцать, и им было поручено заниматься внешними военными предприятиями.³¹³ Вооружение каждого класса было предписано и изготавливалось по-разному для каждого.³¹⁴

Следует заметить, что контроль над правительством, насколько народное собрание могло влиять на его действия, был передан в руки первого класса и всадников. Они набрали девяносто восемь голосов, что составляло большинство от общего числа. Каждая центурия согласовывала свой голос отдельно, когда собиралась в центуриатных комициях, точно так же, как каждая курия привыкла делать в куриальных комициях. При голосовании по любому общественному вопросу сначала вызывались всадники, а затем первый класс.³¹⁵ Если они соглашались в своих голосованиях, это решало вопрос, и остальные центурии не привлекались к голосованию; но если они не соглашались, вызывался второй класс, и так до последнего, если раньше не появлялось большинство.

Полномочия, ранее осуществлявшиеся куриатными комициями, теперь переданные центуриатным комициям, были расширены в некоторых незначительных деталях в последующий период. Он избирал всех должностных лиц и магистратов по представлению сената; он принимал или отклонял законы, предложенные сенатом, ни одна мера не становилась законом без его санкции; он отменял существующие законы по предложению

того же органа, если они решали это сделать; и он объявлял войну по той же рекомендации. Но сенат заключил мир, не посоветовавшись с ассамблеей. Апелляция по всем делам, касающимся жизни, может быть подана в эту ассамблею как высшую судебную инстанцию государства. Эти полномочия были существенными, но ограниченными — контроль над финансами был исключен. Большинство голосов, однако, было подано за первый класс, включая всадников, которые, как и следовало ожидать, включали в себя патрициев и наиболее состоятельных граждан. Собственность, а не цифры контролировало правительство. Однако со временем они смогли создать свод законов, которые обеспечивали равную защиту всем и, таким образом, имели тенденцию компенсировать наихудшие последствия неравенства системы.

Заседания комиций ежегодно проводились на Марсовом поле для выборов магистратов и должностных лиц, а также в другое время, когда этого требовали общественные нужды. Люди, собранные веками и классами под командованием своих офицеров, организованные как армия (*exercitus*); ибо века и классы были созданы для того, чтобы служить всем целям военной, а также гражданской организации. На первом сборе при Сервии Туллии восемьдесят тысяч солдат-граждан появились в Кампусе Мартинс с оружием в руках, каждый человек в своем столетии, каждое столетие в своем классе и каждый класс сам по себе.³¹⁶ Теперь каждый член столетия был гражданином Рима, что было самым важным плодом новой политической системы. Во времена республики консулы, а в их отсутствие претор имели право созывать комиции, на которых председательствовало лицо, создавшее их.

Такое правительство кажется нам, в свете нашего более продвинутого опыта, грубым и неуклюжим; но это было ощутимым улучшением по сравнению с предыдущим нееврейским правительством, каким бы ущербным и нелиберальным оно ни казалось. При нем Рим стал владыкой мира. Элемент собственности, приобретающий теперь первостепенное значение, определил его характер. Это выдвинуло на первый план аристократию и привилегии, которые воспользовались возможностью в значительной степени вырвать контроль над правительством из рук народа и передать его имущим. Это было движение в направлении, противоположном тому, к которому естественным образом стремились демократические принципы, унаследованные от родов. Против новых элементов аристократии и привилегий, которые теперь были включены в их правительственные институты, римские плебеи боролись на протяжении всего периода республики, и временами с некоторым успехом. Но патрицианский ранг и собственность, которыми обладали высшие классы, были слишком могущественны для более мудрых и величественных доктрин равных прав и привилегий, представленных плебеями. Даже тогда это было слишком тяжелым налогом для римского общества, чтобы нести его привилегированному классу.

Цицерон, каким бы патриотом и благородным римлянином он ни был, одобрял и одобрял такое разделение людей на классы с предоставлением меньшинству граждан контролирующего влияния в правительстве. Сервий Туллий, замечает он, “создав большое количество всадников из общей массы народа, разделил остальных на пять классов, различая старших и младших, которых он учредил таким образом, чтобы передать избирательные права не в руки толпы, а в руки людей состоятельных; позаботившись о том, чтобы у нас было правилом, как и должно быть при любом правительстве, чтобы наибольшее число не имело наибольшего веса”.³¹⁷ В свете опыта прошедших двух тысячелетий, можно хорошо заметить, что неравенство между большинством и властью было увеличено. лишение привилегий и отрицание права на самоуправление, которое здесь приветствуется, создали и развили ту массу невежества и коррупции, которые в конечном счете уничтожили и правительство, и народ. Человечество постепенно усваивает простой урок, что люди в

целом более мудры для общественного блага и процветания, чем любой привилегированный класс людей, каким бы утонченным и образованным он ни был, или, по любой возможности, может когда-либо стать. Правительства в наиболее развитых обществах все еще находятся на переходной стадии; и они неизбежно и логично движутся, как не без оснований отметил президент Грант в своей последней инаугурационной речи, в направлении демократии; той формы самоуправления, которая представляет и выражает средний интеллект и добродетель свободного и образованного народа.

Классы собственности служили полезной цели разрушения родов как основы государственной системы путем передачи их полномочий другому органу. Очевидно, что главной целью сербского законодательства было добиться освобождения от родов, которые были закрытыми корпорациями, и дать новому правительству основу, достаточно широкую, чтобы включить в него всех жителей Рима, за исключением рабов. После того, как классы завершат эту работу, можно было бы ожидать, что они вымрут, как это произошло в Афинах; и что городские округа и сельские поселки, с их жителями, организованными как политические организации, станут основой новой политической системы, как они по праву и логике должны были бы. Но муниципальная организация Рима помешала этому завершению. Оно с самого начала заняло и сохраняло до конца центральное положение в правительстве, которому были подчинены все внешние области. Это представляет собой аномалию огромного центрального муниципального управления, фактически распространившегося сначала на Италию, а затем и на завоеванные провинции трех континентов. Пять классов, с некоторыми изменениями в порядке голосования, сохранялись до конца республики. Создание нового народного собрания, которое заменит старое, раскрывает радикальный характер сербской конституции. Эти классы никогда бы не обрели жизнеспособность без вновь созданного собрания, наделяющего их политической властью. С увеличением богатства и численности населения обязанности этого собрания значительно возросли. Очевидно, Сервий Туллий намеревался уничтожить куриатные комиции, а вместе с ними и власть родов.

Говорят, что этот законодатель учредил трибутные комиции, отдельное собрание каждого местного племени или прихода, главные обязанности которого касались исчисления и сбора налогов, а также предоставления контингентов войск. Позднее это собрание избрало народных трибунов. Округ был естественной единицей их политической системы и центром, где должно было быть создано местное самоуправление, если бы римский народ хотел создать демократическое государство. Но сенат и имущие классы помешали им сделать эту карьеру.

Одним из первых деяний, приписываемых Сервию, было введение переписи населения. Ливий объявляет перепись населения наиболее благотворной мерой для империи, которая вот-вот станет такой великой, согласно которой обязанности в области мира и войны должны были выполняться не индивидуально, как раньше, а в соответствии с мерой личного богатства.³¹⁸ От каждого человека требовалось зарегистрироваться по месту жительства с указанием размера его имущества. Это было сделано в присутствии цензора; и составленные списки послужили основой для формирования классов.³¹⁹ Это сопровождалось весьма примечательным для того времени актом - созданием четырех городских округов, очерченных границами и отмеченных соответствующими названиями. По времени это было раньше, чем учреждение Аттического дема Клисфеном; но эти двое были совершенно разными по своему отношению к правительству. Аттический деме, как было показано, был организован как политический орган с аналогичным реестром граждан и их собственности и, помимо полного местного самоуправления, с выборной магистратурой,

судебной системой и священством. С другой стороны, римский округ представлял собой географическую область с реестром граждан и их собственности, с местной организацией, трибуном и другими выборными должностями, а также с собранием. В отношении ограниченного числа особых объектов правительство имело дело с обитателями приходов через их территориальные отношения. Но правительство прихода не обладало прочными атрибутами правительства аттического дема. Это была более близкая копия предыдущего афинского храма, который, не исключено, послужил образцом, как солонийские классы служили образцом для сербов. Дионисий замечает, что после Сервия Туллия было заключено семь холмов с одной стеной он разделил город на четыре части, и дал имена холмы на ре-деление: к первой, Палатина, на второе, Suburra, в-третьих, Коллина, и на четвертый, Esquilina, и сделал город состоит из четырех частей, которая раньше состояла из трех; и он приказал он народу, живущему в каждом из четырех регионов, как селяне, не предпринимать каких-либо иного жилого помещения, не платить налоги в другом месте, не дают их имена, как солдат, в других местах, ни платить свои оценки военного назначения и другие потребности, которые каждый должен представить для общего благосостояния; все эти вещи были не больше предстоит сделать по три кровных племен, но по четыре местных племен, которые в прошлом были организованы им самим, и он назначил командирами над каждым племенем, как *phylarchs* или *comarchs*, которым он руководил отметить, что каждый дом заселен.³²⁰ Моммзен отмечает, что “каждое из этих четырех Леви-районы предоставить четвертой части не только сил в целом, но и каждого из его военных подразделений, так что каждый легион и каждый век сочтены равная доля призывников из каждого региона; очевидно, с целью объединения всех различий язычника и местной природы в одно общее взыскание сообщества, и особенно связующих, через мощным нивелирующим влиянием боевой дух, *meteoci* и мещанство в один народ.”³²¹

Аналогичным образом, окружающая местность под властью Рима была организована в поселки (*tribus rusticae*), число которых одними авторами указывается в двадцати шести, а другими - в тридцати одном; таким образом, с учетом четырех городских округов, в одном случае их было тридцать один, а в другом - тридцать пять.³²² Общее число никогда не увеличивалось выше тридцати пяти. Эти поселки не стали целостными в смысле участия в управлении правительством.

Как было окончательно установлено сербской конституцией, правительство было сформировано в том виде, в каком оно оставалось на протяжении существования республики; консулы заняли место предыдущих военачальников. Она не была основана на территории в исключительном смысле афинского правительства или в современном смысле; восходила от поселка или прихода, организационной единицы, к графству или округу, а от последнего - к государству, каждое из которых было организовано и наделено правительственными функциями как составные части единого целого. Центральное правительство затмило и атрофировало эти части. Оно опиралось больше на собственность, чем на территорию, причем она была превращена в командующий элемент, о чем свидетельствует сосредоточение контрольной власти правительства в высших имущественных классах. Тем не менее, оно имело и территориальную основу, поскольку признавало и использовало территориальные подразделения для получения гражданства, а также для финансовых и военных целей, в которых с гражданином имели дело через его территориальные отношения.

Теперь римляне были практически выведены из родового общества во второй великий план правления, основанный на территории и собственности. Они оставили готизм и варварство позади и вступили на новый путь цивилизации. Отныне создание и защита собственности

стали основными задачами правительства, к которым добавилась карьера завоевателей с целью господства над отдаленными племенами и нациями. Это великое изменение институтов, создавшее политическое общество в отличие от родового общества, было просто введением новых элементов территории и собственности, превративших последние в силу в правительстве, которая раньше была просто влиянием. Если бы округа и сельские поселки были организованы со всеми полномочиями местного самоуправления, а сенат был бы избран этими местными избирательными округами без различия классов, получившееся правительство было бы демократией, подобной афинской; поскольку эти местные органы власти сформировали бы государство по своему собственному подобию. Сенат с предоставленным ему наследственным званием и имущественным основанием, дающим право голоса в народном собрании, повернул чашу весов против демократических институтов и создал смешанное правительство, частично аристократическое, частично демократическое; в высшей степени рассчитанное на то, чтобы породить вечную вражду между двумя классами граждан, намеренно и без необходимости созданную таким образом позитивным законодательством. Я думаю, очевидно, что сербская конституция обошла народ, и ему было навязано правительство, которое большинство отвергло бы, если бы они полностью понимали его вероятные результаты. Это убедительно свидетельствует о предшествующих демократических принципах родов, которые, какими бы исключительными они ни были по отношению ко всем лицам, не входящим в их общину, полностью осуществлялись между ними самими. Свидетельства этого свободного духа и их свободных институтов настолько убедительны, что высказанное в другом месте утверждение о том, что джентилизм несовместим с монархией, кажется неопровержимым.

В целом римское правительство было аномальным. Затмевающий Римский муниципалитет, ставший центром государства в его плане управления, был одной из причин, обусловивших его новый характер. Первичная организация народа в армию с воспитанным в нем воинским духом создала сплочающую силу, которая спасла республику, а затем и империю. С выборным сенатом, занимающим должность пожизненно и обладающим значительными полномочиями; с личным званием, переходящим к их детям и потомкам; с выборной магистратурой, соответствующей потребностям центральной метрополии; с собранием народа, организованным в имущественные классы, обладающим неравным избирательным правом, но имеющим как положительное, так и отрицательное отношение ко всему законодательству; и с развитой военной организацией, среди людей не появилось другого правительства, строго аналогичного. Это было искусственно, нелогично, приближаясь к чудовищу; но способное к замечательным достижениям из-за своего военного духа и потому, что римляне были наделены замечательными способностями к организации и управлению делами. Лоскутное одеяло в его составе было продуктом высшего мастерства богатых классов, которые намеревались захватить саму суть власти, в то время как они притворялись, что уважают права и интересы всех.

Когда установилась новая политическая система, старая исчезла не сразу. Функции сената и военного командующего остались прежними; но имущественные классы заняли место родов, а собрание классов заняло место собрания родов. Какими бы радикальными ни были изменения, в основном они ограничивались этими деталями и были осуществлены без трений или насилия. Старому собранию (*comitia curiata*) было разрешено сохранить часть своих полномочий, которые поддерживали жизнь в течение длительного периода времени организаций родов, курий и кровнородственных племен. Он по-прежнему наделял империумом всех высших должностных лиц после завершения их избрания, хотя со временем это стало просто вопросом формы; он вводил в должность некоторых священников и регулировал религиозные обряды курий. Такое положение вещей сохранялось вплоть до

времен первой Пунической войны, после которой куриальные комиссии утратили свое значение и вскоре канули в лету. И ассамблея, и курии были скорее заменены, чем упразднены, и вымерли от истощения; но роды сохранились далеко в пределах империи, не как организация, поскольку и она со временем вымерла, а как родословная и родословная потомков. Таким образом, переход от родового общества к политическому был осуществлен постепенно, но эффективно, и римляне заменили первый, господствовавший с незапамятных времен, вторым великим планом человеческого правления.

После чрезвычайно длительного периода, предшествовавшего отдельному существованию арийской семьи и унаследованного латинскими племенами от их отдаленных предков, родовая организация, наконец, уступила свое существование у римлян требованиям цивилизации. Она безраздельно владела обществом в течение этих нескольких этнических периодов и до тех пор, пока не овладела опытом всеми элементами цивилизации, с которыми тогда оказалась неспособной справиться. Человечество в неоплатном долгу перед своими дикими предками за создание института, способного вывести прогрессивную часть человеческой расы из состояния дикости в состояние варварства и через последовательные стадии последнего - в цивилизацию. Оно также накопило опыт, интеллект и знания, необходимые для создания политического общества, пока еще существовал этот институт. Оно занимает позицию на великой карте человеческого прогресса, не имеющую себе равных по своему влиянию, достижениям и истории. Как система правления, родовая организация не соответствовала потребностям цивилизованного человека; но в память о ней следует сказать, что она развила в зародыше основные правительственные институты современных цивилизованных государств. Среди прочего, как уже говорилось, из древнего совета вождей произошел современный сенат; из древнего народного собрания произошло современное представительное собрание, оба вместе составляющие современный законодательный орган; из древнего главнокомандующего произошел современный главный магистрат, будь то феодальный или конституционный король, император или президент, последний был естественным и логичным результатом; и из древнего *custos urbis*, путем окольного вывода, произошли римский претор и современный судья. Равные права и привилегии, личная свобода и основополагающие принципы демократии также были унаследованы от родов. Когда собственность стала создаваться массами, и ее влияние и мощь начали ощущаться в обществе, появилось рабство; институт, нарушающий все эти принципы, но поддерживаемый эгоистичным и обманчивым соображением, что человек, обращенный в рабство, был чужаком по крови и плененным врагом. Вместе с собственностью постепенно пришел и принцип аристократии, стремящейся к созданию привилегированных классов. Элемент собственности, который в значительной степени контролировал общество в течение сравнительно короткого периода развития цивилизации, дал человечеству деспотизм, империализм, монархию, привилегированные классы и, наконец, представительную демократию. Это также превратило карьеру цивилизованных наций, по сути, в карьеру по приобретению собственности. Но когда разум человечества поднимется на высоту великого вопроса об абстрактных правах собственности, — включая отношения собственности к государству, а также права отдельных лиц на собственность, — можно ожидать изменения нынешнего порядка вещей. Природу грядущих изменений, возможно, невозможно постичь; но представляется вероятным, что демократии, некогда универсальной в зачаточной форме и подавляемой во многих цивилизованных государствах, суждено снова стать универсальной и верховной.

Американец, воспитанный на принципах демократии и глубоко впечатленный достоинством и величиим тех великих концепций, которые признают свободу, равенство и братство человечества, может свободно выражать предпочтение самоуправлению и свободным

институтам. В то же время должно быть признано равное право каждого другого человека принимать и одобрять любую форму правления, будь то имперская или монархическая, которая удовлетворяет его предпочтениям.

ГЛАВА XIV

Переход от женской линии к мужской

Остается рассмотреть важный вопрос, а именно: существуют ли какие-либо свидетельства того, что в древности греческие и латинские роды происходили по женской линии. Теоретически, это должно было быть фактом в какой-то предшествующий период у их отдаленных предков; но мы не обязаны ставить вопрос только на основе теории. Поскольку изменение мужской линии влекло за собой почти полное изменение членства в роде, следует указать метод, с помощью которого это могло быть достигнуто. Более того, следует показать, если возможно, что адекватный мотив, требующий изменения, неизбежно должен был возникнуть по мере выхода общества из состояния, в котором возникла эта форма происхождения. И, наконец, следует представить существующие свидетельства древнего происхождения среди них по женской линии.

Род в архаический период, как мы видели, состоял из предполагаемой прародительницы женского пола и ее детей вместе с детьми ее дочерей, а также из ее потомков женского пола через женщин на постоянной основе. Дети ее сыновей и ее потомков мужского пола по мужской линии были исключены. С другой стороны, при происхождении по мужской линии род состоял из предполагаемого предка мужского пола и его детей, а также детей его сыновей и его потомков мужского пола по мужской линии в течение длительного времени. Дети его дочерей и его потомков женского пола через женщин были исключены. Те, кто был исключен в первом случае, были бы членами рода во втором случае, и наоборот. Тогда возникает вопрос, как могло произойти изменение происхождения от женской линии к мужской без уничтожения рода?

Метод был простым и естественным при условии, что мотив для внесения изменений был общим, срочным и повелевающим. Когда это делалось в определенное время и по заранее установленному решению, было необходимо только согласиться с тем, что все нынешние члены рода должны оставаться членами, но что в будущем все дети, отцы которых принадлежали к роду, должны были оставаться в нем одни и носить родовое имя, в то время как дети его представительниц женского пола должны были быть исключены. Это не нарушило бы и не изменило бы родства или отношений существующих язычников; но впоследствии это сохранило бы в роде детей, которых оно ранее исключило, и исключило бы тех, кого оно прежде удерживало. Хотя эта проблема может показаться трудноразрешимой, наличие адекватного мотива сделало бы ее легкой, а по прошествии нескольких поколений завершило бы ее. С практической точки зрения, у американских аборигенов она в ряде случаев менялась с женской линии на мужскую. Таким образом, у оджибва происхождение теперь происходит по мужской линии, в то время как у их сородичей, делаваров и могеганцев, оно все еще происходит по женской линии. Первоначально, без сомнения, весь род алгонкинов происходил по женской линии.

Поскольку происхождение по женской линии архаично и больше соответствует раннему состоянию древнего общества, чем происхождение по мужской линии, есть предположение в пользу его древней распространенности в греческих и латинских родах. Более того, когда

архаичная форма любой переданной организации обнаружена и проверена, становится невозможным представить ее возникновение в более поздней, более развитой форме.

Предполагая смену происхождения среди них по женской линии на мужскую, это должно было произойти очень отдаленно от исторического периода. Их история на Среднем этапе варварства полностью утрачена, за исключением того, что она в какой-то мере сохранилась в их искусствах, институтах и изобретениях, а также в усовершенствованиях языка. Высший статус обладает дополнительным светом традиции и гомеровских поэм, которые знакомят нас с ее опытом и степенью достигнутого тогда прогресса. Но, судя по состоянию, в которое их помещают традиции, представляется вероятным, что происхождение по женской линии не исчезло полностью, по крайней мере, среди пеласгийских и греческих племен, когда они достигли Высшей ступени варварства.

Когда в греческих и латинских родах происхождение происходило по женской линии, род обладал, помимо прочих характеристик, следующими: 1. Брак в роду был запрещен; таким образом, дети принадлежали к роду, отличному от рода их предполагаемого отца. 2. Собственность и должность вождя передавались по наследству в роде; таким образом, дети не могли наследовать собственность или наследовать должность своего предполагаемого отца. Такое положение вещей продолжалось бы до тех пор, пока не возник бы мотив, достаточно общий и повелительный, чтобы доказать несправедливость этого исключения перед лицом их изменившегося положения.

Естественным средством было изменение происхождения по женской линии на мужское. Все, что требовалось для осуществления изменения, - это адекватный мотив. После того, как домашних животных начали разводить стадами, став таким образом источником существования, а также объектами индивидуальной собственности, и после того, как обработка почвы привела к раздельному владению домами и землями, несомненно, возник бы антагонизм против преобладающей формы родового наследования, поскольку она исключала детей владельца, чье отцовство становилось все более очевидным, и передавала его собственность его родичам-неевреям. Борьба за новые правила наследования, разделяемые отцами и их детьми, послужила бы мотивом, достаточно мощным, чтобы произвести изменения. Поскольку собственность накапливалась в массах и принимала постоянные формы, и все большая ее доля находилась в индивидуальной собственности, происхождение по женской линии было несомненно свергнуто, и замена мужской линии в равной степени была гарантирована. Такое изменение оставило бы наследование в роде по-прежнему, но поставило бы детей в род своего отца и во главе агнатического рода. Какое-то время, по всей вероятности, они разделяли бы наследство с остальными агнатами; но расширение принципа, по которому агнаты отсекали оставшихся язычников, со временем привело бы к исключению агнатов за пределы детей и исключительному наследованию детей. Более того, теперь сын был бы поставлен в очередь наследования должности своего отца.

Таким стало наследственное право в афинском роде во времена Солона или вскоре после него; когда имущество переходило к сыновьям поровну, при условии обязательства содержать дочерей и распределять их в браке; а при отсутствии сыновей - поровну дочерям. Если детей не было, то наследство переходило к агнатическому роду, а при отсутствии последнего - к язычникам. Римский закон Двенадцати таблиц был по существу таким же.

Далее представляется вероятным, что, когда происхождение было изменено на мужское или еще раньше, названия животных для родов были отложены в сторону, а на их место были заменены личные имена. Индивидуальность людей утверждалась бы все больше и больше

по мере развития общества, а также с увеличением индивидуального владения собственностью, что привело бы к названию рода в честь какого-нибудь героя предков. Хотя в процессе сегментации время от времени формировались новые роды, а другие вымирали, родословная рода насчитывала сотни, если не сказать тысячи лет. После предполагаемой замены одноименный предок должен был быть меняющейся личностью через длительные промежутки времени, и на его место была поставлена какая-нибудь более поздняя личность, выдающаяся в истории рода, когда знания о прежней личности затуманились и исчезли из поля зрения в туманном прошлом. О том, что более знаменитые греческие роды меняли имена, и делали это изящно, свидетельствует тот факт, что они сохранили имя матери своего отца-язычника и приписывали его рождение тому, что она была заключена в объятия каким-то особым богом. Таким образом, Эвмолп, одноименный предок аттической Эвмолпиды, считался сыном Нептуна и Хионы; но даже греческий род был старше представления о Нептуне.

Возвращаясь теперь к основному вопросу, отсутствие прямых доказательств древнего происхождения по женской линии в греческих и латинских родах не опровергает предположение в его пользу; но так случилось, что эта форма происхождения сохранилась у некоторых племен, близких к греческим, со следами ее в ряде греческих племен.

Любопытный и наблюдательный Геродот обнаружил один народ, ликийцев, пеласгов по происхождению, но греков по принадлежности, среди которых в его время (440 год до н.э.) происхождение было по женской линии. Отметив, что ликийцы произошли с Крита, и сообщив некоторые подробности их миграции в Ликию при Сарпедоне, он продолжает следующим образом: “Их обычаи частично критские, а частично карийские. Однако у них есть один странный обычай, которым они отличаются от всех других народов мира. Спросите ликийца, кто он, и он ответит, назвав свое собственное имя, имя своей матери и так далее по женской линии. Более того, если свободная женщина выходит замуж за мужчину, который является рабом, их дети становятся свободными гражданами; но если свободный мужчина женится на иностранке или сожительствует с наложницей, даже если он является первым лицом в государстве, дети утрачивают все права гражданства”.³²³ Из этого обстоятельного утверждения с необходимостью следует, что ликийцы были организованы в роды с запретом на смешанные браки в роде и что дети принадлежали к роду своей матери. Он представляет собой наглядный пример рода в архаической форме с подтверждающими тестами последствий брака ликийского мужчины с иностранкой и ликийской женщины с рабом.³²⁴ Аборигенами Крита были пеласги, эллинские и семитские племена, жившие локально обособленно. Минос, брат Сарпедона, обычно считается главой пеласгов на Крите; но ликийцы были эллинизированы уже во времена Геродота и весьма примечательны среди азиатских греков своим развитием. Изоляция их предков на острове Крит до их миграции в легендарный период в Ликию может служить объяснением сохранения их происхождения по женской линии до этого позднего периода.

Среди этрусков также преобладало то же правило происхождения. “Достаточно странно, ” замечает Кремер, “ что два обычая, характерных для этрусков, как мы узнаем из их памятников, были отмечены Геродотом как характерные для ликийцев и кавнийцев Малой Азии. Первый заключается в том, что этруски неизменно описывают свое происхождение и семью со ссылкой на мать, а не на отца. Другой - что они допускали своих жен на свои пиры”.³²⁵

Курций следующим образом комментирует ликийское, этруское и критское происхождение по женской линии: “Было бы ошибкой понимать рассматриваемое употребление как дань уважения женскому полу. Это скорее уходит корнями в примитивные условия общества, в

которых моногамия еще не была установлена с достаточной определенностью, чтобы можно было с уверенностью утверждать происхождение по отцовской линии. Соответственно, это употребление распространяется далеко за пределы территории, которой управляет ликийская народность. Это встречается даже по сей день в Индии; можно доказать, что это существовало у древних египтян; это упоминается Санхониатоном (стр. 16, Орелл), где причины его существования излагаются с большой свободой; и за пределами Востока это встречается у этрусков, у критян, которые были так тесно связаны с ликийцами и которые называли свою отчизну родиной; и у афинян, обратитесь к Бахофену и др. Соответственно, если Геродот считает рассматриваемый обычай полностью присущим ликийцам, то он, должно быть, сохранялся у них дольше всех народов, родственных грекам, что также подтверждается ликийскими надписями. Следовательно, мы должны в целом рассматривать использование материнского имени для обозначения происхождения как пережиток несовершенного состояния социальной жизни и семейного права, от которого по мере того, как жизнь становилась более регулируемой, отказались в пользу обычая называть детей в честь отца, впоследствии ставшего всеобщим в Греции. Это разнообразие обычаев, чрезвычайно важное для истории древней цивилизации, недавно обсуждалось Бахофеном в его вышеупомянутом выступлении”³²⁶

В обширной исследовательской работе Бахофен собрала и обсудила свидетельства женской власти (материнское право) и женского правления (гинекократия) у ликийцев, критян, афинян, лемнийцев, египтян, орхоменцев, локрийцев, лесбиянок, мантинейцев и у восточноазиатских народов.³²⁷ Рассмотренное таким образом состояние древнего общества требует для своего полного объяснения существования рода в его архаичной форме как источника этих явлений. Это привело бы мать и ее детей к одному роду, а в составе общинного домашнего хозяйства, на основе рода, дало бы роду матерей преобладающее положение в домашнем хозяйстве. Семья, которая, вероятно, достигла синдиазмической формы, была все еще окружена остатками той супружеской системы, которая принадлежала к еще более раннему состоянию. Такая семья, состоящая из супружеской пары со своими детьми, естественно, искала бы убежища у родственных семей в коммунальном хозяйстве, в котором несколько матерей и их дети принадлежали бы к одному роду, а предполагаемые отцы этих детей принадлежали бы к другим родам. Общие земли и совместная обработка почвы привели бы к совместным домам и коммунизму в жизни; так что гинекократия, по-видимому, требует для своего создания происхождения по женской линии. Женщины, таким образом укоренившиеся в больших семьях, снабжаемых из обычных запасов, в которых их собственный род в значительной степени преобладал по численности, породили бы феномены материнского права и гинекократии, которые Бахофен обнаружил и проследил с помощью фрагментов истории и традиции. В другом месте я упоминал о неблагоприятном влиянии на положение женщин, которое было вызвано сменой происхождения по женской линии на мужское и возникновением моногамной семьи, которая вытеснила дом с совместным проживанием и в условиях чисто нееврейского общества поселила жену и мать в одном доме и отделила ее от родни-нееврея.³²⁸

Моногамия, вероятно, не была установлена среди греческих племен до тех пор, пока они не достигли Высшего уровня варварства; и мы, по-видимому, приходим к хаосу в брачных отношениях в этот период, особенно в афинских племенах. По поводу последнего Бахофен замечает: “Ибо до времен Кекропса у детей, как мы видели, была только мать, без отца; они были одной линии. Не будучи привязанной исключительно к мужчине, женщина произвела на свет только ложных детей. Кекропс первым положил конец такому положению вещей; вернул незаконный союз полов к исключительности брака; дал детям отца и мать и, таким образом, из одной линии (unilateres) сделал их из двух линий (bilateres)”³²⁹ То, что здесь

описывается как незаконный союз полов, должно быть воспринято с изменениями. В те сравнительно поздние времена мы должны были ожидать обнаружить синдиазмическую семью, но с остатками предшествующей супружеской системы, возникшей в результате браков в группе. Семья пуналуан, которую справедливо подразумевает это утверждение, должно быть, исчезла до того, как они достигли названного этнического периода. Этот вопрос будет рассмотрен в последующих главах в связи с ростом семьи.

У Полибия есть интересная ссылка на сто семей локрийцев в Италии. "Сами локрийцы," замечает он, - уверяли меня, что их собственные предания более соответствуют описанию Аристотеля, чем Тимея. В подтверждение этого они приводят следующие доказательства. Первое состоит в том, что вся знатность их происхождения происходит от женщин, а не от мужчин. Благородны, например, только те, кто ведет свое происхождение от ста семей. Что эти семьи были знатными среди локрийцев до того, как они переселились; и действительно, это были те же самые семьи, из которых по жребию, как повелел оракул, были отобраны сто дев и отправлены в Трою".³³⁰ По крайней мере, разумно предположить, что упоминаемый здесь ранг был связан с должностью главы рода, которая облагораживала конкретную семью внутри рода, одному из членов которой он был присвоен. Если это предположение обоснованно, то оно подразумевает происхождение по женской линии как в отношении лиц, так и в отношении должностей. Должность вождя была наследственной в роде и выборной среди его представителей мужского пола в архаические времена; и при происхождении по женской линии она переходила от брата к брату и от дяди к племяннику. Но должность в каждом случае занимали женщины, и право человека на нее зависело от рода его матери, которая передала ему его связь с этим родом и с умершим вождем, чье место предстояло занять. Везде, где должность или чин передаются по женской линии, для объяснения этого требуется происхождение по женской линии.

Свидетельства древнего происхождения по женской линии среди греческих племен обнаруживаются в конкретных браках, которые заключались в традиционный период. Таким образом, Салмоней и Критей были родными братьями, сыновьями Эола. Первый выдал свою дочь Тайро замуж за ее дядю. При происхождении по мужской линии Критей и Тайро принадлежали бы к одному роду и не могли бы пожениться по этой причине; но при происхождении по женской линии они принадлежали бы к разным родам и, следовательно, не были бы родственниками-язычниками. Их брак в этом случае не нарушил бы строгих языческих обычаев. Не имеет значения, что названные лица являются мифическими, потому что в легенде правильно применялись языческие обычаи. Этот брак объясняется гипотезой происхождения по женской линии, что, в свою очередь, наводит на предположение о его существовании в то время или как оправданный их древними обычаями, которые не вымерли полностью.

Тот же факт обнаруживается при заключении браков в течение исторического периода, когда древняя практика, по-видимому, пережила смену происхождения по мужской линии, хотя это и нарушало родовые обязательства сторон. После времен Солона брат мог жениться на своей сводной сестре при условии, что они родились от разных матерей, но не наоборот. При происхождении по женской линии они принадлежали бы к разным родам и, следовательно, не принадлежали бы к нееврейскому роду. Их брак не нарушал бы никаких нееврейских обязательств. Но при происхождении по мужской линии, что было фактом, когда происходили случаи, о которых сейчас пойдет речь, они принадлежали бы к одному роду и, следовательно, находились бы под запретом. Кимон женился на своей сводной сестре Эльпинике, у них был один отец, но разные матери. В "Эвбулидах" Демосфена мы находим похожий случай. "Мой дед, - говорит Эвкситий, - женился на своей сестре, хотя она

не была его сестрой по материнской линии”.³³¹ Такие браки, против которых у афинян возникло сильное предубеждение еще во времена Солона, объясняются пережитком древнего обычая в отношении брака, который преобладал, когда происхождение было по женской линии, и который не был полностью искоренен во времена Демосфена.

Происхождение по женской линии предполагает, что род различает родословную. С нашими нынешними знаниями о древнем и современном распространении родовой организации на пяти континентах, включая Австралию, и об архаичном строении рода, можно ожидать наличия следов происхождения по женской линии в традициях, если не в обычаях, дошедших до исторических времен. Следовательно, нельзя предположить, что ликийцы, критяне, афиняне и локрийцы, если доказательств достаточно для включения последних двух, изобрели такой замечательный обычай, как происхождение по женской линии. Гипотеза о том, что это был древний закон латинского, греческого и других греко-итальянских родов, дает более рациональное и удовлетворительное объяснение фактам. Влияние собственности и желание передать ее детям послужили адекватными мотивами для перехода по мужской линии.

Можно сделать вывод, что браки вне рода были правилом среди афинян как до, так и после времен Солона, исходя из обычая регистрировать жену при вступлении в брак во фратрии ее мужа, а детей, дочерей, так же как и сыновей, во фратрии их отца.³³² Фундаментальным принципом, на котором был основан род, был запрет смешанных браков между его членами как единокровных. В каждом роде количество членов было невелико. Приняв шестьдесят тысяч за число зарегистрированных афинян во времена Солона и разделив их поровну между тремя сотнями шестидесятью аттическими родами, это дало бы всего по сто шестидесят человек в каждом роде. Род был большой семьей родственных людей с общими религиозными обрядами, общим местом захоронения и, в общем, общими землями. Исходя из теории его устройства, смешанные браки были бы запрещены. С переходом наследования по мужской линии, с распространением моногамии и исключительного наследования среди детей, а также с появлением наследниц постепенно подготавливался путь для свободного брака независимо от рода, но с запретом, ограниченным определенными степенями близкого родства. Браки в человеческой семье начались в группе, все мужчины и женщины которой, за исключением детей, были совместными мужьями и женами; но мужья и жены принадлежали к разным родам; и это закончилось браками между отдельными парами с исключительным сожителем. В последующих главах будет предпринята попытка проследить различные формы брака и семьи от первой стадии до последней.

Система кровного родства возникла вместе с родом, известным как туранский в Азии и как ганованский в Америке, который распространил запрет на смешанные браки настолько далеко, насколько отношения брата и сестры распространялись среди коллатералей. Эта система все еще преобладает среди американских аборигенов, в некоторых частях Азии и Африки, а также в Австралии. Она, несомненно, преобладала среди греческих и латинских племен в тот же предшествующий период, и следы ее сохранились вплоть до традиционного периода. Одну особенность туранской системы можно сформулировать следующим образом: дети братьев сами являются братьями и сестрами и как таковые не могли вступать в смешанные браки; дети сестер состояли в тех же отношениях и находились под тем же запретом. Это может послужить объяснением знаменитой легенды о Данаидах, одна из версий которой послужила Эсхилу сюжетом для трагедии "Просители". Читатель, вероятно, помнит, что Данай и Египт были братьями и потомками аргивянина Ио. У первого от разных жен было пятьдесят дочерей, а у второго от разных жен было пятьдесят сыновей; и в свое

время сыновья Эгипта искали дочерей Дана в жены. Согласно системе кровного родства, присущей роду в его архаической форме и сохранявшейся до тех пор, пока ее не вытеснила система, введенная моногамией, они были братьями и сестрами и по этой причине не могли вступать в брак. Если бы происхождение в то время происходило по мужской линии, дети Дана и Египта были бы одного рода, что послужило бы дополнительным препятствием для их брака и имело бы равный вес. Тем не менее сыновья Египта попытались преодолеть эти барьеры и принудить Данаид к браку; в то время как последние, переплыв море, бежали из Египта в Аргос, чтобы избежать того, что они объявили незаконным и кровосмесительным союзом. В "Прометее" того же автора это событие предсказано Ио Прометеем, а именно: что в пятом поколении от ее будущего сына Эпафа группа из пятидесяти девственниц должна прибыть в Аргос, не добровольно, а спасаясь от кровосмесительного брака с сыновьями Египта.³³³ Их бегство с отвращением от предполагаемого бракосочетания находит свое объяснение в древней системе кровного родства, независимо от языческих законов. Помимо этого объяснения, событие не имеет никакого значения, и их отвращение к бракам было бы просто ханжеством.

Трагедия Просителей основана на эпизоде их бегства через море в Аргос, чтобы попросить защиты у своих аргивских сородичей от предполагаемого насилия со стороны сыновей Египта, которые преследовали их. В Аргосе данаиды заявляют, что они покинули Египет не из-за приговора к изгнанию, а бежали от людей одного с ними происхождения, презирая нечестивый брак с сыновьями Египта.³³⁴ Их нежелание объясняется исключительно фактом родства, что подразумевает существующий запрет на такие браки, который их научили уважать. Выслушав дело просителей, аргивяне на совете решили предоставить им защиту, что само по себе подразумевает наличие запрета на браки и обоснованность их возражений. В то время, когда разыгрывалась эта трагедия, афинский закон разрешал и даже требовал заключения браков между детьми братьев в случае наследниц и сирот женского пола, хотя правило, по-видимому, ограничивалось этими исключительными случаями; следовательно, такие браки не казались афинянам ни кровосмесительными, ни незаконными; но эта традиция Данаид дошла из глубокой древности, и все ее значение зависело от силы обычая, запрещающего бракосочетание. Поворотным моментом традиции и связанных с ней инцидентов стало их закоренелое отвращение к предполагаемым бракам, запрещенным законом и обычаями. Никакой другой причины не указано, и никакой другой не требуется. В то же время их поведение понятно исходя из предположения, что тогда такие браки были столь же недопустимы, как в настоящее время были бы недопустимы браки между братом и сестрой. Попытка сынов Египта прорваться через барьер, воздвигнутый туранской системой кровного родства, может означать время, когда эта система начала сдавать позиции, и нынешняя система, пришедшая с моногамией, начала заявлять о себе, и которой было суждено отменить родовые обычаи и туранское кровное родство путем замены фиксированных степеней в качестве пределов запрета.

На основании приведенных свидетельств представляется вероятным, что у пеласгов, эллинских и италийских племен происхождение первоначально шло по женской линии, от которой под влиянием собственности и наследования оно было изменено на мужскую. Обладали ли эти племена в древности туранской системой кровного родства или нет, читатель сможет лучше судить после того, как эта система будет представлена с доказательствами ее широкого распространения в древнем обществе.

Продолжительность традиционного периода этих племен, конечно, неизвестна в годах его продолжительности, но она должна измеряться тысячелетиями. Вероятно, она восходит к изобретению процесса выплавки железной руды, и если это так, то прошла через Более

Поздний период варварства и вступила в Средний период. Их уровень развития в Средний период должен был, по крайней мере, равняться уровню развития ацтеков, майя и перуанцев, которые находились в статусе среднего периода; а их уровень развития в Более Поздний период, должно быть, значительно превосходил уровень развития названных индейских племен. Обширный и разнообразный опыт этих европейских племен в два названных великих этнических периода, в течение которых они достигли оставшихся элементов цивилизации, полностью утрачен, за исключением того, что он несовершенно раскрывается в их традициях и более полно в их жизненном искусстве, их обычаях, языке и институтах, как это раскрывается нам в поэмах Гомера. Империи и королевства по необходимости были неизвестны в те периоды; но племена и незначительные нации, городская и деревенская жизнь, рост и развитие жизненных искусств, а также физическое, умственное и моральное совершенствование были одними из особенностей этого прогресса. Утрата событий этих великих периодов для человеческого знания была гораздо большей, чем можно легко себе представить.

ГЛАВА XV

Роды в других племенах Человеческого Семейства

Рассмотрев организацию на роды, фратрии и племена в их архаической, а также более поздней форме, остается проследить степень ее распространенности в человеческой семье, и особенно в отношении рода, основы системы.

Кельтская ветвь арийской семьи сохранила в шотландском клане и ирландской септе организацию на роды на более поздний период времени, чем любая другая ветвь семьи, если только арийцы Индии не являются исключением. Шотландский клан, в частности, с поразительной живучестью существовал в Высокогорье Шотландии в середине прошлого века. Это был превосходный тип рода по организации и духу и экстраординарная иллюстрация власти родовой жизни над своими членами. Знаменитый автор "Уэверли" увековечил ряд ярких персонажей, сформировавшихся в условиях клановой жизни и запечатлевших ее особенности. Эван Ду, Торквил, Роб Рой и многие другие встают перед мысленным взором как иллюстрации влияния рода на формирование характера индивидов. Если сэра Уолтера в чем-то преувеличил этих персонажей, чтобы соответствовать чрезвычайным ситуациям рассказа, то они имели под собой реальную основу. Те же самые кланы несколькими столетиями ранее, когда клановая жизнь была сильнее, а внешние влияния слабее, вероятно, подтвердили бы эти фотографии. Мы находим в их междоусобицах и кровной мести, в их распределении по родам, в их совместном использовании земель, в верности члена клана своему вождю и членов клана друг другу обычные и устойчивые черты родового общества. По описанию Скотта, это была более насыщенная и рыцарственная языческая жизнь, чем мы можем найти в родах греков и римлян или, с другой стороны, у американских аборигенов. Существовала ли у них фратрийская организация, неизвестно; но в какой-то предшествующий период и фратрия, и племя, несомненно, существовали. Хорошо известно, что британское правительство было вынуждено распустить шотландские кланы как организации, чтобы поставить людей под власть закона и обычаев политического общества. Происхождение происходило по мужской линии, дети мужчин оставались членами клана, в то время как дети его представительниц женского пола принадлежали к кланам своих соответствующих отцов.

Мы опустим ирландскую септу, фис или фрару албанцев, которые воплощают в себе остатки предшествующей родовой организации, и следы подобной организации в Далмации и Хорватии; а также санскритские ганы, существование термина "ганы" в языке подразумевает, что эта ветвь арийской семьи ранее обладала таким же институтом. Сообщества вилланов во французских поместьях в прежние времена, отмеченные сэром Генри Мэном в его недавней работе, могут оказаться, как он намекает, остатками древних кельтских родов. "Теперь, когда объяснение однажды было дано, - замечает он, - не может быть никаких сомнений в том, что эти ассоциации на самом деле были не добровольными партнерствами, а группами родственников; однако они не так часто организовывались по обычному типу Деревенской общины, как Домашняя община, которая недавно была исследована в Далмации и Хорватии. Каждый из них был тем, что индусы называют Совместной-неразделенной семьей, собранием предполагаемых потомков от общего предка, сохранявших общий очаг и общие трапезы в течение нескольких поколений".³³⁵

Следует кратко остановиться на вопросе, оставались ли какие-либо следы родовой организации среди германских племен, когда они впервые попали в поле зрения истории. Вполне вероятно, что они унаследовали этот институт, как и другие арийские племена, от общих предков арийской семьи. Когда римляне впервые узнали об этом, они находились на Высшей ступени варварства. Едва ли они могли развить идею правления дальше, чем греческие и латинские племена, которые были впереди них, когда о каждом из них стало известно соответственно. Хотя германцы, возможно, имели несовершенное представление о государстве, основанном на территории и собственности, маловероятно, что они имели какое-либо представление о втором великом плане правления, который афиняне установили первыми среди арийских племен. Состояние и образ жизни германских племен, описанные Цезарем и Тацитом, приводят к выводу, что их отдельные общества держались вместе благодаря личным отношениям и лишь в незначительной степени касались территории; и что их правление осуществлялось через эти отношения. Гражданские начальники и военные командиры приобретали и занимали должности по выборному принципу и составляли совет, который был главным инструментом управления. По менее важным вопросам, замечает Тацит, вожди советуются, но по более важным - со всей общиной. Хотя окончательное решение всех важных вопросов принадлежало народу, сначала они были взвешенно рассмотрены вождями.³³⁶ Будет замечено близкое сходство этих обычаев с греческими и латинскими. Правительство состояло из трех органов власти: совета вождей, народного собрания и военного командующего.

Цезарь замечает, что германцы не были прилежны к земледелию, большая часть их пищи состояла из молока, сыра и мяса; ни у кого не было определенного количества земли или своих индивидуальных границ, но магистраты и вожди каждый год выделяли родам и родственникам, объединившимся в одно тело (*gentibus cognationibusque hominum qui una coerint*) столько земли, и в таких местах, которые казались лучшими, вынуждая их на следующий год переселиться в другое место.³³⁷ Чтобы усилить выражение в скобках Следует предположить, что он обнаружил среди них группы лиц, более крупные, чем семья, объединенные по признаку родства, которым, как группам лиц, были отведены земли. Это исключает отдельных людей и даже семью, оба из которых были объединены в группу, объединившуюся таким образом для культивирования и пропитания. Судя по форме заявления, представляется вероятным, что немецкая семья в то время была синдиазматической; и что несколько родственных семей были объединены в домохозяйства и практиковали коммунизм в жизни.

Тацит ссылается на обычай германских племен при расстановке своих сил в бою, при котором сородичи располагались бок о бок. Это не имело бы никакого значения, если бы родство ограничивалось близкими родственниками. И что особенно подстегивает их мужество, замечает он, ни случайность, ни случайное объединение сил не составляют кавалерийский эскадрон или пехотный клин; но они были сформированы в соответствии с семьями и родственными связями (*familiae et propinquitates*).³³⁸ Это выражение и ранее цитированное у Цезаря, по-видимому, указывают на остатки, по крайней мере, предшествующей родовой организации, которая в это время уступала место марке или местному округу как основе все еще несовершенной политической системы.

У германских племен для целей воинских сборов была марка (*markgenossenschaft*), которая также существовала среди англосаксов, и более крупная группа, гау, которой Цезарь и Тацит дали название *pagus*.³³⁹ Сомнительно, чтобы марк и гау были тогда строго географическими районами, стоящими друг перед другом в отношениях городка и графства, каждый из которых ограничен границами, с людьми в каждом политически организованном. Представляется более вероятным, что гау представляло собой группу поселений, связанных с военными сборами. Таким образом, марк и гау были зародышами будущего городка и графства, точно так же, как афинские наукраии и тритти были зачатками клисфенской деме и местного племени. Эти организации казались переходными этапами между нееврейской и политической системами, объединение людей все еще основывалось на кровном родстве.³⁴⁰

Мы, естественно, обращаемся к Азиатскому континенту, где типы человечества наиболее многочисленны и где, следовательно, период человеческой оккупации был наиболее продолжительным, чтобы найти самые ранние следы родовой организации. Но здесь преобразования общества были наиболее продолжительными, а влияние племен и наций друг на друга - наиболее постоянным. Раннее развитие китайской и индийской цивилизаций и непреодолимое влияние современной цивилизации вызвали такие изменения в состоянии азиатских народов, что их древние институты нелегко установить. Тем не менее, весь опыт человечества от дикости до цивилизации был накоплен на Азиатском континенте, и среди его разрозненных племен теперь следует искать остатки их древних институтов.

Происхождение по женской линии все еще очень распространено среди более грубых азиатских племен; но есть многочисленные племена, среди которых оно прослеживается по мужской линии. Это ограничение происхождения той или иной линией, за которым следует организация тела единокровных, разделенных таким образом под общим названием, которое указывает на род.

В племени магар из Непола Лэтем замечает: “существует двенадцать тумов. Предполагается, что все особи, принадлежащие к одному и тому же туму, происходят от одного и того же предка мужского пола; происхождение от одной матери ни в коем случае не обязательно. Таким образом, муж и жена должны принадлежать к разным тумам. Внутри одного и того же нет брака. Вы хотите иметь жену? Если да, посмотрите на большой палец вашего соседа; во всяком случае, посмотрите дальше своего собственного. Это первый раз, когда я нашел возможность упомянуть об этой практике. Она не будет последней; напротив, принцип, который она предлагает, настолько распространен, что является почти универсальным. Мы найдем его в Австралии; мы найдем его в Северной и Южной Америке; мы найдем его в Африке; мы найдем его в Европе; мы будем подозревать и делать выводы о нем во многих местах, где фактические доказательства его существования неполны”.³⁴¹ В данном случае мы имеем в руках ясное свидетельство существования рода, происходящего по мужской линии.

“Муннипорцы и следующие племена, населяющие холмы вокруг Муннипора — купу, моу, мурамы и мурринг — все без исключения делятся на четыре семьи — кумул, луанг, ангом и нингтхаджа. Член любой из этих семей может жениться на члене любой другой, но смешанные браки членов одной семьи строго запрещены”.³⁴² В этих семьях могут быть признаны четыре рода в каждом из этих племен. Белл, говоря о телушах черкесов, отмечает, что “традиция в отношении них заключается в том, что члены каждого из них происходили из одного и того же рода; и, таким образом, их можно рассматривать как множество септов или кланов... Этим двоюродным братьям-немцам, или членам одного и того же братства, не только самим запрещено вступать в смешанные браки, но и их крепостные также должны вступать в брак с крепостными другого братства”.³⁴³ Вероятно, что телуши - это род.

Среди бенгальцев “четыре касты подразделяются на множество различных сект или классов, и каждая из них снова подразделяется; например, я из одного племени [рода?], и если бы я был язычником, я не мог бы жениться на женщине того же племени, хотя каста должна быть той же самой. Дети принадлежат к племени своего отца. Имущество переходит к сыновьям. В случае, если у человека нет сыновей, к его дочерям; и если он не оставляет ни одного, к его ближайшим родственникам. Касты подразделяются, такие как шуро, которые являются одним из первых подразделений; но они снова подразделяются, такие как Хайрл, Тилли, Тамалли, Танти, Чомор, Кари и т.д. Мужчина, принадлежащий к одному из этих последних подразделений, не может жениться на женщине того же рода”.³⁴⁴ Эти наименьшие группы насчитывают обычно около ста человек и все еще сохраняют некоторые характеристики рода.

Мистер Тайлер отмечает, что “в Индии брахману запрещено жениться на жене, чье клановое имя или гхотра (буквально "стойло для коров") совпадает с его собственным, запрет, который запрещает брак между родственниками по мужской линии на неопределенный срок. Этот закон фигурирует в кодексе Ману как применимый к первым трем кастам, и родственникам по женской линии также запрещено вступать в брак в определенных широких пределах”.³⁴⁵ И еще: “Среди колов Чхота-Нагпура мы находим многие кланы ораон и Мунда, названные в честь животных, таких как угорь, ястреб, ворона, цапля, и они не должны убивать или есть то, в честь чего они названы”.³⁴⁶

По физическим характеристикам монголы довольно близко подходят к американским аборигенам. Они разделены на многочисленные племена. “Связь, - говорит Лэтем, - между членами племени определяется кровью, родословной или происхождением; в некоторых случаях племя названо в честь реального или предполагаемого патриарха. Племя, под которым мы переводим местное название аймаук, или аймак, представляет собой большое подразделение, распадающееся на множество кохумов, или знамен”.³⁴⁷ Это утверждение недостаточно полно, чтобы показать существование родов. Их соседи, тунгусы, состоят из подразделений, названных в честь животных, таких как лошадь, собака, северный олень, что подразумевает родовые организации, но этого нельзя утверждать без дополнительных подробностей.

Сэр Джон Лаббок замечает о калмыках, что, согласно Де Хеллу, они “разделены на орды, и ни один мужчина не может жениться на женщине из той же орды”; а об остяках, что они “считают преступлением женитьбу на женщине из той же семьи или даже с тем же именем”; и что “когда якут (сибиряк) желает жениться, он должен выбрать девушку из другого клана”.³⁴⁸ В каждом из этих случаев у нас есть доказательства существования рода, одно из правил которого, как уже говорилось, был продемонстрирован запрет на смешанные браки между его членами. Юрак-самоеды организованы в роды. Клапрот, цитируемый Лэтемом, замечает, что “это разделение родства соблюдается настолько строго, что ни один самоед

не берет жену из рода, к которому он сам принадлежит. Напротив, он ищет ее в одном из двух других”.³⁴⁹

Среди китайцев преобладает своеобразная семейная система, которая, по-видимому, воплощает в себе остатки древней родовой организации. Мистер Роберт Харт из Кантона в письме автору отмечает, “что китайское выражение для обозначения народа - Пих-синг, что означает Сто фамилий; но является ли это простой словесной живописью или возникло в то время, когда общая китайская семья состояла из ста подсемейств или племен [gentes?] Я не могу определить. В настоящее время в этой стране насчитывается около четырехсот фамилий, среди которых я нахожу некоторые, относящиеся к животным, фруктам, металлам, природным объектам и т.д., и которые можно перевести как Лошадь, Овца, Бык, Рыба, Птица, Феникс, Слива, Цветок, Лист, Рис, Лес, Река, Холм, Вода, Облако, Золото, Шкура, Щетина и т.д., и т.п. В некоторых частях страны встречаются большие деревни, в каждой из которых существует только одна фамилия; таким образом, в одном районе можно найти, скажем, три деревни, в каждой из которых проживает две или три тысячи человек, одна из которых носит фамилию Лошади, вторая - Овцы, а третья - Вола..... Точно так же, как у североамериканских индейцев мужья и жены принадлежат к разным племенам [gentes], так и в Китае муж и жена всегда принадлежат к разным семьям, то есть имеют разные фамилии. Обычаи и закон в равной степени запрещают смешанные браки со стороны людей, имеющих одну и ту же фамилию. Дети принадлежат к семье отца, то есть они берут его семейную фамилию..... В случае смерти отца без завещания имущество, как правило, остается неразделенным, но под контролем старшего сына при жизни вдовы. После ее смерти он делит имущество между собой и своими братьями, причем доли младших полностью зависят от воли старшего брата”.

Описанная здесь семья, по-видимому, представляет собой род, аналогичный римскому во времена Ромула; но было ли оно реинтегрировано с другими родами общего происхождения во фратрию, не выясняется. Более того, язычники все еще находятся как независимое кровное сообщество на одной территории, поскольку римские роды были локализованы в ранний период, а названия родов все еще относятся к архаичному типу. Можно было бы ожидать их увеличения до четырехсот путем деления на части; но их сохранение до настоящего времени, после того как период варварства давно миновал, является замечательным фактом и дополнительным доказательством их неподвижности как народа. Можно также заподозрить, что моногамная семья в этих деревнях не достигла своего полного развития и что коммунизм в образе жизни, а также в отношении жен, возможно, не является чем-то неизвестным среди них. Среди диких племен аборигенов, которые все еще населяют горные районы Китая и которые говорят на диалектах, отличных от мандаринского, род в его архаичной форме все еще может быть обнаружен. В отношении этих изолированных племен мы, естественно, должны искать древние институты китайцев.

Говорят, что подобным образом племена Афганистана подразделяются на кланы; но являются ли эти кланы настоящими родами, не установлено.

Чтобы не утомлять читателя дальнейшими подробностями подобного характера, было приведено достаточное количество случаев, позволяющих предположить, что родовая организация преобладала очень широко среди отдаленных предков нынешних азиатских племен и наций.

Двенадцать колен евреев в том виде, в каком они представлены в Книге Чисел, представляют собой реконструкцию еврейского общества путем законодательного закрепления. Тогда состояние варварства ушло в прошлое, и началось состояние цивилизации. Принцип, по

которому были организованы племена как группы единокровия, предполагает предшествующую родовую систему, которая сохранилась и теперь систематизирована. В то время они не знали ни о каком другом плане правления, кроме нееврейского общества, сформированного из кровнородственных групп, объединенных личными отношениями. Их последующая локализация в Палестине родственными племенами, каждый район которых назван в честь одного из двенадцати сыновей Иакова, за исключением колена Левия, является практическим признанием того факта, что они были организованы по родословным, а не в сообщество граждан. История самого замечательного народа семитской семьи была сосредоточена вокруг имен Авраама, Исаака и Иакова и двенадцати сыновей последнего.

Еврейская история начинается, по существу, с Авраама, рассказ о предках которого ограничен родословной, лишенной подробностей. Несколько отрывков покажут степень достигнутого тогда прогресса и состояние продвижения, в котором появился Авраам. Он описан как “очень богатый скотом, серебром и золотом”.³⁵⁰ Для пещеры Махпела “Авраам взвесил Ефрону серебро, которое он назвал на собрании сыновей Хета, четыреста сиклей серебра, текущие деньги у купца”.³⁵¹ Что касается домашней жизни и средств к существованию, можно процитировать следующий отрывок: “И поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал: приготовь поскорее три меры хорошей муки; замеси ее и испеки лепешки на очаге”.³⁵² “И он взял масло и молоко и теленка, которого он приготовил, и поставил перед ними”.³⁵³ Что касается орудий труда, одежды и украшений: “Авраам взял огонь в руку свою и нож”.³⁵⁴ “И слуга вынес серебряные и золотые украшения и одежду и отдал их Ревекке; он дал также брату ее и матери ее драгоценные вещи”.³⁵⁵ Когда она встретила Исаака, Ревекка “взяла покрывало и покрыла его”. сама”.³⁵⁶ В той же связи упоминаются верблюд, осел, бык, овца и коза вместе со стадами крупного рогатого скота; зерновая мельница, кувшин для воды, серьги, браслеты, палатки, дома и города. Упоминаются лук и стрелы, меч, зерно и вино, а также поля, засеянные зерном. Они указывают на Высший статус варварства для Авраама, Исаака и Иакова. Письменность в этой ветви семитской семьи, вероятно, тогда была неизвестна. Показанная степень развития в значительной степени соответствует таковой у гомеровских греков.

Раннееврейские брачные обычаи указывают на присутствие рода, причем в его архаичной форме. Авраам через своего слугу, по-видимому, купил Ревекку в жены Исааку; “драгоценные вещи” были отданы брату и матери невесты, но не отцу. В этом случае подарки доставались родственникам-язычникам, при условии, что существовал род по женской линии. И снова Авраам женился на своей сводной сестре Сарре. “И все же, - говорит он, - она моя сестра; она дочь моего отца, но не дочь моей матери; и она стала моей женой”.³⁵⁷

При существующем роде и происхождении по женской линии Авраам и Сарра принадлежали бы к разным родам, и хотя они были кровными родственниками, они не были язычниками и могли вступить в брак по языческому обычаю. При происхождении по мужской линии ситуация была бы обратной в обоих случаях. Нахор женился на своей племяннице, дочери своего брата Харана;³⁵⁸ а Амрам, отец Моисея, женился на своей тете, сестре своего отца, которая стала матерью еврейского законодателя.³⁵⁹ В этих случаях при происхождении по женской линии вступающие в брак лица принадлежали бы к разным родам; но в противном случае при происхождении по мужской линии. Хотя эти случаи не доказывают абсолютно существования родов, последние позволили бы дать им такое объяснение, чтобы выдвинуть предположение о существовании родовой организации в ее архаичной форме.

Когда Моисеево законодательство было завершено, евреи были цивилизованным народом, но недостаточно развитым, чтобы создать политическое общество. Повествование Священного Писания показывает, что они были организованы в ряд кровнородственных

групп по восходящей шкале, аналогично роду, фратрии и племени греков. При сборе и организации евреев, как общества, так и армии, на Синайском полуострове неоднократно упоминаются эти кровнородственные группы в восходящем ряду, кажущиеся эквивалентами рода, фратрии и племени. Таким образом, колено Левия состояло из восьми родов, организованных в три фратрии следующим образом:

Tribe of Levi.

Sons of Levi.	{	I. <i>Gershon.</i>	7,500 Males.
		II. <i>Kothath.</i>	8,600 Males.
		III. <i>Merari.</i>	6,200 Males.

I. *Gershonite Phratry.*

Gentes.— 1. *Libni.* 2. *Shimei.*

II. *Kothathite Phratry.*

Gentes.— 1. *Amram.* 2. *Izhar.* 3. *Hebron.* 4. *Uzziel.*

III. *Merarite Phratry.*

Gentes.— 1. *Mahli.* 2. *Mushi.*

“Исчисли сынов Левиных по дому отцов их, по семействам их..... И это были сыновья Левия по их именам: Гирсон, и Кааф, и Мерари. И это были имена сыновей Гирсона по их семействам: Ливни и Шимей. И сыновья Каафа по семействам их: Амрами Ицхар, Хеврон и Озиил. И сыновья Мерари от их семей: Махли и Муши. Это семейства левитов по дому их отцов”.³⁶⁰

Описание этих групп иногда начинается с верхнего элемента ряда, а иногда с нижнего или единицы измерения. Итак: “Из сынов Симеоновых, по поколениям их, по семействам их, по дому отцов их”.³⁶¹ Здесь дети Симеона со своими поколениями составляют племя; семьи - это фратрии; а дом отца - это род. И снова: “И главой дома отца семейств Каафовых будет Елизафан, сын Озиила.”³⁶² Здесь мы находим сначала род, затем фратрию и, наконец, племя. Названный человек был главой фратрии. У каждого дома отца также был свой флаг, чтобы отличать его от других. “Каждый мужчина из сынов Израилевых должен выступать под своим собственным знаменем со знаменем дома своего отца”.³⁶³ Эти термины описывают действительные организации; и они показывают, что их военная организация состояла из родов, фратрий и племен.

Что касается первой и наименьшей из этих групп, “дома отца”, то она, должно быть, насчитывала несколько сотен человек, судя по приведенным цифрам численности в каждой фратрии. Еврейский термин “бет аб’” означает отцовский дом, дом отца и семейный очаг. Если евреи и владели родом, то это была эта группа людей. Использование двух терминов

для описания этого оставляло бы сомнения, если только отдельные семьи при моногамии не стали к тому времени настолько многочисленными и заметными, что эта околичность была необходима, чтобы охватить сородичей. Буквально у нас есть дом Амрама, Ицхара, Хеврона и Озиила; но поскольку у евреев того времени не могло быть представления о доме в том виде, в каком оно применяется сейчас к титулованной семье, оно, вероятно, означало, как обычно, родство или родословную.³⁶⁴ Поскольку каждое подразделение возглавляет мужчина, и поскольку еврейское происхождение прослеживается исключительно по мужской линии, происхождение среди них в то время, несомненно, было по мужской линии. Следующей по возрастающей шкале является семья, которая, по-видимому, является фратрией. Еврейский термин, обозначающий эту организацию, мишпака, означает союз, клановость. Он состоял из двух или более домов отца, выделенных путем сегментации из первоначальной группы и отличающихся фратрическим названием. Он очень близко соответствует фратрии. Семья или фратрия ежегодно устраивала жертвоприношение.³⁶⁵ Наконец, племя, называемое на иврите маттех, что означает ветвь, стебель или побег, является аналогом греческого племени.

Приводится очень мало подробностей о правах, привилегиях и обязанностях членов этих органов кровного родства. Идея родства, объединявшая каждую организацию от дома отца до племени, осуществляется в форме гораздо более выраженной и точной, чем в соответствующих организациях племен греков, латинян или американских индейцев. Хотя афинские традиции утверждали, что четыре колена произошли от четырех сыновей Иона, они не претендовали на объяснение происхождения родов и фратрий. Напротив, еврейское повествование не только выводит двенадцать колен генеалогически от двенадцати сыновей Иакова, но также роды и фратрии от детей и потомков каждого из них. Человеческий опыт не дает никаких параллелей развитию родов и фратрий именно таким образом. Этот отчет должен быть объяснен как классификация существующих кровнородственных групп в соответствии со знаниями, сохраненными традицией, при выполнении которой незначительные препятствия были преодолены законодательными ограничениями.

Евреи называли себя “Народом Израиля”, а также “Собранием”.³⁶⁶ Это прямое признание того факта, что их организация была социальной, а не политической.

В Африке мы сталкиваемся с хаосом дикости и варварства. Оригинальные искусства и изобретения в значительной степени исчезли из-за тканей и утвари, привезенных извне; но дикость в ее низших формах, включая каннибализм, и варварство в его низших формах преобладают на большей части континента. Среди внутренних племен наблюдается более близкий подход к культуре коренных народов и к нормальным условиям жизни; но Африка, в основном, представляет собой бесплодную этнологическую область.

Хотя это родина негритянской расы, хорошо известно, что их численность ограничена, а территория невелика. Латам многозначительно замечает, что “негр - исключительный африканец”.³⁶⁷ Аширы, Апонос, Ишогос и Ашангос, расположенные между Конго и Нигером, которые посетил Дю Шайю, относятся к истинно негритянскому типу. “У каждой деревни, - замечает он, - был свой вождь, а дальше вглубь страны деревнями, казалось, управляли старейшины, каждый старейшина со своими людьми имел в своем распоряжении отдельную часть деревни. В каждом клане был ифуму, фумоу, или признанный глава клана (ифуму означает источник, отца). Мне никогда не удавалось получить от туземцев сведений о разделении их племен на кланы; они, по-видимому, не знали, как это произошло, но сейчас среди них не происходит образования новых кланов.... Дом вождя или старейшины не лучше домов его соседей. Деспотическая форма правления неизвестна..... Перед казнью необходим совет старейшин..... Племена и кланы вступают в браки друг с другом, и это

вызывает дружеские чувства среди людей. Люди одного клана не могут вступать в браки друг с другом. Малейшее кровное родство считается мерзостью; тем не менее племянник не имеет ни малейшего возражения против того, чтобы брать жен своего дяди, и, как среди балакаев, сын берет жен своего отца, за исключением собственной матери..... Полигамия и рабство существуют повсюду среди племен, которые я посетил..... Закон наследования у западных племен гласит, что следующий брат наследует богатство старшего (женщин, рабов и т.д.), но если младший умирает, его имущество наследует старший, а если братьев нет, то его наследует племянник. Главенство в клане или семье передается по наследству по тому же закону, что и в отношении наследования собственности. В случае смерти всех братьев наследует старший сын старшей сестры, и так продолжается до тех пор, пока ветвь не угаснет, поскольку все кланы считаются происходящими по женской линии”.³⁶⁸

Все элементы истинного рода воплощены в вышеприведенных деталях, а именно, происхождение ограничено одной линией, в данном случае женской, которая дает род в его архаичной форме. Более того, происхождение происходит по женской линии в отношении должности и собственности, а также родового имени. Должность вождя переходит от брата к брату или от дяди к племяннику, причем племянник является сыном сестры, как у американских аборигенов; в то время как сыновья исключаются, поскольку не принадлежат к роду умершего вождя. Браки внутри рода также запрещены. Единственным существенным упущением в этих точных утверждениях являются названия некоторых родов. Наследственный признак требует дальнейшего объяснения.

Среди баньяев реки Замбези, которые являются народом более высокого ранга, чем негры, доктор Ливингстон заметил следующие обычаи: “Правительство баньяев довольно своеобразно, являясь разновидностью феодального республиканизма. Избирается вождь, и они выбирают сына сестры умершего вождя, отдавая предпочтение его собственному отпрыску. Когда их не устраивает один кандидат, они даже отправляются в отдаленное племя за преемником, который обычно происходит из семьи покойного вождя, брата или сына сестры, но никогда не бывает его собственным сыном или дочерью..... Все жены, имущество и дети его предшественника принадлежат ему”.³⁶⁹ Доктор Ливингстон не приводит подробностей их социальной организации; но передача должности вождя от брата к брату или от дяди к племяннику подразумевает существование рода, происходящего по женской линии.

Многочисленные племена, населяющие страну, омываемую Замбези, и оттуда на юг до Капской колонии, рассматриваются самими туземцами, согласно доктору Ливингстону, как одна группа в трех больших группах: бечуаны, басуто и кафиры.³⁷⁰ В отношении первого он замечает, что “племена бечуана названы в честь определенных животных, что, вероятно, показывает, что в древние времена они были пристрастны к поклонению животным, как древние египтяне. Термин Бакатла означает ‘они Обезьяны’; Бакуона - ‘они аллигатора’; Батлапи - ‘они Рыбы’; каждое племя испытывает суеверный страх перед животным, в честь которого оно названо..... Племя никогда не ест животное, которое является его тезкой.... Мы находим следы многих древних племен у отдельных представителей ныне вымерших; например, батау, ‘они Льва’; банога, ‘они Змеи’, хотя таких племен сейчас не существует.³⁷¹ Эти названия животных указывают скорее на род, чем на племя. Более того, тот факт, что найдены единичные особи, каждый из которых был последним выжившим представителем своего племени, с большей вероятностью имел бы место, если бы вместо племени понимался род. Среди бангалас долины Кассанж в Арголе Ливингстон замечает, что “брат вождя наследует предпочтительнее своих сыновей. Сыновья сестры принадлежат ее брату; и он часто продает своих племянников, чтобы расплатиться с долгами”.³⁷² И здесь мы снова

имеем свидетельство происхождения по женской линии; но его заявления слишком кратки и обобщенны в этих и других случаях, чтобы точно показать, принадлежали ли они к роду.

Среди австралийцев уже были замечены роды камилароев. В этническом отношении аборигены этого большого острова находятся в самом низу шкалы. Когда их обнаружили, они были не только дикарями, но и находились на низком уровне дикости. Некоторые племена были каннибалами. По этому последнему вопросу г-н Файсон, упомянутый ранее, пишет автору следующее: “По крайней мере, некоторые племена являются каннибалами. Доказательства этого неопровержимы. Племена Широкой Бухты едят не только своих врагов, убитых в бою, но и своих друзей, которые были убиты, и даже тех, кто умер естественной смертью, при условии, что они в хорошем состоянии. Перед употреблением они снимают с них шкуру и сохраняют ее, натирая смесью жира и древесного угля. Они очень ценят эти шкурки, считая, что они обладают огромной лечебной ценностью”.

Такие картины человеческой жизни позволяют нам понять состояние дикости, степень ее обычаев, степень материального развития и низкий уровень умственной и нравственной жизни людей. Австралийское человечество, если судить по их каннибальским обычаям, стоит на самой низкой ступени, какой только было известно на земле. И все же австралийцы обладали территорией континентальных размеров, богатой полезными ископаемыми, не лишенной благоприятного климата и в достаточной степени обеспеченной средствами к существованию. Но после оккупации, которая должна исчисляться тысячелетиями, они все еще остаются дикарями указанного выше уровня. Предоставленные самим себе, они, вероятно, оставались бы таковыми еще тысячи лет, не без каких-либо улучшений, но с такими незначительными, которые едва ли скрашивали мрачную тень их дикого состояния.

Среди австралийцев, чьи институты нормальны и однородны, организация на роды не ограничивается камиларой, но, по-видимому, является универсальной. Нарриниери в Южной Австралии, недалеко от залива Ласепид, объединены в роды, названные в честь животных и насекомых. Преподобный Джордж Таплин в письме моему другу мистеру Файсону, заявив, что нарриниери не вступают в брак с представителями своего собственного рода и что дети принадлежали к роду своего отца, продолжает следующим образом: “Здесь нет ни каст, ни каких-либо классов, подобных тем, которые существуют у племен, говорящих на языке камиларой, в Новом Южном Уэльсе. Но у каждого племени или семьи (а племя - это семья) есть свой тотем, или нгайтье; и действительно, у некоторых людей есть это нгайтье. Это считается гением-покровителем человека. Это какое-то животное, птица или насекомое..... Местные жители очень строги в своих брачных договоренностях. Племя считается семьей, и мужчина никогда не женится на представительнице своего собственного племени”.

Г-н Файсон также пишет, “что среди племен округа Мараноа, Квинсленд, чей диалект называется урги, согласно информации, переданной мне г-ном А. С. П. Камероном, существует та же классификация, что и среди племен, говорящих на камиларои, как в отношении названий классов, так и в отношении тотемов”. Что касается австралийцев реки Дарлинг, то, основываясь на информации, переданной мистером Чарльзом Г. Н. Локвудом, он далее отмечает, что “они подразделяются на племена (*gentes*), упоминая эму, Дикую утку и кенгуру, но не говоря, есть ли другие, и что дети берут как название класса, так и тотем матери”.³⁷³

Существование родовой организации среди названных племен делает вероятным ее общее распространение среди австралийских аборигенов, хотя этот институт, как указывалось в другом месте, находится на начальных стадиях своего развития.

Наша информация о домашних учреждениях жителей Полинезии, Микронезии и Папуасских островов все еще ограничена и несовершенна. Никаких следов родовой организации не было обнаружено среди гавайцев, самоанцев, жителей Маркизских островов или новозеландцев. Их система кровного родства все еще примитивна, что показывает, что их институты не продвинулись так далеко, как предполагает эта организация.³⁷⁴ На некоторых микронезийских островах должность вождя передается через женщин;³⁷⁵ но этот обычай может существовать независимо от рода. Фиджийцы подразделяются на несколько племен, говорящих на диалектах одного и того же основного языка. Одно из них, Rewas, состоит из четырех подразделений под разными названиями, и каждое из них снова подразделяется. Не представляется вероятным, что последние подразделения являются родами, по той причине, среди прочего, что их членам разрешено вступать в смешанные браки. Происхождение осуществляется по мужской линии. Подобным образом тонганцы состоят из подразделений, которые опять-таки подразделяются так же, как и рева.

Вокруг простых идей, касающихся брака и семьи, средств к существованию и управления, были сформированы самые ранние социальные организации; и с них должно начинаться изложение структуры и принципов древнего общества. Принимая теорию прогрессивного развития человечества на основе опыта веков, изоляция жителей Океании, их ограниченные локальные территории и ограниченные средства к существованию предопределили медленные темпы прогресса. Они все еще отражают состояние человечества на Азиатском континенте во времена, чрезвычайно отдаленные от настоящего; и хотя особенности, связанные с их изоляцией, несомненно существуют, эти островные общества представляют собой одну из ранних фаз великого потока человеческого прогресса. Описание их институтов, изобретений и открытий, а также ментальных и моральных черт удовлетворило бы одну из величайших потребностей антропологической науки.

На этом обсуждение разделения на роды и диапазона его распространения заканчивается. Организация была обнаружена среди австралийцев и африканских негров, со следами этой системы в других африканских племенах. Было обнаружено, что он в целом распространен среди той части американских аборигенов, которые, когда их обнаружили, находились на более низком уровне варварства; а также среди части деревенских индейцев, которые находились на Среднем уровне варварства. Подобным же образом она существовала в полной мере среди греческих и латинских племен, находившихся на Высшей ступени варварства; со следами ее в нескольких оставшихся ветвях арийской семьи. Организация была обнаружена, или следы ее существования, в туранских, уральских и монгольских семьях; в тунгусских и китайских предках и в семитской семье у евреев. Были приведены факты, достаточно многочисленные и убедительные, чтобы утверждать в пользу этого древнюю универсальность в человеческой семье, а также общую распространенность во второй половине периода дикости и на протяжении всего периода варварства.

Расследование также собрало достаточный объем фактов, демонстрирующих, что этот замечательный институт был источником и основой Древнего общества. Это был первый органический принцип, выработанный опытом, который смог организовать общество по определенному плану и удерживать его в органическом единстве до тех пор, пока оно не стало достаточно развитым для перехода к политическому обществу. Его древность, его существенная универсальность и непреходящая жизнеспособность в достаточной степени подтверждаются его сохранением на всех континентах до настоящего времени. Удивительная приспособляемость родовой организации к нуждам человечества в эти несколько периодов и условий в достаточной степени подтверждается ее

распространенностью и сохранностью. Это было отождествлено с наиболее насыщенной событиями частью опыта человечества.

Возникает ли род спонтанно в данных условиях общества и, таким образом, повторялся бы в несвязанных областях; или же он имел единое происхождение и распространялся из первоначального центра путем последовательных миграций по поверхности земли - это справедливые вопросы для спекулятивного рассмотрения. Последняя гипотеза, с простой модификацией, представляется лучшей по следующим причинам: мы находим, что институту рода предшествовали две формы брака и две формы семьи. Требовался особый опыт, чтобы достичь второй формы брака и семьи и дополнить этот опыт изобретением рода. Эта вторая форма семьи была конечным результатом естественного отбора, приведшего к более узким рамкам колоссальной супружеской системы, которая окружала дикого человека и держала его мощной хваткой. Его окончательное избавление было слишком замечательным и, казалось бы, слишком невероятным, чтобы повторяться много раз и в широко разделенных областях. Группы единокровников, объединенные для защиты и пропитания, несомненно, существовали с младенчества человеческой семьи; но род - это совершенно иная совокупность родственных связей. Она берет часть и исключает остальное; она организовала эту часть на основе родственных уз, под общим именем и с общими правами и привилегиями. Смешанные браки внутри рода были запрещены, чтобы обеспечить преимущества заключения брака с лицами, не состоящими в родстве. Это был жизненно важный принцип организма, а также один из самых сложных в установлении. Вместо естественной и очевидной концепции род был по существу непонятным и, как таковой, продуктом высокого интеллекта для того времени, в которое он возник. Потребовалось много времени после того, как идея воплотилась в жизнь, чтобы довести ее до зрелости и усовершенствовать способы ее использования. У полинезийцев была эта пуналуанская семья, но им не удалось изобрести род; австралийцы имели ту же форму семьи и обладали родом. Он берет начало в семье пуналуан, и какие бы племена ни достигли его, они обладали элементами, из которых был сформирован род. Это модификация предложенной гипотезы. В предшествующей организации на основе пола существовал зародыш рода. Когда род достигнет полного развития в своей архаической форме, он распространится на огромных территориях благодаря превосходящим силам созданного таким образом улучшенного вида. Его распространение объяснить легче, чем его учреждение. Эти соображения, как правило, показывают невероятность его повторного размножения в изолированных районах. С другой стороны, следует признать его благотворное влияние на создание племени дикарей, превосходящего любое из существовавших в то время на земле. Когда миграции были бегством по закону дикой жизни или перемещениями в поисках лучших территорий, такая популяция распространялась волна за волной, пока не покрыла большую часть поверхности земли. Рассмотрение основных фактов, которые теперь установлены и имеют отношение к этому вопросу, по-видимому, свидетельствует в пользу гипотезы единого происхождения организации в роды, если только мы не вернемся к классам Австралии, которые дали пуналуанскую семью, из которой произошел род, и не рассмотрим эти классы как первоначальную основу древнего общества. В этом случае везде, где были созданы классы, потенциально существовал род.

Предполагая единство происхождения человечества, заселение земли произошло в результате миграций из первоначального центра. Азиатский континент должен тогда рассматриваться как колыбель вида, поскольку на нем представлено большее количество первоначальных типов человека по сравнению с Европой, Африкой и Америкой. Из этого также следовало бы, что отделение негров и австралийцев от общей основы произошло, когда общество было организовано по половому признаку и когда семья была

пуналуальской; что полинезийская миграция произошла позже, но общество было устроено аналогичным образом; и, наконец, что миграция ганованцев в Америку произошла еще позже и после учреждения родов. Эти выводы выдвигаются просто как предложения.

Знание рода и его атрибутов, а также пределов его распространения абсолютно необходимо для правильного понимания Древнего общества. Это великая тема, требующая сейчас специального и расширенного исследования. Это общество у предков цивилизованных народов достигло своего наивысшего развития в последние дни варварства. Но были фазы того же самого общества далеко назад, в предшествующие века, которые теперь следует искать среди варваров и дикарей в соответствующих условиях. Идея организованного общества развивалась на протяжении всего существования человеческой расы; несколько его фаз логически связаны, одна последовательно порождает другую, и та его форма, которую мы рассматривали, возникла в роде. Ни один другой институт человечества не имел такого древнего и примечательного отношения к ходу человеческого прогресса. Подлинная история человечества содержится в истории роста и развития институтов, одним из которых является род. Однако это основа тех, кто оказал наиболее существенное влияние на человеческие дела.

ЧАСТЬ III. РАЗВИТИЕ ИДЕИ СЕМЬИ

ГЛАВА I

Древний Род

Мы привыкли рассматривать моногамную семью как форму, которая существовала всегда, но в исключительных случаях прерывалась патриархальной. Вместо этого идея семьи развивалась на последовательных стадиях развития, причем моногамия была последней в ряду ее форм. Моей целью будет показать, что ему предшествовали более древние формы, которые повсеместно преобладали на протяжении всего периода дикости, через Более Древний и вплоть до Среднего периода варварства; и что ни моногамия, ни патриархат не могут быть прослежены от Более Позднего периода варварства. Они были по сути современными. Более того, они были невозможны в древнем обществе, пока предшествующий опыт в более ранних формах у каждой расы человечества не подготовил почву для их внедрения.

Теперь можно выделить пять различных и последовательных форм, каждая из которых имеет свойственный ей институт брака. Они следующие:

I. Кровная семья.

Он был основан на смешанных браках братьев и сестер, собственных и побочных, в группе.

II. Семья Пуналуан.

Он был основан на смешанных браках нескольких сестер, собственных и побочных, с мужьями друг друга в группе; совместные мужья не обязательно были родственниками друг

друга. Кроме того, о смешанных браках нескольких братьев, собственных и побочных, с женами друг друга в группе; эти жены не обязательно являются родственницами друг друга, хотя часто это имеет место в обоих случаях. В каждом случае группа мужчин состояла в совместном браке с группой женщин.

III. Синдиазмическое, или парное, семейство.

Он был основан на браке между одинокими парами, но без исключительного совместного проживания. Брак продолжался до тех пор, пока стороны были довольны.

IV. Патриархальная семья.

Он был основан на браке одного мужчины с несколькими женами; за ним, как правило, следовало уединение жен.

V. Моногамная семья.

Он был основан на браке между одинокими парами с исключительным совместным проживанием.

Три из этих форм, а именно первая, вторая и пятая, были радикальными; потому что они были достаточно общими и влиятельными, чтобы создать три различные системы кровного родства, все из которых все еще существуют в живых формах. И наоборот, этих систем самих по себе достаточно, чтобы доказать предшествующее существование форм семьи и брака, с которыми они по отдельности связаны. Оставшиеся два, синдиазматический и патриархальный, были промежуточными и недостаточно влияли на человеческие дела, чтобы создать новую или существенно изменить существовавшую тогда систему кровного родства. Не следует предполагать, что эти типы семейства отделены друг от друга резко очерченными линиями; напротив, первый переходит во второй, второй - в третий, а третий - в пятый путем незаметных градаций. Положения, подлежащие разъяснению и установлению, состоят в том, что они возникли последовательно одно из другого и что в совокупности они представляют собой рост идеи семьи.

Чтобы объяснить возникновение этих нескольких форм семьи и брака, необходимо будет представить суть системы кровного родства, которая относится к каждой из них. Эти системы воплощают в себе исчерпывающие доказательства, свободные от всяких подозрений в преднамеренности, имеющие непосредственное отношение к вопросу. Более того, они говорят с авторитетом и уверенностью, которые не оставляют места для сомнений в выводах, сделанных на их основе. Но система кровного родства сложна и сбивает с толку, пока с ней не познакомишься. Изучение предмета достаточно глубоко, чтобы иметь возможность проверить ценность и весомость содержащихся в нем доказательств, потребует от читателя терпения. Подробно рассмотрев в предыдущей работе “Системы кровного родства в человеческой семье”,³⁷⁶ Я ограничу приведенные здесь утверждения материальными фактами, сведенными к наименьшему числу, совместимому с понятностью, ссылаясь на другую работу для получения более полных деталей и общих таблиц. Важность основного положения как части истории человечества, а именно того, что семья развивалась в нескольких последовательных формах, является главной причиной для представления и изучения этих систем, если они могут действительно установить этот факт. Потребуется эта и четыре последующие главы, чтобы дать краткое общее представление о доказательстве.

Самая примитивная из известных на сегодняшний день систем кровного родства встречается у полинезийцев, для которых гавайский язык будет использоваться как

типичный. Я назвал ее малайской системой. Согласно ему, все кровные родственники, близкие и отдаленные, подпадают под одно из следующих родственных отношений; а именно, родитель, ребенок, бабушка с дедушкой, внук, брат и сестра. Никакие другие кровные родства не признаются. Помимо этого, существуют брачные отношения. Эта система кровного родства возникла вместе с первой формой семьи, единокровной, и содержит основные свидетельства ее древнего существования. Это может показаться узким основанием для столь важного вывода; но если у нас есть основания предполагать, что каждая признанная взаимосвязь была той, которая действительно существовала, то вывод полностью обоснован. Эта система преобладала в Полинезии в целом, хотя семья среди них перешла из кровного родства в пуналуальское. Она оставалась неизменной, потому что не было достаточно сильного мотива и не произошло достаточно радикального изменения институтов, чтобы произвести ее модификацию. Смешанные браки между братьями и сестрами еще не полностью исчезли с Сандвичевых островов, когда около пятидесяти лет назад среди них были основаны американские миссии. В древнем распространении этой системы кровного родства по всей Азии не может быть никаких сомнений, потому что это основа туранской системы, все еще распространенной в Азии. Она также лежит в основе китайской.

Со временем вторая великая система кровного родства, туранская, возникла на основе первой и распространилась на большую часть поверхности земли. Он был распространен среди североамериканских аборигенов и в достаточной степени прослежен среди жителей Южной Америки, чтобы сделать вероятным его столь же повсеместное распространение среди них. Следы его были обнаружены в некоторых частях Африки; но система африканских племен в целом приближается к малайской. Он все еще преобладает в Южной Индии среди индусов, говорящих на диалектах дравидийского языка, а также, в измененной форме, в Северной Индии, среди индусов, говорящих на диалектах языка гаура. Это также преобладает в Австралии в частично развитом государстве, где это, по-видимому, возникло либо в организации на классы, либо в зарождающейся организации на роды, что привело к тому же результату. В основных племенах туранской и ганованской семей он обязан своим происхождением пуналуальному браку в группе и родовой организации, последняя из которых имела тенденцию подавлять кровнородственные браки. Было показано, как это достигалось путем запрета смешанных браков в роде, который навсегда исключал собственных братьев и сестер из брачных отношений. Когда туранская система кровного родства приняла форму семьи, она была пуналуальской. Это подтверждается тем фактом, что пуналуальный брак в группе объясняет основные отношения в рамках системы; показывая, что они являются теми, которые действительно существовали бы в силу этой формы брака. Логика фактов позволяет нам показать, что семья пуналуан когда-то была так же широко распространена, как и туранская система кровного родства. К организации в роды и пуналуальской семье следует отнести туранскую систему кровного родства. В дальнейшем будет видно, что эта система была сформирована на основе малайского языка путем изменения только тех отношений, которые были результатом предыдущих смешанных браков братьев и сестер, собственных и побочных, и которые, фактически, были изменены родами; таким образом, доказывается прямая связь между ними. Это изменение систем демонстрирует мощное влияние нееврейской организации на общество, и особенно на пуналуанскую группу.

Туранская система просто колоссальна. Она распознает все взаимосвязи, известные в арийской системе, за исключением дополнительного числа, незамеченного последней. Кровное родство, близкое и отдаленное, классифицируется по категориям; и прослеживается с помощью средств, характерных для данной системы, далеко за

пределами обычного диапазона арийской системы. При фамильярном и формальном приветствии люди обращаются друг к другу по признаку родства, но никогда по личному имени, что способствует распространению знаний о системе, а также сохранению, путем постоянного признания, родства самых дальних родственников. Там, где нет никаких отношений, форма приветствия - просто "мой друг". Ни одна другая система кровного родства, встречающаяся среди мужчин, не приближается к ней по сложности дискриминации или по степени проявления особых характеристик.

Когда были обнаружены американские аборигены, семья среди них перешла из пуналуальной формы в синдиазматическую; так что отношения, признаваемые системой кровного родства, в ряде случаев не были теми, которые действительно существовали в синдиазматической семье. Это было точное повторение того, что происходило при малайской системе, когда семья перешла из кровного родства в пуналуанское, система кровного родства осталась неизменной; так что, хотя родственные связи, указанные в малайской системе, были теми, которые действительно существовали в кровной семье, они не соответствовали действительности для части членов семьи пуналуан. Аналогичным образом, хотя родственные связи, приведенные в туранской системе, являются теми, которые на самом деле существовали в семье пуналуан, они не соответствовали действительности для части семей синдиазмианцев. Форма семьи развивается по необходимости быстрее, чем системы кровного родства, которые следуют за регистрацией семейных отношений. Как создание семьи пуналуан не дало достаточных мотивов для реформирования малайской системы, так и рост семьи синдиасмиан не дал достаточных мотивов для реформирования туранской. Требовался такой великий институт, как родовая организация, чтобы превратить малайскую систему в туранскую; и требовался такой великий институт, как конкретная собственность, с ее правами собственности и наследования, вместе с созданной ею моногамной семьей, чтобы свергнуть туранскую систему кровного родства и заменить ее арийской.

С течением времени возникла третья великая система кровного родства, которую по своему усмотрению можно назвать арийской, семитской или уральской, и, вероятно, она заменила предшествующую туранскую систему среди основных народов, которые впоследствии достигли цивилизации. Это система, которая определяет отношения в моногамной семье. Эта система не была основана на туранском, как последняя была основана на малайском; но она заменила среди цивилизованных народов предыдущую туранскую систему, как могут быть показаны другие доказательства.

Последние четыре формы семьи существовали в течение исторического периода; но первая, кровная, исчезла. Его древнее существование, однако, можно вывести из малайской системы кровного родства. Таким образом, мы имеем три радикальные формы семьи, которые представляют три больших и существенно различных состояния жизни, с тремя различными и четко выраженными системами кровного родства, достаточными для доказательства существования этих семей, если бы они содержали единственные оставшиеся доказательства. Это утверждение поможет привлечь внимание к исключительному постоянству систем кровного родства и к ценности свидетельств, которые они воплощают в отношении состояния древнего общества.

Каждая из этих семей прошла долгий путь в племенах человечества, пройдя периоды младенчества, зрелости и упадка. Моногамная семья обязана своим происхождением собственности, так же как синдиазмическая семья, содержащая ее зародыш, обязана своим происхождением роду. Когда греческие племена впервые попали в поле зрения истории, моногамная семья существовала; но она не утвердилась полностью до тех пор, пока

позитивное законодательство не определило ее статус и права. Рост идеи собственности в человеческом сознании через ее создание и пользование, и особенно через урегулирование юридических прав в отношении ее наследования, тесно связан с установлением этой формы семьи. Собственность приобрела достаточно сильное влияние, чтобы затронуть органическую структуру общества. Уверенность в отношении отцовства детей теперь приобрела бы значение, неизвестное в прежних условиях. Брак между одинокими парами существовал с более раннего периода варварства в форме спаривания во время удовольствия сторон. Оно имело тенденцию становиться более стабильным по мере развития древнего общества, с совершенствованием институтов и с продвижением изобретений и открытий к более высоким последовательным условиям; но существенного элемента моногамной семьи, исключительного сожителства, все еще не хватало. Мужчина еще в эпоху варварства начал требовать от жены верности под угрозой жестоких наказаний, но он требовал освобождения для себя. Обязательство обязательно взаимно, а его выполнение соотносительно. У гомеровских греков положение женщины в семейных отношениях было изолированным и супружеским доминированием, с несовершенными правами и чрезмерным неравенством. Сравнение греческой семьи в последовательные эпохи, от эпохи Гомера до эпохи Перикла, показывает заметное улучшение с постепенным превращением ее в определенный институт. Современная семья, несомненно, является улучшением по сравнению с греческой и римской, потому что женщина значительно улучшила свое социальное положение. Став дочерью по отношению к своему мужу, как у греков и римлян, она приблизилась к равенству в достоинстве и признанных личных правах. У нас есть летопись моногамной семьи, насчитывающая почти три тысячи лет, в течение которых, можно утверждать, происходило постепенное, но непрерывное улучшение ее характера. Этому суждено развиваться еще дальше, пока не будет признано равенство полов и полностью не будут признаны равноправные брачные отношения. У нас есть аналогичные свидетельства, хотя и не столь совершенные, о прогрессивном совершенствовании синдиазмической семьи, которая, начавшись с низкого типа, закончилась моногамией. Эти факты следует помнить, потому что они важны в этой дискуссии.

В предыдущих главах внимание было привлечено к колоссальной супружеской системе, которая закрепилась за человечеством на заре его существования и последовала за ним вплоть до цивилизации, хотя и неуклонно сдавала позиции по мере прогрессирующего совершенствования общества. Степень человеческого прогресса может быть в некоторой степени измерена степенью ослабления этой системы за счет противостоящих ей моральных элементов общества. Каждая последующая форма семьи и брака является важной регистрацией этого сокращения. После того, как оно было сведено к нулю, и только после этого моногамная семья стала возможной. Эту семью можно проследить далеко назад, в более поздний период варварства, где она исчезает в синдиазме.

Таким образом, складывается некоторое представление о веках, прошедших, пока эти две формы семьи проходили свой путь роста и развития. Но создание пяти последовательных форм семьи, отличающихся одна от другой и относящихся к совершенно разным общественным условиям, дополняет наше представление о продолжительности периодов, в течение которых идея семьи развивалась от кровнородственной, через промежуточные формы, к все еще развивающейся моногамной. Ни одно учреждение человечества не имело более замечательной или насыщенной событиями истории и не воплощало в себе результаты более длительного и разнообразного опыта. Потребовались высочайшие умственные и моральные усилия на протяжении бесчисленных веков, чтобы сохранить свое существование и довести его через несколько стадий до его нынешней формы.

Брак перешел от пуналуйского через синдиазмический к моногамной форме без каких-либо существенных изменений в туранской системе кровного родства. Эта система, которая регистрирует отношения в пуналуальских семьях, оставалась практически неизменной до установления моногамной семьи, когда она стала почти полностью не соответствовать природе происхождения и даже вызвала скандал, связанный с моногамией. Для иллюстрации: согласно малайской системе, мужчина называет сына своего брата своим сыном, потому что жена его брата является его женой так же, как и жена его брата; и сын его сестры также является его сыном, потому что его сестра - его жена. При туранской системе сын его брата по-прежнему остается его сыном, и по той же причине, но сын его сестры теперь является его племянником, потому что при языческой организации его сестра перестала быть его женой. У ирокезов, где семья синдиазмическая, мужчина все еще называет сына своего брата своим сыном, хотя жена его брата перестала быть его женой; и так с большим количеством отношений, в равной степени несовместимых с существующей формой брака. Система сохранила обычаи, в которых она возникла, и все еще сохраняет себя среди них, хотя в основном и не соответствует спускам в том виде, в каком они существуют сейчас. Не возникло никакого мотива, адекватного ниспровержению великой и древней системы кровного родства. Моногамия, когда она появилась, дала этот мотив арийским нациям, когда они приблизились к цивилизации. Это гарантировало отцовство детей и законность наследников. Реформирование туранской системы в соответствии с моногамным происхождением было невозможно. Это было ложью для моногамии насквозь. Однако средство правовой защиты существовало, одновременно простое и законченное. Туранская система была отброшена, и на ее место был заменен описательный метод, который туранские племена всегда использовали, когда хотели конкретизировать данные отношения. Они опирались на голые факты кровного родства и описывали взаимоотношения каждого человека с помощью комбинации основных терминов. Таким образом, они сказали "сын брата", "внук брата"; "брат отца" и "сын брата отца". Каждая фраза описывала человека, оставляя отношения косвенными. Такова была система арийских народов, какую мы находим в ее наиболее древней форме у греческих, латинских, санскритских, германских и кельтских племен; а также у семитов, о чем свидетельствуют генеалогии еврейских Писаний. Следы туранской системы, на некоторые из которых мы ссылались, сохранялись у арийских и семитских народов вплоть до исторического периода; но по существу они были искоренены, а на их место была заменена описательная система.

Чтобы проиллюстрировать и подтвердить эти несколько положений, необходимо будет рассмотреть соответственно в порядке их возникновения эти три системы и три радикальные формы семьи, возникшие в связи с ними. Они взаимно интерпретируют друг друга.

Рассматриваемая сама по себе система кровного родства не имеет большого значения. Ограниченный по количеству идей, которые он воплощает, и, по-видимому, основанный на простых предположениях, он, казалось бы, неспособен предоставить полезную информацию и, тем более, пролить свет на раннее состояние человечества. Таков, по крайней мере, был бы естественный вывод, если бы отношения группы сородичей рассматривались абстрактно. Но когда сравнивается система многих племен и становится ясно, что она является домашним институтом и передавалась на протяжении чрезвычайно длительных периодов времени, она приобретает совершенно иной аспект. Три такие системы, одна сменяющая другую, представляют собой полный рост семьи от кровнородственной до моногамной. Поскольку мы имеем право предположить, что каждое из них выражает фактические отношения, существовавшие в семье на момент ее основания, оно, в свою очередь, раскрывает форму брака и семьи, которые тогда преобладали, хотя и то,

и другое могло перейти на более высокую ступень, в то время как система кровного родства оставалась неизменной.

Далее следует отметить, что эти системы являются естественным развитием общества по мере перехода от низшего состояния к более высокому, причем изменение в каждом случае отмечается появлением какого-либо института, глубоко влияющего на структуру общества. Отношения матери и ребенка, брата и сестры, бабушки и внука можно было установить во все века со всей определенностью; но отношения отца и ребенка, бабушки и внука нельзя было установить с определенностью до тех пор, пока моногамия не обеспечила наивысшую достижимую уверенность. Некоторое количество людей одновременно состояло бы в каждом из этих отношений как равновероятное, если бы в группе был брак. В самых грубых условиях древнего общества эти отношения воспринимались бы как действительные, так и вероятные, и для их выражения были бы изобретены термины. Система кровного родства возникла бы со временем в результате постоянного применения этих терминов к лицам, образованным таким образом в группу родственников. Но форма системы, как указывалось ранее, будет зависеть от формы брака. Там, где браки заключались между братьями и сестрами, собственными и побочными, в группе семья была бы кровнородственной, а система кровного родства малайской. Там, где браки заключались между несколькими сестрами с мужьями друг друга в группе и между несколькими братьями с женами друг друга в группе, семья была бы пуналуальской, а система кровного родства - туранской; и там, где брак заключался между отдельными парами с исключительным совместным проживанием, семья была бы моногамной, а система кровного родства - арийской. Следовательно, три системы основаны на трех формах брака; и они стремятся выразить, насколько это возможно, фактические отношения, которые существовали между людьми соответственно при этих формах брака. Следовательно, будет видно, что они основаны не на природе, а на браке; не на фиктивных соображениях, а на факте; и что каждая из них, в свою очередь, является логичной, а также правдивой системой. Свидетельства, которые они содержат, имеют высочайшую ценность, а также наводящий на размышления характер. Они раскрывают состояние древнего общества самым простым образом с безошибочной прямоотой.

Эти системы сводятся к двум конечным формам, фундаментально различным. Одна из них является классификационной, а другая описательной. Согласно первому, кровные родственники никогда не описываются, но классифицируются по категориям, независимо от степени их близости или отдаленности по отношению к Эго; и один и тот же термин родства применяется ко всем лицам, относящимся к одной и той же категории. Таким образом, мои собственные братья и сыновья братьев моего отца все похожи на моих братьев; мои собственные сестры и дочери сестер моей матери все похожи на моих сестер; такова классификация как в малайской, так и в туранской системах. Во втором случае кровные родственники описываются либо основными терминами родства, либо комбинацией этих терминов, что делает родство каждого человека специфичным. Поэтому мы говорим "сын брата", "брат отца" и "сын брата отца". Такова была система арийских, семитских и уральских семей, которые пришли с моногамией. Впоследствии была введена небольшая классификация с изобретением общепринятых терминов; но самая ранняя форма системы, для которой типичны эрзянский и скандинавский языки, была чисто описательной, как показано на приведенных выше примерах. Радикальное различие между двумя системами было вызвано множественными браками в группе в одном случае и одиночными браками между отдельными парами в другом.

Хотя описательная система одинакова в арийской, семитской и уральской семьях, классификация имеет две различные формы. Во-первых, малайский, который является старейшим с точки зрения времени; и, во-вторых, туранский и ганованский языки, которые по сути похожи и были сформированы путем модификации предыдущей малайской системы.

Краткое упоминание о нашей собственной системе кровного родства привлечет внимание к принципам, лежащим в основе всех систем.

Родственные связи бывают двух видов: во-первых, по кровному родству; во-вторых, по родству или браку. Кровное родство также бывает двух видов: прямое и побочное. Кровное родство по прямой линии - это связь, существующая между людьми, из которых один происходит от другого. Побочное кровное родство - это связь, которая существует между людьми, происходящими от общих предков, но не друг от друга. Брачные отношения существуют по обычаю.

Чтобы не вдаваться слишком подробно в тему, можно сказать в целом, что в каждой системе кровного родства, где существует брак между отдельными парами, должны быть прямая и несколько побочных линий, причем последняя расходится с первой. Каждый человек является центром группы сородичей, Эго, от которого зависит степень родства каждого человека и к которому возвращаются эти отношения. Его положение обязательно находится на прямой линии, и эта линия вертикальна. На нем могут быть начертаны, над и под ним, несколько его предков и потомков в прямом ряду от отца к сыну, и эти люди вместе составят его прямую мужскую линию. Из этой магистральной линии вытекают несколько побочных линий, мужская и женская, которые пронумерованы снаружи. Для совершенного знания системы будет достаточно распознать основную линию и единственную мужскую и женскую ветвь первых пяти побочных линий, включая линии со стороны отца и со стороны матери, и идущие в каждом случае от родителя только к одному из его или ее детей, хотя это будет включать лишь небольшую часть родственников Эго, либо в восходящем, либо в нисходящем ряду. Попытка проследить за всеми подразделениями и ветвями нескольких побочных линий, число которых в восходящем ряду увеличивается в геометрической пропорции, не сделала бы систему более понятной.

Первая побочная линия, мужская, состоит из моего брата и его потомков; а первая, женская, - из моей сестры и ее потомков. Вторая побочная линия, мужская, со стороны отца, состоит из брата моего отца и его потомков; и вторая, женская, из сестры моего отца и ее потомков: вторая, мужская, со стороны матери, состоит из брата моей матери и его потомков; и вторая, женская, из сестры моей матери и ее потомков. Третья побочная линия, мужская, со стороны отца, состоит из брата моего дедушки и его потомков; и третья, женская, из сестры моего дедушки и ее потомков; со стороны матери та же линия, в ее мужской и женской ветвях, состоит из брата и сестры моей бабушки и их потомков соответственно. В последнем случае следует заметить, что мы перешли от прямой линии по линии отца к прямой линии по линии матери. Четвертая побочная линия, мужская и женская, начинается с брата и сестры прадеда: и брата и сестры прабабушки: и пятая побочная линия, мужская и женская, с брата и сестры прапрадеда; и с брата и сестры прапрабабушки, и каждая линия и ответвление заканчиваются таким же образом, как и третья. Эти пять линий, вместе с линейными, охватывают великое тело наших сородичей, которые находятся в пределах практического признания.

Требуется дополнительное объяснение этих нескольких строк. Если у меня есть несколько братьев и сестер, они вместе со своими потомками составляют столько линий, каждая из которых независима от другой, сколько у меня есть братьев и сестер; но все вместе они

образуют мою первую побочную линию в двух ветвях, мужской и женской. Подобным образом, несколько братьев и сестер моего отца и моей матери вместе с их соответствующими потомками составляют столько линий, каждая из которых независима от другой, сколько существует братьев и сестер; но все они объединяются, образуя вторую побочную линию в двух подразделениях, со стороны отца и со стороны матери; и в четырех основных ветвях, двух мужских и двух женских. Если бы третья побочная линия была исчерпана полностью, в ее нескольких ответвлениях, это дало бы четыре основных подразделения предков и восемь главных ветвей; и количество каждого из них увеличивалось бы в том же соотношении в каждой последующей побочной линии.

При такой массе подразделений и ветвей, охватывающих такое множество единокровных родственников, сразу будет видно, что метод расположения и описания, который сохранял бы каждое отдельное существо и делал целое понятным, не был бы обычным достижением. Эта задача была в совершенстве выполнена римскими гражданскими лицами, чей метод был перенят основными европейскими нациями и настолько прост, что вызывает восхищение.³⁷⁷ Развитие номенклатуры до необходимого уровня, должно быть, было настолько чрезвычайно трудным, что, вероятно, никогда бы не произошло, если бы не настоятельная необходимость, а именно необходимость нисходящего кодекса для регулирования наследования собственности.

Чтобы сделать новую форму достижимой, необходимо было разграничить отношения дяди и тети по отцовской и материнской линии конкретными терминами, что было достигнуто лишь в нескольких языках человечества. В конце концов эти термины появились у римлян в "patruus" и "amita", обозначающих дядю и тетю по отцовской линии, и в "avunculus" и "mattertera", обозначающих то же самое по материнской линии. После того, как они были изобретены, утвердился улучшенный римский метод описания кровного родства.³⁷⁸ В своих существенных чертах он был принят несколькими ветвями арийской семьи, за исключением эрсийской, скандинавской и славянской.

Арийская система обязательно принимала описательную форму, когда от туранской отказывались, как в Прошлом. Каждое родство в прямой и первых пяти побочных линиях, числом до ста и более, является независимым, требующим такого же количества описательных этапов или постепенного изобретения общепринятых терминов.

Следует заметить, что две радикальные формы — классификационная и описательная — почти точно определяют линию разграничения между варварскими и цивилизованными нациями. Такой результат можно было бы предсказать, исходя из закона прогресса, выявленного этими несколькими формами брака и семьи.

Системы кровного родства не принимаются, не модифицируются и не отбрасываются по собственному желанию. По своему происхождению они отождествляются с органическими движениями общества, которые привели к значительным изменениям условий. Когда конкретная форма войдет в общее употребление, когда будет изобретена ее номенклатура и улажены ее методы, она, исходя из характера дела, будет меняться очень медленно. Каждый человек является центром группы сородичей, и поэтому каждый человек вынужден использовать и понимать преобладающую систему. Изменить любое из этих отношений было бы чрезвычайно сложно. Эта тенденция к постоянству усиливается тем фактом, что эти системы существуют благодаря обычаю, а не законодательному акту, как нарост, а не искусственное создание, и поэтому мотив к изменению должен быть таким же универсальным, как и обычай. Хотя каждый человек является участником системы, каналом ее передачи является кровь. Таким образом, существовало мощное влияние, которое

увековечивало систему еще долгое время после того, как условия, при которых каждый из них возник, были изменены или вообще исчезли. Этот элемент постоянства придает определенность выводам, сделанным на основе фактов, и сохранил и продвинул вперед летопись древнего общества, которая в противном случае была бы полностью утеряна для человеческих знаний.

Не следует предполагать, что такая сложная система, как туранская, могла поддерживаться в различных нациях и семьях человечества в абсолютной идентичности. Обнаруживаются расхождения во второстепенных деталях, но радикальные черты, в основном, постоянны. Система кровного родства тамильского народа в Южной Индии и система родства сенека-ирокезов в Нью-Йорке по-прежнему идентичны в двухстах отношениях; это применение естественной логики к фактам социального состояния, не имеющее аналогов в истории человеческого разума. Существует также модифицированная форма системы, которая стоит особняком и рассказывает свою собственную историю. Это язык хинди, бенгальцев, марати и других народов Северной Индии, сформированный сочетанием арийской и туранской систем. Цивилизованный народ, брахманы, сросся с варварским племенем и утратил свой язык в названных новых наречиях, которые сохраняют грамматическую структуру речи аборигенов, которой санскрит передал девяносто процентов своих вокабуляров. Это привело к столкновению двух их систем кровного родства, одна из которых была основана на моногамии или синдиазмии, а другая - на множественных браках в группе, в результате чего возникла смешанная система. Преобладавшие по численности аборигены придали ему туранский характер, в то время как санскритский элемент внес такие изменения, которые спасли моногамную семью от порицания. Славянский род, по-видимому, произошел от этого смешения рас. Система кровного родства, которая проявляет лишь две фазы в периоды дикости и варварства и проецирует третью, но измененную форму далеко в период цивилизации, проявляет элемент постоянства, рассчитанный на то, чтобы привлечь внимание.

Нет необходимости рассматривать патриархальную семью, основанную на полигамии. Из-за своей ограниченной распространенности она оказала лишь небольшое влияние на человеческие дела.

Домашняя жизнь дикарей и варваров не изучалась с тем вниманием, которого заслуживает этот предмет. Среди индейских племен Северной Америки семья была синдиазматической; но обычно они жили в домах с совместной арендой и практиковали коммунизм в домашнем хозяйстве. По мере того как мы спускаемся по шкале в направлении пуналуальных и кровнородственных семей, семейная группа становится больше, и в одной квартире собирается больше людей. Племена побережья Венесуэлы, среди которых, по-видимому, была семья пуналуан, представлены первооткрывателями как живущие в домах в форме колоколов, в каждом из которых проживало сто шестьдесят человек.³⁷⁹ Мужья и жены жили вместе группой в одном доме и, как правило, в одной квартире. Напрашивается разумный вывод, что такой образ домашней жизни был очень распространен в дикости.

Объяснение происхождения этих систем кровного родства будет предложено в последующих главах. Они будут основываться на формах брака и семьи, которые их породили, предполагая существование этих форм. Если таким образом получено удовлетворительное объяснение каждой системы, то предшествующее существование каждой формы брака и семьи может быть выведено из системы, которую она объясняет. В заключительной главе будет предпринята попытка последовательно сформулировать основные институты, которые способствовали росту семьи посредством последовательных форм. Наши знания о раннем состоянии человечества все еще настолько ограничены, что

мы должны использовать наилучшие доступные указания. Последовательность, которая будет представлена, частично гипотетична; но она подкрепляется достаточным количеством доказательств, чтобы рекомендовать ее к рассмотрению. Его полное установление должно быть предоставлено результатам будущих этнологических исследований.

ГЛАВА II

Кровная семья

Существование Кровнородственной семьи должно быть доказано другими доказательствами, помимо создания самой семьи. Как первая и наиболее древняя форма института, он перестал существовать даже среди низших племен дикарей. Он принадлежит к тому состоянию общества, из которого вышла наименее развитая часть человеческой расы. Единичные случаи брака брата и сестры у варварских и даже у цивилизованных народов имели место в течение исторического периода; но это сильно отличается от взаимных браков нескольких из них в группе, в состоянии общества, в котором такие браки преобладали и составляли основу социальной системы. На Полинезийских и папуасских островах, а также в Австралии есть племена дикарей, которые, по-видимому, недалеко ушли от первобытного состояния; но они продвинулись дальше условий, подразумеваемых кровнородственной семьей. Где же, тогда, можно спросить, доказательства того, что такая семья когда-либо существовала среди человечества? Какие бы доказательства ни приводились, они должны быть убедительными, иначе предположение не будет доказано. Это обнаруживается в системе кровного родства, которая на бесчисленные столетия пережила брачные обычаи, из которых она возникла, и которая остается свидетельством того факта, что такая семья существовала, когда эта система формировалась.

Эта система - малайская. Она определяет отношения, которые существовали бы в кровнородственной семье; и она требует, чтобы существование такой семьи объясняло ее собственное существование. Более того, это с моральной достоверностью доказывает существование кровнородственной семьи, когда формировалась система.

Эта система, которая является наиболее архаичной из когда-либо обнаруженных, теперь будет рассмотрена с целью показать, исходя из ее взаимосвязей, основные изложенные факты. Эта семья также является наиболее архаичной формой института, о котором сохранились какие-либо знания.

Столь замечательный отчет о состоянии древнего общества не сохранился бы до настоящего времени, если бы не исключительное постоянство систем кровного родства. Арийская система, например, просуществовала почти три тысячи лет без радикальных изменений и просуществовала бы еще сто тысяч лет в будущем, при условии, что моногамная семья, взаимоотношения в которой она определяет, сохранится так долго. Она описывает отношения, которые фактически существуют при моногамии, и поэтому неспособна измениться до тех пор, пока семья остается такой, какой она является в настоящее время. Если бы новая форма семьи появилась у арийских народов, это не повлияло бы на нынешнюю систему кровного родства до тех пор, пока она не стала всеобщей; и хотя в этом случае она могла бы изменить систему в некоторых частностях, она не свергла бы ее, если только новая семья радикально не отличалась бы от моногамной. Точно так же было с его непосредственным предшественником, туранской системой, а до этого с малайским языком, предшественником туранского в порядке производного роста. Древность неизвестной

продолжительности может быть отнесена к малайской системе, которая пришла вместе с кровнородственной семьей, оставалась в течение неопределенного периода после появления семьи пуналуан и, по-видимому, была вытеснена туранцами в других племенах с образованием организации в роды.

Жители Полинезии входят в малайскую семью. Их система кровного родства получила название малайской, хотя сами малайцы модифицировали свою собственную в некоторых деталях. Среди гавайцев и других полинезийских племен все еще существует в повседневном употреблении система кровного родства, которая приведена в Таблице и может быть объявлена древнейшей из известных человечеству. В качестве типичных для системы используются гавайские и ротуманские формы³⁸⁰. Это простейшая и, следовательно, старейшая форма классификационной системы, раскрывающая примитивную форму, к которой впоследствии были привиты туранский и ганованский языки.

Очевидно, что малайский язык не мог быть выведен из какой-либо существующей системы, потому что нет ни одной более элементарной, о которой можно было бы составить какое-либо представление. Единственными признанными кровными родственниками являются первичные, которых пять, без различия пола. Все кровные родственники, близкие и отдаленные, подразделяются в соответствии с этими отношениями на пять категорий. Таким образом, я, мои братья и сестры, а также мои первые, вторые, третьи и более отдаленные кузены мужского и женского пола относятся к первому классу или категории. Все они, без различия, являются моими братьями и сестрами. Слово "двоюродный брат" здесь используется в нашем смысле, поскольку в Полинезии это родство неизвестно. Мои отец и мать вместе со своими братьями и сестрами, а также их двоюродными братьями, троюродными сестрами и более отдаленными родственниками относятся ко второму классу. Все они, без различия, являются моими родителями. Мои дедушки и бабушки со стороны отца и матери, со своими братьями и сестрами, а также несколькими двоюродными братьями и сестрами учатся в третьем классе. Все это мои бабушка и дедушка. Ниже меня мои сыновья и дочери со своими несколькими двоюродными братьями и сестрами, как и прежде, находятся в четвертом классе. Все они, без различия, мои дети. Мои внуки и внучки со своими несколькими двоюродными братьями и сестрами учатся в пятом классе. Все они в равной степени являются моими внуками. Более того, все люди одного и того же класса являются братьями и сестрами друг для друга. Таким образом, все возможные родственники любого данного человека делятся на пять категорий: каждый человек применяет к любому другому человеку из той же категории те же условия родства, что и он сам. Особого внимания заслуживают пять степеней родства в малайской системе, поскольку та же классификация фигурирует в "Девяти степенях родства" китайцев, которые расширены таким образом, что включают двух дополнительных предков и двух дополнительных потомков, как будет показано в другом месте. Таким образом, обнаруживается фундаментальная связь между двумя системами.

В гавайском языке есть термины для обозначения бабушки и дедушки - *Киррйпă*, для родителей - *МăкаА*; для ребенка - *Каикее*; и для внука - *МоорйNă*. Пол выражается добавлением терминов *Капа*, обозначающих мужчину, и *Wăheena*, обозначающих женщину; таким образом, *Кирйпă Капа*= прародитель мужского пола, а *КирйNă Wăheena* - прародительница женского пола. Они эквивалентны дедушке и бабушке и выражают эти отношения в конкретном. Предки и потомки, выше и ниже названных, различаются численно, как первые, вторые, третьи, когда необходимо уточнить; но в обычном употреблении *Кирйпă* применяется ко всем лицам выше бабушки и дедушки, а *МоорйNă* применяется ко всем потомкам ниже внука.

Отношения брата и сестры представляются в двоякой форме старшего и младшего, и к каждому из них применяются отдельные термины; но это не осуществляется со всей полнотой. Таким образом, на гавайском языке, из которого будут взяты иллюстрации, мы имеем:

Старший брат, говорит мужчина: “Кайкуна”. Говорит женщина: “Кайкуна”.

Младший брат, говорит мужчина: “Кайкайна”. Говорит женщина: “Кайкуняна”.

Старшая сестра, говорит мужчина: “Кайквахина”. Говорит женщина: “Кайквана”.

Младшая сестра, говорит мужчина, “Кайкувахина”, Говорит женщина, Кайкайна”.³⁸¹

Следует заметить, что мужчина называет своего старшего брата Кайкана, а женщина - свою старшую сестру одинаково; что мужчина называет своего младшего брата Кайкана, а женщина - свою младшую сестру одинаково: следовательно, эти термины имеют общий род и предполагают ту же идею, что и в системе карен, а именно идею предшественника и преемника по рождению.³⁸² Мужчины используют один термин для обозначения старшей и младшей сестры, а женщины - один термин для обозначения старшего и младшего брата. Таким образом, получается, что в то время как братья мужчины подразделяются на старших и младших, его сестры - нет; и в то время как сестры женщины подразделяются на старших и младших, ее братья - нет. Таким образом, был разработан двойной набор терминов, один из которых используется мужчинами, а другой - женщинами, особенность, которая вновь появляется в системе ряда полинезийских племен.³⁸³ Среди диких племен отношения брата и сестры редко воспринимаются абстрактно.

Суть системы заключается в пяти категориях кровного родства; но следует отметить особые особенности, которые потребуют подробного представления первых трех сопутствующих линий. После того, как они будут показаны, связь системы со смешанными браками братьев и сестер, собственных и сопутствующих, в группе проявится в самих отношениях.

Первая сопутствующая строка. В мужской ветви, поскольку я мужчина, дети моего брата, говорящего по-гавайски, - это мои сыновья и дочери, каждый из которых называет меня отцом; а дети последнего - мои внуки, каждый из которых называет меня дедушкой.

В женской ветви дети моей сестры - мои сыновья и дочери, каждый из которых называет меня отцом; а их дети - мои внуки, каждый из которых называет меня дедушкой. Поскольку я являюсь женщиной, отношения вышеназванных лиц одинаковы в обеих ветвях, с соответствующими изменениями в зависимости от пола.

Мужья и жены этих нескольких сыновей и дочерей - мои зятья и невестки; термины используются в общем роде, и к каждому из них добавляются термины, обозначающие мужчину и женщину соответственно.

Вторая сопутствующая строка. В мужской ветви со стороны отца брат моего отца является моим отцом и называет меня своим сыном; его дети - мои братья и сестры, старшие или младшие; их дети - мои сыновья и дочери; а дети последних - мои внуки, каждый из которых в предыдущем и последующих случаях применяет ко мне соответствующий термин. Сестра моего отца - моя мать; ее дети - мои братья и сестры, старшие или младшие; их дети - мои сыновья и дочери; а дети последних - мои внуки.

По той же линии со стороны матери брат моей матери - мой отец; его дети - мои братья и сестры; их дети - мои сыновья и дочери; а дети последних - мои внуки. Сестра моей матери -

моя мать; ее дети - мои братья и сестры; их дети - мои сыновья и дочери; а дети последних - мои внуки. Отношения людей, названных во всех ветвях этой и последующих линий, такие же, как и у меня, женщины.

Жены этих нескольких братьев, собственные и сопутствующие, являются как моими, так и их женами. Обращаясь к любой из них, я называю ее своей женой, используя обычный термин для выражения этой связи. Мужья этих нескольких женщин, наряду со мной, являются моими зятьями. Поскольку я женщина, мужья нескольких моих сестер, собственные и сопутствующие, являются моими мужьями так же, как и их. Обращаясь к любой из них, я использую общепринятый термин "муж". Жены этих нескольких мужей, которые являются таковыми совместно со мной, являются моими невестками.

Третья сопутствующая строка. В мужской ветви этой линии по отцовской линии брат моего дедушки - мой дедушка; его дети - мои отцы и матери; их дети - мои братья и сестры, старшие или младшие; дети последних - мои сыновья и дочери; а их дети - мои внуки. Сестра моего дедушки - моя бабушка; и ее дети и потомки состоят в тех же отношениях, что и в последнем случае.

В той же линии по материнской линии брат моей бабушки - мой дедушка; его сестра - моя бабушка; и их соответствующие дети и потомки попадают в те же категории, что и представители первой ветви этой линии.

Брачные отношения в этом случае такие же, как и во второй побочной линии, что в значительной степени увеличивает число лиц, объединенных узами брака.

Насколько можно проследить кровное родство по более отдаленным побочным линиям, система, которая является всеобъемлющей, одинакова в своих классификациях. Таким образом, мой прадед по четвертой побочной линии - это мой дедушка; его сын также является моим дедушкой; сын последнего - мой отец; его сын - мой брат, старший или младший; а его сын и внук - мои сын и внучка.

Следует заметить, что несколько побочных линий объединяются в прямую линию, восходящую так же, как и нисходящую; так что предки и потомки моих побочных братьев и сестер становятся как моими, так и их. Это одна из характеристик системы классификации. Никто из сородичей не потерян.

Из простоты системы можно видеть, насколько легко узнаются родственные связи между родственниками по крови и как знание о них сохраняется из поколения в поколение. Иллюстрацией служит единственное правило: дети братьев сами являются братьями и сестрами; дети последних - братьями и сестрами; и так до бесконечности. То же самое происходит с детьми и потомками сестер, а также с братьями и сестрами.

Все члены каждой ступени низведены до одного и того же уровня в своих взаимоотношениях, независимо от близости или отдаленности в числовых степенях; представители каждой ступени находятся с Эго в идентичных отношениях. Из этого также следует, что знание числовых степеней составляло неотъемлемую часть гавайской системы, без которой невозможно было определить надлежащий уровень каждого человека. Простой и самобытный характер системы привлечет внимание, с такой прямоотой указывая на смешанные браки братьев и сестер, собственных и побочных, в группе, как на источник, из которого она возникла.

Бедность языка или безразличие к отношениям не оказали никакого влияния на формирование системы, как будет показано в дальнейшем.

Система, подробно описанная здесь, встречается и у других полинезийских племен, помимо гавайцев и ротуманов, а также у жителей Маркизских островов и маори Новой Зеландии. Он преобладает также среди самоанцев, кусайенсов и жителей островов Кингс-Милл в Микронезии,³⁸⁴ и, без сомнения, на всех обитаемых островах Тихого океана, за исключением тех, где он граничит с туранским.

Из этой системы ясно выводится предшествующее существование кровнородственной семьи и связанный с ней вид брака. Предположительно, это естественная и реальная система, выражающая отношения, которые действительно существовали, когда система формировалась, настолько близко, насколько можно было узнать происхождение детей. Существовавшие тогда обычаи в отношении брака могут не иметь силы в настоящее время. Для обоснования вывода нет необходимости в том, чтобы они были такими. Системы кровного родства, как указывалось ранее, остаются по существу неизменными и в полной силе еще долгое время после того, как брачные обычаи, в которых они возникли, частично или полностью исчезли. Небольшое количество независимых систем кровного родства, созданных за длительный период человеческого опыта, является достаточным доказательством их постоянства. Установлено, что они не меняются, кроме как в связи с великими эпохами прогресса. С целью объяснения происхождения малайской системы, исходя из характера происхождения, мы вольны предположить предшествующие смешанные браки собственных и побочных братьев и сестер в группе; и если затем будет обнаружено, что основными признанными отношениями являются те, которые действительно существовали бы при этой форме брака, тогда сама система становится убедительным доказательством существования таких браков. Совершенно очевидно, что эта система возникла в результате множественных браков единокровных родственников, включая собственных братьев и сестер; фактически она началась со смешанных браков последних и постепенно охватила побочных братьев и сестер по мере расширения сферы действия супружеской системы. Со временем стали осознаваться пороки первой формы брака, что привело если не к его прямому упразднению, то к предпочтению жен, выходящих за рамки этой ступени. Среди австралийцев это было навсегда отменено разделением на классы, и более широко среди туранских племен - разделением на роды. Невозможно объяснить эту систему как естественный рост на основе какой-либо другой гипотезы, кроме названной, поскольку только эта форма брака может дать ключ к ее интерпретации. В кровнородственной семье, созданной таким образом, мужья жили в многоженстве, а жены - в полиандрии, которая считается такой же древней, как человеческое общество. Такая семья не была ни естественной, ни примечательной. Было бы трудно показать какое-либо другое возможное зарождение семьи в первобытный период. Его длительное существование в частичной форме среди племен человечества является еще большей причиной для удивления, поскольку все его следы не исчезли у гавайцев в эпоху их открытия.

Объяснение происхождения малайской системы, данное в этой главе, а также туранской и ганованской, приведенное в следующей, было подвергнуто сомнению и опровергнуто мистером Джоном Ф. Макленнаном, автором книги "Первобытный брак". Однако я не вижу причин изменять представленные здесь взгляды, которые по существу совпадают с теми, что приведены в "Системах кровного родства" и т.д. Но я прошу обратить внимание читателя на повторяемое здесь толкование и на примечание в конце главы VI, в котором рассматриваются возражения мистера Макленнана.

Если признанные в малайской системе отношения теперь будут проверены этой формой брака, то обнаружится, что они основаны на смешанных браках собственных и побочных братьев и сестер в группе.

Следует помнить, что отношения, вытекающие из семейной организации, бывают двух видов: кровные, определяемые происхождением, и родственные, определяемые браком. Поскольку в кровнородственной семье есть две различные группы людей, одна из которых состоит из отцов, а другая - из матерей, принадлежность детей к обеим группам была бы настолько сильной, что различие между кровными и аффиными отношениями не признавалось бы в системе в каждом конкретном случае.

Я. Все дети нескольких моих братьев, я сам мужского пола, - мои сыновья и дочери.

Причина: Говоря как гаваец, все жены нескольких моих братьев - такие же мои жены, как и они сами. Поскольку для меня было бы невозможно отличить своих собственных детей от детей моих братьев, если я называю кого-то своим ребенком, я должен называть их всех своими детьми. Один из них с такой же вероятностью будет моим, как и другой.

II. Все внуки нескольких моих братьев - мои внуки.

Причина: Они дети моих сыновей и дочерей.

III. Со мной, женщиной, вышеупомянутые отношения такие же.

Это чисто вопрос брачных отношений. Несколько моих братьев, являющихся моими мужьями, их дети от других жен были бы моими приемными детьми, и, поскольку это родство не признано, они, естественно, попадают в категорию моих сыновей и дочерей. В противном случае они прошли бы мимо системы. Между нами мачеху называют матерью, а пасынка - сыном.

IV. Все дети нескольких моих сестер, собственные и побочные, я сам мужского пола, - мои сыновья и дочери.

Причина: Все мои сестры - мои жены, а также жены нескольких моих братьев.

V. Все внуки нескольких моих сестер - мои внуки.

Причина: Они дети моих сыновей и дочерей.

VI. Все дети нескольких моих сестер, я сам женского пола, - мои сыновья и дочери.

Причина: мужья моих сестер - такие же мои мужья, как и они сами. Однако это различие существует: я могу отличить своих собственных детей от детей моих сестер, последней из которых я прихожусь мачехой. Но поскольку в этих отношениях нет дискриминации, они попадают в категорию моих сыновей и дочерей. В противном случае они были бы лишены системы.

VII. Все дети нескольких родных братьев являются братьями и сестрами друг для друга.

Причина: Эти братья - мужья всех матерей этих детей. Дети могут различать своих собственных матерей, но не своих отцов, поэтому, что касается первых, то часть из них являются собственными братьями и сестрами, а остальные - сводными братьями и сводными сестрами; но что касается последних, то они, вероятно, братья и сестры. По этим причинам они, естественно, попадают в эту категорию.

VIII. Дети этих братьев и сестер также являются братьями и сестрами друг для друга; дети последних снова являются братьями и сестрами, и эти отношения продолжают по нисходящей среди их потомков бесконечно. Точно так же обстоит дело с детьми и потомками нескольких собственных сестер и нескольких братьев и сестер. Таким образом создается

бесконечный ряд, который является фундаментальной частью системы. Чтобы объяснить этот ряд, необходимо далее предположить, что брачные отношения распространялись везде, где признавалось существование отношений брата и сестры; у каждого брата было столько жен, сколько у него было сестер, собственных или побочных, а у каждой сестры было столько мужей, сколько у нее было братьев, собственных или побочных. Брак и семья, по-видимому, формируются в соответствии с классом или категорией и сосуществуют с ними. Таково, по-видимому, было начало той грандиозной супружеской системы, о которой ранее неоднократно говорилось.

IX. Все братья моего отца - мои отцы; и все сестры моей матери - мои матери.

Причины, указанные в пунктах I, III и VI.

X. Все братья моей матери - мои отцы.

Причина: Они мужья моей матери.

XI. Все сестры моей матери - это мои матери.

Причины, как в VI.

XII. Все дети моих побочных братьев и сестер, без различия, являются моими сыновьями и дочерьми.

Причины, указанные в пунктах I, III, IV, VI.

XIII. Все дети последнего - мои внуки.

Причины, как во II.

XIV. Все братья и сестры моих дедушки и бабушки, со стороны отца и со стороны матери, являются моими дедушками и бабушками.

Причина: Они отцы и матери моих отца и матери моей.

Таким образом, каждое родство, признаваемое системой, объясняется природой кровнородственной семьи, основанной на смешанных браках братьев и сестер, собственных и побочных, в группе. Родственные связи со стороны отца отслеживаются настолько точно, насколько это возможно для выяснения происхождения детей, при этом вероятные отцы рассматриваются как настоящие. Отношения со стороны матери определяются принципом родства, приемные дети рассматриваются как настоящие дети.

Переходя к брачным отношениям, мы получаем подтверждающие результаты, как показано в следующей таблице:

TONGAN

HAWAIIAN

Male speaking.

My Brother's Wife.	Unoho, My Wife.	Waheena, My Wife.
My Wife's Sister.	Unoho, My Wife.	Waheena, My Wife.
	Female speaking.	
My Husband's Brother.	Unoho, My Husband.	Kane, My Husband.

Male Speaking.

My Father's Brother's Son's Wife.	}	Unoho, My Wife.	Waheena, My Wife.
My Mother's Sister's Son's Wife.		Unoho, My Wife.	Waheena, My Wife.

Female speaking.

My Father's Brother's Daughter's Husband.	}	Unoho, My Husband.	Kaikoeka, My Bro.-in-law.
My Mother's Sister's Daughter's Husband.		Unoho, My Husband.	Kaikoeka, My Bro.-in-law.

Везде, где родство жены обнаруживается по побочной линии, родство мужа должно признаваться по прямой линии, и наоборот.³⁸⁵ Когда эта система кровного родства впервые вошла в обиход, родственные связи, которые сохраняются до сих пор, не могли быть ничем иным, как теми, которые действительно существовали, что бы ни произошло впоследствии в брачных обычаях.

Из свидетельств, воплощенных в этой системе кровного родства, делается вывод, что кровнородственная семья, как она определена, существовала у предков полинезийских племен, когда эта система формировалась. Такая форма семьи необходима для того, чтобы сделать возможной интерпретацию системы. Более того, она обеспечивает интерпретацию любых отношений с разумной точностью.

Заслуживает внимания следующее наблюдение м-ра Оскара Пешеля: "То, что в любое время и в любом месте дети одной матери размножались половым путем в течение сколь угодно длительного периода, представляется особенно невероятным, поскольку было установлено, что даже в случае организмов, лишенных крови, таких как растения, взаимное оплодотворение потомков одних и тех же родителей в значительной степени невозможно".³⁸⁶ Следует помнить, что кровнородственная группа, объединенная брачными отношениями, не ограничивалась собственными братьями и сестрами; но в нее входили побочные братья и сестры, а также другие родственники. что ж. Чем больше группа, признающая брачные отношения, тем меньше вреда от близкого скрещивания.

Исходя из общих соображений, древнее существование такой семьи было вполне вероятно. Естественные и необходимые отношения кровной семьи к пуналу, пуналуанки к синдиазму и синдиазма к моногамии, каждое из которых предполагает своего предшественника,

непосредственно приводят к этому выводу. Они стоят друг перед другом в логической последовательности и вместе охватывают несколько этнических периодов от дикости до цивилизации.

Подобным же образом три великие системы кровного родства, которые связаны с тремя основными формами семьи, стоят друг против друга в аналогично связанном ряду, идущем параллельно первой и не менее ясно указывающем на сходную линию человеческого прогресса от дикости к цивилизации. Есть основания заключить, что отдаленные предки арийских, семитских и уральских семей обладали системой, идентичной малайской, когда находились в состоянии дикости, которая была окончательно модифицирована в туранскую после установления родовой организации, а затем свергнута с появлением моногамной семьи, введя арийскую систему кровного родства.

Несмотря на высокий характер приведенных свидетельств, есть еще другие свидетельства древнего существования кровнородственной семьи среди гавайцев, которые не следует упускать из виду.

Его предшествующее существование, вероятно, объясняется состоянием общества на Сандвичевых островах, когда о нем впервые стало известно. В то время, когда американские миссии были основаны на этих островах (1820 г.), было обнаружено состояние общества, которое ужаснуло миссионеров. Отношения полов и их брачные обычаи вызвали у них наибольшее удивление. Они внезапно оказались на той стадии развития древнего общества, где моногамная семья была неизвестна, где синдиазмическая семья была неизвестна; но вместо них, и без понимания организма, они обнаружили семью пуналуан, с не совсем исключенными собственными братьями и сестрами, в которой мужчины жили в полигинии, а женщины в полиандрии. Им казалось, что они обнаружили самый низкий уровень человеческой деградации, не говоря уже о разврате. Но невинные гавайцы, которые не смогли вырваться из дикости, жили, без сомнения, rispetабельно и скромно для дикарей, в соответствии с обычаями, которые для них имели силу закона. Вполне вероятно, что они вели такую же добродетельную жизнь в своих верноподданнических обрядах, как эти превосходные миссионеры в своих собственных. Потрясение, которое последние испытали от своих открытий, выражает глубину той пропасти, которая отделяет цивилизованного человека от дикаря. Высокое моральное чувство и утонченная чувствительность, которые росли веками, оказались лицом к лицу со слабым моральным чувством и грубой чувствительностью дикаря всех этих давних эпох. По контрасту это было тотально и завершено. Преподобный Хайрам Бингхэм, один из этих миссионеров-ветеранов, дал нам прекрасную историю Сандвичевых островов, основанную на оригинальных исследованиях, в которых он изображает людей, практикующих совокупность человеческих мерзостей. “Полигамия, подразумевающая множественность мужей и жен, - замечает он, - блуд, прелюбодеяние, кровосмешение, убийство младенцев, оставление мужем и женами, родителями и детьми; колдовство, алчность и угнетение широко преобладали и, похоже, вряд ли были запрещены их религией”.³⁸⁷ Пуналуйский брак и пуналуйская семья снимают основные обвинения в этом серьезном обвинительном акте и оставляют гавайцам шанс обрести моральный облик. Существование морали, даже среди дикарей, должно быть признано, хотя и низкого типа; ибо в человеческом опыте никогда не могло быть такого времени, когда принцип морали не существовал бы. Вакеа, одноименный предок гавайцев, по словам мистера Бингхэма, как говорят, женился на своей старшей дочери. Во времена этих миссионеров братья и сестры вступали в брак без упреков. “Союз брата и сестры в высших кругах, - замечает он далее, - вошел в моду и продолжался до тех пор, пока открытая воля Бога не стала известна им”.³⁸⁸ Неудивительно, что смешанные браки

братьев и сестер должны были сохраниться из кровнородственной семьи в пуналуанскую, в некоторых случаях, на Сандвичевых островах, потому что люди не достигли языческой организации, и потому что пуналуанская семья была ответвлением от кровнородственной, еще не полностью завершившейся. Хотя семья была в основном пуналуальской, система кровного родства оставалась неизменной, поскольку она была присуща кровнородственной семье, за исключением определенных брачных отношений.

Маловероятно, что настоящая семья у гавайцев была такой же большой, как группа, объединенная брачными отношениями. Необходимость вынудила бы ее разделиться на более мелкие группы для добывания средств к существованию и для взаимной защиты; но каждая меньшая семья была бы уменьшенной копией группы. Не исключено, что индивиды по своему желанию переходили из одного из этих подразделений в другое как в пуналуальной, так и в кровнородственной семье, что приводило к тому очевидному уходу мужей и жен друг от друга и родителей своих детей, о котором упоминал мистер Бингхэм. Коммунизм в жизни должен был, по необходимости, преобладать как в кровной, так и в пуналуальской семье, потому что это было требованием их положения. Она до сих пор преобладает в основном среди диких племен.

Следует сделать краткую ссылку на "Девять степеней родства китайцев". Древнекитайский автор замечает следующее: "Все люди, рожденные в мир, имеют девять степеней родства. Мое собственное поколение - это один класс, поколение моего отца - один, поколение моего деда - один, поколение отца моего деда - один, и поколение деда моего деда - один; таким образом, выше меня четыре класса: поколение моего сына - один, и поколение моего внука - один, поколение сына моего внука - один, и поколение внука моего внука - один; таким образом, ниже меня четыре класса; включая меня в оценку, всего девять классов. Это братья, и хотя каждая ступень принадлежит к другому дому или семье, все же все они мои родственники, а это девять степеней отношений".

"Степень родства в семье подобна ручейкам источника или ветвям дерева; хотя ручьи различаются тем, что находятся более или менее далеко, а ветви - тем, что находятся более или менее близко, все же есть только один ствол и одно начало источника".³⁸⁹

Гавайская система кровного родства реализует девять степеней родства (сводя их к пяти за счет исключения двух верхних и двух нижних членов) более совершенным образом, чем китайская в настоящее время.³⁹⁰ В то время как последнее изменилось из-за введения туранских элементов, и еще больше из-за специального добавления для различения нескольких побочных линий, первое сохранилось в чистом виде до начальных классов, которыми предположительно изначально обладали все китайцы. Очевидно, что кровное родство у китайцев, как и у гавайцев, обобщается по категориям по поколениям; все родственники одного и того же уровня являются братьями и сестрами друг для друга. Более того, брак и семья понимаются как формирующиеся в пределах данной ступени и ограниченные, что касается мужей и жен, ее пределами. Как объясняется гавайскими категориями, это совершенно понятно. В то же время это указывает на предшествующее состояние у отдаленных предков китайцев, о котором этот фрагмент сохраняет знание, в точности аналогичное тому, что отражено гавайцами. Другими словами, это указывало на присутствие семьи пуналуан, когда формировались эти классы, необходимым предшественником которых было кровное родство.

В "Тимее" Платона есть наводящее на размышления признание тех же пяти основных степеней отношений. Все кровные родственники в Идеальной республике должны были делиться на пять категорий, в которых женщины должны были быть общими как жены, а дети

- общими как родители. “А как насчет зачатия детей?” Сократ спрашивает Тимея. “Это, возможно, вы легко запомните из-за новизны предложения; ибо мы постановили, что брачные союзы и дети должны быть общими для всех людей вообще, при этом особое внимание уделялось также тому, чтобы никто не мог различать своих собственных детей по отдельности, но все рассматривали всех своих родственников относительно тех, кто одинакового возраста и в расцвете сил, как своих братьев и сестер, тех, кто был до них, и еще дальше назад, как своих родителей и внуков, а тех, кто был ниже их, как своих детей и внуков”.³⁹¹ Платон, несомненно, был знаком с эллинским и Неизвестные нам пеласгийские предания, уходящие далеко вглубь периода варварства и обнаруживающие следы еще более раннего состояния греческих племен. Его идеальная семья, возможно, была выведена из этих описаний, что гораздо более вероятно, чем то, что это была философская дедукция. Следует отметить, что его пять степеней родства точно такие же, как у гавайцев; что на каждой ступени должна была формироваться семья, где отношения были как у братьев и сестер; и что мужья и жены должны были быть общими в группе.

Наконец, станет ясно, что состояние общества, на которое указывает кровная семья, с логической прямоотой указывает на предшествующее состояние беспорядочных половых связей. По-видимому, от этого вывода никуда не деться, хотя он и ставится под сомнение таким выдающимся писателем, как мистер Дарвин.³⁹² Маловероятно, что промискуитет в первобытный период долго сохранялся даже в орде; потому что последние разделились бы на более мелкие группы для пропитания и образовали кровнородственные семьи. Самое большее, что можно с уверенностью утверждать по этому сложному вопросу, это то, что кровнородственная семья была первой организованной формой общества и что она обязательно была улучшением предыдущего неорганизованного состояния, каким бы оно ни было. Оно обнаружило человечество в самом низу шкалы, с которой, как с отправной точки, самой низкой из известных, мы можем начать историю человеческого прогресса и проследить ее через рост домашних институтов, изобретений и открытий, от дикости к цивилизации. Ни в какой цепи событий это не может быть проявлено более отчетливо, чем в росте идеи семьи через последовательные формы. После установления существования кровнородственной семьи, о которой приведенные доказательства кажутся достаточными, остальные семьи легко демонстрируются.

System of Relationship of the Hawaiians and Rotumans

Vowel Sounds.—a, as in ale; ā as in at; ā, as in father; i as in it; ū, as oo in food; kā'-na=male; wā-hee'-na=female

Description of Persons.	By Hon. Thomas Miller. Relationship in Hawaiian.	Translation.	By Rev. John Osborne. Relationship in Rotuman.	Translation.
1 My great-grandfather	kū-pū'-na	My grandparent	mā-pi-ga fā	My grandparent, male
2 “ “ grandfather's brother	“	“ “	“ “	“ “ “
3 “ “ “ sister	“	“ “	“ hon'-i	“ “ female
4 “ “ grandmother	“	“ “	“ “	“ “ “
5 “ “ grandmother's sister	“	“ “	“ “	“ “ “
6 “ grandfather	“	“ “	“ fā	“ “ male
7 “ grandmother	“	“ “	“ hon'-i	“ “ female
8 “ father	Mā-kū'-ā kā'-na	“ parent, male	oi-fā	“ father
9 “ mother	Mā-kū'-ā wā-hee'-na	“ parent, female	oi-hon'-i	“ mother
10 “ son	kāi'-kee kā'-na	“ child, male	le'-e fā	“ child, male
11 “ daughter	kāi'-kee wā-hee'-na	“ child, female	le'-e hon'-i	“ “ female
12 “ grandson	moo-pū'-nā kā'-na	“ grandchild, male	mā-pi-ga fā	“ grandchild, male
13 “ granddaughter	moo-pū'-nā wā-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
14 “ great-grandson	“ kā'-na	“ “ male	“ fā	“ “ male
15 “ “ granddaughter	“ wā-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
16 “ great-great grandson	“ kā'-na	“ “ male	“ fā	“ “ male
17 “ “ “ granddaughter	“ wā-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
18 “ older brother (male speaking)	kāi-kū-a-ā'-na	“ brother, older	sā-si-gi	“ brother, older
19 “ “ (female “)	kāi-kū-nā'-na	“ “ “	sag'-ve-ven'-i	“ “ “
20 “ “ sister (male “)	kāi-kū- wā-hee'-na	“ sister, “	sag'- hon'-i	“ sister, “
21 “ “ (female “)	kāi-kū-a-ā'-na	“ “ “	sa-si-gi	“ “ “
22 “ younger brother (male “)	kāi-ka-i'-na	“ brother, younger	sa-si-gi	“ brother, younger

Description of Persons.	By Hon. Thomas Miller. Relationship in Hawaiian.	Translation.	By Rev. John Osborne. Relationship in Rotuman.	Translation.
23 “ “ “ (female “)	kāi-kū-nā'-na	“ “ “	sag'-ve-ven'-i	“ “ “
24 “ “ sister (male “)	kāi-kū- wā-hee'-na	“ sister “	sag'- hon'-i	“ sister “
25 “ “ “ (female “)	kāi-ka-i'-na	“ “ “	sa-si-gi	“ “ “
26 “ brother's son (male “)	kāi'-kee kā'-na	“ child, male	le'-e fā	“ child, male
27 “ “ son's wife “ “	hū-no'-nā	“ son-in-law	le'-e hon'-i	“ “ female
28 “ “ daughter “ “	kāi'-kee wā-hee'-na	“ child, female	le'-e hon'-i	“ “ “
29 “ “ daughter's husband “ “	hū-no'-nā	“ daughter-in-law	le'-e fā	“ “ male
30 “ “ grandson “ “	moo-pū'-nā kā'-na	“ grandchild, male	mā-pi-ga fā	“ grandchild, male
31 “ “ granddaughter “ “	“ wā-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
32 “ “ great-grandson “ “	“ kā'-na	“ “ male	“ fā	“ “ male
33 “ “ “ granddaughter “ “	“ wā-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
34 “ sister's son “ “	kāi'-kee kā'-na	“ child, male	le'-e fā	“ child, male
35 “ “ son's wife “ “	hū-no'-nā	“ daughter-in-law	le'-e hon'-i	“ “ female
36 “ “ daughter “ “	kāi'-kee wā-hee'-na	“ child, female	le'-e hon'-i	“ “ “
37 “ “ daughter's husband “ “	hū-no'-nā	“ son-in-law	le'-e fā	“ “ male
38 “ “ grandson “ “	moo-pū'-nā kā'-na	“ grandchild, male	mā-pi-ga fā	“ grandchild, male
39 My sister's granddaughter (male speaking)	moo-pū'-nā wā-hee'-na	My grandchild, female	mā-pi-ga hon'-i	My grandchild, female
40 “ “ great-grandson “ “	“ kā'-na	“ “ male	“ fā	“ “ male
41 “ “ “ granddaughter “ “	“ wā-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
42 “ brother's son (female speaking)	kāi'-kee kā'-na	“ child, male	le'-e fā	“ child, male
43 “ “ son's wife “ “	hū-no'-nā	“ daughter-in-law	le'-e hon'-i	“ “ female
44 “ “ daughter “ “	kāi'-kee wā-hee'-na	“ child, female	le'-e hon'-i	“ “ “
45 “ “ daughter's husband “ “	hū-no'-nā	“ son-in-law	le'-e fā	“ “ male
46 “ “ grandson “ “	moo-pū'-nā kā'-na	“ grandchild, male	mā-pi-ga fā	“ grandchild, male
47 “ “ granddaughter “ “	“ wā-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female

Description of Persons.	By Hon. Thomas Miller. Relationship in Hawaiian.	Translation.	By Rev. John Osborne. Relationship in Rotuman.	Translation.
48 “ “ great-grandson “ “	“ kǎ'-na	“ “ male	“ fǎ	“ “ male
49 “ “ great-granddaughter “ “	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
50 “ sister's son “ “	kǎi'-kee kǎ'-na	“ child, male	le'-e fǎ	“ child, male
51 “ “ son's wife “ “	hū-no'-nǎ	“ daughter-in-law	le'-e hon'-i	“ “ female
52 “ “ daughter “ “	kǎi'-kee wǎ-hee'-na	“ child, female	le'-e hon'-i	“ “ “
53 “ “ daughter's husband “ “	hū-no'-nǎ	“ son-in-law	le'-e fǎ	“ “ male
54 “ “ grandson “ “	moo-pū'-nǎ kǎ'-na	“ grandchild, male	mǎ-pi-ga fǎ	“ grandchild, male
55 “ “ granddaughter “ “	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
56 “ “ great-grandson “ “	“ kǎ'-na	“ “ male	“ fǎ	“ “ male
57 “ “ great-granddaughter “ “	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
58 “ father's brother	mǎ-kū'-ā kǎ'-na	“ parent, male	oi-fǎ	“ parent, male
59 “ “ brother's wife	mǎ-kū'-ā wǎ-hee'-na	“ “ female	oi-hon'-i	“ “ female
60 “ “ “ son (<i>older, male speaking</i>)	kǎi-kū-a-ā'-na	“ brother, older	sǎ-si-gi	“ brother
92 “ “ “ “ (<i>younger, “ “</i>)	kǎi-ka-i'-na	“ “ younger	“	“ “
93 “ “ “ son's wife	wǎ-hee'-na	“ wife	sag-hon'-i	“ sister
94 “ “ “ daughter	kǎi-kū-wǎ-hee'-na	“ sister	“	“ “
95 “ “ “ daughter's husband	kǎi'-ko-ee'-kǎ	“ brother-in-law	sǎ-si-gi	“ brother
96 “ “ “ son's son	kǎi'-kee kǎ'-na	“ child, male	le'-e fǎ	“ child, male
97 “ “ “ “ daughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
98 “ “ “ daughter's son	“ kǎ'-na	“ “ male	“ fǎ	“ “ male
99 “ “ “ “ daughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
100 “ “ “ great-grandson	moo-pū'-nǎ kǎ'-na	“ grandchild, male	mǎ-pi-ga fǎ	“ grandchild, male
101 “ “ “ “ granddaughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
102 “ “ “ great-great-grandson	“ kǎ'-na	“ “ male	“ fǎ	“ “ male
103 “ “ “ “ “ granddaughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female

Description of Persons.	By Hon. Thomas Miller. Relationship in Hawaiian.	Translation.	By Rev. John Osborne. Relationship in Rotuman.	Translation.
104 “ mother's sister	mǎ-kū'-ā wǎ-hee'-na	“ parent, female	oi-hon'-i	“ parent, female
105 “ “ sister's husband	“ kǎ'-na	“ “ male	oi-fǎ	“ “ male
106 “ “ “ son (<i>older, male speaking</i>)	kǎi-kū-a-ā'-na	“ brother, older	sǎ-si-gi	“ brother
107 “ “ “ “ (<i>younger, “ “</i>)	kǎi-ka-i'-na	“ “ younger	“	“ “
108 “ “ “ son's wife	wǎ-hee'-na	“ wife	sag-hon'-i	“ sister
109 “ “ “ daughter	kǎi-kū wǎ-hee'-na	“ sister	“	“ “
110 “ “ “ daughter's husband	kǎi'-ko-ee'-kǎ	“ brother-in-law	sǎ-si-gi	“ brother
111 “ “ “ son's son	kǎi'-kee kǎ'-na	“ child, male	le'-e fǎ	“ child, male
112 “ “ “ “ daughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
113 “ “ “ daughter's son	“ kǎ'-na	“ “ male	“ fǎ	“ “ male
114 “ “ “ “ daughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
115 “ “ “ great-grandson	moo-pū'-nǎ kǎ'-na	“ grandchild, male	mǎ-pi-ga fǎ	“ grandchild, male
116 “ “ “ “ granddaughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
117 “ “ “ great-great-grandson	“ kǎ'-na	“ “ male	“ fǎ	“ “ male
118 “ “ “ “ “ granddaughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
119 “ father's father's brother	Kū-pū'-nǎ kǎ'-na	“ grandparent, male	“ fǎ	“ grandparent, male
120 “ “ “ brother's son	mǎ-kū'-ā kǎ'-na	“ parent, male	oi-fǎ	“ parent, male
121 “ “ “ “ daughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	oi-hon'-i	“ “ female
122 “ “ “ “ grandson (<i>older</i>)	kǎi-kū-a-ā'-na	“ brother, elder	sǎ-si-gi	“ brother
123 “ “ “ “ granddaughter (“)	kǎi-kū wǎ-hee'-na	“ sister, elder	sag-hon'-i	“ sister
124 “ “ “ “ great-grandson	kǎi'-kee kǎ'-na	“ child, male	le'-e fǎ	“ child, male
125 My father's father's brother's great-granddaughter	kǎi-kū wǎ-hee'-na	My child, female	le'-e hon'-i	My child, female
126 “ “ “ “ great-great grandson	moo-pū'-nǎ kǎ'-na	“ grandchild, male	mǎ-pi-ga fǎ	“ grandchild, male
127 “ “ “ “ “ granddaughter	“ wǎ-hee'-na	“ “ female	“ hon'-i	“ “ female
128 “ father's father's sister	kū-pū'-nǎ wǎ-hee'-na	“ grandparent, female	“ hon'-i	“ grandparent, female

Description of Persons.	By Hon. Thomas Miller. Relationship in Hawaiian.	Translation.	By Rev. John Osborne. Relationship in Rotuman.	Translation.
129 “ “ “ sister’s son	mā-kū’-ā kā’-na	“ parent, male	oi-fā	“ parent, male
130 “ “ “ “ daughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	oi-hon’-i	“ “ female
131 “ “ “ “ grandson (<i>older</i>)	kāi-kū-a-ā’-na	“ brother, elder	sā-si-gi	“ brother
132 “ “ “ “ granddaughter “	kāi-kū wā-hee’-na	“ sister, “	sag-hon’-i	“ sister
133 “ “ “ “ great-grandson	kāi’-kee kā’-na	“ child, male	le’-e fā	“ child, male
134 “ “ “ “ “ granddaughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	le’-e hon’-i	“ “ female
135 “ “ “ “ great-great-grandson	moo-pū’-nā kā’-na	“ grandchild, male	mā-pi-ga fā	“ grandchild, male
136 “ “ “ “ “ granddaughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	“ hon’-i	“ “ female
137 “ mother’s mother’s brother	Kū-pū’-nā kā’-na	“ grandparent, male	“ fā	“ grandparent, male
138 “ “ “ brother’s son	mā-kū’-ā kā’-na	“ parent, male	oi-fā	“ parent, male
139 “ “ “ “ daughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	oi-hon’-i	“ “ female
140 “ “ “ “ grandson (<i>older</i>)	kāi-kū-a-ā’-na	“ brother, elder	sā-si-gi	“ brother
141 “ “ “ “ granddaughter (“)	kāi-kū wā-hee’-na	“ sister, “	sag-hon’-i	“ sister
142 “ “ “ “ great-grandson	kāi’-kee kā’-na	“ child, male	le’-e fā	“ child, male
143 “ “ “ “ “ granddaughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	le’-e hon’-i	“ “ female
144 “ “ “ “ great-great-grandson	moo-pū’-nā kā’-na	“ grandchild, male	mā-pi-ga fā	“ grandchild, male
145 “ “ “ “ “ granddaughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	“ hon’-i	“ “ female
146 “ mother’s mother’s sister	Kū-pū’-nā wā-hee’-na	“ grandparent, male	“ hon’-i	“ grandparent, male
147 “ “ “ sister’s son	mā-kū’-ā kā’-na	“ parent, male	oi-fā	“ parent, male
148 “ “ “ “ daughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	oi-hon’-i	“ “ female
149 “ “ “ “ grandson (<i>older, male speaking</i>)	kāi-kū-a-ā’-na	“ brother, elder	sā-si-gi	“ brother
150 “ “ “ “ granddaughter	kāi-kū wā-hee’-na	“ sister, “	sag-hon’-i	“ sister
151 “ “ “ “ great-grandson	kāi’-kee kā’-na	“ child, male	le’-e fā	“ child, male
152 “ “ “ “ “ granddaughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	le’-e hon’-i	“ “ female

Description of Persons.	By Hon. Thomas Miller. Relationship in Hawaiian.	Translation.	By Rev. John Osborne. Relationship in Rotuman.	Translation.
153 “ “ “ “ great-great-grandson	moo-pū’-nā kā’-na	“ grandchild, male	mā-pi-ga fā	“ grandchild, male
154 “ “ “ “ “ granddaughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	mā-pi-ga hon’-i	“ “ female
155 “ husband	kā’-na	“ husband	ve-ven’-i	“ husband
156 “ wife	wā-hee’-na	“ wife	hoi-e-nā and hen	“ wife
157 “ husband’s father	mā-kū’-ā-hū-nā-al	“ father-in-law	oi-fā	“ father
158 “ “ mother	“	“ mother-in-law	oi-hon’-i	“ mother
159 “ wife’s father	“	“ father-in-law	oi-fā	“ father
160 “ “ mother	“	“ mother-in-law	oi-hon’-i	“ mother
161 “ son-in-law	hū’-no’-nā kā’-na	“ son-in-law	le’-e fā	“ child, male
162 “ daughter-in-law	“ wā-hee’-na	“ daughter-in-law	le’-e hon’-i	“ “ female
163 “ brother-in-law (<i>husband’s brother</i>)	kā’-na	“ husband	hom-fu’-e	“ brother-in-law
164 “ “ “ (<i>sister’s husband, female speaking</i>)	“	“ “	me-i	“ “ “ “
165 “ “ “ “ (<i>wife’s sister’s husband</i>)	pū-na-lū-ā	“ intimate companion		
166 “ “ “ “ (<i>wife’s brother</i>)	kāi-ko-a’-kā	“ brother-in-law	me-i	“ “ “ “
167 “ sister-in-law (<i>wife’s sister</i>)	wā-hee’-na	“ wife	hom-fu’-e	“ sister-in-law
168 My sister-in-law (<i>husband’s sister</i>)	kāi-ko-a’-kā	My sister-in-law	me-i	My sister-in-law
169 “ “ “ “ (<i>brother’s wife</i>)	wā-hee’-na	“ wife	hom-fu’-e	“ “ “ “
170 “ “ “ “ (“ “ <i>female speaking</i>)	kāi-ko-a’-kā	“ sister-in-law	“	“ “ “ “
171 “ “ “ “ (<i>husband’s brother’s wife</i>)	pū-na-lū-ā	“ intimate companion		
172 “ “ “ “ (<i>wife’s brother’s wife</i>)	wā-hee’-na	“ wife		
173 “ step-father	mā-kū’-ā kā’-na	“ parent, male	oi-fā	“ parent, male
174 “ “ mother	“ wā-hee’-na	“ “ female	oi-hon’-i	“ “ female
175 “ “ son	kāi’-kee kā’-na	“ child, male	le’-e fā	“ child, male
176 “ “ daughter	“ wā-hee’-na	“ “ female	le’-e hon’-i	“ “ female

ГЛАВА III

Семья Пуналуан

Семья пуналуан существовала в Европе, Азии и Америке в течение исторического периода, а в Полинезии - в течение нынешнего столетия. Широко распространенный среди племен человечества, находящихся в состоянии Дикости, он сохранился в некоторых случаях среди

племен, которые продвинулись на более Низкий уровень варварства, и в одном случае, у бриттов, среди племен, достигших Среднего статуса.

В ходе человеческого прогресса она следовала за кровнородственной семьей, над которой она господствовала и модификацией которой была. Переход от одного к другому был вызван постепенным исключением собственных братьев и сестер из брачных отношений, зло которых не могло вечно ускользать от человеческого наблюдения. Возможно, невозможно восстановить события, которые привели к освобождению; но у нас есть некоторые свидетельства, способные показать, как это произошло. Хотя факты, из которых сделаны эти выводы, носят мрачный и отталкивающий характер, они не передадут содержащиеся в них знания без терпеливого и тщательного изучения.

Учитывая кровнородственную семью, в которой участвовали собственные братья и сестры, а также побочные братья и сестры в брачных отношениях, и было необходимо только исключить первых из группы и сохранить последних, чтобы преобразовать кровнородственную семью в пуналуанскую. Добиться исключения одного класса и сохранения другого было трудным процессом, поскольку он предполагал радикальное изменение состава семьи, не говоря уже о древнем плане домашней жизни. Это также требовало отказа от привилегии, на которую дикари не торопились бы соглашаться. Начавшись, можно предположить, в единичных случаях и с медленным признанием своих преимуществ, оно оставалось экспериментом на протяжении огромных промежутков времени; сначала вводилось частично, затем стало всеобщим и, наконец, повсеместным среди наступающих племен, все еще пребывавших в дикости, среди которых зародилось движение. Это дает хорошую иллюстрацию действия принципа естественного отбора.

В этой связи значение австралийской классовой системы проявляется по-новому. Из способа формирования классов и из правила, касающегося брака и происхождения, очевидно, что их основной целью было исключить собственных братьев и сестер из брачных отношений, в то время как побочные братья и сестры оставались в этих отношениях. Первая цель навязывается классам внешним законом; но вторая, которая не очевидна на поверхности организации, становится очевидной при прослеживании их происхождения.³⁹³ Таким образом, установлено, что первые, вторые и более отдаленные двоюродные братья и сестры, которые являются побочными братьями и сестрами в соответствии с их системой кровного родства, постоянно возвращаются в брачные отношения, в то время как собственные братья и сестры исключаются. Число людей в австралийской пуналуальской группе больше, чем в гавайской, и ее состав несколько отличается; но в обоих случаях остается примечательным тот факт, что братство мужей составляло основу брачных отношений в одной группе, а сестричество жен - в другой. Это различие, однако, существовало по отношению к гавайцам, поскольку пока не представляется, что среди них существовали какие-либо классы, между которыми должны заключаться браки. Поскольку австралийские классы дали начало пуналуальской группе, которая содержала в себе зародыш рода, это предполагает вероятность того, что эта организация на классы по признаку пола когда-то преобладала среди всех племен человечества, которые впоследствии подпадали под родовую организацию. Было бы неудивительно, если бы гавайцы в какой-то предшествующий период были организованы в такие классы.

Каким бы замечательным это ни казалось, три наиболее важных и широко распространенных института человечества, а именно, пуналуанская семья, организация в роды и туранская система кровного родства, уходят корнями в предшествующую организацию, аналогичную пуналуанской группе, в которой обнаруживаются зародыши

каждого из них. Некоторые доказательства истинности этого утверждения появятся при обсуждении этого семейства.

Поскольку пуналуийский брак дал пуналуийскую семью, последняя дала бы туранскую систему кровного родства, как только существующая система была реформирована таким образом, чтобы выражать отношения так, как они фактически существовали в этой семье. Но для достижения этого результата требовалось нечто большее, чем пуналуальская группа, а именно организация в роды, которая органическим законом навсегда исключала братьев и сестер из брачных отношений, которые до этого, должно быть, часто были вовлечены в эти отношения. Когда это исключение было сделано полным, это привело бы к изменению всех этих отношений, которые зависели от этих браков; и когда система кровного родства была приведена в соответствие с новым состоянием этих отношений, туранская система возобладала бы над малайской. У гавайцев была пуналуальская семья, но не было ни организации в роды, ни туранской системы кровного родства. Сохранение ими старой системы кровного родства приводит к подозрению, подтверждаемому заявлениями мистера Бингхэма, что собственные братья и сестры часто были вовлечены в группу пуналуан, что делало реформирование старой системы кровного родства невозможным. Может ли пуналууская группа гавайского типа претендовать на равную древность с австралийскими классами, сомнительно, поскольку последние более архаичны, чем любая другая известная структура общества. Но существование пуналуальской группы того или иного типа было необходимо для зарождения родов, поскольку последние были необходимы для создания туранской системы кровного родства. Эти три учреждения будут рассмотрены отдельно.

I. Семья Пуналуан.

В редких случаях обычай был обнаружен в конкретной форме, пригодной в качестве ключа к разгадке некоторых тайн древнего общества и объяснению того, что раньше можно было понять лишь несовершенно. Таким обычаем является Пунала у гавайцев. В 1860 году судья Лорин Эндрюс из Гонолулу в письме, сопровождавшем описание гавайской системы кровного родства, прокомментировала одно из гавайских условий родства следующим образом: "Родство пуналы довольно земноводное. Это произошло из-за того факта, что два или более брата со своими женами или две или более сестер со своими мужьями были склонны обладать друг другом совместно; но современное употребление этого слова означает "дорогой друг" или "близкий компаньон". То, к чему, по словам судьи Эндрюса, они были склонны и что, возможно, затем пришло в упадок, доказывает, что их система кровного родства когда-то была универсальной среди них. Преподобный Артемус Бишоп, недавно скончавшийся, один из старейших миссионеров на этих островах, прислал автору в том же году с аналогичным расписанием следующее заявление на ту же тему: "Эта путаница в отношениях является результатом древнего обычая среди родственников совместного проживания мужей и жен". В предыдущей главе цитировалось замечание мистера Бингхэма о том, что полигамия, о которой он писал, "подразумевает множественность мужей и жен". Тот же факт подтверждает доктор Бартлетт: "У туземцев едва ли было больше скромности или стыда, чем у столь многих животных. У мужей было много жен, а у жен много мужей, и они обменивались друг с другом по своему усмотрению".³⁹⁴ Обнаруженная ими форма брака создала пуналуальскую группу, в которой мужья и жены вступали в совместные браки в группе. Каждая из этих групп, включая детей от браков, была пуналуальской семьей; ибо одна состояла из нескольких братьев и их жен, а другая - из нескольких сестер со своими мужьями.

Если мы теперь обратимся к гавайской системе кровного родства, то в Таблице обнаружим, что мужчина называет сестру своей жены своей женой. Все сестры его жены, как

собственные, так и сопутствующие, также являются его женами. Но мужа сестры своей жены он называет пуналой, то есть своим близким другом; и всех мужей нескольких сестер своей жены он называет так же. Они были совместно породнены в группе. Эти мужья, вероятно, не были братьями; если бы они были братьями, кровное родство, естественно, преобладало бы над родственным; но их жены были сестрами, собственными и побочными. В данном случае сестринство жен было основой, на которой была сформирована группа, и их мужья поддерживали друг с другом отношения пуналы. В другой группе, основанной на братстве мужей, женщина называет брата своего мужа своим мужем. Все братья ее мужа, как собственные, так и побочные, также были ее мужьями. Но жену брата своего мужа она называет пуналой, и несколько жен братьев ее мужа относятся к ней как к пунале. Эти жены, вероятно, не были сестрами друг друга по причине, указанной в другом случае, хотя исключения, несомненно, существовали в рамках обеих ветвей обычая. Все эти жены стояли друг перед другом в отношениях пуналы.

Очевидно, что семья пуналуан образовалась из кровных родственников. Братья перестали жениться на своих собственных сестрах; а после того, как нееврейская организация полностью изменила общество, перестали жениться и их побочные сестры. Но в промежутке они делили своих оставшихся жен на общих. Подобным же образом сестры перестали выходить замуж за своих собственных братьев, а по прошествии длительного периода времени и за своих побочных братьев; но у них были общие оставшиеся мужья. Продвижение общества от кровной семьи к пуналуальской было началом великого движения вверх, подготовившего путь для родовой организации, которая постепенно привела к синдиазматической семье и, в конечном счете, к моногамной.

Еще одним примечательным фактом, связанным с обычаем пуналуа, является необходимость его древнего распространения среди предков туранских и ганованских семей, когда сформировалась их система кровного родства. Причина проста и убедительна. Браки в пуналуальных группах объясняют взаимоотношения в системе. Предположительно, это те, которые действительно существовали, когда эта система формировалась. Таким образом, существование системы требует предшествующей распространенности пуналуальского брака и пуналуальной семьи. Что касается цивилизованных наций, то, по-видимому, такая же необходимость в древнем существовании пуналуальных групп существовала и среди отдаленных предков всех тех, кто обладал родовой организацией — греков, римлян, германцев, кельтов, евреев, — поскольку вполне очевидно, что все семьи человечества, которые поднялись при родовой организации до практики моногамии, обладали в предшествующие времена туранской системой кровного родства, которая произошла от пуналуальной группы. Будет обнаружено, что великое движение, начавшееся с образования этой группы, в основном завершилось организацией в роды, и что последнее обычно сопровождалось, до возникновения моногамии, туранской системой кровного родства.

Следы пуналуальского обычая сохранялись кое-где вплоть до Среднего периода варварства, в исключительных случаях, у европейских, азиатских и американских племен. Наиболее примечательная иллюстрация приведена Цезарем в описании брачных обычаев древних бриттов. Он отмечает, что “десятками и двенадцатью мужья совместно владели своими женами; и особенно братья с братьями и родители со своими детьми”.³⁹⁵

Этот отрывок раскрывает обычай смешанных браков в группе, который объясняет пунала. От матерей-варваров не ожидали бы, что они родят десять или двенадцать сыновей, как правило, или даже в исключительных случаях; но в соответствии с туранской системой кровного родства, которой, как мы вправе предположить, обладали бритты, всегда встречаются большие группы братьев, потому что кузены мужского пола, близкие и

отдаленные, попадают в эту категорию с Эго. Согласно Цезарю, несколько братьев среди бриттов имели общих жен. Здесь мы находим одну из ветвей пуналуальского обычая, чистую и незамысловатую. Предполагаемая этим коррелятивная группа, в которой несколько сестер делили своих общих мужей, прямо не предложена Цезарем; но она, вероятно, существовала как дополнение к первой. Он заметил нечто большее, чем первое, а именно, что у родителей и их детей были общие жены. Не исключено, что эти жены были сестрами. Независимо от того, относился Цезарь этим выражением к другой группе или нет, оно служит для обозначения степени, в которой среди бриттов существовали множественные браки в этой группе; и это был поразительный факт, привлечший внимание этого выдающегося наблюдателя. Там, где несколько братьев были женаты на женах друг друга, эти жены были замужем за мужьями друг друга.

Геродот, говоря о массагетах, которые находились на Среднем этапе варварства, отмечает, что у каждого мужчины была одна жена, однако все жены были общими.³⁹⁶ Из этого утверждения можно сделать вывод, что синдиасмийская семья начала вытеснять пуналуускую. Каждый муж сочетался браком с одной женой, которая, таким образом, становилась его главной женой, но в рамках группы мужа и жены продолжали жить вместе. Если Геродот намеревался намекнуть на состояние распущенности, то ее, вероятно, не существовало. Массагеты, хотя и не знали железа, владели стадами крупного рогатого скота, сражались верхом, вооруженные боевыми топорами из меди и копьями с медными наконечниками, а также изготавливали и использовали повозки (амакса). Невозможно предположить, что народ, живущий в распущенности, мог достичь такой степени развития. Он также отмечает об агафирсах, которые, вероятно, находились в том же статусе, что у них были общие жены, чтобы все они могли быть братьями и, как члены одной семьи, не завидовали и не ненавидели друг друга.³⁹⁷ Пуналуальный брак в группе дает более рациональное и удовлетворительное объяснение этим и подобным обычаям у других племен, упомянутых Геродотом, чем полигамия или общая распущенность. Его рассказы слишком скудны, чтобы проиллюстрировать реальное состояние общества среди них.

Следы пуналуальского обычая были замечены у некоторых наименее развитых племен южноамериканских аборигенов; но подробности приведены не полностью. Таким образом, первые мореплаватели, посетившие прибрежные племена Венесуэлы, обнаружили состояние общества, которое наводит на мысль о его объяснении пуналуусскими группами. "Они не соблюдают никаких законов или правил в браке, но брали столько жен, сколько хотели, и столько же мужей, уходя друг от друга по своему усмотрению, не считаясь ни с каким проступком с обеих сторон. Среди них не было такого понятия, как ревность, все жили так, как им заблагорассудится, не обижаясь друг на друга.... Дома, в которых они жили, были общими для всех и такими просторными, что вмещали сто шестьдесят человек, крепкого телосложения, хотя и покрытые пальмовыми листьями, и по форме напоминали колокол."³⁹⁸ Эти племена пользовались глиняными сосудами и поэтому находились на более низком уровне варварства; но, судя по этому рассказу, лишь немного отошли от дикости. В этом случае и в тех, что упоминаются Геродотом, наблюдения, на основе которых были сделаны эти заявления, были поверхностными. Это свидетельствует, по крайней мере, о низком состоянии семьи и брачных отношений.

Когда была открыта Северная Америка в нескольких ее частях, семейство пуналуанских, по-видимому, полностью исчезло. Насколько мне известно, среди них не сохранилось никаких преданий о древнем распространении пуналуальского обычая. Семья в целом перешла из пуналуальной формы в синдиасматическую; но она была окружена остатками древней супружеской системы, которая указывает назад к пуналуальным группам. Можно привести

один обычай безошибочно пуналуальского происхождения, который до сих пор признается по меньшей мере в сорока племенах североамериканских индейцев. Когда мужчина женился на старшей дочери в семье, он по обычаю получал право на всех ее сестер в качестве жен, когда они достигали брачного возраста. Это было право, редко применявшееся из-за трудностей со стороны индивида в содержании нескольких семей, хотя полигамия повсеместно признавалась привилегией мужчин. Мы находим в этом остатки обычая пуналуа у их отдаленных предков. Несомненно, среди них было время, когда собственные сестры вступали в брачные отношения на основе своего сестринства; муж одной из них был мужем всех, но не единственным мужем, поскольку другие мужчины были совместными мужьями с ним в группе. После того, как семья пуналуан распалась, право стать мужем всех ее сестер, если он пожелает, осталось за мужем старшей сестры. Это с полным основанием можно рассматривать как подлинный пережиток древнего пуналуальского обычая.

Другие следы этой семьи среди племен человечества можно было бы привести из исторических трудов, стремящихся показать не только ее древнее существование, но и ее широкое распространение. Нет необходимости, однако, расширять эти цитаты, поскольку предшествующее существование семьи пуналуан среди предков всех племен, которые обладают или действительно обладали туранской системой кровного родства, может быть выведено из самой системы.

II. Происхождение Организации на роды.

Ранее высказывалось предположение, что время, когда возник этот институт, было периодом дикости, во-первых, потому, что он находится в полном развитии на более низком уровне варварства; и, во-вторых, потому, что он находится в частичном развитии на уровне дикости. Более того, зародыш рода обнаруживается столь же явно в австралийских классах, как и в гавайской группе пуналуан. Среди австралийцев также встречаются роды, основанные на классах, с очевидным выделением из них способа их организации. Нельзя было бы ожидать, что такой замечательный институт, как род, возникнет полностью или вырастет из ничего, то есть без фундамента, предварительно сформированного естественным ростом. Его зарождение следует искать в ранее существовавших элементах общества, и ожидается, что его зрелость наступит спустя долгое время после его возникновения.

Два фундаментальных правила рода в его архаичной форме встречаются в австралийских классах, а именно, запрет на смешанные браки между братьями и сестрами и происхождение по женской линии. Последний факт становится совершенно очевидным, когда появляется род, ибо тогда дети обнаруживаются в роде своих матерей. Естественная адаптация классов к возникновению рода достаточно очевидна, чтобы предположить вероятность того, что это действительно произошло. Более того, эта вероятность усиливается тем фактом, что род здесь обнаруживается в связи с предшествующей и более архаичной организацией, которая все еще была ячейкой социальной системы, местом, по праву принадлежащим роду.

Обращаясь теперь к гавайской группе пуналуан, мы обнаруживаем, что те же элементы содержат зародыш рода. Однако это ограничено женской ветвью обычая, когда несколько сестер, собственных и побочных, делили своих общих мужей. Эти сестры со своими детьми и потомками по женской линии обеспечивают точную принадлежность к роду архаического типа. Происхождение обязательно прослеживалось по женской линии, потому что отцовство детей не было установлено с уверенностью. Как только эта особая форма группового брака

стала устоявшимся институтом, возникла основа для рода. Затем потребовалось проявить интеллект, чтобы превратить эту естественную группу пуналуан в организацию, ограниченную этими матерями, их детьми и потомками по женской линии. Гавайцы, хотя эта группа и существовала среди них, не доросли до концепции рода. Но именно такой группе, как эта, основанной на сестринстве матерей, или подобной австралийской группе, основанной на том же принципе союза, должно быть приписано происхождение рода. Оно приняло эту группу такой, какой оно ее нашло, и организовало определенных ее членов с определенным их потомством в род на основе родства.

Объяснить точный способ возникновения рода, конечно, невозможно. Факты и обстоятельства относятся к далекой древности. Но род может быть прослежен до состояния древнего общества, рассчитанного на то, чтобы вызвать его к существованию. Это все, что я пытался сделать. По своему происхождению он относится к низкой ступени человеческого развития и к очень древнему состоянию общества, хотя и более позднему по времени, чем первое появление семьи пуналуан. Совершенно очевидно, что оно возникло в этой семье, которая состояла из группы лиц, по существу совпадающих с принадлежностью к роду.

Влияние родовой организации на древнее общество было консервативным и возвышающим. После того, как она полностью развилась и распространилась на большие территории, и по прошествии времени, достаточного для того, чтобы полностью оказать свое влияние на общество, жен стало мало вместо их прежнего изобилия, потому что это имело тенденцию сокращать численность пуналуальской группы и, в конце концов, ниспровергать ее. Синдиасмийская семья постепенно сформировалась внутри пуналуан, после того как родовая организация стала преобладать над древним обществом. Промежуточные стадии прогресса недостаточно точно установлены; но, учитывая, что семья пуналуан находится в статусе дикости, а семья синдиазмийан - в более низком статусе варварства, факт перехода от одного к другому может быть выведен с достаточной уверенностью. Именно после того, как последняя семья начала появляться, а пуналуанские группы исчезать, жен стали искать путем покупки или пленения. Не обсуждая все еще доступные свидетельства, напрашивается простой вывод, что родовая организация была эффективной причиной окончательного ниспровержения пуналуальской семьи и постепенного ослабления колоссальной супружеской системы периода дикости. Хотя она, как мы должны предположить, зародилась в группе пуналуан, она, тем не менее, вывела общество за пределы своего плана.

III. Туранская или ганованская система кровного родства.

Эта система и родовая организация, когда они находятся в ее архаичной форме, обычно встречаются вместе. Они не зависят друг от друга; но, вероятно, они появились недалеко друг от друга в порядке человеческого прогресса. Но системы кровного родства и различные формы семьи находятся в прямой взаимосвязи. Семья представляет собой активный принцип. Она никогда не бывает стационарной, но переходит от низшей формы к высшей по мере того, как общество переходит от низшего состояния к более высокому, и, наконец, переходит из одной формы в другую более высокого уровня. Системы кровного родства, напротив, пассивны; они фиксируют прогресс, достигнутый семьей, с большими интервалами друг от друга и радикально меняются только тогда, когда семья радикально изменилась.

Туранская система не могла бы сформироваться, если бы в то время не существовали пуналуийский брак и пуналуийская семья. В обществе, где по общему правилу несколько

сестер были выданы замуж в группе за мужей друг друга, а несколько братьев в группе - за жен друг друга, были созданы условия для создания туранской системы. Любая система, созданная для выражения реальных отношений в том виде, в каком они существовали в такой семье, по необходимости была бы туранской; и сама по себе демонстрировала бы существование такой семьи, когда она была сформирована.

Теперь предлагается рассмотреть эту замечательную систему в том виде, в каком она все еще существует в семьях туранцев и ганованцев, и предложить ее в качестве доказательства существования семьи пуналуан на момент ее основания. Он дошел до настоящего времени на двух континентах после того, как исчезли брачные обычаи, из которых он возник, и после того, как семья перешла из пуналуальной формы в синдиазматическую.

Для того, чтобы оценить доказательства, необходимо будет изучить детали системы. Стиль сенека-ирокезов будет использоваться как типичный для ганованских племен Америки, а стиль тамильского народа Южной Индии - для туранских племен Азии. Эти формы, которые по существу идентичны на протяжении более чем двухсот отношений одного и того же человека, будут приведены в таблице в конце этой главы. В предыдущей работе³⁹⁹ я полностью представил систему кровного родства примерно семидесяти племен американских индейцев; а среди азиатских племен и народностей - тамилы, телугу и канареи Южной Индии, среди которых система, приведенная в Таблице, в настоящее время практически используется ежедневно. В системах разных племен и наций есть различия, но радикальные черты постоянны. Все одинаково отдают честь по родству, но с той разницей, что среди тамильского народа, где человек, к которому обращаются, моложе говорящего, необходимо использовать термин родства; но когда человек старше, предоставляется возможность отдавать честь по родству или по личному имени. Напротив, среди американских аборигенов обращение всегда должно быть через термин родства. Они используют эту систему в обращениях, потому что это система кровного родства. Это также было средством, с помощью которого каждый индивид в древних родах мог проследить свою связь с каждым членом своего рода, пока моногамия не разрушила туранскую систему. Во многих случаях будет обнаружено, что отношение одного и того же человека к Эго различается по мере изменения пола Эго. По этой причине было сочтено необходимым задать вопрос дважды, один раз с участием мужчины и еще раз с участием женщины. Несмотря на возникшие различия, система во всем логична. Чтобы продемонстрировать свой характер, необходимо будет пройти через несколько линий, как это было сделано в малайской системе. Будет использоваться сенека-ирокез.

Родственные связи дедушки (Нос'-sote) и бабушки (Ос'-sote), а также внука (На-уä'-da) и внучки (Ка-уä'-da) являются наиболее отдаленными в восходящем или нисходящем ряду. Предки и потомки, стоящие выше и ниже этих, попадают в одни и те же категории соответственно.

Отношения брата и сестры понимаются в двойной форме старшего и младшего, а не абстрактно; и для каждого из них существуют специальные термины, а именно:

Старший брат, Ха'-ге. Старшая сестра, Ах'-дже.

Младший брат, Ха'-га. Младшая сестра, Ка'-га.

Эти термины используются мужчинами и женщинами и применяются ко всем таким братьям или сестрам, которые старше или младше говорящего. В тамильском языке есть два набора терминов для обозначения этих отношений, но сейчас они используются обоими полами без разбора.

Первая Сопутствующая строка. Поскольку я мужчина и говорю как Сенека, сын и дочь моего брата - это мои сын и дочь (Ха-ах'-вук и Ка-ах'-вук), и каждый из них называет меня отцом (Хани). Это первая показательная особенность системы. Она ставит детей моего брата в одну категорию с моими собственными. Они такие же мои дети, как и его. Внуки моего брата - это мои внуки и внучки (Ха-я'-да и Ка-я'-да в единственном числе), и каждый из них называет меня дедушкой (Нос'-sote). Приведенные здесь взаимосвязи являются признанными и применяемыми; никакие другие не известны.

Определенные взаимосвязи будут выделены как указательные. Обычно они контролируют те, которые предшествуют и следуют за ними. Когда они согласуются в системах разных племен и даже разных семей человечества, как в туранской и ганованской, они устанавливают свою фундаментальную идентичность.

В женской ветви этой линии, я все еще мужчина, сын и дочь моей сестры - мои племянник и племянница (Ха-я'-ван-да и Ка-я'-ван-да), каждый из них называет меня дядей (Нос-po' seh). Это вторая показательная черта. Она ограничивает отношения племянника и племянницы детьми сестер мужчины, собственными или побочными. Дети этих племянника и племянницы, как и прежде, являются моими внуками, и каждый из них обращается ко мне соответствующим образом.

Со мной, женщиной, часть этих отношений поменялась местами. Сын и дочь моего брата - мои племянник и племянница (Ха-со'-не и Ка-со'-не), каждый из них называет меня тетей (Ах-га'-хук). Следует отметить, что термины, обозначающие племянника и племянницу, используемые мужчинами, отличаются от терминов, используемых женщинами. Дети этих племянников и племянниц - мои внуки. В женской ветви сын и дочь моей сестры - мои сын и дочь, каждый из них называет меня матерью (Но-йех'), а их дети - мои внуки, каждый из них называет меня бабушкой (Ок'-sote).

Жены этих сыновей и племянников - мои невестки (Ка'-sä), а мужья этих дочерей и племянниц - мои зятья (Ос-па'-hose, каждый термин в единственном числе), и они применяют ко мне соответствующий термин.

Вторая Сопутствующая строка. В мужской ветви этой линии, со стороны отца, и независимо от пола Эго, брат моего отца является моим отцом и называет меня своим сыном или дочерью, поскольку я мужчина или женщина. Третий показательный признак. Все братья отца помещены в отношение отцов. Его сын и дочь - мои брат и сестра, старшие или младшие, и я применяю к ним те же термины, которые использую для обозначения собственных братьев и сестер. Четвертый показательный признак. Это ставит детей братьев в положение братьев и сестер. Дети этих братьев, я мужчина, - мои сыновья и дочери, а их дети - мои внуки; в то время как дети этих сестер - мои племянники и племянницы, а дети последних - мои внуки. Но поскольку я женщина, дети этих братьев - мои племянники и племянницы, дети этих сестер - мои сыновья и дочери, а их дети - мои внуки. Таким образом, видно, что классификация по первой побочной линии переносится и на вторую, поскольку она относится к третьей и более отдаленной, насколько можно проследить кровное родство.

Сестра моего отца - моя тетя и называет меня своим племянником, если я мужчина. Пятый показательный признак. Отношение тети ограничено сестрами моего отца и сестрами тех других лиц, которые приходятся мне родственниками по отцовской линии, за исключением сестер моей матери. Дети сестры моего отца - мои двоюродные братья (Ах-гаре-се, единственное число), и каждый из них называет меня кузеном. Для меня, мужчины, дети моих двоюродных братьев мужского пола - это мои сыновья и дочери, а для моих

двоюродных сестер женского пола - это мои племянники и племянницы; но для меня, женщины, эти последние отношения обратные. Все дети последнего - мои внуки.

По материнской линии я мужчина, брат моей матери приходится мне дядей и называет меня своим племянником. Шестой показательный признак. Родство дяди ограничено братьями моей матери, собственными и побочными, за исключением братьев моего отца. Его дети - мои двоюродные братья, дети моих двоюродных братьев мужского пола - мои сыновья и дочери, моих двоюродных сестер женского пола - мои племянники и племянницы; но со мной, женщиной, эти последние отношения обратные, дети всех одинаково являются моими внуками.

В женской ветви той же линии сестра моей матери - моя мать. Седьмой показательный признак. Все несколько сестер, родных и побочных, находятся в отношении матери к детям друг друга. Дети сестры моей матери - мои братья и сестры, старшие или младшие. Восьмой показательный признак. Он устанавливает отношения брата и сестры между детьми сестер. Дети этих братьев - мои сыновья и дочери, этих сестер - мои племянники и племянницы, а дети последних - мои внуки. Со мной, женщиной, те же отношения меняются на противоположные, что и в предыдущих случаях.

Каждая из жен этих нескольких братьев и этих нескольких двоюродных братьев мужского пола приходится мне свояченицей (Ах-ге-ах'-не-ах), и каждая из них называет меня шурином (Ха-яэ'-о). Точное значение первого термина неизвестно. Каждый из мужей этих нескольких сестер и кузин - мой шурином, и все они применяют ко мне соответствующий термин. Следы пуналуальского обычая сохраняются кое-где в брачных отношениях американских аборигенов, а именно между Эго и женами нескольких братьев и мужьями нескольких сестер. В Мандане жена моего брата - моя жена, а в Пауни и Арикари - то же самое. В "Кроу" жена брата моего мужа - "мой товарищ" (Bot-ze'-no-pä-che), в "Крике" - моя "нынешняя обительница" (Chu-hu'-cho-wä), а в "Манси" - "мой друг" (Nain-jose'). В Виннебаго и Ахотинне она - "моя сестра". Муж сестры моей жены в одних племенах - "мой брат", в других - "шурином", а в Крике - "мой маленький разлучник" (Un-kä-pu'-che), что бы это ни значило.

Третья Сопутствующая строка. Поскольку родственные связи в нескольких ветвях этой линии такие же, как и в соответствующих ветвях второй, за исключением одного дополнительного предка, будет достаточно представить одну ветвь из четырех. Брат отца моего отца - мой дедушка и называет меня своим внуком. Это девятый показательный признак и последний в этом ряду. Это ставит этих братьев в положение дедов и, таким образом, предотвращает выход побочных восходящих потомков за пределы этого отношения. Принцип, который объединяет побочные линии в прямую линию, работает как вверх, так и вниз. Сын этого дедушки - мой отец; его дети - мои братья и сестры; дети этих братьев - мои сыновья и дочери, этих сестер - мои племянники и племянницы; а их дети - мои внуки. Со мной, женщиной, те же отношения меняются на противоположные, что и в предыдущих случаях. Более того, соответствующий термин применяется в каждом случае.

Четвертая вспомогательная строка. По той же причине будет достаточно указать лишь одну ветвь этой строки. Брат отца моего дедушки - мой дедушка; его сын - тоже мой дедушка; сын последнего - мой отец; его сын и дочь - мои брат и сестра, старшие или младшие; и их дети и внуки придерживаются тех же отношений с Эго, что и в других случаях. В пятой побочной линии классификация в нескольких ее ветвях такая же, как и в соответствующих ветвях второй, за исключением дополнительных предков.

Из природы системы следует, что знание числовых степеней кровного родства необходимо для правильной классификации сородичей. Но для коренного индейца, привыкшего к его

повседневному использованию, кажущийся лабиринт взаимосвязей не представляет никакой трудности.

Среди оставшихся брачных отношений на языке Сенека-ирокез есть термины, обозначающие тестя (Ос-па'-hose), обозначающие отца жены, и (Hä-gā'-sä), обозначающие отца мужа. Первый термин также используется для обозначения зятя, показывая таким образом, что это взаимно. Существуют также термины для обозначения отчима и мачехи (Нос'-по-ese) и (Ос'-по-ese), а также для обозначения пасынка и падчерицы (На'-по и Ка'-по). В ряде племен два тестя и две тещи состоят в родстве, и существуют термины, выражающие эту связь. Богатство номенклатуры, хотя и стало необходимым из-за сложной дискриминации системы, тем не менее, примечательно. Для получения полной информации о системе сенека-ирокезов и тамильского приведена ссылка на таблицу. Их идентичность очевидна при поверхностном рассмотрении. Это показывает не только распространенность пуналуальского брака среди их отдаленных предков, когда эта система была сформирована, но и то сильное впечатление, которое эта форма брака произвела на древнее общество. В то же время это одно из самых необычных применений естественной логики человеческого разума к фактам социальной системы, сохранившимся в опыте человечества.

Теперь продемонстрировано, что туранская и ганованская система была привита к предыдущей малайской или похожей на нее во всех существенных отношениях. Примерно в половине всех названных отношений эти два фактора идентичны. Если рассмотреть те из них, в которых сенека и тамил отличаются от гавайцев, то обнаружится, что разница заключается в тех отношениях, которые зависели от смешанных браков или отсутствия смешанных браков между братьями и сестрами. В первых двух, например, сын моей сестры является моим племянником, но во втором случае он мой сын. Эти два отношения выражают разницу между кровнородственными и пуналуальными семьями. Изменение отношений, произошедшее в результате замены пуналуальского языка на место кровнородственных браков, превращает малайский язык в туранскую систему. Но можно спросить, почему гавайцы, у которых была семья пуналуан, не реформировали свою систему кровного родства в соответствии с ней? Ответ был дан в другом месте, но его можно повторить. Форма семьи опережает систему. В Полинезии он был пуналуальским, в то время как система оставалась малайской; в Америке он был синдиазмическим, в то время как система оставалась туранской; а в Европе и Западной Азии он стал моногамным, в то время как система, по-видимому, какое-то время оставалась туранской, но затем она пришла в упадок, и на смену ей пришла арийская. Более того, хотя семья прошла через пять форм, но, насколько сейчас известно, были созданы три различные системы кровного родства. Требовались органические изменения в обществе, достигающие необычных масштабов, чтобы существенно изменить устоявшуюся систему кровного родства. Я думаю, будет обнаружено, что организация в роды была достаточно влиятельной и достаточно универсальной, чтобы превратить малайскую систему в туранскую; и что моногамии, когда она полностью утвердилась в более развитых ветвях человеческой семьи, было достаточно, при влиянии собственности, чтобы свергнуть туранскую систему и заменить ее арийской.

Остается объяснить происхождение таких туранских отношений, которые отличаются от малайских. В основе объяснения лежат пуналуальские браки и родовые организации.

I. Все дети нескольких моих братьев, собственные и побочные, я сам мужского пола, являются моими сыновьями и дочерьми.

Причины: Говоря как Сенека, все жены нескольких моих братьев принадлежат как мне, так и им. Сейчас мы говорим о времени, когда сформировалась система. То же самое и в малайском языке, где указаны причины.

II. Все дети нескольких моих сестер, собственные и побочные, я сам мужского пола, являются моими племянниками.

Причины: В рамках родовой организации эти женщины, по закону рода, не могут быть моими женами. Следовательно, их дети больше не могут быть моими детьми, они состоят со мной в более отдаленном родстве; отсюда новые отношения племянника и племянницы. Это отличается от малайского.

III. Поскольку я женщина, дети нескольких моих братьев, собственные и побочные, являются моими племянниками и племянниц.

Причины, как во II. Это также отличается от малайского.

IV. Поскольку я женщина, дети нескольких моих сестер, собственных и побочных, а также нескольких моих кузин женского пола - мои сыновья и дочери.

Причины: Все их мужья - это и мои мужья тоже. Строго говоря, эти дети - мои приемные дети, и так их описывают у оджибва и нескольких других алгонкинских племен; но у сенека-ирокезов и на тамильском языке, следуя древней классификации, они отнесены к категории моих сыновей и дочерей по причинам, указанным в малайском.

V. Все дети этих сыновей и дочерей - мои внуки.

Причина: Они дети моих сыновей и дочерей.

VI. Все дети этих племянников и племянниц - мои внуки.

Причина: Это были отношения одних и тех же людей в малайской системе, которая предположительно предшествовала туранской. Если бы не было изобретено ничего нового, старая осталась бы.

VII. Все братья моего отца, собственные и сопутствующие, являются моими отцами.

Причина: Они мужья моей матери. То же самое и в малайском.

VIII. Все сестры моего отца, родные и второстепенные, приходятся мне тетями.

Причина: В рамках языческой организации ни одна из них не может быть женой моего отца; поэтому предыдущие отношения с матерью недопустимы. Следовательно, требовались новые отношения: откуда взялись отношения с тетей.

IX. Все братья моей матери, собственные и побочные, приходятся мне дядями.

Причины: Они больше не являются мужьями моей матери и, должно быть, состоят со мной в более отдаленном родстве, чем отец: отсюда новые отношения дяди.

X. Все сестры моей матери, собственные и побочные, являются моими матерями.

Причины, как в IV.

XI. Все дети братьев моего отца и все дети сестер моей матери, собственные и побочные, являются моими братьями и сестрами.

Причины: В малайском языке то же самое, и по указанным там причинам.

XII. Все дети нескольких моих дядей и все дети нескольких моих тетей, собственные и побочные, являются моими двоюродными братьями и сестрами.

Причины: Согласно нееврейской организации, все эти дяди и тети исключены из брачных отношений с моими отцом и матерью; по этой причине их дети не могут относиться ко мне как к братьям и сестрам, как в малайском языке, но должны быть отнесены к другому, более отдаленному: откуда происходит новое двоюродное родство.

XIII. На тамильском все дети моих двоюродных братьев мужского пола, я сам мужчина, - это мои племянники и племянницы, а все дети моих двоюродных сестер женского пола - мои сыновья и дочери. Это прямо противоположно правилу среди сенека-ирокезов. Это показывает, что среди тамильского народа, когда пришла туранская система, все мои двоюродные сестры были моими женами, в то время как жены моих двоюродных братьев-мужчин - нет. Примечательно, что отклонение в этих отношениях является единственным сколько-нибудь важным различием между двумя системами в отношениях к Эго примерно двухсот человек.

XIV. Все братья и сестры моего дедушки и моей бабушки - мои дедушки и бабушки.

Причина: В малайском языке то же самое, и по указанным там причинам.

Теперь дополнительно становится ясно, что и туранская, и ганованская системы, которые идентичны, возникли на основе первоначальной малайской системы; и что последняя, должно быть, в целом преобладала в Азии до миграции малайцев на острова Тихого океана. Более того, есть веские основания полагать, что система была передана в малайской форме предкам трех семей вместе с потоками крови из общего азиатского источника, а впоследствии модифицирована до ее нынешней формы отдаленными предками туранских и ганованских семей.

Основные взаимоотношения туранской системы теперь объяснены в их происхождении, и установлено, что они действительно существовали в семье пуналуан, насколько можно было знать происхождение детей. Система объясняет себя как органический рост, и поскольку она не могла возникнуть без адекватной причины, становится законным и необходимым вывод о том, что она была создана семьями пуналуан. Следует, однако, заметить, что некоторые брачные отношения были изменены.

Система рассматривает всех братьев как мужей жен друг друга, а всех сестер как жен мужей друг друга и как состоящих в смешанном браке в группе. В то время, когда формировалась система, везде, где мужчина находил брата, собственного или побочного, а таких родственников было множество, в жене этого брата он находил дополнительную жену. Точно так же, где бы женщина ни находила сестру, собственную или побочную, а таковых в этом родстве было одинаково много, в муже этой сестры она находила еще одного мужа. Братство мужей и сестринство жен легли в основу отношений. Это в полной мере выражено гавайским обычаем пунала. Теоретически семья того периода была столь же обширной, как и группа, объединенная брачными отношениями; но практически она должна была разделиться на ряд более мелких семей для удобства проживания и пропитания. Количество братьев бриттов, состоящих в браке с женами друг друга в десятках и двенадцати раз, указывало бы на размер обычного подразделения пуналуальской группы. Жизненный коммунизм, по-видимому, зародился в потребностях кровнородственной семьи, получил продолжение у пуналуанцев и был передан синдиазматам среди американских аборигенов, у которых он

оставался практикой вплоть до эпохи их открытия. Пуналуальский брак в настоящее время неизвестен среди них, но созданная им система кровного родства сохранила обычаи, в которых она зародилась. План семейной жизни и жилища у диких племен изучен недостаточно. Знание их обычаев в этих отношениях и способа существования пролило бы яркий свет на рассматриваемые вопросы.

Происхождение двух форм семьи теперь объясняется двумя параллельными системами кровного родства. Доказательства кажутся убедительными. Она дает отправную точку человеческого общества после того, как человечество вышло из еще более низкого состояния и вошло в организм кровной семьи. Переход от этой первой формы ко второй был естественным; развитие от низшего социального состояния к более высокому посредством наблюдения и опыта. Это было результатом совершенствования умственных и моральных качеств, присущих человеческому виду. Кровнородственные и пуналуальные семьи представляют собой основу человеческого прогресса на протяжении большей части периода дикости. Хотя второй был большим улучшением по сравнению с первым, он все еще был очень далек от моногамного. При сравнении различных форм семьи может сложиться впечатление о медленном темпе прогресса в дикости, когда средства продвижения были невелики, а препятствия огромны. Века за веками практически неподвижной жизни, с развитием и упадком, несомненно, отмечали ход событий; но общее движение общества происходило от низшего состояния к высшему, иначе человечество оставалось бы в состоянии дикости. Это нечто - найти надежную отправную точку, с которой человечество начало свой великий и изумительный путь прогресса, даже несмотря на то, что она находится в самом низу шкалы и ограничена такой своеобразной формой семьи, как кровная.

Comparative Table of the System of Relationship of the Seneca-Iroquois Indians of New York, and of the People of South-India speaking the Tamil Dialect of the Dravidian Language. En = my.

Description of Persons.	Relationship in Seneca-Iroquois	Translation.	Relationship in Tamil.	Translation.
1 My great-grandfather's father	hoc'-sote	My grandfather	En muppádan	My 3d grandfather
2 " " mother	oc'-sote	" grandmother	" muppáddi	" " grandmother
3 " great-grandfather	hoc'-sote	" grandfather	" púddan	" 2d grandfather
4 " grandmother	oc'-sote	" grandmother	" púddi	" " grandmother
5 " grandfather	hoc'-sote	" grandfather	" páddan	" grandfather
6 " grandmother	oc'-sote	" grandmother	" páddi	" grandmother
7 " father	há-nih	" father	" tákkáppán	" father
8 " mother	no-yeh'	" mother	" táy	" mother
9 " son	ha-ha'-wuk	" son	" mákán	" son
10 " daughter	ka-ah'-wuk	" daughter	" mákál	" daughter
11 " grandson	ha-yá'-da	" grandson	" pérán	" grandson
12 " granddaughter	ka-yá'-da	" granddaughter	" pértti	" granddaughter
13 " great-grandson	ha-yá'-da	" grandson	" irandám pérán	" 2d grandson
14 " great-granddaughter	ka-yá'-da	" granddaughter	" " pértti	" " granddaughter
15 " great-grandson's son	ha-yá'-da	" grandson	" mündam pérán	" 3d grandson
16 " " daughter	ka-yá'-da	" granddaughter	" " pértti	" " granddaughter
17 " elder brother	há'-je	" elder brother	" tamaiyán, b annán	" elder brother
18 " sister	ah'-je	" " sister	" akkàrl, b támakay	" " sister
19 " younger brother	ha'-gā	" younger brother	" tambi	" younger brother
20 " " sister	ka'-gā	" " sister	" tangaichchi, b tangay	" " sister
21 " brothers	da-yā-guā-dan'-no-dā	" brothers	" sākothāree	" brothers, (<i>Sanskrit</i>)
22 " sisters	"	" sisters	" sākothārekāl	" sisters
23 " brother's son (<i>male speaking</i>)	ha-ah'-wuk	" son	" mákán	" son
24 " " son's wife " "	ka'-sāh	" daughter-in-law	" mārūmakāl	" daughter-in-law & niece

Description of Persons.	Relationship in Seneca-Iroquois	Translation.	Relationship in Tamil.	Translation.
25 “ “ daughter “ “	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ mākāl	“ daughter
26 “ “ daughter's husband “ “	oc-na'-hosc	“ son-in-law	“ mārūmākān	“ son-in-law & nephew
27 “ “ grandson “ “	ha-yā'-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson
28 “ “ granddaughter “ “	ka-yā'-da	“ granddaughter	“ pērtti	“ granddaughter
29 “ “ great-grandson “ “	ha-yā'-da	“ grandson	“ irandām pērān	“ 2d grandson
30 “ “ great-granddaughter “ “	ka-yā'-da	“ granddaughter	“ “ pērtti	“ “ granddaughter
31 “ sister's son “ “	ha-yā'-wan-da	“ niece	“ mārūmākān	“ nephew
32 “ “ son's wife “ “	ka'-sā	“ daughter-in-law	“ mākāl	“ daughter
33 “ “ daughter “ “	ka-yā'-wan-da	“ nephew	“ mārūmākāl	“ niece
34 “ “ daughter's husband “ “	oc-na'-hosc	“ son-in-law	“ mākān	“ son
35 “ “ grandson “ “	ha-yā'-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson
36 “ “ granddaughter “ “	ka-yā'-da	“ granddaughter	“ pērtti	“ granddaughter
37 “ “ great-grandson “ “	ha-yā'-da	“ grandson	“ irandām pērān	“ 2d grandson
38 “ “ great-granddaughter “ “	ka-yā'-da	“ granddaughter	“ irandām pērtti	“ 2d granddaughter
39 My brother's son (female speaking)	ha-soh'-neh	My nephew	En mārūmākān	My nephew
40 “ “ son's wife “ “	ka'-sā	“ daughter-in-law	“ mākāl	“ daughter
41 “ “ daughter “ “	ka-soh'-neh	“ niece	“ mārūmākāl	“ niece
42 “ “ daughter's husband “ “	oc-na'-hosc	“ son-in-law	“ mākān	“ son
43 “ “ grandson “ “	ha-yā'-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson
44 “ “ granddaughter “ “	ka-yā'-da	“ granddaughter	“ pērtti	“ granddaughter
45 “ “ great-grandson “ “	ha-yā'-da	“ grandson	“ irandām pērān	“ 2d grandson
46 “ “ great-granddaughter “ “	ka-yā'-da	“ granddaughter	“ “ pērtti	“ “ granddaughter
47 “ sister's son “ “	ha-ah'-wuk	“ son	“ mākān	“ son
48 “ “ son's wife “ “	ka'-sā	“ daughter-in-law	“ mārūmākāl	“ daughter-in-law & niece
49 “ “ daughter “ “	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ mākāl	“ daughter
50 “ “ daughter's husband “ “	oc-na'-hosc	“ son-in-law	“ mākān	“ son
51 “ “ grandson “ “	ha-yā'-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson

Description of Persons.	Relationship in Seneca-Iroquois	Translation.	Relationship in Tamil.	Translation.
52 “ “ granddaughter “ “	ka-yā'-da	“ granddaughter	“ pērtti	“ granddaughter
53 “ “ great-grandson “ “	ha-yā'-da	“ grandson	“ irandām pērān	“ 2d grandson
54 “ “ great-granddaughter “ “	ka-yā'-da	“ granddaughter	“ “ pērtti	“ “ granddaughter
55 “ father's brother	hā'-nih	“ father	“ periya tākkāppān “ seriya “	“ great-father (if older) “ little-father (if younger)
56 “ “ brother's wife	uc-no'-ese	“ step-mother	“ tāy	“ mother (th'n my fatb'r)
57 “ “ “ son (older than myself)	hā'-je	“ elder brother	“ tāmaiyan	“ elder brother
58 “ “ “ “ (younger than myself)	ha'-gā	“ younger brother	“ tambi	“ younger brother
59 “ “ “ son's wife	ah-ge-ah'-ne-ah	“ sister-in-law	“ maittuni (o.) anni (y.)	“ cousin & sister-in-law
60 “ “ “ daughter (older than myself)	ah'-je	“ elder sister	“ akkari b, tamakay	“ elder sister
61 “ “ “ “ (younger than myself)	ka'-gā	“ younger sister	“ tangaichchi b, tangay	“ younger sister
62 “ “ “ daughter's husband	ha-yā'-o	“ brother-in-law	“ maittūnān	“ brother-in-law & cousin
63 “ “ “ son's son (male speaking)	ha-ah'-wuk	“ son	“ mākān	“ son
64 “ “ “ “ “ (female “)	ha-soh'-neh	“ nephew	“ mārūmākān	“ nephew
65 “ “ “ “ daughter (male “)	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ mākāl	“ daughter
66 “ “ “ “ “ (female “)	ka-soh'-neh	“ niece	“ mārūmākāl	“ niece
67 “ “ “ daughter's son (male “)	ha-yā'-wān-da	“ nephew	“ mārūmākān	“ nephew
68 “ “ “ “ “ (female “)	ha-ah'-wuk	“ son	“ mākān	“ son
69 “ “ “ “ daughter (male “)	ka-yā'-wān-da	“ niece	“ mārūmākāl	“ niece
70 “ “ “ “ “ (female “)	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ mākāl	“ daughter
71 “ “ “ “ great-grandson	ha-yā'-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson
72 “ “ “ “ great-granddaughter	ka-yā'-da	“ granddaughter	“ pērtti	“ granddaughter
73 “ father's sister	ah-gā'-huc	“ aunt	“ attai	“ aunt
74 “ “ sister's husband	hoc-no'-ese	“ step-father	“ māmān	“ uncle
75 “ “ “ “ son (male speaking)	ah-gāre'-seh	“ cousin	“ attān b, maittūnān	“ cousin
76 “ “ “ “ “ (female “)	ah-gāre'-seh	“ cousin	“ māchchān	“ “
77 “ “ “ “ son's wife	ah-ge-ah'-ne-ah	“ sister-in-law	“ tangay	“ younger sister

Description of Persons.	Relationship in Seneca-Iroquois	Translation.	Relationship in Tamil.	Translation.
78 “ “ “ daughter (male speaking)	ah-gäre'-sch	“ cousin	“ mäittuni	“ cousin
79 “ “ “ “ (female “)	ah-gäre'-sch	“ cousin	“ mächchi b, mächchäri	“ “
80 “ “ “ daughter's husband	ha-vä'-o'	“ brother-in-law	“ annan (o.) tambi (y.)	“ elder or younger bro'r
81 My father's sister's son's son (male speaking)	ha-ah'-wuk	My son	En märümäkän	My nephew
82 “ “ “ “ (female “)	ha-soh'-neh	“ nephew	“ mäkän	“ son
83 “ “ “ “ daughter (male “)	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ märümäkäl	“ niece
84 “ “ “ “ (female “)	ka-soh'-neh	“ niece	“ mäkäl	“ daughter
85 “ “ “ daughter son (male “)	ha-yä'-wän-da	“ nephew	“ mäkän	“ son
86 “ “ “ “ (female “)	ha-ah'-wuk	“ son	“ märümäkän	“ nephew
87 “ “ “ “ daughter (male “)	ka-yä'-wän-da	“ niece	“ mäkäl	“ daughter
88 “ “ “ “ (female “)	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ märümäkäl	“ niece
89 “ “ “ great-grandson	ha-yä'-da	“ grandson	“ përan	“ grandson
90 “ “ “ great-granddaughter	ka-yä'-da	“ granddaughter	“ përtti	“ granddaughter
91 “ mother's brother	hoo-no'-sch	“ uncle	“ mämän	“ uncle
92 “ “ brother's wife	ah-gä-në-ah	“ aunt-mother	“ mämë	“ aunt
93 “ “ “ son (male speaking)	ah-gäre'-sch	“ cousin	“ mäittünän	“ cousin
94 “ “ “ “ (female “)	ah-gäre'-sch	“ cousin	“ mächchän	“ “
95 “ “ “ son's wife	ah-ge-ah'-ne-ah	“ sister-in-law	“ tängay	“ younger sister
96 “ “ “ daughter (male speaking)	ah-gäre'-sch	“ cousin	“ mäittuni	“ cousin
97 “ “ “ “ (female “)	ah-gäre'-sch	“ cousin	“ mächchäri	“ “
98 “ “ “ daughter's husband	ha-yä'-o	“ brother-in-law	“ annan (o.) tambi (y.)	“ elder or younger bro'r
99 “ “ “ son's son (male speaking)	ha-ah'-wuk	“ son	“ märümäkän	“ nephew
100 “ “ “ “ “ (female “)	ha-soh'-neh	“ nephew	“ mäkän	“ son
101 “ “ “ “ daughter (male “)	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ märümäkäl	“ niece
102 “ “ “ “ “ (female “)	ka-soh'-neh	“ niece	“ mäkäl	“ daughter
103 “ “ “ daughter's son (male “)	ha-yä'-wän-da	“ nephew	“ mäkän	“ son
104 “ “ “ “ “ (female “)	ha-ah'-wuk	“ son	“ märümäkän	“ nephew

Description of Persons.	Relationship in Seneca-Iroquois	Translation.	Relationship in Tamil.	Translation.
105 “ “ “ “ daughter (male “)	ka-yä'-wän-da	“ niece	“ mäkäl	“ daughter
106 “ “ “ “ “ (female “)	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ märümäkäl	“ niece
107 “ “ “ great-grandson	ha-yä'-da	“ grandson	“ përan	“ grandson
108 “ “ “ great-granddaughter	ka-yä'-da	“ granddaughter	“ përtti	“ granddaughter
109 “ mother's sister	oo-yeh'	“ mother	“ përiyā táy (if older than, sériyā “ (if y'r myself)	“ mother, great or little
110 “ “ sister's husband	hoc-no'-ese	“ step-father	“ täkkäppän (P. or S.)	“ father, “ “
111 “ “ “ son (older than myself)	hä'-je	“ elder brother	“ tämäiyän, b, annan	“ elder brother
112 “ “ “ “ (younger “ “)	hä'-gä	“ younger brother	“ tambi	“ younger brother
113 “ “ “ son's wife	ah-ge-ah'-ne-ah	“ sister-in-law	“ mäittuni	“ sister-in-law & cousin
114 “ “ “ daughter (older than myself)	ah'-je	“ elder sister	“ akkari b, tämäkay	“ elder sister
115 “ “ “ “ (younger “ “)	ka'-gä	“ younger sister	“ tängäichchi b, tangay	“ younger sister
116 “ “ “ daughter's husband	ha-yä'-o	“ brother-in-law	“ mäittünän	“ brother-in-law & cousin
117 “ “ “ son's son (male speaking)	ha-ah'-wuk	“ son	“ mäkän	“ son
118 “ “ “ “ “ (female “)	ha-soh'-neh	“ nephew	“ märümäkän	“ nephew
119 “ “ “ “ daughter (male “)	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ mäkäl	“ daughter
120 “ “ “ “ “ (female “)	ka-soh'-neh	“ niece	“ märümäkäl	“ niece
121 “ “ “ daughter's son (male “)	ha-yä'-wän-da	“ nephew	“ märümäkän	“ nephew
122 “ “ “ “ “ (female “)	ha-ah'-wuk	“ son	“ mäkän	“ son
123 My mother's sister's daughter's daughter (male “)	ka-yä'-wän-da	My niece	En märümäkäl	My niece
124 “ “ “ “ “ (female “)	ka-ah'-wuk	“ daughter	“ mäkäl	“ daughter
125 “ “ “ great-grandson	ha-yä'-da	“ grandson	“ përan	“ grandson
126 “ “ “ great-granddaughter	ka-yä'-da	“ granddaughter	“ përtti	“ granddaughter
127 “ father's father's brother	hoc'-sote	“ grandfather	“ päddän (P. and S.)	“ grandfather, g't or lit.
128 “ “ “ brother's son	hä'-nih	“ father	“ täkkäppän (P. or S.)	“ father, great or little
129 “ “ “ “ son's son (older than myself)	hä'-je	“ elder brother	“ annan b, tamaiyän	“ elder brother
130 “ “ “ “ “ (younger “ “)	hä'-gä	“ younger brother	“ tambi	“ younger brother

Description of Persons.	Relationship in Seneca-Iroquois	Translation.	Relationship in Tamil.	Translation.
131 “ “ “ “ son’s son (<i>male speaking</i>)	ha-ah’-wuk	“ son	“ mākān	“ son
132 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ka-soh’-neh	“ nephew	“ mārūmākān	“ nephew
133 “ “ “ “ “ daughter (<i>male</i> “)	ka-ah’-wuk	“ daughter	“ mākāl	“ daughter
134 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ka-soh’-neh	“ niece	“ mārūmākāl	“ niece
135 “ “ “ “ great-great-grandson	ha-yā’-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson
136 “ “ “ “ “ granddaughter	ka-yā’-da	“ granddaughter	“ pērtti	“ granddaughter
137 “ father’s father’s sister	oc’-sote	“ grandmother	“ pāddi (P. and S.)	“ grandmother, g’t or lit.
138 “ “ “ “ sister’s daughter	ah-ga’-huc	“ aunt	“ tāy (P. and S.)	“ mother, great or little
139 “ “ “ “ daughter’s daughter (<i>male sp’g</i>)	ah-gāre’-seh	“ cousin	“ tāmākay (o) tāngāy (y.)	“ elder or younger sister
140 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ah-gāre’-seh	“ cousin	“ tāmākay (o) tāngāy (y.)	“ “ “ “
141 “ “ “ “ daughter’s daughter’s son (<i>male</i> “)	ha-yā’-wān-da	“ nephew	“ mārūmākān?	“ nephew
142 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ha-ah’-wuk	“ son	“ mākān?	“ son
143 “ “ “ “ “ “ daughter (<i>male</i> “)	ka-yā’-wān-da	“ niece	“ mārūmākāl?	“ niece
144 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ka-ah’-wuk	“ daughter	“ mākāl?	“ daughter
145 “ “ “ “ great-great-grandson	ha-yā’-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson
146 “ “ “ “ “ granddaughter	ka-yā’-da	“ granddaughter	“ pērtti	“ granddaughter
147 “ mother’s mother’s brother	hoc’-sote	“ grandfather	“ pāddān (P. and S.)	“ grandfather, g’t or lit.
148 “ “ “ “ brother’s son	hoc-no’-seh	“ uncle	“ māmān	“ uncle
149 “ “ “ “ son’s son (<i>male sp’g</i>)	ah-gāre’-seh	“ cousin	“ māittūnān	“ cousin
150 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ah-gāre’-seh	“ cousin	“ māchchān	“ “
151 “ “ “ “ “ son’s son (<i>male</i> “)	ha-ah’-wuk	“ son	“ mārūmākān	“ nephew
152 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ha-soh’-neh	“ nephew	“ mākān	“ son
153 “ “ “ “ “ daughter (<i>male</i> “)	ka-ah’-wuk	“ daughter	“ mārūmākāl	“ niece
154 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ka-soh’-neh	“ niece	“ mākāl	“ daughter
155 “ “ “ “ great-great-grandson	ha-yā’-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson
156 “ “ “ “ “ granddaughter	ka-yā’-da	“ granddaughter	“ pērtti	“ granddaughter
157 “ mother’s mother’s sister	oc’-sote	“ grandmother	“ pāddi (P. and S.)	“ grandmother, g’t or lit.

Description of Persons.	Relationship in Seneca-Iroquois	Translation.	Relationship in Tamil.	Translation.
158 “ “ “ “ sister’s daughter	no-yeh’	“ mother	“ tāy (P. and S.)	“ mother, great or little
159 “ “ “ “ “ daughter’s daughter (<i>older than myself</i>)	ah’-je	“ elder sister	“ tāmākay	“ elder sister
160 “ “ “ “ “ “ (<i>younger</i> “ “)	ka’-ga	“ younger sister	“ tāngāy	“ younger sister
161 “ “ “ “ “ daughter’s son (<i>male sp’g</i>)	ha-yā’-wān-da	“ nephew	“ mārūmākān	“ nephew
162 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ha-ah’-wuk	“ son	“ mākān	“ son
163 “ “ “ “ “ daughter’s son (<i>male</i> “)	ka-yā’-wān-da	“ niece	“ mārūmākāl	“ niece
164 “ “ “ “ “ “ (<i>female</i> “)	ka-ah’-wuk	“ daughter	“ mākāl	“ daughter
165 “ “ “ “ great-great-grandson	ha-yā’-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson
166 My mother’s mother’s sister’s great-great-granddaughter	ka-yā’-da	My granddaughter	En pērtti	My granddaughter
167 “ father’s father’s father’s brother	hoc’-sote	“ grandfather	“ irandām pāddān	“ 2d grandfather
168 “ “ “ “ brother’s son	hoc’-sote	“ grandfather	“ pāddān (P. and S.)	“ grandfather, g’t or lit.
169 “ “ “ “ “ son’s son (<i>older than myself</i>)	hā’-nih	“ father	“ tākkāppān (P. and S.)	“ father, great or little
170 “ “ “ “ “ son’s son (<i>male speaking</i>)	ha-ah’-wuk	“ son	“ mākān	“ son
171 “ “ “ “ “ “ son’s son	ha-yā’-da	“ grandson	“ pērān	“ grandson
172 “ “ “ “ “	oc’-sote	“ grandmother	“ irandām pāddi	“ 2d grandmother
173 “ father’s father’s father’s sister’s daughter	oc’-sote	“ grandmother	“ pāddi (P. and S.)	“ grandmother, g’t or lit.
174 “ “ “ “ “ daughter’s daughter	no-yeh’	“ mother	“ tāy (P. and S.)	“ mother, great or little
175 “ “ “ “ “ “ daughter’s daughter (<i>male sp’g</i>)	ah’-je	“ elder sister	“ tāmākay b, tāngāy?	“ sister, elder or younger
176 “ “ “ “ “ “ daughter’s daughter	ha-soh’-neh	“ nephew	“ mārūmākāl	“ niece
177 “ “ “ “ “ “ “ daughter’s daughter	ha-yā’-da	“ grandson	“ pērtti	“ granddaughter
178 “ mother’s mother’s mother’s brother	hoc’-sote	“ grandfather	“ irandām pāddān	“ 2d grandfather
179 “ “ “ “ brother’s son	hoc’-sote	“ grandfather	“ pāddān (P. and S.)	“ grandfather, g’t or lit.
180 “ “ “ “ “ son’s son	hoc-no’-seh	“ uncle	“ māmān	“ uncle
181 “ “ “ “ “ “ son’s son (<i>male speaking</i>)	ah-gāre’-seh	“ cousin	“ māittūnān	“ cousin
182 “ “ “ “ “ “ son’s son (<i>female</i> “)	ha-ah’-wuk	“ son	“ mārūmākān	“ nephew
183 “ “ “ “ “ “ “ son’s son	ha-yā’-da	“ grandson	“ pērān	“ grandchild
184 “ mother’s mother’s mother’s sister	oc’-sote	“ grandmother	“ irandām pāddi	“ 2d grandmother

Description of Persons.	Relationship in Seneca-Iroquois	Translation.	Relationship in Tamil.	Translation.
185 “ “ “ “sister’s daughter	oc’-sote	“ grandmother	“ pāddi (P. and S.)	“ grandmother, g’t or lit.
186 “ “ “ “daughter’s daughter	no-yeh’	“ mother	“ tāy (P. and S.)	“ mother, great or little
187 “ “ “ “daughter’s daughter (<i>older than myself</i>)	ah’-je	“ elder sister	“ akkāri	“ elder sister
188 “ “ “ “daughter’s daughter (<i>female sp’g</i>)	ka-yā’-wān-da	“ niece	“ mākāl	“ daughter
189 “ “ “ “ “ “daughter’s daughter	ka-yā’-da	“ granddaughter	“ pērtti	“ granddaughter
190 “ husband	da-yake’-ne	“ husband	“ kānavan, b, purnshan	“ husband
191 “ wife	da-yake’-ne	“ wife	“ māinavi, b, pērchātti	“ wife
192 “ husband’s father	hā-ga’-sā	“ father-in-law	“ māmān, b, māmanār	“ uncle & father-in-law
193 “ “ mother	ong-ga’-sā	“ mother-in-law	“ māmī, b, mānnai	“ aunt & mother-in-law
194 “ wife’s father	oc-na’-hose	“ father-in-law	“ māmān	“ uncle & father
195 “ “ mother	oc-na’-hose	“ mother-in-law	“ māmī	“ aunt
196 “ son-in-law	oc-na’-hose	“ son-in-law	“ māpillai, b, mārūmākān	“ son-in-law & nephew
197 “ daughter-in-law	ka’-sā	“ daughter-in-law	“ mārūmākāl	“ daughter-in-law & niece
198 “ step-father	hoc-no’-ese	“ step-father		(Widows cannot marry.)
199 “ “ mother	oc-no’-ese	“ step-mother	“ sēriya tāy	“ my little mother
200 “ “ son	ha’-no	“ step-son	“ mākān	“ son
201 “ “ daughter	ka’-no	“ step-daughter	“ mākāl	“ daughter
202 “ “ brother			“ annan (o.) tambi (y.)	“ bro’r, older or younger
203 “ “ sister			“ akkāri (o.) tāngāy (y.)	“ sister “ “
204 “ brother-in-law (<i>husband’s brother</i>)	ha-yā’-o	“ brother-in-law	“ maittūnān	“ brother-in-law & cousin
205 “ “ “ (<i>sister’s husband, male speaking</i>)	an-ge-ah’-ne-o		“ maittūnān	“ “ “ “
206 “ “ “ (“ “ “ <i>female</i> “)	ha-yā’-o	“ “ “	“ attan (o.) maichchān	“ “ “ “
207 “ “ “ (<i>wife’s brother</i>)	an-ge-ah’-ne-o	“ “ “	“ maittūnān	“ “ “ “
208 “ “ “ (<i>wife’s brother’s husband</i>)	no relation		“ sakalan	“ “ “ “
209 My brother-in-law (<i>husband’s sister’s husband</i>)	no relation		En sakotaran	My bro’r-in-law & cousin
210 “ sister-in-law (<i>wife’s sister</i>)	ka-yā’-o	My sister-in-law	“ korlunti (o.) maittūni	“ sister-in-law & cousin
211 “ “ “ (<i>husband’s sister</i>)	an-ge-ah’-ne-o	“ “ “	“ nāttānae	“ “ “ “

Description of Persons.	Relationship in Seneca-Iroquois	Translation.	Relationship in Tamil.	Translation.
212 “ “ “ (<i>brother’s wife, male speaking</i>)	ka-yā’-o	“ “ “	“ anni (o.) maittūni (y.)	“ “ “ “
213 “ “ “ (<i>brother’s wife, female speaking</i>)	an-ge-ah’-ne-o	“ “ “	“ anni (o.) maittūni (y.)	“ “ “ “
214 “ “ “ (<i>husband’s brother’s wife</i>)	no relation		“ orakatti	“ “ “ “
215 “ “ “ (<i>wife’s brother’s wife</i>)	no relation		“ tāmākāy (o.) tāngāy (y.)	“ “ “ “
216 “ widow	go-no-kw’-yes’-hā’-ah	widow	“ kiempun	widow
217 “ widower	ho-no-kw’-yes’-hā’-ah	widower		
218 “ twins	tas-geek’-hā	twins	Dithambathie	twins (Sanskrit)

ГЛАВА IV

Синдиазм и патриархальные семьи

Когда были обнаружены американские аборигены, та их часть, которая находилась на более низком уровне варварства, попала в синдиазматическую, или парную, семью. Большие группы в брачных отношениях, которые, должно быть, существовали в предыдущий период, исчезли; и на их месте были супружеские пары, образующие четко выраженные, хотя и частично индивидуализированные семьи. В этой семье можно распознать зародыш моногамии, но она была ниже последней в нескольких существенных чертах.

Семья синдиасмиан была особенной. Несколько из них обычно жили в одном доме, образуя коммунальное хозяйство, в котором практиковался принцип коммунизма в жизни. Факт объединения нескольких таких семей в общее домашнее хозяйство сам по себе является признанием того, что семья была слишком слабой организацией, чтобы в одиночку справляться с жизненными невзгодами. Тем не менее, она была основана на браке между отдельными парами и обладала некоторыми характеристиками моногамной семьи. Теперь эта женщина была чем-то большим, чем просто главной женой своего мужа; она была его

компаньонкой, готовила ему еду и матерью детей, которых он теперь начал с некоторой уверенностью считать своими собственными. Рождение детей, о которых они совместно заботились, как правило, укрепляло союз и делало его постоянным.

Но институт брака был таким же своеобразным, как и семья. Мужчины искали жен не так, как их ищут в цивилизованном обществе, из привязанности, ибо страсть любви, которая требовала более высокого развития, чем они достигли, была им неизвестна. Таким образом, брак был основан не на чувствах, а на удобстве и необходимости. По сути, организация браков своих детей была возложена на матерей, и переговоры о них, как правило, велись без ведома вступающих в брак сторон и без запроса их предварительного согласия. Иногда случалось, что таким образом в брачные отношения вступали совершенно незнакомые люди. В надлежащее время их уведомляли, когда будет совершена простая брачная церемония. Таковы были обычаи ирокезов и многих других индейских племен. Согласие с этими материнскими контрактами было обязанностью, от которой стороны редко отказывались. До вступления в брак подарки ближайшим по степени родства родственникам невесты-язычникам, имеющие характер покупки подарков, стали неотъемлемой частью этих супружеских сделок. Отношения, однако, продолжались во время удовольствия сторон, но не дольше. Именно по этой причине их должным образом называют парной семьей. Муж мог расстаться со своей женой по своему желанию и взять другую без обид, а женщина пользовалась равным правом оставить своего мужа и принять другую, при этом обычаи ее племени и рода не нарушались. Но постепенно сформировалось и набрало силу общественное мнение против такого разделения. Когда между супружеской парой возникало отчуждение и их расставание становилось неизбежным, нееврейские родственники каждого из них пытались примирить стороны, в чем им часто удавалось; но если они не могли устранить возникшую трудность, их расставание одобрялось. Затем жена покидала дом своего мужа, забирая с собой их детей, которые считались исключительно ее собственными, и свои личные вещи, на которые ее муж не имел никаких прав; или, если в общем домашнем хозяйстве преобладали родственники жены, что обычно имело место, муж покидал дом своей жены.⁴⁰⁰ Таким образом, продолжение брачных отношений оставалось на усмотрение сторон.

В этих отношениях была еще одна особенность, которая показывает, что американские аборигены, находившиеся на более низком уровне варварства, не достигли морального развития, подразумеваемого моногамией. Среди ирокезов, которые были варварами высокого умственного уровня, и среди не менее развитых индейских племен в целом, целомудрие стало требоваться от жены под угрозой суровых наказаний, которые мог налагать муж; но он не признавал взаимных обязательств. Одно не может быть постоянно реализовано без другого. Более того, полигамия была повсеместно признана правом мужчин, хотя практика была ограничена из-за неспособности поддерживать индულгенцию. Были и другие обычаи, о которых нет необходимости упоминать, которые еще больше показывают, что они были ниже концепции моногамии, как правильно определяется этот великий институт. Весьма вероятно, что существовали исключительные случаи. Это в равной степени справедливо, как я полагаю, и для варварских племен в целом. Главной чертой, отличавшей синдиазмическую семью от моногамной, хотя и допускавшей многочисленные исключения, было отсутствие исключительного совместного проживания. Старая супружеская система, сведения о которой все еще сохранились в их системе кровного родства, несомненно, сохранилась, но в сокращенных формах.

У деревенских индейцев Среднего уровня варварства факты существенно не отличались, насколько о них можно сказать, что они известны. Сравнение обычаев американских

аборигенов в отношении брака и развода показывает существующее сходство, достаточно сильное, чтобы подразумевать первоначальную идентичность обычаев. Можно заметить лишь некоторые из них. Клавиджеро отмечает, что у ацтеков “родители были людьми, которые улаживали все браки, и ни один брак никогда не заключался без их согласия”.⁴⁰¹ “Священник связывал кончик уэпилли, или платья невесты, с тильматли, или мантией жениха, и в этой церемонии главным образом заключался супружеский контракт”.⁴⁰² Эррера, рассказав об этой же церемонии, отмечает, что “все, что принесла невеста, хранилось на память, на случай, если они останутся неженатыми”. и снова, как это было принято у них, имущество могло быть разделено; мужчина забирал дочерей, а жена - сыновей, со свободой жениться снова”.⁴⁰³

Следует заметить, что индеец-ацтек искал свою жену лично не больше, чем ирокез. У обоих это было не столько индивидуальным, сколько общественным или родовым делом, и поэтому по-прежнему оставалось исключительно под родительским контролем. В индийской жизни было очень мало социальных контактов между неженатыми лицами обоих полов; и поскольку привязанности не были заключены по контракту, ни один из этих браков не был нарушен, в которых личные желания не принимались во внимание и фактически не имели значения. Далее выясняется, что личные вещи жены хранились отдельно у ацтеков, как и у ирокезов, чтобы в случае развода, что было обычным явлением, как утверждает этот автор, она могла сохранить их в соответствии с общеиндейскими обычаями. Наконец, в то время как у ирокезов в случае развода жена забирала всех детей, муж-ацтек имел право на дочерей, а жена - на сыновей; модификация древнего обычая, которая подразумевает предшествующее время, когда у предков ацтеков существовало правление индейцев-ирокезов.

Говоря о народе Юкатана в целом, Эррера далее замечает, что “раньше они имели обыкновение вступать в брак в возрасте двадцати лет, а затем достигали двенадцати-четырнадцати и, не испытывая привязанности к своим женам, разводились по любому пустяку”.⁴⁰⁴ Майя Юкатана превосходили ацтеков в культуре и развитии; но там, где браки регулировались по принципу необходимости, а не по личному выбору, неудивительно, что отношения были нестабильными, и развод был по выбору любой из сторон. Более того, многоженство было признанным правом мужчин среди деревенских индейцев и, по-видимому, практиковалось чаще, чем среди менее развитых племен. Эти проблески институтов, как чисто индейских, так и варварских, убедительно раскрывают действительное положение аборигенов в условиях относительного прогресса. В таком личном вопросе, как брачные отношения, желания или предпочтения сторон не учитывались. Не нужно лучшего доказательства варварства этого народа.

Далее мы обратим внимание на некоторые влияния, которые привели к появлению этой семьи у пуналуан. В последнем существовало более или менее спаривание, исходя из потребностей социального государства, у каждого мужчины была главная жена среди множества жен, а у каждой женщины был главный муж среди множества мужей; так что тенденция в пуналуальской семье с самого начала была в направлении синдиазматизма.

Организация в роды была основным инструментом, позволившим достичь этого результата; но путем длительных и постепенных процессов. Во-первых. Это не сразу положило конец смешанным бракам в группе, которые, по его мнению, были установлены обычаем; но запрещение смешанных браков в роде исключало собственных братьев и сестер, а также детей собственных сестер, поскольку все они принадлежали к одному роду. Собственные братья по-прежнему могли иметь общих жен, а собственные сестры - своих мужей; следовательно, род напрямую не вмешивался в пуналуальский брак, разве что сужал его диапазон. Но это навсегда исключало из этого отношения всех потомков по женской линии

каждого предка внутри рода, что было большим нововведением по сравнению с предыдущей пуналуальской группой. Когда род разделился, запрет распространялся на его ветви в течение длительных периодов времени, как это было показано среди ирокезов. Во-вторых. Структура и принципы организации, как правило, создавали предубеждение против брака единокровных, поскольку преимущества браков между неродственными лицами постепенно обнаруживались благодаря практике заключения браков вне рода. Это, по-видимому, быстро росло, пока, наконец, не поднялось общественное мнение против этого явления, которое стало очень распространенным среди американских аборигенов, когда было обнаружено.⁴⁰⁵ Например, у ирокезов ни один из кровных родственников, перечисленных в Таблице кровного родства, не был пригоден для брака. С тех пор как возникла необходимость искать жен из других родов, их стали приобретать путем переговоров и покупки. Родовая организация, должно быть, шаг за шагом, по мере того как ее влияние становилось всеобщим, привела к нехватке жен вместо их прежнего изобилия; и, как следствие, постепенно сократила численность пуналуальской группы. Этот вывод обоснован, поскольку есть достаточные основания предполагать существование таких групп, когда формировалась туранская система кровного родства. Сейчас они исчезли, хотя система сохранилась. Эти группы, должно быть, постепенно приходили в упадок и, наконец, исчезли с общим установлением синдиазматической семьи. В-четвертых. В поисках жен они не ограничивались ни своими, ни даже дружественными племенами, а силой захватывали их у враждебных племен. Это объясняет обычай индейцев сохранять жизнь пленным женщинам, в то время как мужчины были преданы смерти. Когда жен стали приобретать путем покупки и пленения, и все больше и больше с помощью усилий и жертв, ими уже не так легко было делиться с другими. Это привело бы, по крайней мере, к отсечению той части теоретической группы, которая непосредственно не связана для пропитания; и, таким образом, еще больше сократило бы размер семьи и диапазон супружеской системы. Практически, группа с самого начала была бы склонна ограничиваться собственными братьями, у которых были общие жены, и собственными сестрами, у которых были общие мужья. Наконец. Роды создали более высокую органическую структуру общества, чем было известно ранее, с процессами развития как социальной системы, адекватными потребностям человечества, пока не возникла цивилизация. С развитием общества при родах был подготовлен путь для появления синдиазмической семьи.

Влияние новой практики, которая вовлекла в брачные отношения лиц, не связанных родственными узами, должно быть, дало обществу замечательный импульс. Это привело к созданию более сильного физически и умственно поколения. Увеличение количества разнообразных запасов привело к выигрышу, который оказал большое влияние на развитие человечества. Когда два наступающих племени с сильными умственными и физическими качествами объединяются и сливаются в один народ в результате случайностей варварской жизни, новые череп и мозг расширяются и удлиняются в соответствии с суммой возможностей обоих. Такой запас был бы улучшением по сравнению с обоими, и это превосходство проявилось бы в увеличении интеллекта и численности.

Отсюда следует, что склонность к спариванию, ныне столь сильно развитая у цивилизованных рас, оставалась неоформленной в человеческом сознании до тех пор, пока пуналуальский обычай не начал исчезать. Несомненно, имели место исключительные случаи, когда обычаи допускали эту привилегию; но она не стала всеобщей до тех пор, пока не появилась семья синдиасмиан. Следовательно, эту склонность нельзя назвать нормальной для человечества, это, скорее, рост через опыт, как и все великие страсти и силы ума.

Можно указать на другое влияние, которое замедляло рост этой семьи. Война среди варваров более разрушительна для жизни, чем среди дикарей, из-за улучшенного оружия и более сильных стимулов. Мужчины во все периоды и условия существования общества брали на себя ремесло борьбы, что имело тенденцию изменять баланс полов и оставлять женщин в избытке. Это явно привело бы к укреплению супружеской системы, созданной браками в группе. Это также замедлило бы развитие синдиазматической семьи, поддерживая низкопробные чувства по отношению к отношениям полов, характеру и достоинству женщины.

С другой стороны, улучшение условий жизни, последовавшее за выращиванием кукурузы и других растений среди американских аборигенов, должно было способствовать общему продвижению семьи. Это привело к локализации, использованию дополнительных искусств, улучшению архитектуры домов и к более разумной жизни. Трудолюбие и бережливость, хотя и ограниченные в степени, при повышенной защите жизни, должно быть, сопровождали образование семей, состоящих из отдельных пар. Чем больше этих преимуществ было реализовано, тем стабильнее становилась такая семья и тем больше возрастала ее индивидуальность. Найдя убежище в общинном домашнем хозяйстве, в котором группа таких семей пришла на смену пуналуальской группе, она теперь черпала поддержку в самой себе, в домашнем хозяйстве и в родах, к которым принадлежали соответственно мужья и жены. Значительный прогресс общества, обозначаемый переходом от дикости к более Низкому статусу варварства, повлек бы за собой соответствующее улучшение положения семьи, ход развития которой неуклонно восходил к моногамии. Если бы о существовании синдиазмической семьи было неизвестно, учитывая склонность к пуналу с одной стороны и моногамию с другой, появление такой промежуточной формы можно было бы предсказать. В человеческом опыте это продолжалось очень долго. Возникнув на границе дикости и варварства, она пересекла Середину и большую часть Более Позднего периода варварства, когда ее вытеснила низшая форма моногамии. Находясь в тени тогдашней супружеской системы, она получила признание с постепенным прогрессом общества. Эгоизм человечества, в отличие от женского, задержал внедрение строгой моногамии до того великого брожения человеческого разума, которое положило начало цивилизации.

Две формы семьи появились до синдиазматизма и создали две великие системы кровного родства, или, скорее, две различные формы одной и той же системы; но эта третья семья не создала новой системы и не изменила ощутимо старую. Некоторые брачные отношения, по-видимому, были изменены в соответствии с теми, что сложились в новой семье; но основные черты системы остались неизменными. Фактически, синдиасмианская семья в течение неизвестного периода времени оставалась окутанной системой кровного родства, ложной, в основном, по отношению к существующим отношениям, и разрушить которую она была не в силах. Это было по той достаточной причине, что оно не соответствовало моногамии, грядущей силе, способной разрушить ткань. Хотя у этой семьи нет четкой системы кровного родства, подтверждающей ее существование, подобно ее предшественникам, она сама существовала на больших территориях земли в течение исторического периода и все еще существует у многочисленных варварских племен.

Говоря таким образом положительно о нескольких формах семьи в их относительном порядке, есть опасность быть неправильно понятым. Я не имею в виду, что одна форма достигает совершенства при определенном статусе общества, процветает повсеместно и исключительно везде, где встречаются племена человечества с таким же статусом, а затем исчезает в другой, которая является следующей более высокой формой. Исключительные случаи пуналуальной семьи могли возникать у единокровных, и наоборот; исключительные

случаи синдиазма могли возникать среди пуналуальных, и наоборот; и исключительные случаи моногамии могли возникать среди синдиазмических, и наоборот. Даже исключительные случаи моногамности могли оказаться на таком же низком уровне, как у пуналуцев, а синдиазмизма - на таком же низком уровне, как у единокровных. Более того, некоторые племена достигли определенной формы раньше, чем другие, более развитые племена; например, у ирокезов была синдиазмическая семья, находясь на Более низком уровне варварства, но у бриттов, которые находились на Среднем уровне, все еще была пуналуанская. Высокоразвитая цивилизация на берегах Средиземного моря распространила в Британии искусства и изобретения, намного превосходящие по умственному развитию ее кельтских обитателей, и которые они несовершенно переняли. По-видимому, в глубине души они были дикарями, хотя и носили художественную одежду более развитых племен. То, что я пытался обосновать и для чего доказательства кажутся достаточными, состоит в том, что семья зародилась в кровном родстве, на низших ступенях дикости, и путем прогрессивного развития переросла в моногамию через две хорошо выраженные промежуточные формы. Каждая из них была частичной по своему введению, затем общей и, наконец, универсальной на больших территориях; после чего она переходила в следующую последующую форму, которая, в свою очередь, была сначала частичной, затем общей и, наконец, универсальной в тех же областях. В эволюции этих последовательных форм основным направлением прогресса был переход от кровнородственных к моногамным. При отклонениях от единообразия в прогрессе человечества через эти несколько форм обычно обнаруживается, что кровнородственные и пуналуальные семьи принадлежат к статусу дикости — первые к низшему, а вторые к высшему состоянию, — в то время как пуналуальные семьи продолжают находиться в более низком статусе варварства; что синдиазм принадлежит к Низшему и Среднему статусу варварства и продолжается до Высшего; и что моногамные семьи принадлежат к Высшему статусу варварства и продолжаются до периода цивилизации.

Нет необходимости, даже если бы позволяло место, проследивать синдиазмическую семью через варварские племена в целом по частичным описаниям путешественников и наблюдателей. Приведенные тесты могут быть применены каждым читателем к случаям, о которых он знает. Среди американских аборигенов, находящихся на более низком уровне варварства, это была преобладающая форма семьи в эпоху их открытия. Среди деревенских индейцев среднего достатка это, несомненно, была преобладающая форма, хотя информация, приводимая испанскими авторами, является расплывчатой и общей. Общинный характер их многоквартирных домов сам по себе является убедительным доказательством того, что семья не вышла из синдиазматической формы. В нем не было ни индивидуальности, ни исключительности, которые подразумевает моногамия.

Иноземные элементы, смешанные с местной культурой в некоторых частях Восточного полушария, привели к ненормальному состоянию общества, когда искусство цивилизованной жизни было приспособлено к способностям и потребностям дикарей и варваров.⁴⁰⁶ Племена, ведущие строго кочевой образ жизни, также имеют социальные особенности, вытекающие из их исключительного образа жизни, которые недостаточно изучены. Под влиянием высших рас местная культура многих племен была остановлена и настолько искажена, что изменила естественный ход их развития. В результате их институты и социальное государство претерпели изменения.

Для систематического прогресса этнологии существенно, чтобы состояние как диких, так и варварских племен изучалось в его нормальном развитии в областях, где институты народа однородны. Полинезия и Австралия, как и предполагалось в других местах, являются лучшими районами для изучения общества дикарей. Почти вся теория жизни дикарей может

быть выведена из их институтов, обычаев, изобретений и открытий. Северная и Южная Америка, когда их открыли, предоставили наилучшие возможности для изучения состояния общества на Низшем и Среднем уровнях варварства. Аборигены, одна группа по крови и происхождению, за исключением эскимосов, овладели огромным континентом, более богатым для занятий человеком, чем восточные континенты, за исключением животных, способных к одомашниванию. Это предоставляло им обширное поле для беспрепятственного развития. Они вступили в его обладание, по-видимому, в диком состоянии; но создание родовой организации дало им в руки основные зародыши прогресса, которыми обладали предки греков и римлян.⁴⁰⁷ Столь рано отрезанные и потерявшие всякую дальнейшую связь с центральным потоком человеческого прогресса, они начали свой путь на новом континенте со скромными умственными и моральными способностями дикарей. Независимая эволюция основных идей, которые они принесли с собой, началась в условиях, гарантирующих карьеру, не затронутую иностранным влиянием. Это справедливо и в отношении роста идеи правительства, семьи, домашней жизни, собственности и искусства добывания средств к существованию. Их институты, изобретения и открытия, начиная с дикости, через Низший и заканчивая Средним уровнем варварства, однородны и все еще обнаруживают непрерывность развития одних и тех же исходных концепций.

Ни в какой части земли в наше время нельзя было найти более совершенного примера Низкого статуса варварства, чем ирокезы и другие племена Соединенных Штатов к востоку от Миссисипи. Благодаря их искусству, коренному и несмешанному, и их институтам, чистым и однородным, культура этого периода, во всем ее разнообразии, элементах и возможностях, проиллюстрирована ими наиболее полным образом. Прежде чем позволить фактам исчезнуть, необходимо составить систематическое изложение этих нескольких тем.

В еще большей степени все это было верно по отношению к Среднему уровню варварства, примером чего являются деревенские индейцы Нью-Мексико, Мексики, Центральной Америки, Гранады, Эквадора и Перу. Ни в одной части земли нельзя было найти такого проявления общества в таком Статусе в шестнадцатом веке, с его передовыми искусствами и изобретениями, улучшенной архитектурой, зарождающимися мануфактурами и зарождающимися науками. Американские ученые плохо представляют себе работу, проделанную в этой плодотворной области. На самом деле это было утраченное состояние древнего общества, которое внезапно открылось европейским наблюдателям с открытием Америки; но они не смогли понять его значения или установить его структуру.

Есть еще одно важное состояние общества, состояние Высшего уровня варварства, которое в настоящее время не представлено существующими нациями; но его можно найти в истории и традициях греческих и римских, а позже и германских племен. Это должно быть выведено, в основном, из их институтов, изобретений и открытий, хотя существует большое количество информации, иллюстрирующей культуру этого периода, особенно в поэмах Гомера.

Когда эти несколько состояний общества будут изучены в областях их наивысшего проявления и будут досконально поняты, ход человеческого развития от дикости через варварство к цивилизации станет понятным как связное целое. Будет также обнаружено, что ход человеческого опыта, как и предполагалось ранее, протекал почти по одинаковым каналам.

Патриархальная семья семитских племен требует лишь краткого упоминания по причинам, указанным в другом месте; и оно будет ограничено немногим большим, чем определение.

Это относится к более позднему периоду варварства и сохранялось некоторое время после зарождения цивилизации. Вожди, по крайней мере, жили в многоженстве; но это не было материальным принципом патриархального института. Организация ряда лиц, рабов и свободных, в семью, находящуюся под властью отца, с целью владения землями и ухода за стадами была существенной характеристикой этой семьи. Находящиеся в рабстве и нанятые в качестве слуг жили в брачных отношениях и с патриархом в качестве главы образовывали патриархальную семью. Материальным фактом была власть над ее членами и над ее имуществом. Именно включение чисел в рабские и зависимые отношения, неизвестные до того времени, а не полигамия, придали патриархальной семье атрибуты первоначального института. В великом движении семитского общества, которое породило эту семью, искомой целью была отцовская власть над группой, а вместе с ней и более высокая индивидуальность людей.

Точно по тому же мотиву возникла римская семья под властью отца (*patria potestas*); с властью отца над жизнью и смертью своих детей и потомков, а также над рабами и прислугой, которые составляли ее ядро и давали ей название; и с абсолютным владением всей созданной ими собственностью. Без полигамии отец семейства был патриархом, и семья при нем была патриархальной. В меньшей степени древняя семья греческих племен обладала теми же характеристиками. Это знаменует ту особую эпоху в человеческом прогрессе, когда индивидуальность человека начала подниматься над родом, в который она ранее была влита, стремясь к независимой жизни и более широкому полю индивидуальной деятельности. Его общее влияние имело мощную тенденцию к созданию моногамной семьи, что было необходимо для реализации поставленных целей. Эти поразительные черты патриархальных семей, столь непохожие ни на одну известную ранее форму, придали ей главенствующее положение; но еврейская и римская формы были исключительными в человеческом опыте. В кровнородственных и пуналуальных семьях отцовская власть была невозможна, а также неизвестна; при синдиазме она начала проявляться как слабое влияние; но ее рост неуклонно продвигался по мере того, как семья становилась все более индивидуализированной и полностью утвердилась при моногамии, которая гарантировала отцовство детей. В патриархальной семье римского типа отцовская власть переходила за пределы разумного в чрезмерное господство.

Еврейская патриархальная семья не создала никакой новой системы кровного родства. Туранская система гармонировала бы с частью ее взаимоотношений; но поскольку эта форма семьи вскоре распалась, и моногамия стала повсеместной, за ней последовала семитская система кровного родства, подобно тому как греческая и римская система была арийской. Каждая из трех великих систем — малайская, туранская и арийская — указывает на завершенное органическое движение общества, и каждая с безошибочной уверенностью подтверждает наличие той формы семьи, взаимоотношения которой она фиксирует.

ГЛАВА V

Моногамная семья

Происхождение общества настолько часто восходит к моногамной семье, что сравнительно современная дата, которая теперь присваивается этой семье, носит вид новизны. Тем писателям, которые философски исследовали происхождение общества, было трудно представить его существование отдельно от семьи как его ячейки или саму семью как нечто

иное, чем моногамия. Они также сочли необходимым рассматривать супружескую пару как ядро группы людей, часть из которых были рабами, и все они находились под властью; таким образом, придя к выводу, что общество зародилось в патриархальной семье, когда оно впервые стало организованным. Такова, по сути, была самая древняя форма института, известная нам среди латинских, греческих и еврейских племен. Таким образом, благодаря отношениям патриархальная семья превратилась в типичную семью первобытного общества, зачатую либо в латинской, либо в древнееврейской форме, где отцовская власть была сущностью организма.

Род, каким он появился в более поздний период варварства, был хорошо изучен, но ошибочно предполагалось, что он следует по времени за моногамной семьей. Необходимость некоторого знания институтов варварских и даже диких племен становится все более очевидной как средство объяснения наших собственных институтов. Исходя из предположения, что моногамная семья была организационной единицей в социальной системе, род рассматривался как совокупность семей, племя - как совокупность родов, а нация - как совокупность племен. Ошибка заключается в первом предложении. Было показано, что род целиком входил во фратрию, фратрия - в племя, а племя - в нацию; но семья не могла полностью войти в род, потому что муж и жена обязательно принадлежали к разным родам. Жена, вплоть до последнего периода, причисляла себя к роду своего отца и носила у римлян имя его рода. Поскольку все части должны входить в целое, семья не могла стать ячейкой родовой организации. Это место занимал род. Более того, патриархальная семья, будь то римского или древнееврейского типа, была совершенно неизвестна на протяжении всего периода дикости, на протяжении Более Древнего и, вероятно, на протяжении всего Среднего и гораздо более Позднего периода варварства. После появления рода проходили века за веками и даже период за периодом, прежде чем возникла моногамная семья. Только после зарождения цивилизации он утвердился на постоянной основе.

Его современное появление среди латинских племен можно вывести из значения слова *family*, производного от *familia*, которое содержит тот же элемент, что и *famulus*, = слуга, предположительно происходящий от осканского *famel*, = *servus*, раб.⁴⁰⁸ В своем первоначальном значении слово *family* имело отношение не к супружеской паре или их детям, а к группе рабов и прислуги, которые трудились на ее содержание и находились под властью *pater familias*. *Familia* в некоторых завещательных распоряжениях используется как эквивалент *patrimonium*, наследства, переходящего к наследнику.⁴⁰⁹ Оно было введено в латинском обществе для определения нового организма, во главе которого стояли жена и дети, и группы подневольных лиц, находящихся под властью отца. Моммзен использует фразу "группа слуг" как латинское обозначение *familia*.⁴¹⁰ Следовательно, этот термин и идея, которую он представляет, не старше, чем железная семейная система латинских племен, которая возникла после полевого земледелия и после узаконенного рабства, а также после разделения греков и латинян. Если этому предшествующему семейству и было дано какое-либо название, то в настоящее время это не установлено.

В двух формах семьи, кровной и пуналуальной, отцовская власть была невозможна. Когда род возник посреди пуналуальной группы, он навсегда объединил нескольких сестер с их детьми и потомками по женской линии в род, который стал организационной единицей в созданной им социальной системе. Из такого положения вещей постепенно развилась синдиазматическая семья, а вместе с ней и зародыш отцовской власти. Рост этой власти, поначалу слабый и неустойчивый, затем начался, и он неуклонно возрастал по мере того, как новая семья все больше и больше приобретала моногамные черты по мере восходящего

прогресса общества. Когда собственность начала создаваться массово, и желание передать ее детям изменило происхождение по женской линии на мужское, впервые была заложена реальная основа для отцовской власти. Среди еврейских и латинских племен, когда они были впервые известны, патриархальная семья еврейского типа существовала у первых, а римского типа - у вторых; основанная в обоих случаях на ограниченном или абсолютном рабстве ряда лиц со своими семьями, все из которых, вместе с женами и детьми патриарха в одном случае и *pater familias* в другом, находились под властью отца. Это был исключительный случай, а в римской семье - чрезмерное развитие отцовской власти, которая, будучи далеко не всеобщей, ограничивалась в основном названными людьми. Гай заявляет, что власть римского отца над своими детьми была присуща только римлянам и что в целом ни один другой народ не обладал такой властью.⁴¹¹

Будет достаточно привести несколько иллюстраций ранней моногамной семьи из произведений классических авторов, чтобы составить представление о ее характере. Моногамия появляется в определенной форме в более Поздний период варварства. Задолго до этого времени некоторые из его характеристик, несомненно, были присущи предыдущей синдиазматической семье; но существенный элемент первой, исключительное совместное проживание, нельзя было утверждать о последней.

Одна из самых ранних и интересных иллюстраций была найдена в семье древних германцев. Их институты были однородными и коренными; и люди продвигались к цивилизации. Тацит в нескольких строках излагает их обычаи в отношении брака, не называя состава семьи и не определяя ее атрибутов. Заявив, что браки у них были строгими, и назвав это похвальным, он далее замечает, что почти одни среди варваров они довольствовались единственной женой — за исключением очень немногих, которые вступали во множественный брак не из страсти, а из-за своего положения. Что жена принесла приданое не своему мужу, а муж своей жене... коня в попоне и щит с копьем и мечом. Что благодаря этим подаркам жена была обручена.⁴¹² Подарки, носящие характер покупных подарков, которые, вероятно, раньше доставались родственникам невесты-язычникам, теперь были преподнесены невесте.

В другом месте он упоминает два существенных факта, в которых обнаруживается сущность моногамии:⁴¹³ во-первых, каждый мужчина был доволен единственной женой (*singulis uxoris contenti sunt*); и, во-вторых, женщины жили, окруженные забором, в целомудрии (*septæ pudicitia agunt*). Из того, что известно о состоянии семьи в различные этнические периоды, представляется вероятным, что эта семья древних германцев была слишком слабой организацией, чтобы в одиночку справляться с жизненными невзгодами; и, как следствие, она укрывалась в общественном хозяйстве, состоящем из родственных семей. Когда рабство станет институтом, эти домохозяйства постепенно исчезнут. Немецкое общество в то время было недостаточно развито для появления высокого типа моногамной семьи.

По сравнению с гомеровскими греками семья, хотя и была моногамной, имела низкий тип. Мужья требовали от своих жен целомудрия, которое они стремились обеспечить с помощью некоторой степени уединения; но они не признавали взаимных обязательств, только с помощью которых это могло быть обеспечено надолго. В гомеровских поэмах содержится множество свидетельств того, что у женщины было мало прав, которые мужчины обязаны были уважать. Те пленницы, которых греческие вожди заманивали на свои корабли по пути в Трою, отдавались своим страстям без угрызений совести и без ограничений. Независимо от того, были ли события, описанные в стихотворениях, реальными или вымышленными, их следует воспринимать как достоверную картину того времени. Хотя люди были пленницами, это отражает низкую оценку, которую давали женщине. Ее достоинство не было признано, а

ее личные права были ненадежны. Чтобы смягчить негодование Ахилла, Агамемнон предложил на совете греческих вождей отдать ему, среди прочего, семь женщин-лесбиянок, отличающихся личной красотой, оставленных для него из добычи этого города, и саму Брисеиду, чтобы она вошла в их число; а в случае взятия Трои, дальнейшее право выбрать двадцать троянских женщин, самых красивых из всех, после Елены Аргивянки.⁴¹⁴ “Красота и добыча” были лозунгами Героической эпохи, которые без зазрения совести признавались. Обращение с их пленницами отражает культуру того периода по отношению к женщинам в целом. Люди, не считающиеся с родительскими, супружескими или личными правами своих врагов, не смогли бы достичь каких-либо собственных высоких представлений.

Описывая палаточную жизнь незамужнего Ахилла и его друга Патрокла, Гомер считал уместным показать характер и достоинство Ахилла как вождя, что он спал в нише своего хорошо построенного шатра, а рядом с ним лежала женщина-Дионида со светлыми щеками, которую он привез с Лесбоса. И этот Патрокл возлежал с другой стороны, а рядом с ним также лежала Ифис со светлой талией, которую благородный Ахилл подарил ему, взяв в плен при Скиросе.⁴¹⁵ Такие обычаи как неженатых, так и женатых мужчин, одобрительно упоминаемые великим поэтом того времени и поддерживаемые общественным настроением, как правило, показывают, что какая бы моногамия ни существовала, она была результатом насильственного принуждения жен, в то время как их мужья в подавляющем числе случаев не были моногамистами. Такая семья обладает как синдиазмическими, так и моногамными характеристиками.

Предполагается, что положение женщины в Героическую эпоху было более благоприятным, а ее положение в домашнем хозяйстве более почетным, чем это было в начале цивилизации и даже впоследствии, при ее наивысшем развитии. Возможно, это было правдой в гораздо более ранний период, до того, как происхождение было изменено на мужскую линию, но, по-видимому, в названное время для этой гипотезы мало места. Произошли большие перемены к лучшему в том, что касалось средств и образа жизни, но это сделало более заметной реальную оценку, которую ей придавали в более Поздний период варварства.

В другом месте обращалось внимание на тот факт, что, когда происхождение было изменено с женской линии на мужскую, это пагубно сказалось на положении и правах жены и матери. Ее дети были переданы из ее собственного рода в род ее мужа, и она утратила свои агнатические права в результате замужества, не получив эквивалента. До перемены члены ее собственного рода, по всей вероятности, преобладали в домашнем хозяйстве, что придавало полную силу материнским узам и делало женщину центром семьи в гораздо большей степени, чем мужчину. После произошедшей перемены она осталась одна в доме своего мужа, изолированная от своих сородичей-язычников. Должно быть, это ослабило влияние материнской связи и оказало мощное воздействие, понизившее ее положение и остановившее ее продвижение по социальной лестнице. Среди зажиточных классов ее состояние вынужденного затворничества вкупе с общепризнанной главной целью брака - зачатием детей в законном браке - приводят к выводу, что в Героическую эпоху ее положение было менее благоприятным, чем в последующий период, о котором мы гораздо лучше осведомлены.

От начала и до конца у греков среди мужчин действовал принцип эгоизма, или нарочитого эгоизма, стремящегося уменьшить уважение к женщине, что едва ли встречается у дикарей. Это проявляется в их плане семейной жизни, согласно которому высшие чины изолировали жену, чтобы обеспечить исключительное совместное проживание, не признавая взаимных обязательств со стороны ее мужа. Это подразумевает существование предшествующей супружеской системы туранского типа, от которой она была призвана защищаться. Вековые

обычаи так сильно запечатали в умах греческих женщин чувство своей неполноценности, что они не оправились от этого до последнего периода греческого господства. Возможно, это была одна из жертв, потребовавшихся от женщин, чтобы вывести эту часть человеческой расы из синдиазматической семьи в моногамную. До сих пор остается загадкой, что раса, обладавшая достаточно большими способностями, чтобы произвести впечатление на мир своей ментальной жизнью, оставалась по сути варварской в своем обращении с женским полом на пике своей цивилизации. С женщинами не обращались ни жестоко, ни невежливо в пределах дозволенных им привилегий; но их образование было поверхностным, им было отказано в общении с противоположным полом, и их неполноценность прививалась как принцип, пока это не стало приниматься как факт самими женщинами. Жена не была компаньонкой и равной своему мужу, но относилась к нему как дочь; таким образом, отрицался фундаментальный принцип моногамии, как следует понимать этот институт в его высшей форме. Жена обязательно равна своему мужу в достоинстве, личных правах и общественном положении. Таким образом, мы можем узнать, какой ценой опыта и выдержки был завоеван этот великий институт современного общества.

Наша информация довольно обширна и конкретна относительно положения греческих женщин и греческой семьи в тот исторический период. Беккер с помощью великолепных исследований, которыми отличаются его работы, собрал основные факты и представил их с ясностью и силой.⁴¹⁶ Его высказываний, хотя они и не дают полной картины семьи того исторического периода, вполне достаточно, чтобы указать на огромную разницу между греческой и современной цивилизованной семьей, а также показать состояние моногамной семьи на ранних стадиях ее развития.

Среди фактов, изложенных Беккером, есть два, заслуживающих дальнейшего внимания: во-первых, заявление о том, что главной целью брака было рождение детей в законном браке; и, во-вторых, уединение женщин для обеспечения этого результата. Эти двое тесно связаны и проливают некоторый отраженный свет на прежнее состояние, из которого они вышли. Во-первых, страсть любви была неизвестна варварам. Они ниже сантиментов, которые являются порождением цивилизации и добавленной утонченности. Греки в целом, как показывают их брачные обычаи, не достигли познания этой страсти, хотя, конечно, были многочисленные исключения. Физическая ценность, по мнению греков, была мерой всех совершенств, на которые был способен женский пол. Следовательно, брак основывался не на чувствах, а на необходимости и долге. Именно эти соображения руководили ирокезами и ацтеками; на самом деле они возникли в варварстве и свидетельствуют о предшествующем варварском состоянии предков греческих племен. Кажется странным, что их было достаточно, чтобы соответствовать греческому идеалу семейных отношений в разгар греческой цивилизации. Рост собственности и желание передать ее детям были, в действительности, движущей силой, которая привела к появлению моногамии для обеспечения законных наследников и ограничения их числа фактическим потомством супружеской пары. Знание об отцовстве детей начало реализовываться в синдиазмической семье, от которой, очевидно, произошла греческая форма, но оно не достигло необходимой степени достоверности из-за того, что сохранилась некоторая часть древнего *jura coughialia*. Это объясняет новый обычай, появившийся в Высших слоях варварства, а именно уединение жен. Вывод на этот счет напрашивается из того обстоятельства, что в то время должна была существовать необходимость уединения жены, и которая, по-видимому, была настолько серьезной, что план домашней жизни цивилизованных греков на самом деле представлял собой систему заключения и усмирения женщин. Хотя приведенные подробности в большей степени относятся к семье среди зажиточных классов, дух, который она демонстрирует, несомненно, был общим.

По сравнению с римской семьей положение женщины более благоприятное, но ее подчинение такое же.

В Риме к ней относились с уважением, как и в Афинах, но в римской семье ее влияние и авторитет были больше. Как *mater familias*, она была хозяйкой семьи. Она свободно ходила по улицам, не испытывая никаких ограничений со стороны своего мужа, и часто посещала вместе с мужчинами театры и праздничные банкеты. В доме она не была заперта в определенных апартаментах и не исключалась из-за стола мужчин. Отсутствие худших ограничений, налагаемых на греческих женщин, способствовало росту чувства личного достоинства и независимости у римских женщин. Плутарх отмечает, что после заключения мира с сабинянами, достигнутого благодаря вмешательству сабинянок, им были предоставлены многие почетные привилегии; мужчины должны были уступать им дорогу, когда они встречались на улице; они не должны были произносить вульгарных слов в присутствии женщин и не появляться перед ними обнаженными.⁴¹⁷ Брак, однако, отдавал жену во власть ее мужа (*in manum viri*); представление о том, что она должна оставаться под властью, вытекало, по очевидной необходимости, из ее освобождения браком от отцовской власти. Муж относился к своей жене как к дочери, а не как к равной. Более того, он обладал властью исправлять, а также распоряжаться жизнью и смертью в случае прелюбодеяния; но осуществление этой последней власти, по-видимому, зависело от согласия совета ее рода.

В отличие от других народов, римляне придерживались трех форм брака. Все одинаково отдавали жену в руки ее мужа и признавали главной целью брака рождение детей в законном браке (*liberorum querendorum causa*).⁴¹⁸ Эти формы (*confarreatio*, *coemptio* и *usus*) сохранялись на протяжении всей Республики, но пришли в упадок при Империи, когда была широко принята четвертая форма, свободный брак, поскольку она не ставила жену во власть своего мужа. Развод, начиная с самого раннего периода, был по выбору сторон, что является характерной чертой синдиазмической семьи и передается, вероятно, из этого источника. Однако они редко происходили незадолго до упадка Республики.⁴¹⁹

Распушенность, царившая в греческих и римских городах на пике цивилизации, обычно рассматривалась как отклонение от более высокого и чистого состояния добродетели и морали. Но этот факт поддается иному или, по крайней мере, модифицированному объяснению. Они никогда не достигали чистой морали в общении полов, от которой можно было бы отказаться. Подавленная или умеренная в разгар войны и раздоров, ставящих под угрозу национальное существование, вседозволенность возродилась с миром и процветанием, потому что моральные элементы общества не восстали против нее с целью ее искоренения. Эта распушенность была, по всей вероятности, остатками древней супружеской системы, никогда полностью не искоренявшейся, которая пришла из варварства как социальная зараза и теперь выражала свои излишества в новом русле гетеризма. Если бы греки и римляне научились уважать принципы моногамии, вместо того, чтобы изолировать своих жен в гинеконите в одном случае и держать их под властью в другом, есть основания полагать, что общество у них представляло бы совсем другой аспект. Поскольку ни тот, ни другой не развили в себе какой-либо более высокой морали, у них было мало поводов скорбеть по поводу упадка общественной морали. Суть объяснения заключается в том факте, что ни один из них не признавал в своей целостности принцип моногамии, который единственный был способен поставить их соответствующие общества на моральную основу. Преждевременное разрушение этнической жизни этих замечательных рас в немалой степени связано с их неспособностью развивать и использовать умственные, моральные и консервативные силы женского интеллекта, которые были не менее важны, чем их собственные соответствующие силы для их прогресса и

сохранения. После долгого пребывания в варварстве, в ходе которого они завоевали оставшиеся элементы цивилизации, они погибли политически, в конце своей короткой карьеры, по-видимому, от восторга от новой жизни, которую они создали.

У евреев, в то время как патриархальная семья в ранний период была обычным явлением у вождей, моногамия, в которой патриархальность вскоре исчезла, была распространена среди народа. Но что касается конституции последнего и отношений мужа и жены в семье, подробности скудны.

Не стремясь приводить множество примеров, ясно, что моногамная семья выросла в том виде, в каком она появилась в начале исторического периода, из низшего типа; и что в классический период она заметно продвинулась вперед, хотя и не достигла своей высшей формы. Она, очевидно, произошла от предыдущей синдиазматической семьи как ее непосредственный зародыш; и, совершенствуясь по мере прогресса человечества, она не дотянула до своего истинного идеала в классический период. Его наивысшее известное совершенство, по крайней мере, не было достигнуто до нашего времени. Изображение общества на высшей ступени варварства ранними авторами подразумевает общую практику моногамии, но с сопутствующими обстоятельствами, указывающими на то, что это была моногамная семья будущего, борющаяся за существование под неблагоприятными влияниями, слабая в жизнеспособности, правах и иммунитетах и все еще окруженная остатками древней супружеской системы.

Как малайская система выражала отношения, существовавшие в кровнородственной семье, и как туранская система выражала те, которые существовали в пуналуйской, так и арийская выражала те, которые существовали в моногамной; каждая семья опиралась на иную и отчетливую форму брака.

При нынешнем состоянии наших знаний невозможно абсолютно доказать, что арийские, семитские и уральские семьи человечества ранее обладали туранской системой кровного родства и что при моногамии она пришла в упадок. Таково, однако, было бы предположение из совокупности установленных фактов. Все свидетельства указывают в этом направлении настолько решительно, что исключают любую другую гипотезу. Во-первых. Организация в роды имела естественное происхождение в семье пуналуан, где группа сестер, вышедших замуж за мужей друг друга, обеспечивала своим детям и потомкам по женской линии точные границы, а также структуру рода в его архаичной форме. Основные ветви арийской семьи были организованы в роды, когда они впервые были известны исторически, что подтверждает вывод о том, что, будучи одним неразделенным народом, они были организованы таким образом. Из этого факта возникает дальнейшее предположение, что они унаследовали организацию от далеких предков, живших в тех же самых пуналуальских условиях, которые породили это замечательное и широко распространенное учреждение. Кроме того, туранская система кровного родства все еще встречается у американских аборигенов в ее архаичной форме, связанной с родом. Эта естественная связь оставалась бы нерушимой до тех пор, пока не произошло бы изменение социальных условий, такое, какое произвела бы моногамия, обладающая властью для ее свержения. Во-вторых. В арийской системе кровного родства есть некоторые свидетельства, указывающие на тот же вывод. Вполне можно предположить, что значительная часть номенклатуры туранской системы отпала бы при моногамии, если бы эта система ранее преобладала среди арийских народов. Применение его условий к категориям лиц, чьи отношения теперь будут дискриминироваться друг от друга, вынудило бы отказаться от них. Невозможно объяснить бедственное состояние первоначальной номенклатуры арийской системы иначе, как исходя из этой гипотезы. Все, что было общего для нескольких арийских диалектов, - это термины,

обозначающие отца и мать, брата и сестру, сына и дочь; и общий термин (сан., *naptar*; лат., *peros*; гр., *anepsios*), применяемый без разбора к племяннику, внуку и двоюродному брату. Они никогда не смогли бы достичь продвинутого состояния, подразумеваемого моногамией, при такой скудной номенклатуре кровных родственных связей. Но при предыдущей системе, аналогичной туранской, это обнищание можно объяснить. Термины для обозначения брата и сестры теперь были абстрактными и новыми творениями, потому что эти отношения в рамках туранской системы повсеместно понимались как старший и младший; и несколько терминов применялись к категориям лиц, включая лиц, не являющихся собственными братьями и сестрами. В арийской системе это различие отброшено в сторону, и впервые эти отношения были задуманы абстрактно. При моногамии старые термины были неприменимы, потому что они применялись к обеспеченным семьям. Остатки предшествующей туранской системы, однако, все еще присутствуют в системе уральской семьи, как и у венгров, где братья и сестры подразделяются на старших и младших с помощью специальных терминов. Во французском языке, кроме *frère* и *sœur*, мы находим *ainé*, старшего брата, *pune* и *cadet*, младшего брата, и *ainé* и *cadette*, старшую и младшую сестру. Точно так же и в санскрите мы находим *аграджар*, и *амуджар*, и *аграджри*, и *амуджри* для обозначения тех же отношений; но взяты ли последние из санскритских или аборигенных источников, я не могу сказать. В арийских диалектах термины, обозначающие брата и сестру, представляют собой те же самые слова, диалектически измененные: греческий заменил *adelphos* на *phrater*. Если бы в этих диалектах когда-то существовали общие термины для обозначения старшего и младшего брата и сестры, их предыдущее применение к категориям лиц сделало бы их неприменимыми в качестве исключительного различия к собственным братьям и сестрам. Выпадение из арийской системы этой поразительной и красивой черты туранского языка требует сильного мотива для ее возникновения, который можно было бы объяснить предыдущим существованием и отказом от туранской системы. Было бы трудно найти кого-либо другого. Нельзя предположить, что у арийских народов в первоначальном наречии не было термина для обозначения дедушки - родства, признанного повсеместно среди диких племен; и все же в арийских диалектах нет общего термина для обозначения этого родства. На санскрите у нас есть *пита́меха*, по-гречески *паппос*, по-латыни *авус*, по-русски *дждед*, по-валлийски *гендад*, что в последнем случае является соединением, подобным немецкому *гроссвадеру* и английскому *дедушке*. Эти термины радикально отличаются. Но с термином в рамках предыдущей системы, который применялся не только к собственно дедушке, его братьям и нескольким двоюродным братьям мужского пола, но также к братьям и нескольким двоюродным братьям мужского пола его бабушки, его нельзя было использовать для обозначения прямого дедушки и прародителя при моногамии. Со временем от него могли отказаться. Отсутствие термина для обозначения этого отношения в речи оригинала, по-видимому, находит таким образом достаточное объяснение. Наконец. Абстрактного термина для обозначения дяди и тети не существует, и в арийских диалектах нет никаких специальных терминов для обозначения дяди и тети со стороны отца и со стороны матери. Мы находим *pitroya*, *patros* и *patruus* для обозначения дяди по отцовской линии в санскрите, греческом и латыни; *stryc* в славянском означает то же самое, и распространенные термины *еат*, *оом* и *охайм* в англосаксонском, бельгийском и немецком языках, и ни одного в кельтском. Столь же непостижимо, что в первоначальном арийском наречии не существовало термина, обозначающего дядю по материнской линии, родство, столь заметное благодаря роду среди варварских племен. Если их предыдущая система была туранской, то обязательно существовал термин для обозначения этого дяди, но только для собственных братьев матери и нескольких ее двоюродных братьев мужского пола. Его применение к такому числу лиц определенной категории, многие из которых не могли бы

быть дядьями при моногамии, по указанным причинам привело бы к отказу от него. Очевидно, что какая-то предшествующая система должна была уступить место арийской.

Предполагая, что народы арийской, семитской и уральской семей ранее обладали туранской системой кровного родства, переход от нее к описательной системе был простым и естественным после того, как старая система, основанная на моногамии, перестала соответствовать происхождению в том виде, в каком они существовали тогда. Все отношения в рамках моногамии специфичны. Новая система, сформированная при таких обстоятельствах, будет описывать лиц с помощью основных терминов или их комбинации: как сын брата для племянника, брат отца для дяди и сын брата отца для двоюродного брата. Таков был оригинал нынешней системы арийских, семитских и уральских семей. Обобщения, которые они сейчас содержат, были введены позже. Все племена, обладающие туранской системой, описывают своих сородичей одной и той же формулой, когда их спрашивают, каким образом один человек состоял в родстве с другим. Описательная система, в точности подобная арийской, всегда существовала как у туранцев, так и у малайцев, но не как система кровного родства, поскольку у них была постоянная система, а как средство прослеживания взаимоотношений. Из бедственного положения их номенклатур ясно, что арийские, семитские и уральские народы, должно быть, отвергли предшествующую систему кровного родства того или иного рода. Следовательно, разумен вывод, что, когда моногамная семья стала общепринятой, эти народы вернулись к старой описательной форме, всегда использовавшейся в туранской системе, и позволили предыдущей вымереть как бесполезной и не соответствующей происхождению. Это был бы естественный и очевидный способ перехода от туранской системы к арийской; и это удовлетворительным образом объясняет происхождение, а также особый характер последней.

Чтобы завершить изложение моногамной семьи в ее связи с арийской системой кровного родства, необходимо представить эту систему несколько подробнее, как это было сделано в двух предыдущих случаях.

Сравнение его форм в нескольких арийских диалектах показывает, что первоначальная нынешняя система была чисто описательной.⁴²⁰ эрсе, который является типичной арийской формой, и эстонский, который является типичным уральским, все еще являются описательными. В дальнейшем единственными терминами, обозначающими кровное родство, являются первичные, а именно термины для обозначения отца и матери, брата и сестры, сына и дочери. Все остальные родственники описываются с помощью этих терминов, но начинаются в обратном порядке: таким образом, брат, сын брата и сын сына брата. Арийская система демонстрирует фактические отношения при моногамии и предполагает, что отцовство детей известно.

С течением времени метод описания, существенно отличный от кельтского, был привит к новой системе, но без изменения ее радикальных черт. Он был введен римскими гражданскими лицами для совершенствования структуры кодекса происхождения, необходимости которого мы обязаны его существованием. Их усовершенствованный метод был перенят несколькими арийскими народами, на которые распространялось римское влияние. Славянская система имеет некоторые совершенно особые черты и, очевидно, туранского происхождения.⁴²¹ Чтобы получить историческое представление о нашей нынешней системе, необходимо обратиться к римской, усовершенствованной гражданскими.⁴²² Дополнения были незначительными, но они изменили метод описания сородичей. Они состояли главным образом, как указывалось в другом месте, в различении отношений дяди и тети по отцовской линии от отношений по материнской, с изобретением

терминов для конкретного выражения этих отношений; и в создании термина для обозначения дедушки, который будет использоваться как коррелятив *peros*. С помощью этих терминов и первичного, в сочетании с подходящими дополнениями, они получили возможность систематизировать родственные связи по прямой линии и по первым пяти побочным линиям, которые включали тело родственника каждого индивидуума. Римская система кровного родства при моногамии - самая совершенная и научная система, которая когда-либо существовала; и она стала более привлекательной благодаря изобретению необычного количества терминов для выражения брачных отношений. Из него мы можем узнать нашу собственную систему, которая переняла его усовершенствования, лучше, чем из англосаксонской или кельтской. В таблице, приведенной в конце этой главы, латинская и арабская формы расположены рядом как представители соответственно арийской и семитской систем. Арабский, по-видимому, прошел через процессы, аналогичные римскому, и с аналогичными результатами. Будет объяснен только римский.

От Эго до тритавуса, по прямой линии, шесть поколений восходящих предков, и от того же самого до тринепоса столько же потомков, при описании которых используются только четыре радикальных термина. Если бы было желательно подняться выше шестого предка, тритавус стал бы новой отправной точкой описания; таким образом, тритави патер, отец тритавуса, и так далее до тритави тритавуса, который является двенадцатым предком Эго по прямой правой линии, мужского пола. В нашей грубой терминологии фраза "дедушкин прадед" должна повторяться шесть раз, чтобы выразить одно и то же родство или, скорее, описать одного и того же человека. Подобным образом тринепотис тринепос ведет нас к двенадцатому потомку Эго по правой мужской линии.

Первая побочная линия, мужская, которая начинается с *brother, frater*, выглядит следующим образом: *Fratris filius*, сын брата, *fratris nepos*, внук брата, *fratris pronepos*, правнук брата, и далее до *fratris trinepos*, правнука правнука брата Эго. Если бы было необходимо распространить описание на двенадцатого потомка, *fratris trinepos* стал бы второй отправной точкой, из которой мы получили бы *fratris trinepotis trinepos* в качестве конца серии. С помощью этого простого метода *frater* становится корнем происхождения в этой линии, и каждый человек, принадлежащий к ней, относится к нему в силу этого термина в описании; и мы сразу знаем, что каждый описанный таким образом человек принадлежит к первой побочной линии мужского пола. Поэтому она конкретна и полна. Аналогичным образом, та же линия, женская, начинается с сестры *soror*, дающей для сериала *sororis filium*, дочь сестры, *sororis nepotis*, внуку сестры, *sororis pronepotis*, правнучку сестры, и далее *sororis trinepotis*, ее шестого потомка, и *sororis trinepotis trinepotis*, ее двенадцатого потомка. Хотя две ветви первой побочной линии берут начало, строго говоря, от отца, *pater*, общих уз связи между ними, тем не менее, благодаря тому, что в описании брат и сестра являются корнем происхождения, не только линия, но и две ее ветви сохраняются различными, и отношение каждого человека к Эго становится специализированным. Это одно из главных преимуществ системы, поскольку она применяется во всех направлениях как чисто научный метод различения и описания сородичей.

Вторая побочная линия, мужская, со стороны отца, начинается с брата отца, патрууса, и состоит из него и его потомков. Термины, используемые для его описания, со всей точностью указывают на его надлежащее положение в линии, и конкретно указывается его родство; таким образом, патруй филиус, сын дяди по отцовской линии, патруй непосс, внук и патруй pronepos, правнук дяди по отцовской линии, и далее до патруятринепоса, шестого потомка патрууса. Если бы возникла необходимость продлить эту линию до двенадцатого поколения, мы получили бы, после прохождения промежуточных степеней, патруи тринепотиса

тринепоса, который является правнуком правнука патруи тринепоса, правнука правнука патрууса. Следует отметить, что термин, обозначающий двоюродного брата, отвергается в формальном методе, используемом в Пандектах. Он описывается как *patrui filius*, но его также называли братом-патроном, *frater patruelis*, а среди людей в целом обычным термином *consobrinus*, от которого произошел наш термин "кузен".⁴²³ Вторая побочная линия, женская, со стороны отца, начинается с сестры отца, амиты, тети по отцовской линии; и ее потомки описываются в соответствии с тем же общим планом; таким образом, амита филия, дочь тети по отцовской линии, амита нептис, внучка тети по отцовской линии, и далее по *amitae trineptis*, и к *amitae trineptis trineptis*. В этой ветви линии специальный термин для обозначения этой двоюродной сестры, амитина, также выделен для описательной фразы *amitae filia*.

Аналогичным образом третья побочная линия, мужская, со стороны отца начинается с брата дедушки, которого называют *patruus magnus*, или двоюродный дед по отцовской линии. На этом этапе номенклатуры специальные термины не используются, и используются соединения, хотя сама взаимосвязь находится в конкретном виде. Очевидно, что эта взаимосвязь не различалась до сравнительно современного периода. Ни в одном существующем языке, насколько было расширено исследование, нет оригинального термина для обозначения этой взаимосвязи, хотя без него эта линия не может быть описана иначе, как кельтским методом. Если бы его называли просто братом дедушки, фраза описывала бы человека, оставляя родство подразумеваемым; но если его величают двоюродным дедушкой, это выражает родство конкретно. Когда первый человек в этой ветви линии определен таким образом, все его потомки относятся к нему по форме описания как к корню происхождения; и линия, сторона, конкретная ветвь и степень родства каждого человека сразу же полностью выражаются. Эта линия также может быть расширена до двенадцатого потомка, что дало бы серию *patrui magni filius*, сына двоюродного деда по отцовской линии, *patrui magni nepos*, и далее до *patrui magni trinepos*, и заканчивая *patrui magni trinepotis trinepos*. Та же линия, женская, начинается с сестры дедушки, Амиты магны, двоюродной тети по отцовской линии; и ее потомки описаны аналогичным образом.

Четвертая и пятая побочные линии по мужской линии со стороны отца начинаются, соответственно, с брата прадеда, которого называют *patruus major*, старший дядя по отцовской линии, и с брата прапрадеда, *patruus maximus*, старшего дяди по отцовской линии. Расширяя серию, мы имеем в четвертом *patrui majoris filius* и далее до *patrui majoris trinepos*; и в пятом *patrui maximi filius* и далее до *patrui maximi trinepos*. Женские ветви начинаются, соответственно, с амиты майор, великой, и амиты максима, величайшей тети по отцовской линии; и описание лиц в каждой из них следует в том же порядке.

До сих пор эти линии были только по отцовской линии. Необходимость независимых терминов для обозначения дяди и тети со стороны матери для завершения римского метода описания теперь очевидна; родственники со стороны матери столь же многочисленны и совершенно различны. Эти термины были найдены у *avunculus*, дяди по материнской линии, и *matterera*, тети по материнской линии. При описании родственников по материнской линии мужская линия заменяется прямой женской, но первая коллатеральная линия остается прежней. Во второй побочной линии, мужской, со стороны матери, у нас есть серия *avunculus*, дядя по материнской линии, *avunculi filius*, *avunculi nepos*, и далее до *avunculi trinepos*, и заканчивая *avunculi trinepotis trinepos*. В женской ветви - *matterera*, тетя по материнской линии - *matteræ filia*, и так далее, как и раньше. Третья побочная линия, мужская и женская, начинаются, соответственно, с *avunculus magnus* и *matterera magna*, двоюродных дяди и тети по материнской линии; четвертая - с *avunculus major* и *matterera*

major, двоюродных дяди и тети по материнской линии; и пятая - с avunculus maximus и matterera maxima, двоюродных дяди и тети по материнской линии. Описания сотрудников каждой линии и ответвления приведены по форме, соответствующей приведенным ранее.

Поскольку первые пять побочных линий охватывают настолько широкий круг родственников, насколько это было необходимо для практических целей кодекса происхождения, обычная формула римских гражданских лиц не выходила за пределы этого числа.

Что касается брачных отношений, латинский язык удивительно богат, в то время как наш родной английский выдает свою бедность использованием таких неприличных фраз, как тесть, зять, шурин, отчим и пасынок, для выражения примерно двадцати очень распространенных и очень близких отношений, почти все из которых снабжены специальными терминами в латинской терминологии.

Нет необходимости вдаваться далее в подробности римской системы кровного родства. Основные и наиболее важные из его особенностей были представлены, причем в достаточно специальной форме, чтобы сделать все понятным. По простоте метода, удачности описания, четкости расположения линий и ответвлений, а также красоте номенклатуры это ни с чем не сравнимо. По своему методу она стоит во главе всех систем взаимоотношений, когда-либо усовершенствованных человеком, и представляет собой одну из многих иллюстраций того, что все, чему римский ум имел возможность придать органическую форму, он раз и навсегда ставил на прочный фундамент.

Не было сделано никаких ссылок на детали арабской системы; но, поскольку в таблице приведены две формы, объяснения одной из них будет достаточно для другой, к которой она в равной степени применима.

Благодаря дополнительным специальным терминам и усовершенствованному методу предполагается, что кровные родственники связаны в силу своего происхождения через супружеские пары от общих предков. Они располагаются по прямой и нескольким побочным линиям; и последние постоянно расходятся с первыми. Это необходимые следствия моногамии. Отношение каждого человека к центральному Эго точно определено и, за исключением тех, кто находится в идентичных отношениях, отделяется от всех остальных с помощью специального термина или описательной фразы. Это также подразумевает уверенность в происхождении каждого человека, которую может обеспечить только моногамия. Более того, это описывает отношения в моногамной семье такими, какие они существуют на самом деле. Ничто не может быть яснее, чем то, что эта форма брака создала эту форму семьи, и что последняя создала эту систему кровного родства. Эти три элемента являются необходимыми частями целого, где описательная система является исключительной. То, что, как мы знаем из непосредственного наблюдения, верно в отношении моногамной семьи, ее закона о браке и ее системы кровного родства, как было показано, в равной степени верно и в отношении пуналуальской семьи, ее закона о браке и ее системы кровного родства; и не в меньшей степени верно в отношении кровнородственной семьи, ее формы брака и ее системы кровного родства. Поскольку дана любая из этих трех частей, существование двух других вместе с ней в какой-то момент времени может быть выведено с уверенностью. Если бы можно было сделать какое-либо различие в пользу более высокой материальности любой из трех систем, предпочтение отдавалось бы системам кровного родства. Они кристаллизовали доказательства, подтверждающие закон о браке и форму семьи в отношениях каждого отдельного человека; таким образом, сохранив не только высшие свидетельства этого факта, но и столько совпадающих с ним заявлений, сколько членов, объединенных узами кровного родства. Это

служит проверкой высокого ранга отечественного учреждения, которое, как следует предполагать, неспособно намеренно искажать истину и которому, следовательно, можно безоговорочно доверять в том, чему оно обязательно учит. Наконец, наша информация наиболее полна именно в отношении систем кровного родства.

Пять последовательных форм семьи, упомянутые вначале, теперь представлены и объяснены с такими доказательствами их существования и такими подробностями их структуры, какими располагают наши нынешние знания. Хотя рассмотрение каждого из них было общим, оно коснулось существенных фактов и атрибутов и установило главное положение, что семья зародилась в кровном родстве и переросла, пройдя последовательные стадии развития, в моногамную. В этом общем заключении нет ничего, чего нельзя было бы предвидеть из априорных соображений; но трудности и помехи, которые препятствовали его росту, как видно, были гораздо большими, чем можно было бы предположить. Возрастая с течением времени, оно участвовало во всех превращениях человеческого опыта и теперь, возможно, более выразительно, чем любое другое учреждение, демонстрирует постепенную шкалу человеческого прогресса от бездны первобытной дикости через варварство к цивилизации. Это приближает нас к повседневной жизни человеческой семьи в разные эпохи ее прогрессивного развития, указывая, в некоторой степени, на ее трудности, ее борьбу, а также на ее победы, когда противопоставляются разные периоды. Мы должны ценить великий институт семьи в том виде, в каком он существует сейчас, в некоторой пропорции к затратам времени и интеллекта на его создание; и воспринимать его как богатейшее наследие, переданное нам древним обществом, потому что оно воплощает и фиксирует высочайшие результаты его разнообразного и длительного опыта.

Когда принимается факт, что семья прошла через четыре последовательные формы и теперь находится в пятой, сразу возникает вопрос, может ли эта форма быть постоянной в будущем. Единственный ответ, который можно дать, заключается в том, что она должна развиваться по мере развития общества и меняться по мере того, как меняется общество, как это происходило в прошлом. Она является порождением социальной системы и будет отражать ее культуру. Поскольку моногамная семья значительно улучшилась с момента зарождения цивилизации и очень ощутимо в наше время, по крайней мере, можно предположить, что она способна к дальнейшему улучшению до тех пор, пока не будет достигнуто равенство полов. Если моногамная семья в отдаленном будущем не сможет отвечать требованиям общества, предполагая непрерывный прогресс цивилизации, невозможно предсказать характер ее преемника.

Roman and Arabic System of Relationship.

Description of Persons.	Relationship in Latin.	Translation.	Relationship in Arabic.	Translation.
1 gt-grandfather's gt-grandfather	tritavus	gt-grandfather's gt-g'dfather	jidd jidd jiddi	grandfather of g'dfather of g'dfather my
2 " grandfather	atavus	" grandfather	jidd jidd abi	" " " father my
3 " father	abavus	great-great-grandfather	jidd jiddi	" grandfather my
4 " mother	abavia	" grandmother	sitt sitti	grandmother of grandmother my
5 great-grandfather	proavus	great-grandfather	jidd abi	grandfather of father my
6 " grandfather	proavia	" grandmother	sitt abi	grandmother " " "
7 grandfather	avus	grandfather	jidd	grandfather my
8 grandmother	avia	grandmother	sitti	grandmother "
9 father	pater	father	abi	father my
10 mother	mater	mother	ummi	mother "
11 son	filius	son	ibni	son "
12 daughter	filia	daughter	ibneti b, binti	daughter "
13 grandson	nepos	grandson	ibn ibni	son of son my
14 granddaughter	neptis	granddaughter	ibnet ibni	daughter of son my
15 great-grandson	pronepos	great-grandson	ibn ibn ibni	son of son of son my
16 " grandson	proneptis	" granddaughter	bint bint binti	daughter of daughter of daughter my
17 gt-grandson's son	abnepos	" great-grandson	ibn ibn ibn ibni	son of son of son of son my
18 " daughter	abneptis	" granddaughter	bint bint bint binti	dau of dau of dau of dau my
19 " grandson	atnepos	gt-grandson's grandson	ibn ibn ibn ibn ibni	son of son of son of son of son my
20 " granddaughter	atneptis	" granddaughter	bint bint bint bint binti	dau of dau of dau of dau of dau my
21 " gt-grandson	trinepos	" gt-grandson	ibn ibn ibn ibn ibn ibni	son of son of son of son of son of son my

Description of Persons.	Relationship in Latin.	Translation.	Relationship in Arabic.	Translation.
22 " " granddaughter	trineptis	" " granddau'ter	bint bint bint bint bint binti	dau of dau of dau of dau of dau of dau my
23 brothers	fratres	brothers	ahwati	brothers my
24 sisters	sorores	sisters	ahwāti	sisters "
25 brother	frater	brother	akhi	brother "
(First Collateral Line)				
26 brother's son	fratris filius	son of brother	ibn akhi	son of brother my
27 " son's wife	fratris filii uxor	wife of son of brother	amrat ibn akhi	wife of son of brother my
28 " daughter	fratris filia	daughter of brother	bint akhi	daughter of brother my
29 " daughter's husband	fratris filiae vir	husband of dau'ter of brother	zoi bint akhi	husband of daughter of brother my
30 " grandson	fratris nepos	grandson of brother	ibn ibn "	son of son of brother my
31 " granddaughter	" neptis	granddaughter " "	bint ibn "	daughter of son of brother my
32 " gt-grandson	" pronepos	gt-grandson " "	ibn ibn ibn akhi	son of son of son of brother my
33 " granddaughter	" proneptis	gt-granddaughter " "	bint bint bint akhi	dau of dau of dau of brother
34 sister	soror	sister	akhi	sister my
35 sister's son	sororis filius	son of sister	ibn akhti	son of sister my
36 " son's wife	sororis filii uxor	wife of son of sister	amrat ibn akhti	wife of son of sister my
37 " daughter	" filia	daughter of sister	bint akhti	daughter of sister my
38 " daughter's husband	" filiae vir	husband of daughter of sister	zoi bint akhti	husband of daughter of sister my
39 " grandson	" nepos	sister's grandson	ibn akhti	son of sister my
40 " granddaughter	" neptis	" granddaughter	bint akhti	daughter of sister my
41 sister's great-grandson	sororis pronepos	sister's great-grandson	ibn ibn akhti	son of son of sister my
42 " granddaughter	" proneptis	" granddaughter	bint bint akhti	daughter of daughter of sister my
(Second Collateral Line).				
43 father's brother	patruus	paternal uncle	ammi	paternal uncle my
44 " brother's wife	patruu uxore	wife of paternal uncle	amrat ammi	wife of paternal uncle my

Description of Persons.	Relationship in Latin.	Translation.	Relationship in Arabic.	Translation.
45 “ “ son	“ filius	son of “ “	ibn ammi	son of “ “ “
46 “ “ son’s wife	“ filii uxor	wife of son of “ “	amrât ibn ammi	wife of son of “ “ “
47 “ “ daughter	“ filia	daughter of “ “	bint ammi	daughter of “ “ “
48 “ “ dau’ter’s husband	“ filiae vir	husband of dau of “ “	zôj bint ammi	husband of daughter of “ “ “
49 “ “ grandson	“ nepos	grandson of “ “	ibn ibn ammi	son of son of “ “ “
50 “ “ granddaughter	“ neptis	granddaughter of “ “	bint bint ammi	daughter of daughter of “ “ “
51 “ “ gt-grandson	“ pronepos	gt-grandson of “ “	ibn ibn ibn ammi	son of son of son of “ “ “
52 “ “ “ granddaughter	“ proneptis	“ granddau’ter of “ “	bint bint bint ammi	dau of dau of dau of “ “ “
53 father’s sister	amita	paternal aunt	ammeti	paternal aunt my
54 “ sister’s husband	amitae vir	husband of paternal aunt	arât ammeti	husband of paternal aunt my
55 “ “ son	“ filius	son of “ “	ibn ammeti	son of “ “ “
56 “ “ son’s wife	“ filii uxor	wife of son of “ “	amrât ibn ammeti	wife of son of “ “ “
57 “ “ daughter	“ filia	daughter of “ “	bint ammeti	daughter of “ “ “
58 “ “ dau’ter’s husband	“ filiae vir	husband of dau of “ “	zôj bint ammeti	husband of daughter of “ “ “
59 “ “ grandson	“ nepos	grandson of “ “	ibn ibn ammeti	son of son of “ “ “
60 “ “ granddaughter	“ neptis	granddaughter of “ “	bint bint ammeti	daughter of daughter of “ “ “
61 “ “ gt-grandson	“ pronepos	gt-grandson of “ “	ibn ibn ibn ammeti	son of son of son of “ “ “
62 “ “ “ granddaughter	“ proneptis	“ granddau’ter of “ “	bint bint bint ammeti	dau of dau of dau of “ “ “
63 mother’s brother	avunculus	maternal uncle	khâli	maternal uncle my

Description of Persons.	Relationship in Latin.	Translation.	Relationship in Arabic.	Translation.
64 “ brother’s wife	avunculi uxor	wife of maternal uncle	amrat khâli	wife of maternal uncle my
65 “ “ son	“ filius	son of “ “	ibn khâli	son of “ “ “
66 “ “ son’s wife	“ filii uxor	wife of son of “ “	amrat ibn khâli	wife of son of “ “ “
67 “ “ daughter	“ filia	daughter of “ “	bint khâli	daughter of “ “ “
68 “ “ dau’ter’s husband	“ filiae vir	husband of dau of “ “	zôj bint khâli	husband of daughter of “ “ “
69 “ “ grandson	“ nepos	grandson of “ “	ibn ibn khâli	son of son of “ “ “
70 “ “ granddaughter	“ neptis	granddaughter of “ “	bint bint khâli	daughter of daughter of “ “ “
71 “ “ gt-grandson	“ pronepos	gt-grandson of “ “	ibn ibn ibn khâli	son of son of son of “ “ “
72 “ “ gt-granddaughter	“ proneptis	“ granddau’ter of “ “	bint bint bint khâli	dau of dau of dau of “ “ “
73 mother’s sister	matertera	maternal aunt	khâleti	maternal aunt my
74 “ sister’s husband	materterae vir	husband of maternal aunt	zôj khâleti	husband of maternal aunt my
75 “ “ son	“ filius	son of “ “	ibn khâleti	son of “ “ “
76 “ “ son’s wife	“ filii uxor	wife of son of “ “	amrât ibn khâleti	wife of son of “ “ “
77 “ “ daughter	“ filia	daughter of “ “	bint khâleti	daughter of “ “ “
78 “ “ dau’ter’s husband	“ filiae vir	husband of dau of “ “	zôj bint khâleti	husband of daughter of “ “ “
79 “ “ grandson	“ nepos	grandson of “ “	ibn ibn khâleti	son of son of “ “ “
80 “ “ granddaughter	“ neptis	granddaughter of “ “	bint bint khâleti	daughter of daughter of “ “ “
81 “ “ gt-grandson	“ pronepos	gt-grandson of “ “	ibn ibn ibn khâleti	son of son of son of “ “ “
82 “ “ “ granddaughter	“ proneptis	“ granddau’ter of “ “	bint bint bint khâleti	dau of dau of dau of “ “ “
(Third Collateral Line).				
83 father’s father’s brother	patruus magnus	great paternal uncle	amm âbi	paternal uncle of father my
84 “ “ brother’s son	patrui magni filius	son of gt pat uncle	ibn ammi âbi	son of paternal uncle of father my
85 “ “ “ grandson	“ nepos	grandson of “ “ “	ibn ibn ammi âbi	son of son of “ “ “ “

Description of Persons.	Relationship in Latin.	Translation.	Relationship in Arabic.	Translation.
86 “ “ “ gt-grandson	“ “ pronepos	gt-grandson of “ “ “	ibn ibn ibn ammi âbi	son of son of son of “ “ “ “ “
87 “ “ “ sister	amita magna	great paternal aunt	ammēt âbi	paternal aunt of father my
88 “ “ “ sister’s daughter	amitae magnae filia	daughter of gt pat aunt	bint ammet âbi	daughter of paternal aunt of father my
89 “ “ “ granddaughter	amitae magnae neptis	granddaughter of “ “ “	bint bint ammet âbi	dau of dau of “ “ “ “ “
90 “ “ “ gt-granddau’ter	“ “ proneptis	gt-granddaughter of “ “ “	bint bint bint ammet âbi	dau of dau of dau of “ “ “ “ “
91 mother’s mother’s brother	avunculus magnus	great maternal uncle	khâl ûmmi	maternal uncle of mother my
92 “ “ “ brother’s son	avunculi magni filius	son of gt mat uncle	ibn khâl ûmmi	son of maternal uncle of mother my
93 “ “ “ grandson	“ “ nepos	grandson of “ “ “	ibn ibn khâl ûmmi	son of son of “ “ “ “ “
94 “ “ “ gt-grandson	“ “ pronepos	gt-grandson of “ “ “	ibn ibn ibn khâl ûmmi	son of son of son of “ “ “ “ “
95 “ “ “ sister	matertera magna	great maternal aunt	khâlet ûmmi	maternal aunt of mother my
96 “ “ “ sister’s daughter	materterae magnae filia	daughter of gt mat aunt	bint khâlet ûmmi	daughter of maternal aunt of mother my
97 “ “ “ granddaughter	“ “ neptis	granddaughter of “ “ “	bint bint khâlet ûmmi	dau of dau of “ “ “ “ “
98 “ “ “ gt-granddau’ter	“ “ proneptis	gt-granddaughter of “ “ “	bint bint bint khâlet ûmmi	dau of dau of dau of “ “ “ “ “
(Fourth Collateral Line)				
99 father’s father’s father’s brother	patruus major	paternal great-great-uncle	amm jiddi	paternal uncle of grandfather my
100 “ “ “ brother’s son	patrui majoris filius	son of pat gt-gt-uncle	ibn amm jiddi	son of paternal uncle of grandfather my
101 “ “ “ “ grandson	“ “ nepos	grandson of “ “ “ “	ibn ibn amm jiddi	son of son of “ “ “ “ “
102 “ “ “ “ gt-g’dson	“ “ pronepos	gt-grandson of “ “ “ “	ibn ibn ibn amm jiddi	son of son of son of “ “ “ “ “

Description of Persons.	Relationship in Latin.	Translation.	Relationship in Arabic.	Translation.
103 “ “ “ sister	amita major	paternal great-great aunt	ammēt jiddi	paternal aunt of grandfather my
104 “ “ “ sister’s daughter	amitae majoris filia	daughter of pat gt-gt-aunt	bint ammet jiddi	daughter of paternal aunt of grandfather my
105 father’s father’s father’s sister’s granddaughter	amitae majoris neptis	granddau’ter of pat gt-gt-aunt	bint bint ammet jiddi	dau of dau of paternal aunt of grandfather my
106 father’s father’s father’s sister’s great-granddaughter	amitae majoris proneptis	gt-g’ddau’ter of pat gt-gt-aunt	bint bint bint ammet jiddi	dau of dau of dau of paternal aunt of grandfather my
107 mother’s mother’s mother’s bro’r	avunculus major	maternal great-great uncle	khâl sitti	maternal uncle of grandmother my
108 “ “ “ bro’s son	avunculi majoris filius	son of mat gt-gt-uncle	ibn khâl sitti	son of maternal uncle of grandmother my
109 “ “ “ “ g’dson	“ “ nepos	grandson of “ “ “ “	ibn ibn khâl sitti	son of son of “ “ “ “ “
110 mother’s mother’s mother’s brother’s great-grandson	avunculi majoris pronepos	gt-grandson of mat gt-gt-uncle	ibn ibn ibn khâl sitti	son of son of son of maternal uncle of grandmother my
111 mother’s mother’s mother’s sister	matertera major	maternal great-great aunt	khâlet sitti	maternal aunt of grandmother my
112 mother’s mother’s mother’s sister’s daughter	materterae majoris filia	daughter of mat gt-gt-aunt	bint khâlet sitti	daughter of maternal aunt of grandmother my
113 mother’s mother’s mother’s sister’s granddaughter	materterae majoris neptis	granddau’ter of mat gt-gt-aunt	bint bint khâlet sitti	dau of dau of maternal aunt of grandmother my
114 mother’s mother’s mother’s sister’s great-granddaughter	mater. major. proneptis	gt-g’ddau’ter of mat gt-gt-aunt	bint bint bint khâlet sitti	dau of dau of dau of maternal aunt of grandmother my
(Fifth Collateral Line)				
115 father’s father’s father’s father’s brother	patruus maximus	paternal gt-gt-uncle	amm jidd âbi	paternal uncle of grandfather of father my
116 father’s father’s father’s father’s brother’s son	patrui maximi filius	son of paternal gt-gt-uncle	ibn amm jidd âbi	son of paternal uncle of grandfather of father my
117 father’s father’s father’s father’s grandson	patrui maximi nepos	grandson of pat gt-gt-uncle	ibn ibn amm jidd âbi	son of son of paternal uncle of grandfather of father my

Description of Persons.	Relationship in Latin.	Translation.	Relationship in Arabic.	Translation.
118 father's father's father's father's great-grandson	patrui maximi pronepos	gt-grandson of pat gt-gt-uncle	ibn ibn ibn amm jidd âbi	son of son of son of paternal uncle of g f of father my
119 father's father's father's father's sister	amita maxima	paternal gt-gt-gt-aunt	ammēt jidd âbi	paternal aunt of grandfather of father my
120 father's father's father's father's sister's daughter	amitae maximae filia	daughter of pat gt-gt-gt-aunt	bint ammet jidd âbi	daughter of paternal aunt of grandfather of father my
121 father's father's father's father's sister's granddaughter	amitae maximae neptis	g'ddau'ter of pat gt-gt-gt-aunt	bint bint ammet jidd âbi	dau of dau of paternal aunt of grandfather of father my
122 father's father's father's father's sister's great-granddaughter	amitae maximae proneptis	gt-g'd of pat gt-gt-gt-aunt	bint bint bint ammet jidd âbi	dau of dau of dau of paternal aunt of g f of father my
123 mother's mother's mother's mother's brother	avunculus maximus	maternal gt-gt-gt-uncle	khâl sitt ûmmi	maternal uncle of grandmother of mother my
124 mother's mother's mother's mother's brother's son	avunculi maximi filius	son of maternal gt-gt-gt-uncle	ibn khâl sitt ûmmi	son of maternal uncle of grandmother of mother my
125 mother's mother's mother's mother's brother's grandson	avunculi maximi nepos	g'dson of mat gt-gt-gt-uncle	ibn ibn khâl sitt ûmmi	son of son of maternal uncle of g m of mother my
126 mother's mother's mother's mother's brother's gt-grandson	avunculi maximi pronepos	gt-g'dson of mat gt-gt-gt-uncle	ibn ibn ibn khâl sitt ûmmi	son of son of son of maternal uncle of g m of mother my
127 mother's mother's mother's mother's sister	matertera maxima	maternal gt-gt-gt-aunt	khâlet sitt ûmmi	maternal aunt of grandmother of mother my
128 mother's mother's mother's mother's sister's daughter	materterae maximae filia	daughter of mat gt-gt-gt-aunt	bint khâlet sitt ûmmi	daughter of maternal aunt of g m of mother my
129 mother's mother's mother's mother's sister's granddaughter	mater. maximae neptis	g'ddau'ter of mat gt-gt-gt-aunt	bint bint khâlet sitt ûmmi	dau of dau of maternal aunt of g m of mother my
130 mother's mother's mother's mother's sister's gt-g'daughter	mater. maximae proneptis	gt-g'd of mat gt-gt-gt-aunt	bint bint bint khâlet sitt ûmmi	dau of dau of dau of maternal aunt of g m of mother my
(Marriage Relationships).				
131 husband	vir b, maritus	husband	zoi	husband my

Description of Persons.	Relationship in Latin.	Translation.	Relationship in Arabic.	Translation.
132 husband's father	socer	father-in-law	ammi	uncle my
133 " mother	socrus	mother-in-law	amrât ammi	wife of uncle my
134 " grandfather	socer magnus	great father-in-law	jidd zoi	grandfather of husband my
135 " grandmother	socrus magnus	" mother-in-law	sitt zoi	grandmother " " "
136 wife	uxor b, marita	wife	amrâti	wife
137 wife's father	socer	father-in-law	ammi	wife
138 " mother	socrus	mother-in-law	amrât ammi	wife of uncle my
139 " grandfather	socer magnus	great father-in-law	jidd ammrâti	grandfather of wife my
140 " grandmother	socrus magnus	" mother-in-law	sitt ammrâti	grandmother " " "
141 step-father	vitricus	step-father	ammi	uncle my
142 " mother	noverca	" mother	khâleti	aunt my
143 " son	privignus	" son	karûti	step-son my
144 " daughter	privigna	" daughter	karûteti	" daughter my
145 son-in-law	gener	son-in-law	khatam, b, saba	son-in-law
146 daughter-in-law	nurus	daughter-in-law	kinnet	daughter-in-law
147 brother-in-law (<i>husband's bro'r</i>)	lever	brother-in-law	ibn ammi	son of uncle my
148 " " " (<i>sister's husband</i>)	maritus sororis	" " "	zôj akhti	husband of sister my
149 " " " (<i>wife's brother</i>)	uxoris frater	brother of wife	ibn ammi	son of uncle my
150 sister-in-law (<i>wife's sister</i>)	" soror	sister of wife	bint ammi	daughter of uncle my
151 " " " (<i>husband's sister</i>)	gloss	sister-in-law	bint ammi	" " " "
152 " " " (<i>brother's wife</i>)	fratria	" " "	amrât akhi	wife of brother my
153 widow	vidua	widow	armelet	widow
154 widower	viduus	widower	armeî	widower
155 relations by father's side	agnati	agnates		
156 " " mother's side	cognati	cognates		
157 " " marriage	affines	marriage relations		

ГЛАВА VI

Последовательность институтов, связанных с семьей

Остается включить в их отношения обычаи и институты, которые способствовали росту семьи посредством последовательных форм. Их изложение в определенной

последовательности отчасти гипотетично, но между ними существует тесная и несомненная связь.

Эта последовательность воплощает основные социальные и домашние институты, которые повлияли на рост семьи от кровнородственной к моногамной.⁴²⁴ Их следует понимать как происходящие из нескольких ветвей человеческой семьи, по существу, в названном порядке, и как существующие в целом в этих ветвях при соответствующем статусе.

First Stage of Sequence.

- I. *Promiscuous Intercourse.*
- II. *Intermarriage of Brothers and Sisters, own and collateral, in a Group: Giving,—*
- III. *The Consanguine Family. (First Stage of the Family): Giving,—*
- IV. *The Malayan System of Consanguinity and Affinity.*

Second Stage of Sequence.

- V. *The Organization upon the basis of Sex, and the Punaluan Custom, tending to check the intermarriage of brothers and sisters: Giving,—*
- VI. *The Punaluan Family. (Second Stage of the Family): Giving,—*
- VII. *The Organization into Gentes, which excluded brothers and sisters from the marriage relation: Giving,—*
- VIII. *The Turanian and Ganowánian System of Consanguinity and Affinity.*

Third Stage of Sequence.

- IX. *Increasing Influence of Gentile Organization and improvement in the arts of life, advancing a portion of mankind into the Lower Status of barbarism: Giving,—*
- X. *Marriage between Single Pairs, but without an exclusive cohabitation: Giving,—*
- XI. *The Syndyasmian Family. (Third Stage of the Family.)*

Fourth Stage of Sequence.

- XII. *Pastoral life on the plains in limited areas: Giving,—*
- XIII. *The Patriarchal Family. (Fourth, but exceptional Stage of the Family.)*

Fifth Stage of Sequence.

- XIV. *Rise of Property, and settlement of lineal succession to estates: Giving,—*
- XV. *The Monogamian Family. (Fifth Stage of the Family): Giving,—*
- XVI. *The Aryan, Semitic and Uralian system of Consanguinity and Affinity; and causing the overthrow of the Turanian.*

Несколько замечаний по поводу вышеприведенной последовательности обычаев и институтов с целью проследить их взаимосвязь завершат обсуждение роста семьи.

Подобно сменяющим друг друга геологическим формациям, племена человечества могут быть организованы, в соответствии с их относительными условиями, в последовательные слои. Упорядоченные таким образом, они с некоторой степенью достоверности раскрывают весь диапазон человеческого прогресса от дикости до цивилизации. Тщательное изучение каждого последующего слоя позволит выявить все особенности его культуры и характеристик и даст определенное представление о целом, об их различиях и взаимоотношениях. Когда это будет достигнуто, будут определены понятия последовательные этапы человеческого прогресса. Время было важным фактором в формировании этих слоев; и оно должно быть отмерено для каждого этнического периода в максимальной степени. Каждый период, предшествовавший цивилизации, обязательно охватывает многие тысячи лет.

Беспорядочные половые сношения.—Это выражает низшую мыслимую стадию дикости - она представляет собой дно шкалы. Человека в таком состоянии едва ли можно было отличить от безмолвных животных, которыми он был окружен. Не знавший о браке и живший, вероятно, в орде, он был не только дикарем, но и обладал слабым интеллектом и еще более слабым моральным чувством. Его надежда на возвышение основывалась на силе его страстей, ибо он, кажется, всегда отличался мужеством; на обладании физически раскрепощенными руками и на способности к совершенствованию своих зарождающихся умственных и

моральных сил. В подтверждение этой точки зрения уменьшение объема черепа и усиление его звериных характеристик по мере того, как мы переходим от цивилизованного человека к дикому, дают некоторое свидетельство необходимой неполноценности первобытного человека. Если бы было возможно добраться до этого древнейшего представителя вида, мы должны были бы опуститься очень далеко ниже самого низкого дикаря, ныне живущего на земле. Более грубые кремневые орудия, найденные на некоторых участках земной поверхности и не использовавшиеся существующими дикарями, свидетельствуют о крайней грубости его положения после того, как он вышел из своей примитивной среды обитания и начал, как рыбак, свое распространение по континентальным районам. Именно по отношению к этому примитивному дикарю, и только по отношению к нему, можно сделать вывод о неразборчивости в связях.

Будет задан вопрос, существуют ли какие-либо доказательства этого предшествующего состояния. В качестве ответа можно отметить, что кровнородственная семья и малайская система кровного родства предполагают предшествующую распущенность. Это было ограничено, что не маловероятно, периодом, когда человечество было плодоядным и находилось в пределах своей примитивной среды обитания, поскольку его продолжение было бы маловероятным после того, как они стали рыбаками и начали свое распространение по земле в зависимости от искусственно добытой пищи. Затем сформировались бы кровнородственные группы, в которых смешанные браки были бы необходимостью, что привело бы к образованию кровнородственных семей. Во всяком случае, древнейшей формой общества, которая встречается нам в прошлом благодаря выводам из систем кровного родства, является эта семья. Это носило бы характер соглашения нескольких мужчин о совместном пропитании группы и о защите их общих жен от насилия общества. Во-вторых, кровнородственная семья несет на себе отпечаток этого предполагаемого предшествующего состояния. Он признал распущенность в определенных пределах, и не самых узких, и это указывает через свой организм на худшее состояние, против которого он выставил щит. Между кровной семьей и ордой, живущей в беспорядке, этот шаг, хотя и длительный, не требует промежуточного условия. Если таковое и существовало, никаких известных следов его не осталось. Решение этого вопроса, однако, не является существенным. Достаточно, по крайней мере на данный момент, получить определенную отправную точку, лежащую далеко в основе дикости, обозначенную кровнородственной семьей, которая возвращает наши знания о раннем состоянии человечества к первобытному периоду.

Грекам и римлянам были известны племена дикарей и даже варваров, которые изображались живущими беспорядочно. Среди них были авзейцы из Северной Африки, упомянутые Геродотом,⁴²⁵ гараманты из Эфиопии, упомянутые Плинием,⁴²⁶ и кельты Ирландии, упомянутые Страбоном.⁴²⁷ Последний повторяет аналогичное утверждение относительно арабов.⁴²⁸ Маловероятно, чтобы какие-либо люди за время зарегистрированных человеческих наблюдений жили в состоянии беспорядочных половых сношений, подобных стадным животным. Сохранение такого народа с момента зарождения человечества, очевидно, было бы невозможно. Приведенные случаи и многие другие, которые можно было бы добавить, лучше объяснить как возникшие в семье пуналуан, что для иностранного наблюдателя, обладающего ограниченными средствами наблюдения, дало бы внешние признаки, указанные этими авторами. Промискуитет может быть теоретически выведен как необходимое условие, предшествующее кровнородственной семье; но он скрыт в туманной древности человечества, за пределами досягаемости позитивного знания.

II. Смешанные браки братьев и сестер, собственных и побочных, в Группе.—В этой форме брака зародилась семья. Это основа института. Малайская система кровного родства дает убедительные доказательства ее древнего распространения. Поскольку установлено древнее существование кровнородственной семьи, остальные формы могут быть объяснены как последовательные производные друг от друга. Эта форма брака дает (III.) кровнородственную семью и (IV.) малайскую систему кровного родства, которая избавляет от третьего и четвертого членов рода. Эта семья принадлежит к Низшему сословию дикости.

V. Пуналуийский обычай.—В австралийских мужских и женских классах, объединенных браком, встречаются пуналуийские группы. Среди гавайцев также встречается та же группа, с выраженным в ней брачным обычаем. Она преобладала среди отдаленных предков всех племен человечества, которые сейчас обладают или обладали когда-то туранской системой кровного родства, потому что они, должно быть, унаследовали ее от предков-пуналуанцев. По-видимому, другого объяснения происхождения этой системы нет. Было обращено внимание на тот факт, что в семью пуналуан входили те же лица, что и в предыдущем кровном родстве, за исключением собственных братьев и сестер, которые теоретически, если не во всех случаях, исключались. Справедливо предположить, что пуналуийский обычай получил широкое распространение благодаря открытию его благотворного влияния. От пуналуальского брака произошла (VI в.) пуналуальская семья, которая избавляется от шестого члена рода. Эта семья возникла, вероятно, в Среднем звене дикости.

VII. Организация по родам.—Положение этого института в последовательности - единственный вопрос, который здесь следует рассмотреть. Среди австралийских классов группа пуналуан встречается в широком и систематическом масштабе. Люди также организованы в роды. Здесь пуналуальская семья старше рода, потому что она опиралась на классы, предшествовавшие родам. У австралийцев также существует туранская система кровного родства, основу которой классы заложили, исключив собственных братьев и сестер из пуналуанской группы, объединенных браком. Они родились представителями классов, которые не могли вступать в смешанные браки. Среди гавайцев семья пуналуан не смогла создать туранскую систему кровного родства. Собственные братья и сестры часто были вовлечены в группу пуналуан, чему обычай не препятствовал, хотя и имел тенденцию к этому. Для создания этой системы требуются как семья пуналуан, так и родовая организация. Отсюда следует, что последняя возникла после первой. В своем относительном порядке она относится к Среднему уровню дикости.

VIII. и IX. Они были достаточно рассмотрены.

X. и XI. Брак между одинокими парами и Синдиазмическая семья.—После того, как человечество преодолело дикость и перешло на более Низкий уровень варварства, его состояние значительно улучшилось. Более половины битвы за цивилизацию было выиграно. Тенденция к сокращению групп женатых людей до меньших размеров, должно быть, начала проявляться еще до окончания дикости, потому что синдиазмическая семья стала постоянным явлением на более низком уровне варварства. Обычай, который побуждал более развитых дикарей признавать одну из множества жен своей главной женой, со временем перерос в практику спаривания и превращения этой жены в компаньонку и соратницу в содержании семьи. С ростом склонности к созданию пар возрастала уверенность в отцовстве детей. Но муж мог бросить свою жену, а жена - своего мужа, и каждый в свое удовольствие искал себе новую пару. Более того, мужчина не признавал, со своей стороны, обязательств, вытекающих из брачных уз, и поэтому не имел права ожидать их признания со стороны своей жены. Старая супружеская система, теперь сведенная к более узким рамкам из-за постепенного исчезновения пуналуальских групп, все еще

оказывала развивающуюся семью, за которой ей предстояло последовать на порог цивилизации. Его сведение к нулю было условием, предшествовавшим введению моногамии. В конце концов оно исчезло в новой форме гетеризма, которая все еще следует за человечеством в цивилизации как темная тень семьи. Контраст между пуналуальными и синдиазмическими семьями был больше, чем между последними и моногамными. По времени он был последователем рода, который в значительной степени сыграл важную роль в его производстве. То, что это была переходная стадия семьи между ними, становится очевидным из-за ее неспособности существенно изменить туранскую систему кровного родства, которую могла свергнуть только моногамия. От реки Колумбия до Парагвая индейская семья была синдиазмической в целом, пуналуальной в исключительных областях и моногамной, возможно, ни в одной.

XII. и XIII. Пастырская жизнь и патриархальная семья.— В другом месте уже отмечалось, что полигамия не была существенной чертой этой семьи, которая представляла собой движение общества по утверждению индивидуальности людей. Среди семитских племен это была организация слуг и рабынь при патриархе для ухода за стадами, для обработки земель, а также для взаимной защиты и пропитания. Многоженство было случайным. С единственным главой мужского пола и исключительным совместным проживанием эта семья была шагом вперед по сравнению с синдиазмией и, следовательно, не была ретроградным движением. Его влияние на человеческую расу было ограниченным; но он несет в себе признание состояния общества в предыдущий период, против которого он был призван служить барьером.

XIV. Рост собственности и установление прямого наследования поместий. Независимо от движения, кульминацией которого стала патриархальная семья еврейского и латинского типов, собственность, по мере того как она увеличивалась в разнообразии и количестве, оказывала устойчивое и постоянно усиливающееся влияние в направлении моногамии. Невозможно переоценить влияние собственности на цивилизацию человечества. Это была сила, которая вывела арийские и семитские народы из варварства в цивилизацию. Рост идеи собственности в человеческом сознании начался со слабости и закончился тем, что она стала главной страстью. Правительства и законы учреждаются в первую очередь для ее создания, защиты и использования. Она ввела рабство человека как инструмент в его производстве; и, после опыта нескольких тысячелетий, она привела к отмене рабства, когда было обнаружено, что свободный человек является более совершенной машиной для создания собственности. Жестокость, присущая сердцу человека, которую цивилизация и христианство смягчили, но не искоренили, все еще выдает дикое происхождение человечества, и ни в коем случае так явно, как в практике человеческого рабства, на протяжении всех веков зарегистрированной истории. С установлением права наследования собственности детьми ее владельца впервые появилась возможность создания строгой моногамной семьи. Постепенно, хотя и медленно, эта форма брака с исключительным сожителем стала скорее правилом, чем исключением; но только после зарождения цивилизации она утвердилась надолго.

XV. Моногамная семья.— Будучи окончательно сформированной, эта семья гарантировала отцовство детей, заменила индивидуальное владение недвижимым, а также личным имуществом на совместное владение и исключительное наследование детьми вместо наследования по мужскому праву. Современное общество опирается на моногамную семью. Весь предыдущий опыт и прогресс человечества достигли кульминации и выкристаллизовались в этом выдающемся институте. Это был медленный рост, пустивший свои корни далеко назад, в период дикости, — конечный результат, к которому неуклонно

стремился опыт веков. Несмотря на то, что по сути своей он был современным, он стал результатом обширного и разнообразного опыта.

XVI. Арийская, семитская и уральская системы кровного родства, которые по сути идентичны, были созданы моногамной семьей. Его отношения - это те, которые действительно существовали при данной форме брака и семьи. Система кровного родства - это не произвольное установление, а естественное развитие. Оно выражает и по необходимости должно выражать действительные факты кровного родства такими, какими они представлялись обычному уму, когда формировалась система. Как арийская система устанавливает предшествующее существование моногамной семьи, так и туранская устанавливает предшествующее существование пуналуальской семьи, а малайская - предшествующее существование кровнородственной семьи. Содержащиеся в них доказательства должны рассматриваться как убедительные из-за их убедительного характера в каждом конкретном случае. С установлением существования трех видов брака, трех форм семьи и трех систем кровного родства девять из шестнадцати членов этой последовательности получают поддержку. Существование и взаимосвязи остальных подтверждаются достаточными доказательствами.

Представленные здесь взгляды противоречат, насколько мне известно, предположению, которое на протяжении веков было общепринятым. Именно гипотеза о деградации человека объясняет существование варваров и дикарями, которые оказались физически и умственно слишком далеко ниже предполагаемого уровня первоначального человека. Это никогда не было научным утверждением, подтвержденным фактами. Оно опровергается взаимосвязанной серией изобретений и открытий, прогрессивным развитием социальной системы и сменяющимися друг друга формами семьи. Арийские и семитские народы произошли от варварских предков. Тогда перед нами встает вопрос, как могли эти варвары достичь Высшего статуса варварства, в котором они впервые появляются, не пройдя предварительно через опыт и не овладев искусствами и развитием Среднего статуса; и, более того, как они могли достичь Среднего статуса, не пройдя сначала через опыт Низшего. За этим стоит еще один вопрос, как варвар мог существовать без предыдущего дикаря. Эта гипотеза деградации приводит к другой необходимости, а именно: рассматривать все расы человечества без арийских и семитских связей как ненормальные расы — расы, выпавшие в результате вырождения из своего нормального состояния. Арийские и семитские нации, это правда, представляют основные потоки человеческого прогресса, потому что они довели его до высшей точки, когда-либо достигнутой; но есть веские основания предполагать, что до того, как они дифференцировались на арийские и семитские племена, они составляли часть неразличимой массы варваров. Поскольку сами эти племена произошли от варварских и еще более отдаленных от диких предков, различие между нормальными и ненормальными расами исчезает.

Более того, эта последовательность противоречит некоторым выводам той группы выдающихся ученых, которые в своих рассуждениях о происхождении общества приняли патриархальную семью еврейского и латинского типов как древнейшую форму семьи и как производящую самое раннее организованное общество. Таким образом, человеческая раса с младенчества наделена знанием о семье, находящейся под властью отца. Одним из последних и занимающим среди них ведущее место является сэр Генри Мэн, чьи блестящие исследования источников древнего права и ранней истории институтов в значительной степени расширили наши знания о них. Патриархальная семья, это правда, самая древняя из известных нам по восходящей линии классических и семитских авторитетов; но исследование в этом направлении неспособно проникнуть за пределы Высшего статуса

варварства, оставляя по крайней мере целых четыре этнических периода нетронутыми, а их связь непризнанной. Следует, однако, признать, что факты, касающиеся раннего состояния человечества, были получены совсем недавно, и что разумные исследователи справедливо осторожны, отказываясь от старых доктрин в пользу новых.

К несчастью для гипотезы деградации, изобретения и открытия будут приходить одно за другим; знание о веревке должно предшествовать луку и стрелам, как знание о порохе предшествовало мушкету, а знание о паровой машине предшествовало железной дороге и пароходу; таким образом, искусства ведения хозяйства следовали друг за другом через длительные промежутки времени, и человеческие орудия труда прошли через формы кремня и камня, прежде чем были сделаны из железа. Подобным образом институты управления являются ростками примитивной мысли. Рост, развитие и передача должны объяснять их существование среди цивилизованных наций. Не менее очевидно, что моногамная семья произошла, по опыту, через синдиазмианство от пуналуальской и еще более древней кровнородственной семьи. Если, наконец, мы вынуждены отказаться от древности моногамной семьи, мы получаем знание о ее происхождении, что имеет большее значение, поскольку раскрывает цену, которой она была получена.

Древность человечества на земле в настоящее время установлена совокупностью свидетельств, достаточных для убеждения непредвзятых умов. Существование расы определенно восходит к ледниковому периоду в Европе и даже к предшествующему ему периоду. Теперь мы вынуждены признать длительный и неизмеримый возраст существования человека. Человеческому разуму естественно и справедливо любопытно узнать что-нибудь о жизни человека за последние сто тысяч или более лет, теперь, когда мы уверены, что его дни на земле были такими долгими. Все это время не могло быть потрачено впустую. Его великие и изумительные достижения доказывают обратное, а также подразумевают трату долгих этнических периодов. Тот факт, что цивилизация возникла так недавно, свидетельствует о трудностях на пути человеческого прогресса и дает некоторое представление о низости уровня, с которого человечество начинало свой путь.

Предыдущая последовательность действий может потребовать модификации и, возможно, существенных изменений в некоторых из ее членов; но она дает рациональное и удовлетворительное объяснение фактов человеческого опыта, насколько они известны, и хода человеческого прогресса в развитии идей семьи и правления в племенах человечества.

ПРИМЕЧАНИЕ.

“Примитивный брак” мистера Дж. Ф. Макленнана.

Поскольку эти страницы проходят через прессу, я получил расширенное издание вышеназванной работы. Это перепечатка оригинала с приложением нескольких эссе; теперь она называется “Исследования по древней истории, включающие перепечатку книги “Первобытный брак””.

В одном из этих Эссе, озаглавленном “Классификационная система отношений”, мистер Макленнан посвящает один раздел (41 страницу) попытке опровергнуть мое объяснение происхождения классификационной системы; а другой (36 страниц) - своему собственному объяснению происхождения той же системы. Гипотеза, на которую впервые ссылаются, содержится в моей работе “Системы кровного родства в человеческой семье” (стр. 479-486).

Факты и их объяснение-это же, по существу, как те, что представлены в предыдущих главах этого тома (главы. II и III, Часть III). “Первобытный брак” был впервые опубликован в 1865 году, а “Системы кровного родства” и др. - в 1871 году.

Собрав факты, подтверждающие существование классификационной системы кровного родства, я рискнул представить вместе с таблицами гипотезу, объясняющую его происхождение. Тот факт, что гипотезы полезны и часто необходимы для достижения истины, не подлежит сомнению. Обоснованность решения, представленного в той работе и повторяемого в этой, будет зависеть от его достаточности для объяснения всех фактов дела. До тех пор, пока он не будет заменен другим, более заслуживающим признания на этом основании, его положение в моей работе является законным и соответствует методу научного исследования.

Мистер Макленнан раскритиковал эту гипотезу с большой свободой. Его вывод в целом сформулирован следующим образом (Исследования и т. Д., стр. 371): “Место, которое я посвятил рассмотрению решения, может показаться несоразмерным его важности; но работа мистера Моргана, опубликованная в прессе Смитсоновского института, и в ее подготовке при содействии правительства Соединенных Штатов, широко цитировалась как авторитетная работа, и, по-видимому, стоило потрудиться, чтобы показать ее совершенно ненаучный характер”. Обвинение распространяется не только на гипотезу, но и на всю работу в целом.

Эта работа содержит 187 страниц “Таблиц кровного родства”, демонстрирующих системы 139 племен и наций человечества, представляющих четыре пятых численно всей человеческой семьи. Странно, что голые факты кровного родства, выраженные терминами родства, даже если они представлены в табличной форме, должны обладать “совершенно ненаучным характером”. Основная часть работы посвящена сухим деталям этих нескольких систем. Остается последняя глава, состоящая из 43 из 590 страниц, посвященная сравнению этих нескольких систем кровного родства, в которой появляется это решение или гипотеза. Это было первое обсуждение большого объема нового материала, и если бы обязанности мистера Макленнана ограничивались этой главой, в обсуждении здесь не было бы особой необходимости. Но свою главную атаку он направил против Таблиц; отрицая, что системы, которые они демонстрируют, являются системами кровного родства, он, таким образом, проникает в суть предмета.⁴²⁹

Позиция мистера Макленнана находит объяснение в том факте, что как системы кровного родства они противостоят и опровергают основные мнения и основные теории, выдвинутые в “Первобытном браке”. От автора “Первобытного брака” можно было бы ожидать, что он останется при своем предвзятом мнении.

Как системы кровного родства, например: (1.) Они показывают, что новые термины м-ра Макленнана “Экзогамия и эндогамия” сомнительной полезности — что в том виде, в каком они используются в “Примитивном браке”, их положения меняются местами, и что “эндогамия” имеет очень мало применения к фактам, рассматриваемым в этой работе, в то время как “экзогамия” - это просто правило рода, и ее следует формулировать как таковую. (2.) Они опровергают фразу мистера Макленнана “родство только по женской линии”, показывая, что родство по мужской линии признавалось одними и теми же людьми так же постоянно, как и родство по женской линии. (3) Они показывают, что наирская и тибетская полиандрия никогда не могла быть распространенной среди племен человечества. (4.) Они отрицают как необходимость, так и масштабы “похищения жены”, как это предлагается в “Примитивном браке”.

Изучение оснований, на которых строится обвинение мистера Макленнана, покажет не только несостоятельность его критических замечаний, но и недостаточность теорий, на которых эта критика основана. Такое исследование приводит к результатам, пагубным для всей его работы, что станет очевидным при обсуждении следующих положений, а именно:

- I. That the principal terms and theories employed in “Primitive Marriage” have no value in Ethnology.
- II. That Mr. McLennan’s hypothesis to account for the origin of the classificatory system of relationship does not account for its origin.
- III. That Mr. McLennan’s objections to the hypothesis presented in “Systems of Consanguinity,” etc., are of no force.

Эти предложения будут рассмотрены в указанном порядке.

I. Что основные термины и теории, используемые в “Первобытном браке”, не имеют никакой ценности в этнологии.

Когда эта работа появилась, она была благосклонно принята этнологами, потому что как умозрительный трактат она затрагивала ряд вопросов, над которыми они уже давно работали. Однако внимательное прочтение выявило недостатки в определениях, необоснованные предположения, грубые спекуляции и ошибочные выводы. Мистер Герберт Спенсер в своих “Принципах социологии” (Предварительные отчеты, Ежемесячник популярной науки, январь 1877 г., стр. 272) указал на ряд из них. В то же время он отвергает большую часть теорий мистера Макленнана, касающихся “Женского детоубийства”, “Кражи жены” и “Экзогамии и эндогамии”. Трудно найти, что он оставляет в этой работе, помимо изложения определенных этнологических фактов.

В рамках этой главы будет достаточно рассмотреть три момента.

1. Использование мистером Макленнаном терминов “Экзогамия” и “Эндогамия”.

“Экзогамия” и “эндогамия” — термины его собственной чеканки — подразумевают, соответственно, обязательство “выходить замуж” и обязательство “вступать в брак внутри” определенной группы лиц.

Эти термины применяются г-ном Макленнаном к организованным группам, о которых ему сообщили авторы, которых он цитирует, настолько вольно и неточно, что и его термины, и его выводы не имеют большой ценности. Фундаментальная трудность “первобытного брака” заключается в том, что род и племя или группы, которые они представляют, не отличаются друг от друга как члены органического ряда, так что можно было бы знать, о какой группе утверждается “экзогамия” или “эндогамия”. Например, один из восьми родов племени может быть “экзогамным” по отношению к самому себе и “эндогамным” по отношению к семи остальным родам. Более того, эти термины в подобном случае, при правильном применении, вводят в заблуждение. Г-н Макленнан, по-видимому, излагает два великих принципа, отражающих различные состояния общества, которые повлияли на человеческие дела. Фактически, в то время как “эндогамия” имеет очень мало применения к условиям общества, рассматриваемым в “Примитивном браке”, “экзогамия” имеет отношение к

правилу или закону рода — институту - и как таковая является организационной единицей социальной системы. Именно род влияет на человеческие дела, и это первичный факт. Нас сразу же интересует знание его функций и атрибутов, прав, привилегий и обязанностей его членов. Об этих материальных обстоятельствах м-р Мак-Леннан ничего не сообщает и, по-видимому, не имел ни малейшего представления о роде как руководящем институте древнего общества. Два из его правил следующие: (1.) Смешанные браки внутри рода запрещены. Это “экзогамия” мистера Макленнана, ограниченная, как всегда, рамками рода, но изложенная им без какой-либо ссылки на род. (2) В архаической форме рода происхождение ограничено женской линией, что является “родством только по женской линии” м-ра Макленнана и что также утверждается им без какой-либо ссылки на род.

Давайте проследим за этим вопросом дальше. Приведены семь определений племенной системы и племени (Исследования и др., 113-115).

“Чистая экзогамия. -1. Племенная (или семейная) система.—Племена разделены. Все члены каждого племени одной крови или выдают себя за s0. Браки между членами племени запрещены.

“2. Племенная система.—Племя - совокупность семейных групп, распадающихся на подразделения, кланы, тумы и т.д. Отсутствие родства между членами одного подразделения: родство между всеми подразделениями.

“3. Племенная система.—Племя - это скопление семейных групп. * * * Отсутствие родства между лицами, фамилия которых указывает на то, что они одного происхождения.

“4. Племенная система. —Племя в подразделениях. Отсутствие родства между членами одних и тех же подразделений: родство между некоторыми подразделениями; только частичное родство между другими. * * *

“5. Племенная система.—Разделение племени. Отсутствие родства между лицами одного происхождения: родство между каждым подразделением и каким-либо другим. Нет родства между некоторыми подразделениями. Каста.

“Эндогамия в чистом виде. 6. Племенная (или семейная) система.—Племена разделены. Все члены каждого племени одной крови или притворяются таковыми. Супружество между членами племени: брак без представителей племени запрещен и наказывается.

“7. Племенная система нечеткая”.

Семь определений племенной системы должны определять группу, называемую племенем, с достаточной отчетливостью, чтобы ее можно было распознать.

Однако первое определение представляет собой головоломку. В племенной системе есть несколько племен, но нет термина для совокупности племен. Предполагается, что они не образуют единого тела. Как отдельные племена попадают в племенную систему или удерживаются вместе, не показано. Все члены каждого племени одной крови или притворяются таковыми и, следовательно, не могут вступать в смешанные браки. Это могло бы подходить для описания рода; но род никогда не встречается отдельно от других родов. В каждом племени, состоящем из родов, есть несколько родов, смешанных браком. Но мистер Макленнан не мог бы использовать здесь слово "племя" ни как эквивалент рода, ни как совокупность семейных групп. Поскольку отдельные группы единокровников удерживаются вместе в племенной системе, тела которых не определены, а система необъяснима, нам предлагается нечто совершенно новое. Определение 6 во многом такое же. Маловероятно,

чтобы племя, соответствующее любому из этих определений, когда-либо существовало в какой-либо части земли; ибо это не род, не племя, состоящее из родов, и не нация, образованная слиянием племен.

Определения 2d, 3d, 4-е и 5-е несколько более понятны. В каждом случае они показывают племя, состоящее из родов, или подразделений, основанных на родстве. Но это скорее нееврейская, чем племенная система. Поскольку брак разрешен между кланами, тумами или подразделениями одного и того же племени, “экзогамия” не может быть применена к племени ни в том, ни в другом случае. Клан, тум или подразделение “экзогамны” по отношению к самим себе, но “эндогамны” по отношению к другим кланам, тум или подразделениям. Утверждается, что в некоторых случаях существуют особые ограничения.

Когда мистер Макленнан применяет термины “экзогамия” или “эндогамия” к племени, как можно узнать, является ли это одним из нескольких отдельных племен в племенной системе, что бы это ни значило, или племенем, определяемым как совокупность семейных групп? На следующей странице (116) он замечает: “Отдельные эндогамные племена почти столь же многочисленны и в некоторых отношениях столь же грубы, как и отдельные экзогамные племена”. Если он использует племя как совокупность семейных групп, то есть племя, состоящее из родов, то о племени нельзя утверждать “экзогамию”. Нет ни малейшей вероятности, что “экзогамия” когда-либо существовала в племени, состоящем из родов, в какой-либо части земли. Везде, где была обнаружена родовая организация, смешанные браки внутри рода запрещены. Это дает то, что мистер Макленнан называет “экзогамией”. Но, как столь же общее правило, допускаются смешанные браки между членами одного рода и членами всех других родов того же племени. Род “экзогамен”, а племя, по сути, “эндогамно”. В этих случаях, если не в других, было важно знать группу, охватываемую словом “племя”. Возьмем другую иллюстрацию (стр. 42): “Если можно показать, во-первых, что экзогамные племена существуют или существовали когда-то; и, во-вторых, что в более грубые времена отношения отдельных племен были равномерно или почти равномерно враждебными, мы обнаружили ряд обстоятельств, при которых мужчины могли заполучить жен, только захватив их в плен”. Здесь мы находим исходный пункт теории м-ра Макленнана о похищении жен. Чтобы сделать “стечение обстоятельств” (а именно, враждебные и, следовательно, независимые племена), слово *tribe*, используемое здесь, должно относиться к более крупной группе, племени, состоящему из родов. Ибо члены нескольких родов племени смешиваются браком в каждой семье на всей территории, занимаемой племенем. Все роды должны быть враждебными или ни одного. Если этот термин применяется к меньшей группе, роду, то род является “экзогамным”, а племя в данном случае на семь восьмых “эндогамным”, и что происходит с “набором обстоятельств”, требующих кражи жены?

Основными примерами, приводимыми в “Первобытном браке” для доказательства “экзогамии”, являются кхонды, калмыки, черкесы, самоеды-юраки, некоторые племена Индии и Австралии, а также некоторые индейские племена Америки, среди которых ирокезы (стр. 75-100). Американские племена обычно состоят из родов. Мужчина не может жениться на женщине того же рода, что и он сам; но он может жениться на женщине любого другого рода своего собственного племени. Например, мужчине из рода Волков племени Сенека ирокезов запрещено жениться на женщине того же рода не только в племени сенека, но и в любом из пяти оставшихся племен ирокезов. Здесь мы имеем дело с “экзогамией” м-ра Макленнана, но ограниченной, как это всегда бывает, родом индивида. Но мужчина может жениться на женщине в любом из семи оставшихся родов Сенека. Здесь мы имеем “эндогамию” в племени, практикуемую членами каждого рода в семи оставшихся родах

Сенека. Обе практики существуют бок о бок в одно и то же время, в одном и том же племени, и так было с незапамятных времен. Тот же факт справедлив для племен американских индейцев в целом. Тем не менее м-р Макленнан приводит их в качестве примеров “экзогамных племен”; и таким образом они ложатся в основу его теорий.

Что касается “эндогамии”, м-р Макленнан, вероятно, воздержался бы от ее использования в приведенном выше случае: во-первых, потому, что “экзогамия” и “эндогамия” здесь не представляют двух противоположных принципов, как они существуют в его воображении; и, во-вторых, потому, что в действительности следует указать только на один факт, а именно, что смешанные браки в роде запрещены. Американские индейцы, как правило, могут вступать в брак в своем собственном или в чужом племени, как им заблагорассудится, но не в своем роде. М-р Макленнан смог привести один справедливый случай “эндогамии”, связанный с татарами-манчу (стр. 116), “которые запрещали браки между лицами, чьи фамилии разные”. Среди существующих племен было обнаружено еще несколько подобных случаев.

Если бы организации, например, юраков-самоедов Сибири (82), магаров Непала (83), племен муннипори, купуи, моу, мурам и мурринг в Индии (87), были исследованы на основе первоначальных свидетельств, весьма вероятно, что они были бы найдены в точности аналогичными племенам ирокезов; “подразделения” и “тумы” были родами. Лэтем, говоря о группе самоедов юрак или касово, цитирует Клапрота следующим образом: “Это разделение родства соблюдается настолько строго, что ни один самоед не берет жену из рода, к которому он сам принадлежит. Напротив, он ищет ее в одном из двух других”.⁴³⁰ Тот же автор, говоря о магарах, замечает: “Существует двенадцать тумов. Предполагается, что все особи, принадлежащие к одному и тому же туму, происходят от одного и того же предка мужского пола; происхождение от одной и той же великой матери ни в коем случае не является необходимым. Таким образом, муж и жена должны принадлежать к разным слоям общества. С одним и тем же человеком брака не бывает. Ты хочешь иметь жену? Если это так, посмотрите на большой палец вашего соседа; во всяком случае, смотрите дальше своего собственного. У меня впервые появилась возможность упомянуть об этой практике. Оно не будет последним: напротив, принцип, который оно предлагает, настолько распространен, что является почти универсальным”.⁴³¹ Мурринги и другие племена Индии разделены, и в отношении брака действуют те же правила. В этих случаях вполне вероятно, что мы имеем дело с племенами, состоящими из родов, где смешанные браки внутри рода запрещены. Каждый род “экзогамен” по отношению к самому себе и “эндогамен” по отношению к остальным родам племени. Тем не менее мистер Макленнан приводит их в качестве примеров “экзогамных” племен. Известно, что основные австралийские племена организованы в роды, при этом смешанные браки внутри рода запрещены. И здесь род “экзогамен”, а племя “эндогамно”.

Если род “экзогамен” по отношению к самому себе и “эндогамен” по отношению к остальным родам того же племени, то какая польза от этой пары терминов для обозначения того, что является всего лишь одним фактом — запрета смешанных браков в роде? “Экзогамия” и “эндогамия” не имеют никакой ценности как пара терминов, поскольку они претендуют на то, чтобы представлять или выражать противоположные состояния общества. Они не имеют применения в американской этнологии и, вероятно, не имеют в азиатской или европейской. “Экзогамия”, стоящая особняком и применяемая к небольшой группе (роду), о которой только и можно утверждать, могла бы быть терпимой. В Америке нет “экзогамных” племен, но множество “экзогамных” родов; и когда обнаруживается род, нас интересуют его правила, и они всегда должны быть сформулированы как правила рода. Мистер Макленнан

нашел клан, тум, подразделение “экзогамным”, а совокупность кланов, тум, подразделений “эндогамными”; но он ничего не говорит об “эндогамии”. Он также не говорит, что клан, подразделение или таум “экзогамны”, но что племя “экзогамно”. Мы могли бы предположить, что он намеревался использовать tribe как эквивалент clan, thum и division; но мы сталкиваемся с трудностью, заключающейся в том, что он определяет “племя [как] совокупность семейных групп, распадающихся на подразделения, кланы, тумы и т.д.” (114), и сразу же (116) он замечает, что “отдельные эндогамные племена почти столь же многочисленны и в некоторых отношениях столь же грубы, как и отдельные экзогамные племена”. Если мы возьмем его основные определения, то можно сказать, не опасаясь противоречия, что мистер Макленнан в своей книге не привел ни одного случая “экзогамного” племени.

Есть еще одно возражение против этой пары терминов. Они противопоставлены друг другу для обозначения противоположных и непохожих условий жизни общества. Какой из двух является более грубым, а какой более продвинутым? Мистер Макленнан приводит здесь множество предостережений. “Они могут представлять собой переход от экзогамии к эндогамии или от эндогамии к экзогамии” (115); “они могут быть одинаково архаичными” (116); и “они в некоторых отношениях” одинаково грубы (116); но прежде чем обсуждение закончится, “эндогамия” поднимается на более высокое положение и приближается к цивилизации, в то время как “экзогамия” отступает в сторону дикости. В рассуждениях мистера Макленнана об “экзогамии” стало удобным ввести гетерогенность, для устранения которой используется “эндогамия”, и внести гомогенность; так что “эндогамия” в конце концов берет верх над “экзогамией” как фактор прогресса.

Одной из ошибок мистера Макленнана было изменение позиций этих терминов. То, что он называет “эндогамией”, предшествует “экзогамии” в порядке человеческого прогресса и относится к низшему состоянию человечества. Восходя ко времени, когда сформировалась малайская система кровного родства, предшествовавшая роду, мы находим кровнородственные группы в брачных отношениях. Система кровного родства указывает как на факт, так и на характер групп и демонстрирует “эндогамию” в ее первозданной силе. Исходя из такого положения вещей, первая проверка “эндогамии” была обнаружена в группе пуналуан, которая стремилась исключить собственных братьев и сестер из брачных отношений, в то время как она сохраняла в этих отношениях первых, вторых и более отдаленных кузенов, все еще под названием братьев и сестер. То же самое в точности обнаруживается в австралийской организации по признаку пола. Следующим по порядку времени появился род, с происхождением по женской линии и с запрещением смешанных браков в роде. Это привело к появлению “экзогамии” мистера Макленнана. С этого времени “эндогамия” может быть отвергнута как влияние на человеческие дела.

Согласно м-ру Макленнану, “экзогамия” пришла в упадок в развивающихся сообществах; и когда происхождение было изменено на мужскую линию, оно исчезло в греческих и римских племенах (стр. 220). Совсем не так, то, что он называет “экзогамией”, началось в дикости с рода, продолжилось в варварстве и осталось в цивилизации. Оно существовало в родах греков и римлян во времена Солона и Сервия Туллия так же полно, как оно существует сейчас в родах ирокезов. “Экзогамия” и “эндогамия” были настолько основательно запятнаны способом их использования в “Первобытном браке”, что лучшее решение, которое сейчас можно принять по отношению к ним, - это отложить их в сторону.

2. Фраза мистера Макленнана: “Система родства только по линии женщин”.

“Примитивный брак” глубоко окрашен этой фразой. Он утверждает, что это родство, где оно преобладало, было единственным признанным родством; и, таким образом, на его лице написано заблуждение. Туранская, ганованская и малайская системы кровного родства ясно и убедительно показывают, что родство по мужской линии признавалось так же постоянно, как и по женской. У мужчины были братья и сестры, дедушки и бабушки, внуки и внучки, прослеживаемые как через мужчин, так и через женщин. Материнство детей можно было установить с уверенностью, в то время как их отцовство — нет; но они не отвергали родство по мужской линии из-за неопределенности, а давали презумпцию невиновности ряду лиц - вероятные отцы были отнесены к категории настоящих отцов, вероятные братья - к категории настоящих братьев, а вероятные сыновья - к категории настоящих сыновей.

После появления рода родство по женской линии приобрело возросшее значение, потому что теперь оно означало нееврейскую родню, в отличие от нееврейской. Это было родство, о котором в большинстве случаев мистеру Макленнану сообщили авторы, которых он цитирует. Дети представительниц женского пола рода оставались в нем, в то время как дети его представителей мужского пола были исключены. Каждый представитель рода вел свое происхождение исключительно по женской линии, когда происхождение шло по женской линии, и исключительно по мужской, когда происхождение шло по мужской линии. Его члены были организованной группой единокровников, носивших общее нееврейское имя. Они были связаны друг с другом кровным родством и дальнейшими узами взаимных прав, привилегий и обязанностей. Род-нееврей в обоих случаях становился выше других родов; не потому, что другие роды не признавались, а потому, что это предоставляло права и привилегии рода. Неспособность мистера Макленнана обнаружить это различие указывает на недостаточное изучение предмета, который он рассматривал. При происхождении по женской линии у мужчины были дедушки и бабушки, матери, братья и сестры, дяди, племянники и племянницы, внуки и внучатки в его роду; некоторые собственные и некоторые побочные; в то время как у него было то же самое вне его рода, за исключением дядей; и, кроме того, отцы, тети, сыновья и дочери и двоюродные братья. У женщины были те же родственники в роде, что и у мужчины, а также сыновья и дочери, в то время как у нее были те же родственники вне рода, что и у мужчины. Независимо от того, входил ли он в род или нет, брат признавался братом, отец - отцом, сын - сыном, и один и тот же термин применялся в любом случае без какой-либо дискриминации между ними. Происхождение по женской линии, на что только может указывать “родство только по женской линии”, таким образом, рассматривается как правило рода и ничего более. Это должно быть заявлено как таковое, потому что род - это первичный факт, а родственное родство - один из его атрибутов.

До родовой организации родство по женской линии, несомненно, превосходило родство по мужской и, несомненно, было главной основой, на которой были организованы низшие племенные группы. Но совокупность фактов, рассматриваемых в “Первобытном браке”, имеет мало отношения к тому состоянию человечества, которое существовало до родовой системы, или вообще не имеет его.

3. Нет никаких свидетельств общей распространенности наирской и тибетской полиандрии.

Эти формы полиандрии используются в рассуждениях м-ра Макленнана как универсальные на практике. Он использует их в своей попытке объяснить происхождение классификационной системы родства. Полиандрия Наир - это когда несколько не связанных родством лиц имеют одну общую жену (стр. 146). Это называется самой грубой формой. Тибетская полиандрия - это когда несколько братьев имеют одну общую жену. Затем он совершает быстрый пробег по племенам человечества, чтобы показать общую распространенность той или иной из этих форм полиандрии, и ему полностью не удастся

показать их распространенность. Мистеру Макленнану, по-видимому, не приходило в голову, что эти формы полиандрии являются исключительными и что они не могли быть распространены даже на холмах Нейлгерри или в Тибете. Если бы в среднем у трех мужчин была одна общая жена (двенадцать мужей на одну жену - это предел Наира, стр. 147), и это было общим для всего племени, две трети женщин, достигших брачного возраста, были бы без мужей. Можно с уверенностью утверждать, что подобное положение вещей никогда не существовало в целом среди племен человечества, и без более веских доказательств этому нельзя поверить в Нейлгерри Хиллз или в Тибете. Факты, касающиеся полиандрии Наир, полностью неизвестны. “Наир может быть одним из нескольких сочетаний мужей; то есть у него может быть любое количество жен” (стр. 148). Это, однако, не помогло бы незамужним женщинам обзавестись мужьями, хотя и увеличило бы число мужей у одной жены. Детоубийство женщин не может быть достаточно преувеличено, чтобы сделать эти формы полиандрии широко распространенными. Нельзя также с уверенностью сказать, что они оказали общее влияние на человеческие дела.

Малайская, туранская и ганованская системы кровного родства, однако, выявляют формы полигинии и полиандрии, которые повлияли на человеческие дела, потому что они были столь же универсальны по распространенности, как и эти системы, когда они соответственно возникли. В малайской системе мы находим свидетельства существования кровнородственных групп, основанных на браках брата и сестры, но включающих в группу побочных братьев и сестер. Здесь мужчины жили в многоженстве, а женщины - в полиандрии. В туранской и ганованской системах мы находим свидетельства существования более развитой группы — пуналуйцев в двух формах. Одно было основано на братстве мужей, а другое - на сестринстве жен; собственные братья и сестры теперь были исключены из брачных отношений. В каждой группе мужчины были полигинными, а женщины - полиандрическими. Обе практики встречаются в одной и той же группе, и обе важны для объяснения их системы кровного родства. Последняя названная система кровного родства предполагает пуналуальный брак в группе. Этот и малайский языки демонстрируют формы полигинии и полиандрии, которыми занимается этнография; в то время как наирская и тибетская формы полиандрии не только недостаточны для объяснения систем, но и не имеют общего значения.

Эти системы кровного родства в том виде, в каком они представлены в Таблицах, нанесли такой ущерб теориям и мнениям, выдвинутым в “Первобытном браке”, что я вынужден приписать этому факту нападки мистера Макленнана на мою гипотезу, объясняющую их происхождение, и его попытку заменить ее другой, отрицая, что это системы кровного родства.

II. Что гипотеза м-ра Макленнана о происхождении классификационной системы не объясняет ее происхождения.

Г-н Макленнан начинает с утверждения (стр. 372), что “явления, представленные во всех формах [классификационной системы], в конечном счете, относятся к брачному праву; и что, соответственно, его происхождение также должно быть таким”. Это основа моего объяснения; оно лишь частично совпадает с его собственным.

Закон о браке, в соответствии с которым он пытается объяснить происхождение малайской системы, - это закон, который содержится в полиандрии наир; а закон о браке, в соответствии с которым он пытается объяснить происхождение туранской и ганованской систем, - это закон, на который указывает тибетская полиандрия. Но у него нет ни наирской, ни тибетской системы кровного родства, с помощью которой он мог бы объяснить или

проверить свою гипотезу. Таким образом, он начинает без какого-либо материала из наирских или тибетских источников и с форм брачного права, которые никогда не существовали среди племен и наций, обладающих классификационной системой родства. Таким образом, с самого начала мы обнаруживаем, что рассматриваемое объяснение является всего лишь случайным предположением.

Г-н Макленнан отрицает, что системы в Таблицах (Consanguinity, стр. 298-382; 523-567) являются системами кровного родства. Напротив, он утверждает, что вместе они представляют собой “систему способов обращения к людям”. Он не однозначен в своем отрицании, но смысл его формулировок именно в этом. В своей работе о кровном родстве я указал на тот факт, что американские индейцы при фамильярном общении и при формальном приветствии обращались друг к другу именно по отношению, в котором они находились друг к другу, и никогда по личному имени; и что такое же употребление преобладало в Южной Индии и Китае. Они используют эту систему приветствия, потому что это система кровного родства - причина первостепенной важности. Мистер Макленнан хочет, чтобы мы верили, что эти всеобъемлющие системы были просто условными и созданы для того, чтобы люди могли обращаться друг к другу с приветствием, и ни для какой другой цели. Это удачный способ избавиться от этих систем и выбросить самые замечательные из существующих свидетельств о раннем состоянии человечества.

М-р Макленнан полагает, что где-то должна была существовать система кровного родства, совершенно независимая от системы обращений; “ибо представляется разумным полагать, “ замечает он (стр. 373), - что система кровных уз и система обращений начали бы развиваться вместе и в течение некоторого короткого времени имели бы общую историю”. Система кровных уз - это система кровного родства. Где же тогда утраченная система? Мистер Макленнан не создает ее и не показывает ее существование. Но я нахожу, что он использует системы в Таблицах как системы кровного родства, поскольку они соответствуют его гипотезе, не утруждая себя изменением утверждения, что это просто “способы обращения к людям”.

Что дикие и варварские племена во всем мире на протяжении неисчислимых веков должны были быть настолько заботливы о надлежащем способе обращения к родственникам, что создали малайскую, туранскую и ганованскую системы во всей их полноте и сложности именно для этой цели, и ни для какой другой, и никаких других систем, кроме этих двух — что в Азии, Африке, Полинезии и Америке они должны были согласиться, например, что к брату дедушки данного человека следует обращаться как к дедушке, что к братьям старше тебя следует обращаться как к старшим братьям, а к тем, кто младше, — просто как к младшим братьям. обеспечить общепринятый способ обращения к родственникам -совпадения настолько замечательные и по столь незначительной причине, что автору этой блестящей концепции будет вполне достаточно в это поверить.

Система способов обращения к людям была бы эфемерной, потому что все общепринятые обычаи эфемерны. Они также, по необходимости, были бы столь же разнообразны, как и расы человечества. Но система кровного родства - это совсем другое дело. Его отношения проистекают из семьи и брачного права и обладают даже большим постоянством, чем сама семья, которая развивается, в то время как система остается неизменной. Эти отношения выражали реальные факты социального состояния, когда формировалась система, и имели повседневное значение в жизни человечества. Их единообразие на огромных территориях земли и их сохранение в течение огромных периодов времени являются следствием их связи с брачным правом.

Когда была сформирована малайская система кровного родства, можно предположить, что мать могла осознавать, что ее собственные сын и дочь находятся с ней в определенных отношениях, которые можно выразить подходящими терминами; что ее собственная мать и собственная мать ее матери находятся с ней в определенных других отношениях; что другие дети ее собственной матери находятся с ней в еще других отношениях; и что дети ее собственной дочери находятся с ней в еще других отношениях — все это можно выразить подходящими терминами. Это положило бы начало системе кровного родства, основанной на очевидных кровных узах. Это заложило бы основу для пяти категорий отношений в малайской системе, причем без какой-либо ссылки на брачное право.

Когда вступали браки в группе и в кровнородственной семье, о чем свидетельствует малайская система, система распространялась на всю группу на основе этих первичных представлений. При смешанных браках братьев и сестер, собственных и побочных, в группе результирующая система кровного родства была бы малайской. Любая гипотеза, объясняющая происхождение малайской системы, потерпит неудачу, если эти факты будут проигнорированы. Такая форма брака и семьи создала бы малайскую систему. Это была бы система кровного родства с самого начала, и ее можно было бы объяснить только как таковую.

Если эти взгляды верны, то нет необходимости подробно рассматривать пункты гипотезы м-ра Макленнана, которая слишком туманна для философского обсуждения и совершенно неспособна дать объяснение происхождения этих систем.

III. Возражения мистера Макленнана против гипотезы, представленной в “Системах кровного родства” и т.д., не имеют силы.

То же неправильное понимание фактов и та же путаница идей, которые характерны для его последнего Эссе, проявляются и в этом. Он не проводит различия между отношениями по кровному родству и отношениями по браку, когда и то, и другое существует между одними и теми же людьми; и он также допускает ошибки во взаимоотношениях этих систем.

Нет необходимости шаг за шагом следовать критическим замечаниям мистера Макленнана по поводу этой гипотезы, некоторые из которых являются словесными, другие искажены, и ни одно из них не затрагивает сути рассматриваемых вопросов. Первое утверждение, которое он пытается опровергнуть, сформулировано им следующим образом: “Малайская система родства - это система кровного родства. Мистер Морган предполагает это и ничего не говорит о препятствиях для такого предположения” (стр. 342). Отчасти это система кровного родства, а отчасти брачных отношений. Этот факт очевиден. Взаимоотношения отца и матери, брата и сестры, старшего или младшего, сына и дочери, дяди и тети, племянника и племянницы и двоюродного брата, бабушки и матери, внука и дочери; а также шурина и невестка, зять и невестка, помимо прочих, приведены в Таблицах, которые были представлены мистеру Макленнану. Эти системы говорят сами за себя и не могут сказать ничего другого, кроме того, что они являются системами кровного родства. Предполагает ли мистер Макленнан, что у названных племен была система, отличная от той, что представлена в Таблицах? Если бы он это сделал, он был обязан представить ее или установить факт ее существования. Он не делает ни того, ни другого.

Можно рассмотреть два или три его особых замечания. “И действительно,” замечает он (стр. 346), “если мужчину называют сыном женщины, которая его не рожала, то то, что его так называют, явно не поддается объяснению по принципу естественного происхождения. Предполагаемое родство в этом случае не является фактически существующим настолько близким, насколько можно было бы установить происхождение индивидов; и,

соответственно, предложение мистера Моргана не подтверждается”. На первый взгляд, речь идет не о происхождении, а о брачных отношениях. Мужчина называет сестру своей матери своей матерью, а она называет его своим сыном, хотя и не родила его. Так обстоит дело в малайской, туранской и ганованской системах. Независимо от того, есть ли у нас кровные или пуналуальные браки, сестра матери мужчины является женой его предполагаемого отца. Она его мачеха, насколько наша система дает аналог; и среди нас мачеху называют матерью, а она называет своего пасынка сыном. Это не поддается объяснению, это правда, как кровное родство, на которое оно не претендует, но как брачные отношения, на которые оно претендует, это объяснение. Рассуждения мистера Макленнана в равной степени надуманны и в равной степени ошибочны в ряде случаев.

Переходя от малайской системы к туранской, он замечает (стр. 354): “Из этого следует, что сын мужчины и дочь его сестры, хотя и считались братом и сестрой, могли свободно вступать в брак, когда была установлена “племенная организация”, поскольку они принадлежали к разным племенам по происхождению”. Исходя из этого, он приводит аргументацию на двух или трех страницах, чтобы доказать, что “следовательно, доводы мистера Моргана недостаточны”. Если бы мистер Макленнан изучил туранскую или ганованскую систему кровного родства с очень умеренным вниманием, он бы обнаружил, что “сын мужчины и дочь его сестры” не являются “предполагаемыми братом и сестрой”. Напротив, они двоюродные братья. Это одно из наиболее очевидных, а также важных различий между малайской и туранской системами, и то, которое выражает разницу между кровнородственной семьей малайцев и семьей пуналуан в туранской системе.

Обычный читатель вряд ли возьмет на себя труд, необходимый для ознакомления с деталями этих систем. До тех пор, пока он не сможет следить за отношениями с легкостью и свободой, обсуждение системы будет скорее источником недоумения, чем удовольствия. Мистер Макленнан свободно использует условия взаимоотношений, но не во всех случаях использует их правильно.

В другом месте (стр. 360) м-р Макленнан указывает мне на различие между браком и сожителем, которого я не проводил; и сопровождает его риторическим расцветом, не уступающим лучшему в “Примитивном браке”.

Наконец, мистер Макленнан останавливается на двух предполагаемых ошибках, которые, по его мнению, искажают мое объяснение происхождения классификационной системы.

“Пытаясь объяснить происхождение системы классификации, мистер Морган допустил две радикальные ошибки. Его первая ошибка заключалась в том, что он не уделял пристального внимания главной особенности системы — классификации связанных лиц; что он не искал исток системы в происхождении классификации” (стр. 360). В чем разница в данном случае между системой и классификацией? Эти два понятия означают одно и то же и ни при какой возможности не могут означать ничего разного. Искать исток одного - значит искать исток другого.

“Вторая ошибка, или, скорее, я должен был бы сказать ошибка, заключалась в том, что я так легкомысленно принял систему за систему кровных уз” (стр. 361). Здесь нет ошибки, поскольку лица, названные в Таблицах, происходят от общих предков или связаны браком с кем-то из них. Это те же самые люди, которые описаны в Таблице, показывающей арийскую, семитскую и уральскую системы (Кровное родство, стр. 79-127). В каждой из этих систем они фактически связаны друг с другом кровным родством. В последнем случае каждое родство является специализированным; в первом они классифицируются по категориям; но во всех них одинаково конечная основа одна и та же, а именно фактическое кровное родство. Брак в

группе в первом случае и брак между отдельными парами во втором привели к различию между ними. В малайской, туранской и ганованской системах существует прочная основа для кровного родства, которое они демонстрируют в общем происхождении людей; а что касается брачных отношений, мы должны смотреть на форму брака, которую они указывают. Изучение и сравнение показывают, что для объяснения малайской и туранской систем необходимы две различные формы брака; отсюда применение в качестве критериев кровного брака в одном случае и пуналуальского брака в другом.

Хотя термины родства постоянно используются при приветствии, они используются таким образом именно потому, что это термины родства. Попытка мистера Макленнана превратить их в обычные способы обращения к людям тщетна. Хотя он придает большое значение этой точке зрения, он не использует их как “способы обращения” в попытке объяснить их происхождение. В той мере, в какой он хоть как-то использует их, он использует их строго как термины кровного родства. Было так же невозможно, чтобы “система способов обращения к людям” выросла независимо от системы кровного родства (стр. 373), как этот язык вырос независимо от идей, которые он представляет и выражает. Что могло бы придать этим терминам их значение при обращении к родственникам, кроме отношения кровного родства или аффинити, которое они выражали? Простое отсутствие способа обращения к людям никогда не смогло бы создать такие колоссальные системы, идентичные в мельчайших деталях на огромных участках земли.

Что касается существенного различия между объяснением мистером Макленнаном происхождения классификационной системы и тем, которое представлено в этом томе, — является ли это системой способов обращения к людям или системой кровного родства, — я вполне доволен тем, что предоставляю этот вопрос на суд читателя.

ЧАСТЬ IV

РАЗВИТИЕ ИДЕИ СОБСТВЕННОСТИ

ГЛАВА I

Три правила наследования

Остается рассмотреть рост собственности в несколько этнических периодов, правила, которые возникли в отношении владения ею и наследования, и влияние, которое она оказывала на древнее общество.

Самые ранние представления о собственности были тесно связаны с добыванием средств к существованию, что было главной потребностью. Количество предметов собственности, естественно, увеличивалось в каждый последующий этнический период по мере умножения тех видов искусства, от которых зависели средства существования. Таким образом, рост собственности шел бы в ногу с прогрессом изобретений и открытий. Каждый этнический период демонстрирует заметный прогресс по сравнению со своим предшественником не только в количестве изобретений, но и в разнообразии и объеме собственности, которые стали результатом этого. Многообразие форм собственности сопровождалось бы ужесточением определенных правил, касающихся владения ею и наследования. Обычаи, от

которых зависят эти правила владения собственностью и наследования, определяются и изменяются в зависимости от состояния и прогресса социальной организации. Таким образом, рост собственности тесно связан с увеличением числа изобретений и открытий, а также с совершенствованием социальных институтов, которые отмечают несколько этнических периодов человеческого прогресса.

I. Собственность в состоянии дикости.

С любой точки зрения трудно представить себе состояние человечества в этот ранний период его существования, когда оно было лишено всего, что оно приобрело благодаря изобретениям и открытиям, а также благодаря росту идей, воплощенных в институтах, обычаях. Прогресс человечества от состояния абсолютного невежества и неопытности был медленным во времени, но геометрическим по соотношению. Цепочкой необходимых выводов человечество может быть прослежено до тех времен, когда, не зная огня, не имея членораздельного языка и искусственного оружия, оно, подобно диким животным, зависело от спонтанных плодов земли. Медленно, почти незаметно они продвигались по пути дикости, от языка жестов и несовершенных звуков к членораздельной речи; от дубинки, как первого оружия, к копью, заостренному кремнем, и, наконец, к луку и стрелам; от кремневого ножа и долота к каменному топору и молотку; от озерца и тростниковой корзины к корзине, покрытой глиной, которая давала сосуд для варки пищи на огне; и, наконец, к гончарному искусству, которое давало сосуд, способный противостоять огню. В плане средств к существованию они перешли от натуральных фруктов в ограниченной среде обитания к чешуе и моллюскам на морских побережьях и, наконец, к хлебным корням и дичи. Изготовление веревок и шпагатов из волокон коры, разновидность ткани из растительной мякоти, дубление шкур, используемых в качестве одежды и покрытия для палаток, и, наконец, дома, построенные из жердей и покрытые корой или сделанные из досок, расколотых каменными клиньями, принадлежат, наряду с ранее названными, к разряду дикости. Среди второстепенных изобретений можно упомянуть пожарную дрель, мокасины и снегоступы.

К концу этого периода человечество научилось обеспечивать себя численностью по сравнению с первобытными временами; оно распространилось по лицу земли и овладело всеми возможностями континентов в интересах развития человечества. В социальной организации они продвинулись от кровнородственной орды к племенам, организованным в роды, и таким образом овладели зачатками основных правительственных институтов. Человеческая раса теперь успешно начала свой великий путь к достижению цивилизации, которая даже тогда, с членораздельным языком среди изобретений, с гончарным искусством среди искусств и с родами среди институтов, была в значительной степени обеспечена.

Период дикости вызвал огромные изменения в состоянии человечества. Та часть, которая возглавляла наступление, наконец организовала нееврейское общество и развила небольшие племена с деревнями тут и там, которые, как правило, стимулировали изобретательские способности. Их грубая энергия и еще более грубое искусство были направлены главным образом на пропитание. Они не добрались ни до деревенского частокола для защиты, ни до мучнистой пищи, и бедствие каннибализма все еще преследовало их. Названные искусства, изобретения и институты представляют собой почти всю сумму приобретений человечества в период дикости, за исключением поразительного прогресса в языке. В совокупности это кажется небольшим, но потенциально оно было огромным; потому что оно включало в себя зачатки языка, управления, семьи, религии, архитектуры дома и собственности, а также основные зачатки жизненных искусств. Все это

их потомки развили более полно в период варварства, и их цивилизованные потомки все еще совершенствуются.

Но собственность дикарей была незначительной. Их представления о ее ценности, желательности и наследовании были слабыми. Грубое оружие, ткани, утварь, одеяния, орудия труда из кремня, камня и кости, а также личные украшения представляют собой главные предметы собственности в жизни дикарей. Страсть к обладанию ею едва ли сформировалась в их умах, потому что сама эта вещь едва ли существовала. Тогдашний отдаленный период цивилизации был оставлен на то, чтобы развить в полную силу ту “жадность к наживе” (*studium lucri*), которая сейчас является такой господствующей силой в человеческом разуме. Земли, которые пока еще вряд ли являлись предметом собственности, принадлежали племенам совместно, в то время как многоквартирные дома находились в совместной собственности их обитателей. Над предметами чисто личного назначения, количество которых увеличивалось по мере медленного прогресса изобретений, великая страсть подпитывала его зарождающиеся силы. Те, что считались наиболее ценными, были помещены в могилу умершего владельца для его дальнейшего использования в стране духов. Того, что осталось, было достаточно, чтобы поднять вопрос о его наследовании. О способе его распределения в организации по родам наша информация ограничена или вообще отсутствует. С учреждением рода появилось первое великое правило наследования, которое распределяло имущество умершего человека между его родовитыми. Практически они присваивались ближайшими родственниками; но общим принципом было то, что собственность должна оставаться в роду умершего и распределяться между его членами. Этот принцип был сохранен в цивилизации греческими и латинскими родами. Дети унаследовали от своей матери, но ничего не взяли от своего предполагаемого отца.

II. Собственность на низшем уровне варварства.

От изобретения керамики до одомашнивания животных или, как эквивалент, выращивания кукурузы и других растений с помощью орошения продолжительность периода, должно быть, была короче, чем период дикости. За исключением гончарного искусства, пальчикового ткачества и искусства земледелия, в Америке, которая давала мучнистую пищу, ни одно великое изобретение или открытие не ознаменовало этот этнический период. Она в большей степени отличалась прогрессом в развитии институтов. Пальцевое плетение с использованием основы и гав, по-видимому, относится к этому периоду, и его следует считать одним из величайших изобретений; но нельзя с уверенностью утверждать, что это искусство не было достигнуто в условиях дикости. Ирокезы и другие племена Америки, занимавшие такое же положение, изготавливали ремни и перевязи из основы и гав превосходного качества и отделки, используя тонкую бечевку, изготовленную из волокон коры вяза и липы.⁴³² Принципы этого великого изобретения, которое с тех пор одевает человечество, были реализованы в совершенстве; но они не смогли распространить его на производство тканых предметов одежды. Графическое письмо также, по-видимому, впервые появилось в этот период. Если оно возникло раньше, то сейчас получило очень значительное развитие. Это интересно как один из этапов искусства, кульминацией которого стало изобретение фонетического алфавита. Серия взаимосвязанных изобретений, по-видимому, была следующей: 1. Язык жестов, или язык личных символов; 2. Графическое письмо, или идиографические символы; 3. Иероглифы, или условные символы; 4. Иероглифы фонетической силы, или фонетические символы, используемые в учебной программе; и 5. фонетический алфавит, или письменные звуки. Поскольку язык письменных звуков развивался на последовательных стадиях развития, развитие предшествующих ему процессов является одновременно важным и поучительным. Иероглифы на памятниках

Копана, по-видимому, относятся к разряду условных символов. Они показывают, что американские аборигены, практиковавшие первые три формы, независимо продвигались в направлении фонетического алфавита.

Изобретение частокола как средства обороны деревни, щита из необработанной кожи для защиты от стрелы, которая теперь стала смертоносным снарядом, нескольких разновидностей боевой дубинки, вооруженной камнем в оболочке или наконечником из оленьего рога, по-видимому, также относится к этому периоду. Во всяком случае, когда их обнаружили, они были в обычном употреблении у племен американских индейцев, находившихся на более низком уровне варварства. Копье, заостренное кремнем или костью, не было обычным оружием лесных племен, хотя иногда использовалось.⁴³³ Это оружие относится к периоду дикости, до изобретения лука и стрел, и вновь появляется как видное оружие на Высшем уровне варварства, когда в обиход вошло копье с медным наконечником, а способом ведения войны стал ближний бой. Лук со стрелами и боевая дубинка были основным оружием американских аборигенов, находившихся на более низком уровне варварства. В гончарном деле был достигнут некоторый прогресс в увеличении размеров изготавливаемых сосудов и в их орнаментации;⁴³⁴ но оно оставалось чрезвычайно грубым до конца того периода. Произошел ощутимый прогресс в архитектуре домов, в размерах и способах строительства. Среди второстепенных изобретений были пневматическое ружье для стрельбы по птицам, деревянная ступка и молотилка для измельчения кукурузы в муку и каменная ступка для приготовления красок; глиняные и каменные трубки с использованием табака; костяные и каменные орудия более высокого качества, в том числе каменные молотки и кувалды, ручка и верхняя часть камня обтянуты сырой кожей; а также мокасины и пояса, украшенные иглами дикобраза. Некоторые из этих изобретений были заимствованы, что не маловероятно, у племен среднего статуса; ибо именно благодаря этому постоянно повторяющемуся процессу более развитые племена возвышали тех, кто был ниже их, настолько быстро, насколько последние были способны оценить и присвоить средства прогресса.

Выращивание кукурузы и других растений дало людям пресный хлеб, индийский суккоташ и мамалыгу. Это также привело к появлению нового вида собственности, а именно обрабатываемых земель или садов. Хотя земли находились в общей собственности племени, право собственности на обрабатываемую землю теперь признавалось за отдельным человеком или группой, которые становились предметом наследования. Группа, объединенная в общее домашнее хозяйство, в основном принадлежала к одному роду, и правило наследования не позволяло отделять ее от родства.

Собственность и имущество мужа и жены сохранялись раздельными и оставались после их кончины в том роде, к которому каждый из них соответственно принадлежал. Жена и дети ничего не взяли у мужа и отца, а муж ничего не взял у жены. У ирокезов, если мужчина умирал, оставляя жену и детей, его имущество распределялось между его неевреями таким образом, чтобы большая часть его досталась его сестрам и их детям, а также дядям по материнской линии. Его братья могли получить небольшую часть. Если женщина умирала, оставляя мужа и детей, ее дети, ее сестры, а также ее мать и ее сестры наследовали ее имущество; но большая часть переходила к ее детям. В каждом случае собственность оставалась в роду. У оджибва имущество матери распределялось между ее детьми, если они были достаточно взрослыми, чтобы пользоваться им; в противном случае или при отсутствии детей оно переходило к ее сестрам, а также к ее матери и ее сестрам, исключая ее братьев. Хотя они изменили происхождение по мужской линии, наследование по-прежнему

осуществлялось по правилу, которое преобладало, когда происхождение происходило по женской линии.

Разнообразие и количество собственности были больше, чем в дикости, но все же недостаточны для развития сильного чувства по отношению к наследованию. В приведенном выше способе распределения, как указывалось в другом месте, можно распознать зародыш второго великого правила наследования, которое передавало собственность агнатическому роду, исключая остальных неевреев. Агнация и агнатический род, как теперь определено, предполагают происхождение по мужской линии; но включенные в нее лица будут сильно отличаться от лиц, имеющих происхождение по женской линии. Принцип один и тот же в обоих случаях, и термины кажутся столь же применимыми в одном, как и в другом. При происхождении по женской линии агнаты - это те люди, которые могут проследить свое происхождение исключительно по женской линии от того же общего предка, что и человек без завещания; в другом случае, которые могут проследить свое происхождение исключительно по мужской линии. В основе агнатического родства лежит кровная связь людей внутри рода по прямому происхождению в данной линии от одного и того же общего предка.

В настоящее время среди передовых индейских племен начало проявляться отвращение к родовому наследию. У некоторых она была свергнута, и на ее место было поставлено исключительное право наследования у детей. Свидетельства этого отвращения приводились в других местах, среди ирокезов, криков, чероки, чокта, меномини, кроу и оджибва, со ссылками на способы, принятые для того, чтобы отцы могли передавать свое имущество, теперь значительно увеличившееся в размерах, своим детям.

Уменьшение каннибализма, этого ужасающего бича дикости, было очень заметно в более Ранний период варварства. От этого отказались как от обычной практики; но оставались военной практикой, как объяснялось в другом месте, на протяжении всего этого и до Среднего периода. В таком виде он был обнаружен у основных племен Соединенных Штатов, Мексики и Центральной Америки. Употребление мучнистой пищи было главным средством избавления человечества от этого дикого обычая.

Теперь мы лишь бегло прошли по двум этническим периодам, которые охватывали, по меньшей мере, четыре пятых всего существования человечества на земле. Находясь в Более Низком статусе, высшие качества человека начали проявляться. Личное достоинство, красноречие в речи, религиозная чувствительность, прямота, мужественность и отвага теперь были обычными чертами характера; но жестокость, предательство и фанатизм были столь же распространены. Поклонение элементам в религии, со смутным представлением о личных богах и Великом Духе, грубое сочинение стихов, совместные дома и хлеб из кукурузы относятся к этому периоду. Она также породила синдиазмическую семью и конфедерацию племен, организованных в роды и фратрии. Воображение, эта великая способность, которая в значительной степени способствовала возвышению человечества, теперь создавало неписаную литературу мифов, легенд и традиций, которые уже стали мощным стимулом для развития расы.

III. Собственность на среднем уровне варварства.

Состояние человечества в этот этнический период было утрачено более полностью, чем в любой другой. Он был выставлен деревенскими индейцами Северной и Южной Америки в варварском великолепии в эпоху их открытия. Их правительственные институты, их религиозные догматы, их план домашней жизни, их искусство и их правила, касающиеся

владения и наследования собственности, могли быть полностью достигнуты; но этой возможности было позволено избежать. Все, что осталось, - это разрозненные фрагменты правды, погребенные под ложными представлениями и романтическими историями.

Этот период начинается в Восточном полушарии с одомашнивания животных, а в Западном - с появления деревенских индейцев, живущих в больших многоквартирных домах из саманного кирпича, а в некоторых районах и из камня, уложенного рядами. Это сопровождалось выращиванием кукурузы и других растений с помощью орошения, для чего требовались искусственные каналы и садовые грядки, разбитые квадратами, с приподнятыми гребнями для удержания воды до полного впитывания. Когда их обнаружили, они были значительно продвинуты к концу Среднего периода, часть из них изготавливала бронзу, что приблизило их к более высокому процессу выплавки железной руды. Многоквартирный дом имел характер крепости и занимал промежуточное положение между обнесенной частоколом деревней Нижнего статуса и городом-стеной Верхнего статуса. На момент открытия в Америке не было городов в собственном смысле этого слова. В военном искусстве они достигли лишь небольшого прогресса, за исключением обороны, путем строительства огромных домов, обычно неприступных для нападения индейцев. Но они изобрели стеганую мантию (*escarpiles*), набитую хлопком, в качестве дополнительной защиты от стрел,⁴³⁵ и обоюдоострый меч (*macuahuitl*),⁴³⁶ каждое лезвие которого имело ряд угловатых кремневых наконечников, вставленных в деревянное лезвие. Они все еще пользовались луком и стрелами, копьем и боевой дубинкой, кремневыми ножами и топорами, а также каменными орудиями,⁴³⁷ хотя у них были медные топор и долото, которые по какой-то причине так и не вошли в обиход.

К кукурузе, фасоли, кабачкам и табаку теперь добавлялись хлопок, перец, помидоры, какао и уход за некоторыми фруктами. Пиво изготавливалось путем брожения сока магуи. Однако ирокезы производили аналогичный напиток путем брожения кленового сока. Глиняные сосуды вместимостью в несколько галлонов, тонкой текстуры и превосходной орнаментации изготавливались с помощью усовершенствованных методов в керамическом искусстве. Чаши, горшки и кувшины для воды производились в изобилии. Открытие и использование самородных металлов сначала для изготовления украшений, а затем для изготовления орудий труда и утвари, таких как медный топор и долото, относятся к этому периоду. Плавление этих металлов в тигле с вероятным использованием паяльной трубки и древесного угля и отливка их в формы, изготовление бронзы, грубых каменных скульптур, тканых одежд из хлопка,⁴³⁸ дома из обработанного камня, идеограммы или иероглифы, вырезанные на могильных столбах умерших вождей, календарь для измерения времени и камень солнцестояния для обозначения времен года, циклопические стены, одомашнивание ламы, разновидности собаки, индейки и других домашних птиц, относятся в Америке к тому же периоду. Жречество, организованное в иерархию и отличающееся костюмом, личными богами с изображающими их идолами и человеческими жертвоприношениями, появляются впервые в этот этнический период. В настоящее время появились два больших индейских пуэбло, Мехико и Куско, насчитывающие более двадцати тысяч жителей, число которых в предыдущий период было неизвестно. Аристократический элемент в обществе начал проявляться в слабых формах среди вождей, гражданских и военных, из-за увеличения численности при одном правительстве и растущей сложности дел.

Обращаясь к Восточному полушарию, мы находим, что его коренные племена в соответствующий период имели домашних животных, добывавших им мясо и молоко, но, вероятно, без садоводства и без мучных продуктов. Когда было сделано великое открытие о

том, что дикую лошадь, корову, овцу, осла, свиноматку и козла можно приручить и, выращивая стадами, сделать источником постоянного существования, это, должно быть, дало мощный импульс человеческому прогрессу. Но этот эффект не стал бы всеобщим до тех пор, пока не установилась бы пастушеская жизнь по созданию и содержанию стад. Европа, как лесная территория в основном, не была приспособлена к пастушескому состоянию; но травянистые равнины высокой Азии, а также берега Евфрата, Тигра и других рек Азии были естественными местами обитания пастушеских племен. Туда они, естественно, стремились; и в эти области мы прослеживаем наших собственных отдаленных предков, где они противостояли друг другу подобно пастушеским семитским племенам. Выращивание злаков и других растений, должно быть, предшествовало их миграции с травянистых равнин в лесные районы Западной Азии и Европы. Это было бы навязано им потребностями домашних животных, которые теперь включены в их жизненный план. Таким образом, есть основания предполагать, что выращивание злаков арийскими племенами предшествовало их миграции на запад, за исключением, возможно, кельтов. В этот период в Восточном полушарии появляются ткани из льна и шерсти, а также бронзовые орудия труда и оружие.

Таковы были изобретения и открытия, которые ознаменовали Средний период варварства. Общество теперь было более высокоорганизованным, и его дела становились все более сложными. Различия в культуре двух полушарий теперь существовали вследствие их неодинаковых дарований; но основное течение прогресса неуклонно продвигалось к познанию железа и его применения. Чтобы преодолеть барьер и достичь Высшего статуса, были необходимы металлические инструменты, способные удерживать лезвие. Железо было единственным металлом, способным отвечать этим требованиям. Наиболее развитые племена были остановлены у этого барьера в ожидании изобретения процесса выплавки железной руды.

Из вышеизложенных соображений очевидно, что к настоящему времени произошло значительное увеличение личной собственности и некоторые изменения в отношениях людей к земле. Территориальные владения по-прежнему принадлежали племени в целом; но теперь часть была выделена для поддержки правительства, другая - для религиозных нужд, а другая, более важная часть, та, за счет которой люди добывали средства к существованию, была разделена между несколькими родами, или общинами людей, которые проживали в одном и том же пуэбло (см. выше, [справочную страницу](#)). То, что какой-либо человек владел землями или домами по своему собственному праву, имея право продавать и передавать их за плату кому ему заблагорассудится, не только не установлено, но и маловероятно. Их способ совместного владения своими землями родами или сообществами людей, их домами с совместным проживанием и способ занятия их родственными семьями исключали индивидуальное владение домами или землями. Право продать долю в таких землях или в таких домах и передать их незнакомцу нарушило бы их жизненный план.⁴³⁹ Право собственности, которое, как мы должны предположить, существовало у отдельных лиц или в семьях, было неотчуждаемым, за исключением рода, и после смерти человека переходило по наследству к его или ее наследникам-неевреям. Многоквартирные дома и общие земли указывают на образ жизни, неблагоприятный для индивидуальной собственности.

Индейцы деревни Мокви, помимо своих семи больших пуэбло и садов, теперь владеют стадами овец, лошадей и мулов, а также значительной другой личной собственностью. Они изготавливают глиняные сосуды многих размеров и превосходного качества, а также шерстяные одеяла на ткацких станках и из пряжи собственного производства. Майор Дж. У. Пауэлл обратил внимание на следующий случай в пуэбло Орайбе, который показывает, что

муж не приобретает никаких прав на имущество жены или на детей от брака. Житель Зуни женился на женщине из племени Орайбе и имел от нее троих детей. Он жил с ними в Орайбе до смерти своей жены, которая произошла, когда майор Пауэлл находился в пуэбло. Родственники умершей жены завладели ее детьми и домашним имуществом, оставив ему его лошадь, одежду и оружие. Ему разрешили взять некоторые одеяла, которые принадлежали ему, но те, что принадлежали его жене, остались. Он покинул пуэбло вместе с майором Пауэллом, сказав, что поедет с ним в Санта-Фе, а затем вернется к своим соплеменникам в Зуни. Другой случай подобного рода произошел в другом пуэбло мокви (She-row-e-luv-ih), на который также обратил внимание мой информатор. Женщина умерла, оставив детей и мужа, а также имущество. Детей и имущество забрали родственники умершей жены; все, что мужу было разрешено взять, - это его одежду. Был ли он индейцем моки или из другого племени, майор Пауэлл, видевший этого человека, так и не узнал. Из этих случаев следует, что дети принадлежали матери, а не отцу, и что ему не разрешили забрать их даже после смерти матери. Таков же был обычай у ирокезов и других северных племен. Кроме того, имущество жены сохранялось отдельно и принадлежало ее родственникам после ее смерти. Это, как правило, показывает, что жена ничего не взяла у своего мужа, как следствие того факта, что муж ничего не взял у жены. В другом месте было показано, что это было в обычае у деревенских индейцев Мексики.

Женщины, как и мужчины, не исключено, имели право собственности на те комнаты и секции в этих домах пуэбло, которые они занимали; и они, несомненно, передавали эти права своим ближайшим родственникам в соответствии с установленными правилами. Нам нужно знать, как эти участки каждого пуэбло находятся в собственности и передаются по наследству, имеет ли владелец право продать и передать чужаку, а если нет, то характер и пределы его права собственности. Нам также нужно знать, кто наследует собственность мужчин, а кто наследует собственность женщин. Небольшое количество хорошо направленного труда дало бы столь желанную сейчас информацию.

Испанские авторы оставили вопрос о землевладении южных племен в неразберихе. Когда они обнаружили сообщество лиц, совместно владеющих землями, которые они не могли отчуждать, и что один человек среди них был признан их вождем, они сразу же отнесли к этим землям как к феодальному поместью, вождь - как к феодалу, а люди, совместно владевшие землями, - как к его вассалам. В лучшем случае это было искажение фактов. Ясно одно, а именно, что этими землями совместно владело сообщество людей; но одно, не менее важное, не указано, а именно, узы союза, которые удерживали этих людей вместе. Если бы существовал род или часть рода, весь предмет был бы сразу понят.

Происхождение по женской линии все еще сохранялось у некоторых племен Мексики и Центральной Америки, в то время как у других, и, вероятно, у большей части, оно было изменено на мужскую линию. Влияние собственности, должно быть, вызвало изменение, согласно которому дети могли участвовать в качестве агнатов в наследовании имущества своего отца. У майя происхождение происходило по мужской линии, в то время как у ацтеков, тецуканцев, тлакопанцев и тлашкаланцев трудно определить, было ли это по мужской или по женской линии. Вполне вероятно, что среди деревенских индейцев происхождение в основном менялось на мужскую линию, при этом проявлялись остатки архаичного правления, как в случае с должностью Теуктли. Это изменение не привело бы к отмене родового наследования. Ряд испанских авторов утверждают, что дети, а в некоторых случаях и старший сын, унаследовали имущество умершего отца; но такие утверждения, помимо изложения их системы, не имеют большой ценности.

У деревенских индейцев мы должны ожидать найти второе великое правило наследования, которое распределяло собственность между агнатическими родственниками. При происхождении по мужской линии дети умершего человека становились во главе агнатов и, вполне естественно, получали большую часть наследства. Маловероятно, что третье великое правило, предоставлявшее исключительное право наследования детям умершего владельца, утвердилось среди них. Обсуждение наследования более ранними и более поздними авторами неудовлетворительно и лишено точной информации. Институты, обычаи и привычки все еще регулировали этот вопрос и сами по себе могли объяснить систему. Без более веских доказательств, чем те, которыми мы сейчас располагаем, нельзя утверждать об исключительном наследовании детьми.

ГЛАВА II

Три правила наследования—Продолжение

Американские аборигены так и не вступили в последний великий период варварства. Он начался на Востоке, согласно принятой схеме, с производства и использования железа.

Процесс выплавки железной руды был изобретением из изобретений, как и предполагалось в других местах, по сравнению с которым все остальные изобретения и открытия занимают подчиненное положение. Человечество, несмотря на знание бронзы, все еще было остановлено в своем развитии из-за отсутствия эффективных металлических инструментов и из-за нехватки металла достаточной прочности для механических приспособлений. Все эти качества были впервые обнаружены в железе. Ускоренный прогресс человеческого интеллекта восходит к этому изобретению. Этот этнический период, который запомнился навсегда, был во многих отношениях самым ярким и примечательным за всю историю человечества. Он настолько переполнен достижениями, что наводит на подозрение, что многие из приписываемых ему работ относятся к предыдущему периоду.

IV. Собственность на высшем уровне варварства.

Ближе к концу этого периода массовая собственность, состоящая из многих видов и находящаяся в индивидуальной собственности, стала общей благодаря оседлому земледелию, мануфактурам, местной торговле и внешней коммерции; но старое владение землями, на котором они находились в общем владении, уступило место, за исключением части, раздельному владению. Систематическое рабство возникло в этом статусе. Оно напрямую связано с производством собственности. Из него произошла патриархальная семья еврейского типа и подобная семья латинских племен, находившихся под властью отца, а также модифицированная форма той же семьи среди греческих племен. По этим причинам, но более конкретно из-за возросшего изобилия средств к существованию за счет полевого земледелия, начали развиваться нации, насчитывающие многие тысячи под управлением одного правительства, тогда как раньше их насчитывали бы несколько тысяч. Локализация племен на фиксированных территориях и в укрепленных городах, с увеличением численности населения, усилила борьбу за обладание наиболее желанными территориями. Это имело тенденцию развивать военное искусство и увеличивать вознаграждение за индивидуальную доблесть. Эти изменения условий и образа жизни указывают на приближение цивилизации, которая должна была свергнуть неевреев и установить политическое общество.

Хотя жители Западного полушария не принимали участия в опыте, соответствующем этому статусу, они следовали по тому же пути, по которому прошли жители Восточного. Они отстали от наступающей колонны человеческой расы как раз на расстояние, измеряемое Высшим уровнем варварства и сверхнормативными годами цивилизации.

Теперь нам предстоит проследить рост идеи собственности в этом продвинутом состоянии, о чем свидетельствует ее признание в натуральной форме и правила, существовавшие в отношении владения ею и наследования.

Самые ранние законы греков, римлян и евреев после зарождения цивилизации делали немногим больше, чем превращали в правовые акты результаты, которые их предыдущий опыт воплотил в обычаях. Имея окончательные законы и предыдущие архаичные правила, промежуточные изменения, если они не известны явно, могут быть выведены с приемлемой уверенностью.

В конце Более позднего периода варварства произошли большие изменения во владении землями. Постепенно возникла тенденция к двум формам собственности, а именно государственной и частной. Но этот результат не был полностью достигнут до тех пор, пока не была достигнута цивилизация. Землями у греков, как мы видели, по-прежнему владели некоторые общие племена, некоторые - общая фратрия для религиозных целей, а некоторые - общий род; но большая часть земель перешла в индивидуальную собственность по отдельности. Во времена Солона, когда афинское общество все еще было нееврейским, землями в целом владели частные лица, которые уже научились закладывать их;⁴⁴⁰ но индивидуальное владение тогда не было чем-то новым. Римские племена с момента их первого основания обладали общественным достоянием, *Ager Romanus*; в то время как земли принадлежали курии для религиозных целей, роду и отдельным лицам. После того как эти социальные корпорации прекратили свое существование, земли, которыми они владели совместно, постепенно перешли в частную собственность. Очень мало известно, кроме того факта, что определенные земли находились во владении этих организаций для особых целей, в то время как отдельные лица постепенно присваивали содержание национальных территорий.

Эти несколько форм собственности, как правило, показывают, что древнейшее владение землей принадлежало общему племени; что после начала ее обработки часть земель племени была разделена между родами, каждый из которых владел своей общей долей; и что за этим со временем последовали наделы отдельным лицам, которые в конце концов переросли в индивидуальную собственность по отдельности. Незанятые и бесплодные земли по-прежнему оставались общей собственностью рода, племени и нации. По сути, это, по-видимому, был прогресс в накоплении опыта владения землей. Личная собственность, как правило, находилась в индивидуальной собственности.

Моногамная семья впервые появилась на Высшей ступени варварства, рост которой из предыдущей синдиазматической формы был тесно связан с увеличением собственности и обычаями в отношении ее наследования. Происхождение было изменено на мужскую линию; но вся собственность, как реальная, так и личная, оставалась, как это было с незапамятных времен, наследственной в роде.

Наша основная информация о видах собственности, существовавших среди греческих племен в этот период, почерпнута из поэм Гомера и из ранних законов периода цивилизации, которые отражают древние обычаи. В "Илиаде" упоминается об изгородях⁴⁴¹ вокруг возделанных полей, об ограде в пятьдесят акров, половина из которых была пригодна для выращивания винограда, а остальная - для обработки почвы;⁴⁴² а о Тидее говорится, что

он жил в поместье, богатом ресурсами, и у него в изобилии были поля для выращивания кукурузы.⁴⁴³ Нет причин сомневаться, что в то время земли были огорожены, измерены и находились в индивидуальной собственности. Это указывает на значительную степень прогресса в знании собственности и ее использования. Породы лошадей уже отличались особым совершенством.⁴⁴⁴ Стада крупного рогатого скота и отары овец, которыми владели отдельные лица, упоминаются как “овцы богатого человека, которых в загоне было бесчисленное множество”.⁴⁴⁵ Чеканные деньги все еще были неизвестны, следовательно, торговля велась путем обмена товаров, на что указывают следующие строки: “Оттуда длинноволосые греки покупали вино, одни за медь, другие за блестящее железо, третьи за шкуры, некоторые за самих волов, а некоторые за рабов”.⁴⁴⁶ Золото в слитках, однако, названо переходящим по весу и оценивается по весу. таланты.⁴⁴⁷ Упоминаются изготовленные изделия из золота, серебра, латуни и железа, а также льняные и шерстяные ткани во многих формах, а также дома и дворцы. Нет необходимости приводить дополнительные иллюстрации. Приведенных достаточно, чтобы показать, какого значительного прогресса достигло общество на высшей ступени варварства, в отличие от общества непосредственно предшествующего периода.

После того как домов и земель, стад скота и предметов обмена стало так много, что ими стали владеть индивидуальные собственники, вопрос об их наследовании привлекал внимание людей до тех пор, пока это право не было поставлено на основу, удовлетворяющую растущий интеллект греков. Архаичные обычаи были изменены в направлении более поздних концепций. Домашние животные представляли большую ценность, чем все известные ранее виды собственности, вместе взятые. Они служили пищей, их можно было обменять на другие товары, их можно было использовать для выкупа пленников, уплаты штрафов и для жертвоприношений при соблюдении религиозных обрядов. Более того, поскольку они были способны к неограниченному умножению числа, их обладание открыло человеческому разуму его первое представление о богатстве. За этим со временем последовала систематическая обработка земли, которая, как правило, отождествляла семью с почвой и превращала ее в организацию, создающую собственность. Вскоре это нашло выражение в латинских, греческих и еврейских племенах, в семье, находящейся под властью отца, включающей рабов и прислугу. Поскольку труд отца и его детей все больше и больше ассоциировался с землей, разведением домашних животных и производством товаров, это не только способствовало индивидуализации семьи, ныне моногамной, но и предполагало более высокие притязания детей на наследование собственности, в создании которой они помогли. До того, как земли были обработаны, стада, естественно, переходили в совместную собственность лиц, объединенных в группу по признаку родства для пропитания. Агнатическое наследование было бы склонно заявить о себе при таком положении вещей. Но когда земли стали предметом собственности, а наделы отдельным лицам привели к возникновению индивидуальной собственности, третье великое правило наследования, которое передавало собственность детям умершего владельца, несомненно, имело силу при агнатическом наследовании. Нет прямых доказательств того, что строгое агнатическое наследование когда-либо существовало среди латинских, греческих или еврейских племен, за исключением реверсии, установленной одинаково в римском, греческом и еврейском праве; но из реверсии можно сделать вывод, что исключительное агнатическое наследование существовало в ранний период.

Когда полевое земледелие продемонстрировало, что вся поверхность земли может быть превращена в объект собственности, принадлежащей отдельным лицам, и было обнаружено, что глава семьи становится естественным центром накопления, началась новая имущественная карьера человечества. Это было полностью сделано до окончания Более

Позднего периода варварства. Небольшое размышление должно убедить любого в том мощном влиянии, которое собственность теперь начнет оказывать на человеческий разум, и в великом пробуждении новых элементов характера, которое она должна была произвести. Из многих источников появляются свидетельства того, что слабый импульс, возникший в уме дикаря, теперь превратился в огромную страсть у великолепного варвара героической эпохи. Ни архаичные, ни более поздние обычаи не могли поддерживать себя в таком развитом состоянии. Теперь настало время, когда моногамия, гарантировав отцовство детей, утвердит и сохранит их исключительное право на наследование имущества их умершего отца.⁴⁴⁸

У еврейских племен, о варварском опыте которых известно очень мало, индивидуальная собственность на землю существовала еще до зарождения их цивилизации. Покупка Авраамом пещеры Махпела у Эфрона является иллюстрацией.⁴⁴⁹ Несомненно, что они прошли через предыдущий опыт, во всех отношениях сходный с опытом арийских племен; и, подобно им, вышли из варварства, владея домашними животными и злаками, а также разбираясь в железе и меди, золоте и серебре, художественных изделиях и тканях. Но во времена Авраама их знания о полевом земледелии были ограничены. Реконструкция еврейского общества после Исхода на основе кровнородственных племен, которым по достижении Палестины были выделены территориальные области, показывает, что цивилизация застала их при нееврейских институтах и ниже знаний о политическом обществе. Что касается владения и наследования собственности, то их опыт, по-видимому, совпадал с опытом римских и греческих племен, как можно с некоторой степенью ясности заключить из законодательства Моисея. Наследование было строго внутри фратрии и, вероятно, внутри рода, а именно "дома отца". Архаичное правило наследования у евреев неизвестно, за исключением того, что на него указывает реверсия, которая была по существу такой же, как в римском праве Двенадцати таблиц. У нас есть этот закон возврата, а также показательный случай, показывающий, что после того, как дети получили исключительное наследство, дочери наследовали за неимением сыновей. В этом случае брак привел бы к передаче их собственности из их собственного рода в собственность их мужа, если бы в случае наследниц не было наложено некоторое ограничение на это право. Предполагаемо и естественно, что браки внутри рода были запрещены. Это стало последним важным вопросом, который возник в отношении родового наследования. Этот вопрос стоял перед Моисеем как вопрос о еврейском наследовании, а перед Солоном - как вопрос об афинском наследовании, причем род претендовал на первостепенное право на его сохранение в составе своих членов; и оба рассматривали его одинаково. Можно разумно предположить, что тот же вопрос возникал в римских родах и частично решался правилом, согласно которому брак с женщиной приводил к *deminutio capitis*, а вместе с ним и к утрате агнатических прав. В этом вопросе был задействован другой вопрос, а именно, должен ли брак быть ограничен правилом, запрещающим его внутри рода, или стать свободным; мерой ограничения является степень, а не факт родства. Это последнее правило должно было стать окончательным результатом человеческого опыта в отношении брака. С учетом этих соображений приведенный случай проливает яркий свет на ранние институты евреев и показывает их существенное сходство с институтами греков и римлян при джентилизме.

Зелофехад умер, оставив дочерей, но сыновей не оставил, и наследство досталось первому. Впоследствии, когда эти дочери собирались выйти замуж за представителей колена Иосифа, к которому они принадлежали, члены колена, возражавшие против такой передачи собственности, поставили вопрос перед Моисеем, сказав: "Если они выйдут замуж за кого-либо из сыновей других колен сынов Израилевых, то наследство будет изъято из наследства наших отцов и передано в наследство племени, в которое они были приняты: так же оно

будет изъято из удела нашего наследства”.⁴⁵⁰ Хотя эта формулировка является всего лишь изложением результатов предлагаемого акта, она подразумевает, что жалоба; и этой жалобой была передача собственности от рода и племени, которым она, как считалось, принадлежала по наследственному праву. Еврейский законодатель признает это право на языке своего решения. “Колено сынов Иосифовых сказалось хорошо. Это то, что повелевает Господь относительно дочерей Зелофеада, говоря: пусть они выходят замуж за кого сочтут нужным; только за семью колена своего отца они должны выходить замуж. Так не должно переходить наследие сынов Израилевых от колена к колену, ибо каждый из сынов Израилевых должен придерживаться наследия колена отцов своих. И каждая дочь, получившая наследство в каком-либо колене сынов Израилевых, должна быть женой одного из членов семьи колена своего отца, чтобы сыны Израилевы могли пользоваться наследством своих отцов каждый мужчина”.⁴⁵¹ От них требовалось вступать в брак в своей собственной фратрии (см. Выше, [справочная страница](#)), но не обязательно в своем собственном роде. Соответственно, дочери Зелофеада были “выданы замуж за сыновей брата своего отца”,⁴⁵² которые были членами не только их собственной фратрии, но и их собственного рода. Они также были их ближайшими родственниками.

В предыдущем случае Моисей установил правило наследования и возвращения в следующей ясной формулировке. “И ты должен сказать сынам Израилевым, говоря: если человек умрет и у него не будет сына, тогда ты должен передать его наследство его дочерям. И если у него нет дочери, тогда вы должны отдать его наследство его братьям. А если у него нет братьев, тогда вы должны отдать его наследство братьям его отца. И если у его отца нет братьев, тогда вы должны отдать его наследство его родственнику, ближайшему к нему из его семьи, и он должен владеть им”.⁴⁵³

Здесь названы три класса наследников: во-первых, дети умершего владельца; во-вторых, агнаты в порядке их близости; и в-третьих, неевреи, ограниченные членами фратрии умершего. Первым классом наследников были дети; но напрашивался вывод, что сыновья получали имущество при условии обязательства содержать дочерей. В другом месте мы находим, что старший сын получал двойную долю. За неимением сыновей наследство получали дочери. Вторым классом были агнаты, разделенные на две категории; во-первых, братья умершего, за неимением детей, получали наследство; и, во-вторых, за неимением их, братья отца умершего. Третьими были язычники, также в порядке их близости, а именно: “ближайший к нему родственник из его семьи”. Поскольку “семья племени” является аналогом фратрии (см. выше, [справочная страница](#)), имущество, за неимением детей и агнатов, переходило к ближайшему родственнику умершего владельца. Это исключало родственников из наследования, так что родственник, более дальний, чем брат отца, должен был наследовать в предпочтении детям сестры умершего. Показано, что происхождение происходило по мужской линии, и собственность должна оставаться наследственной в роде. Следует отметить, что отец не наследовал от своего сына, а дед - от своего внука. В этом отношении и почти во всех отношениях закон Моисея согласуется с законом Двенадцати Скрижалей. Это дает поразительную иллюстрацию единообразия человеческого опыта и параллельного развития одних и тех же идей у разных рас.

Позднее левитский закон установил брак на новой основе, независимой от языческих законов. Он запретил его появление в пределах определенных предписанных степеней кровного родства и аффинити и объявил его свободным за пределами этих степеней. Это искореняло языческие обычаи в отношении брака среди евреев; и теперь это стало правилом для христианских народов.

Обращаясь к законам Солона о наследовании, мы находим, что они по существу те же, что и у Моисея. Из этого совпадения напрашивается вывод, что предшествующие обычаи и институты афинян и евреев были во многом одинаковыми в отношении собственности. Во времена Солона третье великое правило наследования было полностью установлено среди афинян. Сыновья получали имущество своего умершего отца поровну; но на них возлагалась обязанность содержать дочерей и соответствующим образом распределять их после вступления в брак. Если сыновей не было, дочери наследовали поровну. Это создавало наследниц, наделяя женщину поместьями, которые, подобно дочерям Зелофехада, передавали собственность в результате брака из своего собственного рода в род своего мужа. Перед Солоном встал тот же вопрос, что и перед Моисеем, и был решен таким же образом. Чтобы предотвратить передачу собственности из рода в род посредством брака, Солон постановил, что наследница должна выйти замуж за своего ближайшего агната мужского пола, хотя они принадлежали к одному и тому же роду, и браки между ними ранее были запрещены обычаем. Это стало настолько незыблемым правилом афинского права, что г-н Де Куланж в своей оригинальной и наводящей на размышления работе выражает мнение, что наследство переходит к агнату при условии обязательства жениться на наследнице.⁴⁵⁴ Имели место случаи, когда ближайший агнат, уже женатый, разводился со своей женой, чтобы жениться на наследнице и таким образом получить поместье. Примером может служить Протомах из "Эвбулидов Демосфена".⁴⁵⁵ Но вряд ли можно предположить, что закон вынудил агната развестись со своей женой и жениться на наследнице или что он мог получить поместье, не становясь ее мужем. Если детей не было, поместье переходило к агнатам, а при отсутствии агнатов - к неевреям умершего владельца. Собственность сохранялась в пределах рода у афинян так же непреклонно, как у евреев и римлян. Солон превратил в закон то, что, вероятно, до этого стало устоявшимся обычаем.

Постепенный рост идеи собственности иллюстрируется появлением завещательных распоряжений, установленных Солоном. Это право было несомненно в конечном итоге принято, но для его развития требовались время и опыт. Плутарх отмечает, что Солон приобрел известность благодаря своему закону о завещаниях, который до этого был запрещен; но собственность и поместье должны оставаться в роду умершего. Когда он разрешал человеку завещать свою собственность любому, кому тот пожелает, в случае, если у него не было детей, он почитал дружбу больше, чем родство, и делал собственность законным владением владельца.⁴⁵⁶ Этот закон признавал абсолютное индивидуальное владение собственностью человеком при жизни, к которому теперь добавлялось право распоряжаться ею по завещанию кому угодно, в случае, если у него не было детей; но родовое право на собственность оставалось первостепенным до тех пор, пока существовали дети, представляющие его в роде. Таким образом, на каждом шагу мы встречаем свидетельства того, что великие принципы, которые сейчас управляют обществом, разрабатывались шаг за шагом, последовательно и неизменно в одном и том же восходящем направлении. Хотя некоторые из этих иллюстраций взяты из периода цивилизации, нет никаких оснований предполагать, что законы Солона были новыми творениями, независимыми от предшествующих. Они скорее воплощали в позитивной форме те представления о собственности, которые постепенно развивались на опыте, в полной мере в рамках самих законов. Позитивное право теперь было заменено обычным правом.

Римский закон двенадцати таблиц (впервые обнародованный в 449 г. до н.э.)⁴⁵⁷ содержит установленные на тот момент правила наследования. Собственность переходила сначала к детям, наравне с которыми жена умершего была сонаследницей; при отсутствии детей и потомков по мужской линии она переходила к агнатам в порядке их близости; а при отсутствии агнатов она переходила к неевреям.⁴⁵⁸ Здесь мы снова находим, как

фундаментальную основу закона, что собственность должна оставаться в роду. Обладали ли отдаленные предки латинских, греческих и еврейских племен, одно за другим, тремя великими правилами наследования, которые мы рассматриваем, у нас нет возможности узнать, кроме как путем реверсии. Представляется разумным сделать вывод, что наследование приобреталось в порядке, обратном закону, как он изложен в Двенадцати Таблицах; что наследование язычниками предшествовало наследованию агнатами, и что наследование агнатами предшествовало исключительному наследованию детьми.

В более поздний период варварства заметное развитие получил новый элемент - аристократия. Индивидуальность людей и увеличение богатства, которым теперь обладали отдельные люди в массах, закладывали основу личного влияния. Рабство, также, постоянно унижая часть людей, имело тенденцию устанавливать контрасты условий, неизвестные в предыдущие этнические периоды. Это, наряду с собственностью и официальным положением, постепенно развило чувства аристократии, которые так глубоко проникли в современное общество и вступили в противоречие с демократическими принципами, созданными и культивируемыми родами. Вскоре это нарушило равновесие в обществе, введя неравные привилегии и степень уважения к личности среди людей одной национальности, и, таким образом, стало источником разногласий.

На Высшем уровне варварства должность вождя различных степеней, первоначально наследственная в роде и выборная среди его членов, переходила, весьма вероятно, среди греческих и латинских племен, как правило, от отца к сыну. То, что это переходило по наследственному праву, не может быть признано на основании существующих свидетельств; но обладание любой из должностей архонта, фило-базилевса или базилевса у греков, а также принцепса и рекса у римлян имело тенденцию укреплять в их семьях аристократические чувства. Однако она не стала достаточно сильной, чтобы существенно изменить демократическую конституцию ранних правительств этих племен, хотя и обрела постоянное существование. Собственность и должности были фундаментом, на котором зиждилась аристократия.

Вопрос о том, будет ли этот принцип жить или умрет, был одной из величайших проблем, с которыми современное общество сталкивалось в последующие периоды. Поскольку речь идет о выборе между равными и неравными правами, между равными законами и неравноправными законами, между правами на богатство, ранг и официальное положение, а также властью правосудия и интеллекта, то в конечном результате может быть мало сомнений. Хотя прошло несколько тысяч лет без свержения привилегированных классов, за исключением Соединенных Штатов, был продемонстрирован их обременительный характер для общества.

С момента появления цивилизации рост собственности был настолько огромным, ее формы такими разнообразными, ее использование таким расширяющимся, а управление ею таким разумным в интересах ее владельцев, что со стороны народа она превратилась в неуправляемую силу. Человеческий разум пребывает в замешательстве перед своим собственным творением. Тем не менее, придет время, когда человеческий разум достигнет господства над собственностью и определит отношения государства к собственности, которую оно защищает, а также обязанности и пределы прав ее владельцев. Интересы общества превыше интересов личности, и они должны быть приведены к справедливым и гармоничным отношениям. Простая имущественная карьера не является конечной судьбой человечества, если прогресс должен стать законом будущего, как это было в прошлом. Время, прошедшее с момента зарождения цивилизации, - это всего лишь фрагмент прошлой продолжительности существования человека; и всего лишь фрагмент грядущих эпох. Распад

общества справедливо претендует на то, чтобы стать завершением карьеры, целью которой является собственность; потому что такая карьера содержит элементы саморазрушения. Демократия в управлении, братство в обществе, равенство в правах и привилегиях и всеобщее образование предвещают следующий, более высокий уровень общества, к которому неуклонно стремятся опыт, интеллект и знания. Это будет возрождение, в более высокой форме, свободы, равенства и братства древних родов.

Теперь были представлены некоторые принципы и некоторые результаты роста идеи собственности в человеческом сознании. Хотя эта тема была недостаточно освещена, ее важность, по крайней мере, была продемонстрирована.

При едином принципе интеллекта и единой физической форме, в силу общего происхождения, результаты человеческого опыта были по существу одинаковыми во все времена и на территориях с одинаковым этническим статусом.

Принцип интеллекта, хотя и обусловлен в своих силах узкими пределами вариативности, стремится к идеальным стандартам, неизменно одним и тем же. Следовательно, его деятельность была единообразной на всех этапах человеческого прогресса. Невозможно привести аргумент в пользу единства происхождения человечества, который по своей природе является более удовлетворительным. Общий принцип интеллекта встречается нам и в дикаре, и в варваре, и в цивилизованном человеке. Именно благодаря этому человечество смогло производить в сходных условиях одни и те же орудия труда и утварь, одни и те же изобретения и развивать сходные институты на основе одних и тех же первоначальных зародышей мысли. Есть что-то грандиозное в принципе, который создал цивилизацию путем усердного применения с самого начала; от наконечника стрелы, который выражает мысль в мозгу дикаря, до выплавки железной руды, которая олицетворяет высший интеллект варвара, и, наконец, до движущегося железнодорожного состава, который можно назвать триумфом цивилизации.

Следует рассматривать как удивительный факт, что часть человечества пять тысяч лет назад, меньше или больше, достигла цивилизации. Строго говоря, только две семьи, семитская и арийская, выполнили эту работу без посторонней помощи, занимаясь саморазвитием. Арийская семья представляет собой центральный поток человеческого прогресса, потому что она породила высший тип человечества и потому что она доказала свое внутреннее превосходство, постепенно взяв под свой контроль землю. И все же цивилизацию следует рассматривать как случайное стечение обстоятельств. Ее достижение в какой-то момент было несомненным; но то, что это должно было быть достигнуто именно тогда, когда это было сделано, по-прежнему является экстраординарным фактом. Препятствия, удерживавшие человечество в состоянии дикости, были велики и преодолевались с трудом. Достигнув Среднего уровня варварства, цивилизация висела на волоске, в то время как варвары путем экспериментов с самородными металлами нащупывали свой путь к процессу выплавки железной руды. Пока не было известно о железе и его применении, цивилизация была невозможна. Если бы человечеству до настоящего времени не удалось преодолеть этот барьер, это не дало бы повода для удивления. Когда мы осознаем продолжительность существования человека на земле, обширные превращения, через которые он прошел в дикости и варварстве, и прогресс, который он был вынужден совершить, цивилизация могла бы столь же естественно задержаться на несколько тысяч лет в будущем, как и произойти, когда это произошло по благовому промыслу Божьему. Мы вынуждены прийти к выводу, что это было результатом, что касается времени его достижения, ряда случайных обстоятельств. Это может послужить напоминанием нам о том, что своим нынешним состоянием, с его многочисленными средствами обеспечения безопасности и счастья, мы обязаны борьбе,

страданиям, героическим усилиям и терпеливому труду наших варварских и, более отдаленно, диких предков. Их труды, их испытания и их успехи были частью плана Высшего Разума по превращению дикаря в варвара, а этого варвара - в цивилизованного человека.

Примечания

[←1]

Мистер Эдвин Б. Тайлор отмечает, что Гоке “впервые выдвинул в прошлом столетии идею о том, что способ изготовления керамики заключался в том, что люди обмазывали такие горючие сосуды, как эти, глиной, чтобы защитить их от огня, пока не обнаружили, что только глина подходит для этой цели, и так в мире появилось гончарное искусство”. — “Ранняя история человечества”, стр. 273. Гоке рассказывает о капитане. Гонневиль, посетивший юго—восточное побережье Южной Америки в 1503 году, рассказывал, что нашел “их домашнюю утварь из дерева, даже горшки для варки, но обмазанные чем-то вроде глины толщиной в добрый палец, что не позволяло огню обжечь их”. -Ib. 273.

[←2]

Керамика была найдена в курганах аборигенов в штате Орегон в течение нескольких лет назад. — Фостер “Доисторические расы Соединенных Штатов”, I, 152. Первые керамические сосуды у аборигенов Соединенных Штатов, по-видимому, изготавливались в корзинах из тростника или ивы, использовавшихся в качестве форм, которые обжигались после того, как сосуд затвердевал.—Джонс “Древности южных индейцев”, стр. 461. Статья проф. Рау о “Керамике”. “Отчет Смитсоновского института”, 1866, стр. 352.

[←3]

“Ранняя история человечества”, стр. 181; “Доисторические времена”, стр. 437, 441, 462, 477, 533, 542.

[←4]

Льюис и Кларк (1805) обнаружили, что доски использовались в домах племен реки Колумбия. — “Путешествия”, изд. Лонгмана, 1814, стр. 503. Мистер Джон Кист Лорд нашел “кедровую доску, отколотую от цельного дерева стамесками и топориками из камня” в домах индейцев на острове Ванкувер — “Натуралист в Британской Колумбии”, I, 169.

[←5]

“Ранняя история человечества” Тайлора, стр. 265, и далее”

[←6]

“Геологическая служба Индианы”, 1873, стр. 119. Он приводит следующий анализ: Древняя керамика, “Банк костей”, Поузи Ко., Индиана.

Moisture at 212o F.,	1.00	Peroxide of Iron,	5.50
Silica,	36.00	Sulphuric Acid,	.20
Carbonate of Lime,	25.50	Organic Matter (alkalies and loss),	23.60
Carbonate of Magnesia,	3.02		100.00
Alumina,	5.00		

[←7]

“История американских индейцев”, Последнее изд., 1775, стр. 424. Ирокезы утверждают, что в древние времена их предки обжигали глиняную посуду на огне.

[←8]

“Lucr. De Re. Nat., ”библиотека v, 951.

[←9]

Как совокупность сил она настолько сложна, что, вполне вероятно, возникла случайно. Эластичность и прочность определенных пород дерева, натяжение веревки из сухожилий или растительных волокон с помощью изогнутого лука и, наконец, их сочетание для приведения в движение стрелы с помощью человеческих мышц - не слишком очевидные предположения для ума дикаря. Как уже отмечалось в другом месте, лук и стрелы неизвестны полинезийцам в целом и австралийцам в частности. Уже из одного этого факта видно, что человечество было достаточно развито в диком состоянии, когда впервые появились лук и стрелы.

[←10]

“Чипсы из немецкой мастерской”, Сост. Таблица, ii, стр. 42.

[←11]

“История Рима”. Изд-во Скрибнера, 1871, I, стр. 38.

[←12]

Ранние испанские авторы говорят о “бессловесной собаке”, одомашненной на островах Вест-Индии, а также в Мексике и Центральной Америке. (Смотрите рисунки ацтекской собаки в стр. iii. том I. “Истории Мексики” Клавиджеро). Я не видел опознавательных знаков этого животного. Они также говорят о домашней птице и индюшках на континенте. Аборигены одомашнили индейку, а племена науатлаков - некоторые виды дикой птицы.

[←13]

Из "Илиады" мы узнаем, что греки доили своих овец, а также коров и коз. См. “Илиаду”, iv, 433.

[←14]

“Луэр. De Re. Нат v, 1369 год.

[←15]

Возможно, египтяне изобрели подъемный кран (см. Геродот, ii, 125). У них также были весы.

[←16]

Фонетический алфавит, как и другие великие изобретения, появился в результате последовательных усилий. Медлительный египтянин, совершенствуя иероглиф в нескольких его формах, достиг учебного плана, состоящего из фонетических знаков, и на этом этапе отдыхал от своих трудов. Он мог писать постоянными знаками на камне. Затем появился любознательный финикиец, первый мореплаватель и торговец на море, который, независимо от того, был ли он ранее сведущ в иероглифах или в чем-то другом, по-видимому, сразу же приобщился к трудам египтянина и по гениальному наитию справился с проблемой, о которой тот мечтал. Он создал тот чудесный алфавит из шестнадцати букв, который со временем дал человечеству письменность и средства для ведения литературных и исторических записей.

[←17]

“Страбон”, I, 2.

[←18]

Гомер упоминает самородные металлы; но они были известны задолго до него и до появления железа. Использование древесного угля и тигля для его плавки подготовило почву для выплавки железной руды.

[←19]

Исследования Бекмана оставили сомнения в существовании настоящей бронзы раньше, чем греки и латиняне узнали о железе. Он считает, что “электрум”, упомянутый в “Илиаде”, представлял собой смесь золота и серебра (“История изобретений”, изд. Бона, ii, 212); и что “олово” римлян, состоявшее из серебра и свинца, было таким же, как “касситерон” Гомера (Ib., ii, 217). Это слово обычно интерпретировалось как олово. Комментируя композицию, называемую бронзой, он замечает: “По моему мнению, большая часть этих предметов была сделана из ”олова“, правильно так называемого, которое из-за примеси благородных металлов и некоторой сложности плавки оказалось более пригодным для использования, чем чистая медь”. (Ib., ii. 213). Эти наблюдения были ограничены народами Средиземноморья, на территории которых олово не производилось. Топоры, ножи, бритвы, мечи, кинжалы и личные украшения, обнаруженные в Швейцарии, Австрии, Дании и других частях Северной Европы, при анализе были обнаружены состоящими из меди и олова и, следовательно, подпадают под строгое определение бронзы. Они также были обнаружены в отношениях, указывающих на приоритет железа.

[←20]

Происхождение языка исследовано достаточно глубоко, чтобы выявить серьезные трудности на пути любого решения проблемы. Похоже, что от него отказались, по общему согласию, как от бесполезной темы. Это скорее вопрос законов человеческого развития и необходимых действий ментального принципа, чем материала языка. Лукреций отмечает, что с помощью звуков и жестов люди в первобытный период, запинаясь, сообщали друг другу о своих мыслях (— ст. 1021). Он предполагает, что мысль предшествовала речи, а язык жестов - членораздельному языку. Язык жестов, по-видимому, был примитивным, старшей сестрой членораздельной речи. Это все еще универсальный язык варваров, если не дикарей, в их взаимном общении, когда их диалекты не совпадают. Американские аборигены разработали такой язык, показывая тем самым, что он может быть сформирован адекватно для общего общения. Используемый ими язык одновременно изящен и выразителен, и его использование доставляет удовольствие. Это язык естественных символов, и поэтому он обладает элементами универсального языка. Язык жестов легче изобрести, чем язык звуков; и, поскольку им овладевают с большей легкостью, возникает предположение, что он предшествовал членораздельной речи. Согласно этой гипотезе, звуки голоса сначала должны были прийти на помощь жестам; и по мере того, как они постепенно приобретали общепринятое значение, они в определенной степени вытесняли язык знаков или включались в него. Это также способствовало бы развитию голосовых органов. Никакое предложение не может быть более ясным, чем то, что жест сопровождал членораздельную речь с момента ее зарождения. Оно все еще неотделимо от него; и может воплощать остатки, благодаря выживанию древней ментальной привычки. Если бы язык был совершенен, жест, направленный на удлинение или подчеркивание его значения, был бы ошибкой. По мере того как мы спускаемся по ступеням языка к его более грубым формам, количество и разнообразие жестовых элементов увеличивается, пока мы не обнаружим, что языки настолько зависят от жестов, что без них они были бы по существу непонятны.

Вырастая и процветая бок о бок в период дикости и далеко в период варварства, они остаются в измененных формах неразрывно соединенными. Тем, кому интересно решить проблему происхождения языка, не мешало бы обратиться к возможным предложениям языка жестов.

[←21]

Предполагается, что египтяне дистанционно связаны с семитской семьей.

[←22]

“Восточные и лингвистические исследования” Уитни, стр. 341.

[←23]

М. Кикерез, швейцарский инженер, обнаружил в кантоне Берн остатки нескольких горных печей для выплавки железной руды, а также инструменты, фрагменты железа и древесный уголь. Чтобы построить один из них, на склоне холма была сделана выемка, в которой из глины был сформирован бош с дымоходом в виде купола над ним для создания тяги. Не было обнаружено никаких свидетельств использования мехов. Кузнечные горны, по-видимому, были заполнены чередующимися слоями измельченной руды и древесного угля, горение поддерживалось раздуванием пламени. В результате получилась губчатая масса частично расплавленной руды, которая впоследствии была спаяна в компактную массу ударом молотка. Под слоем торфа толщиной двадцать футов было обнаружено месторождение древесного угля. Маловероятно, что эти печи были ровесниками технологии выплавки железной руды; но они, что не маловероятно, были близкими копиями оригинальной печи — См. “Первобытный человек” Фигье, изд. Патнэма, стр. 301.

[←24]

Дворец Приама. — Ил., vi, 242.

[←25]

Дом Улисса—Од., xvi, 448.

[←26]

Od., vii, 115.

[←27]

Римляне проводили различие между *connubium*, которое относилось к браку, рассматриваемому как гражданский институт, и “*conjugium*”, который был простым физическим союзом.

[←28]

Подробными фактами об австралийской системе я обязан преподобному Лоримеру Файсону, английскому миссионеру в Австралии, который получил часть из них от преподобного У. Ридли, а другую часть - от Т. Э. Ланса, эсквайра, оба они провели много лет среди австралийских аборигенов и пользовались прекрасными возможностями для наблюдений. Факты были присланы мистером Файсоном с критическим анализом и обсуждением системы, которые вместе с наблюдениями автора были опубликованы в “Трудах Am. Acad. искусств и наук за 1872 год”. См. том ii. viii, стр. 412. Краткое описание классов камилароев дано в книге Макленнана “Первобытный брак”, стр. 118; и в книге Тайлора “Ранняя история человечества”, стр. 288.

[←29]

Системы кровного родства и сродства человеческой семьи (Смитсоновский вклад в знания)”, т. xvii р. 420, “et seq.”

[←30]

Если составить диаграмму происхождения, например, Иппаи и Капоты, и перенести ее на четвертое поколение, дав каждой промежуточной паре по два ребенка, мужчине и женщине, то появятся следующие результаты. Дети Иппаи и Капоты являются Мурри и Мата. Как братья и сестры, последние не могут вступать в брак. На второй ступени дети Мурри, женатого на Буте, - Иппай и Иппата, а Маты, женатой на Кумбо, - Кубби и Капота. Из них Иппай женится на своей двоюродной сестре Капоте, а Кубби женится на своей двоюродной сестре Иппате. Следует отметить, что восемь классов воспроизводятся от двух во втором и третьем поколениях, за исключением Кумбо и Бута. На следующей или третьей степени есть два Мурри, два Мата, два Кумбо и два Бута; из которых Мурри женятся на Бута, своих троюродных братьях, а Кубби-на Мата, своих троюродных братьях. В четвертом поколении есть по четыре Иппаи, Капотаса, Куббиса и Иппатаса, которые являются троюродными братьями. Из них иппаи женятся на капотах, а кубби - на иппатах; и так это передается из поколения в поколение. Аналогичная таблица остальных классов, пригодных для вступления в брак, даст аналогичные результаты. Эти подробности утомительны, но они делают очевидным тот факт, что в этом состоянии древнего общества они не только постоянно вступали в смешанные браки, но и были вынуждены делать это через эту организацию по половому признаку. Совместное проживание не было бы таким неизменным, потому что весь класс мужчин и женщин состоял в браке в группе; но в рамках системы это должно было происходить постоянно. Таким образом, потерпела поражение одна из основных целей, которых добивался род, когда достигал полной зрелости, а именно, разделение части потомков предполагаемого общего предка под запретом смешанных браков с последующим правом вступления в брак с представителями любого другого рода.

[←31]

“Proc. Am. Acad. Искусства и науки”, viii, 436.

[←32]

В “Письмах Скенандоа об ирокезах”, опубликованных в “Америкэн Ревью” в 1847 году; в “Лиге ирокезов”, опубликованной в 1851 году; и в “Системах кровного родства человеческой семьи”, опубликованных в 1871 году. (“Смитсоновский вклад в знания”, т. xvii.) Я использовал “племя” как эквивалент “рода” и вместо него; но с точным определением группы.

[←33]

Эти буханки или пирожные были около шести дюймов в диаметре и дюйм толщиной.

[←34]

“Североамериканское обозрение”, апрельский номер 1873 г., стр. 370 Примечание.

[←35]

Сыновья нескольких сестер являются братьями друг другу, а не двоюродными. Последние здесь выделены как побочные братья. Таким образом, сын брата человека - это его сын, а не племянник; в то время как сын его побочной сестры - это его племянник, а также сын его собственной сестры. Первый известен как побочный племянник.

[←36]

Произносится как “джен-ти-лес”, что может быть замечено теми, кто не знаком с латынью.

[←37]

“История Америки”, Последнее изд., 1725, пер. Стивенса, iv, 171.

[←38]

Ib., iv, 34.

[←39]

“История Америки”, iii, 298.

[←40]

“Королевские комментарии”, Последнее изд., 1688, пер. Рико, стр. 107.

[←41]

Эррера, iv, 231.

[←42]

Их сердца яростно горят день и ночь без перерыва, пока они не прольют кровь за кровь. Они передают от отца к сыну память о потере своих родственников или кого-то из своего племени или семьи, хотя бы это была старая женщина”. — История Адера. Амер. Индейцы”, Последнее изд., 1775, стр. 150.

[←43]

“История Рима” Моммзена, изд. Скрибнера, пер. Диксона, i, 49.

[←44]

Одним из двенадцати родов омахас является Ла’-та-да, Ястреб-Голубятник, который имеет, среди прочих, следующие названия:

Имена мальчиков:

Ах-хисе-на-да, “Длинное крыло”.

Гла-дан-но-че, “Ястреб, балансирующий в воздухе”.

Нест-тасе’-кя, “Белоглазая птица”.

Имена девочек:

Ме-та’на, “Птичье пение при дневном свете”.

Ля-тя-дя-вин, “Одна из птиц”.

Ва-тя-на, “Птичье яйцо”.

[←45]

Когда будут названы конкретные обычаи, будет понятно, что это ирокезские, если не указано обратное.

[←46]

После того, как люди собрались в доме совета, один из вождей выступил с речью, в которой рассказал об этом человеке, причине его усыновления, имени и роде усыновляющего человека, а также имени, даруемом послушнику. Два вождя, взяв человека за руки, затем прошли с ним через дом совета и обратно, распевая песню усыновления. На это люди отвечали музыкальным хором в конце каждого куплета. Марш продолжался до тех пор, пока не закончились куплеты, для чего потребовалось три раунда. На этом церемония

завершилась. Американцев иногда принимают за комплимент. На мою долю выпало несколько лет назад быть таким образом принятым в род Ястребов Сенека, когда эта церемония повторилась.

[←47]

“История Греции” Грота. i, 194.

[←48]

“Лига ирокезов”, стр. 182.

[←49]

“Хранители Веры” были примерно такими же многочисленными, как и вожди, и избирались мудрецами и матронами каждого рода. После их отбора совет племени возвысил их с церемониями, соответствующими случаю. У них отняли имена, а вместо них давали новые, принадлежащие к этому классу. Были выбраны мужчины и женщины примерно в равном количестве. Они были цензорами народа, наделенными полномочиями сообщать совету о злых деяниях людей. Принять эту должность было обязанностью избранных лиц; но после разумной службы каждый мог отказаться от нее, что делалось путем отказа от своего имени Хранителя Веры и восстановления своего прежнего имени.

[←50]

“Лига ирокезов”, стр. 182.

[←51]

“История американских индейцев”, стр. 183.

[←52]

“Дионисий”, lib. II, глава vii; и vid. lib. II. c. xiii.

[←53]

На то, что очищение производилось фратрией, указывает Эсхил: “Эвмениды”, 656.

[←54]

“Лига ирокезов”, стр. 294.

[←55]

Согласно верованиям ирокезов, это было десятидневное путешествие с земли на небеса для ушедшего духа. В течение десяти дней после смерти человека скорбящие собирались каждую ночь, чтобы оплакать покойного, при этом они предавались чрезмерному горю. Панихиду или стенание исполняли женщины. Это был древний обычай - разводить костер на могиле каждую ночь в течение одного и того же периода. На одиннадцатый день они устроили пир; дух усопшего достиг небес, места упокоения, и больше не было причин для скорби. С праздником все закончилось.

[←56]

“Илиада”, ii, 362.

[←57]

“Коренные народы Тихоокеанских штатов” Бэнкрофта, I, 109.

[←58]

O-tă'-was.

[←59]

Оджибва, как они теперь утверждают, в древние времена изготавливали глиняные трубки, кувшины для воды и сосуды. Индийская керамика была раскопана в разное время в Солт-Сент-Мэри, в которой они признают работу своих предков.

[←60]

Потаваттами и кри разошлись примерно в равной степени. Вполне вероятно, что оджибва, отава и кри были одним народом на диалекте после того, как потаваттами отделились.

[←61]

Представлявший собой смесь леса и прерии, это был превосходный охотничий край. В прериях в изобилии произрастал вид хлебного корня - камаш. Летом здесь было изобилие ягод. Но в этом отношении он не превосходил другие районы. Отличительной чертой этого региона были неисчерпаемые запасы лосося в Колумбии и других реках побережья. Они миллионами заполняли эти ручьи, и их ловили в сезон с легкостью и в величайшем изобилии. После того, как их разделали и высушили на солнце, они были упакованы и отправлены в свои деревни, где составляли их основную пищу в течение большей части года. Помимо этого, на побережье велся промысел ракушек, которые поставляли большое количество пищи в зимние месяцы. В Дополнение к этим концентрированным преимуществам климат был мягким и ровным в течение всего года — примерно как в Теннесси и Вирджинии. Это был рай для племен, не имевших представления о зерновых культурах.

[←62]

С большой степенью вероятности можно показать, что долина Колумбии была посевной землей семьи гановани, из которой в прошлые века выходили последовательные потоки мигрирующих групп, пока не были заселены обе части континента. И далее, что оба подразделения продолжали пополняться жителями из этого источника вплоть до эпохи европейских открытий. Эти заключения могут быть выведены из физических причин, из относительных условий и из языковых отношений индейских племен. Огромные просторы центральных прерий, которые непрерывно простирались более чем на полторы тысячи миль с севера на юг и более чем на тысячу миль с востока на запад, служили препятствием для свободного сообщения между тихоокеанской и атлантической сторонами континента в Северной Америке. Следовательно, представляется вероятным, что первоначальная семья, начавшая свое распространение из долины Колумбии и мигрировавшая под влиянием физических причин, достигла бы Патагонии раньше, чем Флориды. Известные факты настолько убедительно указывают на этот регион как на исконную родину индейской семьи, что умеренное количество дополнительных свидетельств сделает гипотезу убедительной.

Открытие и выращивание кукурузы существенно не изменили ход событий и не приостановили действие предыдущих причин; хотя это стало важным фактором в прогрессе улучшения. Неизвестно, где произрастал этот американский злак; но тропический регион Центральной Америки, где растительность чрезвычайно активна, где это растение особенно плодородно и где были обнаружены древнейшие поселения индейцев, был принят по общему согласию в качестве вероятного места его зарождения. Следовательно, если бы культивирование началось в Центральной Америке, оно распространилось бы сначала по Мексике, а оттуда в Нью-Мексико и долину Миссисипи, а оттуда снова на восток, к берегам Атлантики; объем культивирования уменьшается от начальной точки к конечным точкам. Она распространялась независимо от деревенских индейцев, вызванная желанием более варварских племен добыть новые средства к существованию; но она никогда не простиралась за пределы Нью-Мексико до долины Колумбии. хотя земледелие

практиковалось миннитари и манданами в верховьях Миссури, шиитами на Красной реке на севере, гуронами озера Симко в Канаде и абенаки в Кеннебеке, а также в целом племенами между Миссисипи и Атлантикой. Мигрирующие группы из долины Колумбии, следуя по следам своих предшественников, будут давить на деревенских индейцев Нью-Мексико и Мексики, стремясь вытеснить перемещенные и разрозненные племена к Южному Перешейку и через него в Южную Америку. Такие изгнанные группы несли с собой первые ростки прогресса, развитого жизнью деревенских индейцев. Повторяющийся через определенные промежутки времени, он привел бы к появлению в Южной Америке класса жителей, намного превосходящего те дикие племена, которые существовали ранее, и за счет обнищавшей таким образом северной части. В конечном результате Южная Америка заняла бы передовое положение в развитии, даже среди стран с более низким уровнем развития, что, по-видимому, и было фактом. Перуанская легенда о Манко Капаке и Маме Оэлло, детях солнца, брате и сестре, муже и жене, показывает, если можно сказать, что это что-то показывает, что группа деревенских индейцев, мигрировавших издалека, хотя и не обязательно непосредственно из Северной Америки, собралась вместе и научила грубые племена Анд высшим искусствам жизни, включая выращивание кукурузы и других растений. В результате простого и вполне естественного процесса легенда покинула группу и сохранила только лидера и его жену.

[←63]

“Коллегия. Терно-Компанс”, IX, стр. 181-183.

[←64]

Акоста. “Естественная и нравственная история Ост- и Вест-Индии”, Последнее изд., 1604, пер. Гримстоуна, стр. 500-503.

[←65]

Ближе к концу прошлого века сенека-ирокезы в одной из своих деревень на реке Аллегани установили деревянного идола и исполняли вокруг него танцы и другие религиозные церемонии. Мой информатор, покойный Уильям Паркер, видел этого идола в реке, в которую он был брошен. Кого он олицетворял, он так и не узнал.

[←66]

Они были приняты в Конфедерацию Крик после их свержения французами.

[←67]

Примерно в 1651-1675 годах они изгнали родственные им племена эри из региона между рекой Джинси и озером Эри, а вскоре после этого нейтральные нации с реки Ниагара и, таким образом, завладели остальной частью Нью-Йорка, за исключением нижнего Гудзона и Лонг-Айленда.

[←68]

Ирокезы утверждали, что он существовал от ста пятидесяти до двухсот лет, когда они впервые увидели европейцев. Поколения сахемов в истории Дэвида Кусика (Тускарора) сделали бы ее более древней.

[←69]

Мой друг Горацио Хейл, выдающийся филолог, пришел, как он сообщил мне, к такому выводу.

[←70]

Дети братьев сами являются братьями и сестрами друг для друга, дети последних также были братьями и сестрами, и так до бесконечности; дети и потомки сестер - одно и то же. Дети брата и сестры являются двоюродными братьями, дети последних - двоюродными братьями, и так далее до бесконечности. Знание отношений друг к другу представителей одного и того же рода никогда не теряется.

[←71]

Гражданский совет, который мог быть создан любой нацией, обычно созывался и открывался следующим образом: Если, например, онондага обращались с призывом, они посылали герольдов к онейдам на востоке и кайюгам на западе от них с поясами, содержащими приглашение встретиться в роще совета Онондага в такой-то день такой-то луны для целей, которые также были названы. Тогда в обязанности кайюга вошло бы отправить такое же уведомление сенеке, а в обязанности онейды - уведомить ирокезов. Если совет собирался с мирными целями, то каждый сахем должен был принести с собой вязанку хвороста из белого кедра, символизирующего мир; если для военных целей, то хворост должен был быть из красного кедра, символизирующего войну.

В назначенный день сахемы нескольких народов со своими сторонниками, которые обычно прибывали за день или два до этого и оставались лагерем на некотором расстоянии, были официально приняты сахемами Онондага при восходе солнца. Отдельными процессиями они шли из своих лагерей к роще совета, каждый со своей кожаной накидкой и вязанкой хвороста, где их ждали сахемы Онондага со множеством людей. Затем сахемы образовали круг - сахем Онондага, который по назначению исполнял обязанности церемониймейстера, заняв сторону, обращенную к восходящему солнцу. По сигналу они двинулись по кругу, двигаясь на север. Здесь можно заметить, что край круга, обращенный к северу, называется "холодной стороной" (o-to'-wa-ga); что на западе - "стороной, обращенной к заходящему солнцу" (ha-gă-kwäs'-gwä); что на юге - "стороной высокого солнца" (en-de-ih'-kwä); и что на востоке - "стороной восходящего солнца" (t'-kă-gwit-käs'-gwä). Пройдя три раза по кругу гуськом, соединив голову и ногу колонны, предводитель остановился со стороны восходящего солнца и положил перед собой свою вязанку хвороста. За ним последовали остальные, по одному за севером, образовав таким образом внутренний круг из хвороста. После этого каждый сахем расстелил свою кожаную накидку в том же порядке и сел на нее, скрестив ноги, за своей вязанкой хвороста, а его помощник сахем встал у него за спиной. Церемониймейстер после минутной паузы встал, достал из своей сумки два куска сухого дерева и кусок щепы, которыми он начал добывать огонь трением. Когда огонь был добыт таким образом, он вошел в круг и поджег свой собственный сверток, а затем каждый из остальных в том порядке, в котором они были уложены. Когда они были хорошо разожжены, по сигналу церемониймейстера сахемы встали и трижды прошли вокруг Горящего Круга, двигаясь, как и прежде, на север. Каждый на ходу время от времени оборачивался, чтобы подставить все стороны своей личности согревающему воздействию костров. Это свидетельствовало о том, что они потеплели в своих чувствах друг к другу, чтобы вести дела совета в дружбе и единстве. Затем они снова облачились каждый в свою мантию. После этого церемониймейстер снова поднялся на ноги, набил и раскурил трубку мира от своего собственного огня. Сделав три затяжки, одну за другой, он выдул первую в зенит, вторую к земле и третью к солнцу. Первым действием он поблагодарил Великого Духа за сохранение его жизни в течение прошедшего года и за то, что ему было позволено присутствовать на этом совете. Во второй раз он поблагодарил свою Мать, Землю, за ее различные творения, которые помогли ему прокормиться. И к третьему он вернулся, благодаря Солнце за его никогда не угасающий свет, всегда сияющий для всех. Эти слова не были повторены, но

таков смысл самих действий. Затем он передал трубку первому справа от себя, обращенному к северу, который повторил те же церемонии, а затем передал ее следующему, и так далее по кругу горения. Церемония курения калумета также означала, что они поклялись друг другу в своей вере, дружбе и чести.

Эти церемонии завершили открытие совета, который затем был объявлен готовым к работе, ради которой он был созван.

[←72]

Традиция гласит, что онондага поручили мудрецу посетить территории племен и выбрать и назначить новых сахемов в зависимости от обстоятельств; это объясняет неравномерное распределение должностей между несколькими родами.

[←73]

В начале американской революции ирокезы не смогли договориться об объявлении войны нашей конфедерации из-за отсутствия единогласия в совете. Ряд сахемов Онейды воспротивились этому предложению и в конце концов отказались от своего согласия. Поскольку нейтралитет с могавами был невозможен, а сенека были полны решимости сражаться, было решено, что каждое племя может участвовать в войне под свою ответственность или оставаться нейтральным. Война против Эри, против Нейтральной нации и Саскуэханноков, а некоторые из них были направлены против французов, были решены на общем совете. Наши колониальные архивы в основном заполнены переговорами с Конфедерацией ирокезов.

[←74]

Эсхил, “Семеро против Фив”, 1005.

[←75]

Один из сахемов Каюги.

[←76]

Один из сахемов Сенеки и основатель Новой религии ирокезов.

[←77]

Один из сахемов Сенеки.

[←78]

“Системы кровного родства и сродства человеческой семьи”. (“Смитсоновский вклад в знания”, том. xvii, 1871, с. 131.)

[←79]

1. Волк, Тор-йох’ -№. 2. Медведь, Не-и-ар-гай’ -ее. 3. Бобр. Не-гар-не-э-ар, го. 4. Черепаха, Га-не-э-ар-те-го-ва. 5. Олень. На-о-ге. 6. Бекас. Ду-из-ду-ве. 7. Херон, Джо-ас-се. 8. Ястреб, Ос-све-га-да-гг’-а.

[←80]

1. Ах-на-ресе’-ква, Грызущие кости. 2. Ах-ну-йех’, Печень дерева. 3. Цо-та’-и, Пугливое Животное. 4. Ге-ах’- желание, Прекрасная Земля. 5. Ос-кен’-о-тох, Странствующий. 6. Sine-gain’ - видишь, Ползет. 7. Ya-ra- hats’ - видишь, Высокое дерево. 8. Da-soak’ - Полет.

[←81]

Мистер Горацио Хейл недавно доказал связь племени тутело с ирокезами.

[←82]

Мистер Фрэнсис Паркман, автор блестящей серии работ о колонизации Америки, был первым, кто установил принадлежность саскуэханноков к ирокезам.

[←83]

“Путешествия по Северной Америке”, Филологическое издание, 1796. стр. 164.

[←84]

“Путешествия по Северной Америке”, стр. 165.

[←85]

1. Wä-sä'-be. 2. Де-а-гхе'-та. 3. Но-ко-поз'-на. 4. Мох-кух'. 5. Wä-shä'-ba. 6. Wä-zhä'-zha. 7. Но'-га. 8. Вах'-га.

[←86]

1. Вя-жесе-та. 2. Инк-ка'-са-ба. 3. Ла-тадэ-да. 4. Ка'-ихь, 5. Да-тун'-да. 6. Ва-са-ба. 7. Хун'-га. 8. Кун'-за. 9. Та'-па. 10. Ин-гра'-чжэ-да. 11. Иш да'-сун-да. 12. О-не-э-ка-га-ха.

[←87]

1. Я-дже-ра-джа. 2. Ту-нум-пе. 3. Ах'-ро-что. 4. Хо'-даш. 5. Чех'-хе-та. 6. Лу'-чжи. 7. Ва-ких'. 8. Ма'-котч.

Н представляет собой глубокий гортанный звук. Он довольно распространен в диалектах племен Миссури, а также у миннитари и кроу.

[←88]

1. Ме-је'-ра-ја. 2. Moon'-cha, 3. Ah'-или-wha. 4. Ху'-ма. 5. Кха'-а. 6. Лютня'-джа. 7. Ва'-ка. 8. Ма'-котч.

[←89]

1. Та-ке-ка-ше'-га. 2. Син'-джа-йе-га. 3. Мо-э'-кве-ах-ха. 4. Ху-э'-я. 5. Хун-го-тин'-га. 6. Ме-ха-шун'-га. 7. О'-па. 8. Ме-ка'. 9. Шо-ма-ку-са. 10. До-ха-кель-я. 11. Мо-э-ка-не-ка-ше-га. 12. Да-син-джа-ха-га. 13. Ик'-ха-ше. 14. Ло-не'-ка-ше-га.

[←90]

1. Шонк-чун-га'-дэ. 2. Hone-cha'-dä. 3. Cha'-rä. 4. Вахк-ча-хе-дэ. 5. Ноо-wun'-nä. 6. Chä'-rä. 7. Wä-kon'-nä. 8. Wa-kon'-chä-rä.

[←91]

“Travels. loc. cit.”, стр. 166.

[←92]

1. Хо-па-та-мь-сделай. 2. Мä-to'-no-mäke. 3. Смотри-пуш-кэ. 4. Tä-na-tsü-kä. 5. Ki-tä'-ne-mäke. 6. E-stä-pa. 7. Me-te-ah'-ke.

[←93]

1. Mit-che-ro'-ka. 2. Min-ne-pä'-ta. 3. Bä-ho-hä-ta. 4. Seech-ka-be-ruh-pä-ka. 5. E-tish-sho'-ka. 6. Ah-nah-ha-nä'-me-te. 7. E-ku'-pä-be-ka.

[←94]

1. A-che-pä-be'-cha. 2. Э-сач-ка-бук. 3. Хо-ка-рут'ча. 4. Эш-бот-чи-а. 5. Ах-шин'-на-де'-а. 6. Эсе-кеп-ка'-бук. 7. Оо-sä-bot'-see. 8. Ah-hä-chick. 9. Корабль-тет-а-тет. 10. Эш-кейн'-на. 11. Бу-а-дэ'-ша. 12. О-хот-ду'-ша. 13. Пэт-чале-рух-па'-ка.

[←95]

Эта практика как акт траура очень распространена среди Ворон, а также как религиозное подношение, когда они устраивают “Домик Целителя”, великий религиозный церемониал. Как мне говорили, иногда таким образом собирают пятьдесят, а иногда и сто суставов пальцев в корзинке, подвешенной в Домике Целителей для приема их в качестве подношений. В лагере Кроу в верховьях Миссури я заметил несколько женщин и мужчин с руками, изуродованными этой практикой.

[←96]

1. Я'-ха. 2. Но-кусэ'. 3. Ку'-му. 4. Кал-пут'-лй. 5. Э'-чо. 6. Тус'-вэ. 7. Кэт'-чй. 8. Хо-тор-ли. 9. So-rāk'-tй. 10. Tйk'-ко. 11. Chй'-lă. 12. Во'тко. 13. Х'хло. 14. У'-че. 15. Ах'-ах. 16. О-че'. 17. Ок-чон-вэ. 18. Ку-вэ'-ку-че. 19. Тэ-мул-ки. 20. Ак-ту-я-чул-ки. 21. Ис-фэ-нул-ке. 22. Wă-hlăk-kйl-kee.

[←97]

Знак равен значению.

[←98]

1. Ах-не-кто'-уă. 2. Ах-не-кто'-teh. 3. Ah-ne-ga-ta-gă'-nih. 4. Dsй-ni-li'-a-nă. 5. U-ni-sdă'-sdi. 6. Ah-nее-kă'-wih. 7. Ах, ни-са-хок-ни. 8. Ah-nй-ka-lo'-high.

А-ни означает множественное число.

[←99]

От оджибва, "ги-тчи", "великий" и "га'-ме", "озеро", аборигенное название озера Верхнее и других великих озер.

[←100]

1. Мой пистолет. 2. Mă-kwă'. 3. Ах-мик. 4. Я-она'-кэ. 5. Мик-о-но'. 6. Me-skwă-da'-re. 7. Ах-дик'. 8. Чу-и-скве'-ske-wă. 9. О-джи-джок'. 10. Ка-каке'. 11. О-ме-ги-зе'. 12. Монг. 13. Ах-ах'-ве. 14. Ше-шебе'. 15. Ке-на'-большой. 16. Ва-жуш'. 17. Ва-бе-жазе'. 18. Муш-ка-у-зе'. 19. Ах-ва-сис'-са. 20. На-ма'-бин. 21. 22. На-ма'. 23. Кэ-но-чжэ.

[←101]

Сахем оджибва Ке-ве'-конс, умерший около 1840 года в возрасте девяноста лет, на вопрос моего информатора, почему он не ушел в отставку и не уступил место своему сыну, ответил, что его сын не может стать его преемником; что право наследования принадлежит его племяннику Э-ква'-ка-мику, который должен занять этот пост. Этот племянник был сыном одной из его сестер. Из этого заявления следует, что происхождение в древности и в недавний период происходило по женской линии. Из формы заявления не следует, что племянник получил бы его по наследственному праву, но что он находился в очереди наследования, и его избрание было в значительной степени обеспечено.

[←102]

1. Мо-ăх'. 2. М'-ко'. 3. Мук. 4. Mis-shă'-wă. 5. Maak. 6. K'-nou', 7. N'-mă'. 8. N'-mă-pe-nă'. 9.- М'-ге-зе'-ва. 10. Че'-ква. 11. Вэ-бо'-зо. 12. Kă-kăg'-she. 13. Вейк-ши'. 14. Pen'-nă. 15. М'-ке-еаш'-ше-ке-ках'. 16. О-tă'-wa.

[←103]

Произносится О-тэ'-ва.

[←104]

1. Мо-что'-вэ. 2. Мон-гвэ'. 3. Кен-да-вэ'. 4. Ah-pă'-kose-e-ă. 5. Ka-no-ză'-wa. 6. Pi-la-wă'. 7. Ah-se-pon'-nă. 8. Mon-nă'-to. 9. Kul-swă'. 10. (Не получено.)

[←105]

1. М'ва-ва. Ма-гвя'. 3. М'-квя'. 4. We-wă'-see. 5. М'-се'-па-се. 6. М'-ат-ва'. 7. Па-ла-вэ'. 8. Псаке-те. 9. Sha-pă-tă'. 10. Na-ma-thă'. 11. Ма-na-to'. 12. Пе-са-вэ'. 13. Pă-tăke-e-no-the'.

[←106]

В каждом племени название указывало на род. Так, у сауковичей и лисиц Длинный Рог - имя, принадлежащее роду Оленей; Черный Волк - волку. В роде Орлов встречаются следующие названия образцов: Ка'-по-нэ, "Орел, строящий свое гнездо"; Джа-ка-квэ-пэ, "Орел, сидящий с поднятой головой"; Пэ-я-тя-на-кя-хок, "Орел, парящий над веткой".

[←107]

1. Мо-whă-wis'-so-uk. 2. Ma-kwis'-so-jik. 3. Па-ша-га-са-мудрый-со-укр. 4. Mă-shă-wă-uk'. 5. Kă-kă-kwis'-so-uk. 6. Pă-mis'-so-uk. 7. Nă-mă-sis'-so-uk. 8. Na-nus-sus'-so-uk, Nă-nă-ma'-кью-великобритания, 10. Ah-kuh'-ne-năk. 11. Wă-ko-a-wis'-so-jik. 12. Кэ-че-коне-а-мы-со-укр. 13. Nă-mă-we'--so-uk. 14. Mă-she'-mă-tăk.

[←108]

1. Ki'-Nº. 2. Mă-me-o'-ya. 3. Ah-pe-ki'. 4. A-ne'-po. 5. Po-no-kix'.

[←109]

1. Ah-ah'-pi-tă-pe. 2. Ah-pe-ki'-e. 3. Ih-po'-se-mă. 4. Ka-ka'-po-ya, 5. Mo-tă'-to-sis. 6. Kă-ti'-ya-ye-mix. 7. Ka-ta'-ge-mă-ne. 8. E-ko'-to-pis-taxe.

[←110]

И. Вольф. Сел.

Приветствую тебя, Большие Ноги. 2. Ви-соу-хет'-ко, Желтое Дерево. 3. Па-са-кун-ян, Выдергивающий кукурузу. 4. We-yar-nih'-kă-to. Входящий по уходу. 5. Туш-вар-ка'ма, за рекой. 6. О-лум-а-не, киноварь. 7. Пун-ар'-ты, Собака, стоящая у камина. 8. Квин-ик'-ча, Длинное тело. 9. Мун-хар-тар'-не, Копают. 10. Не-хар'-мин, Тянет вверх по течению. 11. Лонг-уш-хар-кар'то, Бревно. 12. Мо-су-то', Приносящий с собой.

II. Черепаха. Пок-ку-ун-го.

1. О-ка-хо'-ки, Правитель. 2. Та-ко-онг'-о-то, Высокий берег. 3. Смотри, хар-онг'-о-то спускается с холма. 4. Оле-хар-кар-ме'-кар-то, выборщик. 5. Mă-har-o-luk'-ti, Brave. 6. Туш-ки-па-квис-и, Зеленые Листья. 7. Тунг-ул-унг'-си, Самая маленькая черепаха. 8. Ве-лунь-нг-си, Маленькая черепаха, 9. Ли-квин-я', Черепаха-щелкунчик. 10. Квис-эйз-кис-то, Олень.

Два оставшихся подрода вымерли.

III. Турция. Пул-ла-ук.

1. Мо-хар-а-ла, Большая Птица. 2. Ле-ле-ва'-ты, Птичий крик. 3. Му-квунг-ва-хо'-ки, Боль в глазах. 4. Му-хар-мо-ви-кар'-ну, расчищай тропинку. 5. О-пинг-хо'-ки, Угодье опоссума. 6. Му-хо-ве-ка'-кен, Старый Шин. 7. Тонг-о-на'-о-то, Дрейфующее бревно. 8. Ноол-ă-мар-лар'-мо, Живущий в воде. 9. Му-крент-хар'-не, Корнекопатель. 10. Му-карм-хук-се, Краснолицый. 11. Ку-вэ-хо-ке, Сосновый край. 12. Оо-чук'-хам, Измельчитель.

[←111]

В “Системах кровного родства” можно найти исконные названия основных индейских племен с их значениями.

[←112]

1. Mals-süm. 2. Pis-suh'. 3. Ah-weh'.soos. 4. Skooke. 5. Ах-ланк'-су. 6. Та-ма-ква. 7. Mä-guh-le-loo'. 8. Kä-bäh'-seh. 9. Моос-квэ-су'. 10. K'-che-gä-gong'-go. 11. Meh-ko-ä'. 12. Che-gwä'-lis. 13. Коос-ку'. 14. Mä-dä'-weh-soos.

[←113]

Перевод. Am. Eth. Соч., ii, Вступление., cxlix.

[←114]

“Аляска и ее ресурсы”, стр. 414

[←115]

“Коренные расы Тихоокеанских штатов”, I, 109.

[←116]

Раньше шауни поклонялись Женскому божеству по имени Го-гоме-та-ма, “Наша Праматерь”.

[←117]

“История индейских племен Скулкрафта и др.” iv. 86.

[←118]

“Адрес”, стр. 12.

[←119]

“Всеобщая история Америки”, Последнее изд., 1726. Пер. Стивенса, iii, 299.

[←120]

“Ib.”, iv, 171.

[←121]

“Ib.”, iii, 203.

[←122]

“Ib.”, iv, 33.

[←123]

“Всеобщая история Америки”, iv, 171.

[←124]

“Ранняя история человечества”, стр. 287.

[←125]

“Gen. История. из Америки.”iv, 231.

[←126]

“Ранняя история человечества”, стр. 287.

[←127]

“Индейские племена Гвианы”, стр. 98; цитируется Лаббоком, “Происхождение цивилизации”, стр. 98.

[←128]

Истории Испанской Америки можно доверять во всем, что касается действий испанцев, а также действий и личных характеристик индейцев; во всем, что касается их оружия, орудий труда и утвари, тканей, продуктов питания и одежды и вещей подобного характера. Но во всем, что касается индийского общества и правительства, их социальных отношений и образа жизни, они почти бесполезны, потому что они ничему не научились и ничего не знали ни о том, ни о другом. Мы имеем полное право отвергнуть их в этих отношениях и начать заново; используя любые факты, которые они могут содержать, которые согласуются с тем, что известно об индийском обществе.

[←129]

“Естественная и нравственная история Ост- и Вест-Индии”, Последнее изд., 1604. Перевод Гримстоуна, стр. 497-504.

[←130]

“Естественная и нравственная история Ост- и Вест-Индии”, стр. 499.

[←131]

“Всеобщая история Америки”, Последнее изд., 1725, пер. Стивенса, iii, 188.

[←132]

“История Мексики”, Филадельфийское изд., 1817. Пер. Каллена, i, 119.

[←133]

Эррера, “История. Америки”, iii, 110.

[←134]

“История Мексики”, loc. cit., i, 162.

[←135]

Клавиджеро, “История. Мексики”, i, 229; Эррера, iii, 312; Прескотт. “Конк. из Мексики.”, я, 18.

[←136]

Ацтеки, как и северные индейцы, не обменивали и не освобождали пленных. У последних на кону стояла участь пленника, если только его не спасут путем усыновления; но у первых, согласно учению священства, несчастный пленник приносился в жертву главному богу, которому они поклонялись. Использовать жизнь заключенного на службе богам, жизнь, утраченную по незапамятным обычаям дикарей и варваров, было высокой концепцией первой иерархии в порядке институтов. Организованный жреческий клан впервые появился среди американских аборигенов на Среднем этапе варварства; и это связано с изобретением идолов и человеческих жертвоприношений как средства приобретения власти над человечеством через религиозные чувства. Вероятно, у него похожая история у основных племен человечества. В три подпериода варварства появились три последовательных обычая по отношению к пленникам. В первом случае его сожгли на костре, во втором принесли в жертву богам, а в третьем сделали рабом. Все они одинаково исходили из принципа, что жизнь заключенного была отдана его похитителю. Этот принцип настолько глубоко укоренился в человеческом сознании, что для его вытеснения потребовались цивилизация и христианство в сочетании.

[←137]

Есть некоторая разница в оценках численности населения Мексики, встречающихся в испанских исторических источниках; но некоторые из них сходятся в количестве домов,

которое, как ни странно, оценивается в шестьдесят тысяч. Суазо, посетивший Мексику в 1521 году, писал о шестидесяти тысячах жителей (Prescott, “Conq. из Мексики”, ii, 112, примечание); анонимный Завоеватель, сопровождавший Кортеса, также записал шестьдесят тысяч жителей, “soixante mille habitants” (“Н. Терно-Компанс”, x, 92); но Гомора и Мученик написали шестьдесят тысяч домов, и эта оценка была принята Клавиджеро (“Hist. Мексики”, ii, 360) Эррерой (“История. Америки”, ii, 360) и Прескоттом (“Conq. из Мексики”, ii, 112). Солис говорит о шестидесяти тысячах семей (“Hist. Conq. из Мексики”, l. c., i, 393). Эта оценка дала бы население в 300 000 человек, хотя в Лондоне в то время проживало всего 145 000 человек (“Лондон” Блэка, стр. 5). Наконец, Торквемада, цитируемый Клавиджеро (ii, 360, примечание), смело пишет о ста двадцати тысячах домов. Едва ли может быть сомнение в том, что дома в этом пуэбло были, как правило, большими коммунальными или многоквартирными домами, подобными домам в Нью-Мексико того же периода, достаточно большими, чтобы вместить от десяти до пятидесяти и ста семей в каждом. В любом случае ошибка вопиющая. Суазо и Анонимный завоеватель приблизились к достоверной оценке, потому что они не более чем удвоили вероятное число.

[←138]

“Лига ирокезов”, стр. 78.

[←139]

Эррера, iii, 194, 209.

[←140]

Эррера, ii, 279, 304; Клавиджеро, i, 146.

[←141]

Клавиджеро, i, 147; Четыре военачальника были членами Совета по должности. Ib., ii, 137.

[←142]

Эррера, ii, 310.

[←143]

Эррера, iii, 194.

[←144]

“Мексиканская хроника” Фернандо де Альварадо Тезозомока, ч. li, стр. 83, Кингсборо, v. ix.

[←145]

“История Мексики”, ii, 141.

[←146]

“История Америки”, iii, 314. Приведенное выше является повторным переводом г-на Бандельера с испанского текста.

[←147]

“Пополь Вух”, Вступление, стр. 117, примечание 2.

[←148]

“История Индий Новой Испании и островов Большой Земли”, Мексика, 1867 г. Под ред. Хосе Ф. Рамиреса, стр. 102. Опубликовано с оригинала MS. Переведено г-ном Банделье.

[←149]

“Естественная и нравственная история Ост- и Вест-Индии”, Последнее изд., 1604. Перевод Гримстоуна, стр. 485.

[←150]

“История Америки”, iii, 224.

[←151]

“Мексиканская хроника”, глава хсvii. Перевод Банделье.

[←152]

Икстлильшочитль“, История. Чичимека, ” Кингсборо“, Мексика. Антиквариат”, ix, стр. 243.

[←153]

“История Мексики”. ii, 132.

[←154]

Титул ‘Теуктли’ добавлялся на манер фамилии к собственному имени человека, возведенного в это достоинство, как “Чичимека-Теуктли”, “Пил-Теукт1и” и другие. ‘Тевктли’ имели преимущество перед всеми остальными в сенате, как в порядке заседания, так и в порядке голосования, и им разрешалось иметь позади себя слугу с креслом, что считалось привилегией высшей чести”. —Клавиджеро, ii, 137. Это повторное появление подсахема ирокезов позади своего принципала.

[←155]

“История чичимеков”, глава xxxii, Кингсборо: “Мексика. Antiq.,” ix, 219.

[←156]

“История Мексики”, л. с., ii, 136.

[←157]

Клавиджеро, ii, 126.

[←158]

“Общая история”, глава XVIII.

[←159]

На островах Вест-Индии испанцы обнаружили, что, когда они захватывали касика племени и держали его в плену, индейцы деморализовывались и отказывались сражаться. Воспользовавшись этим знанием, когда они достигли материка, они взяли за правило заманивать главного вождя в ловушку силой или обманом и держать его в плену до тех пор, пока их цель не будет достигнута. Кортес просто воспользовался этим опытом, когда захватил Монтесуму и держал его пленником в своих покоях; и Писаарро сделал то же самое, когда схватил Атауальпу. По индейским обычаям пленника предавали смерти, и если он был главным вождем, должность возвращалась племени и сразу же заполнялась. Но в этих случаях заключенный оставался жив и занимал свой пост, так что его нельзя было занять. Действия людей были парализованы новыми обстоятельствами. Кортес поставил ацтеков в такое положение.

[←160]

“История Мексики”, iii, 66.

[←161]

Ib., iii. 67.

[←162]

Клавиджеро, ii, 406.

[←163]

Ib., ii, 404.

[←164]

Эррера, iii, 393.

[←165]

Фратрии не были обычным явлением для дорийских племен. — “Дорийцы” Мюллера, Перевод Туфнеля и Лоу, Оксфордское изд., ii, 82.

[←166]

Германн упоминает конфедерации Эгины, Афин, Прасии, Науплии и т. Д. — “Политические древности Греции”, Оксфордский перевод, ч. i, с. 11.

[←167]

“В древней ”Ретре“ Ликурга предписано сохранять неизменными племена и оби; но утверждение О. Мюллера и Бека о том, что всего было тридцать оби, по десять на каждое племя, не опирается ни на какие более весомые доказательства, чем своеобразная пунктуация в этой “Ретре”, которую отвергают различные другие критики; и, по-видимому, не без оснований. Таким образом, мы остаемся без какой-либо информации, касающейся вто, хотя мы знаем, что это было древнее своеобразное и длительное разделение среди спартанского народа”. — Гроте “История Греции”, изд. Мюррея, ii, 362. Но смотрите “Дорийцев” Мюллера, Л. к., ii, 80.

[←168]

—Demosthenes, “Eubulides,” 1307.

[←169]

“История Греции”, iii, 53 и далее.

[←170]

“История Греции”, iii. 60.

[←171]

Диоген, Лаэртий, “Вит. Аристотель”, V. I.

[←172]

“Политические древности греков”, с. v, с. 100; и смотрите “Эвбулиды” Демосфена, 24.

[←173]

“Исторические древности греков”, пер. Вулрича, Оксфордское изд., 1837. i, 451.

[←174]

“Политические древности”, глава v, с. 100.

[←175]

“Хариклы”, Перевод Меткалфа, Последнее изд., 1866, стр. 477; цитирую “Исаеус де Кирхер”. 217: “Демосфен адв. Ebul.,” 1304: “Plutarch, Themist.,” 32: “Pausanias,” i, 7, 1: “Achill. Tat.,” i, 3.

[←176]

Германн, “л. к.”, v, с. 100 и 101.

[←177]

“История Греции”, iii, 55.

[←178]

Мы находим Асклепиад во многих частях Греции — Алеуад в Фессалии — Мидилид, Псалихид, Бельпсиад, Эвксенид на Эгине — Бранхид в Милете—Небридид в Косе—Ямид и Клитиад в Олимпии—Акесторид в Аргосе— Кинирад на Кипре—Пентилид в Митилене—Талтибиад в Спарте — не меньше чем кодриды, Эвмолпиды, Фиталиды, Ликомеды, Бутады, Эвнейды, Исихиды, Бритиады и др. в Аттике. Каждому из них соответствовал мифический предок, более или менее известный и выдаваемый за праотца, а также одноименный герой рода — Кодрус, Эвмолп, Бутес, Фитал, Исихий и т. Д.” — “История Греции” Грота, iii, 62.

[←179]

“История Греции”, iii, 62 и далее.

[←180]

“История Греции”, iii, 58 и далее.

[←181]

“История Греции”, iii, 58.

[←182]

“Исторические древности греков” Вахсмута, l. c., i, 449, приложение. для текста.

[←183]

“Илиада”, ii, 362.

[←184]

Tacitus, “Germania,” cap. vii.

[←185]

“История Греции” Гроте, iii, 65. Суд Ареопага признал юрисдикцию над убийствами. —Ib., iii, 79.

[←186]

—“Eum.,” 656

[←187]

“Древний город”, пер. Смолла, стр. 157. Бостон, Ли и Шепард.

[←188]

Аристотель, Фукидид и другие писатели использовали термин *басилея* для обозначения правительств героического периода.

[←189]

Dionysius, 2, xii.

[←190]

Эсхил. “Семеро против Фив”, 1005.

[←191]

Еврипид, “Орест”, 884.

[←192]

Эсхил, “Просители”, 607.

[←193]

“История Греции”, ii, 69.

[←194]

“История Греции”, ii, 69, и “Илиада”, ii, 204.

[←195]

М—р Гладстон, который представляет своим читателям греческих вождей героической эпохи как королей и принцев с дополнительными качествами джентльменов, вынужден признать, что “в целом у нас, по-видимому, существует обычай или закон первородства в достаточной степени, но не слишком четко определенный”. - “Ювентус Мунди”. Изд. Little & Brown, стр. 428.

[←196]

Книга Смита “Dic., Art. Rex”, стр. 991.

[←197]

“Фукидид”, i, 13.

[←198]

Аристотель, “Политика”, iii, до н. э.

[←199]

“История Греции”, ii, 61 и см. 69.

[←200]

“Фукидид”, lib. i, 2-13.

[←201]

“Фукидид”, lib. ii, с. 15. Плутарх говорит почти о том же: “Он поселил всех жителей Аттики в Афинах и сделал их одним народом в одном городе, которые до этого были разбросаны повсюду и с трудом могли быть собраны по любому неотложному поводу для общественного блага... Поэтому, распустив ассоциации, советы и суды в каждом конкретном городе, он построил один общий пританеум и зал судебных заседаний, где они стоят по сей день. Цитадель с ее пристройками и город, или старый и новый город, он объединил под общим названием Афины”. — Плутарх. “Vit. Тесей”, глава 24.

[←202]

Из девяти архонтов, число которых оставалось неизменным с 683 г. до н.э. до конца демократической эры, трое носили особые титулы — архонт Эпоним, от имени которого произошло обозначение года, и о котором говорили как об “архонте”, архонт Базилевс (король) или, чаще, Басилевс; и Полемарх. Остальные шесть прошли под общим названием Thesmothetae..... Архонт Эпоним разрешал все споры, касающиеся семейных, родовых и фратрийских отношений: он был законным защитником сирот и вдов. Архонт Базилевс (или король-архонт) обладал компетенцией рассматривать жалобы, касающиеся преступлений против религиозных чувств и убийств. Полемарх (говоря о временах, предшествовавших

Клейсфену) был предводителем вооруженных сил и судьей в спорах между гражданами и негражданами”. — “История Греции” Гроте, Л. к., iii, 74.

[←203]

“Общественная экономика Афин”, Перевод Лэмба, изд. Литтла и Брауна, стр. 353.

[←204]

“История Греции”, iii, 65.

[←205]

“История Греции”, iii, 133.

[←206]

Латинское “tribus”= племя, первоначально означало “третья часть” и использовалось для обозначения третьей части народа, когда он состоял из трех племен; но со временем, после того, как латинские племена стали местными, а не кровнородственными, подобно местным афинским племенам, термин tribe утратил свое численное значение и стал, подобно филону Клисфена, местным обозначением.—См. “Историю Рима” Моммзена, l. c., i, 71.

[←207]

“Англосаксонское право” Генри Адамса и других, стр. 20, 23.

[←208]

Посмотрите, в частности, Речи против Эвбулида и Марката.

[←209]

“Политические древности Греции” Германна, л. с. 187, с. 96.

[←210]

“Первобытное греческое правительство по сути своей монархическое, опирающееся на личные чувства и божественное право”.—“История Греции”, ii, 69.

[←211]

Спарта сохранила должность басилевса в период развития цивилизации. Это было двойное полководчество и наследственное в определенной семье. Полномочия правительства координировались герусией, или советом, народным собранием, пятью эфорами и двумя военачальниками. Эфоры избирались ежегодно, с полномочиями, аналогичными римским трибунам. Королевская власть в Спарте требует квалификации. Басилеи командовали армией и в качестве первосвященников приносили жертвы богам.

[←212]

“В период, когда индогерманские народы, которые сейчас разделены, все еще составляли одну группу, говорящую на одном языке, они достигли определенной стадии культуры, и у них был соответствующий ей словарный запас. Эту лексику несколько народов несли с собой в ее традиционно установившемся употреблении в качестве общего приданого и основы для дальнейших собственных структур.... Таким образом, мы располагаем свидетельством развития скотоводческой жизни в ту отдаленную эпоху в неизменных названиях домашних животных; санскритское “gaus” - это латинское “bos”, греческое “bous”; санскритское “avis” - это латинское “ovis”, греческое “ois”; санскритское “aovas”, латинское “equus”, греческое “hippos”, санскритское “hansas”, латинское “anser”, греческое “chen”... с другой стороны, у нас пока нет определенных доказательств существования сельского хозяйства в этот период. Язык скорее благоприятствует негативному взгляду”. —

“История Рима” Моммзена, пер. Диксона, изд. Скрибнера, 1871, i, 37. В примечании он отмечает, что “ячмень, пшеница и полба были найдены растущими вместе в диком виде на правом берегу Евфрата, к северо-западу от Анаха. Вавилонский историк Берос уже упоминал о диком выращивании ячменя и пшеницы в Месопотамии”.

Фик замечает по тому же поводу следующее: “Хотя пастбища, очевидно, составляли основу примитивной общественной жизни, мы можем найти в них лишь очень слабые зачатки сельского хозяйства. Конечно, они были знакомы с некоторыми зерновыми культурами, но выращиванием их занимались очень случайно, чтобы получить запас молока и мяса. Материальное существование людей никоим образом не основывалось на сельском хозяйстве. Это становится совершенно ясным из небольшого числа примитивных слов, относящихся к сельскому хозяйству. Эти слова — “ява”, дикий плод, “варка”, мотыга или плуг, “рава”, серп, вместе с “pio, pinsere” (печь) и “mak”, Гк. “masso”, которые указывают на обмолот зерна”. - Книга Фика “Примитивное единство индоевропейских языков”, Геттинген, 1873, стр. 280. См. также “Чипсы из немецкой мастерской”, ii, 42.

Что касается владения сельским хозяйством греко-италийским народом, см. Моммзен, i, стр. 47 и далее.

[←213]

Использование слова “Ромул” и имен его преемников не предполагает заимствования древнеримских традиций. Эти имена олицетворяют имевшие тогда место великие движения, которые нас в основном интересуют.

[←214]

“История Рима”, л. с., i, 241, 245.

[←215]

— “Начало”, iii, 17.

[←216]

— “Цицерон, Тема, 6”.

[←217]

— Цитируется в книге Смита “Dic. Gk. & Rom. Antiq., Статья, Род.”

[←218]

—Varro, “De Lingua Latina,” lib. viii, глава 4.

[←219]

—Ливий, книга iv, глава 4.

[←220]

“Когда в семье была только одна дочь, ее называли по имени рода; так, Туллия, дочь Цицерона, Юлия, дочь Цезаря; Октавия, сестра Августа и т.д.; и они сохранили одно и то же имя после того, как поженились. Когда у них было две дочери, одну звали Майор, а другую Минор. Если их было больше двух, то они различались по их количеству: так, Prima, Secunda, Tertia, Quarta, Quinta и т.д.; или, более мягко, Tertulla, Quartilla, Quintilla и т.д.... В период расцвета республики названия родов и фамилии фамилий всегда оставались неизменными. Они были общими для всех детей семьи и передавались по наследству их потомству. Но после подрыва свободы они изменились и смешались”. — “Римские древности” Адамса, изд-во Глазго, 1825, стр. 27.

[←221]

Светоний, “Вит. Октавиан”, с. 3 и 4.

[←222]

Гай, “Институты”, lib. iii, 1 и 2. Жена была сонаследницей вместе с детьми.

[←223]

Ib., lib. iii, 9

[←224]

Гай, “Inst.”, lib. iii, 17.

[←225]

Между Марчелли и Клавдиями, двумя семьями рода Клавдиев, возник странный вопрос относительно имущества сына вольноотпущенника Марчелли; первый претендовал по праву семьи, а второй - по праву рода. Закон Двенадцати таблиц передавал имущество вольноотпущенника его бывшему хозяину, который по акту о вольноотпущении становился его покровителем при условии, что он умрет без завещания и без "sui heredes"; но до дела сына вольноотпущенника дело не дошло. Тот факт, что Клавдии были патрицианской семьей, а Марчелли - нет, не мог повлиять на этот вопрос. Вольноотпущенник не приобретал родовых прав в роду своего господина в силу своего освобождения, хотя ему было разрешено принять родовое имя своего покровителя; поскольку вольноотпущенника Цицерона, Тиро, звали М. Туллий Тиро. Неизвестно, каким образом случай, о котором упоминает Цицерон (“De Oratore”, i, 39) и который прокомментировал Лонг (Smith's “Dic. Gk. & Rom. Antiq., Art. Gens”), и Нибур принял решение; но последнее предполагает, что оно, вероятно, было направлено против Клавдиев (“История Рима”, i, 245, “примечание”). Трудно понять, каким образом Клавдии могли выдвинуть какие бы то ни было претензии; или какие бы то ни было претензии Марчелли, кроме как путем расширения патронатного права посредством судебной конструкции. Этот случай заслуживает внимания, поскольку показывает, насколько прочно взаимные права в отношении наследования собственности были закреплены в роду.

[←226]

“История Рима”, i, 242.

[←227]

—Suet., “Вит. Тиберий”, глава 1.

[←228]

—“Velleius Paterculus,” ii, 119.

[←229]

—“De Leg.”, ii, 22.

[←230]

Цицерон, “De Leg.”, ii, 23.

[←231]

“Существовали определенные священные обряды (“sacra gentilia”), принадлежавшие роду, соблюдением которых были обязаны все члены рода как такового, независимо от того, были ли они членами по рождению, усыновлению или пресечению. Человек освобождался от

соблюдения такого “таинства” и терял привилегии, связанные с его родовыми правами, когда он терял свой род”. — “Dic. Antiq., Gens.”

[←232]

Цицерон, “Pro Domo”, с. 13.

[←233]

“История Рима”, i, 241.

[←234]

Цицерон, “De Leg.”, ii, 23.

[←235]

“Dionysius,” ii, 22.

[←236]

Ib., ii, 21.

[←237]

“История Рима” Нибура, i, 241.

[←238]

— Варрон, “De Re Rustica”, lib. i, глава 10.

[←239]

“История Рима”, i, 62. Он называет Камиллии, Галерии, Лемонии, Поллии, Пупинии, Вольтинии, Эмилии, Корнелии, Фабии, Горагии, Менении, Папирии, Ромилии, Сергии, Ветурии. — Ib., стр. 63.

[←240]

“История Рима”, i, 63.

[←241]

“Постоянный местный центр был столь же необходим в случае такого кантона, как и в случае клановости; но поскольку члены клана или, другими словами, составляющие элементы кантона проживали в деревнях, центром кантона не мог быть город или место совместного поселения в строгом смысле этого слова. Напротив, это должно было быть просто место общего собрания, содержащее в себе судилище и общее святилище кантона, где члены кантона встречались каждый восьмой день для общения и развлечений и где в случае войны они получали более безопасное убежище для себя и своего скота, чем в деревнях; при обычных обстоятельствах это место собраний не было вообще или было малонаселенным... Соответственно, эти кантоны, собирающиеся в какой-нибудь цитадели и включающие в себя определенное количество кланов, образуют примитивные политические объединения, с которых начинается история Италии.... Все эти кантоны в первобытные времена были политически суверенными, и каждым из них управлял свой князь при содействии совета старейшин и собрания воинов. Тем не менее чувство товарищества, основанное на общности происхождения и языка, не только пронизывало их всех, но и проявлялось в важном религиозном и политическом институте — бессрочной лиге коллективных латинских кантонов”. — “История Рима”. i, 64-66. Утверждение о том, что кантоном или племенем управлял его князь при содействии совета и т.д., является искажением правильного утверждения и, следовательно, вводит в заблуждение. Мы должны предположить, что военный комендант занимал выборную должность и что он мог быть смещен по желанию

избирательного округа, который его избрал. Кроме того, нет оснований предполагать, что он обладал какими-либо гражданскими функциями. Следовательно, разумным, если не необходимым выводом является то, что племенем управлял совет, состоявший из вождей родов, и собрание воинов при содействии общевойскового командира, функции которого были исключительно военными. Это было правительство трех держав, обычное для Высшего варварства и отождествляемое с институтами, по сути демократическими.

[←242]

—Ливий, vi, 20.

[←243]

“История Рима”, i, 242.

[←244]

—Ливий, v, 32.

[←245]

“История Рима”, i, 242: цитирую Дионисия, ii, 10.

[←246]

“История Рима”, i, 240.

[←247]

“Тем не менее римлянам всегда казалось, что кровное родство лежит в основе связи между членами клана, и еще больше между членами семьи; и римское сообщество могло вмешиваться в эти группы лишь в ограниченной степени, соответствующей сохранению их фундаментального характера родства”. — “История Рима” Моммзена, i, 103.

[←248]

Любопытен факт, что Клисфен Аргосский изменил названия трех дорийских племен Сикиона: одно на Hyatae, что означает в единственном числе “кабан”; другое на Oneatae, что означает “осел”, а третье на Choereatae, что означает “маленький поросенок”. Они были задуманы как оскорбление сикионцев; но они оставались при его жизни и в течение шестидесяти лет после этого. Дошла ли идея этих названий животных из традиции?—См. “Историю Греции” Гроте, iii, 33, 36.

[←249]

Sueton., “Vit. Клавдий”, глава 25.

[←250]

Цицерон, “Pro Domo”, глава 13.

[←251]

Ливий, xxv, 5.

[←252]

“Диктатура Смита, ст. Понтифик”.

[←253]

“История Рима”, i, 66.

[←254]

Ib., i, 258.

[←255]

Ливий, ii, 48.

[←256]

Ib., ii, 49

[←257]

Trecentos sex perisse satis convenit: unum prope pubescem aetate relictum stirpem gente Fabiae, dubiisque rebus populi Romani sepe domi bellique vel maximum futurum auxilium.—Ливий, ii, 50; и см. Овидий, “Фасти”, ii, 193.

[←258]

—Ливий, i, 13.

[←259]

—Дионис., “Антик. Рима”, ii, 7.

[←260]

—Dionys., ii, 7.

[←261]

—Плутарх, “Вит. Ромул”, глава 20.

[←262]

Использовал ли Нибур слово “дом” вместо gens, или это тщеславие переводчиков, я не могу сказать. Терлуолл, один из переводчиков, часто применяет этот термин к греческому роду, что в лучшем случае вызывает возражения.

[←263]

“История Рима”, i, 244.

[←264]

Дионисий дал определенный и обстоятельный анализ организации, приписываемой Ромулу, хотя часть ее, по-видимому, относится к более позднему периоду. Это интересно из-за параллели, которую он проводит между родовыми институтами греков, с которыми он был в равной степени знаком, и римлянами. Прежде всего, замечает он, я буду говорить о порядке его правления, который я считаю наиболее достаточным из всех политических механизмов в мирное время, а также во время войны. Это было следующим образом: разделив все множество на три подразделения, он назначил самого выдающегося человека вождем над каждым из подразделений; затем, разделив каждое из трех снова на десять, он назначил вождями самых храбрых людей, имеющих равный ранг; и он назвал большие подразделения племенами, а меньшие куриями, как они также до сих пор называются в соответствии с обычаем. И эти названия, переведенные на греческий язык, были бы “tribus”, третьей частью, филлом; “curia”, фратрией, а также бандой; и те люди, которые осуществляли руководство племенами, были как филархами, так и триттиархами, которых римляне называют трибунами; а те, кто командовал куриями, были как фратриархами, так и лохагоями, которых они называют курионами. И фратрии также были разделены на декады, и лидер, называемый в просторечии декадархом, командовал каждой. И когда все были распределены по племенам и фратриям, он разделил землю на тридцать равных долей и дал по одной полной доле каждой фратрии, выделив достаточную часть для религиозных праздников и храмов и оставив определенный участок земли для общего пользования. — “Антик. из Рима”, ii, 7.

[←265]

Dionysius, ii. 7.

[←266]

Окружной прокурор Смита, l. c., Art. Tribune.

[←267]

Dionysius. ii. 7.

[←268]

Тридцать курионов, как единое целое, были организованы в коллегия священников, один из которых занимал должность “*curio maximus*”. Он был избран собранием родов. Кроме того, существовала коллегия авгуров, состоявшая в соответствии с законом Огульниана (300 г. до н.э.) из девяти членов, включая их главного должностного лица (“*magister collegii*”); и коллегия понтификов, состоявшая в соответствии с тем же законом из девяти членов, включая “*верховного понтифика*”.

[←269]

Ливий, i, 8.

[←270]

Eo ex finitimis populis turba omnis sine discrimine, liber an servus esset, avida novarum rerum perfugit; idque primum ad coeptam magnitudinem roboris fuit.—Ливи, i, 8.

[←271]

“Vit. Ромул”, глава 20.

[←272]

“Антик Римский”, ii, 15.

[←273]

Ливий, i, 30.

[←274]

Ib., i, 33.

[←275]

Ливий, i, 38.

[←276]

В домах пуэбло в Нью-Мексико все жильцы каждого дома принадлежали к одному племени, а в некоторых случаях в одном многоквартирном доме проживало целое племя. В мексиканском пуэбло, как было показано, было четыре основных квартала, каждый из которых занимал род, вероятно, фратрия; в то время как тлателулькос занимали пятый район. В Тласкале также было четыре квартала, занятые четырьмя родами, вероятно, фратриями.

[←277]

“История Рима”, i, 258.

[←278]

Centum creat senatores: sive quia is numerus satis erat; sive quia soli centum errant, qui creari Patres possent. Patres ‘certe ab honore, patriciique progenies eorum appellati.—Livy, i, 8. And Cicero: Principes qui appellati sunt propter caritatem, patres.—“De Rep.,” ii, 8.

[←279]

Dionysius, ii, 47.

[←280]

—Ливий, i, 35.

[←281]

—Цицерон, “De Rep.”, ii, 20.

[←282]

Цицерон, “De Rep.”, ii, 20.

[←283]

По существу, таково было мнение Нибура. “Мы можем пойти дальше и без колебаний утверждать, что первоначально, когда количество домов (gentes) было полным, они были немедленно представлены сенатом, количество которого было пропорционально их количеству. Триста сенаторов подчинялись трем сотням палат, что, как было принято выше на веских основаниях, равнялось их числу; каждый род посылал своего декуриона, который был его олдерменом и президентом его собраний, представлять его в сенате..... То, что сенат должен назначаться королями по их усмотрению, никогда не могло быть первоначальным институтом. Даже Дионисий предполагает, что имели место выборы: его представление об этом, однако, совершенно несостоятельно, и депутаты должны были быть выбраны, по крайней мере первоначально, палатами, а не курией”. — “История Рима”, i, 258. Избрание курией, в принципе, наиболее вероятно, если бы должность не принадлежала главе “по должности”, потому что роды в курии были непосредственно заинтересованы в представительстве каждого рода. По той же причине сахем, избранный членами рода ирокезов, должен быть принят другими родами того же племени до того, как его выдвижение будет завершено.

[←284]

Ливий, i, 43. Дионисий., ii, 14; iv, 20, 84.

[←285]

Нума Помпилий (Цицерон, “De Rep.”, ii, 11; Liv., i, 17), Тулл Гостилий (Цицерон, “Der.”, ii, 17) и Анк Марций (Cic., “Der.”, ii, 18; Ливий, i, 32) были избраны “куриальной комиссией”. В случае с Тарквинием Приском Ливий отмечает, что народ подавляющим большинством избрал его “рексом” (i, 35). Это обязательно было сделано “куриальной комиссией”. Сервий Туллий вступил в должность, которая впоследствии была подтверждена “комицией” (Цицерон, “De Rep.”, ii, 21). Право избрания, таким образом, оставленное за народом, показывает, что должность “рекса” была популярной и что его полномочия были делегированы.

[←286]

Г—н Леонард Шмитц, один из самых способных защитников теории царского правления среди греков и римлян, с большой откровенностью замечает: “Очень трудно определить масштабы полномочий короля, поскольку древние авторы, естественно, судили о царском периоде по своей собственной республиканской конституции и часто возлагали на короля, сенат и “комиции” из “курий” соответствующие полномочия и функции, которые были справедливы только по отношению к консулам, сенату и “комициям” их собственного времени”. -Dic Смита . Гк. и Рим. Антиквариат, искусство Рекса”.

[←287]

Дионис. ii, 12.

[←288]

Дионисий, iv, 1.

[←289]

Нибур говорит: “Существование плебса как общепризнанно свободной и очень многочисленной части нации можно проследить до правления Анка; но до времен Сервия это была лишь совокупность несвязанных искусств, а не единое регулярное целое”. — “История Рима”, Л. к., i, 315.

[←290]

“История Рима”, i, 315.

[←291]

“То, что клиенты были совершенно незнакомы с плебейской общиной и срослись с ней лишь поздно, когда узы рабства были ослаблены, отчасти из—за отмирания или упадка домов их покровителей, отчасти из-за продвижения всей нации к свободе, будет доказано в продолжении этой истории” - “История Рима”, i, 315.

[←292]

Dionysius, ii, 8.

[←293]

Плутарх, “Вит. Рим.”, xiii, 16.

[←294]

“Vit. Тиберий”, глава 1.

[←295]

“История Рима”, i, 256, 450.

[←296]

“Законы, статьи, роды, патриции и плебс”Смита.

[←297]

Dionysius, ii, 8; Plutarch, “Vit. Рим., ” xiii.

[←298]

Ib., ii, 8.

[←299]

“De Rep.”, ii. 12.

[←300]

Ливий, i, 8.

[←301]

Великий Патеркул, 1, 8.

[←302]

Ливий, ii, 49.

[←303]

“История Рима”, i, 246.

[←304]

Ib., i, 246.

[←305]

Ливий, iv, 4.

[←306]

Ливий, iv, 51.

[←307]

Плутарх “, Вит. Numa,” xvii, 20.

[←308]

Имущественный ценз для первого класса составлял 100 000 ослов; для второго класса - 75 000 ослов; для третьего - 50 000; для четвертого - 25 000; и для пятого - 11 000 ослов.—Ливи, мне 43 года.

[←309]

Дионисий, iv. 20.

[←310]

Ib., iv, 16, 17, 18.

[←311]

Ливий, i, 43.

[←312]

“De Rep.”, ii, 20.

[←313]

Дионисий, iv, 16.

[←314]

Ливий, i, 43.

[←315]

Ливий, i, 43; Но Дионисий относит всадников к первому классу и отмечает, что этот класс был призван первым.—Дионисий. iv, 20.

[←316]

Ливий, i, 44; Дионисий называет это число равным 84 700.—iv, 22.

[←317]

Цицерон, “De Rep.”, ii, 22.

[←318]

Ливий, i, 42.

[←319]

Дионисий, iv, 15.

[←320]

Дионисий, iv, 14.

[←321]

“История Рима”, изд. Скрибнера, i, 136.

[←322]

Дионисий, iv, 15; Нибур привел названия шестнадцати провинциальных поселков следующим образом: Эмилиан, Камилиан, Клуентиан, Корнелиан, Фабиан, Галериан, Горациан, Лемониан, Менениан, Папериан, Ромилиан, Сергиан, Ветуриан, Клавдиан.— “История Рима”, i, 320, примечание.

[←323]

“Геродот” Роулинсона, i, 173.

[←324]

Если мужчина Сенека-ирокез женится на иностранке, их дети - иностранки; но если женщина Сенека-ирокез выходит замуж за иностранца или онондага, их дети - ирокезы из племени Сенека; и из рода и фратрии их матери. Женщина передает свою национальность и свой род своим детям, кто бы ни был их отцом.

[←325]

“Описание Древней Италии”, i, 153; цитирую “Ланци”, ii, 314.

[←326]

“История Греции”, изд. Скрибнера и Армстронга, пер. Уорда, i, 94, примечание. Этиокреты, героем которых был Минос, несомненно, были пеласгами. Они занимали восточную оконечность острова Крит. Сарпедон, брат Миноса, привел переселенцев в Ликию, где они вытеснили солими, вероятно, семитское племя; но ликийцы эллинизировались, как и многие другие пеласгийские племена, еще до времен Геродота, что является весьма существенным обстоятельством вследствие происхождения греческих и пеласгийских племен от общего первоначального происхождения. Во времена Геродота ликийцы были так же далеко продвинуты в искусстве жизни, как европейские греки (Курций, i, 93; Гроте, i, 224). Представляется вероятным, что происхождение по женской линии происходило от их пеласгийских предков.

[←327]

“Das Mutterrecht,” Stuttgart, 1861.

[←328]

Бахофен, говоря о критском городе Ликтос, отмечает, что “этот город считался лакедемонянской колонией, а также родственником афинян. В обоих случаях это было только по материнской линии, поскольку только матери были спартанками; афинское родство, однако, восходит к тем афинским женщинам, которых, как говорят, пеласги— тирренцы выманили с мыса Браурон”. - “Das Mutterrecht”, гл. 13, стр. 31.

При происхождении по мужской линии происхождение женщин осталось бы незамеченным; но при происхождении по женской линии колонисты передавали свои родословные только по женской линии.

[←329]

“Das Mutterrecht,” ch. 38, p. 73.

[←330]

“Полибий”, xii, извлечение второго, Перевод Хэмптона, iii, 242.

[←331]

“Demosthenes contra Eubulides,” 20.

[←332]

Демост., “Евбул.”, 24: В его время регистрация производилась в Деме; но это показало бы, кто были фраторы, кровные родственники, собратья-демоты и генетики зарегистрированного лица; как говорит Евксифей; см. Также “Полит. Antiq. Греции”, пункт 100.

[←333]

“Прометей”, 853.

[←334]

Эсхил, “Супп.”, 9.

[←335]

“Ранняя история институтов”, изд. Холта, стр. 7.

[←336]

“Germania,” с. ii.

[←337]

“Де Белл. Галл.”, vi, 22.

[←338]

“Германия”, глава. 7. Боевая линия, как отмечает этот автор, образована клиньями. “Acies per cuneos componitur”. — “Германия”, с. 6. Кольрауш отмечает, что “союзники одной марки или сотни и одной расы или отделения сражались сплоченно”. — “История Германии”, изд. Эпплтона, пер. Дж. Д. Хааса, стр. 28.

[←339]

“Де Белл. Галл.”, iv. 1. “Германия”, глава 6.

[←340]

Доктор Фримен, специально изучавший этот предмет, отмечает: “Низшая единица в политической системе - это та, которая все еще существует под различными названиями, такими как ‘марка’, “gemeinde”, “коммуна” или “приход”. Это, как мы видели, одна из многих форм “рода”, или клана, та, в которой он больше не является кочующим или просто хищническим сообществом, но когда, с другой стороны, он не объединился с другими, чтобы сформировать один из составных элементов городского содружества. На этой стадии ‘род’ принимает форму сельскохозяйственного сообщества, владеющего своими общими землями — зародыш ‘ager publicus’ в Риме и ‘folkland’ в Англии. Это ‘маркгеноссеншафт’, деревенская община на Западе. Эта низшая политическая единица, это собрание реальных или искусственных родственников, состоит из семей, каждая из которых живет под властью ‘мунда’ своего собственного отца, той “patria potestas”, которая сохранилась в Риме и стала столь заметной и прочной чертой римского права. Как союз семей образует ‘род’, и как ‘род’ в его территориальном аспекте образует ‘markgenossenschaft’, так и союз нескольких таких деревенских общин и их ‘марок”, или общих земель, образует следующий более высокий политический союз, сотню, название, которое в той или иной форме встречается в большинстве земель, по которым распространилась тевтонская раса..... Выше сотни идут ‘пагус’, “gau”, датское “сиссель”, английское ‘шир”, то есть племя, которое рассматривается как занимающее определенную территорию. И у каждого из этих подразделений, большего

или меньшего, были свои начальники..... Сотня состоит из деревень, марок, гемейнденов, как бы мы ни называли низшую единицу; ‘шир’, "гау", ‘пагус’ состоят из сотен”. — "Сравнительная политика", изд-во McMillan & Co., стр. 116.

[←341]

“Описательная этнология”, i, 80

[←342]

“Первобытный брак” Макленнана, стр. 109.

[←343]

Цитируется в “Первобытном браке”, стр. 101.

[←344]

“Письмо автору” преподобного Гопенатха Нанди, уроженца Бенгалии, Индия.

[←345]

“Ранняя история человечества”, стр. 282

[←346]

“Первобытная культура”, изд-во Holt & Co., ii, 235.

[←347]

“Описательная этнология”, i, 290.

[←348]

“Происхождение цивилизации”, 96.

[←349]

“Описательная этнология”, i, 475.

[←350]

“Бытие”, xiii, 2.

[←351]

“Бытие”, xxiii, 16.

[←352]

Ib., xviii, 6.

[←353]

Ib., xviii, 8.

[←354]

Ib., xxii, 6.

[←355]

Ib., xxiv, 53.

[←356]

Ib., xxiv, 65.

[←357]

Ib., xx, 12.

[←358]

“Бытие”, xi, 29.

[←359]

“Исход”, vi, 20.

[←360]

“Числа”, iii, 15-20.

[←361]

Ib., i, 22.

[←362]

Ib., iii, 30.

[←363]

Ib., ii, 2.

[←364]

Киль и Деличс в своих комментариях к книге Исход vi, 14, отмечают, что “дом отца был техническим термином, применявшимся к совокупности семей, названных по имени общего предка”. Это справедливое определение рода.

[←365]

“Я Самуил”, xx, 6, 29.

[←366]

“Числа”, i, 2.

[←367]

“Описание. Eth.”, ii, 184.

[←368]

“Земля Ашанго”, изд-во Appletons, стр. 425 и далее.

[←369]

“Путешествия по Южной Африке”, изд-во Appletons, ч. 30, стр. 660. — “Когда молодому человеку нравится девушка из другой деревни, и родители не возражают против брака, он обязан приехать и жить в их деревне. Он должен оказывать определенные услуги теще..... Если он устанет жить в этом состоянии вассалитета и пожелает вернуться в свою семью, он обязан оставить всех своих детей — они принадлежат его жене”. —Ib., стр. 667.

[←370]

“Путешествия по Южной Африке”, стр. 219.

[←371]

Ib., стр. 471.

[←372]

Ib., стр. 471.

[←373]

См. также “Раннюю историю человечества” Тейлора, стр. 284.

[←374]

“Системы кровного родства” и др., цит. по изданию, стр. 461, 482.

[←375]

“Вестник миссионера”, 1853, стр. 90.

[←376]

“Смитсоновский вклад в знания”, т. xvii.

[←377]

“Пандекты”, библиотека xxxviii, раздел x. De gradibus, et ad finibus et nominibus eorum: and “Institutes of Justinian.” lib. iii. раздел vi. De gradibus cognationem.

[←378]

Наш термин "тетя" происходит от "амита", а "дядя" - от "авункулус". "Авус", дедушка, дает "авункулус", добавляя уменьшительное. Следовательно, оно означает "маленький дедушка". Предполагается, что "Matterera" происходит от "матер" и "альтера", что соответствует другой матери.

[←379]

“История Америки” Эрреры, i, 216, 218, 348.

[←380]

"Ротуман" публикуется здесь впервые. Он был разработан преподобным Джоном Осборном, уэслианским миссионером в Ротуме, и приобретен и направлен автору преподобным Лоримером Фисоном из Сиднея, Австралия.

[←381]

а как в эле; как а в отце; как а в ате; я как я в нем; й как оо в еде,,,,,,,,,,,,,

[←382]

“Системы кровного родства”, цит. по изданию, стр. 445.

[←383]

Ib., стр. 525, 573.

[←384]

“Системы кровного родства” и др., см. Таблицу iii, стр. 542, 573.

[←385]

Среди кафиров Южной Африки жены сына брата моего отца, сына сестры моего отца, сына брата моей матери и сына сестры моей матери - все они похожи как на моих, так и на их жен, о чем свидетельствует их система кровного родства.

[←386]

“Человеческие расы”, изд-во Эпплтона, 1876, стр. 232.

[←387]

“Сандвичевы острова” Бингема, Хартфордское изд., 1847, стр. 21.

[←388]

Ib., стр. 23

[←389]

“Системы кровного родства” и др., стр. 415.

[←390]

Ib., стр. 432, где китайская система представлена полностью.

[←391]

“Тимей”, с. ii, пер. Дэвиса.

[←392]

“Происхождение человека”, ii, 360.

[←393]

Иппай и Капота женаты группой. Иппай порождает Мурри, а Мурри, в свою очередь, порождает Иппая; подобным образом Капота порождает Мату, а Мата, в свою очередь, порождает Капоту; так что внуки Иппая и Капоты сами являются Иппай и Капота, а также побочными братьями и сестрами; и как таковые рождаются мужьями и женами.

[←394]

“Исторический очерк миссий. и др. на Сандвичевых островах” и др., стр. 5.

[←395]

“Де Белл. Галл.”, ст. 14.

[←396]

Lib., i, с. 216.

[←397]

Lib., iv, с. 104.

[←398]

“История Америки” Эрреры, л. с., i, 216. Говоря о прибрежных племенах Бразилии, Эррера далее отмечает, что “они живут в бохио, или больших коттеджах с соломенными крышами, которых около восьми в каждой деревне, полных людей, с их гнездами или гамаками для лежания.... Они живут по-звериному, без всякого уважения к справедливости или приличиям”. —Ib., iv. 94. Гарсиласо де ла Вега дает столь же неблагоприятный отчет о брачных отношениях среди некоторых низших племен Перу”, — “Royal Com. Перу”, л. с., стр. 10 и 106.

[←399]

“Системы кровного родства и сродства человеческой семьи”, Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. xvii.

[←400]

Покойный преподобный А. Райт, много лет служивший миссионером среди сенека, написал автору в 1873 году по этому поводу следующее: “Что касается их семейной системы, при проживании в старых долгостроях, вероятно, преобладал какой-то один клан, однако женщины брали мужей из других кланов; и иногда, для новизны, некоторые из их сыновей приводили своих молодых жен, пока не чувствовали себя достаточно храбрыми, чтобы оставить своих матерей. Обычно женская половина управляла домом и, несомненно, была достаточно клановой по этому поводу. Запасы были общими, но горе тому незадачливому мужу или любовнику, которые были слишком неумелы, чтобы внести свою долю в обеспечение. Независимо от того, сколько у него детей или какие вещи есть в доме, ему в

любой момент могут приказать поднять свое одеяло и сдвинуться с места; и после таких приказов ему было бы вредно пытаться послушаться. В доме было бы слишком жарко для него; и, если бы не заступничество какой-нибудь тети или бабушки, он должен был бы вернуться в свой собственный клан; или, как это часто делалось, отправиться и заключить новый супружеский союз в каком-нибудь другом. Женщины были великой силой среди кланов, как и везде. Они без колебаний, когда требовал случай, 'сбивали рога', как это технически называлось, с головы вождя и отправляли его обратно в ряды воинов. Первоначальное назначение вождей также всегда оставалось за ними". Эти утверждения иллюстрируют гинекократию, обсуждаемую Бахофеном в "Дас Муттеррехт".

[←401]

"История Мексики", филологическое изд., 1817. Пер. Каллена, ii, 99.

[←402]

Ib., ii, 101

[←403]

"История Америки", л. с., iii, 217.

[←404]

"История Америки", iv, 171.

[←405]

Один из их вождей упомянул автору случай среди шиитов, когда двоюродные братья вступили в брак вопреки своим обычаям. За этот поступок не было никакого наказания; но их товарищи так постоянно высмеивали их, что они добровольно расстались, чтобы не сталкиваться с предубеждением.

[←406]

Железо выплавлялось из руды рядом африканских племен, включая готтентотов, насколько нам известно о них. После получения металла грубыми методами, приобретенными из иностранных источников, они преуспели в изготовлении грубых орудий труда и оружия.

[←407]

Предполагается азиатское происхождение американских аборигенов. Но это следует как следствие единства происхождения человечества — еще одно предположение, но к которому склоняются все факты антропологии. Существует масса свидетельств, подтверждающих оба вывода самого убедительного характера. Их появление в Америке не могло быть результатом преднамеренной миграции; но, должно быть, произошло из-за морских происшествий и великих океанских течений из Азии к северо-западному побережью.

[←408]

Famuli origo ab Oscis dependet, apud quo servus Famul nominabuntur, unde "familia" vocata.— "Festus," p. 87.

[←409]

Amico familiam suam, id est patrimonium suum mancipio dabat. Гай "Инст.", ii, 102.

[←410]

"История Рима", л. к., 1, 95.

[←411]

Item in potestate nostra sunt liberi nostri, quos iustis nuptiis procreauimus, quod jus proprium ciuium Romanorum est: fere enim nulli alii sunt homines, qui talem in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus.— “Inst.”, 1, 55. Среди прочего, они обладали властью над жизнью и смертью —*jus vitæ necisque*.

[←412]

“Германия”, с. 18.

[←413]

Ib., с. 19.

[←414]

“Илиада”, ix, 128.

[←415]

“Илиада”, ix, 663.

[←416]

Следующее краткое изложение, взятое из “Харикла” (“Экскурс”, xii, изд. Лонгмана, пер. Меткалфа), содержит существенные факты, иллюстрирующие предмет. Высказав мнение, что женщины Гомера занимали более почетное положение в домашнем хозяйстве, чем женщины исторического периода, он делает следующие заявления относительно положения женщин, особенно в Афинах и Спарте, в период расцвета греческой культуры. Он отмечает, что только высокий профессионализм которого женщина думала, что способна, но мало отличался от раба (стр. 464): что ее полнейшее за независимость привело к тому, что она несовершеннолетняя всю жизнь; что нет ни учебных заведений для девочек, ни каких частных преподавателей у себя дома, вся их эксплуатации остаются с матерями, и медсестрам, и общества в прядильно-ткацкая и другим женским занятиям (п. 465); что они были почти полностью лишены, что наиболее существенным промоутер женский культуре, обществе другого пола; незнакомцами, а также их ближайших родственников, будучи полностью исключены, даже их отцы и мужья их видели, но мало, мужчин, больше за границей, чем дома, а когда дома, населяющих их собственные квартиры; что *gynæconitis*, хотя и не совсем тюрьма, ни запертом гареме, был все-таки ограничен обитель, отведенное для жизни женщины часть домашних хозяйств; что было особенно характерно для девушек, которые жили в величайшем уединении до вступления в брак, а, так сказать, под замком и ключом (стр. 465); что это было неподобающим для молодой жене покидать дом мужа без знания, и в действительности она редко покидала его; она была так ограничен в обществе ее рабыни; и ее муж, если он решил осуществить это, пришлось силой держать ее в заключении (п. 466), что во время этих праздников, из которой мужчины были исключены, женщины имели возможность увидеть что-то друг о друге, которыми они пользовались тем более от своего обычного уединения; что женщины с трудом выходят из своих домов из этих специальных ограничений; что ни одна уважающая себя леди и в голову не пришло без посещаемость рабыню, назначенных ему для этой цели мужа (п. 469); что этот метод лечения был эффект тонирования девушки чрезмерно застенчивым, и даже чопорные, и что даже замужняя женщина отпрянула и покраснела, если бы ей случилось быть видно в окно, человек (стр. 471); что брак со ссылкой на рождение детей считалось у греков необходимостью, исполняется их долг перед богам, государству и к своим предкам; то, что до очень позднего периода, по крайней мере, не выше, рассмотрение добавленные в браке, не было сильной привязанности, часто становится причиной брака (п. 473); что бы ни привязанности существовали вскочил из почвы чувственности, и никто иной, чувственной

любви было признано, что между мужем и женой (стр. 473); что на Афины, и, возможно, в других греческих государствах, поколение детей считали главным концом брака, выборе невесты редко в зависимости от предыдущей, или, по крайней мере интимное знакомство, и больше внимания было уделено позиции девицы семьи, и сумма ее приданого, чем к ее личным качествам; что такие браки были неблагоприятными для существования настоящей любви, а потому холодность, безразличие, недовольство и часто преобладали (Р. 477); что муж и жена принимали пищу совместно, если нет других мужчин ужинали с хозяином дома, нет женщины, которая не хотела бы быть учтены куртизанки, думаю, даже в ее собственном доме, участия в симпозиумах мужчин, или присутствовать, когда ее муж случайно принес домой на ужин друга (п. 490); что провинции жена управления всю семью, и воспитывать детей—мальчиков, пока они были помещены под руководством мастера, для девочек, пока их брак, а неверность жены судили максимально жестко; и хотя можно предположить, что женщина, с ее строгим уединении, был вообще исключен из нарушая, они очень часто встречаются средства, обманывая своих мужей; что закон возложил обязанность воздержания в очень неравных образом, в то время как муж требует от жены строжайшая верность, и посетил с тяжестью любое нарушение с ее стороны, он позволял себе заниматься сексом с *hetærae*, которые ведут хотя точно не утверждены, не встретиться с кем-нибудь отмечен порицания, и гораздо меньше было признано любое нарушение супружеских прав. (стр. 494)

[←417]

“Vit. Рим.,” с. 20.

[←418]

Квинтилиан

[←419]

Что касается супружеской верности римских женщин, Беккер замечает, “что в прежние времена эксцессы с обеих сторон случались редко”, что следует рассматривать как простое предположение; но “когда мораль начала ухудшаться, мы впервые столкнулись с большими отклонениями от этой верности, и мужчины и женщины превзошли друг друга в распутстве. Первоначальная скромность женщин постепенно становилась все более редкой, в то время как роскошь и экстравагантность становились все сильнее, и о многих женщинах можно было сказать, как жаловался Клитифон на свою Вакхиду (Тер., “*Heaut.*”, ii, 1, 15), “*Mea est petax, proca, magnifica, sumptuosa, nobilis*”. Многие римские дамы, чтобы компенсировать пренебрежение своих мужей, заводили собственного любовника, который под видом прокуратора дамы постоянно сопровождал ее. Как естественное следствие этого, среди мужчин постоянно росло безбрачие, и в отношении разводов царил величайшее легкомыслие”. Галлус, “Экскурс”, i, стр. 155, изд. Лонгмана, пер. Меткалфа.

[←420]

“Системы кровного родства”, Таблица I. стр. 79.

[←421]

“Системы кровного родства” и др., стр. 40.

[←422]

“Пандекты”, lib. xxviii, тит. x. и “Институты” Юстиниана, lib. iii, тит. vi.

[←423]

Item fratres patruales, sorores patruales, id est qui quæ-ve ex duobus fratribus progenerantur; item consobrini consobrinæ, id est qui quæ-ve ex duobus sororibus nascuntur (quasi consorini); item amitini amitinæ, id est qui quæ-ve ex fratre ex sorore propagantur; sed fere vulgos istos omnes communi appellatione consobrinus vocat.—“Pand.,” lib. xxxviii, tit, x.

[←424]

Это пересмотр последовательности, представленной в “Системах кровного родства” и т. Д., стр. 480.

[←425]

Книга iv, с. 180.

[←426]

Garamantes matrimonium exsortes passim cum femines degunt.—“Нат. История”, lib. v. с. 8.

[←427]

Библиотека iv. с. 5, параграф 4.

[←428]

Lib. xvi, с. 4. par. 25.

[←429]

Однако “Таблицы” являются “основными результатами” этого исследования. По своей важности и ценности они выходят за рамки любого нынешнего использования их содержания, на которое автор может быть в состоянии указать”. — “Системы кровного родства” и т. Д., Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. xvii, стр. 8.

[←430]

“Описательная этнология”, Лондонское изд., 1859, i, 475.

[←431]

Ib., i, 80.

[←432]

“Лига ирокезов”, стр. 364.

[←433]

Например, оджибва использовали копье, She-mă’-ружье, заостренное кремнем или костью.

[←434]

Крики делали глиняные сосуды вместимостью от двух до десяти галлонов (“История американских индейцев” Адера, стр. 424); а ирокезы украшали свои кувшины и трубки миниатюрными человеческими лицами, прикрепленными в виде пуговиц. Это открытие было недавно сделано мистером Ф. А. Кушингом из Смитсоновского института.

[←435]

Эррера, Л. с., iv, 16.

[←436]

Ib., iii, 13; iv, 16, 137. Клавиджеро, ii, 165.

[←437]

Клавиджеро, ii, 238. Эррера, ii, 145; iv, 133.

[←438]

“Сборник путешествий” Хаклюта, л. с., iii, 377.

[←439]

Преподобный Сэмюэл Горман, миссионер среди индейцев Лагуна Пуэбло, отмечает в обращении к Историческому обществу Нью-Мексико (стр. 12), что “право собственности принадлежит женской части семьи и передается по этой линии от матери к дочери. Их земля находится в общем владении, как собственность общины, но после того, как человек много обработает, у него появляются личные права на нее, “которые он может продать одному из членов общины”. ... Их женщины, как правило, распоряжаются зернохранилищем, и они более предусмотрительны в отношении будущего, чем их испанские соседи. Обычно они стараются иметь под рукой годовой запас провизии. Только когда два года дефицита сменяют друг друга, пуэбло, как Община, страдают от голода”.

[←440]

Плутарх в “Солоне”, ок. xv.

[←441]

“Илиада”, v, 90.

[←442]

Ib., ix, 577.

[←443]

Ib., xiv, 121.

[←444]

Ib., v, 265.

[←445]

Ib., iv, 433, пер. Бакли.

[←446]

Ib., vii, 472, пер. Бакли.

[←447]

“Илиада”, xii, 274.

[←448]

Германские племена, когда они были впервые известны исторически, находились на Высшей ступени варварства. Они использовали железо, но в ограниченных количествах, владели стадами крупного рогатого скота, выращивали злаки и производили грубые ткани из льна и шерсти; но тогда они еще не постигли идею индивидуальной собственности на землю. Согласно отчету Цезаря, цитируемому в другом месте, пахотные земли ежегодно распределялись вождями, в то время как пастбища находились в общем владении. Таким образом, может показаться, что идея индивидуальной собственности на земли была неизвестна в Азии и Европе в Средний период варварства, но возникла в более Поздний период.

[←449]

“Бытие”, xxiii, 13.

[←450]

“Числа”, xxxvi, 4.

[←451]

“Числа”, xxxvi, 5-9.

[←452]

Ib., xxxvi, 11

[←453]

“Числа”, xxvii, 8-11

[←454]

“Древний город”, изд. Ли и Шепарда, пер. Смолла, стр. 99.

[←455]

“Демосфен против Эвбула”, 41.

[←456]

Плутарх, “Жизнь Солона”, с. 21.

[←457]

Ливий, iii, 54, 57.

[←458]

Гай, “Начало”, iii, 1, 9, 17.